

С 69 **Социальные и гуманитарные науки в современном транзитивном обществе: теоретические и практические исследования** / Сборник научных статей по материалам Всероссийской научно-практической конференции, посвященной 30-летию образования факультета государственного и муниципального управления в системе РАНХиГС, 24 ноября 2022 г., Волгоград / Отв. ред. И. В. Терелянская, В. В. Задорин, Т. Б. Иванова, Ф. Н. Нагой, И. И. Скачкова. – Волгоград: Издво Волгоградского института управления – филиала РАНХиГС, 2023. – Систем. требования: Процессор Intel® или AMD с частотой не менее 1.5 ГГц; Операционная система семейства Microsoft Windows или macOS; Оперативная память 2 ГБ оперативной памяти; Adobe Reader 6.0. – Загл. с экрана. – 428 с.

В сборнике представлены материалы Всероссийской научно-практической конференции «Социальные и гуманитарные науки в современном транзитивном обществе: теоретические и практические исследования», посвященной 30-летию образования факультета государственного и муниципального управления в системе РАНХиГС, прошедшей 24 ноября 2022 г. в Волгоградском институте управления – филиале РАНХиГС. В сборнике нашли свое отражение доклады студентов, магистрантов, аспирантов, преподавателей и научных сотрудников ВУЗов Российской Федерации по вопросам государственной и муниципальной службы, организации труда и управления персоналом, политологии, регионоведения, национальной безопасности, лингвистики, социологии, философии и психологии. Материалы сборника адресованы широкому кругу специалистов, интересующихся современными теоретическими и практическими исследованиями в области социальных и гуманитарных наук, и могут быть применены при выполнении научно-исследовательских работ, а также в преподавании соответствующих дисциплин.

*Авторы опубликованных материалов несут ответственность за интерпретацию и изложение результатов научно-исследовательских работ, подбор и точность приведенных статистических данных, фактов, цитат, подлежащих открытой публикации.
Статьи печатаются в авторской редакции*

При перепечатке материалов издания ссылка на сборник статей обязательна.

СОДЕРЖАНИЕ

Секция 1 УПРАВЛЕНИЕ СОЦИАЛЬНЫМИ СИСТЕМАМИ В ТРАНЗИТИВНОМ МИРЕ

<i>Архипова А. В.</i> Использование SWOT-анализа инвестирования в человеческий капитал в процессе управления человеческими ресурсами в организации.....	10
<i>Башева О. А., Ермолаева П. О.</i> Тренды цифровой трансформации добровольческого сектора.....	15
<i>Болдина М. Ю.</i> Социальное государство vs сервисное государство: реалии и перспективы.....	20
<i>Ворвуль М. П.</i> Актуальные подходы к определению понятия и содержания психолого-педагогического сопровождения.....	23
<i>Данакари Р. А.</i> Современность, транзитивное общество и «постнормальная наука»: социально-философский дискурс.....	27
<i>Джрагацпанян С. К.</i> Лояльность персонала и его вовлеченность в деятельность организации: соотношение понятий и их особенности.....	34
<i>Дока Н. В.</i> Образовательная среда как условие развития социальной зрелости курсантов.....	40
<i>Дроздова Ю. А.</i> Социальный капитал горожан и сельских жителей: новые возможности и ограничения в условиях транзитивности.....	43
<i>Задорин В. В., Кленин И. С.</i> О транзитивных и нетранзитивных отношениях в логике.....	49
<i>Кобзева Е. В., Третьяк В. В.</i> Логистический подход в управлении персоналом.....	52
<i>Иванова Т. Б.</i> База данных платформ гиг-экономики: основные индикаторы и их трансформация.....	56
<i>Лагутин С. Г.</i> К вопросу конфликта интересов на государственной службе: причины и способы разрешения.....	60
<i>Пономарченко А. Е.</i> Охрана труда в условиях развития гиг-экономики.....	64
<i>Торгашин Д. А.</i> Социально-психологические факторы кризиса профессиональной карьеры.....	68
<i>Чеснокова Е. Н.</i> Оценка результативности адаптации молодых специалистов на предприятии.....	73
<i>Чеснокова Н. Н.</i> Методики оценки стресс-менеджмента в коммерческой организации.....	77

Секция 2

**ГУМАНИСТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ РАЗВИТИЯ
МЕНЯЮЩЕГОСЯ ОБЩЕСТВА**

<i>Абрамова В. А., Чуб М. В.</i> Ликвидность как элемент анализа финансового состояния в рамках экономической безопасности предприятия.....	82
<i>Бгатова Н. А.</i> Особенности банковской системы на современном этапе развития	88
<i>Биткина И. К., Зеленский А. Г.</i> Анализ возможностей применения цифровой системы образования в условиях нового технологического уклада.....	92
<i>Булычев П. П., Грибов М. А.</i> Исторический и правовой аспект мобилизации	101
<i>Геращенко И. Г.</i> Философская концепция замкнутого торгового государства И. Г. Фихте	106
<i>Гордиенко Е. А.</i> Безопасность регионального развития: национальные проекты и социальная политика.....	112
<i>Горячев И. А., Чуб М. В.</i> Внедрение современных форм контроля в управленческий учет как инструмент обеспечения национальной безопасности России.....	116
<i>Гуляева Е. В., Денисенко М. В., Никитина И. С.</i> Англomanия в современном русском языке: лингвоэкологический аспект	122
<i>Дубинина И. И.</i> Манипулятивные речевые акты как вид семантического шума в организационной коммуникации	128
<i>Зеленский А. Г.</i> Концептуальные подходы к понятию «финансовый механизм» и его роли в финансовой системе	133
<i>Кирсанов В. О.</i> Характер современного политического конфликта «Россия – Запад»	138
<i>Коростелева М. В., Коростелева Н. В.</i> Муниципальный экологический контроль в системе обеспечения национальной безопасности Российской Федерации	143
<i>Косенко С. А.</i> К вопросу о необходимости правового регулирования правоохранительной деятельности	148
<i>Курочкина Ю. Ю.</i> К вопросу об этапах развития современной российской банковской системы	152
<i>Малявина С. С.</i> Образование в условиях транзитивного мира	158
<i>Медникова Е. С., Толстикова А. А., Люсова О. В.</i> Феномен созависимости с позиций когнитивно-поведенческого и экзистенциально-гуманистического подходов в психотерапии.....	162

Содержание

<i>Мелихова К. Ю., Забродина Т. И.</i> Особенности самоотношения личности и психологическое благополучие в юношеском возрасте	168
<i>Нагой Ф. Н.</i> Проблема ценностной актуализации смысла в художественном и философском поиске	174
<i>Некрасова И. Н.</i> Электоральное воспитание в неклассическом электоральном процессе	178
<i>Опалев М. Н.</i> Борьба за господство в воздухе в сражении за Сталинград – проблемы организации боевых действий	184
<i>Панин А. А., Шевченко К. Е.</i> История возникновения соледобывающей промышленности в Волгоградском регионе	191
<i>Поломошнов А. Ф., Некрасова И. Н.</i> Электоральные технологии как средство электорального воспитания.....	196
<i>Полтавская М. Б.</i> Идеальная семья в представлении молодежи Волгоградской области	201
<i>Прохорова В. А.</i> Формирование доступной среды как приоритетное направление социальной политики	206
<i>Рыкова А. Н.</i> Роль банков с государственным участием в обеспечении экономической и национальной безопасности страны.....	212
<i>Семиколеннова Ю. А.</i> Основные инструменты реализации внутренней социальной политики в волгоградских бизнес-организациях: оценка состояния и перспективы	216
<i>Симонова С. С.</i> Проблемы обеспечения прав несовершеннолетних потерпевших (на примере преступлений против жизни и здоровья).....	221
<i>Скачкова А. А., Скачкова И. И.</i> Направления повышения доходной части бюджета Волгоградской области	225
<i>Скачкова И. И., Скачкова А. А., Марянина Л. А.</i> Отношение к русскому языку на территории бывших советских республик.....	231
<i>Тедеева Р. О., Компанеева Л. Г.</i> Проблема эффективности изучения иностранного языка в процессе подготовки профессиональных кадров.....	234
<i>Шатилов В. В.</i> Арт-рынок как форма реализации диалога культур.....	239
<i>Юдина А. А., Люсова О. В.</i> Посттравматическое стрессовое расстройство и особенности его проявлений у свидетелей военных конфликтов	245

Секция 3
ПСИХОЛОГИЯ В XXI СТОЛЕТИИ: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ
И ПРАКТИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

<i>Андросова М. А.</i> Особенности интернет-аддикции младших школьников и их родителей.....	251
<i>Антоненко С. Н., Овчарова Е. В.</i> Особенности смысложизненных ориентаций подростков, склонных к суицидальному поведению в современных реалиях.....	256
<i>Багно К. А.</i> Основные ценности современной молодежи.....	263
<i>Бадаквa Д. А., Медведева М. Ю.</i> Особенности эмоционального интеллекта студентов гуманитарного направления подготовки.....	268
<i>Горбатова В. В.</i> Психологические причины появления страха одиночества.....	275
<i>Забродина Т. И.</i> Особенности развития творческого потенциала личности в процессе совместной деятельности.....	279
<i>Максимчук Н. В., Терелянская И. В.</i> Психологический анализ профессионального «Я-образа» правителей государств XVIII–XXI веков: гендерный аспект.....	285
<i>Малявина С. С.</i> Транзитивность современного мира: психологический ракурс исследования.....	291
<i>Орехво А. В.</i> Взаимосвязь типичных эмоциональных состояний со стратегиями саморегуляции личности.....	295
<i>Орлова Ю. Е.</i> Тип привязанности к родителям как фактор формирования интимно-личностных отношений в юношеском возрасте. Результаты эмпирического исследования.....	301
<i>Пекельман А. И.</i> Личностные и ситуационные детерминанты альтруизма православной и атеистической молодежи.....	304
<i>Порываева В. Д., Чуренова Д. З., Люсова О. В.</i> Подходы к пониманию психологической травмы в современной психологии.....	311
<i>Репина Л. М., Фадеева О. В.</i> Исследование интернет-зависимости студентов.....	320
<i>Рязанова Э. М.</i> Взаимосвязь самооценки личности и пережитого в прошлом опыта насилия в семье.....	325
<i>Савченко С. Н., Чернов А. Ю.</i> Религиозная конверсия как причина возникновения онкологических заболеваний: теоретический анализ проблемы.....	329

Содержание

Салахиева А. Р. Образ брачного партнера и особенности детско-родительских отношений в позднем юношеском возрасте	334
Сальникова Т. А. Личностные особенности и детерминанты расстройства пищевого поведения юношей и девушек	339
Сафарян Г. К. Влияние эмоционального интеллекта на уровень личностной тревожности у студентов.....	344
Свинина Е. С. Актуальные подходы к исследованию эмоционального интеллекта	348
Смирнова А. В. Специфика восприятия людей нетрадиционной сексуальной ориентации современной студенческой молодежью	352
Терелянская Е. В., Строева Е. А., Яганова М. Ю. Исследование профессиональных предпочтений молодежи, имеющей инвалидность, в условиях центра социальной и трудовой реабилитации молодых людей с особыми возможностями здоровья «Теплый дом»	357
Терелянская И. В. Психологическая совместимость супругов как фактор удовлетворенности браком.....	362
Ушакова А. А., Овчарова Е. В. Взаимосвязь образа матери и психологической готовности к материнству	368
Фисенко М. Д. Эмоциональный интеллект как ключевая компетенция руководителя	374
Фисенко М. Д., Черникова Т. В. Эмоциональный интеллект и социально-психологические характеристики профессиональной деятельности студентов-выпускников управленческих специальностей	379
Фролова Е. С. Взаимосвязь мотивации достижения и смысловой сферы личности на этапе ранней взрослости	385
Харамецкая Л. Д. Феномен газлайтинга в психологическом контексте	390
Цанова А. А. Гендерные особенности интернет-аддикции студенческой молодежи.....	393
Черемисова И. В. Развитие творческих способностей как основа технологии психопрофилактики этнополитического экстремизма современной молодежи.....	399
Черникова Т. В. Научно-теоретические контексты исследования проблем социокультурной адаптации иностранных студентов.....	403
Шалыгина А. Р. Психологические особенности лиц с алкогольной зависимостью	409

Шапошникова М. А. Специфика эмоционального выгорания у сотрудников психоневрологического диспансера	414
Юферева Е. С. Объектные отношения и типы привязанности к матери: диагностико-консультационные возможности	420
Яровая Д. Г. Социально-психологические характеристики подростков и выбор стратегий поведения в конфликтной ситуации	424

Секция 1

УПРАВЛЕНИЕ СОЦИАЛЬНЫМИ СИСТЕМАМИ В ТРАНЗИТИВНОМ МИРЕ

УДК 331
ББК 65.054

Архипова Анастасия Витальевна
преподаватель кафедры информационных систем и
математического моделирования,
Волгоградский институт управления –
филиал РАНХиГС при Президенте РФ,
Волгоград, Россия

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ SWOT-АНАЛИЗА ИНВЕСТИРОВАНИЯ В ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ КАПИТАЛ В ПРОЦЕССЕ УПРАВЛЕНИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСКИМИ РЕСУРСАМИ В ОРГАНИЗАЦИИ

Аннотация. Автором рассмотрено понятие человеческого капитала. В статье исследована проблема управления человеческими ресурсами. Цель данной работы: изучение возможности использования SWOT-анализа в качестве инструмента, используемого в процессе управления человеческим капиталом в организации. Проведенный SWOT-анализ позволил выявить основные аспекты, связанные с инвестированием в человеческие ресурсы как со стороны индивида, так и с точки зрения руководства организации. Проанализированный в данной статье процесс инвестирования в человеческий капитал позволил выявить слабые и сильные стороны этого процесса с позиции предприятия, а также с позиции отдельного работника.

Ключевые слова: человеческие ресурсы, человеческий капитал, управление персоналом, SWOT-анализ, инвестирование в человеческий капитал.

Arkhipova Anastasia Vitalievna
Lecturer at the Department of Information Systems and
mathematical modeling,
Volgograd Institute of Management –
branch of the RANEPA under the President of the Russian Federation,
Volgograd, Russia

USING THE SWOT ANALYSIS OF INVESTING INTO HUMAN CAPITAL IN THE PROCESS OF HUMAN RESOURCE MANAGEMENT IN THE ORGANIZATION

Abstract. The author considers the concept of human capital. The article explores the problem of human resource management. The purpose of this work: to study the possibility of using SWOT analysis as a tool used in the process of managing human capital in an organization. The conducted SWOT-analysis revealed the main aspects related to investing in human resources both from the individual and from the point of view of the organization's management. The process of investing in human capital analyzed in this article made it possible to identify the strengths and weaknesses of this process from the perspective of the enterprise, as well as from the perspective of an individual employee.

Keywords: human resources, human capital, personnel management, SWOT-analysis, investment in human capital.

В настоящее время большинство фирм, конкурирующих на рынке, имеют приблизительно одинаковое техническое оснащение, а основным различием в ресурсах являются пер-

сонал и сложившаяся система управления сотрудниками организации. Поэтому компании необходимо и важно постоянно совершенствовать систему стратегического управления человеческим капиталом для достижения максимальных конкурентных преимуществ.

Теоретическая, а также практическая значимость работы определена тем, что проведенный анализ управления и развития человеческого капитала в современных условиях позволяет выявить основные закономерности и ключевые пути совершенствования управления человеческим капиталом для повышения конкурентоспособности отдельной организации и экономики Российской Федерации в целом.

Современная теория управления человеческим капиталом предполагает два вида определения понятия «человеческий капитал» и рассматривает его в двух смыслах – узком и широком [1, 4, 5]. В более *узком смысле* формой человеческого капитала считают образование. В *широком смысле* это понятие включает инвестиции в человека, расходуемые на профессиональную подготовку работников на производстве, затраты, идущие на повышение квалификации сотрудников, расходы в образование и охрану здоровья работников, миграцию рабочей силы, а также затраты на поиск информации о возможных доходах и ценах, сложившихся на рынке труда.

Для определения эффективности вложений в человеческие ресурсы мы используем SWOT-анализ, как метод стратегического планирования, применяемый для оценки внешних и внутренних факторов, влияющих на развитие предприятия [3].

Ниже представлены таблицы SWOT-анализа процесса инвестирования в человеческий капитал с точки зрения отдельного индивида, а также с точки зрения предприятия. На рис. 1 представлен SWOT-анализ инвестиций в человеческий капитал для организации, фирмы. В современном мире конкурентоспособность предприятий в значительной степени определяется их способностями к выпуску и производству инновационной продукции, что по мнению автора, является невыполнимым без развитого человеческого капитала.

На рис. 2 автором приведены социально-экономические аспекты инвестирования в человеческие ресурсы с точки зрения индивида.

Зависимость от появления новых знаний, выступающих источниками инноваций, является одной из главных характеристик экономического развития общества в современном мире.

Накопление человеческого капитала и развитие образования тесно связаны с процессами появления новых и передачи уже существующих знаний. Важно указать на тот факт, который заключается в том, что вложения в человеческие ресурсы являются благом длительного пользования, так как период инвестирования в повышение уровня образования составляет, в среднем, 10-20 лет. В то же время ресурсы человеческого здоровья требуют постоянных

В то же время, к слабым сторонам осуществления инвестиций в человеческие ресурсы следует отнести существенные расходы на обучение во время получения образования, на усовершенствование навыков и умений, а также на поддержание состояния здоровья. Возможным вариантом решения данной проблемы является проведение следующих мероприятий и программ: разработка системы долгосрочного кредитования; предоставление новых способов и путей финансирования высших, профессиональных и средних образовательных учреждений; разработка государственных программ, нацеленных на создание бюджетных мест в высших учебных заведениях для абитуриентов из семей с низким уровнем доходов.

Существуют так же угрозы процессу инвестирования в человеческий капитал, такие как последствия оппортунистического поведения учреждений здравоохранения и образования, выражающийся в моральном риске, который возникает при заключении договора. В это время одна из сторон полагается на добросовестность другой, не имея возможности получить качественную информацию, т.к. для этого требуются большие издержки или это оказывается по каким-то причинам невозможным.

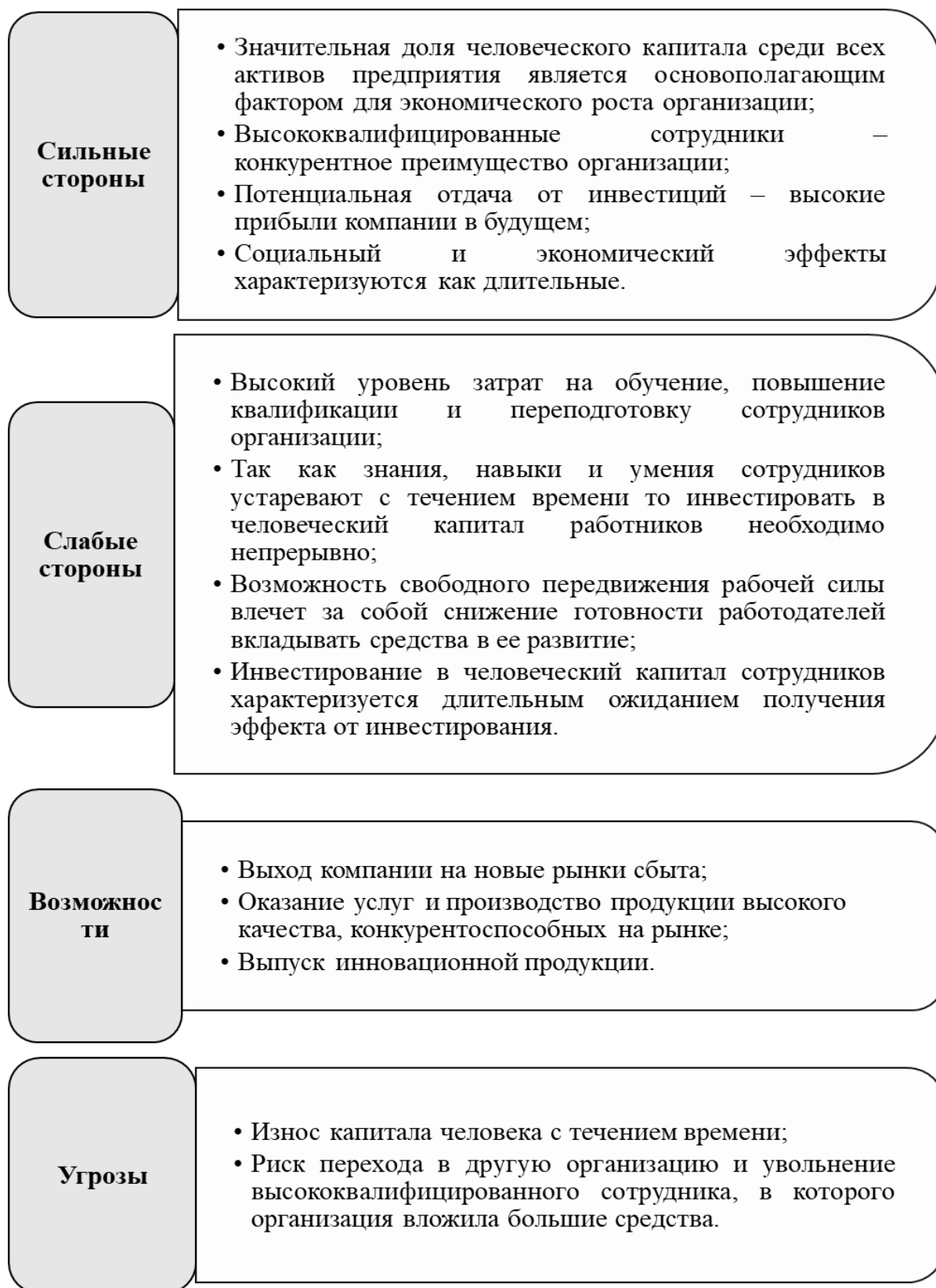

Рис. 1. SWOT-анализ инвестирования в человеческий капитал для предприятия (разработано автором)

Рис. 2. SWOT-анализ инвестирования в человеческий капитал для индивида
(разработано автором)

Помимо этого, угрозами процесса инвестирования в человеческий капитал со стороны индивида является подверженность человеческого капитала физическому и моральному износу с течением времени. Так, под физическим износом подразумевается естественное старение организма человека. С целью снижения амортизации человеческого капитала, а также увеличения трудоспособного возраста работника осуществляются инвестиции в человеческие ресурсы. Износ моральный заключается в устаревании знаний, умений и навыков индивида в процессе его жизнедеятельности. Так, тот факт, что в настоящее время обновление знаний происходит за пять и менее лет, было доказано эмпирически. При этом, обесценивается и запас знаний, опыт отдельно взятого человека. [2, с. 77].

Итак, в данной статье исследована проблема управления человеческими ресурсами. Цель данной работы: изучение возможности использования SWOT- анализа в качестве инструмента, используемого в процессе управления человеческим капиталом в организации. Проведенный SWOT-анализ позволил выявить основные аспекты, связанные с инвестированием в человеческие ресурсы как со стороны индивида, так и с точки зрения руководства организации. Проанализированный в данной статье процесс инвестирования в человеческий капитал позволил выявить слабые и сильные стороны этого процесса с позиции предприятия, а также с позиции отдельного работника.

Список литературы

1. Абалкин, Л. И. Экономическая энциклопедия [Текст] / Л. И. Абалкин. М. : Экономика, 1999. 1055 с.
2. Арсланов, Ш. Д. К вопросу оценки эффективности инвестиций в человеческий капитал [Текст] / Ш. Д. Арсланов // Вопросы структуризации экономики. 2012. № 3. С. 76–78.
3. Майсак, О. С. SWOT-анализ: объект, факторы, стратегии. Проблема поиска связей между факторами [Текст] / О. С. Майсак // Прикаспийский журнал: управление и высокие технологии. 2013. № 1 (21). С. 151-157.
4. Маркс, К. Капитал. Т. 1 [Текст] / К. Маркс // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. Т. 23. М. : Государственное издательство политической литературы, 1960. 788 с.
5. Фишер, С., Дорнбуш, Р., Шмалензи, Р. Экономика [Текст] / С. Фишер, Р. Дорнбуш, Р. Шмалензи. М. : Дело, 2002. 829 с.

УДК 316.4
ББК 60.561.7

Башева Ольга Александровна
кандидат социологических наук,
старший научный сотрудник Отдела теоретического анализа
социальных трансформаций,
Институт социологии ФНИСЦ РАН,
Москва, Россия

Ермолаева Полина Олеговна
кандидат социологических наук, научный сотрудник,
Институт социологии ФНИСЦ РАН,
Москва, Россия,
доцент кафедры социологии,
Казанский приволжский федеральный университет,
Казань, Россия

ТРЕНДЫ ЦИФРОВОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ ДОБРОВОЛЬЧЕСКОГО СЕКТОРА¹

Аннотация. В статье на результатах обзора литературы и выводах проекта «Волонтерство в чрезвычайных ситуациях как ответ на природные и техногенные вызовы в России» раскрыты основные тренды развития добровольчества в условиях всеобщей цифровизации: в частности, ускорение и расширение мобилизации волонтеров для реагирования на чрезвычайные ситуации, упрощение логистических процессов и цепочек поставок, появление потребности в развитии специальных навыков у волонтеров и в цифровых добровольцах в целом. Также перечислены основные роли цифровых волонтеров и барьеры цифрового добровольчества.

Ключевые слова: волонтерство, основанное на навыках, некоммерческие организации, социальный капитал, цифровое волонтерство, цифровые технологии.

Basheva Olga Alexandrovna
candidate of sociological sciences,
Senior Research Fellow, Department of Theoretical Analysis
of Social Transformations,
Institute of Sociology FNISTS RAS,
Moscow, Russia

Ermolaeva Polina Olegovna
Candidate of sociological sciences, Researcher
Institute of Sociology FNISTS RAS,
Moscow, Russia,
Associate Professor, Department of Sociology,
Kazan Volga Federal University,
Kazan, Russia

DIGITAL TRANSFORMATION TRENDS IN THE VOLUNTARY SECTOR

Abstract. Based on the results of a literature review and the conclusions of the project “Emergency volunteering as a reply to the natural and technological challenges in Russia”, the article reveals the main trends in the development of volunteering in the context of universal digitalization: in particu-

¹ Статья подготовлена при поддержке гранта РНФ № 19-78-10052-П, проект «Волонтерство в чрезвычайных ситуациях как ответ на природные и техногенные вызовы в России».

lar, accelerating and expanding the mobilization of volunteers to respond to emergencies, simplifying logistics processes and supply chains, the emergence of a need for the development of volunteers' special skills and the need in digital volunteers in general. The main roles of digital volunteers and barriers to digital volunteering are also listed.

Keywords: skills-based volunteering, non-profit organizations, social capital, digital volunteering, digital technologies.

Введение. Сегодня уже нет сомнений в том, что технологии поменяли способы человеческого труда и коммуникаций, но еще недостаточно проанализированы векторы изменений, продиктованные процессами технологизации, внутри некоммерческого сектора.

Очевидно, что в странах развитого мира, большинство некоммерческих организаций, включая добровольческие, используют цифровые технологии – как минимум, электронную почту и возможности социальных медиа. Проникновение интернета в мире на начало 2022 г. составляло 62,5 %, а доля пользователей социальных медиа – 58,4 % [1]. В развитых странах доля охваченных интернетом составляет 80+ %, а основная доля траффика веб-сайтов приходит через смартфоны/мобильные телефоны.

Мировой тренд развития третьего сектора состоит в технологизации процессов коммуникации и логистики. Технологии видятся добровольцам и общественникам ключевым фактором успеха деятельности их организаций. Такого мнения в 2019 году придерживались 85 % респондентов, принявших участие в опросе о технологических трендах в некоммерческом секторе развитых стран Запада (США, Канада, Великобритания, Германия, Франция, Нидерланды) [2]. При этом существует мнение, что так называемый третий сектор на 10 лет отстает от бизнес-сектора в области технологических трансформаций из-за недооценки важности технологий, а также нехватки IT-специалистов в этой области и финансирования [3]. И, тем не менее, с каждым годом мы наблюдаем все больше специализированных платформ и технологических решений, которые применяют добровольческие организации во всем мире, и в России в том числе [4].

В статье на результатах обзора литературы и выводах проекта ««Волонтерство в чрезвычайных ситуациях как ответ на природные и техногенные вызовы в России» [см., например, 5] раскрыты основные тренды развития волонтерского действия в условиях всеобщей цифровизации.

Новые репертуары волонтерских практик. В первую очередь, в литературе представлены формы технологий, которые ускоряют и расширяют мобилизацию волонтеров для реагирования на чрезвычайные ситуации, а также упрощают административные процессы, что позволяет сотрудникам НКО сконцентрироваться на своей миссии, а также упрощают логистические операции и процессы.

Цифровые технологии открыли новые репертуары волонтерских практик. Например, ускорение процессов коммуникации связаны со скоростью мобилизации добровольцев, что позволяет быстро удовлетворить потребность в помощи. Ведь отправка электронного письма, уведомления в приложении или публикация поста в социальной сети совершаются в считанные минуты. Также технология может проникнуть туда, куда не может проникнуть человек. Например, многие спасательные организации, особенно те, кто работает совместно с официальными чрезвычайными службами, используют дроны для картирования зон поражения. Раньше для этого же использовались бы вертолеты или самолеты, что тратило гораздо больше ресурсов и в то же время не позволяло оперативно отслеживать изменения на больших территориях. Дроны же позволяют получать информацию в режиме реального времени, что способствует адекватному планированию оказания помощи.

Технологии позволяют организациям работать более слажено, что снижает вероятность дублирования усилий и увеличивает общую эффективность. Например, веб-сайт Crisis-Clean-Up (crisiscleanup.org), нацеленный на то, чтобы помочь волонтерам помогать большему количеству людей после катастроф. По сути это совместная платформа управления (менеджмента) задачами в ситуации кризиса/ЧС, когда большое количество организаций, у которых множество волонтеров, помогают множеству пострадавших на большой территории в одно и то же время (в США это, например, такие организации как Samaritan's Purse, Team Rubicon, Southern Baptist Disaster Relief и др.). Всего платформой пользуются более 1800 НКО. В ней указываются потребности пострадавших и закрепляются функции и ресурсы за каждым отдельным актором (организацией/волонтерами). При этом философия платформы состоит в том, что (1) технологии должны обогащать, а не заменять межорганизационные отношения; (2) менеджмент здесь не предполагает пирамиду отношений и жесткую иерархию, «на вершине» никто не стоит; (3) сотрудничество и коммуникация должны быть не только удобными, но и обязательными.

Таким образом, при оказании помощи в ЧС технологии выполняют, как минимум, четыре широких функции в рамках деятельности волонтеров: координация, коммуникация, разделение обязанностей в процессе сотрудничества различных групповых и индивидуальных акторов, и кооперация в целом.

Волонтеры по-прежнему будут играть важную роль в оказании помощи при стихийных бедствиях, но по мере развития технологий и интеграции их в сферу реагирования на ЧС, потребность в специальных навыках и цифровых добровольцах (операторах дронов, специалистов по коммуникациям, логистам и менеджерам цепочек поставок) станет максимально актуальной.

Деятельность цифровых волонтеров при реагировании на кризисы и бедствия можно разделить на три крупных области: (1) сбор и анализ обширных потоков данных; (2) разработка новых цифровых платформ и приложений, содействующих эффективному и прозрачному распределению помощи, быстрому реагированию; (3) мобилизация онлайн-сообществ для быстрого удовлетворения потребностей пострадавших людей, восстановления разрушенной инфраструктуры, тушения пожаров и проч. Эти практики реализуются посредством таких процессов, как краудфандинг и краудсорсинг [4]. Зачастую субъектами цифрового волонтерства выступают профессионалы, имеющие квалификацию в геоинформационных системах, менеджменте данных, программировании, картографировании данных, социальных медиа и т. д. Поэтому исследователи считают, что стимулом для появления цифрового активизма является наличие сетевых структур разработчиков гражданских приложений и степень их включенности в сети гражданских активистов [6: 49].

Области спроса на цифровое волонтерство. На данный момент наблюдается три основных области повышенного спроса на добровольчество:

(1) Добровольцы, обладающие знаниями в области технологий (от дизайна веб-сайтов до цифровых коммуникаций и анализа больших данных), которые становятся очень ценными не только в некоммерческом секторе, но и в сферах здравоохранения и образования.

(2) Виртуальные волонтеры, ценность которых наиболее ярко была заметна в период социальной изоляции, когда весь мир перевел свою повседневную жизнь в онлайн-пространство. Сотрудники организаций проводили встречи через платформы Zoom, школы начали проводить занятия онлайн, и волонтеры начали оказывать помощь дистанционно, будь то онлайн-репетиторство, переводы или просто общение с одинокими пенсионерами.

(3) Волонтеры в социальных сетях, которые выстраивают коммуникацию с населением/потенциальными помощниками или бенефициарами. Ведь ограниченный бюджет, небольшие команды и большая основная нагрузка мешают многим НКО разработать стратегию ведения соцсетей.

Увеличение социального капитала сообществ в Сети. Как мы видим, технологии породили цифровое волонтерство. А пандемия COVID-19 значительно расширила репертуар возможностей для такого типа волонтерства, сблизив людей в цифровом пространстве. Технологии также привели к увеличению социального капитала сообществ [7]. Ранние исследования показали, что офлайн социальные сети и доверие внутри локальных сообществ критически важны для устойчивости сообщества в условиях неожиданных потрясений [8; 9]. Но также становится очевидным, что социальный капитал на местах (офлайн) является драйвером добровольческого онлайн-участия в кризисных ситуациях.

Барьеры цифрового добровольчества. Помимо очевидной пользы процесс цифровизации открыл и такие проблемы в волонтерской деятельности, как усталость от экранов, невозможность отработать практические навыки, необходимые для работы на местах в условиях бедствий, а также наличие цифрового неравенства, закрывающего возможности участия волонтеров, не владеющих цифровой грамотностью или оборудованием (ноутбуком или стационарным компьютером и т. д.), а также невозможностью получения помощи людям, не имеющим доступа к Интернету [10].

Заключение. По мере того как платформы и социальные сети становятся все более продуктивными, изучение того, как они могут быть использованы для создания устойчивых онлайн- и офлайн-сообществ становится все более приоритетным. Ведь эффективная коммуникация имеет решающее значение в реагировании и восстановлении сообществ после стихийных бедствий, и использовании социальных онлайн-платформ может спасти жизни и предотвратить потери. Для максимизации пользы данных платформ сегодня было бы уместным проведение исследований пользовательского опыта (user research) и исследований по юзабилити. Как правило, это применяется в исследованиях рынка, но все больше стало появляться академических работ, которые описывают данный фреймворк как элемент концепта «совместное производство», «совместного дизайна», «цифровых партисипаторных исследований», «науки граждан». Подобные исследования могут быть полезны для НКО, так как уже есть свидетельства того, что некоторые приложения для массового реагирования на ЧС не были сконструированы через призму потребностей конечных пользователей. В них не были включены функции геопозиционирования, языковых регистров, общения в режиме реального времени с профессиональными спасателями, а также не было возможностей выкладывания фотографий с места ЧС, что значительно снижает возможности добровольцев по оказанию помощи [например, 11].

Список литературы

1. Digital 2022: Global Overview Report // Datareportal, 26.01.2022. URL: <https://datareportal.com/reports/digital-2022-global-overview-report>
2. Nonprofit Trends Report. Trends, Challenges, and Opportunities with Technology. Salesforce.org. 2019. URL: <https://www.salesforce.org/wp-content/uploads/2020/05/2nd-edition-nonprofit-trends-report-2020.pdf>

3. Is Technology Changing The Way We Volunteer? // Vomo, 18.07.2020. URL: <https://vomo.org/blog/is-technology-changing-the-way-we-volunteer/>
4. Башева, О. А., Ермолаева, П. О. Феномен цифрового волонтерства в чрезвычайных ситуациях: сущность, виды, теоретические рамки // Вестник Института социологии. 2020. Том 11. № 1. С. 47–69. DOI: 10.19181/vis.2020.11.1.625.
5. Информационно-аналитический бюллетень (ИНАБ). Российское волонтерство в чрезвычайных ситуациях: портрет, мотивы, деятельность. 2021. № 3. 121 с. DOI: 10.19181/INAB.2021.3.
6. Рябченко, Н. А., Гнедаш, А. А. Цифровой активизм: новые медиа, гражданские приложения и технологические сообщества как основания для социально-политических изменений // Государство и граждане в электронной среде. Сборник научных статей. Труды XIX Международной объединенной научной конференции «Интернет и современное общество» (IMS-2016), Санкт-Петербург, 22–24 июня 2016 г. СПб. : Университет ИТМО, 2016. С. 48–55. URL: <http://ojs.itmo.ru/index.php/IMS/article/view/483> (дата обращения: 20.11.2022).
7. Page-Tan C. Estimating Effects of Social Capital on Online Social Engagement: The 2014 Napa Valley Earthquake. Paper presented at Midwest Political Science Association Annual Conference, April 2017.
8. Aldrich, D. Building Resilience: Social Capital in Post-Disaster Recovery. Chicago: University of Chicago Press. 2012.
9. Dynes, R. Social Capital: Dealing with Community Emergencies. Homeland Security Affairs, 2006. № 2 (2). P. 1–26.
10. Башева, О. А., Ермолаева, П. О. Цифровизация деятельности российских волонтеров в чрезвычайных ситуациях: влияние пандемии или самостоятельный тренд развития? [Текст] / О. А. Башева, П. О. Ермолаева // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2020. № 6. С. 376–402. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.6.1746>.
11. Pilemalm, S. ICT-Enabled Citizen Co-production in Excluded Areas – Using Volunteers in Emergency Response. Electronic Participation, 2019. P. 87–101. https://doi.org/10.1007/978-3-030-27397-2_8

УДК 353
ББК 60.82

Болдина Марина Юрьевна
*кандидат социологических наук,
доцент кафедры социологии, общей и юридической психологии,
Волгоградский институт управления –
филиал РАНХиГС при Президенте РФ,
Волгоград, Россия*

СОЦИАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВО VS СЕРВИСНОЕ ГОСУДАРСТВО: РЕАЛИИ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Аннотация. Статья посвящена теоретическому сопоставлению понятий «социальное государство» и «сервисное государство», а также разбору практик реализации этих моделей как альтернативных и как взаимодополняющих. Актуальность темы связана с неоднозначностью понимания роли государства в социальном обеспечении, что вызывает множество споров, как в научных кругах, так и среди практиков государственного управления. Гипотеза исследования состоит в авторском предположении, что популярный концепт «сервисного государства» в меньшей степени отражает нацеленность на удовлетворение потребностей населения в предоставлении широких и равных возможностей для достижения социальных успехов индивидами и социальными группами, чем концепт «социальное государство». Гипотеза подтверждается теоретически в процессе рассмотрения аргументов «за» и «против» индивидуализации предоставления государственных услуг. В статье представлена краткая эволюция понятия «сервисное государство» для обоснования его отличия от устоявшегося понятия «социальное государство». Также приводятся примеры реализации программ в рамках модели сервисного государства. Авторский вывод связан предложением альтернативных стратегий выхода из кризисных ситуаций в рамках концепций сервисного и социального государства.

Ключевые слова: государственное управление, государственные услуги, социальное государство, сервисное государство, функции органов исполнительной власти.

Boldina Marina Yurievna
*candidate of sociological sciences,
Associate Professor of the Department of Sociology, General and Legal Psychology,
Volograd Institute of Management –
branch of the RANEPa under the President of the Russian Federation,
Volograd, Russia*

WELFARE STATE VS SERVICE STATE: REALITIES AND PROSPECTS

Abstract. The article is devoted to a theoretical comparison of the concepts of «welfare state» and «service state», as well as to the analysis of the practices for implementing these models as alternative and as complementary. The relevance of the topic is associated with the ambiguity of understanding the role of the state in social security, which causes a lot of controversy, both in scientific circles and among public administration practitioners. The hypothesis of the study consists in the author's assumption that the popular concept of the «service state» reflects to a lesser extent the focus on meeting the needs of the population in providing broad and equal opportunities for achieving social success by individuals and social groups than the concept of the «welfare state». The hypoth-

esis is confirmed theoretically in the process of considering the arguments «for» and «against» the individualization of the provision of public services. The article presents a brief evolution of the concept of «service state» to justify its difference from the established concept of «welfare state». It also provides examples of the implementation of programs within the framework of the service state model. The author's conclusion is connected with the proposal of alternative strategies for overcoming crisis situations within the framework of the concepts of a service and social state.

Keywords: public administration, public services, welfare state, service state, functions of executive authorities.

Концепт социального государства в современной науке проработан в достаточной степени в плане определения правовых, управленческих, социальных аспектов данного феномена. Понятие же сервисного государства, если и не новое, то, во всяком случае, не достаточно операционализированное в теоретическом и эмпирическом плане. В этой связи основной вектор рассуждений в данной статье посвящен проблеме сопоставления социальной и сервисной сторон государственного управления [2, с. 5].

Проект цифровизации государственного управления содержится в программе «Сервисное государство 2.0». Данная концепция, проработанная до 2024 года, предполагает формирование государства, которое будет построено на принципах замены физических документов электронными (кроме удостоверения личности), предоставления государственных услуг дистанционно, функционирования электронных реестров органов власти и возможности запроса документов из них по единому идентификатору.

Успешным результатом реформ стоит считать деятельность многофункциональных центров, действующих по принципу «единого окна». Это приводило к сокращению финансовых, трудовых и временных издержек, оптимизации использования помещений.

Другим успешным примером является создание Единого портала государственных и муниципальных услуг, который пользуется все возрастающим спросом среди населения.

Проект «Цифровое государственное управление» с 2018 до 2024 г. в правовом плане опирается на Указ Президента Российской Федерации от 07.05.2018 № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года» [1].

Административная реформа, помимо прочего предполагала пересмотр функций органов исполнительной власти в направлении расширения деятельности по оказанию государственных услуг населению. По этому критерию стали оценивать состояние «социальности» государственного управления [3, с. 6]: какому количеству людей помогли, чем помогли, сколько бюджетных денег на это потратили. На данном этапе такой подход представлялся продуктивным: измерять социальную эффективность государства «в человеках».

В прикладном плане различия между понятиями социального и сервисного государства можно пояснить на примере. При решении проблем безработицы, деятельность по разработке процедуры выплаты пособий, по созданию рабочих мест, по содействию в поиске работы, – все это прямые государственные функции. Если же помощь оказана конкретному безработному гражданину, – это случай оказания конкретной услуги (информационной, юридической, организационной или какой-либо другой) [3, с. 6].

Внедрение идей сервисного государства в государственную политику на постсоветском пространстве, с одной стороны, оправдано и перспективно, поскольку концепция сервисного государства может стать условием их либерализации. С другой стороны, она не совсем органична для обществ, в которых не в полной мере сформирован некоммерческий сектор экономики, в которых сильны элементы традиционализма в общественной и государственной организации, в которых процессы бюрократизации далеки от идеалов М. Вебера.

Еще одна проблема связана с тем, что концепция сервисного государства «размывает» критерии разграничения публичного и частного в праве. «Сервисное государство» описывается как своеобразный участник гражданско-правовых отношений, который предоставляет услуги так же, как представители коммерческого и некоммерческого секторов. Однако надо понимать, что предоставление услуги обусловлено не инициативой государства, а инициативой «клиента» и служит его частному интересу. В условиях нерешенности проблемы соотношения государственных и частных интересов в постсоветских государствах это обстоятельство является определенным «вызовом» в развитии этих государств.

Еще одним негативным последствием процесса формирования сервисного государства в России стал рост числа платных государственных и муниципальных услуг. При этом количество государственных и муниципальных услуг, оказываемых безвозмездно, сокращается. Также наблюдается расширение перечня «вынужденных» платных государственных услуг, поскольку такие услуги являются сопутствующими по отношению к основным, которые могут быть и бесплатными. На практике, организации и учреждения, вовлеченные в процесс оказания платных государственных и муниципальных услуг, получили возможность фактического расширения перечня условно обязательных платных услуг, то есть таких услуг, которые формально государственными реестрами не предусмотрены, но по своему содержанию связаны с теми услугами, которые в реестрах представлены. Такие услуги современные исследователи называют «скрытыми» публичными услугами.

В прикладном аспекте возникает дилемма: как выходить из кризисных ситуаций: 1) за счет увеличения числа услуг; 2) за счет развития самой территории, ее производства и иных источников повышения уровня благосостояния населения. Однозначного ответа на данный момент нет. Автор же данной статьи солидарен с профессором И. Л. Бачило: чем интенсивнее и качественнее будет развиваться социальная инфраструктура страны (школы, вузы, жилье, больницы, подготовка специалистов всех необходимых профессий), тем менее люди будут обращаться в государственные органы за индивидуальной услугой. Услуги все более будут реализовываться автоматически и с наименьшим бюрократическим вкладом чиновников.

Список литературы

1. Указ Президента Российской Федерации от 7 мая 2018 г. N 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года» // [Электронный ресурс]. URL: <https://rg.ru/2018/05/08/president-ukaz204-site-dok.html>
2. Ахрамеева, О. В. Российское сервисное государство: теоретические основы и государственная стратегия обеспечения частных и публичных интересов // Юридические исследования. 2014. № 4. С. 1–28.
3. Бачило, И. Л. Государство социальное или сервисное? (Информационно-правовой аспект) // Право. Журнал высшей школы экономики. 2010. № 1. С. 3–11.
4. Maude, F. 2014. Future of government services: 5 public service reform principles [Электронный ресурс], 24 February. URL: <https://www.gov.uk/government/speeches/future-of-government-services-5-public-service-reform-principles>

УДК 159.9
ББК 88.6

Ворвуль Максим Петрович
начальник,
ФКУ ДПО Кировский ИПКР ФСИН России
Киров, Россия

АКТУАЛЬНЫЕ ПОДХОДЫ К ОПРЕДЕЛЕНИЮ ПОНЯТИЯ И СОДЕРЖАНИЯ ПСИХОЛОГО-ПЕДАГОГИЧЕСКОГО СОПРОВОЖДЕНИЯ

Аннотация. В статье автор проводит анализ актуальных подходов к определению понятия и содержания психолого-педагогического сопровождения личности в разных условиях жизнедеятельности. Особый акцент сделан на исследованиях, посвященных сопровождению обучающихся в организациях дополнительного профессионального образования. Автор приходит к выводу о необходимости изучения процесса психолого-педагогического сопровождения личностно-профессионального самосовершенствования слушателей, обучающихся по программам повышения квалификации.

Ключевые слова: психолого-педагогическое сопровождение, создание условий для развития, самосовершенствование, помощь, профессионально-личностное развитие.

Vorvul Maxim Petrovich
Chief of the Kirovsky IPKR of the Federal Penitentiary Service of Russia
Kirov, Russia

ACTUAL APPROACHES TO THE DEFINITION OF THE CONCEPT AND THE CONTENT OF PSYCHOLOGICAL AND PEDAGOGICAL SUPPORT

Abstract. In the article, the author analyzes the actual approaches to the definition of the concept and content of psychological and pedagogical support of a person in different conditions of life. Special emphasis is placed on the researches on the support of students in organizations of additional professional education. The author comes to the conclusion that it is necessary to study the process of the psychological and pedagogical support of students and professional self-improvement of those who enrolled in advanced training programs.

Keywords: psychological and pedagogical support, creation of conditions for development, professional and personal development, self-improvement, assistance.

В современной психологии психолого-педагогическому сопровождению посвящены разные исследования. Особый интерес для автора работы представляют диссертации, посвященные психолого-педагогическому сопровождению людей разных возрастов, находящихся в разных условиях: в повседневной деятельности, в условиях образовательной среды и др.

В целях систематизации научных работ, представляется возможным классифицировать объекты исследования по различным основаниям.

1. Исследования могут быть классифицированы в зависимости от возраста участников: младший школьный возраст (В. С. Глевицкая, 2007); подростковый возраст (О. П. Афанасьева, 2017; М. В. Ососова, 2012); юношеский возраст (Е. С. Бугакова, 2015;

С. В. Оспенников, 2017); средний возраст и пожилые люди (М. В. Ермолаева, 2010; С. Б. Пряхина, 2008; О. И. Суховеева, 2011).

2. Исследования могут быть поделены на группы в зависимости от того, в каких условиях проходит психолого-педагогическое сопровождение: в условиях образовательного учреждения (О. П. Афанасьева, 2017; Е. С. Бугакова, 2015; В. С. Глевицкая, 2007; Ососова, 2012; С. В. Оспенников, 2017); в повседневной деятельности (М. В. Ермолаева, 2010; С. Б. Пряхина, 2008).

3. Исследования, связанные с формированием и развитием комплекса поведенческих механизмов в различных условиях жизнедеятельности: адаптация к обучению или изменившимся условиям жизнедеятельности (Н. А. Зарембо, 2013); самоопределения школьников (Л. А. Коломеец, 2013); формирование и развитие определенных навыков (Е. С. Бугакова, 2015; В. С. Глевицкая, 2007; С. В. Оспенников, 2017; О. И. Суховеева, 2011); формирование новых моделей поведения (М. В. Ососова, 2012); сопровождение в условиях повседневной деятельности (О. П. Афанасьева, 2017; М. В. Ермолаева, 2010).

Систематизация диссертационных исследований по различным основаниям позволяет сделать ряд выводов. Преобладающее большинство исследований в области психолого-педагогического сопровождения посвящено работе с подростками и молодежью в условиях образовательной среды и направлено на формирование и развитие определенных процессов, навыков, компетенций.

Отдельной группой представлены работы, посвященные психолого-педагогическому сопровождению в различных образовательных организациях: педагогическом вузе и колледже (Ю. А. Трифонова, 2013), медицинском вузе (Т. В. Малютина, 2018), вузе морского профиля (Е. С. Бугакова, 2015), образовательной оздоровительной организации (О. П. Афанасьева, 2017), учреждении дополнительного профессионального образования государственных и муниципальных служащих (О. И. Суховеева, 2011), военно-образовательном учреждении войск национальной гвардии Российской Федерации (С. В. Оспенников, 2017).

Под психолого-педагогическим сопровождением авторы понимают помощь и создание оптимальных условий; помощь и организацию внешних условий; сопровождение, поддержку, психологическое ориентирование; деятельность, направленную на создание условий, способствующих успешному развитию свойства личности; логически структурированную и вариативно организованную систему деятельности участников образовательного процесса; целенаправленный, планируемый и особым образом организуемый процесс, направленный на создание необходимых условий.

Таким образом, психолого-педагогическое сопровождение – это помощь и создание условий для реализации поставленных целей.

Методологической основой исследований разных авторов, посвященных изучению психолого-педагогического сопровождения различных групп людей, являются фундаментальные принципы и положения психологической науки: принцип детерминизма, системности, активности, развития, единства сознания и деятельности, положения, раскрывающие психологическую структуру личности, развития психики в деятельности.

Особый интерес в контексте нашего исследования представляет работа О. И. Суховеевой «Психолого-педагогическое сопровождение профессионально-личностного развития государственных и муниципальных служащих в условиях дополнительного профессионального образования».

В работе предложены пути сопровождения слушателей: в плоскости выстраивания общения между коллегами; исследовательская работа; работа, направленная на коррекцию поведения; обучение слушателей приемам и средствам сопровождения.

Итогом работы О. И. Суховеевой стала программа названного сопровождения, позволяющая развивать качества личности служащего, направленные на выполнение профессиональных обязанностей на высоком уровне.

Разрабатывая программу, автор исходит из того, что служебная деятельность предъявляет к личности сотрудника определенные требования. Развивать профессиональные качества личности необходимо, в том числе, в условиях переподготовки и повышения квалификации.

В работе автор обращается к общенаучным и специальным методам исследования, позволяющим достичь поставленную цель.

Основными выводами проведенного исследования стали суждения о том, что государственная гражданская служба предъявляет особые требования к личности служащего-профессионала. Вследствие этого, необходимо создание специальных условий обучения. В ходе экспериментальной части исследования были установлены качества личности, которые нуждались в развитии. Исходя из полученных данных, автором была составлена программа, вследствие реализации которой, помимо получения знаний непосредственно по профессии, слушатели отмечали улучшение настроения во время занятий и после них, заинтересованность образовательным процессом, улучшение качества общения, повышение общего уровня мотивации.

Анализ изученных диссертационных исследований позволил прийти к выводу о том, что при всем многообразии работ, представляется необходимым углубленно изучить процесс психолого-педагогического сопровождения личностно-профессионального самосовершенствования слушателей, обучающихся по программам повышения квалификации, разработав соответствующую программу, направленную на самосовершенствование слушателей.

Список литературы

1. Афанасьева, О. П. Психолого-педагогическое сопровождение обучающихся подростков с низким уровнем успеваемости в условиях образовательной оздоровительной организации : дис. ... канд. псих. наук : специальность 19.00.07 «Педагогическая психология» / О. П. Афанасьева ; АОУ ВПО «Ленинградский государственный университет им. А. С. Пушкина». СПб., 2017. 150 с.
2. Бугакова, Е. С. Психолого-педагогическое сопровождение в преодолении коммуникативных барьеров у курсантов вузов морского профиля : дис. ... канд. псих. наук : специальность 19.00.07 «Педагогическая психология» / Е. С. Бугакова; ФГАОУ ВО «Южный федеральный университет». Ростов-на-Дону, 2015. 171 с.
3. Глевицкая, В. С. Психолого-педагогическое сопровождение развития познавательных процессов у детей дошкольного возраста : дис. ... канд. псих. наук : специальность 19.00.07 «Педагогическая психология» / В. С. Глевицкая; ГОУ ВПО «Курский государственный университет». М., 2007. 180 с.
4. Ермолаева, М. В. Психолого-педагогическое сопровождение пожилого человека: субъектный подход : дис. ... доктор псих. наук : специальность 19.00.07 «Педагогическая психология» / М. В. Ермолаева; НОУ ВПО «Московский психолого-социальный институт». М., 2010. 507 с.
5. Ососова, М. В. Психолого-педагогическое сопровождение профессионального самоопределения учащихся на этапе предпрофильной подготовки : дис. ... канд. псих. наук : специальность 19.00.07 «Педагогическая психология» / М. В. Ососова; ФГБОУ ВПО «Уральский государственный педагогический университет. Екатеринбург, 2012. 200 с.

6. Оспенников, С. В. Психолого-педагогическое сопровождение личностного роста курсантов военно-образовательного учреждения войск национальной гвардии Российской Федерации : дис. ... канд. псих. наук : специальность 19.00.07 «Педагогическая психология» / С. В. Оспенников; ФГБОУ ВО «Кемеровский государственный университет». Кемерово, 2017. 265 с.

7. Пряхина, С. Б. Психолого-педагогическое сопровождение личностного самоопределения и развития идентичности в пожилом возрасте : дис. ... канд. псих. наук : специальность 19.00.07 «Педагогическая психология» / С. Б. Пряхина; Московский психолого-социальный институт . М., 2008. 203 с.

8. Суховеева, О. И. Психолого-педагогическое сопровождение профессионально-личностного развития государственных и муниципальных служащих в условиях дополнительного профессионального образования : дис. ... канд. псих. наук : специальность 19.00.07 «Педагогическая психология» / О. И. Суховеева; ФГБОУ ВПО «Нижегородский государственный архитектурно-строительный университет». Нижний Новгород, 2011. 170 с.

УДК 159.9:17.023.32
ББК 88.576

Данакари Ричард Арами
доктор философских наук, доцент,
доцент кафедры государственного управления и менеджмента
Волгоградский институт управления –
филиал РАНХиГС при Президенте РФ,
Волгоград, Россия

**СОВРЕМЕННОСТЬ, ТРАНЗИТИВНОЕ ОБЩЕСТВО
И «ПОСТНОРМАЛЬНАЯ НАУКА»:
СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКИЙ ДИСКУРС**

Аннотация. Социально-философское исследование современности, специфика транзитивных обществ, бытия науки и культуры, вызывают интерес ученых и специалистов разных отраслей знаний. Автор показывает, что постмодерн радикально отличается от предыдущих эпох, потому что периодические повторяющиеся социально-экономические кризисы непрерывно ускоряют и изменяют действительность, воспроизводят радикализм различных форм и видов, что создает угрозу существованию значительной части общества, разрушая традиционный уклад, маргинализируя жизнь и менталитет народов.

Автор убедительно доказывает, что в современном общественном сознании господствующее положение занимают такие психологические элементы и особенности восприятия, как отсутствие сомнений, недоверие к существующей реальности, неуважение к оппоненту и его позиции. В ситуации неопределенности, которая царит в мире повседневности, в человеческом сознании, на разных уровнях, как рациональном, так и иррациональном, часто преобладают мрачные и черно-белые оттенки. В результате, в представлении людей огромное место занимает сюрреалистический сюжет. Такой бинарный тип мышления со специфическим поведением часто приводит индивида к примитивной, однозначной оценке и поверхностному пониманию действительности, особенно при принятии серьезных, судьбоносных решений. Опасность такой идеологии и практики состоит в том, что люди готовы совершать любые поступки, идти на самые решительные и крайние меры; они не способны к компромиссу, *потому что убеждены, что отстаивают правду, идут на благое дело.*

Ключевые слова: современность, транзитивное общество, «постнормальная наука», социально-философский дискурс.

Danakari Richard Arami
Doctor of Philosophy, Associate Professor,
Associate Professor of the Department of Public Administration and Management
Volgograd Institute of Management -
branch of the RANEPa under the President of the Russian Federation,
Volgograd, Russia

**MODERNITY, TRANSITIVE SOCIETY AND «POST-NORMAL SCIENCE»:
SOCIO-PHILOSOPHICAL DISCOURSE**

Abstract. The socio-philosophical study of modernity, the specifics of transitive societies, especially the state of science, is of particular interest to the scientific community. The author shows that the modern era is fundamentally different from the previous ones, because periodic recurring socio-

economic crises continuously accelerate and change reality, reproduce radicalism of various forms and types, which threatens the existence of a significant part of society, destroying the habitual, traditional way of life, marginalizing the life and mentality of peoples.

The author convincingly proves that such psychological elements and features of perception as lack of doubt, distrust of the existing reality, disrespect for the opponent and his position occupy the dominant position in the modern public consciousness. In the situation of uncertainty that reigns in the world of everyday life, in human consciousness, at different levels, both rational and irrational, exclusively gloomy, black-and-white shades prevail. As a result, a surreal plot occupies a huge place in people's minds. Such a binary type of thinking with specific behavior often leads an individual to a primitive, unambiguous assessment and a superficial understanding of reality, especially when making serious, fateful decisions. The danger of such an ideology and practice is that people are ready to commit any actions, to take the most decisive and extreme measures; they are not capable of compromise, because they are convinced that they are defending the truth, going for a good cause.

Keywords: modernity, transitive society, «post-normal science», socio-philosophical discourse.

Введение. Одним из самых серьезных вызовов для современности стала экспансия радикализма на постмодернистский социум, что требует серьезной интеллектуальной рефлексии, социально-философского исследования. Одна из важных целей работы – доказать, что современный либерализм и идея «конца истории» оказались метафизическими моделями, показавшими свою ограниченность. На протяжении нескольких столетий философия и политика европоцентризма, абсолютизация идеологии либерализма, принесли всему человечеству неисчислимы бедствия, десятки миллионов жертв. Для современности возрождение различных форм и методов радикализма: экстремизма и агрессии, национализма и геноцида оказались страшным шоком, а для науки – парадоксом, как и ренессанс этничности. Произошло позиционирование разнообразных форм агрессии: от простой непримиримости, оскорбления оппонентов в дискуссиях, до религиозного фундаментализма, переходящего в фанатизм и террористические действия.

Сегодня радикализм следует рассматривать как политическую идею абсурда, потому что социальные действия носят бескомпромиссный и преступный характер, направлены на кардинальное изменение существующих институтов и порядка в обществе. Как свидетельствует опыт, такие действия особенно активно проявляются в эпоху кризисов, в период коренных трансформации, тогда, когда возникает угроза существованию жизни немалого количества людей, традициям и укладу различных групп и слоёв общества.

Радикалистское поведение часто проявляется в самых разнообразных действиях. Отметим, что экстремистское мышление может обладать склонностью не только к постоянным спорам, оно может стать основой и условием для принятия агрессивных решений. Как ни странно, абсолютизация естественных прав человека, становление гражданского общества стало одной из причин возрождения радикальных форм общения, неприятия инакомыслия. Естественно, «легализация» экстремизма, выход радикализма на поверхность общественного сознания и реальной практики требуют анализа их причин, выявления сущности, «востребованности» в современном мире.

Методы. Сегодня для ученых и специалистов разных областей научного знания особый интерес представляет необходимость философского, полипарадигмального исследования природы и сущности, содержания и специфики функционирования современных транзитивных обществ. Немало вопросов вызывает состояние науки, которая стала «постнормальной». Она вызывает немалое количество вопросов, особенно у научного сообщества, в том

числе и части социума. В истории человечества было много периодов, когда оно находилось в состоянии кризиса, в условиях выживания, связанных с природными и социальными катаклизмами. Ныне общество оказалось в состоянии нелинейной динамики. Поэтому остро востребованными оказались не только новые теории и практические действия, но и способы и методы выхода из кризиса, «новой нормальности», пути возвращения общества в состояние стабильности, путей для устойчивого развития.

Философское исследование постмодерна предполагает системную аналитику «ускользающей» реальности, выявление причинно-следственных связей и детерминант, актуальных в рамках переходности и непрерывных, качественных изменений общества. В этих условиях значимость, в первую очередь, приобретает системный подход, который позволяет выявить объективные законы и особенности развития общества на протяжении последних столетий, не драматизировать как историю человечества, так и навязанные миру евроатлантические методы глобализации. Особое значение имеет раскрытие переходных трансформационных процессов, что открывает возможности для сравнения, использования принципа историзма и метода экстраполяции. Они помогают провести сравнительный анализ разных исторических этапов функционирования общества, увидеть изменения, особенно в структуре современного социума, динамизм групп и страт, определить их роль, место и назначение.

Системное исследование транзитивных обществ современности указывает на взаимосвязь и взаимозависимость всех сфер общественных отношений с процессами политического, социально-экономического и культурного развития. Отметим, что эти изменения недостаточно соотносятся с реальными шагами в сфере государственного управления и местного самоуправления. Сегодня российское чиновничество, бюрократические структуры, используя слабость в развитии гражданского общества, продолжают укреплять вертикаль власти, в первую очередь, в своекорыстных организационных и административных целях.

Психологические методы, в частности, бихевиористский подход позволяет увидеть: каков «жизненный мир» людей транзитивного общества, насколько адекватны не только восприятия, представления, но и реальные поступки, поведение индивида современным реалиям. Аналитика повседневности позволяет констатировать: насколько кризисно состояние постмодернистского общества, как неадекватны реакции индивидов на «текучесть» повседневности, страхи и стрессы.

Анализ состояния. Исследуя современное транзитивное общество, обратим внимание на господствующий плюрализм мнений, абсолютизацию свободы и индивидуализма, неограниченной ничем свободы действий и поведения. Сегодня такая «деятельность» основывается на специфической форме существования индивида, «безопорности» его бытия, полной субъективности переживаний. Такая специфика восприятия реальности, виртуализация мира исключает возможности объективной критики и самокритики. В кризисной ситуации не только сознание, но и подсознание индивида наполнено мифами и иррациональными установками разного уровня.

В данном положении особое место занимает нигилизм, полное отсутствие сомнений, равнодушие к существующей реальности. В «жизненном мире» постсовременного индивида, его представлениях, исключительно преобладают мрачные или только черно-белые оттенки; сюрреалистической становится картина бытия человека. Такой бинарный тип мышления со специфическим поведением часто приводит индивида к примитивной, однозначной оценке и поверхностному пониманию действительности, принятию серьезных, судьбоносных решений. Опасность такой примитивной философии и практики состоит в том, что люди готовы совершать любые поступки, идти на самые решительные и крайние меры; они не способны к компромиссу, потому что убеждены, что отстаивают Истину, правду, совершают поступки во имя мирового, общечеловеческого Блага.

В условиях современности радикализм часто показывает себя в религиозной оболочке или первобытных формах. Главари радикалов и лидеры экстремистов постоянно выступают с воинственными заявлениями, призывают к борьбе за справедливый мир и новый порядок. Для многих из них истина незыблема, «правда» несокрушима, изначально дана им Всевышним, Богом. Для них Истина всегда очевидна и существует вечно. Она известна и дана на все времена, а упорствовать в заблуждении могут только враги «истинного» человечества.

Современный радикализм или экстремизм – это форма убеждений и действий, коммуникаций и построения диалога в сфере межличностных отношений. Однако она олицетворяет собой неадекватность и агрессию, насилие и жестокость, способность уничтожать мир людей, окружающую среду, саму природу. Это современная форма естественного отбора людей, новый социал-дарвинизм, но более изощренной и качественно иной оболочке. С точки зрения эволюционной теории, современный радикализм – это новая рыночная форма конкуренции, специфический тип борьбы людей за существование, агрессии и жестокости, направленный на уничтожение иного, Другого.

Сегодня категории «радикализм» часто противопоставляется понятие «умеренность». Последняя понимается как форма наличия некоторых общих интересов, связывающих отдельные социальные группы и индивидов, правда, ради выживания каждого из них. Как для истории, так и новой современности, категория «умеренность» была и пока остается элементом цивилизационного со-участия, со-творчества. Она позволяет вести диалог, разрушать «острые углы», а путем некоторых усилий достичь общих целей на основе взаимных уступок и компромисса.

Умеренность следует понимать как новый исторический подход или культурный код, традицию, включающую в себя особую, но сложную форму взаимодействия, вернее, восприятия, переживания, временного преодоления конфликта между сторонами. Она отличается от натуральной, архаической формы – радикализма, не предполагающего никакого опосредствования. Ее сложность заключается, прежде всего, в том, что в ней, помимо элементов произвольной регуляции и рефлексии, предполагается определенный регистр практик, тогда как радикализм существует в режиме «все или ничего» [1;4]. Умеренность предполагает, что сама ситуация будет вынесена за пределы обстоятельств, соотнесена с традициями, а ее оценка и разрешение предполагает наличие не натуральных, а социально выработанных правил [5].

Ритуал, определенные табу и нормы при некоторых напряженных и конфликтных ситуациях позволяют снимать ограничения, создают возможности для отхода от архаики, натуральных форм борьбы. Конфликт решается не прямо, а опосредствованно, через применение ограничений, правил, социально одобряемых норм. Опора на символы, фигуру Бога, авторитет, закон, обычай, нечто вроде «имени отца» у Лакана. Записанные на скрижалях, в Библии, Коране и других священных книгах, документах, легитимируют приоритет, рассматриваются как общепринятый способ реагирования [6].

Однако сама умеренность является сложной структурой, она никогда не исключала возможности существования радикализма, для которого оставались специальные лакуны, например, жесткое требование соблюдения умеренности. Факты свидетельствуют о том, что порою умеренность регрессирует к натуральной агрессии, ведет к экстремизму, когда все культурные и цивилизованные запреты оказываются отброшенными. Уже давно радикализм и экстремизм в самой натуральной форме легитимирован со стороны развитых стран Запада и бывшего социалистического лагеря. В качестве примера можно привести действия неонацистов на Украине, особенно в Одессе, новых бандеровцев на Донбассе на протяжении более 8 лет; события в Афганистане, действия ИГИЛ, многочисленных террористических групп в Сирии, Ираке, Ливии, Йемене и других странах мира.

Анализируя современность и оценивая радикализм, следует иметь в виду, что чаще всего это не его натуральная архаическая форма, а особый вариант произвольно культивируемого крайнего экстремизма, оправдывающего отступление от цивилизованной умеренности и встроенного в символические отношения и поведение. Радикализм отдельного индивида имеет символическое значение подтверждения правильности мировоззрения и поведения, рассматриваемого как преданность и сопричастность.

Символический субъективизм радикального поведения для индивида может реализоваться в героизации субъекта и придании высшего сакрального смысла действиям, не имеющего на самом деле никакого смысла. Известно, что часто экстремист свое действие, террористический акт совершает не в реальном, а символическом пространстве. Кризисная повседневность допускает отсутствие цивилизованной умеренности по отношению к реальным жертвам, поскольку их можно рассматривать как допустимые потери в сакральной войне. Если действие не имеет особо священного характера, а более обыденно, то его радикальность требует специальных технологий, выведения противника за рамки ритуала.

Из истории государств Западной Европы, колонизации ими стран Азии, Африки, Америки мы знаем, как они поступали с туземцами, «варварами». Если противник является представителем первобытного племени, то он – дикарь, недочеловек, его можно и нужно уничтожать. Такая моральная и психологическая защита позволяла захватчикам, колонизаторам оправдать свою звериную сущность, истребить аборигенов. Для «облегчения» совести всегда совершалась операция «по вытеснению» аборигена за рамки европейских ценностей, сферы морально-нравственных отношений (колонизаторы, итальянские фашисты, германские нацисты). Словом, противник «выносятся» за рамки морали, реальность из экстраординарной, превращается в обычную, в которой цель всегда оправдывает средства.

Согласно английскому философу Нового времени Томасу Гоббсу, власть по концепции «общественного договора» всегда абсолютна, ничем не ограничена и обладает полным суверенитетом. Однако рассматривая теорию «естественных прав человека», его современник, основатель либерализма Джон Локк отступает от идеи незыблемости власти, он допускает возможность ее смены, даже революционным путем. По его мнению, если власть нарушает «общественный договор», злоупотребляет своими правами, не гарантирует людям сохранность жизни, здоровья, свободы, имущества, то народ имеет право выступить против тирании и свергнуть тирана. Французский психолог Г. Лебон отмечал, что «завоевания арабов, крестовые походы, Испания времен инквизиции, Англия в пуританскую эпоху, Франция с Варфоломеевской ночью и религиозными войнами показывают, чем становится народ, фанатизированный своими верованиями» [3, с. 104].

Выводы. Завершая работу, отметим, что транзитивная современность характеризуется плюрализмом позиций, что сопровождается снятием ограничений и ответственности, утверждением приоритетности прав природного, биологического человека. Все это объясняет легкость восприятия радикализма, свободный экстремистский характер высказываний миллионов граждан планеты и их деятельность в разных странах. Сегодня Интернет открыл огромные возможности для личности, позволил индивиду стать анонимным, пропагандировать любые идеи, распространить экстремистские убеждения. Как пишут Емелин В., Тхостов А., ныне сохраняется усиленная анонимностью дистанция между противниками, а конфликт разворачивается в исходно виртуальной среде, в которой, правда, могут сформироваться вполне реальные следствия [2, с. 97].

В современную эпоху, в связи с переходом от аграрной цивилизации к индустриальному обществу, а затем и постмодерну, в связи с «волнами модернизации», широкое распространение получили идеи радикализма и экстремизма, агрессии и национализма. Модерниза-

ционные волны, радикальные трансформации привели к изменениям в мировоззрении и сфере ценностей миллиардов людей. С эпохи Просвещения, буржуазных революций были объявлены «смерть Бога», началось «бегство от свободы» и жизнь в условиях «безопорности» бытия. Были созданы идеальные возможности для плюрализации мнений, многообразия идеологий. Все это достигло своей крайней степени в постмодернизме, в условиях постнеклассического поворота в науке, общественном и гуманитарном знании. Эти направления оказали существенное влияние на общественное сознание. Для людей материальный, вещественный мир стал фантомным, потому что они признали необязательными, разорвали связи знаков и означенных предметов.

Идея абсолютного релятивизма превратила любые варианты истины не просто равноправные по смыслу, но и принципиально несопоставимые между собой. Моральное или ценностное суждение стало не универсальным, а ситуационным, поскольку оно легитимировалось лишь в условиях определенной логики, исторического дискурса, социокультурного контекста. Логика антивремени в условиях современности позволяет игнорировать несоответствие убеждений, любые поведения реальности. Эмоции и поверхностные восприятия оказались ничем не хуже логических суждений; они перестали нуждаться в фактических подтверждениях.

Универсальным оправданием любого радикального акта стала постправда. Для современности Истина не требует никакого обоснования, доказательства, значима лишь эмоциональная убежденность. Повсеместное утверждение и даже навязывание идеологии плюрализма привело к релятивизму ценностей и утрате устойчивых ориентиров в постсовременном гетерогенном мире. Плюрализм и толерантность легитимировали весь спектр возможных представлений мировоззренческих форм, в том числе и экстремизма с его примитивной радикальной идеологией. Для современности крайности радикализма обернулись полным равнодушием и абсолютизацией релятивизма в выборе ценностных установок.

В постмодернистской методологии господствующее положение заняла «постнормальная» наука. В связи с непрерывной динамикой современности постнормальным стал значительный ареал научного дискурса. Господствующее положение заняли «порядок из хаоса, а затем и «управляемый хаос», будущее оказалось нелинейным, ускользающим, неопределенным и с девальвированными ценностями. Истина полностью обрела пластичный, плюралистический характер; признание многообразия стало абсолютной нормой и в «постнормальной» науке, и в постмодернистской жизни. В результате,

В результате, современная социальная действительность обрела «постнормальной» характер, ее специфическими характеристиками стали нелинейность, неравновесность, диффузия устойчивых нормативов, наличие разных видов и форм радикализма и экстремизма, агрессии и национализма.

Ныне известную популярность приобрела категория «постнормальное общество». С ее помощью удается фиксировать реальность и парадоксальность повседневности, в которой отсутствуют смыслы в функционировании социума и абсурдность существования человека, хронический, неизлечимый характер их болезни. В мире царит «управляемый хаос»; он определяет себя и свою сущность посредством пустых понятий, начинающихся с префикса «пост». Он представляет собой «ничто», детерминирует «пустоту», в которой господствует всеобщее отрицание предшествующей истории, абсурдность человеческого бытия.

Однако сегодня очевидной становится семантическая, содержательная ущербность понятий с префиксом «пост», потому что они не имеют своей качественной сущности, а лишь указывают на некое соотношение с утраченной «нормальностью», отражают феноме-

нологию и герменевтику растерянности и аномию идентичности. Постиндустриальное общество, постнеклассическая наука, мир постпостмодерна, мир постправды или постистины, «который еще не нашел, как определить себя в терминах того, что он есть, но уже знает, чем только что перестал быть [7, с. 254].

Наша современность оказалась новой «спиралью» в развитии человеческой истории, она обязательно завершится, как отмечали классики философии, «снятием» различных форм радикализма и экстремизма. Следует согласиться с тем, что их корни являют собой часть природной сущности индивида, естественных прав и свобод человека. Очевидно, что новое, качественное развитие цивилизации, непрерывная динамика информационного общества приведут с необходимостью к высокому уровню социализации. Уверен, что именно тогда появится как новый тип социума, так и гармонично развитый человек с новой культурой и нравственностью.

Список литературы

1. Выготский, Л. С. Психология развития человека. М.: Изд-во Смысл, Эксмо, 2005. 1135 с.
2. Емелин, В. А., Тхостов, А. Ш. Вавилонская сеть: эрозия истинности и диффузия идентичности в пространстве интернета // Вопросы философии. 2013. № 1. С. 74–84.
3. Лебон, Г. Психология толп. М.: Институт психологии РАН, 1998. 412 с.
4. Леонтьев, Я. Деятельность. Сознание. Личность. М.: Политиздат, 1975. 304 с.
5. Плампер, Я. История эмоций / Пер. с англ. К. Левинсона. М.: Новое литературное обозрение, 2018. 568 с.
6. Lacan Jacques. Le seminaire, XVII. L'envers de la psychanalyse. Seuil, Paris. 1991. 210 p.
7. Toulmin Stephen. The Return to Cosmology: Postmodern Science as the Theology of Nature, Univ. of California Press, Berkeley. 1982. 283 p.

УДК 316
ББК 60.55

*Джзрагацпаныян Сипан Камоевич,
магистрант МУП-200,
Научный руководитель: Дроздова Юлия Алексеевна,
кандидат социологических наук, доцент,
декан факультета государственного и муниципального управления,
Волгоградский институт управления –
филиал РАНХиГС при Президенте РФ,
Волгоград, Россия*

ЛОЯЛЬНОСТЬ ПЕРСОНАЛА И ЕГО ВОВЛЕЧЕННОСТЬ В ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ОРГАНИЗАЦИИ: СООТНОШЕНИЕ ПОНЯТИЙ И ИХ ОСОБЕННОСТИ

Аннотация. В статье исследуется проблема лояльности и вовлеченности персонала, а также соотношение данных понятий. Цель статьи в поиске общего и отличного в определениях, и выявлении их влияния на работу организации в целом. В работе рассмотрены научные труды различных авторов, анализ которых позволил сделать выводы о не тождественности лояльности и вовлеченности персонала.

Ключевые слова: лояльность, аффективная лояльность, нормативная лояльность, вовлеченность, удовлетворенность, преданность, продуктивность.

*Dzhragatspanyan Sipan Kamo,
master's student MUP-200,
Scientific adviser: Yulia Alekseevna Drozdova,
Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor,
Dean of the Faculty of State and Municipal Administration,
Volgograd Institute of Management –
branch of the RANEPA under the President of the Russian Federation,
Volgograd, Russia*

LOYALTY OF PERSONNEL AND ITS INVOLVEMENT IN THE ACTIVITIES OF THE ORGANIZATION: THE RELATIONSHIP OF CONCEPTS AND THEIR FEATURES

Abstract. The article examines the problem of staff loyalty and involvement, as well as the relationship between these concepts. The purpose of the article is to find similarities and differences in definitions, as well as formulating their importance and impact on the work of the organization as a whole. The paper considers the scientific works of various authors, the analysis of which allowed us to draw conclusions about the non-identity of loyalty and involvement of personnel.

Keywords: loyalty, affective loyalty, normative loyalty, involvement, satisfaction, commitment, productivity.

Анализ существующих в мире методик оценки вовлеченности и лояльности позволяет заметить, что современные исследования иногда ставят знак равенства между лояльностью и вовлеченностью, оценивая вовлеченность по параметрам лояльности, либо интерпретируя

вовлеченность как высшую степень лояльности сотрудника. Сторонниками такого подхода являются, например, А. В. Ковров и Р. А. Долженко [3]. Такая оценка связана, на наш взгляд, с тем, что исследования проводились в маркетинговых целях.

Научный подход, в рамках которого вовлеченность и лояльность рассматриваются как тождественные понятия, не выдерживает эмпирической проверки: простое наблюдение за рабочей обстановкой доказывает, что самые эффективные сотрудники могут не разделять ценностей компании, а иногда даже и критиковать ее – то есть, являясь вовлеченными, не являются лояльными. У них могут быть как объективные, так и субъективные причины выполнять работу как можно лучше. В последнее время обретает свои черты еще одна тенденция – это увеличение общего числа лояльных сотрудников, которые не желают активно участвовать в развитии компании. Они заинтересованы только в сохранении своего положения (в силу своего экономического положения, возраста и т. д.) [5].

Прежде чем приступить к детальному рассмотрению вопросов лояльности и вовлеченности, необходимо предоставить определения терминов, чтобы понятия, о которых пойдет речь далее, не смешивались и не заменяли друг друга.

Лояльность персонала понимается как достаточно широкое понятие, поэтому среди авторов нет единого мнения относительно данного термина. Разные авторы, научные деятели и специалисты в области управления персоналом по-своему трактуют данное понятие, что приводит к невозможности формирования единственного верного описательного подхода.

Анализ определений различных авторов, позволяет сделать вывод, что под лояльностью (от франц. *loyal* – «верность») понимается благосклонное отношение к кому-либо или чему-либо. Работник может быть лоялен к руководителю, своим коллегам или к организации в целом [4].

Вовлеченность (от глагола «вовлекать») понимается большинством авторов как интеллектуальное, эмоциональное и физическое состояние, при котором работники стремятся как можно лучше выполнять свою работу для достижения максимальных результатов [7].

Как видим, эти понятия связаны, но они не могут выступать синонимами. Высокая лояльность не гарантирует вовлеченность и наоборот. Сотрудник может быть лояльным, может продолжать работать в компании, разделять ее ценности, но активность и инициативу не проявлять, или же работник может быть вовлеченным в дело, но из собственного интереса, а не ради получения блага для компании, – в таком случае его не всегда можно назвать лояльным.

Феномен лояльности и его особенности изучались многими специалистами и руководителями с различных точек зрения и в разных контекстах. В результате своих исследований эксперты, в первую очередь психологи, приходили к одному и тому же выводу: лояльность можно считать практически базой для всех форм человеческих отношений. В том числе, предпосылкой для социального обмена и деловых контактов.

В первых исследованиях, посвященных лояльности (например, у Л. В. Портера, Р. М. Стирса, Р. Т. Моудея [9]), приверженность рабочих рассматривалась мономерно, как однородная субстанция. Позже, по мере накопления эмпирического опыта и данных исследований, лояльность стали понимать как неоднородную структуру, состоящую из различных уровней и видов. Так, в 1990 году Н. Дж. Аллен и Дж. П. Мейер представили миру свою трехкомпонентную модель лояльности, которая включает в себя аффективную, нормативную лояльность и лояльность, связанную с обстоятельствами [1]. Последняя включает в себя признаки как нормативной лояльности, так и лояльности, связанной с обстоятельствами.

В соответствии с теорией трехкомпонентной лояльности, аффективная лояльность – это эмоциональная приверженность. Сотрудники с такой лояльностью на уровне эмоций привязаны к компании, отождествляют себя с ней. Аффективная лояльность часто соответ-

ствует такому поведению сотрудников, как гордость за организацию, стремление связать с ней свою жизнь, желание рекомендовать ее в качестве места работы друзьям и т. д.

Нормативная лояльность – это рациональная привязанность. Характер ее формирования – привычка к уровню жизни, который обеспечивается работой в компании; нежелание покидать её из-за сложностей поиска новой работы; чувство долга перед руководством или коллективом. Какой-то настоящей гордости по отношению к организации такой сотрудник обычно не испытывает.

Аффективная лояльность более полезна для компании, потому что предполагает иррациональную привязанность. Сотрудники желают быть частью большой команды, вносить свою вклад в полезный для общества продукт, поэтому удовлетворенность оплатой и условиями труда стоит для них на втором месте. Кроме того, согласно исследованиям Н. Аллена и Дж. Мейера, аффективная лояльность чаще всего связана с высокой производительностью труда сотрудников [1].

Лояльность, несомненно, подразумевает преданность компании в периоды кризиса, а также поддержку перемен, поскольку многие реформы можно считать формами кризиса [11]. Когда сотрудник остается в компании только до тех пор, пока это ему выгодно, вероятнее всего, он не идентифицирует себя частью организации и не разделяет ее целей.

Лояльность сотрудников может быть направлена не только к компании, но и к руководству или отделу.

Сотрудник, которого называют лояльным, действует в пользу организации и не имеет планов ее покинуть. Он испытывает чувство гордости за свое место работы, сопоставляет свои перспективы с развитием компании, воспринимает корпоративные цели и ценности как свои собственные.

Лояльность руководству может выражаться в доверии ко всем его решениям. Сотрудник будет воспринимать руководителя как сильного лидера, который всегда сможет направить и дать поддержку. Лояльность отделу обычно проявляется в верности коллективу и стремлении поддержать коллег.

Нелояльность формируется на разобщении и соперничестве людей. Если человек не знает, какую роль его участок работы играет в общем результате компании, не знает целей своего подразделения, какую значимость имеет конкретно его вклад в достижение целей организации – его лояльность под большим сомнением. Вероятно, ему просто по душе работать в коллективе хороших, понятных людей, и по инерции он никуда не желает двигаться. И это, конечно, не имеет ничего общего с лояльностью к организации.

Для разработки комплекса целевых мероприятий, направленных на повышение лояльности работников, необходимо определить ее тип и степень у различных групп персонала [6].

На комплекс мер также повлияет разница между уровнем лояльности работников к организации в целом и непосредственному руководству. В случае, если человек лоялен персонально к своему окружению и руководителю, его близкий круг общения на работе начинает оказывать на него слишком сильное влияние. Часто встречающимся и довольно опасным следствием этого является увольнение внушительного числа подчиненных вслед за своим лидером, решившим сменить место работы. Нередко встречаются и противоположные ситуации, когда даже высокая лояльность к компании не способна остановить сотрудника от увольнения, если у него не ладятся отношения со своим непосредственным руководителем.

Как мы отметили выше, аффективная и нормативная лояльность по-разному проявляются в поведении сотрудников. Важным отличием первой от второй является наличие у человека гордости за компанию, бренд или продукт. При этом стремление не уходить из компании выражается в словах и действиях сотрудников с обоими типами лояльности. Таким обра-

зом, необходимо оценивать весь спектр поведенческих характеристик, свойственных лояльным сотрудникам.

Отличие аффективной лояльности от нормативной наблюдается и по побуждающим их мотивам – нерациональным или рациональным.

В случае с нерациональной мотивацией сотрудники поддаются влиянию таких показателей, как сильный бренд компании, организационная культура, стиль руководства, писанные правила и неписанные традиции, качество и полезность продукции или услуг, рабочая атмосфера.

Рациональными мотивами являются заработная плата и условия труда, прозрачность карьеры, влияющая на статус и материальное положение и др.

Оценка различных корпоративных исследований показывает, что человек может проявлять среднюю или высокую лояльность, даже если он не очень удовлетворен.

Такой парадокс часто встречается в компаниях, которые проповедуют социально значимую миссию либо имеют известный потребительский или HR-бренд, но обладают при этом не лучшими условиями труда. Сотрудники таких организаций могут чувствовать себя частью чего-то значительного, успешного и до какого-то момента не обращать внимания на удовлетворение своих основных потребностей – зарплаты, социальных льгот и т. д.

Совокупность таких показателей, как гордость за организацию, стремление работать в ней в будущем и низкая удовлетворенность, может свидетельствовать о впечатляющем бренде компании. Из-за желания быть частью крупного бренда работники готовы какое-то время терпеть некомфортные условия или недостаточный, с их точки зрения, уровень заработной платы [8].

Интерес стать частью успешной общности очень силен в людях. Несмотря на это, в некоторых случаях наблюдается противоречивая ситуация: сотрудники искренне гордятся своей компанией, но при этом не рекомендуют ее друзьям и знакомым в данный момент.

Если сотрудники не ощущают гордости за свою организацию, нежелание менять место работы вместе с низкой удовлетворенностью явно будут свидетельствовать о слабой лояльности.

На уровне поведения это выражается следующим образом: вероятнее всего, такие люди не будут проявлять инициативу и поддерживать политику реформ в организации – они будут лишь формально выполнять свои обязанности, надеясь на скорое перемещение к более привлекательному работодателю.

Для компании в целом такая ситуация невыгодна и даже опасна: она не позволяет перейти от тактических к стратегическим целям, потому что отсутствует доверие к персоналу. Кроме того, низкая лояльность часто негативно сказывается на уровне обслуживания клиентов и несет репутационные риски для компании.

Высокая командная лояльность является конкурентным преимуществом бизнеса в условиях неопределенности или обострения борьбы за лучших сотрудников. Потеря ценного сотрудника часто приводит к дополнительным расходам, сравнимым с его общей годовой зарплатой, а также серьезно нарушает процессы в компании. Стоимость поддержания лояльности, как правило, в разы ниже.

Исследования социологов и психологов не выявляют также и высокой зависимости между верностью сотрудника и его продуктивностью. Например, в работах Б. Г. Ребзуева говорится, что связь между ними есть, однако она является косвенной и несущественной, а ее возникновение зависит от многих факторов, в том числе от рабочей обстановки в компании [10].

Также и некоторые руководители считают, что лояльность по своему определению означает повышенную вовлеченность сотрудника на работе. Если предположить, что человек хочет стать частью определенной группы, то это не всегда гарантирует, что он будет стремиться быть в ней эффективным. Вовлеченность без лояльности дает результат лишь на ограниченный срок. В мировой культуре есть много примеров вовлеченных, но крайне непродуктивных сотрудников, и наоборот. Да, сотрудник качественно выполняет свои обязанности, но сама работа и работодатель не имеют для него большой ценности. Вовлеченность без лояльности ведет к увольнениям, беспорядкам внутри команды и непредсказуемым кризисам [2].

Возвращаясь к вопросу связи лояльности и вовлеченности, можно отметить, что в своих исследованиях Н. Аллен и Д. Мейер демонстрируют, что высокая эффективность работы чаще всего является продуктом и показателем аффективной лояльности, в то время как сотрудники с нормативной лояльностью редко бывают продуктивными [1].

Аффективная лояльность, как уже говорилось, представляет собой эмоциональную привязанность. Её отличительная черта – гордость сотрудников за компанию, в которой они работают, за продукт, в создании которого они участвуют. Если в организации одновременно с этим действует прозрачная система профессионального развития и карьерного роста, сотрудники планируют работать в такой компании неопределенно долго. Реальная возможность развития в должности, прикладывая невероятные усилия для выполнения рабочих задач, будет мотивировать сотрудников делать немногим более, чем от них ожидает руководство или чем указано в должностной инструкции. Все это становится прочной основой для развития в сотрудниках сильного вовлечения в процесс. И если рабочая атмосфера в организации содействует быстрому и эффективному выполнению задач, сотрудники будут не только лояльными, но и вовлеченными.

Таким образом, можно сделать вывод, что понятия лояльности и вовлеченности отличаются и не могут подменять друг друга. Если рассматривать эти понятия с точки зрения выгод для организации, то в краткосрочной перспективе, вероятно, организации будет важнее вовлеченность персонала, однако для реализации стратегических планов и целей любой компании, конечно, нужен лояльный персонал. Высшая же точка развития организации в плане работы с персоналом – это достижение и высокой вовлеченности, и лояльности сотрудников одновременно.

Список литературы

1. Meyer, J. P., Allen, N. J. A three-component conceptualization of organizational commitment // *Human resource management review*. 1991. Т. 1. № 1. С. 61–89.
2. Амельченко, Д. М., Помыткина И. А. Исследование вовлеченности персонала компании // *Международный научно-исследовательский журнал*. 2018. № 12 (66) Часть 3. С. 6–8.
3. Долженко, Р. А. Удовлетворенность, вовлеченность, лояльность персонала: уточнение и конкретизация понятий. Текст: электронный // *Вестник Алтайского государственного аграрного университета*. 2014. № 9 (119). С. 157–160.
4. Доминьяк, В. И. Феномен лояльности в разработках зарубежных исследований // *Персонал-Микс*. 2013. № 1. С. 107–111.
5. Иванова, А. Г., Батарчук, Д. С. Особенности и факторы управления лояльностью персонала современной организации // *Экономика и социум*. 2017. № 11 (42). С. 1160–1163.
6. Илларионова, Е. А. Роль категории «лояльность» в управлении персоналом // *Современные проблемы горно-металлургического комплекса. Наука и производство: материа-*

лы Четырнадцатой Всероссийской научно-практической конференции, с международным участием. 2017. С. 221–226.

7. Масилова, М. Г., Бурцева, Ю. В. Вовлеченность персонала как характеристика организационной культуры // Территория новых возможностей. Вестник Владивостокского государственного университета экономики и сервиса. 2016. № 3. С. 137–145.

8. Мотина, Л. С. Связь удовлетворённости трудом с лояльностью персонала // Вестник магистратуры. 2018. № 1-3. С. 198–200.

9. Портер, Л. В., Стирс, Р. М., Моудей, Р. Т., Булиан, П. В. Организационные приверженность, удовлетворенность работой и текучесть // Журнал прикладной психологии. 1974. Вып. 59. С. 603–609.

10. Ребзуев, Б. Г. Четырехслойная модель аффективной преданности: опыт применения на российской выборке // Психологический журнал. 2006. Т. 27. № 2. С. 44–59.

УДК 37.015.03
ББК 88.6

*Дока Наталья Владиславовна,
адъюнкт факультета подготовки научно педагогических кадров,
Академия ФСИН России,
г. Рязань, Россия*

ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ СРЕДА КАК УСЛОВИЕ РАЗВИТИЯ СОЦИАЛЬНОЙ ЗРЕЛОСТИ КУРСАНТОВ

Аннотация. В данной статье представлены взгляды зарубежных и отечественных авторов на понятие социальная зрелость. В статье рассматривается социальная зрелость в процессе подготовки курсантов в высших учебных заведениях ФСИН России. Образовательная среда оказывает влияние на формирование и развитие социальной зрелости курсантов высших учебных заведений ФСИН России.

Ключевые слова: социальная зрелость, образовательная среда, профессиональная подготовка.

*Doka Natalya Vladislavovna,
Adjunct of the Faculty of Training of Scientific and Pedagogical Personnel,
Academy of the Federal Penitentiary Service of Russia,
Ryazan, Russia*

SOCIAL MATURITY AND EDUCATIONAL ENVIRONMENT IN ORGANIZATIONS OF THE FEDERAL PENITENTIARY SERVICE OF RUSSIA ENGAGED IN EDUCATIONAL ACTIVITIES

Abstract. This article presents the views of foreign and domestic authors on the concept of social maturity. The article examines social maturity in the process of training cadets in higher educational institutions of the Federal Penitentiary Service of Russia. The educational environment influences the formation and development of social maturity of cadets of higher educational institutions of the Federal Penitentiary Service of Russia.

Keywords: social maturity, educational environment, professional training.

Формирование и развитие социальной зрелости для дальнейшей профессиональной деятельности курсантов образовательных организаций ФСИН России происходит в процессе профессиональной подготовки и является актуальной проблемой в системе образования.

Развитие социальной зрелости личности происходит не только в процессе жизнедеятельности, но и в процессе учебно-профессиональной подготовки в образовательных организациях. Важным условием в развитии социальной зрелости является создание благоприятной образовательной среды, направленной на улучшение образовательного процесса.

В нашей статье мы рассмотрим различные подходы на организацию образовательной среды с целью создания благоприятной обстановки, направленной на развития социальной зрелости курсантов образовательных организаций ФСИН России – будущих сотрудников организаций ФСИН России.

Развитие социальной зрелости в отечественной и зарубежной психологии рассматривалось с разных сторон.

Социальная зрелость, по мнению К. Г. Юнга понимается как достижение самости [4, с. 187].

А. Адлер рассматривал социальную зрелость, характеризующиеся, стилем жизни, социальным интересом и высокой степенью активности, а также социально-полезным типом установок, истинной заботой о других, заинтересованности в общении, готовностью вносить вклад в благоденствие других людей [1, с. 158].

С точки зрения Ф. Перлза социальная зрелость – это опора на себя и на саморегуляцию [3, с. 76].

Б. Г. Ананьев и В. Н. Мясищев в своем комплексном подходе характеризовали социальную зрелость устойчивостью ценностей и убеждений, активной социальной позицией, способностью к высокой адаптации [2, с. 173].

По нашему мнению, важным компонентом профессиональной подготовки является образовательная среда.

С психолого-педагогической точки зрения были проанализированы психолого-педагогические образовательные системы, которые были разработаны и использованы на разных этапах исторического процесса. В. Я. Ясвин определяет следующие типы образовательной среды, как: догматическая (Я. А. Коменский); безмятежная (Ж. Ж. Руссо); карьерная (Дж. Локк, А. С. Макаренко); творческая (Я. Корчак) [4, с. 49]. Рассмотрим каждый из типов образовательной среды для того, чтобы выявить наиболее благоприятный тип для развития социальной зрелости курсантов образовательных организаций ФСИН России.

Догматическая образовательная среда. Основной идеей является соблюдение норм и ценностей. Не учитываются индивидуальность и личностные особенности. Преподаватель является авторитетным, и даже в какой-то степени авторитарным. Ученику надо подстраиваться к преподавателю. В. А. Ясвин отмечает, что в этой системе, присутствует коллективный характер, в котором инициатива, креативность и активность запрещаются, а нарушение данного правила ведет к наказанию. В условиях этой среды ученику свойственны такие качества, как беспомощность, пассивность, замкнутость, зависимость.

Безмятежная образовательная среда представлена в системе Ж. Ж. Руссо. В отличие от догматической системы в этой тенденции обратная, преподаватель подстраивается к ученику. Хотя воспитание и носит характер развития свободы ученика, а развитие инициативности происходит лишь в образовательном процессе, где воспитание является важнее, чем гармоничное, зрелое развитие. При подходе Ж. Ж. Руссо, как определяет П. Ф. Лесгафт, формируется добродушный тип, пассивно-свободная личность.

Карьерная образовательная среда. В. А. Ясвин описывает педагогическую систему Дж. Локка и А. С. Макаренко: в педагогике Дж. Локка не применяются наказания. Он, считает, что в первую очередь следует развивать активность, инициативу ученика и его личность в целом. Однако ученик подчиняется преподавателю. В следствии такой полярной направленности в воспитании и образовательном процессе у ребенка формируется честолюбивый тип (по мнению П. Ф. Лесгафта). В карьерной образовательной среде, согласно В. А. Ясвину, воспитание носит коллективный характер.

Творческая образовательная среда представлена педагогической системой Я. Корчака. Ученый считает, что воспитание следует подстраивать под ученика, его индивидуальность. Первостепенным является поддержка самостоятельности, активности. Данная система позволяет воспитывать гармоничную, свободную, социально-зрелую личность. По классификации П. Ф. Лесгафта она формирует и дальнейшим развивает идеальный (нормальный) тип личности [5, с. 106].

Исходя из анализа психолого-педагогической литературы можно сделать вывод, что, для дальнейшей успешной профессиональной деятельности курсантам подходит совокупность карьерной и творческой образовательной сред, так как она делает упор на коллективизм, она учит умению подчиняться и приведет к гармоничной, свободной, социально-зрелой личности.

Таким образом, можно сделать вывод, что социальная зрелость курсантов является сложным и малоизученным феноменом. Понятие «социальная зрелость курсантов», по нашему, представляется такими характеристиками, как активная жизненная позиция и ответственность; саморегуляция поведения в социуме, работа с информацией; социально-коммуникативная компетентность; способность к саморазвитию, самообразованию в социальной среде; социально-психологическая адаптация и на основе характеристик социальной зрелости и, активизации качеств, личностных особенностей и происходит процесс развития которыми необходимыми для их дальнейшей служебной деятельности. Совокупность карьерной и творческой образовательной сред курсантов являются основными для развития социально-зрелой личности.

Список литературы

1. Адлер, А. Практика и теория индивидуальной психологии / А. Адлер; пер. с англ. М.: Академический проект, 2007. 158 с.
2. Ананьев, Б. Г. Человек как предмет познания / Б. Г. Ананьев. СПб.: Питер, 2001. 173 с.
3. Перлз, Ф. Гештальт-семинары / Ф. Перлз; пер. с англ. М.: Институт общегуманитарных исследований, 2007. 76 с.
4. Юнг, К. Г. Проблемы души нашего времени. Пер. с нем. / Предисл. А. В. Брушлинского. М.: Издательская группа «Прогресс». «Универс». 1993. С. 185–203.
5. Ясвин, В. А. Образовательная среда: от моделирования к проектированию. М.: Смысл, 2001. С. 49–106.

УДК 316.351
ББК 60.54

*Дроздова Юлия Алексеевна,
кандидат социологических наук, доцент,
декан факультета государственного и муниципального управления,
Волгоградский институт управления –
филиал РАНХиГС при Президенте РФ,
Волгоград, Россия*

СОЦИАЛЬНЫЙ КАПИТАЛ ГОРОЖАН И СЕЛЬСКИХ ЖИТЕЛЕЙ: НОВЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ И ОГРАНИЧЕНИЯ В УСЛОВИЯХ ТРАНЗИТИВНОСТИ

Аннотация. Социальный капитал автор статьи рассматривает как основной ресурс и фактор развития территориальных общностей – горожан и сельских жителей. В современных условиях социальный капитал территориальных общностей представляет сложное взаимодействие пространства и времени, оказывающих влияние на устойчивые социальные интеракции между индивидами. Анализ тенденций формирования и развития социального капитала территориальных общностей в условиях транзитивности является целью социологического исследования на основе комбинированной стратегии. Гипотезой исследования является предположение, что условия транзитивности определяют ослабление социальных связей между членами территориальных общностей, снижение вовлеченности горожан в активные социальные практики, направленные на развитие города, локальных территорий. Комбинированная стратегия включала, как количественные методы исследования (опрос жителей городов Волгоградской области (n = 516, июль – август 2019 г.); опрос сельских жителей, Волгоградская область, n = 332, июль – сентябрь 2019 г.); Интернет-опрос населения Волгоградской области (n = 300, Волгоградская область, март-апрель 2022 года), так и качественные (глубинные интервью с представителями органов муниципальной власти, научного сообщества, городскими и сельскими активистами, архитекторами, лидерами ТСЖ, старожилами – представителями городской и сельской территориальных общностей (N = 35, июль 2019 – январь 2022 года, метод «доступного случая»).

Полученные результаты частично подтвердили гипотезу исследования, мы наблюдаем трансформацию социального капитала у горожан и сельских жителей, появление его новых гибридных форм, что свидетельствуют о новой социальной реальности, инертной социальной среде, которую можно охарактеризовать как социальная аномия.

Ключевые слова: социальный капитал, территориальные общности, горожане, сельские жители, пространственно-временной континуум, инертная социальная среда.

Drozdova Julija Alekseevna
candidate of sociological sciences,
associate professor,
dean of the Faculty of Public and Municipal Administration
Volgograd Institute of Management of
Russian academy of National economy and public administration,
Volgograd, Russian Federation

**SOCIAL CAPITAL OF CITIZENS AND RURAL RESIDENTS:
NEW OPPORTUNITIES AND LIMITATIONS
IN THE CONDITIONS OF TRANSITIVITY**

Abstract. The author of the article considers social capital as the main resource and factor of development of territorial communities – citizens and rural residents. In modern conditions, the social capital of territorial communities represents a complex interaction of space and time, which influence stable social interactions between individuals. The analysis of trends in the formation and development of social capital of territorial communities in conditions of transitivity is the purpose of sociological research based on a combined strategy. The hypothesis of the study is the assumption that the conditions of transitivity determine the weakening of social ties between members of territorial communities, a decrease in the involvement of citizens in active social practices aimed at the development of the city, local territories. The combined strategy included both quantitative research methods (a survey of residents of the cities of the Volgograd region (n = 516, July – August 2019); a survey of rural residents, Volgograd region, n = 332, July – September 2019); Internet survey of the population of the Volgograd region (n=300, Volgograd region, March-April 2022), as well as qualitative (in-depth interviews with representatives of municipal authorities, the scientific community, urban and rural activists, architects, old-timers – representatives of urban and rural territorial communities (N = 35, July 2019 – January 2022, the «available case» method).

The obtained results partially confirmed the hypothesis of the study; we observe the transformation of social capital in urban and rural residents, the emergence of its new hybrid forms, which indicate a new social reality, an inert social environment – a social anomie.

Keywords: social capital, territorial communities, townspeople, rural residents, space-time continuum, inert social environment.

Основываясь на концепции социального капитала П. Бурдье [1], Джеймса Коулмана [5], Роберта Патнэма [15] и парадигме структуризации Э. Гидденса [2], мы определяем социальный капитал как основной социальный ресурс, образующийся за счет устойчивых социальных интеракций между индивидами. На социальный капитал горожан и сельских жителей, как основных территориальных общностей в пространственно-временном континууме региона, влияет политическая, экономическая, трудовая деятельность людей, организация быта, их мироотношения (соперничества (конфронтации) – сотрудничества (партнерству); социальные взаимодействия (толерантности (терпимости) – агрессивности (конфронтации) [7] и многие другие аспекты образа жизни людей.

Социальный капитал зависит от социального контекста, социальной среды жизнедеятельности индивидов, происходящих событий, стремительных трансформаций, которые определяют динамические отношения между структурными элементами социального капитала, их колебания в пространственном и временном масштабе.

Социальный капитал является не только основным социальным ресурсом территориальных общностей, но его наличие является системообразующим признаком территориальной общности. Среди таких признаков, определяющих территориальную общность, помимо социального капитала, мы также выделяем: общее место жительства; общую повседневность (общее время), – то что образует пространственно-временной континуум; социальные взаимодействия; общие интересы, общие цели; управление и самоуправление; динамику/темпоральность и чувство общности – территориальную идентичность.

В контексте нашего исследования именно территориальная общность («сообщность» [12]), как первичная единица социальной организации, «микроскопы общества» [6], местные общества [4] образуется для удовлетворения повседневных потребностей людей на определенной территории, через сеть интеракций и предполагает устойчивое соотнесение каждого представителя «community» с данной территориальной общностью, «осознание этой причастности, ощущение принадлежности и безопасности вследствие этого» [3]. Но территориальная общность претерпевает существенные изменения: *«...территориальная общность в традиционном понимании трансформировалась. < > Сейчас соседи по лестничной клетке, соседи в твоём дворе, ...ты можешь не замечать, кто они такие, где они, и это абсолютно не важно. При этом очень большой разрыв – социальный, финансовый между населением, благосостоянием. И люди ...все как-то пытаются уединиться в своей квартире или переехать, вообще в отдаленное жилье, чтобы как меньше взаимодействовать с кем-то другим»* (эксперт № 1, Волгоград, активист).

В условиях транзитивности, как состоянии постоянного перехода, изменчивости состояний, трансформаций общества [11], проектности «жизненного мира» [13] происходит постоянное конструирование / реконструирование социального доверия, норм и сетей, которые горожане и сельские жители используют для решения общих проблем, ресурсообеспеченности, как на индивидуальном (микроуровне), так и на глобальном (макроуровне).

Но территориальная общность как сеть социальных отношений в условиях транзитивности предполагает различные формы и траектории формирования и изменения социального капитала. И горожане, и сельские жители могут актуализировать различные виды капитала социального, финансового, информационного в едином пространственно-временном континууме. Но в решении различных вопросов и в различных жизненных ситуациях, как показало проведенное исследование, респонденты-сельские жители обращаются, прежде всего к родственникам: например, при строительстве, ремонте – 66,9 % опрошенных; за медицинской помощью – 39,8 % респондентов; чтобы занять деньги – 62,3 %; за экономической помощью и компьютерной консультацией – 27,4 % и 34,3 % респондентов соответственно. Также большой процент участников опроса среди сельских жителей ни к кому не обращаются, надеются только сами на себя: например, при покупке и доставке продуктов так поступает 49,1 % респондентов, при решении личных проблем – 58,7 % опрошенных.

Большинство сельских жителей демонстрируют модель, связанную с индивидуальными, а не коллективными поведенческими стратегиями, что свидетельствует о трансформации сельской общности.

Ответы респондентов-горожан распределились следующим образом: обратились бы к родственникам/ друзьям при строительстве, ремонте – 63,7 % / 12,8 % опрошенных, за медицинской помощью – 41 % / 11,7 % респондентов, чтобы занять деньги – 56,5 % / 26,6 % участников опроса; за экономической помощью и компьютерной консультацией – 29,9 % / 17,3 % респондентов и 26,8 % / 31,5 % опрошенных горожан, соответственно. Почти половина опрошенных респондентов-горожан в любой ситуации также надеются только на себя, предпочитают ни к кому не обращаться.

Взаимодействие только с первичными группами затрудняет формирование социального капитала и горожан, и сельских жителей, но и сближает данные территориальные общности, во многом переживающие схожие процессы в условиях транзитивности [9].

Изучая территориальную общность, исследователи выявляют возможности социальных акторов действовать на определенной территории успешно или не успешно – для себя и для города/сельского поселения, и такой показатель, как социальная активность, также определяет качество социального капитала. Как показало проведенное исследование, трансформирующаяся территориальная общность порождает новые формы активности – сетевой, на сегодняшний момент, в большей степени, являющейся характерной чертой взаимодействия горожан: *«В нашем ТСЖ создана группа в WhatsApp, мы обсуждаем различные текущие и экстренные проблемы, в том числе информируем о субботниках, собраниях, или других событиях в нашем дворе и городе. ...Но, как правило, активность в группе редко перерастает в активность личного участия в таких мероприятиях. Обычно на субботники приходят одни и те же, так же, как и не находят время на них, другие жители, даже, если принимали активное участие в обсуждении. Они всегда заняты оказываются в эти дни, и все проблемы решают «активисты», которым «больше всех надо», а их единицы, равнодушных людей, их все меньше становится»* (эксперт 9, лидер ТСЖ, женщина, 60 лет). При этом значительная доля опрошенных горожан (38,2 %) и сельских жителей (32,6 %) не участвовала за последние два года ни в одном мероприятии на территории своего двора / города/ сельского поселения. Полученные в Интернет-опросе данные также подтверждает гипотезу, как о сближении территориальных общностей горожан и сельских жителей, так и трансформации / транзитивности социальных связей, снижении солидарности, социальной активности, что также может являться характеристикой инертной среды управления.

Солидарными свои отношения внутри территориальной общности («с жителями города (села), в котором живут») назвали только 17,1 % опрошенных горожан и 35,2 % сельских жителей, при этом вариант, свидетельствующий о дистанцировании, отсутствии, как солидарности, так и конфликтов выбрали 46,6 % горожан и 38,9 % сельских жителей, что свидетельствует о частичном подтверждении выдвинутой гипотезы. Но мы не можем полностью утверждать о подтверждении выдвинутых гипотез в связи с достаточно большим процентом респондентов, выбравших вариант ответа «затрудняюсь ответить»: среди сельских жителей таких при оценке уровня солидарности с жителями своего города, села оказалось 15,4 % респондентов, среди горожан – 11,7 % участников опроса. С одной стороны, эти показатели могут быть отнесены к определенному проценту людей, не желающих давать, по их мнению, «социально неодобряемый ответ» об отсутствии солидарности, с другой, – может частично характеризовать социальную апатичность участников опроса. Полученные данные предполагают дальнейшее исследование проблем, мониторинг социального самочувствия, солидарных связей изучаемых территориальных общностей.

Пандемия также внесла существенные корректировки в социальные отношения горожан и сельских жителей, усилив тенденцию к преобладанию индивидуальных поведенческих стратегий, популярности Интернет-коммуникации. Это, безусловно, связано с заботой и страхом за собственное здоровье, своих родных, друзей в условиях пандемии, но, с другой стороны, свидетельствует о еще большей атомизации общества в условиях пандемии: *«Был и остается большой страх и за свою жизнь, и за родных, друзей. Медицина многим не помогла, лекарств не хватало, квалифицированных врачей, в больницу люди в 2020 не могли попасть. С детьми стали общаться чаще по Интернету: они нас берегут, мы боимся. С внуками по месяцу не видимся, хотя живем в одном городе»* (женщина, 65 лет, житель города).

Предполагаем, что «транзитивное общество» определяет две разновекторные тенденции в обществе: к сближению (нивелированию различий) и противопоставлению (увеличению различий) жителей городов и сельских поселений на современном этапе. Территориальные общности горожан и сельских жителей в пространственно-временном континууме Волгоградского региона, имеют средний и ниже среднего уровень социального капитала. Это обусловлено как внутренними, так и внешними факторами развития территории. Среди внешних факторов, влияющих на уровень социального капитала, мы выделяем транзитивность общества: экономический кризис, изменение нормативно-ценностной системы, снижение уровня и качества жизни, управления, растущую внешнюю и внутреннюю миграцию. К внутренним факторам можно отнести социальную апатию, пассивность, инертность, отсутствие доверия к институциональным акторам и друг другу, опыта самоорганизации и самоуправления социальными ресурсами.

Социальный капитал имеет коллективную природу, для его формирования и развития необходимы отношения взаимности, или реципрокности (*reciprocity*) с Другими [8, с. 228], которые поддерживаются существующими в конкретном обществе социальными и культурными нормами, традициями, паттернами и специфичными для тех или иных групп социально-культурными условиями существования. Территориальные общности именно поэтому представляют социальные сети как результат целенаправленного конструирования институционализированных групповых отношений.

Сети отношений являются результатом, прежде всего, коллективных инвестиционных ресурсных стратегий, осознанно или неосознанно ориентированных на установление или воспроизводство перспективных социальных отношений между родственниками, соседями, коллегами, земляками. Поэтому управление воспроизводством социального капитала должно строиться на стимулировании и мотивировании людей к объединению, формировании территориальной общности путем создания благоприятных условий взаимодействия, а также долгосрочных и планомерных инвестициях в социальный капитал территориального сообщества.

Изменить инертную среду управления, не способствующую формированию социального капитала, возможно и путем дальнейшего нивелирования дискриминации горожан и сельских жителей, в том числе, в сфере экономических отношений (развитие сельскохозяйственного предпринимательства, установление деловых внутрирегиональных, межрегиональных и международных связей, «удержание» квалифицированных специалистов, как в городе, так и сельской местности достойными условиями труда, качеством жизни и уровнем заработных плат и т.д.)

Перспективами в создании, освоении и воспроизводстве социального капитала территориальных общностей, является сочетание инновационных и традиционалистских паттернов территориального развития и особый альтернативный сценарий развития провинциальных регионов, основанный на использовании уникальных социальных ресурсов (истории, ценностей, и т.д.), территории в пространственно-временном континууме.

Но постоянно изменяющиеся пространственно-временные условия жизнедеятельности территориальных общностей, социальная турбулентность, нелинейные изменения, рост социальных рисков, которые и определяют состояние транзитивности общества предполагают проведение постоянного мониторинга по разработанной автором методологии для анализа социальной ресурсообеспеченности общностей, позволяющей принимать, как тактические, так и стратегические решения по управлению территориями.

Список литературы

1. Бурдые, П. Формы капитала / П. Бурдые // Экономическая социология (электронный журнал). 2002. Т. 3. № 5. С. 60–74. URL: https://ecsoc.hse.ru/data/2011/12/08/1208205039/ecsoc_t3_n5.pdf#page=60 (дата обращения 19.11.22)
2. Гидденс, Э. Устроение общества: очерк теории структуризации / Э. Гидденс. М.: Академический Проект, 2003. 528 с.
3. Горяченко Е. Е. Территориальная общность в изменяющемся обществе / Е. Е. Горяченко. URL: <http://nesch.ieie.nsc.ru/GLGOR.html> (дата обращения 27.10.2022).
4. Корчак, Е. А. Роль местных сообществ в достижении устойчивого территориального развития / Е. А. Корчак // Региональная экономика и управление: электронный научный журнал. 2020. № 4 (64). URL: <https://eee-region.ru/article/6411/>
5. Коулман, Дж. Капитал социальный и человеческий / Дж. Коулман // Общественные науки и современность. 2001. № 3. С. 121–139.
6. Ледяев, В. Г. Социология власти. Теория и опыт эмпирического исследования власти в городских сообществах / В. Г. Ледяев. Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2012. 472 с.
7. Процессы идентификации российских граждан в социальном пространстве «своих» и «несвоих» групп и сообществ (1999–2002 гг.). Мастер-класс профессора В. А Ядова. Методологический практикум для студентов социологов. М.: Аспект Пресс, 2004. 321 с.
8. Реутов, Е. В., Реутова М. Н. Реципрокность ожиданий: практики благотворительности / Е. В. Реутов, М. Н. Реутова // Научные ведомости. Серия Философия. Социология. Право. 2018. Том 43. № 2. С. 226–232.
9. Савченко, Д. В. Социальные группы в структуре общества: теоретические концепции и управленческие модели / Д. В. Савченко // Общество и право. 2014. № 3 (49). С. 292–296.
10. Тимофеевко, В. А. Транзитивное общество в контексте философии и права: историко-ретроспективный подход / В. А. Тимофеевко // Современные проблемы науки и образования. 2015. № 2 (часть 2). URL: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=21561> (дата обращения 21.11.22)
11. Федотова, М. Г. К содержанию понятия «транзитивное общество» / М. Г. Федотова. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-soderzhaniyu-ponyatiya-tranzitivnoe-obschestvo/viewer> (дата обращения 12.12.22).
12. Шилз, Э. Общество и общества: макросоциологический подход / Э. Шилз // Американская социология: перспективы, проблемы, методы / Отв. ред. Г. В. Осипов. М.: Прогресс, 1972. С. 341–348.
13. Шютц, А. Смысловая структура повседневного мира: очерки по феноменологической социологии / А. Шютц. М.: Институт Фонда «Общественное мнение», 2003. 336 с.
14. Becker, G. Human capital: A theoretical and empirical analysis, with special reference to education / G. Becker. Chicago: University of Chicago press, 2009. 412 p.
15. Putnam, R. Bowling Alone: America's Declining Social Capital / R. Putnam // The Journal of Democracy. 1995. Vol. 6. no. 1. Pp. 65–78.

УДК 164, 510.6
ББК 87.4

Задорин Вячеслав Владимирович
кандидат философских наук, доцент,
доцент кафедры социологии, общей и юридической психологии,
Кленин Игорь Сергеевич
старший преподаватель кафедры физической и специальной подготовки
Волгоградский институт управления –
филиал РАНХиГС при Президенте РФ,
Волгоград, Россия

О ТРАНЗИТИВНЫХ И НЕТРАНЗИТИВНЫХ ОТНОШЕНИЯХ В ЛОГИКЕ

Аннотация. В работе проводится сопоставление формализмов, выражающих отношения транзитивности и нетранзитивности в логике высказываний, а также в логике одноместных предикатов. Выделяется частный случай нетранзитивного отношения, который является тождественно истинной формулой логики высказываний, и проводится аналогия между этим случаем и отношением транзитивности в логике высказываний и, соответственно, четвертой и первой фигурой аристотелевских силлогизмов. Актуальность и, вместе с тем, дискуссионный характер работы авторы видят в том, чтобы сквозь призму соотношения транзитивности и нетранзитивности рассмотреть вопросы, связанные с демаркацией классической и неклассической логик.

Ключевые слова: транзитивность, нетранзитивность, логика высказываний, логика одноместных предикатов.

Zadorin Vyacheslav Vladimirovich
Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor,
Associate Professor of the Department of Sociology,
General and Legal Psychology,
Klenin Igor Sergeevich
Senior Lecturer of the Department of Physical and Special Training
Volgograd Institute of Management -
branch of the RANEPА under the President of the Russian Federation,
Volgograd, Russia

ON TRANSITIVE AND NON-TRANSITIVE RELATIONS IN LOGIC

Abstract. The paper compares the formalisms expressing the relations of transitivity and non-transitivity in the logic of propositions, as well as in the logic of one-place predicates. A special case of a non-transitive relation is singled out, which is an identically true formula of propositional logic, and an analogy is drawn between this case and the transitivity relation in propositional logic and, accordingly, the fourth and first figures of Aristotelian syllogisms. The relevance and, at the same time, the debatable nature of the work, the authors see is to consider issues related to the demarcation of classical and non-classical logic through the prism of the relationship between transitivity and non-transitivity.

Keywords: transitivity, non-transitivity, propositional logic, logic of one-place predicates.

Особый интерес к формализации нетранзитивных отношений обусловлен тем, что они часто встречаются в предметных областях с отношениями неупорядоченных или не вполне

упорядоченных последовательностей – таковы, например, многие повседневные отношения в социуме. Скажем, если у меня есть выбор между яблоком и абрикосом, я предпочту абрикос; если у меня есть выбор между абрикосом и сливой, я предпочту сливу, но, если у меня есть выбор между яблоком и сливой, я, вопреки отношению транзитивности, предпочту яблоко. В связи с нарушением принципа транзитивности возникает вопрос: не является ли тогда изучение нетранзитивных отношений прерогативой неклассической логики? Лейтмотив нашей работы – показать, что рассматривая ниже разновидность нетранзитивных отношений относительно к двузначной классической логике высказываний, а также к логике одноместных предикатов – аристотелевской силлогистике. Символизм формул в нашей работе является общепринятым, поэтому читателя, которому пояснения покажутся желательными, мы отсылаем, например, к работам [1-5].

Вообще, **транзитивность** – это такое свойство последовательности двухместных отношений объектов, при котором завершающее отношение устанавливается между одним из аргументов первого отношения и одним из аргументов предпоследнего и *является* тем же самым, что и каждое из предшествующих отношений. Впервые с отношениями транзитивности мы встречаемся, пожалуй, в школе на уроках математики. Здесь мы говорим, что отношения равенства («=») и больше-меньше («>») транзитивны, т.е. если, например, какое-то число больше какого-нибудь другого, а то, в свою очередь, больше третьего, то первое больше третьего. Подобным образом, если первое равно второму, а второе – третьему, то первое и третье также равны между собой:

$$\begin{aligned} [(a > b) \& (b > c)] \supset (a > c) \\ [(a = b) \& (b = c)] \supset (a = c) \end{aligned}$$

Если мы будем рассматривать данную последовательность, как отражение формы некоторого рассуждения, то последнее отношение может быть названо *заключением*, а все предшествующие – *посылками*. В символической записи утверждений о свойствах равенства и отношений больше-меньше мы используем конъюнкцию (&) для обозначения соединения посылок нашего рассуждения и импликацию (\supset) для перехода от посылок к заключению. Тогда форма нашего рассуждения в символизме логики предикатов примет следующий вид:

$$R(a, b) \& R(b, c) \supset R(a, c)$$

или:

$$R(a, b) \supset (R(b, c) \supset R(a, c)).$$

В символизме исчисления высказываний:

$$(1) (A \supset B) \supset ((B \supset C) \supset (A \supset C))$$

Это выражение является тождественно истинной формулой элементарной логики высказываний («теории истинностных функций» в «Основаниях математики» Гильберта и Бернаиса, или «исчисления высказываний в теории моделей» в «Математической логике» Клини).

Под **нетранзитивностью** будем понимать такое свойство последовательности двухместных отношений объектов, при котором завершающее отношение устанавливается между одним из аргументов первого отношения и одним из аргументов предпоследнего и *не является* тем же самым, что и каждое из предшествующих отношений.

Для отношения нетранзитивности:

$$\begin{aligned} \neg[(A \supset B) \supset ((B \supset C) \supset (A \supset C))] &\equiv (A \supset B) \& \neg((B \supset C) \supset (A \supset C)) \\ &\equiv (A \supset B) \& (B \supset C) \& \neg(A \supset C) \equiv \\ &\equiv (A \supset B) \supset ((B \supset C) \supset \neg(A \supset C)) \end{aligned}$$

Частным случаем отношения нетранзитивности является следующее:

$$(2) (A \supset B) \supset ((B \supset C) \supset (C \supset A))$$

Любопытно, что и формула (1), и формула (2) являются тождественно истинными в двузначной логике высказываний и аксиомами исчисления высказываний (как классического, так и интуиционистского) (см. табл. 1).

Формула (1) представляет схему чисто условного умозаключения, и может быть интерпретирована, как схема рассуждения по *первой* фигуре аристотелевской силлогистики с добавлением связанной кванторами всеобщности предметной переменной в исчислении одноместных предикатов.

Таблица 1

A	B	C	$(A \supset B) \supset ((B \supset C) \supset (A \supset C))$	$(A \supset B) \supset ((B \supset C) \supset (C \supset A))$
И	И	И	И	И
И	И	Л	И	И
И	Л	И	И	И
И	Л	Л	И	И
Л	И	И	И	И
Л	И	Л	И	И
Л	Л	И	И	И
Л	Л	Л	И	И

Форма этого одного из древнейших силлогизмов имеет вид: «Все А есть В. Все В есть С. Следовательно, все А есть С»:

$$\begin{aligned} &\forall x(A(x) \supset B(x)) \\ &\forall x(B(x) \supset C(x)) \\ &\forall x(A(x) \supset C(x)) \end{aligned}$$

Заключение отделяется от посылок горизонтальной чертой.

Для вышеуказанного частного случая нетранзитивного отношения (формула (2)) схема рассуждения примет вид силлогизма по *четвертой* фигуре:

$$\begin{aligned} &\forall x(A(x) \supset B(x)) \\ &\forall x(B(x) \supset C(x)) \\ &\exists x(C(x) \& A(x)) \end{aligned}$$

Список литературы

1. Задорин, В. В. Исчисление предикатов с многосортными переменными как инструмент логического исследования социально-политических теорий / В. В. Задорин // Парадигмы управления, экономики и права. 2021. № 2. Режим доступа : https://paradigmy34.ru/issues/Parad_2021_N2.pdf.
2. Задорин, В. В., Томарева, И. Г. Об одной особенности конкатенации предложений в составе рассуждений // Глобальный научный потенциал. 2022. № 10 (139). С. 296–297.
3. Задорин, В. В. Свойства доказуемости и выводимости в теории истинностных функций / В. В. Задорин, И. С. Кленин, С. С. Малявина // Наука и образование в наши дни: фундаментальные и прикладные исследования : Материалы XLIII Всероссийской научно-практической конференции. 23 декабря 2021 года. Ростов на/Д: ООО «Издательство ВВМ», 2021. С. 529–531.
4. Сидоренко, О. И. О построении силлогистик без ограничений на термины методом вычисления результирующих отношений / О. И. Сидоренко // Математические методы в технике и технологиях. 2015. № 9 (79). С. 238–242.
5. Сидоренко, О. И. Введение в аналитическую силлогистику : Монография / О. И. Сидоренко. Саратов : ИЦ «Наука», 2016. 230 с.

УДК 658.821
ББК 65.054

Кобзева Екатерина Васильевна
кандидат экономических наук,
доцент кафедры менеджмента,
Луганский государственный университет имени Владимира Даля,
Луганск, Россия
Третьяк Вячеслав Васильевич
аспирант
Донбасский государственный технический институт,
Алчевск, Россия

ЛОГИСТИЧЕСКИЙ ПОДХОД В УПРАВЛЕНИИ ПЕРСОНАЛОМ

Аннотация. На сегодняшний день персонал является важной производительной силой при решении конкурентоспособности, экономического роста и обеспечения эффективной деятельности организации. Каждая организация стремится повысить свою эффективность от деятельности за счет использования труда своего персонала. Актуальность исследования проявляется в том, что персонал предприятия характеризуется высокой подвижностью, поэтому понятие поток трудовых ресурсов полностью раскрывает необходимость постоянного мониторинга и управления изменениями в потоке человеческих ресурсов. Решение этой проблемы связано с применением логистического подхода, который в отечественной и зарубежной экономической науке процессов формирования, использования и управления трудовыми ресурсами используются недостаточно. Цель статьи заключается в расширении теоретических аспектов формирования и реализации логистического подхода в управлении персоналом. Гипотеза: актуальность проблемы, ее теоретическое и практическое значение, недостаточность разработанных средств определили необходимость формирования особых положений логистического подхода к управлению персоналом. В процессе исследования использовались общенаучные и специальные методы: абстрактно-логический (для раскрытия теоретико-методологических основ формирования систем кадровой логистики, формулирование выводов по результатам исследования); гносеологический анализ, теоретическое обобщение, синтез и системный анализ. В работе рассмотрено содержание понятия логистический подход в управлении персоналом. Сформулирована логистическая концепция кадрового менеджмента. Предложена система кадровой логистики как совокупность трех подсистем. Перспективы дальнейших исследований заключаются в разработке подходов к реализации методов управления кадровой логистикой. Практическая значимость полученных результатов заключается в том, что предложенные научные идеи и выводы могут быть использованы для решения актуальных проблем совершенствования системы управления персоналом.

Ключевые слова: логистический подход, управление, персонал, кадровый менеджмент, кадровая логистика

Kobzeva Ekaterina Vasilievna
candidate of economic sciences,
Associate Professor, Department of Management,
Lugansk State University named after Vladimir Dahl,
Lugansk, Russia
Tretyak Vyacheslav Vasilievich
graduate student
Donbass State Technical Institute,
Alchevsk, Russia

LOGISTIC APPROACH IN HR MANAGEMENT

Abstract. Today, the staff is an important productive force in solving competitiveness, economic growth and ensuring the effective operation of the organization. Each organization strives to increase its efficiency by using the labor of its personnel, creating appropriate conditions for its fullest impact and intensive development. The relevance of the study is manifested in the fact that the personnel of the enterprise is characterized by high mobility, therefore, the concept of the flow of labor resources fully reveals the need for constant monitoring and management of changes in the flow of human resources. The solution to this problem is connected with the application of a logistics approach, which in domestic and foreign economics processes of formation, use and management of human resources are not used enough. The purpose of the article is to expand the theoretical aspects of the formation and implementation of the logistics approach in personnel management. Hypothesis: the relevance of the problem, its theoretical and practical significance, the insufficiency of the developed tools determined the need for the formation of special provisions of the logistics approach to personnel management. In the course of the research, general scientific and special methods were used: Annotation-logical (to reveal the theoretical and methodological foundations of the formation of personnel logistics systems, the formulation of conclusions based on the results of the study); epistemological analysis, theoretical generalization, synthesis and system analysis. The paper considers the content of the concept of logistics approach in personnel management. The logistic concept of personnel management is formulated. The personnel logistics system is proposed as a set of three subsystems. The prospects for further research are to develop approaches to the implementation of HR logistics management methods. The practical significance of the results obtained lies in the fact that the proposed scientific ideas and conclusions can be used to solve urgent problems of improving the personnel management system.

Keywords: logistics approach, management, personnel, personnel management, personnel logistics.

Наиболее эффективное развитие экономики страны, региона или предприятия происходит через качественные изменения выпускаемых услуг, ресурсов и оборудования на предприятии или управленческих процессов. Основным носителем новых конкурентоспособных идей, решений нестандартных задач или новых способов решения стандартных задач является персонал предприятия. Современные условия функционирования предприятий требуют рационального использования всех видов ресурсов, формирования ресурсных резервов и т.д. Проблемы повышения эффективности работы персонала требуют первоочередного решения. Наиболее действующим является логистический подход, который позволит решить проблемы управления персоналом с позиции интеграции особых функций, оптимизировать кадровые потоки и обеспечить дополнительную экономию ресурсов.

Вопросы кадровой политики и использование логистических подходов в управлении персоналом рассматривают в своих трудах такие ученые как Л. Фролова, М. Горелов, С. Мишина [3] и др. Применение логистической концепции кадрового менеджмента предприятия слишком узко рассмотрены в исследованиях, что не позволяет полностью реализовать возможности использования логистического подхода в управлении персоналом. Цель данной статьи заключается в расширении теоретических аспектов формирования и реализации логистического подхода в управлении персоналом.

Универсальность логистического подхода в том, что он может быть использован для оптимизации управления трудовым потоком предприятия, а именно во время управления: персоналом, кадрами и трудовыми ресурсами. В современных условиях хозяйствования широкое применение приобрели понятие «кадровая логистика» [1; 2] и «кадровый менеджмент» [3]. В свою очередь кадровая логистика помогает привести в соответствие с новыми реалиями стратегию, логику, организационную структуру, содержание деятельности кадровых подразделений предприятия.

Концепция и методология логистики при использовании в кадровом менеджменте может быть интерпретирована посредством управления трудовыми ресурсами предприятия как метода повышения социально-экономической эффективности использования трудовых ресурсов за счет организационно-управленческого механизма координации кадровых функций. Целью управления персоналом предприятия является оптимизация социально-экономической эффективности его использования. Управление персоналом предприятия состоит в совокупности семи кадровых функций: набора, подготовки, расстановки, переподготовки, профессионально-квалификационного роста кадров, оплаты и стимулирования труда. Управленческий механизм также за счет более гибкой координации направляет действие службы на достижение концептуальной цели управления трудовыми ресурсами предприятия. Поскольку кадровая служба заинтересована в высоком профессиональном уровне работника, она должна определить четкие критерии и требования к будущим работникам, преимущественно основываясь на принципе комплексности и синхронности.

Для обоснования возможностей применения логистической концепции к эффективности использования трудовых ресурсов следует, прежде всего, установить объект, соответствующий требованиям логистики. В работе [4] предлагается им считать рабочую силу, перемещение которой как на микро-, так и на макроэкономическом уровнях предполагает последовательное прохождение ряда участков в географическом, структурно-иерархическом и информационном пространстве [4]. Как и любой другой вид ресурсов предприятия, персонал должен попадать в логистические системы в виде входного логистического кадрового потока: за счет приема на работу, подвергаться процессу развития и использоваться в ней через выполнение своих должностных обязанностей, обучение, перемещение на другие должности и т.д. и выходить за пределы этой системы в виде исходного логистического кадрового потока за счет увольнения с работы.

При применении логистической концепции кадрового менеджмента это создаст предпосылки по обеспечению оптимального баланса между входящими и исходящими кадровыми потоками для того, чтобы кадровый потенциал предприятия развивался согласно общим изменениям. При этом, необходима оптимизация трех основных трудовых потоков фирмы – входящих, внутренних, исходящих [5].

Практическая реализация логистического подхода к управлению персоналом находит свое воплощение в определенной логистической системе [5]. Управляющая система предприятия, считающая персонал наиболее ценным своим ресурсом, может рассчитывать на её эффективное функционирование, основанное на принципах системного подхода, при котором

исследуемый объект или их совокупность рассматриваются во взаимосвязи, преемственности и развитии [4]. По мнению К. Мельникова [1], кадровая логистика изучает процессы формирования, распределения и движения кадров в логистических системах с целью максимального ускорения кадрового потенциала, оптимизации движения трудовых потоков и обеспечение эффективного функционирования системы.

Одним из наиболее важных факторов повышения эффективности деятельности предприятий является формирование и активное функционирование соответствующей системы непрерывного профессионального развития кадров. Понимание управленческих проблем, возникающих в процессе создания механизма управления персоналом на инновационно-активных предприятиях – одна из важнейших задач менеджмента. Вышеизложенное обуславливает актуальность темы исследования и его основные цели.

Систематизация кадровых потоков предприятия, отражающая их общие признаки, обнаруживает специфические характеристики, которые присущи только для данного вида потока. Главным объектом логистического управления кадровым потенциалом служат кадровые потоки предприятия. В целом создание логистической кадровой системы в рамках управления кадровым потенциалом предприятия является:

- 1) залогом эффективного управления кадровыми потоками;
- 2) необходимостью обеспечения четкого взаимодействия ее элементов, что будет способствовать росту эффективности управления кадровым потенциалом предприятия;
- 3) новым механизмом и формой управления кадровым потенциалом предприятия, возникновение и развитие которого нуждаются в динамизме современной внешней среды, функционировании и изменении требований к кадрам предприятия.

Таким образом, в современных условиях хозяйствования и жесткой конкуренции эффективная и совершенная система управления кадровым потенциалом приобретает все большее внимание руководителей предприятий как необходимое условие экономического роста. В свою очередь, система управления кадровым потенциалом требует инновационной направленности, системного, комплексного и интегрированного подхода в решении проблемных вопросов и повышении эффективности управления кадровым потенциалом всей организации. Всем этим требованиям и отвечает использование логистического подхода в управлении персоналом, который направляет отделы кадров и руководство на создание логистической кадровой системы на предприятии. Применение такого подхода имеет собственную концептуальную основу, которая полностью обосновывает важность, необходимость и актуальность данной инновации в кадровом управлении.

Список литературы

1. Епинина, В. С. Специфика построения эффективной системы управления персоналом современного предприятия // Инновационная экономика: перспективы развития и совершенствования. 2019. № 5 (39). С. 125–129.
2. Кадровая логистика [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.hi-edu.ru/e-books/xbook118/01/part-013.htm> (дата обращения 12.12.2022)
3. Максимцев, И. А. Управление человеческими ресурсами: учебник для вузов; под редакцией И. А. Максимцева, Н. А. Горелова. 2-е изд., перераб. и доп. Москва: Издательство Юрайт, 2019. 467 с.
4. Одегов, Ю. Г. Оценка эффективности работы с персоналом: методологический подход: учебно-практическое пособие / Ю. Г. Одегов, К. Х. Абдурахманов, Л. Р. Котова. Москва: Издательство «Альфа-Пресс», 2011. 752 с.
5. Покровский, А. К. Управление персоналом в условиях логистического менеджмента: учебное пособие. Москва : МАДИ (ГТУ). 2017. 132 с.

УДК 34.08
ББК 60.82

Иванова Татьяна Борисовна
доктор экономических наук, профессор,
профессор кафедры государственного управления и менеджмента,
Волгоградский институт управления –
филиал РАНХиГС при Президенте РФ,
Волгоград, Россия

БАЗА ДАННЫХ ПЛАТФОРМ ГИГ-ЭКОНОМИКИ: ОСНОВНЫЕ ИНДИКАТОРЫ И ИХ ТРАНСФОРМАЦИЯ¹

Аннотация. Актуальность проведенного исследования определяется тем, что гиг-экономика становится все более распространенной формой хозяйственной жизни, которая пока еще недостаточно изучена. Цель данной статьи – разработка подходов к формированию баз данных субъектов гиг-экономики, обеспечивающих учет интересов как пользователей, так и самих платформ. Гипотеза исследования состоит в обосновании возможности использования унифицированной формы, которая обеспечит реализацию интересов широкого круга стейкхолдеров. Метод и методики: от общего к частному, анализ и синтез, сравнение, классификация, построение электронных таблиц. Результат исследования заключается в формировании перечня классификационных признаков, которые в равной степени отражают потребности в информации различных хозяйствующих субъектов и построение на их основе базы данных, характеризующей направления платформенной занятости. Выводы: подтверждена сформулированная выше гипотеза и предложена электронная таблица как результат её практического выполнения.

Ключевые слова: гиг-экономика, классификации цифровых трудовых платформ, платформенная занятость, базы данных платформенной занятости.

Ivanova Tatyana Borisovna
doctor of economic sciences, professor,
Professor of the Department of Public Administration and Management,
Volgograd Institute of Management -
branch of the RANEPA under the President of the Russian Federation,
Volgograd, Russia

DATABASE OF GIG ECONOMY PLATFORMS: THE MAIN INDICATORS AND THEIR TRANSFORMATION

Abstract. The relevance of the study is determined by the fact that the gig economy is becoming an increasingly common form of economic life, which has not yet been sufficiently studied. The purpose of this article is to develop approaches to the formation of databases of gig economy entities that take into account the interests of both users and the platforms themselves. The hypothesis of the study is to substantiate the possibility of using a unified form that will ensure the realization of the interests of a wide range of stakeholders. Method and techniques: from general to particular, analy-

¹ Исследование проведено при финансовой поддержке Российского научного фонда, грант № 22-28-00914, <https://rscf.ru/project/22-28-00914/>

sis and synthesis, comparison, classification, construction of spreadsheets. The result of the study is the formation of a list of classification features that equally reflect the information needs of various economic entities and the construction of a database based on them that characterizes the directions of platform employment. Conclusions: the hypothesis formulated above is confirmed and a spreadsheet is proposed as a result of its practical implementation.

Keywords: gig economy, classifications of digital labor platforms, platform employment, platform employment databases.

Гиг-экономика как форма краткосрочной занятости, появившаяся еще в начале XX века, в настоящее время переживает второе рождение, связанное с развитием цифровых платформ, которые охватывают все новые направления ведения хозяйственной деятельности. Цель данной статьи – разработка подходов к формированию баз данных субъектов гиг-экономики, обеспечивающих учет интересов как пользователей, так и самих платформ. Гипотеза исследования состоит в обосновании возможности использования унифицированной формы, которая обеспечит реализацию интересов широкого круга стейкхолдеров.

Классификационные признаки платформ в настоящее время находятся в стадии становления. Были выявлены следующие классификации:

– А. В. Шевчук [5]: 1) по организации хозяйственных связей – маркетплейсы и теневые корпорации, 2) по месту выполнения работ – удаленные и локальные, 3) по способу управления – традиционные и алгоритмические [Шевчук],

– Е. Панченкова [2] – по квалификации работ: низкоквалифицированные (распределение заказов осуществляется платформой или клиентами), высококвалифицированные (платформой или клиентами и самими занятыми),

– Д. О. Стребков [4]: 1) по набору предлагаемых работ и услуг – общие и специализированные, 2) по распределению заказов – открытые или закрытые системы, 3) по способу регистрации – закрытые/открытые, с и без вступительных испытаний, 4) по оплате заказов – через внешние каналы, через платформу с защитой или без защиты от рисков, 5) по обеспечению качества – сертификация исполнителей, верификация пользователей, отзывы, рейтинги,

– Ф. И. Мирзабалаева, И. А. Шичкина [1]: по сфере деятельности – предоставляющие доступ к 1) материально-финансовым объектам, то есть товару и капиталу, 2) трудовым ресурсам – низко- и высококвалифицированные.

Исходя из значимости платформ в организации производства и сбыта приказом Ростата № 583 от 22 августа 2022 года была введена форма 1-ЦП «Сведения о цифровых платформах», где тоже был введен ряд классификационных признаков [3]: по цифровому решению, обслуживаемому сегменту рынка, категории пользователей, объемам и видам предоставляемых услуг, якорным сервисам, по видам услуг.

Предоставление услуг через цифровые платформы не на постоянной основе, а кратко-срочно, отражает функционирование таких видов хозяйственного взаимодействия как гиг – экономика, то есть экономика концертов. В силу своей краткосрочности пользователям еще в большей степени нужна обобщенная информация о специфике функционирования каждой платформы, что обеспечивает взвешенное принятие решения о последующих видах деятельности.

Проведенное изучение мнений пользователей – работников и заказчиков платформ позволяет утверждать, что предложенные классификации не позволяют сформировать перечень характеристик, на основе которых можно выбрать какую из них целесообразней использовать для удовлетворения потребностей в получении работы или выполнения заказа. Было проанализировано 22 он-лайн платформы: Яндекс.Такси, Maxim, inDriver, Сбермаркет, Ян-

декс.Доставка, Яндекс.Еда, Яндекс.Лавка, Delivery Club, Самокат, Профи, Юду, Яндекс.Услуги, MyGig, Workzilla, Workle.Pro, Kwork, МогуЗа, OZON, Яндекс.Маркет, Wiildberries. Были выявлены следующие общие элементы их деятельности: регистрация пользователей, формирование системы распределения заказов, определение порядка оплаты работ и услуг, организация системы мониторинга за качеством исполнения услуг, условия отключения от платформы. Отличия между платформ идут по таким направлениям как: 1) место предоставления услуг (дистанционно, на «земле», гибридно), 2) оплата использования услугами платформы, 3) организационная форма построения взаимоотношений (самозанятые, ИП, физические лица, юридические лица), 4) требованиями к работникам (возраст, квалификация, гражданство).

Именно на основе этих параметров пользователи и принимают решения о подключении к той или иной платформе, так как они позволяют понять какова будет стоимость получения услуг, порядок и каналы осуществления платежей, как осуществляется мониторинг качества. Поэтому для построения базы данных был выбран следующий перечень классификационных признаков: сфера деятельности, форма взаимодействия с платформой, особые условия функционирования, условия труда, оценка качества работы, ценообразование, расторжение отношений, модель оплаты. Эти параметры позволяют представить основные стороны деятельности каждой платформы, информацию о которых надо иметь для принятия решений о выборе взаимодействия с конкретной из них. В таблице 1 приведен фрагмент базы данных, составленной на основе приведенных выше характеристик.

Таблица 1 – Фрагмент базы данных цифровых платформ, обеспечивающих платформенную занятость

Платформа	Сфера деятельности	Форма взаимодействия	Особые условия	Условия труда	Оценка качества работы	Ценообразование
Яндекс.Такси	Такси	Обязательно ИП, можно самозанятый с переходом на НПД или договор с таксопарком (трудовой)	Возможность аренды машин	Ограничение рабочего дня для снижения аварийности	Рейтинг от пассажиров	Определяется платформой
inDriver	Такси	Обязательно ИП, можно самозанятый с переходом на НПД или договор с таксопарком (трудовой)	Возможность аренды машин	Не регламентируется, физическое присутствие при взаимодействии с клиентом	Рейтинг от пассажиров	Соглашение между водителем и пассажиром
Разработана автором.						

Их изучение и сопоставление пользователями позволяет выбрать, например, какая платформа будет более привлекательна конкретному лицу для предоставления услуг курьеров. Так, из базы данных видно, что такие виды услуг могут быть выполнены при взаимодействии с различными из них. Это могут быть Сбермаркет, Яндекс.Доставка, Профи, Юду, Яндекс.Услуги, MyGig, OZON, Wiildberries. База данных позволяет сопоставить отобранные платформы по иным критериям, например, необходимости наличия статуса самозанятого, характеру принимаемых на себя обязательств, форме расчета.

Все вышесказанное позволяет сделать вывод, что база данных платформенной занятости должна строиться для всех цифровых платформ на основе единых классификационных признаков, приведенных выше, которые в равной степени отражают потребности в информации различных хозяйствующих субъектов.

Список литературы

1. Мирзабалаева, Ф. И., Шичкин И. А. Особенности развития платформенной занятости // Экономика труда. 2020. № 12. С. 1117–1134.
2. Папченкова, Е. и др. Платформенная занятость: вызовы и практические решения. М.: Фонд «Центр стратегических разработок», 2022. URL: <https://www.csr.ru/upload/iblock/6ca/krk89ha0ухх3устја 243obvc7ly8bntv.pdf> (дата обращения 07.11.2022).
3. Приказ Росстата от 22.08.2022 № 583 «Об утверждении формы федерального статистического наблюдения для организации федерального статистического наблюдения за использованием цифровых платформ» (внутренняя документация Росстата). Внутренняя документация Росстата.
4. Стребков, Д. О., Шевчук, А. В., Спирина, М. О. Развитие русскоязычного рынка удаленной работы, 2009–2014 гг. (по результатам переписи фрилансеров); отв. ред. сер. В. В. Радаев; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики»; Лаб. экон.-социол. исслед. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2015. URL: https://www.hse.ru/data/2015/12/21/1132926820/Analitica_16-text_tip.pdf?ysclid=17bfka0izb406167077 (дата обращения 07.11.2022).
5. Шевчук, А. В. От фабрики к платформе: автономия и контроль в цифровой экономике // Социология власти. 2020. № 32 (1). С. 30–54.

УДК 35.086
ББК 60.82

*Лагутин Сергей Геннадьевич,
кандидат философских наук, доцент,
доцент кафедры социологии, общей и юридической психологии,
Волгоградский институт управления –
филиал РАНХиГС при Президенте РФ,
Волгоград, Россия*

К ВОПРОСУ КОНФЛИКТА ИНТЕРЕСОВ НА ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЕ: ПРИЧИНЫ И СПОСОБЫ РАЗРЕШЕНИЯ

Аннотация. Вопросы качества и эффективности государственного управления являются приоритетными как с позиции органов государственной власти и управления, так и с точки зрения населения, в отношении которого осуществляется государственная политика в области социально-экономической и культурной жизни. Защита законных прав и интересов граждан выступает приоритетной целью органов государственной власти и управления. Существенным препятствием на пути достижения этой цели является конфликт интересов на государственной службе. Конфликт интересов на государственной службе может проявлять себя в самых разнообразных формах. В результате возникновения ситуации конфликта интересов могут наступить негативные последствия, крайним проявлением которых является коррупция. Профилактика ситуаций, приводящих к возникновению конфликта интересов, своевременное разрешение возникших конфликтов интересов будет способствовать повышению авторитета государственной службы, укреплению репутации государственных служащих, росту уважения со стороны населения. Анализ конкретных ситуаций, при которых возникает или может возникнуть конфликт интересов позволит определить возможные варианты предотвращения негативных последствий конфликта интересов.

Ключевые слова: государственная служба, государственный служащий, конфликт, конфликт интересов, личная заинтересованность, коррупция, профилактика конфликта интересов.

*Lagutin Sergey Gennadievich,
Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor,
Associate Professor of the Department of Sociology, General and Legal Psychology,
Volograd Institute of Management –
branch of the RANEPA under the President of the Russian Federation,
Volograd, Russia*

ON THE ISSUE OF CONFLICT OF INTEREST IN THE CIVIL SERVICE: CAUSES AND METHODS OF RESOLUTION

Abstract. Issues of the quality and effectiveness of public administration are a priority both from the point of view of public authorities and administration, and from the point of view of the population, in respect of which state policy in the field of socio-economic and cultural life is implemented. Protection of the legitimate rights and interests of citizens is a priority goal of state authorities and administration.

A significant obstacle to achieving this goal is a conflict of interest in the public service. Conflicts of interest in the public service can manifest themselves in a variety of forms. As a result

of the emergence of a situation of conflict of interest, there may be negative consequences, the extreme manifestation of which is corruption. Prevention of situations leading to the emergence of a conflict of interest, timely resolution of conflicts of interest that have arisen will help to increase the authority of the civil service, strengthen the reputation of civil servants, and increase respect from the population. Analysis of specific situations in which a conflict of interest arises or may arise will identify possible options for preventing the negative consequences of a conflict of interest.

Keywords: civil service, civil servant, conflict, conflict of interest, personal interest, corruption, prevention of conflict of interest.

Конфликт можно определить как столкновение противоположно направленных, несовместимых друг с другом представлений, позиций в конкретной ситуации. Образ противоречия возникает в сознании человека и актуализируется в поведении, речи, невербальных формах. Конфликт может возникать в отношениях между индивидами отдельно в межличностных взаимодействиях, в отношениях между индивидом и группой, между группами. Как правило, конфликт сопровождается отрицательными эмоциональными переживаниями. Совокупность накопившихся противоречий, скрывающих основную причину конфликта, формирует конфликтную ситуацию, требующую разрешения. Спровоцировать конфликт может любой, порой незначительный повод или инцидент. Определение и устранение причин конфликта выступает главным условием разрешения конфликта.

В обычной жизненной ситуации конфликты возникают довольно часто. Это происходит и в организациях. Однако, организационный конфликт и конфликт интересов – это не одно и то же. Под конфликтом интересов ФЗ № 79 и ФЗ № 273 определяют ситуацию, при которой личная заинтересованность гражданского служащего влияет или может повлиять на объективное исполнение им должностных обязанностей, при которой возникает или может возникнуть противоречие между личной заинтересованностью гражданского служащего и законными интересами граждан, организаций, общества, Российской Федерации или ее субъекта, способное привести к причинению вреда этим законным интересам граждан, организаций, общества, Российской Федерации или ее субъектам [5].

Таким образом, под конфликтом интересов на государственной службе мы будем определять сложившуюся ситуацию, при которой вступают в явное противоречие, антагонизм цели и задачи деятельности государственных служащих, требования добросовестного исполнения своих обязанностей, на высоком профессиональном уровне с соблюдением законодательства РФ и учётом законных прав и интересов граждан, организаций, общества и государства с одной стороны и интересами конкретного чиновника или группы чиновников, сутью которых могут выступать личные или групповые интересы, иными словами заинтересованность в реализации собственных мотивов, зачастую несовпадающих с целями государственной службы. К ним можно отнести мотивы личного обогащения, использования организационных, финансовых, материальных и информационных возможностей собственной организации для незаконного продвижения по карьерной лестнице или создания благоприятных условий для своих родственников, друзей, знакомых, в нарушение действующего законодательства, то есть действовать не только в своих интересах, но и в интересах третьих лиц.

Определение понятия конфликт интересов на государственной службе приводит как ФЗ № 79 «О государственной гражданской службе Российской Федерации», так и ФЗ № 273 «О противодействии коррупции». Действительно, ситуация, приводящая к конфликту интересов, может быть напрямую связана с коррупционными преступлениями. Стороной конфликта интересов на государственной службе может быть любой государственный служащий, в том числе и руководитель. Разработанные кадровыми службами ряда органов испол-

нительной власти субъекта Российской Федерации памятки, учитывают наиболее распространённые случаи, приводящие к конфликту интересов, призваны сориентировать государственных служащих в типичных ситуациях, подсказать им как следует поступать в конкретных ситуациях, на что обращать особое внимание.

Рассмотрим некоторые типичные ситуации, в которых возможен конфликт интересов на государственной службе. Например, государственный служащий принимает от своего непосредственного подчиненного подарок. Это не происходит в рамках официального мероприятия и не связано с исполнением должностных обязанностей. Может ли данная ситуация привести к возникновению конфликта интересов? Конечно, может. Если фактическая стоимость подарка превышает сумму в три тысячи рублей, это может быть определено в соответствии со статьями 290 и 291 Уголовного Кодекса РФ как получение и дача взятки. Какие меры в данной ситуации должен предпринять государственный служащий? Государственный служащий обязан отказаться от подарка, причём независимо от его стоимости и повода дарения. С другой стороны, представителю нанимателя, которому стало известно о получении государственным служащим подарков от непосредственных подчиненных, следует указать государственному служащему на то, что подобный подарок может рассматриваться как полученный в связи с исполнением должностных обязанностей. Следует обратить особое внимание на тот факт, что подобная практика может повлечь конфликт интересов и рекомендовать государственному служащему вернуть полученный подарок дарителю в целях предотвращения конфликта интересов [1].

В другой ситуации, государственный служащий – руководитель государственного органа на безвозмездной основе, без оформления договорных отношений предоставил близкому родственнику, например – сыну, помещение и материально-технические средства государственного органа, используя которые последний выполнял обязанности представителя коммерческой организации, оказывая услуги на платной основе. Данная ситуация, также может привести к возникновению конфликта интересов. Статья 17 ФЗ № 79 запрещает использовать в целях, не связанных с исполнением должностных обязанностей, средства материально-технического и иного обеспечения, другое государственное имущество, а также передавать их другим лицам, в том числе и родственникам. Кроме того, в обязанности государственного служащего входит бережное отношение к имуществу, которое предоставлено ему для исполнения служебных обязанностей. В данном случае руководитель должен быть уволен [4].

Другой пример, государственный служащий изъявил желание работать по совместительству в сфере преподавательской деятельности, но не предупредил представителя нанимателя о своем решении. Ведёт ли данная ситуация к конфликту интересов? Без сомнения. Конечно, ФЗ № 79 «О государственной гражданской службе Российской Федерации» выводит из перечня запретов данный вид деятельности, однако формулирует ряд условий для осуществления этого права. В соответствии с законом, государственный служащий имеет право заниматься этим видом деятельности, но обязан уведомить своего руководителя в письменной форме. При этом руководитель вправе отказать. Аргументация отказа может быть самая разнообразная. Дополнительная занятость может неблагоприятно повлиять на исполнение служебных обязанностей. Пример: в рамках плановой проверки госслужащий должен выйти на данный объект. Если он на этом объекте работает в качестве совместителя, у него может возникнуть личная заинтересованность не заметить выявленные нарушения, чтобы не вступить в конфликт со своим работодателем или заручиться его поддержкой на будущее, когда он уволится с государственной службы. Кроме того, совместительство может отрицательно повлиять на работоспособность, так как государственная служба – это особый вид деятельности. Особые условия касаются времени нахождения на службе, возможны задержки, что,

возможно будет нарушать режим работы по совместительству. Поэтому, перед трудоустройством госслужащий должен уведомить представителя нанимателя о своих планах [3].

Ещё одной из распространённых ситуаций, приводящих к конфликту интересов на государственной службе, может выступать ситуация, при которой государственный служащий является членом конкурсной комиссии на замещение вакантной должности государственного органа. При этом одним из кандидатов на вакантную должность в этом государственном органе выступает родственник государственного служащего. У члена комиссии может возникнуть личная заинтересованность, в том, чтобы помочь своему родственнику, при всех прочих условиях, причём на безвозмездной основе, в силу родственных чувств.

Меры по недопущению подобной ситуации должны предпринимать ответственные лица (секретарь комиссии, кадровая служба) ещё до момента проведения заседания. Они должны знать, у кого из членов комиссии есть родственные связи с претендентами. В этом случае, либо заменяется член комиссии, либо в момент работы госслужащий заявляет об этом или это делает секретарь и на этапе вынесения решения (голосование), член комиссии берёт самоотвод и не голосует, о чём в протоколе комиссии делается запись [2].

Приведённые примеры показывают основные подходы к решению возникающих проблемных ситуаций, потенциально приводящих к конфликту интересов на государственной службе. Подобных ситуаций довольно много. К сожалению, невозможно исчерпывающе описать все возможные варианты правильных решений. Целесообразна подготовка кадровыми службами памяток, рекомендующих порядок действий на наиболее часто встречающиеся ситуации, которые могут привести к конфликту интересов. Разъяснение и разбор конкретных ситуаций позволят актуализировать бескомпромиссное отношение государственных служащих к конфликту интересов и возникновению личной заинтересованности. Дальнейшее совершенствование законодательства, разработка и широкое внедрение в практику государственной службы положений этических кодексов, также призваны способствовать профилактике и своевременному разрешению конфликта интересов на государственной службе.

Список литературы

1. Обзор типовых ситуаций конфликта интересов на государственной службе Российской Федерации и порядка их урегулирования // Министерства юстиции Российской Федерации: официальный сайт. 2022. URL: <https://minjust.gov.ru/ru/pages/protivodejstviekorruptcii/obzor-tipovyh-situacij/> (дата обращения: 19.11.2022).
2. Памятка «Типовые ситуации конфликта интересов на государственной гражданской службе и порядок их урегулирования» // Федеральное архивное агентство: официальный сайт. – 2022. – URL: <https://archives.gov.ru/anticorruption/pamyatka-tipovye-situation.shtml> (дата обращения: 19.11.2022).
3. Федеральный закон от 27.07.2004 N 79-ФЗ «О государственной гражданской службе Российской Федерации» // КонсультантПлюс. 2004. Ст. 14. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_48601/48e053c5f00a333f8f249d9cf26abd9f2becc888/ (дата обращения: 19.11.2022).
4. Федеральный закон от 27.07.2004 N 79-ФЗ «О государственной гражданской службе Российской Федерации» // КонсультантПлюс. 2004. Ст. 17. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_48601/e7b86a940bc71a71af7b9288590f1ca92a69d878/ (дата обращения: 19.11.2022).
5. Федеральный закон от 27.07.2004 N 79-ФЗ «О государственной гражданской службе Российской Федерации» // КонсультантПлюс. 2004. Ст. 19. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_48601/5247ea7b5d6ce92f3ed3456a28d7fccfd073a52e/ (дата обращения: 19.11.2022).

УДК 331.45
ББК 65.246

Пономарченко Анастасия Евгеньевна
старший преподаватель,
кафедра финансового и предпринимательского права,
Волгоградский институт управления –
филиал РАНХиГС при Президенте РФ,
Волгоград, Россия

ОХРАНА ТРУДА В УСЛОВИЯХ РАЗВИТИЯ ГИГ-ЭКОНОМИКИ¹

Аннотация. Актуальность настоящего исследования заключается в том, что развитие онлайн-коммуникационных платформ породило феномен гиг-экономики. Новая экономическая модель, охватывающая разнообразные формы краткосрочной занятости, стремительно распространяется по миру, становится повседневной реальностью и трансформирует рынок. Цель статьи проанализировать факторы, влияющие на динамику охраны труда и их трансформацию. Гипотеза исследования – разработка и внедрение ресурсов социального обеспечения работников «гиг-экономики» является эффективным методом соблюдения условий охраны труда. В ходе научного исследования автором применялись методы анализа и синтеза. Результат исследования заключается в предложении автором возможных направлений действий, которые могут быть предприняты для решения вопросов, связанных с охраной труда гиг-работников. Автор приходит к выводу, что необходимо уточнить сущность обязанностей работодателя с позиции обеспечения гиг-работнику безопасных условий и охрану труда.

Ключевые слова: трудовые отношения; гиг-экономика; гиг-занятость; охрана труда; гиг-работник; условия труда.

Ponomarchenko Anastasia Evgenievna
Senior Lecturer
Department of Financial and Business Law,
Volograd Institute of Management –
branch of the RANEPa under the President of the Russian Federation,
Volograd, Russia

LABOR SAFETY IN THE CONDITIONS OF DEVELOPING THE GIG-ECONOMY

Abstract. The relevance of this study lies in the fact that the development of online communication platforms has given rise to the phenomenon of the gig economy. A new economic model that embraces diverse forms of short-term employment is rapidly spreading around the world, becoming a daily reality, and transforming the market. The purpose of the article is to analyze the factors influencing the dynamics of labor protection and their transformation. The hypothesis of the study is that the development and implementation of social security resources for workers in the «gig economy» is an effective method of complying with labor protection conditions. During scientific research, the author used methods of analysis and synthesis. The result of the study is the author's proposal of

¹ Финансирование: Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-28-00914, <https://rscf.ru/project/22-28-00914/>

possible courses of action that can be taken to address issues related to the labor protection of gig workers. The author concludes that it is necessary to clarify the essence of the employer's obligations from the standpoint of providing the gig worker with safe conditions and labor protection.

Keywords: labor relations; gig economy; gig employment; occupational Safety and Health; gig worker; working conditions.

Развитие занятости в гиг-экономике является наиболее знаковой трансформацией сферы труда последнего десятилетия. Представляя собой экономические отношения, осуществляемые на интернет-платформах, гиг-экономика, не замещая стандартной модели полной занятости, дополняет ее возможностями сетевого взаимодействия [6].

Д. М. Дохильгова описывает гиг-экономику как экономику, базирующуюся на частичной занятости, в которой благодаря доступности цифровой инфраструктуры оказание услуг осуществляется «по запросу» [1, с. 3]. По мнению А. Л. Машкина, основанная на труде внештатных сотрудников и краткосрочных контрактах на выполнение работ, гиг-экономика обеспечила занятость большому числу людей по всему миру [3].

Таким образом, гиг-экономика – одно из величайших преимуществ современной эры модернизированных технологий. Работники могут искать другие способы получения дополнительного дохода с помощью различных платформ гиг-экономики, доступных в Интернете. И поскольку бизнес-сектор начинает полностью охватывать удаленную работу, многие традиционные работники также предпочитают искать работу на этих платформах.

Гиг-экономика состоит из различных групп работающих людей и профессионалов с разными специализациями и навыками. Работник цифровой платформы может быть либо фрилансером, либо независимым подрядчиком (исполнителем). Некоторые платформы гиг-экономики предназначены исключительно для определенных типов профессионалов, предлагающих определенные услуги. С другой стороны, другие гиг-платформы открыты для рабочего класса с разнообразными навыками. Гиг-работники платформ могут быть задействованы в своей трудовой деятельности в течение часа или нескольких минут и напротив, некоторые работы могут длиться месяцами и годами, в зависимости от клиента и типа проекта.

Что касается охраны труда, то на сегодняшний день указанная сфера на законодательном уровне не урегулирована, т.е. у гиг-работников отсутствуют гарантии на справедливые и безопасные условия труда, охрану труда, не предусмотрены способы защиты своих нарушенных прав, а также отсутствуют гарантии в сфере социального обеспечения. Отсутствие перечисленных гарантий проявляются в следующих аспектах:

1) Условия работы на цифровых платформах.

Нестабильность доходов. Относительно высокие доходы работников платформ объясняются двумя основными тенденциями. Во-первых, уровень дохода часто достигается за счет долгих часов работы. Во-вторых, большинство работников цифровых платформ следуют структуре заработной платы сдельной системы без минимального размера оплаты труда. Уровень дохода зависит от таких факторов, как правила торговли на платформе, сезонные колебания спроса и комиссионные, взимаемые платформой, что побуждает гиг-работников работать больше. Хотя это в среднем приводит к относительно более высокому доходу, оно также порождает нестабильность и непредсказуемость доходов.

2) Долгий и фрагментированный рабочий день.

Рабочее время гиг-работников является гибким, онлайн-работа и офлайн-перерывы относительно дискреционны, работники цифровых платформ зачастую работают за пределами установленной продолжительности рабочего времени без доступа к оплате сверхурочных. Установленное Трудовым кодексом РФ от 30.12.2001 № 197-ФЗ (ред. от 04.11.2022) [4] рабо-

чье время составляет восемь часов в день и 40 часов в неделю. Однако, согласно исследованию Ву и Ли (2018, 244–245), только 13 % доставщиков еды работают менее восьми часов в день, 49,5 % – более десяти часов, а 30 % – более десяти часов в день в течение недели. Между водителями, занятыми полный и неполный рабочий день, была значительная разница: среди водителей, занятых полный рабочий день, только 8,8 % работали менее восьми часов в день, в то время как доля водителей, занятых неполный рабочий день, достигла 36,6 % [2, с. 124].

Аналогичная ситуация и с краудсорсинговыми платформами. Для работников, которые полагались на работу на платформе как на основной источник дохода, оплачиваемое, неоплачиваемое и общее количество рабочих часов в неделю составляли 24,6; 11 и 35,6 соответственно. Рабочее время тех, кто не полагался на работу на платформе как на основной источник дохода, сократилось почти вдвое: 13,2; 7,5 и 20,7 соответственно [2, с. 125].

3) Высокий риск производственных травм, недостаточная социальная защита.

И транспортные перевозки, и предприятия по доставке еды подвержены дорожно-транспортным происшествиям, поэтому риск производственных травм высок. Риски профессиональных травм, с которыми сталкиваются водители в онлайн-заказе такси, в основном связаны с травмами, вызванными дорожно-транспортными происшествиями, усталостью от вождения или пассажирами. Многие гиг-работники испытывают психологическое давление из-за строгого графика и соответствующие правила штрафов, установленные их платформой. Еще одним фактором является высокий спрос на доставку еды в экстремальную погоду.

Несмотря на высокую подверженность производственным травмам, большинство рабочих платформ не застрахованы от несчастных случаев на производстве.

4) Отсутствие профессионального обучения и карьерного роста.

Большое количество работников платформы либо неквалифицированные, либо низкоквалифицированные, с плохим потенциалом для карьерного роста. Платформам не хватает стимула для работников развивать свои навыки и инвестировать в обучение. Тренинги, предлагаемые платформами, простые и сосредоточены на правилах платформы и использовании их приложений. Обучение в основном сосредоточено на том, как использовать платформу; только 16,7 % контента относится к повышению квалификации.

5) Отсутствие рабочего голоса.

Цифровые платформы имеют полный контроль над вопросами, связанными с бизнес-транзакциями, такими как установление цены для каждого заказа, фиксирование суммы вычитаемой комиссии, установление стандартов обслуживания и системы вознаграждения и наказания несмотря на то, что работники классифицируются как самозанятые. Платформы могут наказывать своих операторов и работников за нарушение правил платформы на основе оценки клиентов и собственной системы контроля и мониторинга.

Отсутствие права голоса у работников платформы также отражается в низкой степени организованности. Опрос ACFTU показал, что в 2017 году в профсоюзы вступили только 21 % работников цифровых платформ, работающих полный рабочий день (Li 2017) [5, с. 60].

Отсутствие каналов для рассмотрения жалоб и защиты прав работников привело к протестам против платформ.

Таким образом, важно отметить, что большое количество гиг-работников цифровых платформ заключают договоры гражданско-правового характера, что лишает их трудовой и социальной защиты, предоставляемой работникам, заключившим трудовой договор со своим работодателем.

Сегодня Европейская комиссия предлагает комплекс мер по улучшению условий и охраны труда на платформах. Общий набор правил ЕС обеспечит повышенную правовую

определенность, что позволит цифровым платформам труда в полной мере воспользоваться экономическим потенциалом Единого рынка и равными условиями. Комиссия предлагает улучшить условия труда в процессе работы на цифровых платформах, в частности предлагаются меры по правильному определению статуса занятости людей, работающих через цифровые платформы труда, и новые права как для работников, так и для самозанятых в отношении алгоритмического управления.

Таким образом, люди, работающие через цифровые платформы, будут пользоваться трудовыми и социальными правами, которые дает статус «работник». Для тех, кого переквалифицировали в рабочих, это означает право на минимальную заработную плату (там, где она существует), право на ведение коллективных переговоров, рабочее время и охрану здоровья, улучшенный доступ к защите от несчастных случаев на производстве и т.д. Платформы будут иметь право оспаривать или «опровергать» эту классификацию, бремя доказывания отсутствия трудовых отношений лежит на них. Четкие критерии, предложенные Комиссией, принесут платформам большую правовую определенность, снизят судебные издержки и облегчат бизнес-планирование.

Таким образом, на сегодняшний день требуется четкое нормативно-правовое определение, раскрывающее обязанности и ответственность гиг-работников, если они имеют юридический статус «самозанятых». Также необходимо обозначить приоритетные направления в сфере практической реализации ряда положений трудового права в вопросах определения сущности и роли, прав и обязанностей, так называемых, социальных партнеров в «гиг-экономике», рамок их ответственности с позиции соблюдения правовых норм в сфере охраны труда.

Список литературы

1. Дохильгова, Д. М. Феномен «гиг-экономика» как основная тенденция современной экономической деятельности // Вестник научной мысли. 2020. № 3. С. 173–178.
2. Лукьянченко, Н. Д. Организация труда менеджера [Текст] / Н. Д. Лукьянченко, К. К. Лукьянова. Донецк: ДонНУ, 2018. 150 с.
3. Машкин, А. Л., Гоголина Е. С., Глаголева С. В. Тенденции гиг-экономики на современном этапе // Вектор экономики. 2020. № 9 (51). С. 8.
4. Трудовой кодекс Российской Федерации. Федеральный закон от 30.12.2001 № 197-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2002 г. № 1 (1 ч.). Ст. 3.
5. Фомин А. И. Исследования этапов формирования профессиональных заболеваний у работников, занятых в технологических процессах при разработке угольных месторождений открытым способом [Текст] / А. И. Фомин, Ю. А. Фадеев, И. М. Анисимов // Вестник научного центра по безопасности работ в угольной промышленности. 2018. № 1. С. 59–66.
6. Янченко, Е. В. Гиг-экономика: риски прекаризации занятости // Экономика труда. 2022. Том 9. № 5. С. 909–930. doi: 10.18334/et.9.5.114795.

УДК 159.9
ББК 88.5

Торгашин Дмитрий Александрович
аспирант,
Волгоградский институт управления –
филиал РАНХиГС при Президенте РФ,
Волгоград, Россия

Научный руководитель: Черникова Тамара Васильевна
доктор психологических наук, профессор,
профессор кафедры психологии образования и развития,
Волгоградский государственный социально-педагогический университет,
Волгоград, Россия

СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ФАКТОРЫ КРИЗИСА ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ КАРЬЕРЫ

Аннотация. Глобальные изменения современного мира затронули все направления сферы социальной жизни, в том числе и один из важнейших аспектов, связанный с особенностями и механизмами построения профессиональной карьеры.

Кризис является поворотным моментом жизни человека, когда возможность реализации жизненного замысла затрудняется или становится невозможной. Проблема детерминации карьерного кризиса может быть описана через объективные, внешние микро-, мезо-, и макрофакторы и субъективные, внутренние факторы (профессиональные цели, мотивы и потребности личности, стремление к самоактуализации и самореализации). Ситуация профессионального кризиса содержит и позитивный, и негативный компоненты. Положительное разрешение сопровождается формированием новых профессионально-ориентированных качеств, напротив, если кризис остается неразрешенным, то в Эго может встроиться деструктивный компонент.

Цель исследования состоит в том, чтобы выявить социально-психологические факторы, влияющие на возникновение кризисов профессиональной карьеры, и в дальнейшем разработать систему поддержки личности в контексте преодоления кризиса профессиональной карьеры.

Ключевые слова: кризис, профессиональная карьера, карьерные кризисы, фазы и стадии кризисов профессиональной карьеры, объективные и субъективные факторы.

Torgashin Dmitry Alexandrovich
graduate student,
Volgograd Institute of Management –
branch of the RANEPА under the President of the Russian Federation,
Volgograd, Russia

Scientific adviser: Chernikova Tamara Vasilievna
doctor of psychological sciences, professor,
Professor of the Department of Psychology of Education and Development,
Volgograd State Socio-Pedagogical University,
Volgograd, Russia

SOCIO-PSYCHOLOGICAL FACTORS OF THE CRISIS OF PROFESSIONAL CAREER

Abstract. Global changes in the modern world have affected all areas of social life, including one of the most important aspects related to the features and mechanisms of building a professional career.

A crisis is a turning point in a person's life, when the possibility of realizing a life plan becomes difficult or impossible. The problem of determining a career crisis can be described through objective, external micro-, meso-, and macro-factors and subjective, internal factors (professional goals, motives and needs of the individual, the desire for self-actualization and self-realization). The situation of a professional crisis contains both positive and negative components. A positive resolution is accompanied by the formation of new professionally oriented qualities; on the contrary, if the crisis remains unresolved, then a destructive component can be built into the Ego.

The purpose of the study is to identify the socio-psychological factors that influence the emergence of professional career crises, and further develop a system of support for the individual in the context of overcoming the crisis of a professional career.

Keywords: crisis, professional career, career crises, phases and stages of professional career crises, objective and subjective factors.

В условиях глобальных изменений во всех сферах общественной жизни выявление общих закономерностей сохранения стабильности трудовых коллективов, разработка более совершенной системы руководства организацией, конструктивное разрешение кризисов профессиональной карьеры делает весьма актуальными направления исследований социально-психологических факторов, обуславливающих возникновение кризисов, разработку инновационных подходов по оказанию помощи и психологической поддержки личности в период переживания кризиса профессионального развития.

Кризис (*krisis*) дословно в переводе с греческого означает исход, поворотное решение, перелом. В работах зарубежных исследователей кризис трактуется как состояние, сопровождающее процесс становления личности. Так Э. Эриксон отмечает что кризис означает «...не угрозу катастрофы, а поворотный пункт, и тем самым онтогенетический источник как силы, так и недостаточной адаптации» [6, с. 102].

G. Carlan, утверждает, что кризис – это период неравновесия, имеющий определенные временные ограничения, сопровождаемый потерей ресурсного состояния, купирующий возможности личности преодолеть возникшую проблему с помощью привычных защитных механизмов G. Carlan охарактеризована последовательность стадий кризиса:

1. Возникновение и рост первичного напряжения, активизирующий привычные механизмы разрешения проблемных ситуаций.
2. Возрастание первичного напряжения, сопровождающееся отсутствием результативности применения прежних способов решения проблем.
3. Все большее усиление напряжения, характеризующееся необходимостью мобилизации внешних и внутренних ресурсов.
4. Понимание тщетности усилий, возникновение постоянной тревожности, чувства безвыходности, дезорганизации личности [7].

Л. С. Выготский также отмечал, что процесс развития кризиса сопровождается усилением внутренних и внешних противоречий, и описывает три фазы разворачивания кризиса: предкритическую, собственно критическую и посткритическую [2].

Причины возникновения ситуаций кризиса могут определяться как социальными факторами: микрофакторами (отношениями в семье, в рабочем коллективе, в ближайшем окружении), мезофакторами (спецификой национального поведения, особенностями места проживания, доступностью и выбором средств массовой коммуникации), макрофакторами (глобальными экологическими, экономическими, военно-политическими, демографическими проблемами), так и индивидуально-типологическими особенностями личности: темпераментом, характером, способностями, направленностью.

Ю. П. Поваренков [4], Р. А. Ахмеров полагают, что кризисы детерминируются событиями и отношениями между ними, Р. А. Ахмеров определяет следующие типы кризисов:

■ кризис нереализованности, возникающий на фоне переживаний по поводу несовпадений реализованных и нереализованных событий в жизни.

■ кризис опустошенности возникает в тех случаях, когда в субъективной картине жизненного пути личность не видит привлекающих ее целей.

■ кризис бесперспективности возникает в ситуации, когда отсутствуют перспективы профессионального и карьерного роста, не намечены пути самореализации и саморазвития [1].

Таким образом степень успешности профессионального развития и организационного роста оказывают влияние на психическое состояние личности, кризис профессиональной карьеры является частным видом жизненного кризиса.

Часть исследований профессиональной карьеры проводится в русле теории черт и факторов, основоположником которой является F. Parsons [9], считавший, профессиональный выбор определяется объемом знаний о профессиональной деятельности и детальными представлениями о самом себе. В рамках типологической теории Holland Y. L. карьерные кризисы минимальны в случае соответствия социальных характеристик личности и выбранной профессиональной сферы [8].

Кризис профессиональной карьеры может выражаться в изменении вектора и темпов профессиональной деятельности, переориентации на новые задачи, переосмыслении субъективно-экономического статуса, трансформации в структуре профессиональных ценностей, смене сферы профессиональной деятельности личности.

Внешние признаки кризиса наблюдаются в зависимости от стадий развития взрослого человека, если к определенному возрасту не достигнуты уровни профессионального становления (развитие, укрепление, совершенствование).

Несформированность навыков определения смысла профессиональной деятельности, неопределенность плана карьерного роста, низкие коммуникативные навыки свидетельствуют о профессионально-эмоциональной незрелости личности, и чаще проявляется в возрасте до 25 лет. Молодой специалист, столкнувшись с требованиями руководства, трудностями конкретной профессиональной деятельности может оказаться в карьерном кризисе, вызванным несовпадением представлением о карьере и реальностью. Наступает разочарование в выборе вида профессиональной деятельности, которое могут усилить такие факторы, как отсутствие опыта, отношение руководства, невысокий оклад, напряженность в отношениях с опытными работниками, отсутствие перспектив быстрого продвижения.

Кризис целеполагания возникает в связи с тем, что человек не представляет себе собственный потенциал и ставит перед собой либо недостижимые, либо недостаточно сложные цели.

Кризис середины служебной карьеры связан с трансформацией системы ценностей, поддерживающих карьеру, чаще наблюдается между 40 и 50 годами. Удовлетворенность достигнутыми карьерными успехами останавливает в дальнейшем продвижении, появляется желание уделять больше времени вне сферы профессиональной деятельности.

Кризис отчуждения возникает в ситуации полной отдачи личности работе, которую не оценили ни руководство, ни коллеги, тогда наблюдаются феномены профессионального выгорания, профессионального самоубийства.

В связи с возникновением юридического права выхода на пенсию у работника может возникнуть кризис зрелости, когда ему необходимо будет сформулировать решение о времени завершения трудовой деятельности.

Э. Ф. Зеер охарактеризовал следующие фазы течения кризисов профессиональной карьеры:

1. Предкритическая фаза характеризуется отсутствием удовлетворенности существующим профессиональным статусом, содержанием и структурой профессиональной деятельности, сложившимися межличностными отношениями. Неудовлетворенность может не осознаваться, но проявляется в тревоге, нервозности, недовольстве различными аспектами работы.

2. Критическая фаза проявляется в углублении противоречий, осознанной формулировкой вариантов изменения ситуации, в усилении психической напряженности, возникновении конфликта как ядра кризисного явления.

3. Посткритическая фаза сопровождается разрешением конфликта конструктивным, профессионально-нейтральным или деструктивным способом [3, с. 191–195].

К объективным факторам возникновения кризисов карьеры Э. Ф. Зеер относит изменение и совершенствование способа выполнения ведущей деятельности, изменение социальной ситуации развития, изменение социально-экономической ситуации, феномены профессиональной деформации и стагнации, внешнюю и внутреннюю оценку успешности профессиональной деятельности субъекта прочие случайные обстоятельства.

Субъективные качества обуславливают активность и внутренние потребности развития личности: социально-профессиональная активность, творческое отношение к выполняемой деятельности, поглощенность профессиональной деятельностью, недовольство социальным и профессионально-образовательным статусом, стремление к удовлетворению потребностей, стремление к самоактуализации и самореализации.

Критериями успешности преодоления кризисов Д. В. Чупшев считает следующие критерии:

- когнитивный (осознание правильности профессионального выбора и поставленных целей);
 - мотивационный (высокий уровень внутренней мотивации и мотивации достижения успеха, постоянный интерес к профессиональной деятельности);
 - эмоциональный (адекватная самооценка, эмоциональное равновесие);
 - профессионально-деятельностный (профессиональная деятельность обеспечивает цели и возможности саморазвития);
 - коммуникативный (построение оптимальных коммуникативных отношений с коллегами);
 - рефлексивный (рефлексия, самоанализ);
 - социальный (приверженность правилам и нормам, предъявляемым организацией)
- [5].

Невозможность преодолеть кризис конструктивными способами может привести к различным формам деструктивного поведения, потере профессиональной идентичности, негативным психическим состояниям. В связи с этим определение социально-психологических факторов, влияющих на возникновение кризиса профессиональной карьеры и разработка технологий оказания поддержки личности в период кризиса профессиональной карьеры, является одним из направлений решения проблемы.

Список литературы

1. Ахмеров, Р. А. Биографические кризисы личности: диссертация ... кандидата психологических наук : 19.00.01. М.: 1994. 210 с.
2. Выготский, Л. С. Собрание сочинений: в 6 т. / Л. С. Выготский / Гл. ред. А. В. Запорожец. М.: Педагогика, 1982–1984.
3. Зеер, Э. Ф. Психология профессионального развития / Э. Ф. Зеер. М.: Академия, 2006. 240 с.
4. Поваренков, Ю. П. Проблемы психологии профессионального становления личности / Ю. П. Поваренков. Ярославль: Канцлер, 2008. 401 с.
5. Чупшев, Д. В. Психолого-акмеологические методы и технологии преодоления профессиональных кризисов работников прокуратуры: автореферат диссертации ... кандидата психологических наук / Д. В. Чупшев. М., 2007. 27 с.
6. Эриксон, Э. Идентичность: юность и кризис: Пер. с англ. / Э. Эриксон. Общ. ред. и предисл. Толстых А. В. М.: Издательская группа «Прогресс», 1996. 344 с.
7. Caplan, G. Principles of preventive psychiatry / G. Caplan. New York; London: Basis Books, 1964. 304 p.
8. Holland, Y. L. Explorations of a theory of vocational choice / Y. L. Holland // J. Appl. Psychol. 1968. V. 52. No 1.
9. Parsons, F. Choosing a vocation / F. Parsons. Cambridge, 2008. 176 p.

УДК 331.108.34
ББК 65.050

Чеснокова Екатерина Николаевна,
магистрант,
Научный руководитель: Иванова Татьяна Борисовна
доктор экономических наук, профессор,
профессор кафедры государственного управления и менеджмента,
Волгоградский институт управления –
филиал РАНХиГС при Президенте РФ,
Волгоград, Россия

ОЦЕНКА РЕЗУЛЬТАТИВНОСТИ АДАПТАЦИИ МОЛОДЫХ СПЕЦИАЛИСТОВ НА ПРЕДПРИЯТИИ

Аннотация. В статье рассматриваются понятие и инструменты адаптации. Предложена авторская методика оценки результативности адаптации на основе одновременного применения двух инструментов – анкетирования и оценки социально-психологического климата по методике Немова. Проведена апробирование разработанного метода на примере ООО «Мэнпауэр» и показаны возможности получения на этой основе выводов и рекомендаций.

Ключевые слова: адаптация, молодые специалисты, анкетирование, методика Немова, результативность адаптации.

Chesnokova Ekaterina Nikolaevna,
undergraduate,
Scientific adviser: Ivanova Tatyana Borisovna
doctor of economic sciences, professor,
Professor of the Department of Public Administration and Management,
Volgograd Institute of Management –
branch of the RANEPА under the President of the Russian Federation,
Volgograd, Russia

ASSESSMENT OF THE EFFECTIVENESS OF ADAPTATION OF YOUNG SPECIALISTS AT THE ENTERPRISE

Abstract. The article discusses the concept and tools of adaptation. The author's methodology for assessing the effectiveness of adaptation is proposed based on the simultaneous use of two tools – a questionnaire and an assessment of the socio-psychological climate according to the Nemov method. The approbation of the developed method was carried out on the example of Manpower LLC and the possibilities of obtaining conclusions and recommendations on this basis are shown.

Keywords: adaptation, young specialists, questionnaire, Nemov's methodology, adaptation effectiveness.

Процесс адаптации – это найм и целенаправленная интеграция новых сотрудников в компанию [5]. Для каждой фирмы важно, чтобы он проходил максимально эффективно, так как это позволяет сократить текучесть кадров, за счет этого сэкономить средства на их замену, которые необходимо было бы потратить в случае увольнения, кроме того, обеспечивается

быстрое приспособление специалиста к выполнению производственных заданий, что повышает производительность труда.

Для формирования активной прогрессивной адаптации используется широкий спектр инструментов: реализация стандарта адаптационных мероприятий для молодых сотрудников; использование технологий организационного воздействия на молодых сотрудников; корректировка не денежных стимулов; оценка основных показателей их адаптации и другие [4]. Указанные технологии первичной адаптации выпускников имеют решающее значение для перспектив гармонии и стабильности кадровых процессов в организации. Поэтому важным является оценка результативности адаптации молодых работников на предприятии.

Наиболее частым методом исследования в этой области является анкетирование [2]. Оно позволяет выяснить отношение молодых специалистов к различным аспектам новой для них деятельности, например, привыкание к требованиям профессии, ценностям и нормам организации, наличие и достаточность мероприятий по адаптации и другие. В тоже время, приходя в коллектив новые сотрудники, в свою очередь, воздействуют на его организационную культуру, принося собственное видение различных ситуаций, представления о формах организации работы, организации трудового процесса, хотя для молодых специалистов это воздействие и является меньшим по сравнению с уже опытными сотрудниками [1]. Возникает необходимость учета обратного воздействия – молодого специалиста и предложенных ему программ адаптации на остальных членов коллектива. Поэтому диагностика технологий адаптации молодых специалистов и степень удовлетворенности ими со стороны вновь принятых на работу сотрудников являются недостаточными для формирования позитивных изменений в коллективе. Исследования процессов адаптации необходимо проводить с учетом изменений социально-психологического климата коллектива в целом. Если процессы адаптации не ухудшают социальное самочувствие остальных членов коллектива, то можно считать, что происходят гармоничные изменения процессов управления персоналом.

В связи с этим для диагностики технологий адаптации молодых специалистов были использованы анкетирование, позволяющее выявить основные проблемы процесса адаптации молодых специалистов в компании ООО «Мэнпауэр» и разработать рекомендации по его совершенствованию, а также методика выявления степени интеграции «СПСК» – социально-психологическая самооценка климата коллектива (методика Немова) [3]. Применение одновременно этих двух подходов позволяет получить характеристику одного процесса (адаптации молодых специалистов) и оценить его на основе общего состояния коллектива в целом (социально-психологический климат). При позитивных результатах каждого направления оценки отношения и используемые технологии являются для коллектива органичными. Возможны и иные варианты. Например, удовлетворенность адаптацией со стороны молодых специалистов и нарастание напряженности социально-психологического климата свидетельствует о превалировании интересов вновь нанятых сотрудников, создании им особых условий работы по сравнению с другими членами коллектива.

Такой подход был адаптирован на примере компании ООО «Мэнпауэр». На основании данных, полученных в результате исследования в данной компании, нами были сделаны следующие выводы:

- У большинства молодых специалистов не проводились в образовательном учреждении мероприятия направленные на повышение профессиональной адаптации, что в итоге способствовало возникновению проблем в профессиональной адаптации.

- Трудностей в плане адаптации в коллективе у сотрудников не возникает, атмосферу в организации молодые специалисты характеризуют как дружескую и атмосферу взаимного уважения. Большинство опрошенных с удовольствием общается со всеми коллегами.

- Условиями труда и режимом работы большая часть опрошенных удовлетворена, однако, некоторые сотрудники выразили необходимость в замене оборудования, поскольку стабильно функционирующая техника оказывает сильное влияние на молодых специалистов в период их адаптации.

- Поскольку наличие наставника для вхождения в должность, знакомства с компанией, ее основными нормами и принципами, очень важно для эффективного обучения и целостной интеграции сотрудника, компания ООО «Мэнпауэр» закрепляет его за всеми новыми специалистами, что отметили большинство опрошенных.

- Большинство опрошенных отмечают, что в компании недостаточно развита общественная жизнь (спортивные, культурно-массовые, физкультурно-оздоровительные, туристические мероприятия) и что участие в подобных мероприятиях может повысить адаптацию молодого специалиста в организации.

- Все сотрудники на момент исследования полностью адаптировались в компанию, в среднем этап адаптации занял от 1 до 4 месяцев, по результатам ответов.

- Наиболее значимыми социально-психологическими факторами адаптации, исходя из ответов опрошенных можно выделить: отношение к малому коллективу (структурному подразделению), где работает молодой специалист; отношения между руководителем и подчиненными в коллективе; удовлетворение от работы.

- Коллектив компании ООО «Мэнпауэр» имеет выше среднего уровня социально-психологической сплоченности в целом. Анализ социально-психологического климата ООО «Мэнпауэр» показал, что в целом сотрудникам комфортно работать в данном коллективе, а их социально-психологический климат является комфортным.

Рекомендации, выдвинутые нами по результатам исследования:

- Компании стоит рассмотреть приобретение сертификационного курса по адаптации молодых специалистов.

- Необходимо разнообразить общественную жизнь организации, разработать ряд мероприятий для эффективной адаптации сотрудников и сплочения коллектива.

- Важным компонентом адаптации сотрудников также является прозрачная и понятная мотивация сотрудников, а также мотивация менторов, которую необходимо разработать компании.

- Компании также необходимо выделить отдельного сотрудника для проведения он-бординга и наставничества и его постоянное обучение.

- В компании должна быть возможность предоставления новым сотрудникам ресурсов для профессионального развития или дополнительного обучения.

- Важным моментом для улучшения адаптации специалистов является условия труда. В нашем исследовании сотрудники особенно обратили внимание на необходимость смены оборудования, под которым подразумевается в частности рабочие мобильные телефоны и компьютеры.

- Необходимо также периодически запрашивать обратную связь у сотрудников, чтобы отслеживать, насколько эффективно проходит адаптация новых специалистов.

- Важно расширить границы проведения мероприятий по адаптации, так как в плане программы мы видим основной срок в 2 недели, по факту же адаптация в сотрудников, как мы выяснили, занимает 1–4 месяца, следует знакомить с их должностными ролями постепенно и систематически.

Процесс адаптации молодых специалистов в компании выстроен достаточно грамотно, и большинство участников исследования почувствовали себя достаточно профессионально и психологически адаптированными через несколько месяцев работы, который оценивает-

ся в одну – четыре недели. Если компания реализует выдвинутые нами рекомендации, то процесс адаптации может продвигаться гораздо быстрее и поможет избавиться от текучки кадров в долгосрочной перспективе.

Оценка результативности адаптации молодых специалистов на предприятии на основе двух подходов – через анкетирование для выявления их мнения и на основе измерения социально-психологического климата по методу Немана – позволяет выявлять степень гармонизации процессов приспособления молодых сотрудников и обеспечивать их своевременную корректировку.

Список литературы

1. Волков, Г. Д. Адаптация и ее уровни. Пермь: НИМБ, 2016. 192 с.
2. Голубова, А. С. Анализ и оптимизация системы оценки профессиональных знаний в период адаптации сотрудников // Материалы Ивановских чтений. 2017. № 2–2 (13). С. 53–59.
3. Немов, Р. С. Психология: в трех книгах: учебник для студентов высших педагогических учебных заведений. Кн. 3: Психодиагностика: введение в научное психологическое исследование с элементами математической статистики. Москва: ВЛАДОС. 2008. 630 с.
4. Ушурова, Н. И., Мокшина Н. Г. Адаптация молодых сотрудников и возможности управления этим процессом // Научно-методический электронный журнал «Концепт». 2015. Т. 26. С. 166–170. Режим доступа: <http://e-koncept.ru/2015/95318.htm> (дата обращения 01.09.2022).
5. Энгелавских, В. Р. Адаптация персонала как механизм повышения эффективности работы персонала // Социальные науки. 2017. № 21 (12). С. 57.

УДК 331.104.22
ББК 60.84

Чеснокова Надежда Николаевна,
магистрант,
Научный руководитель: Иванова Татьяна Борисовна
доктор экономических наук, профессор,
профессор кафедры государственного управления и менеджмента,
Волгоградский институт управления –
филиал РАНХиГС при Президенте РФ,
Волгоград, Россия

МЕТОДИКИ ОЦЕНКИ СТРЕСС-МЕНЕДЖМЕНТА В КОММЕРЧЕСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ

Аннотация. В статье обоснована необходимость управления стрессами в коммерческих организациях. Показана авторская методика, позволяющая выявить причины стресса и предложить программу их преодоления. Особо интересным результатом является обусловленность стресса в анализируемой компании условиями труда, непрозрачностью материального стимулирования и недостаточной вовлеченностью сотрудников в систему планирования.

Ключевые слова: стресс-менеджмент, анкетирование, программа управления стрессами.

Chesnokova Nadezhda Nikolaevna,
undergraduate,
Scientific adviser: Ivanova Tatyana Borisovna
doctor of economic sciences, professor,
Professor of the Department of Public Administration and Management,
Volgograd Institute of Management –
branch of the RANEPA under the President of the Russian Federation,
Volgograd, Russia

METHODS FOR ASSESSING STRESS MANAGEMENT IN A COMMERCIAL ORGANIZATION

Abstract. The article substantiates the need for stress management in commercial organizations. The author's technique is shown. It allows you to identify the causes of stress and propose a program to overcome them. Of particular interest to the results is the conditionality of stress in the analyzed company by working conditions, lack of transparency of financial incentives and insufficient involvement of employees in the planning system.

Keywords: stress management, questionnaire, stress management program.

Формирование гармоничного климата в коллективе имеет самые разнообразные аспекты, одним из которых является отсутствие стрессов. За счет этого члены коллектива могут продуктивно работать на рабочем месте, выстраивать эффективные деловые коммуникации, обеспечивать реализацию клиентоориентированного подхода [4, 5]. Тем не менее, стресс может присутствовать в работе коллектива и необходимо предпринимать дополнительные усилия для его нейтрализации. Это предполагает, что необходимо выявить его наличие, причины и разработать меры предотвращения [1, 2, 3]. Это делает актуальной тему настоящей статьи –

анализ методик оценки стресс – менеджмента в организации. Для того чтобы понять почему стресс возникает и как им управлять, проблема должна быть подробно рассмотрена на отдельных рабочих местах. Только после этого может быть создана соответствующая и конкретная программа управления стрессом.

Мы разработали собственную методику оценки стресса и применили ее в компании ООО «Мэнпауэр». Методика заключается в анкетировании сотрудников компании по нескольким аспектам влияния и предупреждения стресса. Она позволяет определить источники стресса в конкретной организации, выявить сильные и слабые стороны условий труда, определить насколько качественно выполнена работа по уже принятым мерам борьбы со стрессом и что еще нужно наверстать. Применение данной методики позволит разработать систему управления стрессом.

Фокус исследования направлен на изучение уровня стресса сотрудников компании ООО «Мэнпауэр». Инструментами изучения стресса был выбран метод онлайн-опроса.

В проведенном исследовании приняли участие 20 респондентов в возрасте от 22 до 28 лет, работающих в компании ООО «Мэнпауэр». Среди опрошенных оказалось 50 % женщин и 50 % мужчин. В опросе участвовали сотрудники из разных уровней подчинения: ассистенты, младшие специалисты, специалисты, координаторы.

Участникам опроса было предложено оценить уровень стрессов в их трудовой деятельности по 10-балльной шкале. Большая часть ответов распределилась следующим образом: 30 % респондентов оценила уровень стресса в компании по шкале на 4, а 30 % – на 7. Проанализировать данную неоднозначную ситуацию мы сможем, разобравшись в деталях, так как восприимчивость к стрессам носит индивидуальный характер.

Для того, чтобы проанализировать, как сотрудники оценивают обстановку в коллективе, мы задали вопрос: «Каков в целом, с Вашей точки зрения, социально-психологический климат в организации?». Большинство респондентов считает социально-психологический климат положительным (50 %) или скорее положительным (50 %). Это говорит о том, что взаимоотношения в коллективе не только не являются источником стресса в ООО «Мэнпауэр», но и, возможно, способствуют минимизации влияния других источников стресса. Например, положительный социально-психологический климат способствует развитию дружеских взаимоотношений между коллегами, что в свою очередь побуждает сотрудников к обмену опытом, эмоциональной разгрузке во время работы и др.

Следующим шагом в оценке уровня стресса в компании стала шкала согласия и/или несогласия с высказываниями, отражающими самоощущения сотрудников в тех или иных ситуациях в трудовой деятельности. Участникам опроса было предложено 16 ситуаций, к которым они должны были выбрать свое отношение. Разберем наиболее показательные варианты.

Большая часть участников согласилась с высказыванием: «После окончания рабочего дня я продолжаю думать о незавершенных или предстоящих рабочих делах», отметив, что в большинстве случаев в их трудовой деятельности происходит именно так. Этот фактор определенно влияет на уровень стресса сотрудника, так как в течении времени, отведенного для отдыха, он продолжает мысленно оставаться на работе и не получает моральную разгрузку, что приводит к накоплению напряженности. Это скорее фактор, на который может повлиять только сам сотрудник, но некоторые меры все-таки может принять руководство для борьбы с данной ситуацией.

Следующий интересный аспект, на котором мы бы хотели остановиться – высказывание: «Часто в моей работе я берусь за большее, чем могу успеть сделать в реальное время». С этим утверждением значительная часть респондентов не смогла определиться и выбрала

вариант: «Нечто среднее», а остальные согласились с высказыванием. Это говорит о том, что сотрудники попадают в ситуацию, когда перегружены работой, что может быть следствием высокой загруженности и быстрого перегорания. В связи с этим руководству стоит обратить внимание на данный пункт и принять меры по распределению нагрузки согласно возможностям и ресурсам персонала.

Для того, чтобы выявить источники возникновения стресса мы предложили респондентам оценить удовлетворенность отдельными аспектами трудовой деятельности. В целом динамика ответов положительная, например, сотрудники в большей степени удовлетворены взаимоотношениями в коллективе, отношениями с непосредственным руководителем, содержанием выполняемой деятельности и организацией труда.

В тоже время, есть ряд показателей, где ответы участников уже не так однозначны. Например, с распределением нагрузки между сотрудниками оказались не согласны 30 % опрошенных и еще 30 % затруднились ответить на этот вопрос. Возвращаясь к ситуации о возможных перерезках сотрудников, описанной выше, мы видим, что в компании присутствует неравномерное распределение задач, которое вызывает неоднозначную оценку персонала. Руководству в этом случае стоит также обратить внимание на описанный фактор и включить его в список аспектов, которыми нужно управлять для удовлетворенности коллектива.

Одним из важнейших факторов мотивации сотрудника является уровень его заработка, поэтому очень важно понимать удовлетворенность сотрудников системой мотивации труда. Значительная часть сотрудников оценила аспект «Справедливость морального и материального стимулирования» неудовлетворительно. Это предполагает совершенствование стимулирования сотрудников компании, введение дополнительных, новых мер.

Далее в нашем исследовании мы попытались выяснить, какие из источников стресса присутствуют в компании «Мэнпауэр». Большинство респондентов оценили, как «умеренные» и «высокие», следующие источники стресса:

- плохое и/или неадекватное для выполнения задач оборудование (как источник высокого уровня стресса указали 40 % респондентов),
- ограниченные возможности профессионального роста (источник умеренного стресса у 50 % и высокого у 30 % респондентов),
- малый учет мнения работников при планировании и при принятии организационных решений (умеренный стресс для 60 % опрошенных),
- распределение материальных поощрений не в соответствии с результатами труда (источник умеренного стресса у 60 % и высокого у 30 % респондентов).

По мнению абсолютного большинства респондентов руководство должно применять меры для устранения стрессовых источников в организации, но, по мнению 50 % опрошенных, в их организации руководство скорее не применяет таких мер. Среди наиболее эффективных мер для устранения стрессовых источников, по мнению опрошенных, являются: улучшение качества условий труда (70 %) и забота о здоровье сотрудников (60 %).

В целом, проведенное исследование позволило сделать следующие выводы по рассматриваемой организации:

- 1) уровень стресса в компании выше среднего;
- 2) основными источниками являются: техническое оснащение офиса, неудовлетворенность материальным вознаграждением, распределение нагрузки и ограниченные возможности профессионального роста;

3) отсутствует система управления стрессом, сотрудники в основном преодолевают его самостоятельно, хотя нуждаются во введении мер, способствующих минимизации его влияния.

Для успешного стресс-менеджмента руководству необходимо следовать следующим рекомендациям по управлению стрессами в компании:

1. В компании существует четкая структура показателей КРІ, но как следует из анализа ответов респондентов, сотрудникам не хватает информации по материальному стимулированию. Необходимо разработать приложения для общего доступа, чтобы каждый работник мог ознакомиться с показателями премирования.

2. Необходимо направить запрос в Центральный Офис на замену оборудования на более современное, так как компьютеры и рабочие телефоны устарели и многие функции вышли из строя, что значительно повышает уровень стресса сотрудников и влияет на эффективность работы.

3. Целесообразно разработать опросник для выявления условий труда, требующих улучшения, так как значительная часть сотрудников обозначила это наиболее эффективным методом борьбы со стрессом.

4. Следует разработать систему планирования для справедливого распределения задач между работниками, учитывая все возможности и ресурсы как отдельного сотрудника, так и компании в целом. Для наибольшей эффективности, следует на постоянной основе запрашивать обратную связь от сотрудников по факту выполнения поставленных задач.

5. Необходимо ввести ряд бонусов для сотрудников в виде мероприятий по заботе о их здоровье (например, ДМС, оздоровительные походы, туры, путевки в санатории, скидки на фитнес и др.).

Проведение данных мероприятий позволит повысить иммунитет сотрудников к источникам стресса, предупредить их появление, что соответственно приведет к увеличению удовлетворенности персонала рабочей средой и будет увеличивать их эффективность и производительность. Эти показатели определенно будут влиять на бизнес только в лучшую сторону, и увеличивать прибыль.

Список литературы

1. Леонова, А. Б. Комплексная методология анализа профессионального стресса: от диагностики к профилактике и коррекции // Психологический журнал. 2004. № 2. С. 75–85.
2. Пожарская, А. Я. Проблема стресса и исследование степени стрессоустойчивости сотрудников с использованием существующих методик // Успехи современной науки и образования. 2016. № 3. Т. 2. С. 72–77.
3. Прохоров, О. А. Методики диагностики и измерения психических состояний личности. М.: ПЕР СЭ, 2004. 176 с.
4. Русакова, И. Б. Управление стрессом в организации // Управление персоналом. 2010. № 12. С. 20–24.
5. Сивил, Д. Стресс-менеджмент. М.: Гиппо, 2016. 126 с.

Секция 2

ГУМАНИСТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ РАЗВИТИЯ МЕНЯЮЩЕГОСЯ ОБЩЕСТВА

УДК 658.153.012.7
ББК 65

Абрамова Валерия Артемовна
студент группы ЭБ-402,
Чуб Маргарита Владимировна
кандидат экономических наук,
доцент кафедры учета, анализа и аудита,
Волгоградский институт управления –
филиал РАНХиГС при Президенте РФ,
Волгоград, Россия

**ЛИКВИДНОСТЬ КАК ЭЛЕМЕНТ АНАЛИЗА
ФИНАНСОВОГО СОСТОЯНИЯ
В РАМКАХ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ ПРЕДПРИЯТИЯ**

Аннотация. В статье рассматриваются подходы к пониманию сущности платежеспособности и ликвидности предприятий. Также изучена динамика коэффициентов ликвидности и причины их изменений.

Ключевые слова: Платежеспособность организации, ликвидность активов, ликвидность баланса, ликвидность предприятия, коэффициенты ликвидности.

Abramova Valeria Artemovna
student of group EB-402,
Chub Margarita Vladimirovna
candidate of economic sciences,
Associate Professor of the Department of Accounting, Analysis and Audit,
Volgograd Institute of Management –
branch of the RANEPA under the President of the Russian Federation,
Volgograd, Russia

**LIQUIDITY AS AN ELEMENT OF THE ANALYSIS OF THE FINANCIAL CONDITION
IN THE FRAMEWORK OF THE ECONOMIC SECURITY
OF THE ENTERPRISE**

Abstract. The article discusses approaches to understanding the essence of solvency and liquidity of enterprises. The dynamics of liquidity ratios and the reasons for their changes are also studied.

Keywords: Solvency of the organization, liquidity of assets, liquidity of the balance sheet, liquidity of the enterprise, liquidity ratios.

Развитие бизнеса имеет достаточно много нюансов и проблем. Организации, сохраняя свою экономическую безопасность, в режиме постоянного контроля должны отслеживать оптимальный объем средств, которые, в свою очередь, необходимы для экономического роста, выгодных сложений и инвестиций. В принципе средства необходимы для существования и выживания. Если показатели ликвидности и не соответствуют параметрам, то можно судить, что это способствует снижению экономической активности. Однако, денежные ресурсы зависят от доходов фирмы и расходов, связанных с получением доходов. Но сам финансовый результат непосредственно связан с суммами платежей самим инвестором. Это могут быть ди-

виденды, определенные по итогам года или операции, связанные с выпуском акций у акционеров.

«Существенную нехватку средств могут испытывать, например, фирмы, генерирующие приличным доходом, но имеющие значительный объем краткосрочных обязательств. Ключевой характеристикой структуры капитала фирмы является, таким образом, воздействие данной структуры на последовательность выплат инвесторам. Краткосрочный долг, который заставляет фирму расставаться с деньгами, и ценными бумагами, досрочно предъявляемые к погашению при нарушении некоторых условий договора, усиливает проблемы с ликвидностью, в то время как долгосрочный долг и акции облегчает положение фирмы, как, например, в случае привилегированных акций – формы долга, платёж по которому можно на время отложить.

Помимо необходимости выполнять обязательства и осуществлять платежи, нехватка ликвидности потенциально связана с уровнем и периодичностью поступления доходов. Например, даже при отсутствии выплат инвесторам нехватка ликвидности вполне предсказуемо для компаний (к примеру, стартапов в области исследований и разработок), которые какое-то время после начала работы не получают доходов. Наличие дохода в конкретный момент времени также зависит от его изменчивости (волатильности), а на амплитуду колебаний, в свою очередь, влияют решения компании в области диверсификации и управления риском» [1].

Поэтому становится очевидно, что очень важным и первостепенным становится планирование ликвидности на предприятии. Это важный этап в работе специалистов, финансовых директоров, занимающий много времени и ресурсов.

Платежеспособность представляет собой способность своевременно погашать свои внешние обязательства. Платежеспособность предприятия зависит, прежде всего, от его ликвидности. Ликвидность предприятия – это способность превращать свои активы в деньги для покрытия всех необходимых платежей по мере наступления их срока. Критерии платежеспособности и ликвидности не тождественны, но на практике тесно взаимосвязаны. Например, при удовлетворительных показателях ликвидности возможна ситуация недостатка денежных средств на определенный период времени для покрытия текущих обязательств, в этом случае предприятие считается ликвидным, но не платежеспособным.

Обычно специалисты выделяют два этапа для проведения анализа ликвидности и платежеспособности.

В первую очередь – это расчет абсолютных показателей. Соответственно во вторую это будет являться расчет относительных показателей платежеспособности.

Способность предприятия погашать непредвиденные долги, вовремя платить, не сдаваться из-за непредвиденного изменения рынка, данным критериям отвечает показатель платежеспособности и ликвидности предприятия. В балансе это выглядит следующим образом: это превышение товарных запасов над краткосрочными обязательствами. На первый взгляд это выглядит как собственные оборотные средства- превышение собственного оборотного капитала над внеоборотными активами. С одной стороны, верно, но только при одном условии – если у компании нет долгосрочных кредитов. Но если долгосрочные кредиты есть, то у компании собственных оборотных средств может не быть, а чистые обороты капитала у компании будут, то она будет финансово неустойчивой, но платежеспособной и ликвидной.

Ликвидность баланса характеризует возможность субъекта хозяйствования обратить активы в наличность и погасить свои платёжные обязательства. Анализ ликвидности баланса позволяет оценить кредитоспособность компании, то есть способность компании рассчиты-

ваться по своим обязательствам. Ликвидность определяется покрытием обязательств компании её активами, срок превращения которых в деньги соответствует сроку погашения обязательств.

Поэтому необходимо производить группировку активов и пассивов организации. Группировка будет зависеть от того насколько ликвидным является элемент, и о того насколько срочно необходимо погасить те или иные обязательства (табл. 1).

Баланс организации считается абсолютно ликвидным, если имеют место следующие соотношения: $A_1 > P_1$; $A_2 > P_2$; $A_3 > P_3$; $A_4 < P_4$.

Сопоставив активы и обязательства, получают сравнительные показатели ликвидности:

– текущая ликвидность – платежеспособность организации на ближайший промежуток времени: $ТЛ = (A_1 + A_2) - (P_1 + P_2)$;

– перспективная ликвидность – прогноз платежеспособности на основе сравнения будущих поступлений и платежей: $ПЛ = A_3 - P_3$.

Таблица 1

Группировка активов и пассивов предприятия

Группа активов	Группа пассивов
A_1 – наиболее ликвидные активы Краткосрочные финансовые вложения и денежные средства организации.	P_1 – наиболее срочные обязательства Кредиторская задолженность, расчеты по дивидендам, а также ссуды, непогашенные в срок.
A_2 – быстрореализуемые активы Дебиторская задолженность, платежи по которым ожидаются в течение 12-ти месяцев, прочие оборотные активы.	P_2 – краткосрочные пассивы Кредиты и займы, которые необходимо погасить в течение 12-ти месяцев после отчетной даты.
A_3 – Медленно реализуемые активы Запасы, незавершенное производство, НДС и платежи, по которым ожидаются более чем через 12 месяцев с момента отчетной даты.	P_3 – долгосрочные пассивы Долгосрочные кредиты и заемные средства, прочие долгосрочные пассивы.
A_4 – труднореализуемые активы Внеоборотные активы предприятия.	P_4 – постоянные (устойчивые) пассивы Собственный капитал, а также доходы будущих периодов, резервы предстоящих расходов и платежей.
Примечание - составлено автором по данным: Лукаш, Ю.А. Анализ финансовой устойчивости коммерческой организации и пути ее повышения [22].	

Коэффициенты, приведенные в таблице ниже, способствуют проведению ряда анализов и проверок, которые осуществляются при помощи абсолютных показателей (табл. 2).

Обратимся к данным Федеральной службы государственной статистики для определения возможности и способности расплачиваться по срокам погашения обязательства и те денежные требования, которые предъявляю существующие коэффициенты ликвидности, которые в конечном итоге раскрывают информацию о способности погасить долг.

Данные коэффициенты являются объектом внимания государства, а именно Федеральной службы государственной статистики. Именно данный орган ежегодно публикует аналитические данные о фактическом положении бюджетной, финансовой, монетарной и кредитной политики Российской Федерации.

Коэффициентный анализ платежеспособности предприятия

Наименование показателя	Способ расчета	Нормальное ограничение	Пояснения
1. Коэффициент абсолютной ликвидности	$K_1 = \frac{A_1}{\Pi_1 + \Pi_2}$	$K_1 \geq 0,2$	Показывает, какую часть краткосрочной задолженности можно погасить в ближайшее время за счет денежных средств.
2. Коэффициент критической ликвидности	$K_2 = \frac{A_1 + A_2}{\Pi_1 + \Pi_2}$	Допустимо: $K_2 \approx 0,7$ Желательно $K_2 \geq 1,5$	Показывает, какая часть краткосрочных обязательств может быть немедленно погашена за счет средств на счетах краткосрочных ценных бумаг и поступлений по расчетам.
3. Коэффициент текущей ликвидности (покрытия)	$K_3 = \frac{A_1 + A_2 + A_3}{\Pi_1 + \Pi_2}$	Необходимо: $K_3 = 1$ Оптимально: $K_3 \geq 2$	Показывает, какую часть текущих обязательств по кредитам можно погасить мобилизовав все оборотные средства.
4. Доля оборотных средств в активах	$K_4 = \frac{A_1 + A_2 + A_3}{B}$	Зависимость от отраслевой принадлежности и	Используется для сравнительного анализа предприятий одной отрасли в части формирования оборотных активов.
Примечание – составлено автором по данным: Лукаш, Ю.А. Анализ финансовой устойчивости коммерческой организации и пути её повышения [22].			

Проиллюстрируем аналитическое исследование на диаграмме. Нами изображены коэффициенты платежеспособности предприятий в динамике и сделаны соответствующие выводы. Данная диаграмма построена по данным бухгалтерской отчетности и содержит информацию о субъектах малого предпринимательства (СМП) (рис. 1).

Из диаграммы видно, что резкие изменения, падения значений коэффициентов были в 1998 и в 2014 годах, что связано с экономическим и валютным кризисами соответственно.

Нормативным значением коэффициента текущей ликвидности принято считать 1,5–2,0, но можно проследить, что предприятия не способны платить по своим обязательствам. Особенно критическую точку данного коэффициента можно выделить в 1998 году, так как этот показатель был ниже нежели в остальной рассматриваемый период. За 26 года показатель вырос с 115,6 % до 133,4 %, наиболее низким показатель был зафиксирован в 1998 году и был равен 91,2 %.

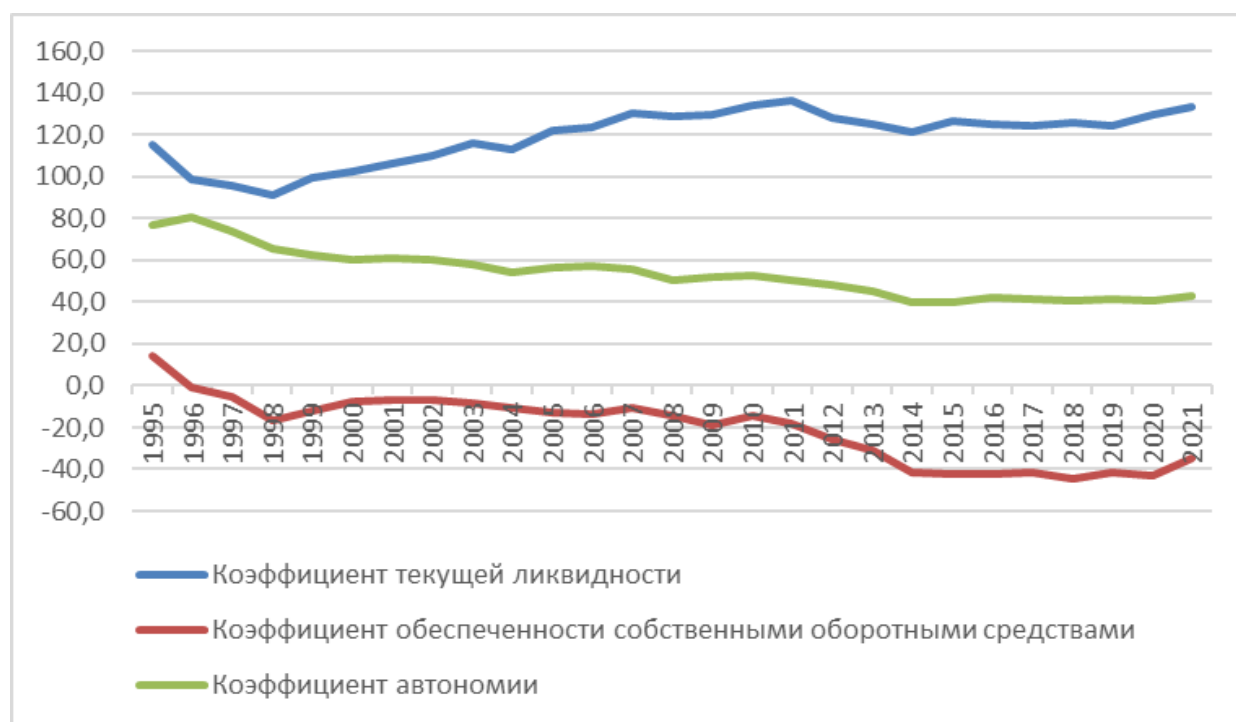

Рис. 1. Динамика коэффициентов платежеспособности организаций

Коэффициент обеспеченности собственными оборотными средствами также не находится в диапазоне нормального значения. Его принято считать удовлетворительным при значении равном 0,1. Однако следует отметить, что данный критерий очень жесткий и большинству Российских компаний трудно его достичь. Это коэффициент, среди трех сравниваемых, претерпел наибольшее изменение. Так в начале рассмотренного периода он являлся положительным и был равен 14,2 %, а в конце периода – 35,1 %. Своего минимума показатель достиг в 2018 году и был зафиксирован на уровне – 44,4 %.

Коэффициент автономии до первого кризиса показывает независимость компаний от необходимости кредитования. Однако это также можно рассмотреть, как применение мер по сдерживанию темпов развития предприятия. Со временем этот показатель изменяется и показывает динамику снижения, возрастания зависимости от кредитов и слабую финансовую устойчивость. В 1998 году 76,5 %, после чего в следующем году уже зафиксировано 80,7 %, что будет являть максимумом по сей день. Минимальное значение коэффициент показал в 2018 году и составил 39,9 %. На конец исследуемого периода показатель вырос до 42,7 %. Но сказать, что он имеет положительную динамику трудно, так как повышался и снижался на незначительные проценты, что наглядно можно увидеть в таблице ниже (табл. 3):

Таблица 3

Динамика коэффициента автономии

Год	Коэффициент автономии
2018	40,6
2019	41,4
2020	40,7
2021	42,7

Данные показатели напрямую влияют на экономическую безопасность предприятия, так как уровень ликвидности одна из его составляющих. Можно сделать вывод, что вопрос гарантии экономической безопасности и платежеспособности предприятий в России остается актуальным на протяжении многих лет. Это является следствием роста количества возможных угроз, таких как валютные и финансовые кризисы, расширение экономического пространства, нестабильность валюты и так далее. Следуя тенденции на уровне государства и организаций необходимо выявить новые пути достижения экономической безопасности.

Таким образом, в результате написания данной работы решены все поставленные задачи, следовательно, достигнута цель работы – изучение ликвидности и платежеспособности предприятий как элементов анализа финансового состояния в рамках экономической безопасности предприятий.

Список литературы

1. Тироль, Ж. Теория корпоративных финансов : в 2 кн. Книга 1 / Жан Тироль; пер. с англ. под науч. ред. Н. А. Ранневой. Москва : Дело, 2017. 672 с. (Академический учебник) URL: <https://www.studentlibrary.ru/book/ISBN9785774912414.html> (дата обращения: 10.11.2022).
2. Финансовое состояние организаций (с 1995 г.) URL: <https://rosstat.gov.ru/statistics/finance> (дата обращения: 10.11.2022).

УДК 336.71
ББК 65.262.10

Бгатова Наталья Алексеевна
студент группы БкЭ-401

Научный руководитель: Биткина Ирина Константиновна
*кандидат экономических наук, доцент,
доцент кафедры экономики и финансов,
Волгоградский институт управления –
филиал РАНХиГС при Президенте РФ,
Волгоград, Россия*

ОСОБЕННОСТИ БАНКОВСКОЙ СИСТЕМЫ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ РАЗВИТИЯ

Аннотация. В данной работе изучена современная банковская система и этапы ее развития. Актуальность подтверждается активной трансформацией банковского сектора. Целью работы выступало выделение этапов развития банковской системы (начиная с 1990-х годов). На основе изучения банковской документации, материалов Банка России, научных публикаций, были определены особенности банковского бизнеса и сделан вывод, что банковская система РФ действительно претерпела кардинальные изменения за последние 30 лет.

Ключевые слова: банковская система, особенности банковского сектора, развитие банковской системы, коммерческие банки, Банк России.

Bgatova Natalya Alekseevna
student of group BkE-401

Scientific adviser: Bitkina Irina Konstantinovna
*Candidate of Economic Sciences, Associate Professor,
Associate Professor of the Department of Economics and Finance,
Volgograd Institute of Management –
branch of the RANEPА under the President of the Russian Federation,
Volgograd, Russia*

FEATURES OF THE BANKING SYSTEM AT THE PRESENT STAGE OF DEVELOPMENT

Abstract. This article examines the modern banking system and the stages of its development. The relevance is confirmed by the active transformation of the banking sector. The purpose of the work was to highlight the stages of development of the banking system (since the 1990s). Based on the study of banking documentation, materials of the Bank of Russia, scientific publications, the peculiarities of the banking business were identified and it was concluded that the banking system of the Russian Federation has indeed undergone drastic changes over the past 30 years.

Keywords: banking system, features of the banking sector, development of the banking system, commercial banks, Bank of Russia.

Одним из элементов национальной безопасности выступает банковская система. Это объясняется тем, что при ее защищенности, обеспечении безопасности будут созданы усло-

вия для нормального развития экономики страны. При устойчивом положении банковского сектора, общество и государство смогут быть защищены от внутренних и внешних угроз.

Банковская система прошла много модернизаций в течение своего развития. Так, первым этапом можно выделить период с 1990 по 1995 годы. После распада СССР государство начало адаптироваться к рыночной экономике. В это время Центральный Банк не осуществлял жесткий надзор, время от времени отзывал лицензии, требования при регистрации коммерческих банков были низкими. Из-за этого было большое количество коммерческих банков (1360 шт. в 1992 году и уже 2600 шт. в 1995 году).

Во время первого периода принят федеральный закон, который оказывает значительное влияние на банковский сектор и в настоящее время: № 395 «О банках и банковской деятельности». Из-за высокой разнородности участников банковского рынка, управлять банками было сложно, и конкуренции среди них не было. Банки не желали работать с населением, так как они не приносили такой прибыли, как спекуляции на валютном рынке и перераспределение бывшей государственной собственности, на что и был направлен их фокус [1].

Во второй этап можно отнести годы с 1996 по 2000. Кризис 1998 года не прошел мимо банковской сферы. Он показал проблемы банковской системы и стало понятно, что рассматривать их стоит не отдельно, а в системе; необходима была перестройка всего сектора. Одной из причин кризиса выступил фиктивный характер операций, совершаемых коммерческими банками – они не совпадали с реальными событиями, которые происходили в экономике. Чтобы смягчить кризис, Центральный Банк изменил нормативы обязательных резервов кредитных организаций. В 1998 году установлен единый норматив обязательных резервов по привлеченным средствам в рублях и иностранной валюте в размере 5 %.

В это время ужесточаются требования по всем пунктам, которые были указаны в первом периоде, как слабо регулируемые:

- Количество коммерческих банков сокращалось за счет учащения случаев отзыва лицензий.

- Банковская конкуренция расширяется.

- Надзор со стороны Банка России становится более жестким.

В 2001 году начался этап, когда банковская система приобрела положительные характеристики. Это отражается в увеличении банковского капитала, в росте суммарных активов, в снижении просроченных задолженностей. В течение всего периода прослеживается рост доли нерезидентов в уставном капитале, банки предлагают все больше операций, в том числе с развитием информационных технологий [3].

Центральный Банк устанавливает обязательные основания для отзыва банковских лицензий, определяются возможности для предъявления дополнительных требований к руководителям банков. Чтобы укрепить банковскую ликвидность Банк России принимает важные меры:

- Снижение резервных требований до 0,5 %;

- Увеличение объемов кредитования, направленных в приоритетные отрасли экономики;

- На Агентство по страхованию вкладов возлагаются полномочия, направленные на помощь проблемным банкам.

Как показывает опыт, в условиях кризиса государственное регулирование экономики очень важно – это и прослеживается в третьем периоде. Банковская система очищается от того большого количества банков, созданных в первом периоде, когда не было жестких условий их существования.

В 2013 году Банк России становится мегарегулятором [4] – этим событием ставится отметка на начале четвертого этапа развития банковской системы России. В первую очередь сделано это было для регулирования финансового рынка. Продолжилась политика сокращения кредитных организаций: с 956 банков в 2013 году до 335 банков в 2021 году. Эта процедура важна в том плане, что экономика освобождается от тех организаций, которые не способны отвечать по своим обязательствам.

Пятый этап развития начался в текущем 2022 году. Выделению этого этапа способствовали внешние экономические и политические события. В феврале Банк России принял решение сократить объемы публикуемой финансовой отчетности кредитных организаций. Причиной такого шага стало стремление сокращения рисков из-за санкционного давления. Специалисты отмечают, что 2022 год будет убыточным для всей банковской системы, однако со временем потери сокращаются.

В настоящее время банковский бизнес осуществляет услуги не только финансового характера. Активно развиваются экосистемы – объединение на одной площадке собственных и партнерских сервисов по ключевым направлениям потребительской активности. Например, у Сбера [5] есть B2B сервисы, которые предлагают нефинансовые услуги для юридических лиц: облачные сервисы, кибербезопасность; СберЗдоровье – консультации с врачами онлайн, выбор врача для посещения, ветеринария, онлайн-аптека.

Еще одной особенностью современного банковского бизнеса выступает высокий уровень финансового леввериджа. Любая кредитная организация осуществляет свою деятельность не только за счет собственного капитала, но и за счет привлеченного, и последний является преобладающим. Убедиться в этом можно с помощью расчетов, полученных на основе финансовой отчетности банков.

Таблица 1

Финансовый левверидж российских коммерческих банков

Банк	Финансовый левверидж
Сбербанк	6,08
АльфаБанк	5,94
Транскапиталбанк	11,4

Банки носят исключительно коммерческий характер деятельности. Это подтверждается Уставом любой кредитной организации – основной целью банка определяют получение положительного финансового результата. На проведении любой операции банки выносят для себя прибыль. До создания СБП каждый из них устанавливал комиссию в размере 3–4 %, однако после ее введения комиссия снизилась до 0,4–0,7 %. В этой ситуации банкам нужно было находить решение и поэтому они получают доход из дополнительных источников.

Начиная со второго выделенного этапа развития банковского сектора, Банк России наращивал свои полномочия в регулировании.

В настоящее время им выпускается большое количество НПА, регулирующих деятельность банков. Главными целями банковского регулирования и банковского надзора являются поддержание стабильности банковской системы Российской Федерации и защита интересов вкладчиков и кредиторов. Устанавливаются обязательные правила и стандарты проведения операций, ведения бухгалтерской и статистической отчетности. Кроме того, ЦБ РФ устанавливает следующие финансовые нормативы для кредитных организаций: максималь-

ный размер риска на одного заемщика, нормативы ликвидности, достаточности собственного капитала, размеры рисков и размеры резервов, создаваемые под них.

Нормативы могут меняться в зависимости от ситуации в стране и мире. Они устанавливаются для того, чтобы поддержать устойчивость банков. ЦБ устанавливает нормативы и меры с целью поддержания банков, в том числе в кризисной ситуации.

Деятельность коммерческого банка подвержена влиянию большого количества рисков. По причине того, что избежать их невозможно, организации принимают меры по управлению ими. К основным рискам [2], которые воздействуют на банки относятся следующие:

■ **Кредитный риск.** Возникает при выдаче кредитов одному заемщику, концентрации банка в одной отрасли или при низкой диверсификации. Управление данным видом риска осуществляется посредством оценки финансового состояния заемщика, контроль над его ранее выданными кредитами.

■ **Рыночный риск.** Потери банка при изменении рыночной стоимости портфеля, процентных ставок, курсов валют. В целях минимизации проводится стресс-тестирование финансового портфеля, анализ чувствительности к факторам риска.

■ **Правовой риск.** Убытки банка из-за несоблюдения требований Банка России, допущения правовых ошибок, нарушения контрагентами НПА. Для контроля над ним разрабатываются внутренние правила банка, проводятся проверки соблюдения законодательства и внутренний документальный контроль.

■ **Риск потери ликвидности.** Возникновение убытков по причине отсутствия возможности банка выполнить свои обязательства в полном размере. Он возникает, когда финансовые активы и финансовые обязательства несбалансированные. Для управления риском регулярно проводится контроль за выполнением нормативов ликвидности и за соответствием сроков привлечения и размещения денежных средств.

Так, можно отметить, что банковская система России активно развивается и совершенствуется. Деятельность банков является важным звеном обеспечения и элементом экономической безопасности страны в целом и, соответственно, выступает неотъемлемой составляющей национальной безопасности.

Список литературы

1. Гудакова, Л. В. Эволюция системного поведения финансовых институтов в условиях трансформации финансово-кредитных отношений (1986–2006 гг.) / Л. В. Гудакова, И. В. Рындина // Финансы и кредит. 2009. № 24. С. 16–24. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/evolyutsiya-sistemnogo-povedeniya-finansovyh-institutov-v-usloviyah-transformatsii-finansovo-kreditnyh-otnosheniy-1986-2006-gg> (дата обращения: 15.11.2022).
2. Декларация по управлению рисками в ТKB Банк ПАО. [Электронный ресурс]. URL: https://www.tkbbank.ru/bank/disclosure/risk_management/#5 (дата обращения: 15.11.2022).
3. Замурагина, К. С. Эволюция банковской системы России в условиях трансформации финансово-кредитных отношений / К. С. Замурагина // Молодой ученый. 2016. № 20 (124). С. 308–311. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=27177454> (дата обращения: 14.11.2022).
4. Официальный сайт Банка России. [Электронный ресурс]. URL: <https://cbr.ru/> (дата обращения: 15.11.2022).
5. СБЕР – больше, чем банк. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.sberbank.com/ru/ecs> (дата обращения: 15.11.2022).

УДК 378.147

ББК 74.48

Биткина Ирина Константиновна

кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры экономики и финансов,

Зеленский Андрей Геннадиевич

старший преподаватель кафедры экономики и финансов

Волгоградский институт управления –

филиал РАНХиГС при Президенте РФ,

Волгоград, Россия

АНАЛИЗ ВОЗМОЖНОСТЕЙ ПРИМЕНЕНИЯ ЦИФРОВОЙ СИСТЕМЫ ОБРАЗОВАНИЯ В УСЛОВИЯХ НОВОГО ТЕХНОЛОГИЧЕСКОГО УКЛАДА

Аннотация. В данной статье рассматриваются существующие проблемы использования цифровых образовательных технологий в подготовке специалистов, обладающих долгосрочной конкурентоспособностью в условиях нового технологического уклада. Цель: преодолеть конфликт между необходимостью развития цифрового образования для перехода к новому технологическому укладу и возможным снижением качества образования в случае тотального применения цифровых технологий в образовательном процессе. Гипотеза исследования: Наибольшую эффективность применение цифровых технологий в образовательном процессе при переходе к новому технологическому укладу обеспечивает их использование в организации самостоятельной работы студентов. В процессе исследования проводился анализ преимуществ и недостатков использования информационно-коммуникационных технологий, обобщались результаты оценки влияния цифровых методов на эффективность образовательного процесса. Были определены основные параметры системы высшего образования, возможные сочетания и пропорции применения различных инструментов существующих концепций образования, позволяющие соответствовать новым требованиям глобальной конкуренции, обеспечивать профессиональную компетентность и социокультурную подготовку будущих специалистов. Формируемая образовательная система должна учитывать ход эволюционного развития страны, происходящее социальное переустройство, способствовать решению встающих перед человечеством дилемм. В статье рассмотрены виды учебных работ, позволяющие гармонично встроить новые цифровые технологии в современную систему образования, повысить эффективность самостоятельной работы студентов, сделать ее более организованной и целенаправленной.

Ключевые слова: технологический уклад, система высшего профессионального образования, образовательный процесс, цифровые образовательные технологии, самостоятельная работа студентов.

Bitkina Irina Konstantinovna

*Candidate of Economic Sciences, Associate Professor,
Associate Professor of the Department of Economics and Finance,*

Zelensky Andrey Gennadievich

Senior Lecturer, Department of Economics and Finance

Volgograd Institute of Management –

branch of the RANEPA under the President of the Russian Federation,

Volgograd, Russia

ANALYSIS OF THE POSSIBILITIES OF USING THE DIGITAL EDUCATION SYSTEM IN A NEW TECHNOLOGICAL ORDER

Abstract. AN ACTUAL PROBLEM: This article examines the existing problems of using digital educational technologies in the training of specialists with long-term competitiveness in a new technological order. OBJECTIVE: To overcome the conflict between the need to develop digital education for the transition to a new technological order and the possible decline in the quality of education in the case of the total use of digital technologies in the educational process. HYPOTHESES: The greatest effectiveness of the use of digital technologies in the educational process during the transition to a new technological order is ensured by their use in the organization of independent work of students. METHODOLOGY: The study analyzed the advantages and disadvantages of using information and communication technologies, summarized the results of assessing the impact of digital methods on the effectiveness of the educational process. RESULTS: The main parameters of the higher education system were determined, possible combinations and proportions of the use of various tools of existing educational concepts, allowing to meet the new requirements of global competition, to ensure professional competence and socio-cultural training of future specialists. DISCUSSION OF THE RESULTS: The educational system being formed should take into account the course of the country's evolutionary development, the ongoing social restructuring, and contribute to solving the dilemmas facing humanity. CONCLUSIONS: The article considers the types of educational work that allow harmoniously integrating new digital technologies into the modern education system, increasing the effectiveness of students' independent work, making it more organized and purposeful.

Keywords: technological structure, system of higher professional education, educational process, digital educational technologies, independent work of students.

Развитие цифровых технологий и формирование нового технологического уклада, ускоряет переход в новую цивилизационную эпоху, что обуславливает необходимость существенной трансформации всей системы высшего профессионального образования, путем совершенствования образовательного процесса на основе применения новых подходов в обучении специалистов. Также широкое распространение цифровые технологии обучения произошло в 2020 году в связи с пандемией новой коронавирусной инфекции в мире. Так, по данным ООН, пандемия COVID-19 затронула 1,6 млрд учащихся на всех континентах [27]. При этом ряд исследований указывают на взаимосвязанность уровня развития информационных технологий с эффективностью нового технологического уклада. Так, Ровинская Т. Л. (2020) показывает, что Постиндустриальная (информационная) эпоха характеризуется проникновением информационных и коммуникационных технологий во все сферы жизни общества и государства не только в пределах отдельных стран, но и в глобальном масштабе [12]. Новый технологический уклад также меняет восприятие роли и способов передачи информации:

так, благодаря научно-техническому прогрессу, за последние 150 лет появились новые возможности получения и распространения информации, что предполагает изменение восприятия ценности информационных ресурсов, а также источников их получения [2]. Представляется, что подобная тенденция не имеет однозначной оценки, поскольку характеризуется как положительными, так и деструктивными последствиями. Распространенное в настоящее время мнение о том, что российская система образования должна в исторически кратчайшие сроки осуществить цифровую трансформацию, перейти к новой модели организации образовательного процесса с повсеместным внедрением умных цифровых инструментов, использованием методов искусственного интеллекта и широким внедрением технологий виртуальной реальности [6] довольно дискуссионно и требует уточнения.

В ходе цифрового реформирования образовательной системы у обучающихся действительно будет больше возможностей проходить обучение в удобное время, а будущим специалистам легче овладевать мобильными и интернет-технологиями, быть в большей мере ориентированными на непрерывное повышение квалификации с помощью электронного обучения [10], в то же время наделение студентов в 17-20 лет возможностями формировать свои индивидуальные образовательные маршруты, а преподавателей из носителей переданных знаний и навыков переводить в штурманов, помогающим только ориентироваться в базах знаний, может привести к необратимым процессам: нарушить системность и комплексность получаемых учащимися знаний по выбранной специальности, в значительной мере ограничить передачу преподавателями практического опыта, лишит образовательную систему воспитательной и духовно-нравственной составляющей.

Кроме того, до сих пор не преодолен ряд сложностей использования цифровых технологий в образовательном процессе: отсутствуют научно обоснованные методики разработки и ведения учебных курсов в дистанционном формате, не в полной мере разработаны критерии оценки качества знаний обучающихся, а главное, данный формат обучения не подразумевает постоянное взаимодействие с преподавателями, дискуссии на семинарах с другими студентами, помощи студентов друг другу при решении ситуационных задач и анализе отдельных сторон развития экономических процессов в современных условиях.

Неоднозначное отношение к процессу перехода на цифровые формы обучения отмечается и исследователями различных научных областей. Так, психолог Т. В. Черниговская отмечает сложность взаимодействия искусственного и человеческого интеллектов в когнитивных процессах, а также указывает на то, что и специалисты Римского клуба прогнозируют опасность «технологических игр» не только в практическом, но и в мировоззренческом смысле [17], поскольку при активном применении цифровых каналов и технологий искусственного интеллекта сам процесс принятия решений и выбора может быть передан от человека «машинным» технологиям, что негативно скажется на самом функционировании экономической системы. Ряд экспертов отмечают возможность снижения индекса человеческого развития вследствие широкого применения дистанционных форм обучения в последние годы [23].

С одной стороны, развитие информационно-коммуникационных технологий (ИКТ) и необходимость развития навыков работы в высоко динамичной цифровой среде требуют развития соответствующих им дистанционных навыков работы и форм обучения, которые, кроме того, позволяют снизить бюджетные расходы на образование и в целом издержки на воспроизводство рабочей силы. С другой стороны, в условиях нового технологического уклада, применении цифровых технологий, автоматизированных и кибернетических систем, передачи им часто повторяющихся операций и стандартных задач, происходит повышение востребованности нестандартных подходов, креативности в работе современных специалистов, повышает требования к уровню их образования.

В центре внимания настоящего исследования – конфликт между необходимостью развития цифрового образования для перехода к новому технологическому укладу и возможным снижением качества образования в случае тотального применения цифровых технологий в образовательном процессе.

Основная гипотеза исследования: дополнение системы высшего образования цифровыми технологиями обучения при переходе к новому технологическому укладу является закономерным процессом, для эффективного осуществления которого необходимо обосновать возможные варианты применения дистанционных образовательных технологий.

Рабочие гипотезы исследования:

1. Переход к новому технологическому укладу предполагает применение новых образовательных технологий.

2. Переход к новому технологическому укладу может быть затруднен при недостаточном уровне компетенций, получаемых при обучении.

3. Большая часть студентов положительно относится к гибриднему формату обучения.

4. Большая часть преподавателей рассматривает гибридный формат работы как ограниченно допустимый.

5. Повышение качества образования и формирование необходимых современной социально-экономической системе образовательных компетенций должно обеспечиваться как за счет сохранения и развития очного формата обучения, так и применения дистанционных образовательных технологий.

6. Наибольшую эффективность применение цифровых технологий в образовательном процессе при переходе к новому технологическому укладу обеспечивает их использование в организации самостоятельной работы студентов.

В современных условиях необходимо определить в каких случаях, для каких форм образовательной деятельности целесообразно применение цифровых дистанционных форм обучения для улучшения формирования необходимых профессиональных компетенций, являющихся наиболее эффективными в подготовке специалиста, обладающего долгосрочной конкурентоспособностью.

Традиционно изменение форм обучения так или иначе связано с запросами внешней среды, включая изменения в технологическом укладе. Динамика последнего, в свою очередь, связана с трансформациями в инфраструктурном обеспечении. Так, Розанова Н. М. отмечает, что «Середина 2000-х годов привнесла в наш мир большое число технологических, организационных, экономических, социальных и прочих инноваций, которые трансформируют деловую среду и бизнес-процессы» [13]. Подтверждают данный вывод и данные о повышении роли ИКТ в экономике различных стран. Так, если в 2010 году удельный вес ИКТ в ВВП в среднем составлял 1-2 %, то к 2016 году данное значение возросло до 10,4 % в развитых странах [13]. Таким образом, современный технологический уклад во многом основан на информационном секторе экономики, что оказывает влияние и на организацию образовательного процесса в высших учебных заведениях [14].

Исследования более ранних периодов также содержат результаты оценки влияния цифровых методов на эффективность образовательного процесса. Особенностью работ данного периода является то, что в большей части они носят узкий характер и проводились на базе проводимых экспериментов, а не опросов участников образовательного процесса. Rumpagarorn (2007) [18] и Yang (2008) [29] отмечают в целом положительное влияние цифровых технологий на формирование компетенций обучающихся. К похожим результатам приходят и другие авторы [19, 21, 24]. При этом показывается меньшая эффективность традиционных форм обучения по сравнению с цифровыми и интерактивными [26, 25, 3]. Более низкая эффективность тради-

ционных технологий объясняется их большей ориентацией на алгоритмизацию действий и заучивания, а не на развитие креативности и творческого подхода.

Большую ценность имеет проведенное Ф. Реймерсом кросс-страновое исследование эффективности дистанционных методов обучения [11]. Автор данного исследования приходит к мнению, что дистанционные технологии не дают достаточного эффекта обучения – и, прежде всего, это связано с неравностью условий получения образования различными категориями обучающихся при тотальном применении дистанционных технологий. «Дистанционное обучение во время пандемии позволило узнать, каково это – учиться в школах, функционирующих очень ограниченно, и, что более важно, – как функционирует общество, когда школы закрываются. Этот естественный эксперимент помог нам понять, насколько важны школы» [8].

Обсуждение возможности применения цифровых методов в образовании обсуждалось и в рамках форума «Время образования». По мнению участников данного форума, «эксперты сходятся во мнении, что цифровые инструменты должны отвечать реальным запросам учителей. Однако методологи, педагоги и технические разработчики пока не пришли к согласию какие инструменты действительно необходимы для образовательного процесса» [16]. Большая эффективность цифровых методов отмечается для рутинных процессов в образовании [16].

Сложности применения дистанционного формата обучения отмечается и российскими исследователями в рамках опроса, проведенного экспертами РАНХиГС [22]. В проводимом исследовании по оценке качества онлайн-обучения в мае 2020 года приняло участие более 12 тысяч или почти треть всех студентов, обучающихся более чем в 50 филиалах РАНХиГС. Ответы студентов, как и ответы опрошенных на месяц ранее 4 тысяч преподавателей показали неутешительные результаты: 55,4 % студентов и 87,4 % преподавателей отметили, что у них стало меньше свободного времени из-за перехода на удаленную форму обучения. Кроме того, неудобной новую форму обучения признали 47,7 % студентов и 53,8 % преподавателей. Педагогов, ответивших, что в онлайн им преподавать некомфортно было еще больше – 62,1 %, несмотря на то, что только 35,8 % студентов посчитали, что дистанционный формат обучения будет удобен для преподавателей. В целом опрос показал, что и студентами (69,6 %) и преподавателями (85,5 %) предпочитается очный формат обучения [1].

По нашему мнению, различия в восприятии цифровых технологий на различных этапах исследования может быть объяснено локальным характером применения цифровых методов обучения, что указывает на необходимость разработки конкретных методов их применения.

Перед правительством многих стран встает вопрос какой в условиях современного технологического развития должна стать система высшего образования, чтобы отвечать новым требованиям глобальной конкуренции. Каким образом необходимо сочетать и в каких пропорциях применять различные инструменты существующих концепций образования, чтобы обеспечить профессиональную компетентность и социокультурную подготовку будущих специалистов.

В средней школе и на младших курсах бакалавриата образовательный процесс целесообразно в значительной мере строить на основе знаниево-ориентированной и личностно-ориентированной концепций, позволяющих «вооружить знаниями» и «всесторонне развить индивидуальные способности» учащихся, приобщить и сформировать у них умения усваивать базовые знания основ наук и культуры [15].

На старших курсах бакалавриата и специалитета, особенно при обучении в магистратуре и аспирантуре, когда студенты уже обладают определенным уровнем знаний, умений и

навыков, образовательный процесс все в большей мере должен дополняться применением культуроцентрично-ориентированной и компетентностной концепциями, в рамках которых учитель и ученик становятся «более опытным и менее опытным коллегами». При этом студенты все более ориентированы не на получение готовых знаний и их заучивание, а на их добычу и усвоение в процессе творческой, поисковой деятельности, где учитель становится лишь «тьютором-помощником» [4], а также на формирование и развитие умений, способностей самостоятельно находить более эффективные способы решения профессиональных и мировоззренческих задач на основе уже имеющихся знаний [7].

Применение культуроцентрично-ориентированного и компетентностного подхода в образовательном процессе по отдельным видам работ может эффективно быть реализовано при применении современных цифровых форм обучения, позволяющих обогатить практическую составляющую подготовки и адаптировать студентов к работе в дистанционном формате, сформировать навык самостоятельной работы и непрерывного обучения, обеспечить непосредственное включение личности в образовательный процесс.

При определении оптимальной модели применения цифровых технологий в образовательном процессе вуза необходимо учитывать требования образовательных стандартов, определяющих соотношение между аудиторной и аттестационной формами работы для различных уровней и форм обучения.

В этой связи особенно важным становится определение видов учебных работ, в которых будет целесообразно использование цифровых технологий при реализации образовательных программ. Сильными сторонами цифровых технологий является их способность «расширить круг социального охвата участников, его глубину по возрастам, способствовать созданию систем тесного сотрудничества образовательных институтов и баз проведения учебных и производственных практик» [9]. Применение дистанционного формата обучения может быть также эффективно при повышении квалификации, получения второго высшего образования [28].

Применение цифровых технологий при получении первого высшего образования способно показывать высокую эффективность в случае, когда «классическая форма обучения» будет дополняться дистанционными форматами организации самостоятельной работы студентов, которые позволят им осознаннее и качественнее выполнять свои домашние задания. Преподаватель же сможет начать оценивать и направлять ход самостоятельной работы студентов, на которую учебными планами, выделяется от 40 до 60 процентов часов образовательной программы. В современных условиях особенно важна реализация принципа самообучения в процессе самостоятельной работы, так как поиск, действия, преодоление, размышления позволяют студентам сформировать глубокие знания, которые становятся частью их сознания, познавательными ценностями и позволяют учащимся развивать творческий интеллект, гибкость мышления, самостоятельность.

Эффективная организация учебно-познавательной деятельности студентов возможна на основе использования автоматизированных форм контроля и оценки работы обучающихся. Для обеспечения первичного освоения материала до проведения аудиторных занятий, преподавателем необходимо до проведения занятия предоставить с помощью цифровой образовательной платформы доступ к базовым материалам – конспектам лекций, рекомендуемой учебной литературе, записанным по теме видеокурсам. Составив тестовые вопросы по материалам лекций, преподаватель не только обеспечит контроль за выполнением, но и сможет без дополнительных затрат времени оценить самостоятельный разбор темы студентом, разобрать большой объем материала, подготовить учащихся к более глубокому, дискуссионному рассмотрению в аудитории проходимого материала, рассмотреть вопросы, вызвавшие затруд-

нения, привести примеры, дать дополнительную информацию по теме, систематизировать получаемые аудиторией знания за счет раскрытия взаимосвязи изучаемой темы с ранее пройденными. Предложенный принцип организации самостоятельной работы студентов может быть использован и при проведении семинарских занятий – учащиеся в дистанционном режиме решают базовые задачи, выполняют кейсы, проходят тестирования, а на аудиторном занятии разбираются ошибки и решаются задачи и кейсы повышенной сложности. Цифровое образование в этом случае будет стимулировать планомерное, всестороннее изучение всех тем курса, а не форсированную подготовку к «ответственным моментам» – срезам, зачетам, экзаменам, что во многом решит проблему последующей утраты значительной части знаний в течение короткого периода времени.

Самостоятельная работа студентов, с учетом ее значимости и объема выделяемых часов, может оцениваться наравне с аудиторной работой по 30 % от общего рейтинга, а на промежуточную аттестацию – 40 % итоговой оценки. При этом самостоятельную дистанционную работу обучающихся целесообразно дополнять практической учебной деятельностью, требующей ответственного и творческого подхода. Высокую эффективность показало проведение открытых тематических семинаров и круглых столов на цифровых платформах, посвященных рассмотрению разрабатываемых проектов, представляющих интерес не только для студентов и аспирантов из разных городов, но и самих преподавателей [5].

На основании вышеизложенного, представляются целесообразными следующие модели организации методов обучения с использованием цифровых технологий:

1) применение традиционных и активных методов обучения при проведении лекционных и семинарских занятий, использование цифровых технологий в проектной деятельности (включая самостоятельную деятельность студента при его подготовке);

2) применение цифровых технологий при условии активного (интерактивного) взаимодействия преподавателя и студентов (при обязательной возможности общения студентов друг с другом). Данная модель основана на использовании имитационных и игровых методов образования;

3) реализация самостоятельной работы студентов с использованием цифровых технологий. В этом случае реализуются традиционные пассивные методы обучения, тогда как при непосредственном взаимодействии преподавателя и студента применяются активные, имитационные и игровые методы обучения.

Эффективность самостоятельной работы студентов в качестве доминирующего метода организации дистанционной работы обучающихся подтверждается и специалистами-психологами. Согласно результатам экспериментальных исследований, «успешные команды чередуют периоды активности с «тихими часами». Аналогом подобного «тихого часа» в образовательном процессе выступает самостоятельная работа студента, основанная на асинхронном формате работы и не предполагающая общение как с другими членами учебной группы, так и с преподавателем. Периоды активного общения, в свою очередь, помогают сосредоточить энергию, развить идеи и завершить работу над конкретными вопросами, что позволяет членам команды перейти к следующей задаче [20].

Модернизация национальной системы высшего образования должна быть тесно увязана с трансформацией социально-экономической формации страны, происходящей в рамках перехода к новому технологическому укладу. Формируемая образовательная система должна учитывать ход эволюционного развития страны, происходящее социальное переустройство, способствовать решению встающих перед человечеством дилемм, обеспечивать сохранение культуры, национальных традиций и обычаев, выживание и процветание общества.

Передача знаний следующим поколениям в полном объеме, сохранение «духа профессии», традиционных ценностей, ответственного отношения к своему делу, возможно только при сохранении очного формата обучения – «живой передачи знаний». Именно возможность исполнить высокую, значимую для общества миссию, делиться самым ценным, передавать все лучшее в прямом контакте, способно удержать лучших специалистов, восполняя более низкий доход, получаемый от образовательной деятельности учеными-исследователями и специалистами-практиками, что позволит избежать «утечки мозгов», уход интеллигенции в бизнес, сохранить и развить научные школы.

В то же время гармоничное встраивание новых цифровых форм обучения для повышения эффективности самостоятельной работы студентов, позволяет обеспечивать прохождение значительного объема учебного материала, выполнять проектные работы в дистанционном режиме и в целом способно дать хорошие результаты в подготовке специалистов, востребованных в условиях нового технологического уклада.

Список литературы

1. Алешковский, И. А., Гаспаришвили А. Т., Крухмалева О. В., Нарбут Н. П., Савина Н.Е. Студенты вузов России о дистанционном обучении: оценка и возможности // Высшее образование в России. 2020. Т. 29. № 10. С. 86–100.
2. Аузан, А. А. Цифровая экономика как экономика: институциональные тренды // Вестник Московского государственного университета. Серия «Экономика». 2019. № 6. С. 12–19.
3. Вайндорф-Сысоева, М. Е., Субочева М. Л. «Цифровое образование» как системообразующая категория: подходы к определению // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Педагогика Учредители: Московский государственный областной университет. 2018. № 3. С. 25–36 DOI: 10.18384/2310-7219-2018-3-25-36
4. Григорьев, С. И. Культуроцентричность университетского образования (стратегические направления модернизации социального образования в системе «школа-вуз» современной России) [Текст]: монография / С. И. Григорьев, Л. Г. Гусякова. Барнаул, 2004. 146 с.
5. Зеленский, А. Г. Направления развития самостоятельной работы студентов в условиях цифровизации образовательного процесса / II Всероссийская научно-практическая конференция «Профессионально-технологическая и экономическая подготовка обучающихся в условиях модернизации и стандартизации образования», Волгоград. ВГСПУ. 2021. С. 194–198.
6. Козлова, Н. Ш. Цифровые технологии в образовании // Вестник Майкопского государственного технологического университета. 2019. № 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tsifrovyye-tehnologii-v-obrazovanii> (дата обращения: 16.11.2022).
7. Компетентностный подход в педагогическом образовании [Текст]: монография / под ред. В. А. Козырева, Н. Ф. Радионовой. СПб., 2004. 392 с.
8. Концептуальная записка: образование в эпоху Ковид-19 и в последующий период URL: https://www.un.org/sites/un2.un.org/files/policy_brief_-_education_during_covid-19_and_beyond_russian.pdf
9. Латышев, Д. В., Шохнех А. В. Маркетинговая фасилитация системы непрерывного педагогического образования в условиях экономического киберпространства // Известия ВГПУ. 2019. № 5 (138). С. 32. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/marketingovaya-fasilitatsiya-sistemy-nepnryvnogo-pedagogicheskogo-obrazovaniya-v-usloviyah-ekonomicheskogo-kiberprostranstva> (дата обращения: 15.11.2022).
10. Никулина, Т. В., Стариченко Е. Б. Информатизация и цифровизация образования: понятия, технологии, управление // Педагогическое образование в России. 2018. № 8. С. 107.

URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/informatizatsiya-i-tsifrovizatsiya-obrazovaniya-ponyatiya-tehnologii-upravlenie> (дата обращения: 16.11.2022).

11. Организация образования в условиях пандемии. Практика стран ОЭСР. URL: <https://firo.ranepa.ru/novosti/105-monitoring-obrazovaniya-na-karantine/789-agranovich-ekspertiza>

12. Ровинская, Т. Л. «Прозрачность» в информационную эпоху: благо или зло? // *Мировая экономика и международные отношения*. 2020. № 9. С. 126–138. DOI: 10.20542/0131-2227-2020-64-9-126-138

13. Розанова, Н. М. Эволюция фирмы в условиях цифровой экономики // *Мировая экономика и международные отношения*. 2019. № 8. С. 21–28 DOI: 10.20542/0131-2227-2019-63-8-21-28

14. Садовая, Е. С. Социальные вызовы цифровой экономики: Россия в глобальном контексте // *Мировая экономика и международные отношения*. 2021. № 9. С. 14–24. DOI: 10.20542/0131-2227-2021-65-9-14-24

15. Хуторской, А. В. Методика личностно-ориентированного обучения. Как обучить всех по-разному? [Текст] / А. В. Хуторской. М., 2005. 383 с.

16. «Чего-то полномасштабного пока нет»: что говорят эксперты о реальной цифровизации школ URL: <https://skillbox.ru/media/education/chegoto-polnomasshtabnogo-po-ka-net-cto-govoryat-eksperty-o-realnoy-tsifrovizatsii-shkol/>

17. Черниговская, Т. В. ИИ против человечества: шах и ...мат? // *Журнал Бюджет*. 2018. № 3 (183). С. 68–71.

18. Beach, G. M. K. An examination of factors contributing to critical thinking and student interest in an on-line college-level art criticism course. University of North Texas, 2007.

19. Behar-Horenstein, L. S., Niu L. Teaching critical thinking skills in higher education: A review of the literature // *Journal of College Teaching & Learning (TLC)*. 2011. Т. 8. №. 2.

20. C. Riedl & A. Woolley Successful Remote Teams Communicate in Bursts. *Harvard Business review*, October 28, 2020.

21. Dill, J. C. Student perceptions of critical thinking skills development in an online learning environment. Texas A & M University-Commerce, 2003. С. 1–171.

22. <https://social.ranepa.ru/tsentry-i-instituty/institut-sotsialnogo-analiza-i-prognozirovaniya/issledovaniya/114-vtoraya-volna-massovogo-oprosa-professorsko-prepodavatelskogo-sostava-vysshikh-uchebnykh-zavedenij-rossijskoj-federatsii-o-razvitii-dstantsionnogo-obrazovaniya-v-usloviyakh-koronavirusnoj-infektsii-covid19>

23. https://www.un.org/sites/un2.un.org/files/policy_brief_-_education_during_covid-19_and_beyond_russian.pdf

24. Hughes, C., Barrie S. Influences on the assessment of graduate attributes in higher education // *Assessment & Evaluation in Higher Education*. 2010. Т. 35. №. 3. С. 325–334.

25. Kek, M. Y. C. A., Huijser H. The power of problem-based learning in developing critical thinking skills: preparing students for tomorrow's digital futures in today's classrooms // *Higher Education Research & Development*. 2011. Т. 30. № 3. С. 329–341.

26. Lekalakala-Mokgele, E. Facilitation in problem-based learning: Experiencing the locus of control // *Nurse Education Today*. 2010. Т. 30. №. 7. С. 638–642.

27. Primary and Secondary Education During Covid-19. Springer. 2021. <https://publications.hse.ru/mirror/pubs/share/direct/506285662.pdf>

28. Woman URL: <http://www.woman.ru/psycho/career/thread/4335327/>

29. Yang, Y. T. C. A catalyst for teaching critical thinking in a large university class in Taiwan: Asynchronous online discussions with the facilitation of teaching assistants // *Educational Technology Research and Development*. 2008. Т. 56. №. 3. С. 241–264.

УДК 344.121
ББК 67.3

Булычев Павел Павлович
студент группы ПНБ-402,
Грибов Михаил Александрович
студент группы ПНБ-402,
Волгоградский институт управления –
филиал РАНХиГС при Президенте РФ,
Волгоград, Россия

ИСТОРИЧЕСКИЙ И ПРАВОВОЙ АСПЕКТ МОБИЛИЗАЦИИ

Аннотация. Проблемы и вопросы мобилизационных мероприятий всегда были актуальны в различные периоды нашей истории. Факторы внешнего политического давления, слабые стороны развития военного дела, все эти причины влияли и влияют на состояние мобилизационной подготовки армии. В статье рассмотрены: исторические аспекты зарождения и становления института мобилизационных мероприятий в нашем государстве, правовые аспекты развития мобилизации в законодательном векторе.

Ключевые слова: мобилизация, мобилизационная подготовка, отражение, угрозы, мобилизационные мероприятия.

Bulychev Pavel Pavlovich
student of the PNB-402 group,
Gribov Mikhail Alexandrovich
student of the PNB-402 group,
Volograd Institute of Management –
branch of the RANEPA under the President of the Russian Federation,
Volograd, Russia

THE HISTORICAL AND LEGAL ASPECT OF MOBILIZATION

Abstract. The problems and issues of mobilization measures have always been relevant in various periods of our history. Factors of external political pressure, weaknesses in the development of military affairs, all these reasons influenced and influence the state of mobilization training of the army. The article considers: historical aspects of the origin and formation of the institute of mobilization measures in our state, legal aspects of the development of mobilization in the legislative vector.

Keywords: mobilization, mobilization preparation, reflection, threats, mobilization measures.

В последнее время в связи с новейшим этапом развития истории России вновь становятся актуальными различные явления и процессы, развивающиеся на протяжении долгого времени и получающие новые, актуальные аспекты. К таким явлениям относится, в частности, и мобилизация.

Мобилизационные мероприятия в отечественной истории всегда имели важное значение для обеспечения защиты интересов государства, общества и граждан. Привлечение огромного количества населения и материальных ресурсов, комплектование армии в соответствии тенденциями ведения боевых действий, существовавших на определённых этапах истории российского государства. Вместе с тем, возникла необходимость в создании компе-

тентных органов, которые смогли бы в короткие сроки осуществить все мобилизационные задачи, которые ставились перед ними. Создание системы мобилизационных органов неразрывно связано с различными историческими этапами, общественными процессами, развитием государственных институтов власти.

Одной из первых попыток создания органа исполнительной власти, который имел полномочия современного генерального штаба, являлось учреждение Разрядного приказа в эпоху Ивана IV Грозного. Данный орган занимался учётом воинов, их материальном оснащением, а также специальными расчётами регулярных сил для дальнейших военных походов. Структура Разрядного приказа была устроена следующим образом, в лице управляющего органа стоял сам царь, который занимался формированием и осуществлял руководство войском. В нижестоящем звене данной иерархии находились так называемые дьяки, занимавшиеся учётом войск и изданием приказов государя.

По мере развития нашего государства, появлялись всё более масштабные проблемы в сфере военного дела. Как правило они касались состава постоянной армии и острой нехваткой высококвалифицированных кадров в области обеспечения и снабжения резервов армий, так необходимых в рядах действующей армии. Представляется обоснованным проследить основные закономерности, характерные для мобилизационных процессов российского государства. Рассмотрим некоторые исторические события, предусматривающие мобилизационную деятельность.

В эпоху правления великого императора Петра I появились первые предпосылки для решения вышеописанных проблем. Государь понимал, что для укрепления экономического и политического вектора развития государства необходимы глобальные военные реформы. «В начале славных дел» комплектование армии происходило по рекрутскому набору. Оно осуществлялось специальной комиссией, созданной Петром Великим. В перечень должностных обязанностей данного органа входило обучение солдат, обеспечение должным вооружением и обмундированием [6, с. 36].

В ходе различного рода военных реформ к концу XIX века государству удалось преобразовать систему мобилизационных процессов. Это свидетельствовало о появлении специальных органов, осуществляющих контроль за соблюдением порядка комплектования армии. Также стоит учесть тот факт, что благодаря формированию воинских округов государству удалось избежать крупных бюрократических проблем, связанных с сроками проведения и распределениями в армейские объединения. Данные изменения в устройстве военной системы и в частности мобилизационной подготовке позволили в случае проведения боевых действий увеличить количество кадрового состава армии в разы.

Изменение политического строя, реформация общественного сознания – все эти процессы затронули нашу страну в начале XX века. Крупные идеологические перемены наложили свой отпечаток не только на государственное устройство нашей страны, но и на реструктуризацию военной сферы в особенности. Совет народных комиссаров РСФСР 8 апреля 1918 года принял нормативный документ об создании военных комиссариатов. В круг их задач входили: учёт военнообязанных, проведение первоначального обучения по получению военных умений, снабжение и управление образованными частями армии.

Создание подобного органа с внесенными в него структурными дополнениями, а также внедрение определённых полномочий позволило советскому государству реализовать на практике замыслы и идеи многих офицеров и представителей власти, которые появлялись на полях сражений путём проб и ошибок. Качество и слаженность советских мобилизационных мероприятий были продемонстрированы в период Великой Отечественной войны, когда в

первую неделю военными комиссариатами в Вооружённые силы СССР было призвано более 5 млн. человек [5, с. 245].

Страшные исторические потрясения, которые обрушивались на нашу страну порождали множество реформ и изменений в военной сфере деятельности государства. Мобилизационные процессы не стали исключением, ведь как показывает история именно благодаря грамотной организации военных мероприятий, созданию единого патриотического сознания граждан ковались победы во многих значимых сражениях нашей Родины.

Рассмотрев основные этапы мобилизационной деятельности российского государства, перейдем к характеристике современного подхода к мобилизации. Обратимся к нормативно-правовой регламентации мобилизационного процесса в современной России.

Проблема нормативно-правового регулирования мобилизации на территории Российской Федерации, в сегодняшних реалиях является актуальной для всестороннего изучения, в связи с наличием внешних угроз национальной безопасности.

Изменения международной и военно-политической обстановки, требуют безотлагательных мер, со стороны правительства, с целью обеспечения национальной безопасности Российской Федерации.

Правовые основы мобилизации представлены документами основополагающего характера, которые обладают высшей юридической силой в правовой системе:

1. Конституция Российской Федерации.
2. Международные договоры Российской Федерации.
3. Гражданский Кодекс Российской Федерации.
4. Федеральный закон «Об обороне».
5. Федеральный закон «О воинской обязанности и военной службе».
6. Федеральный закон «О мобилизационной подготовке и мобилизации в Российской Федерации».
7. Иные нормативно правовые акты Российской Федерации в данной области.

Содержание этих документов регламентирует принятие превентивных мер по вопросам урегулирования и проведения мобилизации, путем внесения поправок в законодательство Российской Федерации.

Далее рассмотрим специфику такой дефиниции как «мобилизация». Согласно легальному определению понятия, мобилизации, можно говорить о том, что мобилизация представляет собой комплекс мероприятий по переводу экономики Российской Федерации, экономики субъектов Российской Федерации и экономики муниципальных образований, переводу органов государственной власти, органов местного самоуправления и организаций на работу в условиях военного времени, переводу Вооруженных Сил Российской Федерации, других войск, воинских формирований, органов и специальных формирований на организацию и состав военного времени [2, ФЗ-31]. Мобилизационная подготовка и мобилизация в Российской Федерации проводятся в соответствии с Федеральным законом «О мобилизационной подготовке и мобилизации в Российской Федерации, Федеральным законом» «Об обороне» и являются составными частями организации обороны Российской Федерации. К основным признакам мобилизации относятся:

1. Централизованное руководство.
2. Заблаговременность, плавность и контроль.
3. Комплексность и взаимосогласованность.

Мобилизация может быть частичной, когда отмобилизовывается часть Вооруженных Сил для решения определенных задач или в регионах страны, и общей, при которой осу-

ществляется переход всей экономики на режим функционирования в военное время и проводится на всей территории государства.

Основополагающей является сама обстановка в стране, при условии внезапного развязывания войны агрессором, либо при прямой угрозе нападения на территорию государства, необходимо проводить открытую мобилизацию. В свою очередь скрытая мобилизация как вид, имеет определённую специфику, это проведение оперативной и мобилизационной подготовки войск под видом обычных мероприятий, без разглашения реальной действительности проводимых мероприятий.

Призыву на военную службу по мобилизации подлежат граждане, пребывающие в запасе с категорией годности «А, Б, В», а также женщин, имеющих военно-учетную специальность. Граждане, пребывающие в запасе, но не призваны по мобилизации, могут направляться для работы на должностях гражданского персонала различных воинских формирований. Не подлежат призыву по мобилизации граждане с неснятой или непогашенной судимостью за совершение тяжкого преступления. Федеральным законодательством предусмотрены основания отсрочки от призыва, в частности, признанные временно не годными к военной службе по состоянию здоровья. Отсрочка от призыва на военную службу по мобилизации также может быть предоставлена отдельным гражданам или категориям граждан. При условии частичной мобилизации Указом Президента Российской Федерации N 664 «О предоставлении отсрочки от призыва на военную службу по мобилизации», были внесены изменения, в котором установили отсрочку для граждан, получающим среднее профессиональное и высшее образование, проходящие подготовку научных и научно-педагогических кадров в аспирантуре, обучающимся по очной и очно-заочной формам обучения. Ряд специальностей дает отсрочку от призыва по мобилизации. Отметим, что работа в рассматриваемых сферах не освобождает от мобилизации автоматически. На работодателя возлагается задача по подготовке списков граждан и представления их в Генеральный Штаб Вооруженных Сил Российской Федерации, данная процедура проводится по установленной законом специальной форме.

Гражданам, призванным по мобилизации, государство оказывает всестороннюю помощь и поддержку социальной и финансовой направленности [3, ФЗ-76]. В частности, согласно действующему законодательству, за мобилизованным сохраняется рабочее место, он имеет право на свадьбу вне очереди, ему предоставляются кредитные каникулы, ветеранские льготы, социальные выплаты, а также меры социальной поддержки семье [4, ФЗ-306].

Призыв граждан на военную службу по мобилизации осуществляется призывной комиссией по мобилизации. При объявлении мобилизации граждане, подлежащие призыву на военную службу, обязаны явиться на сборные пункты в сроки, указанные в мобилизационных предписаниях, повестках и распоряжениях военных комиссариатов, федеральных органов исполнительной власти, имеющих запас [2, ФЗ-31].

Таким образом, цель мобилизации заключается в защите суверенитета, сохранения территориальной целостности страны и обеспечение национальной безопасности, что требует ясности в вопросе правового регулирования мобилизационных мероприятий. Считаем, что в современных условиях крайне важным является соблюдение уполномоченными субъектами организационных и нормативно-правовых требований по проведению мобилизационных мероприятий, особенно в части соблюдения прав и свобод граждан. В связи с этим особая роль должна быть отведена контролю и надзору уполномоченных органов.

Список литературы

1. Федеральный закон «Об обороне» от 31.05.1996. № 61-ФЗ.
2. Федеральный закон «О мобилизационной подготовке и мобилизации в Российской Федерации» от 26.02.1997. № 31-ФЗ.
3. Федеральный закон «О статусе военнослужащих» от 27.05.1998. № 76-ФЗ.
4. Федеральный закон «О денежном довольствии военнослужащих и предоставлении им отдельных выплат» от 07.11.2011. № 306-ФЗ.
5. Алепко, А. В. История вооруженных сил России: служба охраны границ (IX–XX вв.): учебное пособие для вузов / А. В. Алепко. 2-е изд., перераб. и доп. Москва: Издательство Юрайт, 2022. 379 с.
6. Гаврюшенко, П. И. Особое положение мобилизации Российской Федерации как одной из важнейших государственных задач // Молодой ученый. 2020. № 8 (298). С. 135–138.

УДК 321.011.5
ББК 66.1

*Геращенко Игорь Германович,
доктор философских наук, профессор,
профессор кафедры социологии, общей и юридической психологии
Волгоградский институт управления –
филиал РАНХиГС при Президенте РФ,
Волгоград, Россия*

ФИЛОСОФСКАЯ КОНЦЕПЦИЯ ЗАМКНУТОГО ТОРГОВОГО ГОСУДАРСТВА И. Г. ФИХТЕ

Аннотация. Актуальность статьи заключается в том, что в настоящее время в российском обществе наблюдается повышенный интерес к проблеме закрытого общества. Целью статьи является анализ философской концепции замкнутого торгового государства И. Г. Фихте. Гипотеза исследования состоит в утверждении, что философская концепция замкнутого торгового государства И. Г. Фихте оказывается востребованной при анализе современного общества. В ходе научного исследования применялись методы историзма, критицизма, проблемности и др. Результаты исследования заключаются в следующем: Фихте приходит к выводу, что неограниченная свобода есть полное отсутствие свободы; государство изначально предполагает объединение определенного количества людей в замкнутое целое; Фихте отмечает недостатки рыночной экономики, при которой война всех против всех только усиливается с течением времени; у граждан закрытого торгового государства следует формировать разумные потребности; разумные потребности способствуют более равномерному распределению имеющихся в государстве материальных средств; Фихте указывает также на необходимость соблюдения естественных границ государств; современная эпоха является эпохой освобождения от авторитарного давления в различных его формах. В ходе обсуждения результатов исследования были сформулированы следующие выводы. И. Г. Фихте видел наилучшие перспективы государственности, права и воспитания граждан в создании замкнутого торгового государства. Здесь эпоха освобождения от авторитаризма постепенно трансформируется в эпоху разумной науки и разумного искусства, где создаются правовые гарантии для экономического и духовного развития граждан на основе коллективной безопасности, стабильности и разумной организации социума.

Ключевые слова: замкнутое торговое государство, И. Г. Фихте, закрытое общество, открытое общество, разумные потребности, эпоха освобождения, эпоха разумной науки.

*Gerashchenko Igor Germanovich,
Doctor of Philosophy, Professor,
Professor of the Department of Sociology, General and Legal Psychology
Volgograd Institute of Management –
branch of the RANEPА under the President of the Russian Federation,
Volgograd, Russia*

THE PHILOSOPHICAL CONCEPT OF THE CLOSED COMMERCIAL STATE OF J. G. FICHTE

Abstract. The relevance of the article lies in the fact that at present in Russian society there is an increased interest in the problem of a closed society. The purpose of the article is to analyze the philosophical concept of a closed trading state by IG Fichte. The hypothesis of the study is the asser-

tion that the philosophical concept of a closed trading state by J.G. Fichte is in demand in the analysis of modern society. In the course of scientific research, methods of historicism, criticism, problematization, etc. were used. The results of the research are as follows: Fichte comes to the conclusion that unlimited freedom is a complete absence of freedom; the state initially involves the unification of a certain number of people into a closed whole; Fichte notes the shortcomings of the market economy, in which the war of all against all only intensifies over time; reasonable needs should be formed among citizens of a closed trading state; reasonable needs contribute to a more even distribution of material resources available in the state; Fichte also points to the need to observe the natural boundaries of states; the modern era is the era of liberation from authoritarian pressure in its various forms. During the discussion of the results of the study, the following conclusions were formulated. IG Fichte saw the best prospects for statehood, law and education of citizens in the creation of a closed trading state. Here, the era of liberation from authoritarianism is gradually transforming into the era of reasonable science and reasonable art, where legal guarantees are created for the economic and spiritual development of citizens on the basis of collective security, stability and reasonable organization of society.

Keywords: closed trading state, IG Fichte, closed society, open society, rational needs, era of liberation, era of rational science.

И. Г. Фихте изложил свою концепцию закрытого общества в трактате «Замкнутое торговое государство», который был опубликован в 1800 году. Введение к этому труду озаглавлено «Об отношении государства разума к действительно существующему государству и теории государственного права к политике». Как видно из этого названия Фихте стремился разработать концепцию разумного государства в сравнении с действующим государством и показать оптимальное соотношение права, экономики и политики.

Немецкий философ исходил из положения, что неограниченная свобода есть полное отсутствие свободы. Взаимное столкновение свободных сил между индивидами приводит к возникновению договора между ними. На основе этого договора появляется собственность, государство и право. Государство изначально предполагает объединение определенного количества людей в замкнутое целое, в общность (Allheit) [7, с. 238]. Таким образом, свободная деятельность индивидов является источником борьбы сил и основой собственности. При этом задачей государства является равное распределение имеющихся благ, которые возникли в результате свободной деятельности граждан.

Фихте выделяет в государстве три главных сословия: производители, художники и купцы. Остальные сословия, как например, правители, учебное и военное сословие существуют ради главных сословий и учитываются в их составе. Основным сословием являются производители, поскольку они добывают средства существования для всего общества. Сословие художников (граждане, занимающиеся духовным трудом) зависит от производителей, поэтому между сословиями устанавливается обязывающий договор, на основании которого происходит обмен материальных и духовных продуктов. Функцию обмена берет на себя сословие купцов, которое должно обеспечить равномерное распределение товаров между гражданами. Законодательство государства придает этим соглашениям правовую форму, а наблюдение возлагается на правительство.

Основная функция сословия чиновников – государственное планирование и распределение. Прежде всего, необходимо следить за численностью различных сословий, чтобы не нарушить установленный баланс в обществе. В противном случае начнутся проблемы с пропитанием. Например, сословие художников не должно быть слишком большим, так как производители не смогут их прокормить [7, с. 246–247].

В государстве разума проблема справедливости должна решаться следующим образом: несправедливость заключается в том, что один гражданин может заплатить за продукт, без которого он может легко обойтись, а его сограждане не в состоянии оплатить самого необходимого. По Фихте, то, чем оплачивает первый, в государстве разума ему не принадлежит по праву.

Что касается торгового сословия, то его деятельность также находится под контролем государства. С этой целью должны быть введены твердые цены на все товары. Их стоимость определяется тем временем, в течение которого можно жить, используя данную вещь. При этом хлеб выступает мерой стоимости других продуктов. Изготавливаться и поступать в торговлю должны, в первую очередь, товары массового спроса, а производство предметов роскоши должно ограничиваться правительством, чтобы не расходовать чрезмерно имеющееся сырье, которое всегда ограничено.

Товары должны иметь справедливую цену, закрепленную в законах. В результате этого никто не сможет сильно обогатиться, но зато никто не обеднеет. Справедливая цена определяется необходимыми затратами на производство и продажу товара. Тем самым в экономике возникает равновесное отношение, которое, однако, может быть нарушено со стороны других государств, поэтому Фихте предлагает запретить общение с иностранцами [7, с. 259]. Иностранцы не подчинены власти данного государства, поэтому своими действиями будут препятствовать установлению экономического равновесия внутри страны. Таким образом, государство разума является замкнутым торговым государством.

Торговлей с зарубежными государствами занимается правительство на тех же самых основаниях, на которых оно решает вопросы о войне, мире и политических союзах. Благосостояние нации должно распространяться на всех граждан приблизительно в одинаковой степени. Это благосостояние заключается в том, чтобы большинство граждан имело возможность при наименее тяжелом и длительном труде обеспечить себе наиболее человеческое существование. При этом чрезмерное благосостояние отдельных индивидов должно быть ограничено правовым образом, так как оно подрывает благосостояние всех остальных людей.

Налоги не должны быть большими, поэтому количество государственных чиновников следует ограничить. Необходимо заранее установить, какую заработную плату должен получать каждый чиновник в зависимости от занимаемой должности. Его вознаграждение не должно сильно отличаться от таковых в других отраслях хозяйства. Разумное потребление должно распространяться и на высших чиновников, в таком случае они будут служить образцом для своих сограждан. Исходя из этого, возможно будет установить вполне терпимое налогообложение для граждан.

И. Г. Фихте критикует А. Смита за его трудовую теорию происхождения собственности и денег [6]. Он развивает договорную концепцию, в соответствии с которой стоимость золота покоится на всеобщем соглашении граждан. Здесь Фихте предвосхитил положения субъективной теории стоимости, основы которой заложил К. Менгер [4].

Вместе с тем, Фихте отмечает недостатки рыночной экономики, при которой война всех против всех только усиливается с течением времени. Поэтому свободу торговли следует ограничивать при помощи государственного регулирования и более справедливого распределения имеющихся средств.

Фихте показывает недостатки открытого государства, концепция которого станет особенно популярной в XX веке [5]. К этим недостаткам немецкий философ относит: постоянные торговые войны между государствами; более сильные государства пытаются жить за счет более слабых, используя международную торговлю; слабые государства попадают в экономическую зависимость от более сильных; используются противоправные методы рыноч-

ной торговли (контрабанда, подкуп и т.п.); развивается политический авантюризм; торговая война перерастает в военные столкновения между государствами. Выходом из этой ситуации Фихте видит в создании закрытого торгового государства, ориентированного на собственные ресурсы и использующего механизмы государственного регулирования рынка.

У граждан закрытого торгового государства следует формировать разумные потребности. В этом заключается воспитательная функция государства и права. В связи с этим Фихте приводит следующий пример. Тяжело отказаться от шубы зимой или легкого платья летом, но почему шуба должна быть обязательно собольей, а платье легким, если в стране нет ни соболей, ни шелка. Еще тяжелее понять, «какое было бы несчастье в том, что в один прекрасный день исчезнут все кружева с платьев, которые ведь не делают их ни теплее, ни прочнее» [7, с. 322]. Здесь Фихте предвосхитил последующие экономические и правовые концепции, связанные с демонстративным потреблением [1].

Разумные потребности способствуют более равномерному распределению имеющихся в государстве материальных средств, тем самым активно развивается средний класс. В связи с этим удастся более рационально расходовать имеющиеся ресурсы, которые всегда ограничены, особенно в условиях замкнутого торгового государства. Воспитание здесь заключается в том, что граждане приучаются самостоятельно ограничивать собственные потребности в соответствии со своим заработком. Поскольку большинство людей находится примерно в одинаковом положении, отсутствует зависть и стремление жить не по средствам [3, с. 65].

Фихте указывает также на необходимость соблюдения естественных границ государств. Если страна выбирает стратегию замкнутой торговли, это автоматически ведет к замыканию ее территории. Напротив, государство, ведущее активную международную торговлю, всегда будет распространять свое влияние на другие страны, чтобы создать еще более благоприятные условия для собственной торговой деятельности. Отсюда возникают постоянные угрозы международных конфликтов. Напротив, замкнутому торговому государству нет «никакой выгоды от увеличения за пределы своих естественных границ, так как все его устройство рассчитано только на данную его величину» [7, с. 326–327].

Для стабильности замкнутого государства следует устранить конвертируемость валюты. Золотые и серебряные деньги изымаются из обращения, а их заменяют «туземные» деньги, предназначенные исключительно для внутреннего использования. Такие деньги перестают быть знаком товара, а становятся знаком самих себя. Фихте разрабатывал концепции твердых цен, поскольку в его время инфляция практически отсутствовала. В таких условиях, когда существует всеобщая занятость населения, гарантированная работа и приблизительно равные доходы, устраняется сама потребность в различного рода преступлениях, поскольку последние не приносят правонарушителю никакой выгоды.

Нация приобретает совершенную независимость и самостоятельность за счет того, что все необходимое производится внутри государства. В начале создания замкнутого торгового государства, как указывает И. Г. Фихте, возможна некоторая эмиграция граждан, недовольных новым порядком. При отъезде этих людей государство мало что теряет. Подавляющее большинство граждан останется на своих местах, поскольку государство будет гарантировать стабильную и безопасную жизнь. При этом за границу будет разрешено выезжать только отдельным гражданам, выполняющим функцию международного общения [7, с. 350].

По мысли Фихте к идее замкнутого торгового государства постепенно придут все нации, так как, по его мнению, это единственный способ избежать конфликтов и войн на международном уровне. Вместе с тем, немецкий философ выделяет несколько эпох в истории развития человечества:

1) эпоха безусловного господства разума через посредство инстинкта (это начало человеческого рода, когда зарождающийся разум первобытного человека проявляет себя, преимущественно, через инстинктивную деятельность);

2) эпоха, когда разумный инстинкт превращается во внешний принудительный авторитет (в обществе начинают преобладать различные авторитарные режимы, что касается не только политической и военной власти, но также религии и морали);

3) эпоха освобождения (когда люди стремятся освободиться от любого авторитарного давления, в том числе, и от разума вообще, что проявляется в безразличии ко всякой истине);

4) эпоха разумной науки (время, когда научные исследования приобретают в обществе большой почет, и многие люди ставят себе целью поиск истины);

5) эпоха разумного искусства (завершение эволюции человеческого общества, когда оно строится на принципах разумности, т.е. происходит возврат к началу человеческой истории, но на более высоком уровне) [8, с. 370].

По мнению И. Г. Фихте, современная эпоха является третьей по счету, т.е. эпохой освобождения от авторитарного давления в различных его формах. При этом в обществе наблюдается расцвет индивидуалистической свободы, сопровождаемый безразличием к поиску истины. С позиций нынешней терминологии можно было бы сказать, что это потребительское общество, где люди заняты не столько интеллектуальным развитием, сколько разносторонним потреблением, в том числе и духовным.

Современная эпоха характеризуется следующими особенностями: наличие «пустой» свободы, переходящей во вседозволенность; расцвет односторонней индивидуальности, в которой отсутствует органическое целое; преобладает здравый рассудок в ущерб научному разуму; отрицается априорное познание у человека, и признается только эмпирическое познание; прагматизм становится основным мировоззрением, что находит свое отражение во всех сферах жизнедеятельности, включая религию и мораль [8, с. 376–389].

Фихте писал, что в современную эпоху живут самые различные люди, принадлежащие по своему духовному складу ко всем перечисленным эпохам. И даже более того, в любом человеке присутствуют элементы каждой эпохи, но в разной пропорции. Это вполне нормальное положение вещей, поскольку все существующее необходимо, и в этом состоит принцип примирения с действительностью. Тем не менее, есть типичные и нетипичные люди эпохи. Типичные представители хорошо вписываются в современное им общество, а нетипичные – либо отстают от своей эпохи, либо опережают ее в собственном развитии [2, с. 142].

Таким образом, И. Г. Фихте видел наилучшие перспективы государственности, права и воспитания граждан в создании замкнутого торгового государства. Здесь эпоха освобождения от авторитаризма постепенно трансформируется в эпоху разумной науки и разумного искусства, где создаются правовые гарантии для экономического и духовного развития граждан на основе коллективной безопасности, стабильности и разумной организации социума.

Список литературы

1. Веблен, Т. Теория праздного класса / Т. Веблен. М.: АСТ, 2021. 384 с.
2. Геращенко, И. Г. Культура критики как необходимое условие эффективности образования / И. Г. Геращенко, Н. В. Геращенко // *Фундаментальные и прикладные исследования кооперативного сектора экономики*. 2015. № 5. С. 139–144.
3. Геращенко, И. Г. Философия образования: подлинная и мнимая проблемность / И. Г. Геращенко, Н. В. Геращенко // *Социология образования*. 2016. № 8. С. 60–67.

4. Менгер, К. Основания политической экономии / К. Менгер // Австрийская школа в политической экономии: К. Менгер, Е. Бем-Баверк, Ф. Визер. М.: Экономика, 1992. С. 31–242.

5. Поппер, К. Р. Открытое общество и его враги / К. Р. Поппер. В 2-х т. Т. 1: Чары Платона. М.: Феникс, Международный фонд «Культурная инициатива», 1992. 448 с.

6. Смит, А. Исследование о природе и причинах богатства народов / А. Смит. М.: Эксмо. 2016. 1056 с.

7. Фихте, И. Г. Закрытое торговое государство / И. Г. Фихте // Сочинения в двух томах. Т. 2. СПб.: Мифрил. 1993. С. 225–357.

8. Фихте, И. Г. Основные черты современной эпохи / И. Г. Фихте // Сочинения в двух томах. Т. 2. СПб.: Мифрил, 1993. С. 359–617.

УДК 338.1
ББК 65.9

*Гордиенко Елизавета Алексеевна,
студент группы МУЗ-100*

Научный руководитель: Богомолова Ирина Викторовна
*кандидат экономических наук, доцент,
доцент кафедры государственного управления и менеджмента
Волгоградский институт управления –
филиал РАНХиГС при Президенте РФ,
Волгоград, Россия*

БЕЗОПАСНОСТЬ РЕГИОНАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ: НАЦИОНАЛЬНЫЕ ПРОЕКТЫ И СОЦИАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА

Аннотация. Актуальность исследования обусловлена социальной направленностью национального проекта «Здравоохранения». Исследование позволит проанализировать основные показатели реализации национального проекта «Здравоохранение» на примере Волгоградской области, зафиксировать изменения в качестве оказания медицинской помощи.

Ключевые слова: Национальный проект, здравоохранение, региональная программа, продолжительность жизни, целевой показатель.

*Gordienko Elizaveta Alekseevna,
student of the MUZ-100 group*

Scientific supervisor: Bogomolova Irina Viktorovna
*Candidate of Economic Sciences, Associate Professor,
Associate Professor of the Department of Public Administration and Management
Volgograd Institute of Management –
branch of RANEPA under the President of the Russian Federation,
Volgograd, Russia*

SECURITY OF REGIONAL DEVELOPMENT: NATIONAL PROJECTS AND SOCIAL POLICY

Abstract. The relevance of the study is due to the social orientation of the national project «Health». The study will allow us to analyze the main indicators of the implementation of the national project «Health» on the example of the Volgograd region, to record changes in the quality of medical care.

Keywords: National project, health care, regional program, life expectancy, target indicator.

В современных реалиях большую роль играет национальный проект «Здравоохранение» [4]. В соответствии со Стратегией национальной безопасности от 2 июля 2021 года обеспечение народа России и развитие человеческого потенциала является одной из первоочередных задач для обеспечения защиты и концентрации усилий и ресурсов органов публичной власти, организаций и институтов гражданского общества [6]. Вопросы, связанные с повышением доступности и качества медицинских услуг, сохранения здоровья граждан определяются как наиболее приоритетные для государства. Именно поэтому хотелось бы рассмотреть этот вопрос подробнее. С учетом того, что по Конституции ст. 3 народ является носителем суверенитета и его главным достоянием [3]. В рамках данного национального проекта в Вол-

гоградской области реализуются следующие региональные проекты: «Первичная медико-санитарная помощь», «Развитие детского здравоохранения», «Обеспечение медицинских организаций системы здравоохранения квалифицированными кадрами», «Борьба с сердечно-сосудистыми заболеваниями», «Борьба с онкологическими заболеваниями», «Цифровой контур здравоохранения», «Экспорт медицинских услуг» [5].

Цель работы: оценить уровень реализации национального проекта «Здравоохранение» на уровне Волгоградской области.

Каждую из региональных программ рассмотрим подробнее.

Региональный проект «Оказание первичной медико-санитарной помощи». Данная программа была реализована еще в 2020 году. По фельдшерско-акушерским пунктам показатель превосходит ожидаемый на 1 единицу. Мобильные комплексы были запланированы в количестве 13 [1].

По региональному проекту «Борьба с сердечно-сосудистыми заболеваниями» количество оснащенных сосудистых центров на 2021 год сохраняется в количестве 9, что достаточно неплохо, учитывая, что до 2024 года их запланировано всего 10 [1].

Таблица 1

Региональный проект «Оказание первичной медико-санитарной помощи»

	2019–2020 г.	2019–2021 г.
Кол-во мобильных комплексов	13	13
Кол-во фельдшерско-акушерских пунктов	35	35
Кол-во посадочных площадок и сколько человек экстренно госпитализировано	5	5
	581 человек	880 человек

По проекту «Борьба с онкологическими заболеваниями» количество Центров амбулаторной онкологической помощи (ЦАОП) увеличилось на 4, теперь их всего 14. Система ЦАОП позволяет значительно сократить сроки обследования и выявить злокачественные новообразования на ранней стадии. В ЦАОП представлено большое количество оборудования, таких как, рентген, УЗИ-аппараты, маммографы, компьютерные томографы и т.д. По данному проекту продолжается строительство лечебно-консультационного центра и радиологического корпуса. Хотелось бы отметить, что показателями по проекту «Борьба с онкологическими заболеваниями» были выбраны такие как доля злокачественных новообразований, выявленных на I–II стадиях; одногодичная летальность больных со злокачественными новообразованиями и т.д. Эти показатели, с нашей точки зрения отражают факт заболевания, а не его эффективное лечение. Именно поэтому хотелось бы, что бы среди показателей находился такой, как количество успешно излечившихся больных от злокачественных новообразований. Данный количественный показатель мог бы дать значительный толчок к развитию здравоохранения в рамках онкологической помощи.

Региональная программа «Развитие детского здравоохранения» позволила создать все необходимые комфортные условия для комфортности пребывания детей в поликлиниках [1].

Таблица 2

Региональная программа «Развитие детского здравоохранения»

	2019–2020 г.	2019–2021 г.
Кол-во оборудованных по современным требованиям и отремонтированных детских медицинских учреждений	49	50
Кол-во специалистов, которые прошли обучение в симуляционных центрах (неонатология и т.д.)	288 человек	427 человек

Благодаря региональной программе «Обеспечение медицинских организаций системы здравоохранения квалифицированными кадрами» 321 медицинский работник трудоустроен по программам «Земский доктор» и «Земский фельдшер». С помощью данных программ осуществляется привлечение молодых медицинских работников в отдаленные районы. По данным комитета здравоохранения Волгоградской области, районные медицинские учреждения трудоустроят 161 специалиста до конца 2022 года. Для увеличения квалифицированных кадров медицинский университет и медицинский колледж Волгоградской области развивает систему целевого набора. 493 целевых места предоставлено по подготовке врачей для больниц и поликлиник региона в Волгоградском государственном медицинском университете в 2022 году. В 2021 году их количество составляло – 423 целевых места. Увеличение числа мест затронуло так же ординатуру. Количество составляет 254 ординаторов [2].

Проект «Цифровой контур здравоохранения» тоже продолжает развиваться. Для большого количества населения цифровые услуги являются привычным явлением. Люди имеют возможность получать электронные больничные листы, справки, записываются на прием к врачу через госуслуги. В 2022 году электронные листы временной нетрудоспособности получили более 311 тысяч волгоградцев, также повысилось на 3,5 раза количество обращений по поводу записи на прием к врачу.

В регионе развивается программа «Экспорт медицинских услуг», которая в 2021 году оказала медицинскую помощь 30 тысячам иностранных граждан, в 2020 году количество оказанных услуг составляет 23 тысячи. Таким образом, спрос иностранных граждан на получение медицинских услуг увеличивается.

Для того чтобы поддерживать и увеличивать уровень экспорта медицинских услуг комитет здравоохранения Волгоградской области взаимодействуют с комитетом по развитию туризма и рядом других организаций. Следует отметить, что с 2019–2021 в государственные клиники обратилось больше 88 тысяч пациентов по большей части из Казахстана, Узбекистана, Таджикистана и т.д. [2].

Проанализировав данные по реализации национального проекта «Здравоохранение» в Волгоградской области, можно сделать вывод, что в сфере здравоохранения и демографии хоть и развивается, но общая атмосфера в регионе является достаточно напряженной. Это связано с тем, что продолжительность жизни граждан в 2021 году для обоих полов составляет 69,96 лет. Данный показатель уменьшился по сравнению с 2020 годом на 2,02 года [7].

Таблица 3

Статистические данные ожидаемой продолжительности жизни в Волгоградской области

2019 г.	2020 г.	2021 г.
74.07	71.98	69.96

Действия по развитию здравоохранения предпринимаются, однако, выполнение цели и увеличение ожидаемой продолжительности жизни к 2024 году до 78 лет кажется маловероятным. В первую очередь это связано с геополитической ситуацией и пандемией.

Из-за этих негативных факторов возникают следующие проблемы в сфере здравоохранения:

- 1) повышенный уровень тревожности и стресса у населения;
- 2) возвращение по степени ожидаемой продолжительности жизни к 2011 году из-за коронавируса;

3) расширение количества участников в специальной военной операции на Украине, что ведет к большим человеческим потерям. Потери, которые влияют как на продолжительность жизни, так и на экономику, убыль квалифицированных кадров;

4) ограничение в большом количестве лекарств, технологий из-за санкций. В России еще не успели настроить импортозамещение определенных лекарств, на это нужно время, а для больных пациентов это ценный ресурс.

На настоящее время органы власти планируют пересмотреть целевые показатели таким образом, чтобы к 2030 году ожидаемая продолжительность жизни составила 78 лет. Минздрав должен был выполнить поручение Голиковой о пересмотре целевых показателей до 31 марта 2022 года, но в связи с Всероссийской переписью населения пришлось отложить корректировки на год. Поэтому следует ожидать будущие изменения в национальном проекте «Здравоохранение», которые будут направлены на снижение значений целевых показателей, в сторону более реалистичных.

Список литературы

1. Библиотека регионального проектного офиса // Официальный портал Волгоградской области. 2022. URL: <https://www.volgograd.ru/vo-project/biblioteka/> (дата обращения: 19.11.2022)
2. Комитет здравоохранения Волгоградской области // Официальный портал Губернатора и Администрации Волгоградской области. 2022. URL: <http://volgazdrav.ru/> (дата обращения: 19.11.2022)
3. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) // Собрание законодательства РФ. 2020. N 31. Ст. 4398.
4. Паспорт национального проекта «Здравоохранение» // Официальный портал Правительство России. 2022. URL: <http://government.ru/info/35561/> (дата обращения: 19.11.2022)
5. Региональные программы Волгоградской области // Официальный портал Волгоградской области. 2022. URL: <https://www.volgograd.ru/vo-project/natsionalnye-proekty/np-zdravookhranenie/> (дата обращения: 19.11.2022)
6. Российская Федерация. Президент РФ. (В.В. Путин) О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации [Текст]: указ Президента РФ от 2 июля 2021 года N 400 // Собрание законодательства РФ. 2021. № 27. Ст. 5351
7. Росстат // Официальный интернет-ресурс. 2022. URL: <https://www.fedstat.ru/indicator/31293> (дата обращения: 19.11.2022)

УДК 346.7
ББК 65.29

Горячев Игорь Алексеевич
студент группы ЭБ-402,
Чуб Маргарита Владимировна
кандидат экономических наук,
доцент кафедры учета, анализа и аудита,
Волгоградский институт управления –
филиал РАНХиГС при Президенте РФ,
Волгоград, Россия

ВНЕДРЕНИЕ СОВРЕМЕННЫХ ФОРМ КОНТРОЛЯ В УПРАВЛЕНЧЕСКИЙ УЧЕТ КАК ИНСТРУМЕНТ ОБЕСПЕЧЕНИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РОССИИ

Аннотация. В современном мире остро стоит вопрос оптимизации и повышения эффективности деятельности организации. Быстрое изменение деловой среды в последнее время существенно меняет практику управленческого учета, выступающего одним из основных инструментов, используемых внутренними пользователями в целях повышения показателей деятельности бизнеса. Данная отрасль экономической науки должна перейти от административного уровня к стратегическому. В статье рассмотрены особенности ведения современного управленческого учета, его компоненты и основные методики, а также намечены некоторые векторы развития данного вида учета.

Ключевые слова: управленческий учет, управленческие решения, модели учета затрат, стратегическая роль, контроль, информация, ресурсы, эффективность.

Goryachev Igor Alekseevich
student of group EB-402,
Chub Margarita Vladimirovna
candidate of economic sciences,
Associate Professor of the Department of Accounting, Analysis and Audit,
Volgograd Institute of Management –
branch of the RANEPA under the President of the Russian Federation,
Volgograd, Russia

INTRODUCTION OF MODERN FORMS OF CONTROL INTO MANAGEMENT ACCOUNTING AS A TOOL FOR ENSURING THE NATIONAL SECURITY OF RUSSIA

Abstract. In the modern world, there is a big question of optimization and increase of efficiency of the organization. The recent rapid change in the business environment has significantly changed management accounting as a major tool used by internal users to improve business performance. This branch of economic science should switch from an administrative level to a strategic one. The article considers features of modern management accounting, components and basic methods, as well as some directions of development of this type of accounting.

Keywords: management accounting, management decisions, cost accounting models, strategic role, modern accounting forms, control, information, resources, efficiency.

Национальная безопасность является одной из важнейших тем современного мира. Последние события обеспечивают интерес к новым формам ведения народного хозяйства и учета. Так, в ходе последних лет, в утвержденных Правительством РФ программных документах, посвященных инновационной трансформации экономики и ее устойчивому развитию, отмечается необходимость реформирования традиционных механизмов хозяйственной деятельности. В этом контексте цифровая экономика рассматривается как современная основа развития системы управления социально-экономическим потенциалом страны в целом, и хозяйствующих субъектов в частности, что требует принципиально иной модели управления, основанной на современных цифровых технологиях, технических средствах и прикладных научных разработках в области обработки информации. Вопросы совершенствования учетно-аналитического обеспечения приобретают особую актуальность для организации базовых отраслей с точки зрения их значимости как для собственников и руководящего состава хозяйствующих субъектов, так и для достижения государственных целей.

Как известно, основными задачами управленческого учета являются: формирование качественных сведений для внутренних пользователей; обеспечение внутренних пользователей информацией для управления затратами и результатами в соответствии с нормами и планами; предотвращение негативных результатов; выявление резервов и точек роста.

Современный учет затрат называется управленческим учетом, поскольку менеджеры (и собственники), являющиеся основными пользователями бухгалтерской информации, все чаще используют данные, предоставляемые счетами, устанавливая цели и контролируя операции бизнеса. Саккумулированные в процессе грамотного построения управленческого учета данные предоставляют уникальную информацию, прошлую, настоящую, или будущую, которая может быть использована в качестве основы для решений руководства. В настоящее время финансовые данные настолько разработаны и развиты, что становятся уникальным инструментом принятия управленческих решений.

По словам Роберта С. Каплана, управленческий учет представляет собой систему, которая собирает, классифицирует, обобщает, анализирует и сообщает информацию, которая поможет менеджерам в принятии решений и контролирующей деятельности. В отличие от финансового учета, где основное внимание уделяется отчетности посторонних, управленческий учет фокусируется на внутреннем планировании и контроле. Именно поэтому он требует сбора, анализа и интерпретации не только финансовых или стоимостных, но и других данных, таких как продажи, цена, спрос на продукцию и меры физических величин и мощностей.

Управленческий учет не имеет установленных принципов, таких как система двойной записи в бухгалтерском учете. Вместо общепринятых принципов бухгалтерского учета основным руководством в этой дисциплине является философия затрат и выгод. Это неточная наука, которая использует свои приемы, а не стандартизированные принципы. Изучаемые факты можно интерпретировать по-разному, и точность выводов (а далее – принимаемых решений) зависит от навыков, суждений и здравого смысла различных специалистов по управленческому учету. Поскольку данная область имеет управленческую направленность, его данные носят выборочный характер. В данном случае речь идет о концентрации на потенциальных возможностях, а не на упущенных выгодах. Характер данных, форма представления и его продолжительность в основном определяются управленческими потребностями. Подобные данные строго конфиденциальны, поскольку предназначены для внутреннего использования исключительно руководством (собственниками) фирмы. В то же время управленческий учет очень чувствителен к потребностям управления, поскольку его цель – помочь руководству, а не заменить его.

Ведение управленческого учета является не обязательным, а скорее выборочным для некоторых номинированных отраслей, поскольку приносит большую пользу. В настоящее время широкое использование методов хозяйственного учета привело к новой концепции информационных технологий, оперативного контроля и измерения производительности. Концепция учета затрат по видам деятельности (ABC), системы стратегического управления, гибкой производственной системы и т. д. являются ключевыми понятиями для современного эффективного управления затратами.

В настоящее время выделяют следующие основные модели учета затрат:

1. Just in Time (также известна как производственная система Toyota) – это методология, направленная в первую очередь на сокращение времени потока внутри производства, а также времени отклика от поставщиков и клиентов. Концепция строится на основе принципа ускорения производства, которая исключает общий запас. Схема «точно вовремя» требует производить товар или услугу только тогда, когда в этом нуждается клиент, внутренний или внешний.

В настоящее время коммерческие предприятия уделяют большое внимание сокращению уровня запасов до минимум путем установления более тесных отношений с поставщиками и организации более частых поставок небольших партий. Целью закупок только в срок (JIT) является закупка товаров таким образом, чтобы их доставка предшествовала их использованию. Это оптимизирует хранение запасов.

При этой системе закупок компания и поставщик работают в тесном сотрудничестве, при котором с одной стороны гарантируется большое количество покупок, а с другой надлежащее качество материалов по разумным (или более низким) ценам по мере необходимости. При такой схеме нет необходимости перемещать полученные товары в магазины, так как товары надлежащего качества доставляются прямо в цена. Кроме того, маловероятно, что сырьевой запас будет состоять из разных партий материалов, закупленных по разным ценам. Таким образом, цены выпуска FIFO, LIFO и средней себестоимости будут одинаковыми.

Основным преимуществом применения модели JIT является существенная экономия на погрузочно-разгрузочных работах и инвестициях в складские запасы.

2. Total Quality Management (общее управление качеством) – самый популярный подход к постоянному совершенствованию системы управленческого учета. Его основными характеристиками являются ориентация на обслуживание клиентов и систематическое решение проблем командой, состоящей из работников на переднем плане. Для бизнес основной движущей силой является элемент конкуренции. Конкурентоспособность поставщиков определяется качеством их продукции или услуг. Большинство компаний-производителей применяют TQM либо в целях улучшения рабочей атмосферы для сотрудников, либо для увеличения прибыли компании. Например, у Penril DataComm Networks Inc. – производителя оборудования для передачи данных в Мэриленде, некоторое время был высокий уровень брака. Компания применила методы TQM, в результате чего количество дефектов сократилось на 81 %, отказов на 83 %, а гарантийный ремонт – на 73 % в течение первого года;

3. Standart Costing – метод контроля, сообщающий об отклонениях путем сравнения фактических затрат с заранее установленными стандартами. В случае возникновения отклонений, этот метод помогает понять руководству, что фактические производственные затраты отличаются от стандартных. Затем менеджмент может обратить свое внимание на причину расхождений с запланированными суммами;

4. Direct Costing (маржинальный метод учета затрат) предполагает включение в себестоимость продукции только переменных производственных затрат, а постоянные затраты в полном объеме относятся на финансовый результат деятельности предприятия. В соответ-

ствии с этим методом переменные и постоянные затраты показываются отдельно. Преимуществом использования данной методики является то, что она позволяет сосредоточить внимание менеджмента на изменениях, которые являются результатом рассматриваемого решения. На практике этот метод полезен для принятия краткосрочных решений, таких как принятие или отклонение специального заказа, сокращение или прекращение бизнеса, замена оборудования, собственное производство или закупка [1];

5. Модель Active Based Costing (ABC) – это подход к калькуляции стоимости конечного продукта путем мониторинга деятельности и отслеживания потребления ресурсов на виды деятельности. Метод называют также «пооперационным регулированием». В случае с розничными сетями применяют метод выборочного контроля запасов путем классификации всех товаров в магазинах по трем категориям;

Категория А: Несколько товаров, на которые приходится значительное использование с точки зрения общей денежной стоимости (10 % товаров, покрывающих 75 % стоимости);

Категория С: Большое количество товаров небольшой стоимости (70 %, покрывающих 10 % стоимости);

Категория В: Среднее между элементами А и С (20 % товаров, представляющих 15 % стоимости).

Основной целью подобного метода является определение руководящих принципов выборочного контроля над запасами. Их чрезвычайно сложно эффективно контролировать, если на складе таковых большое количество. Система обеспечивает более строгий контроль над несколькими товарами, составляющими большую часть стоимости. Как следствие, данное направление контроля более рентабельно. Метод также экономит время и инвестиции, действуя по усмотрению в отношении трех категорий товаров. Как правило, изделия категории А заслуживают очень строгого контроля, например, с еженедельными отчетами, изделия категории В требуют умеренного контроля, а к изделиям категории С может применяться менее затратный контроль.

ABC-анализ основан на законе Парето, разработанным итальянским экономистом XIX века Вильфредо Парето, заметившим, что меньшинство населения владеет большей частью богатства страны. Тот же принцип был применен и к запасам: 20 % товаров составляют 80 % стоимости запасов в наличии. Это указывает на то, что к 20 % товаров следует применять строгие методы контроля, чтобы получить максимальную выгоду от контроля запасов. Остальные 80 % товаров не требуют подобной строгости, поскольку затраты и усилия могут не быть оправданы получаемой экономией. Алгоритм построения системы ABC представлен на рис. 1.

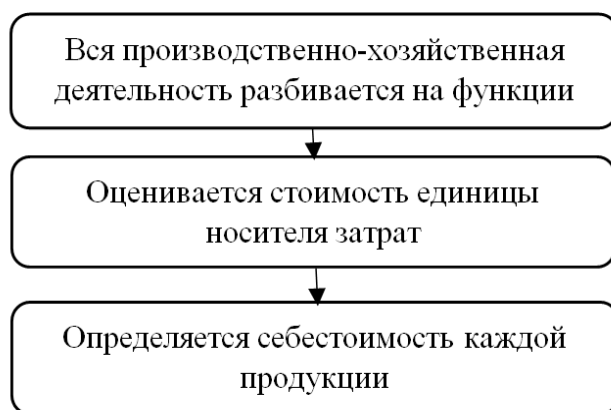

Рис. 1. Алгоритм построения системы Activity Based Costing

6. Target Costing (целевая калькуляция себестоимости) – это стратегия ценообразования, которая включает в себя установление цены на продукт или услугу на основе затрат, связанных с их производством, и желаемой нормы прибыли. На определение цен влияют рыночными условия с учетом некоторых факторов, таких как уровень конкуренции, однородность продукции ... для конечного потребителя. Когда на передний план выходят эти факторы, руководство стремится контролировать издержки, поскольку практически не имеет контроля над ценой продажи. Основная цель калькуляции целевых затрат состоит в формировании такой стоимости продукта или услуги, которая бы соответствовала заранее установленной цене, не теряя при этом потребительские свойства. Другими словами, метод позволяет компании получить желаемую цену на свою продукцию.

Метод целевого калькулирования себестоимости представлен на рис. 2:

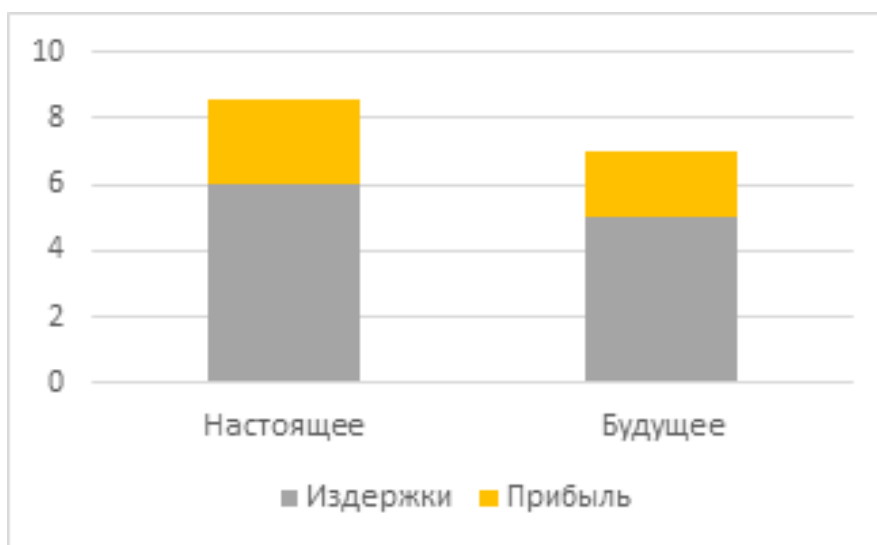

Рис. 2. Стратегия целевого ценообразования

Применяя данный метод, компания пропорционально сокращает издержки и норму прибыли, при этом достигая желаемой цены на продукт.

7. FSN (Fast, Slow and Non-moving Inventory) – метод классификации товаров в соответствии с быстродвижущимися (F), медленно движущимися (S) и неподвижными (N) по базовому уровню потребления товарами. Неподвижные товары – это продукция, которая не пользуется спросом в течение длительного времени, скажем, 24 месяцев. Такой товар блокирует довольно много капитала, и поэтому от него необходимо как можно быстрее избавляться. Классификация быстро и медленно движущихся товаров определяется на основе спроса.

В настоящей статье нельзя обойти стороной компьютеризацию управленческого учета, поскольку данный тренд совершенно необходим в нынешнее время. Процесс цифровизации затронул все виды деловой активности, включая бизнес-модели и цепочки поставок, а также вспомогательные функции, такие как управление персоналом и бухгалтерский учет. Технологии позволяют использовать различные новые формы сотрудничества между компаниями, поставщиками, клиентами и сотрудниками, что приводит к предложениям новых продуктов и услуг.

Некоторые компании уже внедрили технологии анализа данных и автоматического прогнозирования, комбинируя методы временных рядов, машинное обучение и/или моделирование. Ключевые проблемы включают определение и адекватное применение соответствующих методов и драйверов и, что еще более важно, правильное сочетание «человека и ма-

шины» в процессе подачи заявки. Особенно в свете структурных сдвигов (таких как пандемия COVID-19) кажется очевидным, что ключевое значение имеет сочетание человеческого суждения и деловой хватки с широким использованием данных и технологий. Полная автоматизация, скорее всего, будет эффективна только в нишах с четко определенными и понятными процессами.

Актуальная и надежная информация из защищенной базы данных должна лежать в основе каждого решения. Создание и поддержка такого «единого источника достоверной информации» является основной обязанностью руководителей, которые, однако, все чаще сталкиваются с проблемой подбора квалифицированных специалистов по данным. В исследовании WHU в рамках проверки пульса дигитализации, проведенном У. Шеффером (WHU Otto Beisheim School of Management) и Ф. Вебером (University of Amsterdam) в 2018 году обнаружилось, что только 50 % директоров по данным в крупных немецких компаниях подчиняются финансовому директору. Другими словами, в половине компаний лицо, в конечном счете ответственное за качество данных, не подчиняется лицу, которое традиционно претендует на роль единственного источника достоверной информации о финансовых данных и их интерпретации.

Резюмируя вышеизложенное, автором статьи сделан вывод о том, что управленческий учет является важнейшим элементом эффективного управления и в значительной мере связан с предоставлением уникальной информации управленцам для достижения организационных целей и задач. Управленческий учет результативен и грамотно построенная система помогает в составлении планов, принятии решений, измерении производительности, повышении эффективности, максимизации прибыли, обеспечении стабильного и поступательного развития предприятия.

Список литературы

1. Герасимова, М. С. Системы учета затрат как инструмент управленческого учета / М. С. Герасимова, Е. Ю. Пухова // *Universum: Экономика и юриспруденция: электрон. научн. журн.* 2018. № 4 (49).
2. Голигузова, Г. В. Особенности современного состояния системы управленческого учета / Г. В. Голигузова // *Дискурс: электрон. научн. журн.* 2017. № 5.
3. Пласкова, Н. С. Принципы формирования современной учетно-аналитической модели коммерческой организации в цифровой экономике / Н. С. Пласкова, Н. А. Проданова, В. А. Диких, В. Е. Керимов, И. П. Курочкина, Е. В. Прокофьева // *Международный журнал экономики и делового администрирования.* 2020. № 8 (1).
4. Rezníqi, S., Nimani A., Zeqiraj, V. & Nevruz, Z.: Management accounting and its impact. *European Journal of Business and Accountancy.* 2014. № 3.

УДК 81'272
ББК 81.2

Гуляева Евгения Вячеславовна
*кандидат филологических наук, доцент,
заведующий кафедрой лингвистики и межкультурной коммуникации,*
Денисенко Мария Валерьевна
*кандидат филологических наук,
доцент кафедры лингвистики и межкультурной коммуникации,*
Никитина Ирина Сергеевна
*кандидат филологических наук,
доцент кафедры лингвистики и межкультурной коммуникации,
Волгоградский институт управления –
филиал РАНХиГС при Президенте РФ,
Волгоград, Россия*

АНГЛОМАНИЯ В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ: ЛИНГВОЭКОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Аннотация. В статье рассмотрена одна из ключевых проблем современной отечественной лингвистики, а именно негативной трансформации русского литературного языка под влиянием англоязычных заимствований. В представленном авторами исследовании показаны примеры неоправданного использования англицизмов в текстах СМИ, а также в устной публичной, деловой и разговорной речи. Данные социологического опроса и контекстуального анализа обширного корпуса текстов СМИ позволили констатировать факт деградации современной публичной и межличностной коммуникации под влиянием жаргонизации речи и злоупотребления англоязычными заимствованиями в современном русском литературном языке. Данные процессы рассмотрены авторами с позиции лингвоэкологии и лингвобезопасности русского языка и культуры.

Ключевые слова: заимствования, речевая ситуация, лингвоэкология, лингвобезопасность, современный русский язык.

Gulyaeva Evgenia Vyacheslavovna
*candidate of philological sciences, associate professor,
Head of the Department of Linguistics and Intercultural Communication,*
Denisenko Maria Valerievna
*Candidate of Philology,
Associate Professor, Department of Linguistics and Intercultural Communication,*
Nikitina Irina Sergeevna
*Candidate of Philology,
Associate Professor, Department of Linguistics and Intercultural Communication,
Volgograd Institute of Management –
branch of the RANEPA under the President of the Russian Federation,
Volgograd, Russia*

ANGLOMANIA IN MODERN RUSSIAN LANGUAGE: LINGUOECOLOGICAL ASPECT

Abstract. The article considers one of the key problems of modern Russian linguistics, namely the negative transformation of the Russian literary language under the influence of English-language borrowings. The study presented by the authors shows examples of unjustified use of anglicisms in

media texts, as well as in oral public, business and colloquial speech. The data of the sociological survey and contextual analysis of the vast corpus of media texts allowed the authors to state the fact of degradation of modern public and interpersonal communication under the influence of jargonization of speech and abuse of English-language borrowings in the modern Russian literary language. The authors considered these processes in terms of linguoecology and linguistic security of the Russian language and culture.

Keywords: borrowings, speech situation, linguoecology, linguistic security, modern Russian language.

Проблема сохранения целостности и чистоты современного русского языка и русской культуры является приоритетом развития и укрепления национального сознания, и поэтому должен рассматриваться в поле стратегии укрепления национальной безопасности. Особую актуальность этот вопрос приобретает в условиях современных транзитивных изменений в меняющемся обществе и информационной войны. «Социальный заказ на лингвоэкологию очевиден, и он обращен и к лингвистам, и к государственным структурам, и к культурной части общества в целом» [6, с. 5].

За последние десятилетия процессы, происходящие в языке, как и в обществе в целом, отличаются негативной направленностью. Это отмечается большинством ученых, занимающихся разработкой лингвоэкологической темы. Намечаются следующие пути рассмотрения / решения этой проблемы: выявление и устранение недостатков в лексикографической кодификации норм [5, с. 56–57]; разработка принципов межкультурной коммуникации, изучение энергетического потенциала языка и создаваемых на нем речевых произведений [1, с. 87]; рассмотрение проблемы криминализации языка [2, с. 487]; рассмотрение интернет-коммуникации как фактора «разрушения естественного лингвистического разнообразия» [3, с. 15]; вопрос о роли эмоциональной составляющей и ее влиянии на экологическую / неэкологическую коммуникацию [4, с. 130; 7, с. 143]; проблема поиска оптимального баланса между лингвистическим многообразием и языковой интеграцией [8, с. 215–219].

В представленном исследовании поднимается проблема неоправданного использования англицизмов в современном русском языке как один из актуальных аспектов лингвоэкологической повестки.

Современная речевая ситуация отмечена повсеместной жаргонизацией речи как разговорной, так и публичной, оскудением словарного запаса в языковом сознании значительной части носителей русского языка. И на эту почву накладывается процесс глобального по своим масштабам и силе воздействия активного заимствования из английского языка. Даже представители элитарного и среднелитературного типов речевой культуры также отдают предпочтение сленгу и модным заимствованиям в своей речи (достаточно обратиться к интервью и открытым сообщениям в соцсетях).

В основе проведенного нами исследования лежит метод анкетирования, позволивший выявить степень понимания англицизмов, функционирующих в современном русском языке. В анкетирование были включены заимствования, часто употребляемые в современных СМИ, политическими и общественными деятелями, а также англицизмы, которые в 2022 году были включены в орфографический словарь Института русского языка имени Виноградова. Анализ результатов проводился с учетом основных социально-психологических параметров респондентов, оказывающих непосредственное влияние на активный и пассивный словарный запас носителя языка. Так, среди респондентов были выделены 2 возрастные группы (18–29 лет, 30–40 лет), участники анкетирования также предоставляли информацию об уровне своего образования и владения английским языком. Проведенное исследование позволило

сделать выводы о том, для каких возрастных категорий ассимиляция заимствованной лексики в речи проходит легче и быстрее, а также влияет ли на данный процесс знание иностранного языка.

Ниже приведем некоторые ответы участников опроса.

Тайминг – подробное расписание с указанием дат и времени, отведенного на дела [15]. Термин был включен в Орфографический академический ресурс «Академос» Института русского языка им. В. В. Виноградова РАН в 2020 году и часто встречается в новостных сообщениях, несущих информацию о мероприятиях, в деловом общении.

Данный термин часто используется в сочетании со словом мероприятие в значении *программа, расписание, организация*. В результате введения соответствующего поискового запроса выдаются примеры использования выражения *тайминг мероприятий* различными организациями, проанализировав которые можно сделать вывод, что *тайминг мероприятий* представляет собой тот же самый концепт, что и программа мероприятий, однако все больше компаний отдает предпочтение заимствованию:

«26-27 ноября в Твери пройдет Двенадцатый научно-популярный фестиваль «Цифровая история»... Тайминг и подробная программа на сайте» [16].

В данном новостном сообщении явно допущена речевая ошибка в виде лексической избыточности. Слово *тайминг* можно убрать из предложения без риска потери смысла, однако, по-видимому, автор намеренно использует его для придания сообщению более престижного звучания. Эта же цель, вероятно, преследуется и в следующей статье о прошедшем мероприятии, где употребление англицизма в значении «временные рамки» или «расписание» неоправданно:

«Во Владивостоке – новые технологии: диктант пишут с помощью мобильных телефонов... Тайминг жесткий: за 60 минут школьники ответили на 60 вопросов» [13].

Любовь к использованию заимствований и может быть чревата коммуникативными неудачами, когда в погоне за модным звучанием и желанием казаться англицизм употребляется неуместно:

«Александр Колотов говорит, что Монголия стремится к энергетической независимости: «Тайминг был выбран удачно. Они так обеспокоены изменениями климата, что решили развивать возобновляемую энергетику, в том числе, посредством строительства ГЭС» [10].

Вероятно, говорящий использовал *тайминг* в значении время. Речевую ошибку можно объяснить тем, что английский термин берет свое начало от слова *time* (время), которое знакомо многим носителям русского языка, когда-либо изучавшим английский язык. Проведенный опрос выявил приблизительно одинаковые результаты среди двух возрастных групп. Только 30 % респондентов смогли описать значение слова тайминг: «отведенное на что-то время», «временное ограничение, в рамках которого нужно выполнить задание», «расписание», «распорядок времени». 50 % анкетированных попытались объяснить значение термина, однако анализ результатов выявил неполное понимание или совсем неверную трактовку термина: «момент времени», «происходящий вовремя момент», «сделать что-то в нужный момент», «удачное, смешное, выгодное совпадение каких-либо происшествий в одно и то же время», «успеть вовремя», «что-то связанное со временем». 15 % не смогли объяснить значение слова.

Бэкграунд – все, что относится к жизни, образованию, связям человека, включая интеллектуальный уровень, культурную подготовку, степень образованности, жизненный и профессиональный опыт [14].

Слово *бэкграунд* было внесено в орфографический словарь института русского языка им. Виноградова и добавлено на орфографический академический ресурс «Академос». Это обусловлено активным использованием данного термина в СМИ и на ресурсах по поиску работы:

«Требования: Достаточный технический бэкграунд для выполнения задач отдела, опыт работы с Битриксом и 1С» [18].

«Опрос российских работодателей показал, что шансы найти работу начинающим специалистам, имеющим в бэкграунде лишь онлайн-курсы без успешно реализованных кейсов, проектов и идей достаточно малы» [17].

Несмотря на активное использование термина работодателями и журналистами, наше исследование показало, что понимание его целевой аудиторией является крайне ограниченным. 15 % опрошенных в возрасте от 18 до 25 смогли объяснить значение слова, 30 % понимают данный термин как «задний фон», «задний план», что также является одним из значений английского слова *background*, однако в российских СМИ в данном значении не встречалось. 15 % респондентов данной возрастной категории сказали, что значение термина понимают, но объяснить не могут. 5 % анкетированных определили бэкграунд как «стиль», «определенное настроение», 35 % респондентов никогда не слышали и значение слова не понимают. Следует отметить, что данная возрастная группа продемонстрировала лучшее понимание данного термина, среди представителей более старшей возрастной группы понимание термина оказалось ещё более затруднительным.

Джетлаг – синдром смены часового пояса [9].

Термин был добавлен в орфографический словарь института русского языка им. Виноградова и на орфографический академический ресурс «Академос» в 2022 году.

«Шиффрин тренировалась в Леви в течение двух недель перед гонкой, что было для нее впервые. «В прошлом году я ощущала джетлаг (последствия разницы во времени), всю неделю, я бодрствовала с часу ночи до семи утра каждую ночь, я плохо себя чувствовала. В этом году у меня не было джетлага, я чувствую себя здоровой и сильной» [20].

В данном предложении продемонстрирован перевод слов спортсменки, осуществленный автором новостного сообщения. Журналист предусмотрительно указал в скобках дефиницию используемого англицизма, что может помочь читателю воспринять информацию корректно. Однако использование в данном случае одного определения или перевода термина на русский язык без указания самого англицизма видится вполне достаточным: «...я ощущала последствия разницы во времени...».

«Кроме того, для американцев отдых в Европе связан со значительными расходами на перелет и джет-лагом – им и удобнее, и дешевле отдохнуть в Северной и Южной Америке», – пояснил эксперт» [19].

Данный пример демонстрирует использование англицизма экспертом, комментирующим описываемую в статье ситуацию. Несмотря на уже установленные нормы написания термина в русском языке, слово в статье разделено дефисом, что является неверным согласно орфографическому академическому ресурсу «Академос» [12].

Несмотря на частое использование термина в деловой среде и средствах массовой информации, только 5 % респондентов обеих возрастных групп смогли объяснить значение слова, 10 % понимают данный термин как «самолет», 5 % объяснили термин как «название кофейни в центре г. Волгограда», 10 % понимают значение, но не могут объяснить, остальные 75 % не смогли объяснить значение.

Профессиональный жаргон некоторых сфер деятельности (например, IT-сфера, киберспорт) состоит из большого количества англицизмов, что можно объяснить огромным

влиянием американской культуры на развитие данных направлений, либо заимствованием полностью всего вида деятельности вместе с существующей в языке-источнике терминологией. В качестве примера приведем новостное сообщение из популярного блога о киберспорте:

*«6 лет назад **топовый кэсер** проиграл **аимку** девушке. А теперь сыграет в финале **мейджора**. Вы наверняка знаете непростую историю карьеры Кэдиана. Он побывал **на мейджоре** в 17 лет, но потом надолго пропал и увяз в тир-2/3 командах. Уходил в комментаторы и делал тяжёлый выбор: пытаться **камбэкнуть** на **про-сцену** или продолжать комментировать матчи [11]».*

Изобилие англицизмов в данном отрывке делает невозможным понимание сообщения среднестатистическим носителем русского языка. Существует опасность, что англицизмы, проникая в русский язык с заметной лёгкостью, смогут вытеснить привычные русские эквиваленты, переведя их в раздел архаизмов.

Результаты проведенного исследования позволяют сделать следующие выводы:

1. Заимствованная лексика, употребляемая в СМИ, затрудняет восприятие новостных сообщений целевой аудиторией.

2. Неуместное использование заимствований публичными лицами и СМИ является причиной коммуникативных неудач, недопонимания и некорректного толкования получаемой информации.

3. Владение иностранным языком не всегда способствует верному толкованию англицизмов, употребляемых в СМИ, поскольку прямой перевод может не совпадать с заимствованным значением.

Безусловно, развитие языка невозможно остановить, проникновение заимствований в язык – это не новый процесс, заимствования представляют собой норму языка, однако неоправданное использование англицизмов влечёт за собой необратимые последствия для речевой культуры в целом. «Свобода» использования языковых средств в СМИ обернулась загрязнением языка сленгом, снижением «коммуникативного качества» публикаций, злоупотреблением англоязычными словами и выражениями, зачастую впервые вводимыми и без попытки установить коммуникативный код с читателем.

Список литературы

1. Ионова, С. В. Основные направления эколингвистических исследований: зарубежный и отечественный опыт // Вестник Волгоградского гос. ун-та. Сер. 2. Языкознание. 2010. № 1 (11). С. 86–93.
2. Кара-Мурза, С. Г. Угрозы России. Точка невозврата. М.: Эксмо: Алгоритм, 2012. 592 с.
3. Леонтович, О. А. Проблемы виртуального общения // Электронный журнал «Полемика». 1994. № 7.
4. Панченко, Н. Н. Правда и искренность в экологичной/неэкологичной коммуникации // Научный диалог. 2012. № 12. С. 124–135.
5. Сиротина, О. Б. Современное состояние русской речи и его соотношение с нормами и системой языка // Вопросы культуры речи / отв. ред. А. Д. Шмелев. М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2011. С. 54–58.
6. Сковородников, А. П. Экология русского языка: монография / А. П. Сковородников. Красноярск: Сиб. федер. ун-т, 2016. 388 с.
7. Шаховский, В. И. Унижение языком в контексте современного коммуникативного пространства России // Проблемы речевой коммуникации: межвуз. сб. науч. тр. / под ред.

М. А. Кормилицыной, О. Б. Сиротининой. Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 2007. Вып. 7. С. 140–148.

8. Юдина, Н. В. Русский язык в XXI веке: кризис? эволюция? прогресс?: монография. М.: ГНОЗИС, 2010.

Источники и словари

9. Википедия. Свободная энциклопедия. URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/Джетлаг> (дата обращения 08.12.2022).

10. Глагол – Иркутское обозрение. URL: https://glagol38.ru/text/18-11-2022/009?utm_source=yxnews&utm_medium=mobile&utm_referrer=https%3A%2F%2Fdzen.ru%2Fnews%2Fsearch%3Ftext%3D (дата обращения 08.12.2022).

11. НоуТайм (блог). URL: https://m.cyber.sports.ru/tribuna/blogs/notime/3044475.html?utm_source=yxnews&utm_medium=mobile&utm_referrer=https%3A%2F%2Fdzen.ru%2Fnews%2Fsearch%3Ftext%3D (дата обращения 08.12.2022).

12. Орфографический академический ресурс «Академос». URL: <https://orfo.ruslang.ru/search/word> (дата обращения 08.12.2022).

13. ОТВ – Общественное телевидение Приморья. URL: https://otvprim.tv/vpervie-shkolniki-neskolkih-gorodov-rossii-odnovremenno-napisali-voenno-patrioticheskiy-dik-tant?utm_source=yxnews&utm_medium=mobile&utm_referrer=https%3A%2F%2Fdzen.ru%2Fnews%2Fsearch%3Ftext%3D (дата обращения 08.12.2022).

14. Свободная энциклопедия. Викисловарь. URL: <https://ru.wiktionary.org/wiki/бэкграунд> (дата обращения 08.12.2022).

15. Словарь современного языка My Slang. URL: <https://myslang.ru/words/search/query?q=тайминг2> (дата обращения 08.12.2022).

16. ТИА Новости. URL: https://tvernews.ru/news/292295/?utm_source=yxnews&utm_medium=mobile&utm_referrer=https%3A%2F%2Fdzen.ru%2Fnews%2Fsearch%3Ftext%3D (дата обращения 08.12.2022).

17. Янтарный карй – общественно-политическое издание. URL: <https://kaliningradfirst.ru/324892> (дата обращения 08.12.2022).

18. Hh.ru – вакансии, работа. URL: https://volgograd.hh.ru/search/vacancy?text=бэкграунд&from=suggest_post&area=24 (дата обращения 08.12.2022).

19. Regnum. URL: <https://regnum.ru/news/society/3750625.html> (дата обращения 08.12.2022).

20. Superski.ru URL: http://www.superski.ru/adm/show.php?news_id=5750&utm_source=yxnews&utm_medium=mobile&utm_referrer=https%3A%2F%2Fdzen.ru%2Fnews%2Fsearch%3Ftext%3D (дата обращения 08.12.2022).

УДК 81'42: 159.923.2
ББК 81.055+88.503

Дубинина Ирина Ивановна
кандидат филологических наук, доцент,
доцент кафедры лингвистики и межкультурной коммуникации
Волгоградский институт управления –
филиал РАНХиГС при Президенте РФ,
Волгоград, Россия

МАНИПУЛЯТИВНЫЕ РЕЧЕВЫЕ АКТЫ КАК ВИД СЕМАНТИЧЕСКОГО ШУМА В ОРГАНИЗАЦИОННОЙ КОММУНИКАЦИИ

Аннотация. Введение. Проблемы эффективной коммуникации в организационном контексте находятся под пристальным вниманием ученых. Исследование языкового содержания различных речевых актов в организационной коммуникации является важной лингвистической задачей. Цель данного исследования – рассмотреть манипулятивные речевые акты, определить их влияние на успешность коммуникации в организации. **Методы.** В данном исследовании применялись следующие методы: дефиниционный анализ, дискурс-анализ и контекстуальный анализ. **Анализ.** Коммуникативная среда организации характеризуется в первую очередь интенциональным воздействием, следовательно, один из коммуникантов выступает субъектом речевого воздействия, а другой – объектом. Одна из целей речевого влияния в деловом общении заключается в регулировании деятельности партнера по коммуникации не только физической, но и интеллектуальной. Процессы кодирования и декодирования сообщения в организационной коммуникации осложняются наличием разных видов семантических шумов, препятствующих успешному деловому общению или ведущих к коммуникативной неудаче. Коммуникативное намерение определяет способы и формы подачи текста сообщения, и когда оно вуалируется, что характерно для манипулятивных действий, адресат получает неточную, измененную или даже ложную информацию. **Результаты.** Манипулятивные речевые акты являются видом семантического шума, в результате действия которого, реципиент получает искаженную информацию. Они относятся к часто используемым способам воздействия, как со стороны продуцента, так и со стороны реципиента сообщения, то есть как на уровне кодирования, так и на уровне декодирования.

Ключевые слова: эффективная коммуникация, манипулятивные речевые акты, коммуникативное намерение, семантические шумы, интенциональное воздействие, организационная коммуникация, кодирование сообщения, декодирование сообщения.

Dubinina Irina Ivanovna
Candidate of Philological Sciences, Associate Professor,
Associate Professor of the Department of Linguistics and
Intercultural Communication
Volgograd Institute of Management – a branch of the RANEPa under
the President of the Russian Federation,
Volgograd, Russian Federation

MANIPULATIVE SPEECH ACTS AS A TYPE OF SEMANTIC NOISE IN ORGANIZATIONAL COMMUNICATION

Abstract. Introduction. The problems of effective communication in the organizational context are under the close attention of scientists. The study of the linguistic content of various speech acts in

organizational communication is an important linguistic task. The purpose of this study is to consider manipulative speech acts, to determine their impact on the success of communication in the organization. **Methods.** The following methods were used in this study: definition analysis, discourse analysis and contextual analysis. **Analysis.** The communicative environment of the organization is characterized primarily by an intentional impact, therefore, one of the communicants acts as the subject of speech impact, and the other as an object. One of the goals of speech influence in business communication is to regulate the activities of the communication partner not only physical, but also intellectual. The processes of encoding and decoding a message in organizational communication are complicated by the presence of various types of semantic noises that impede successful business communication or lead to communicative failure. Communicative intention determines the ways and forms of presenting the text of the message, and when it is veiled, which is characteristic of manipulative actions, the addressee receives inaccurate, altered or even false information. **Outcomes.** Manipulative speech acts are a type of semantic noise, as a result of which, the recipient receives distorted information. They refer to frequently used methods of influence, both on the part of the producer and on the part of the recipient of the message.

Keywords: effective communication, manipulative speech acts, communicative intention, semantic noises, intentional impact, organizational communication, message encoding, message decoding.

Введение

В контексте делового общения максимальная речевая эффективность зависит от множества факторов, начиная от выбора объема высказывания, языкового/речевого варианта текста и заканчивая временными параметрами речевого производства. Организационная коммуникация базируется на профессиональных знаниях, умениях выбора адекватного речевого действия, использования соответствующих вербальных средств и способов передачи для выражения определенного предметного содержания. Однако, даже обладая всеми перечисленными компетенциями, речевое взаимодействие может потерпеть коммуникативную неудачу, если реализуется коммуникативное намерение только одного из партнеров по общению, а второй участник, не сумев декодировать цели адресанта, выступает объектом манипулятивного воздействия. Цель данной статьи заключается в идентификации и анализе манипуляции как вида семантического шума, возникающего в процессе организационной коммуникации.

Методы

В данном исследовании применялся метод дефиниционного анализа для выявления различных подходов к понятию «семантический шум», а также методы дискурс-анализа и контекстуального анализа в процессе исследования манипулятивных речевых действий.

Анализ

Одной из существенных характеристик организационной коммуникации является интенциональное речевое воздействие с целью побудить начать, изменить или закончить какую-либо деятельность, повлиять на выбор решения или отношения к чему-либо. План содержания языкового выражения характеризуется неоднородностью, что представляется очень важным постулатом для тщательного отбора языкового материала в речевом поведении участников делового общения. Исследователи когнитивной лингвистики объясняют это нелинейностью когнитивных структур, которая требует специальной «упаковки» в процессе их языкового воплощения [6, 223]. Поэтому некоторые части когнитивной структуры в процессе их линейной презентации могут подразумеваться, не присутствовать локутивно, а

только имплицитно. Такой вид речевого воздействия как манипуляция строится на основе данного принципа.

Идею сокрытия намерений в манипулятивных речевых актах мы находим у В. И. Карасика, определяющего манипулятивные действия как «двойную игру, два сценария поведения, которые различаются по основной интенции отправителя речи: на поверхностном уровне манипулирующий пытается убедить манипулируемого в своем добром отношении к нему, в то время как на самом деле манипулирующий преследует свои сугубо корыстные цели, раскрытие которых поставило бы его перед адресатом в невыгодном свете» [2, 24]. Иллокутивная составляющая речевого акта содержит как минимум две цели, первая – добиться от адресата определенной реакции, и вторая – сформулировать сообщение, «упаковать» его так, чтобы истинное намерение было скрыто, чтобы не было декодировано партнером по коммуникации. Таким образом, информация доходит до получателя не в полном объеме, и в таком случае манипулятивные речевые акты могут рассматриваться как помехи, препятствующие адекватному восприятию сообщения. Поскольку данное препятствие порождается содержательными искажениями информации, мы полагаем, мы можем его классифицировать как семантический шум.

Термин «семантический шум» неоднозначно трактуется учеными. Это явление может пониматься узко, когда речь идет об употреблении отдельных слов или грамматических структур, непонятных для получателя сообщения, и приводящих к коммуникативным помехам / барьерам, как в определении М. М. Кобирузамана «Semantic noise is a communication barrier created from confusion over the meaning of words. It comes from complex, technical, autochthonous, or grammatical errors in communication. Semantic noise occurred because of different meanings of the message between the sender and receiver» [7, 1].

Ряд ученых (В. А. Медведев, О. И. Марков, Д. С. Катренко) рассматривают семантический шум максимально широко, «как различное понимание субъектами содержания информации» [4, 14].

Третья группа ученых под семантическим шумом понимают препятствия, мешающие адекватному пониманию собеседника. В целом придерживаясь данного подхода, ученые могут уточнять различные аспекты помех. Так, в определении М. Ю. Нечепуренко акцент ставится на нереализации коммуникативного намерения, и «шумы рассматриваются, как помехи, возникающие в процессе коммуникации и осложняющие его, т.е. явления, которые снижают вероятность того отклика со стороны получателя, к которому стремился отправитель» [5, 179]. А. В. Кузнецова фокусирует внимание на различиях коммуникантов, которые становятся источниками или причинами семантических шумов: «помехи, препятствующие декодированию сообщения на речевом уровне и связанные с индивидуальными особенностями коммуникатора и коммуниканта (уровня речевой культуры, индивидуального тезауруса и т.д.)» [3, 105]. Таким образом, можно классифицировать семантические шумы исходя из учета культурологических характеристик коммуникантов, а также на основе их индивидуальных особенностей.

Интерпретация совокупности определений позволяет нам говорить о семантическом шуме как о языковых / содержательных искажениях сообщения при его кодировании / декодировании.

Приведем несколько примеров манипулятивных действий с информацией в институциональном дискурсе из диссертационного исследования И. И. Дубининой:

- «ее буквальное истолкование:

– *Господин министр, – тоном оскорбленной добродетели произнес Хамфри, – разве вы не сами выразили пожелание сократить показатель численности административного аппарата?*

– *Да, выразил, и что из этого?*

– Вот мы его и сократили.

До меня постепенно начал доходить смысл его слов.

– Так вы что... сократили только показатель?

– Естественно.

– Должен вам заметить, Хамфри, я имел в виду совсем другое.

– Помилуйте, господин министр, – страдальчески скривился он, – мы же не телепаты! Вы потребовали сократить показатель, мы его и сократили (Дж. Линн, Э. Джей. Да, господин министр)» [1, 78]. Данный пример интересен тем, что манипулировать информацией может не только отправитель, но и получатель информации.

- «структурирование в выгодной для адресанта форме:

...почему меня не удержали от опрометчивого заявления в парламенте, будто местной экологии и достопримечательностям не будет нанесен ущерб.

– Сэр Хамфри заявил, что ничего подобного я в парламенте не заявлял: в моем выступлении были слова «...не будет нанесен значительный ущерб». По-моему, это одно и то же, хотя Хамфри придерживается иного мнения.

– Наоборот, господин министр, разница колоссальная как между небом и землей. Практически все что угодно можно квалифицировать как нанесение ущерба и в то же время практически все оправдать как не наносящее значительного ущерба. Не следует недооценивать значения слова «значительный» (Дж. Линн, Э. Джей. Да, господин министр)» [1, 80].

- «акцентирование внимание на информации, которую трудно опровергнуть:

– Если бы вы настояли хотя бы на внутриведомственном расследовании, – пожаловался он, – тогда мы могли бы растянуть его на полтора года, а потом заявить, что, несмотря на отдельные недостатки и диспропорции, которые за истекший период уже устранены, никаких следов намерения ввести кого-либо в заблуждение обнаружить не удалось...

– Но ведь намерение-то было!

– А я и не говорил, что не было, – слегка раздраженно ответил сэр Хамфри. – Я говорил об отсутствии следов такого намерения.

В ответ на мое недоумение он снисходительно пояснил:

– Главная задача любого внутриведомственного расследования, при условии, конечно, что оно проводится на профессиональном уровне, – обнаружить отсутствие следов. Если вы заявите об отсутствии намерения, вас легко обвинить в обратном. Если же вы констатируете, что расследование не обнаружило следов намерения, то доказать противное просто невозможно (Дж. Линн, Э. Джей. Да, господин министр)» [1, 81].

- «использование двойных стандартов по отношению к внутренним и внешним проблемам, например:

– Уж не хотите ли вы меня уверить, что поощрение коррупции является политикой нашего правительства?

– О нет, господин министр. Как вы могли подумать такое! Поощрение коррупции не может быть политикой правительства. Только его практикой... Двойные стандарты моего постоянного заместителя не перестают меня удивлять! (Дж. Линн, Э. Джей. Да, господин министр)» [1, 84].

Приведенные примеры демонстрируют искажения сообщений в самых разнообразных формах в результате действия манипулятивных речевых актов, и, как следствие, оказывающих негативное воздействие на успешность организационной коммуникации.

Заключение

Манипулятивные речевые акты относятся к семантическим шумам, порождаемым интенциональными искажениями сообщения при его кодировании / декодировании таким образом, чтобы в процессе кодирования / декодирования иллокуция адресанта / адресата не была обнаружена. Манипулятивные речевые действия возможны как на стадии кодирования сообщения, так и на стадии его декодирования. Адресант продуцирует сообщение в такой «упаковке», чтобы его истинное намерение не «читалось». Однако адресат может, в свою очередь, «распаковать» сообщение, реализуя свои скрытые интенции. Процессы кодирования и декодирования сообщения в организационной коммуникации осложняются наличием разных видов семантических шумов, препятствующих успешному деловому общению или ведущих к коммуникативной неудаче.

Список литературы

1. Дубинина, И. И. Способы выражения иерархических отношений в организационной коммуникации: дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2007.
2. Карасик, В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград: Перемена, 2002. 476 с.
3. Кузнецова, А. В. Информация в СМИ и энтропия: лингвистический аспект / А. В. Кузнецова // Известия Южного федерального университета. Филологические науки. 2008. № 2. С. 104–113.
4. Медведев, В. А. Семантический шум информационного потока / В. А. Медведев, О. И. Марков, Д. С. Катренко // Логистика: современные тенденции развития: Материалы XXI Международной научно-практической конференции, Санкт-Петербург, 07–08 апреля 2022 года / Отв. редактор В. С. Лукинский. Санкт-Петербург: Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования Государственный университет морского и речного флота им. адмирала С. О. Макарова, 2022. С. 12–17.
5. Нечепуренко, М. Ю. Семантический шум как научная проблема / М. Ю. Нечепуренко // Известия ТРТУ. 2005. № 9 (53). С. 179.
6. Чейф, У. Л. Данное, контрастивность, определенность, подлежащее, топики и точка зрения // Новое в зарубежной лингвистике. 1982. Вып. 11. С. 237–317.
7. Kobiruzzaman, M. M. 5-types-of-noise-in-communication. URL: <https://newsmoor.com/communication-noise-5-types-of-noise-in-communication-barriers/> (дата обращения 02.08.2022)

УДК 336.02
ББК 65.261

Зеленский Андрей Геннадиевич
старший преподаватель кафедры экономики и финансов,
Волгоградский институт управления –
филиал РАНХиГС при Президенте РФ,
Волгоград, Россия

КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ПОДХОДЫ К ПОНЯТИЮ «ФИНАНСОВЫЙ МЕХАНИЗМ» И ЕГО РОЛИ В ФИНАНСОВОЙ СИСТЕМЕ

Аннотация. В данной статье рассматриваются существующие проблемы в трактовке понятия «финансовый механизм». **Цель:** определить сущность и роль финансового механизма в финансовой системе. **Гипотезы:** сущность и роль финансового механизма в наибольшей мере может быть раскрыта при рассмотрении финансового механизма как составной части хозяйственного механизма, представляющего собой совокупность способов организации финансовых отношений, форм и методов управления финансовой системой, осуществляемой через финансовые инструменты и рычаги на основе финансовых методов. В процессе исследования проводился анализ существующих концептуальных подходов к трактовке понятия «финансовый механизм», определялись сходства и различия, делались обобщения по применяемым авторами подходам. Были рассмотрены основные трактовки понятия «финансовый механизм», определены преимущества и недостатки используемых авторами дефиниций и предложено авторское определение исследуемой экономической категории. В ходе проведенного исследования было определено, что финансовый механизм – это сложная многозвенная элементная структура с множеством финансовых взаимосвязей, является наиболее динамичной частью финансовой политики, направленной на обеспечение общественного воспроизводства, экономического и социального развития.

Ключевые слова: финансовая система, финансовый механизм, финансовая политика, финансовые отношения, финансовые рычаги.

Zelensky Andrey Gennadievich
Senior Lecturer of the Department of Economics and Finance,
Volgograd Institute of Management –
branch of RANEPA under the President of the Russian Federation,
Volgograd, Russia

CONCEPTUAL APPROACHES TO THE CONCEPT OF «FINANCIAL MECHANISM» AND ITS ROLE IN THE FINANCIAL SYSTEM

Abstract. This article discusses the existing problems in the interpretation of the concept of «financial mechanism». **Objective:** to determine the essence and role of the financial mechanism in the financial system. **Hypotheses:** the essence and role of the financial mechanism can be revealed to the greatest extent when considering the financial mechanism as an integral part of the economic mechanism, which is a set of ways of organizing financial relations, forms and methods of managing the financial system carried out through financial instruments and levers based on financial methods. In the course of the research, the analysis of existing conceptual approaches to the interpretation of the concept of «financial mechanism» was carried out, similarities and differences were

determined, generalizations were made according to the approaches used by the authors. The main interpretations of the concept of «financial mechanism» were considered, the advantages and disadvantages of the definitions used by the authors were determined, and the author's definition of the economic category under study was proposed. In the course of the study, it was determined that the financial mechanism is a complex multi-link element structure with many financial relationships, is the most dynamic part of financial policy aimed at ensuring social reproduction, economic and social development.

Keywords: financial system, financial mechanism, financial policy, financial relations, financial levers.

Взаимодействие субъектов экономических отношений происходит в рамках сложившейся хозяйственной системы, а порядок, формы и особенности построения этих отношений определяются хозяйственным механизмом. Переход к рыночным отношениям, открытому рынку, частной собственности, конкурентной среде привел к более тесному взаимодействию хозяйственного механизма с его финансовой составляющей, как основы принятия решений и планирования деятельности.

Большинство ученых, таких как Вахрин П. И., Деева А. И., Дробозина Н. А., Литовченко В. П., Нешиной А. С., Перекрестова Л. В. Романенко Н. М., Сазонов С. П. и др. считают, что «финансовый механизм реализует функции финансов. Он включает в себя совокупность организационных форм финансовых отношений в народном хозяйстве, порядок формирования и использования централизованных и децентрализованных фондов денежных средств, методы финансового планирования, формы и методы управления финансами и финансовой системой в целом, финансовое законодательство» [3, с. 15], [6, с. 19].

Вместе с тем в рассматриваемых позициях авторов существует ряд различий. Так Вахрин П. И. и Нешиной А. С. финансовый механизм определяют как совокупность способов, инструментов и методов управления финансовыми отношениями [2, с. 22]. Литовченко В. П. и Дробозина Н. А. выделяют финансовое планирование, как важнейший элемент финансового механизма [12, с. 21], [14, с. 21].

По мнению ученых Л. В. Перекрестовой, Н. М. Романенко и С. П. Сазонова финансовый механизм обеспечивает реализацию финансовой политики, благодаря использованию его инструментария для создания условий позволяющих активизировать предпринимательскую деятельность, использовать рациональные формы изъятия части доходов предприятий для формирования государственных централизованных фондов, а также определять оптимальную степень участия населения в формировании финансовых ресурсов [7, с. 51]. В свою очередь «в процессе выработки финансовой политики определяются принципы построения финансового механизма, представляющего собой совокупность способов организации финансовых отношений, применяемых обществом в целях обеспечения благоприятных условий для экономического и социального развития» [13].

Возможность достижения целей финансовой политики тем выше, чем в большей мере применяемый в рамках нее финансовый механизм учитывает потребности социально-экономического развития страны и интересы всех слоев общества [10]. Подобное определение финансового механизма, учитывающее его теснейшую взаимосвязь с финансовой политикой приведено также в энциклопедическом словаре, где финансовый механизм рассматривается как составная часть хозяйственного механизма, включающего совокупность видов и форм организации финансовых отношений. При этом финансовый механизм рассматривается как инструмент воздействия на социально-экономическую среду, с целью реализации единой, комплексной государственной политики на всех уровнях управления в соответствии с приня-

той стратегией, реализация которой происходит в рамках финансовой политикой и обеспечивается принятием норм финансового права, закрепляемыми в финансовом законодательстве [11, с. 1042].

Подчиненное положение финансового механизма по отношению к финансовой политике прослеживается и в работах В. В. Ковалева, в которых финансовый механизм признается лишь частью финансовой политики, с призванной осуществлять непосредственное управление финансами [4].

Миляков Н. В., Шуляк П. Н. и Белотелова Н. П. считают финансовый механизм только внешней оболочкой финансов, находящего свое отражение в реализуемой финансовой политике, которая в свою очередь является наиболее динамичной ее частью. Изменения в используемом финансовом механизме как правило связаны с необходимостью решения тех или иных тактических задач, в связи с этим от финансового механизма требуется чутко реагировать на все параметры и особенности складывающейся социально-экономической конъюнктуры. По особенностям построения и принципам реализации выделяют два противоположных типа финансового механизма: директивный и регулирующий. Применение в регулировании финансовыми процессами первого типа финансового механизма как правило происходит в целях упорядочения тех финансовых отношений, в которых непосредственное участие принимает государство, которое налагает обязательное для всех субъектов финансовых отношений надлежащее исполнение установленных видов, форм и методов действий. В рамках второго типа определяются лишь наиболее общие правила поведения участников экономических отношений в тех сферах финансов, где жизненно важные аспекты деятельности государства непосредственно не затрагиваются, поэтому предпринимательский сектор имеет возможность самостоятельно проводить разработку форм и видов денежных фондов, а также определять направления их практического использования. Учеными отмечается, что государственными органами, как правило законодательно устанавливаются лишь наиболее общий порядок распределения и использования финансовых ресурсов, которые остаются в распоряжении экономических агентов после уплаты налогов и других обязательных платежей [5, с. 39–40], [18].

Финансовый механизм имеет сложную структуру строения, включая в себя множества подсистем и звеньев. В территориальном разрезе выделяют государственный, региональный и муниципальный (реализуемый местными органами власти) финансовый механизм. Особую значимость в современных условиях приобретают регионы как крупные территории страны с достаточно однородными природно-ресурсными и финансово-экономическими условиями, материально-технической базой, производственной и социальной инфраструктурой [8].

Исходя из своих социально-экономических характеристик, регионы вырабатывают индивидуальные стратегии развития финансовых отношений, отраслевых пропорций, форм финансовой интеграции, источников формирования финансового капитала, интенсивности использования различных финансовых рычагов и инструментов, способствующих в своем совокупном действии наиболее эффективному использованию ресурсов и максимальному задействованию конкурентных преимуществ.

В результате происходит построение регионального финансового механизма, основными задачами которого являются обеспечение участников финансовых отношений капиталом в тех формах и пропорциях, которые необходимы для достижения наиболее оптимальных масштабов деятельности. Формирование целостностной производственно-финансовой системы обеспечивает сбалансированное развитие всех производительных сил региона, создавая в нем условия для саморегулирования рыночных процессов и обеспечивая налаженное взаимодействие между элементами финансового механизма.

Исходя из оказываемого воздействия на общественное воспроизводство финансовый механизм подразделяется на ряд взаимосвязанных функциональных звеньев: стимулирование, мобилизацию финансовых ресурсов, финансирование и т.д. Организационно-управленческий блок финансового механизма во многом раскрывает используемый инструментарий и включает: финансовое планирование и прогнозирование, финансовый контроль, финансовое регулирование, оперативное управление и программирование. Финансовый механизм исходя из экономического содержания финансов, выделенных в ней сфер и звеньев финансовых отношений, субъектов, принимающих в финансово-экономической системе управленческие решения, подразделяется на финансовый механизм предприятий и механизм функционирования государственных финансов [11, с. 1042], [7, с. 51]. В каждой из выделенных подсистем для достижения целей принятой финансовой стратегии используется свой инструментарий, определяются присущие им формы и методы образования и использования финансовых ресурсов; каждая из них обладает собственным функциональным назначением, ориентированным на достижение, поставленных каждым из субъектов экономических отношений, стратегических задач [15, с. 15].

Шелопаев Ф. М. определяет финансовый механизм как систему управления финансами, которая служит для организации взаимодействия финансовых отношений и фондов денежных средств, что позволяет обеспечить их более эффективное воздействие на итоговые результаты осуществляемой производственно-хозяйственной деятельности, которая во многом устанавливается государством в соответствии с положениями экономических законов и требованиями сложившейся экономической конъюнктуры на основе выпуска нормативно-правовых актов и используемая предприятиями в процессе финансово-хозяйственной деятельности с учетом особенностей работы и задач управления [16, с. 78–79].

Володин А. А., выдвигая достаточно близкое по содержанию определение, считает, что финансовый механизм как систему управления финансами предприятия, устанавливает не государство, а сами предприятия в соответствии с требованиями экономических законов, институциональных ограничений и стимулов, прописанных в законодательных и нормативных документах, положений финансовой науки, а также профессионализма и опыта работников [9, с. 18]. В работах как Ф. М. Шелопаева, так и А. А. Володина отмечается, что если финансы безусловно являются объективной экономической категорией, которая объективно отражает все существующие денежные отношения, то финансовый механизм это в большей мере система управления финансовыми отношениями, которая способствует более эффективной реализации финансами своих функций [16, с. 78–79], [9, с. 18].

Исходя из структурного строения, Баранов В. В. и Грязнова А. Г. также включают финансовый механизм в состав хозяйственного механизма, состоящего из совокупности финансовых методов и рычагов воздействия на финансовую систему, правового, нормативного и информационного обеспечения процесса управления капиталом и финансовыми ресурсами предприятий [1], [11, с. 1042–1043].

Близкой позиции придерживаются российские ученые Шеремет А. Д. и Ионова А. Ф. рассматривающие финансовый механизм как многоуровневую и многокомпонентную систему управления финансовыми отношениями предприятия осуществляемую через финансовые рычаги с помощью финансовых методов [17, с. 27].

В целом финансовый механизм являясь частью хозяйственного механизма, представляет собой совокупность способов организации финансовых отношений, форм и методов управления финансовой системой, осуществляемых через финансовые инструменты и рычаги на основе финансовых методов.

Финансовый механизм – это сложная многозвенная элементная структура с множеством финансовых взаимосвязей, является наиболее динамичной частью финансовой политики, направленной на обеспечение общественного воспроизводства, экономического и социального развития.

Список литературы

1. Баранов, В. В. Финансовый менеджмент [Текст] : механизмы финансового упр. предприятиями в традиц. и наукоемких отраслях : учеб. пособие для студентов упр. и экон. специальностей вузов / М. Г. Зайцев ; Ин-т бизнеса и делового администрирования (ИБДА). Москва : Акад. нар. хоз-ва при Правительстве Российской Федерации : Дело, 2002. 271 с.
2. Вахрин, П. И., Нешиной, А. С. Финансы: учебник для вузов, 4-е изд., перераб. и доп. М.: Издательско-торговая корпорация «Дашков и К», 2005. 526 с.
3. Деева, А. И. Финансы: учебное пособие. 2-е изд. Перераб. и доп. М.: Издательство «Экзамен», 2004. 416 с.
4. Ковалев, В. В. Корпоративные финансы: учебник / Вит. В. Ковалев; В. В. Ковалев. 2-е изд., перераб. и доп. Москва : Проспект, 2019. 640 с.
5. Миляков, Н. В. Финансы: учебник. М.: ИНФРА-М, 2004. 543 с.
6. Нешиной, А. С. Финансы и кредит: учебник. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Издательско-торговая корпорация «Дашков и К», 2006. 572 с.
7. Перекрестова, Л. В. Финансы и кредит : учеб. для студ. учреждений сред. проф. образования / Л. В. Перекрестова, Н. М. Романенко, С. П. Сазонов. 8-е изд., перераб. и доп. М. : Издательский центр «Академия», 2012. 336 с.
8. Развитие региональной социально-экономической системы с учетом стадий среднесрочного цикла : автореферат дис. кандидата экономических наук : 08.00.05 / Ильина Татьяна Сергеевна; [Место защиты: Казан. (Приволж.) федер. ун-т]. Казань, 2015. 26 с.
9. Управление финансами: учебник / А. А. Володин и др. М.: ИНФРА-М, 2004. 504 с.
10. Финансовая политика России: учеб. пособие / под ред. Р. А. Набиева, Г. А. Тактарова, Р. К. Арыкбаева. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Финансы и статистика, 2014. 400 с: ил.
11. Финансово-кредитный энциклопедический словарь / Под ред. А. Г. Грязновой, М.: Финансы и статистика 2002. 1168 с.
12. Финансы: учебник для вузов / Под ред. проф. Л. А. Дробозиной. М.: Юнити-Дана, 2003. 527 с.
13. Финансы : учебник / И. И. Глотова, Е. П. Томилина, О. Н. Углицких, Ю. Е. Клишина. Ставрополь : АГРУС Ставропольского гос. аграрного ун-та, 2013. 492 с. ISBN 978-5-9596-0943-6. Текст : электронный. URL: <https://znanium.com/catalog/product/514997> (дата обращения: 20.11.2022).
14. Финансы: учебник / Под ред. д.э.н., проф. В. П. Литовченко. М.: Издательско-торговая корпорация «Дашков и К», 2005. 724 с.
15. Финансы: учебник. 2-е изд., перераб. и доп. / С. А. Белозеров, С. Г. Горбушина и др.; Под ред. В. В. Ковалева. М.: ТК Велби, Изд-во Проспект, 2004. 512 с.
16. Шелопаев, Ф. М. Финансы, денежное обращение и кредит: пособие для сдачи экзамена. М.: Юрайт-Издат, 2006. 270 с.
17. Шеремет, А. Д., Ионова А. Ф. Финансы предприятий: менеджмент и анализ: учебное пособие. 2-е изд. М.: ИНФРА-М, 2006, 479 с.
18. Шуляк, П. Н. Финансы: учебник для бакалавров / П. Н. Шуляк, Н. П. Белотелова, Ж. С. Белотелова; под ред. проф. П. Н. Шуляка. М.: Издательско-торговая корпорация «Дашков и К», 2013. 384 с.

УДК 327.56
ББК 66.4

Кирсанов Владимир Олегович
студент группы БкЮ-304

Научный руководитель: Морозов Илья Леонидович
*кандидат философских наук, доктор политических наук, доцент,
профессор кафедры государственного управления и менеджмента,
Волгоградский институт управления –
филиал РАНХиГС при Президенте РФ,
Волгоград, Россия*

ХАРАКТЕР СОВРЕМЕННОГО ПОЛИТИЧЕСКОГО КОНФЛИКТА «РОССИЯ – ЗАПАД»

Аннотация. Историческое развитие человеческой цивилизации сопровождается конфликтами между различными макросоциальными группами, сообществами, государствами. Мир динамично меняется, привносятся различного рода изменения, касающиеся мироустройства, порядка, социальных и государственных институтов. Наряду с появлением таких новаций приходят также и разногласия – конфликты, которые в современности, пожалуй, достигают своего апогея между двумя сторонами, находящимися по разные стороны баррикад – Россия и Западный мир. В ходе исследования установлено, что особенностью современного конфликта является усугубляющееся противоборство России и коллективного Запада, якобы страждущего от «гнёта путинизма», который по мнению западных деятелей разрастается не только посредством взаимодействия России со странами Востока, но также и путём реформации внутренней политической и экономической систем страны, актуализируя в явь принцип «бей своих, чтобы чужие боялись». Данная научная статья содержит аргументы и факты для развенчания конкретных мифов, толкующих Западом относительно положения России на современной конфликтной арене.

Ключевые слова: Россия. «Коллективный Запад». Политический конфликт. Геополитика. Значение конфликта, его последствия. Способы решения конфликта. Перспективы продолжительности и воспреещения конфликта.

Kirsanov Vladimir Olegovich
student of the Bko-304 group

Scientific supervisor: Ilya Leonidovich Morozov
*Candidate of Philosophical Sciences, Doctor of Political Sciences, Associate Professor,
Professor of the Department of Public Administration and Management,
Volgograd Institute of Management –
branch of RANEPa under the President of the Russian Federation,
Volgograd, Russia*

THE NATURE OF THE MODERN POLITICAL CONFLICT «RUSSIA – THE WEST»

Abstract. The history of human civilization is saturated with conflicts between various groups, societies, and states. The world is changing dynamically, various kinds of changes are being introduced concerning the world order, order, social and state institutions. Along with the appearance of such

innovations, disagreements also come – conflicts that in modern times, perhaps, reach their apogee between two sides located on different sides of the barricades – Russia and the Western world. The study found that the peculiarity of the modern conflict is the worsening confrontation between Russia and the collective West, allegedly suffering from the «oppression of Putinism», which, according to Western figures, is growing not only through the interaction of Russia with the countries of the East, but also through the reformation of the internal political and economic systems of the country, actualizing the principle of «beat your own, to make strangers afraid». It is precisely to debunk specific myths interpreted by the West regarding Russia's position in the modern conflict arena that this scientific article contains the arguments and facts given.

Keywords: Russia. «Collective West». Political conflict. Geopolitics. The meaning of the conflict, it's consequences. Ways to resolve the conflict. Prospects for the duration and interdiction of the conflict.

Актуальность темы исследования обосновывается тем, что повсеместно в современной жизни людей происходят инциденты конфликтного характера различного типа: бытовые, рабочие, групповые, социальные. Однако нельзя не упомянуть о большей опасности конфликтов политических, межгосударственных; именно последние затрагивают жизнь людей, порой ставя под угрозу само существование личности, общества, государства. Рассматривая данную тему в проекции на современность, видится, что подобные конфликты являются предтечей войны, к которой те или иные страны постепенно приближают современный мир. Естественно, любая война деструктивно воздействует на окружающий мир, нанося ему вред природного, социального и политического характера.

Именно ввиду обострённости такого конфликта в наши дни, целью реализации данной статьи служит доктринальное выявление и обоснование мер к пресечению угрозы, которая находится «на пороге каждого из домов».

Конфликт России с Западом – «мероприятие» не первичное, не новое. Оно имеет началом череду глобальных событий, под историческим влиянием которых обозначенные стороны являются такими, какие они есть. Или же такими, какими их сделали. Безусловно, исторические и социальные предпосылки – важный аспект для обобществления рассматриваемой темы, но не менее важным является анализ происходящих событий в настоящее время. Не по наитию наблюдается «игра в одни ворота»; в начале настоящего десятилетия в ответ на западные действия в виде текущих провокаций, введения санкций посредством ультимативных манипуляций со странами НАТО, включая сюда и размещение военных баз и участие в проведении военных учений на территории стран Прибалтики, российская сторона проводила стратегию мирных переговоров, на что Запад, как всегда, реагировал по-своему: постепенно распространял сферу своего влияния на экономику и политическую сферу Европы через североатлантический альянс, пресекал участие России на международных форумах, в коих задействовано большинство «проамериканских» государств.

К примеру, в последнее время участились случаи, когда Западом неоднократно совершались попытки нарушить суверенитет России. Так, в 2021 году американский эсминец предпринял попытку нарушить госграницу РФ в Японском море [1]. 30 декабря того же года состоялся телефонный разговор президентов Российской Федерации и США. Диалог продолжался 50 минут. В ходе беседы американский лидер предупредил российского коллегу о недопустимости вторжения на Украину. Дж. Байден дал понять, что это может привести к новым санкциям против России и увеличению военного присутствия США в Европе. В. В. Путин в ответ пообещал разорвать отношения с США в случае «масштабных» санкций.

Важно отметить, что абсурд, постоянно идущий из СМИ зарубежных стран, не кончается даже в напряжённой ситуации дней нынешних: повсеместно приводятся общие и не конкретизированные доводы касательно проводимой специальной военной операции на Украине, состояния Европы без энергоснабжения из России, сплочения евразийских стран и якобы плетущихся между ними кознями с целью разрушения миловидного Запада.

Просматривая хронологию событий, имеющуюся на данный момент, стоит отразить мнение российского аналитика К. В. Блохина, который в статье «Россия и Запад. Военно-политический конфликт 2022 года. Меняя правила игры» писал об изменениях внешнеполитической стратегии России в отношении «коллективного Запада» в контексте российской спецоперации на Украине. Автор сообщил, что специальная военная операция оказалась вынужденной мерой, неизбежным и необходимым силовым ответом на поощряемый Западом геноцид русского населения Донбасса, циничное и уже не скрываемое игнорирование российских озабоченностей по поводу реваншистских намерений преступного украинского режима вернуть Крым силой и залить кровью Донбасс. Заявления президента Украины В. Зеленского о необходимости создания ядерного оружия, интеграции Украины в НАТО стали последней «каплей, переполнившей чашу терпения» Кремля. «Украинский плацдарм» с его оголтелой русофобской политической линией явился самым большим и опасным геополитическим вызовом для России. В этих условиях столь решительная мера масштабного применения российских войск положила конец крайне миролюбивой и пассивной политике прежнего времени, решительно поменяла стиль внешней политики нашей страны [2]. В аналитическую часть касательно приведённого авторского мнения, стоит добавить, что недавние нововведения в Конституцию РФ, а именно вхождение ДНР и ЛНР в число субъектов Российской Федерации, чуть ли не в корне меняет геополитическую ситуацию на востоке Украины, куда прежде охотно стягивали свои милитаристские силы заинтересованные в исходе конфликта страны – США и Великобритания, причём действуя так, будто бы все шаги их совершены опосредованно: желая «выйти сухими из воды», агентурные сети названных государств произвели уже не первый набор наёмников, формируя их конспирацию в зоне боевых действий так, чтобы на прямых «заказчиков» выхода не было.

Действительно, наступили времена, когда оттягивать момент обороны и отторжения натиска уже невозможно, тем самым автором утверждается позиция встречной политики России, направленной на «развоплощение» притворного вида Запада, облачая перед иными странами его истинную сущность. Президент России Владимир Путин заявил, что цели снизить напряжённость в мире, преодолеть угрозы и риски в военно-политической сфере, повысить уровень доверия между странами и обеспечить их устойчивое развитие могут быть достигнуты путём кардинального укрепления системы современного многополярного мира. «Вновь повторно: эпоха однополярного миропорядка уходит в прошлое» [4].

Аргументировано отмечено, что президент В. В. Путин стал предпринимать более решительные меры, которые оцениваются как явное противостояние странам Запада как ответные меры на «изоляцию ими России от внешнего мира». Это подтверждается и съездом саммита «G-20», на котором сам президент России, собственно, не появился [6]. Данный факт непоявления российского президента на встрече лидеров «большой двадцатки» является встречным жестом, направленным к странам «западного мира»: отчётливо помнится, как некоторые главы государств, имущие капитальное влияние на принимаемые в подобных мероприятиях решения отсутствовали, что объясняется двумя фактами: показное нежелание «пожать руку» тем, кто по привычке воспринимается как враг, а также наибольшая невыгодность заключения каких-либо договорённостей. Впрочем, по аналогии видится, что президент России не поехал на саммит именно по схожим обстоятельствам: какой смысл видется с теми,

кто, заявляясь даже на нейтральную территорию, продолжает вносить сумятицу и плести геополитические интриги, при этом выдавая себя за праведный идеал? Для какой цели присутствовать на очередной встрече «двадцатки», если сами участники встречи будут игнорировать прибывшего лидера одной из держав? На мой взгляд, смысла в поездке не имеется. Однако при этом, среди плюсов данной «неявки» Владимира Путина на саммит можно обозначить наименьшую трату времени на переговорную часть, которая, хоть и точно безрезультатно, но состоялась бы, а также возможность обсудить более дельные обстоятельства с восточными партнёрами.

В момент развития сегодняшних процессов, подчёркивающих влияние Запада в лице США на конфликт между Россией и Украиной, выделяется особая примечательность недавнего казуса. 15 ноября 2022 года, по заявлениям официальных западных представительств и СМИ, в городе Пшеводув (Польша), взорвалась упавшая ракета «С-300», которая, по словам военного эксперта Я. Вольского может быть российской или украинской ПВО, причём тот склоняется к первому варианту [3]. В тот же день президент США Дж. Байден заявил, что ракета данного типа была запущена не из России; как сообщают источники в Белом доме от газеты «The Wall Street Journal», по предварительной информации, упавшая ракета была выпущена действительно украинской ПВО. Выводы об инциденте члены НАТО планируют обсудить 17 ноября [5].

Анализируя текущую международную политическую обстановку, стоит отметить самые явные моменты:

1) президенту США, очевидно, посоветовали более сдержанно в принципе отреагировать на произошедшее;

2) Дж. Байдену не выгодно была бы конфронтация НАТО и России, будь та ракета признанной российской теми, кто Польшей, Украиной и всеми странами того «ментально подчинённого», прозападного блока верховодит;

3) признай США ракету российской, североатлантическому альянсу пришлось бы вступить в конфликт с Россией, так как Польша, будучи страной в составе НАТО, по договорённости с «западными партнёрами» обрела бы их поддержку, что привело бы Россию и Запад к началу боевых действий на границе.

Прослеживая подобные события почти что каждодневно, отмечается привычное поведение Запада как «игра в одни ворота»; по динамике, прослеживаются статичные стратегии развития (если так вообще можно сказать о взаимоотношениях России и Запада); в данный момент, очевидно, что Россия активизирует своё положение на Востоке, находя там взаимовыгодное партнёрство в экономической и милитаристической сферах, не обходя при этом затронутую ранее тему о переделе финансовой системы мира, «снятии» доллара с «поста» международной валюты, путём депопуляризации его в повседневности.

В итоге отмечается, что современное мироздание неуклонно меняется, образуются новые и уничтожаются старые социальные, экономические, политические и международные институты, формируются и обозначаются на картах мира новые границы, а прежние – бесследно стираются.

В связи с непрерывным ходом развития событий в геополитике современного мира, в завершение прогнозируется, к несчастью, не самый лучший исход конфликта: с наибольшей долей вероятности, страны, втянутые с насущную конфронтацию, информационную и территориально–определённую войну, могут дойти вплоть до применения более серьёзных мер превенций или же мер наступательных. Тем не менее, с учётом сил противоборствующих сторон, надежда возлагается всё же на выход России из текущего конфликта в беспроблемном

ный статус, что возможно при верном принятии соответствующих решений, как внутренних, так и внешних.

Список литературы

1. Американский эсминец попытался нарушить российскую границу // РИА «Новости». 2021. 15.10. – <https://ria.ru/20211015/esminets-1754769111.html>/ (дата обращения: 14 ноября 2022).
2. Блохин, К. В. Россия и Запад. Военно-политический конфликт 2022 года. Меняя правила игры // Журнал «Свободная мысль», обл. наук : полит. науки. 2022. С. 26–34.
3. В Польше созывают совещание Совета безопасности на фоне сообщений о взрывах ракет на границе с Украиной. В воздух подняли истребители / The Insider, 15.11.2022. – <https://vz.ru/news/2022/11/16/1186960.html> (дата обращения: 15 ноября 2022).
4. Климентьев, М. Эпоха однополярного мира уходит в прошлое / РИА Новости, 16.08.2022. – <https://ria.ru/20220816/odnopolyarnost-1809910408.html> (дата обращения: 14 ноября 2022).
5. Сапожников, А. Байден усомнился в том, что упавшая в Польше ракета была запущена из России / Изд-во «Мир» г-ты «Коммерсантъ», 16.11.2022. – <https://www.kommersant.ru/doc/5668550> (дата обращения: 16 ноября 2022).
6. Пшеничников, И. Тень Путина: Россия сорвала американское шоу на саммите G20 / «Первый русский. Царьград». – 2022. – https://tsargrad.tv/articles/ten-putina-rossija-sorvala-amerikanskoe-shou-na-sammite-g20_664999 (дата обращения: 15 ноября 2022).

УДК 352:349.6
ББК 67.407.04

Коростелева Марина Владимировна
кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры конституционного и административного права
Волгоградский институт управления –
филиал РАНХиГС при Президенте РФ,
Коростелева Наталия Владимировна
кандидат технических наук, доцент,
доцент кафедры «Городское строительство, экономика и управления проектами»
Институт архитектуры и строительства
Волгоградский государственный технический университет,
Волгоград, Россия

МУНИЦИПАЛЬНЫЙ ЭКОЛОГИЧЕСКИЙ КОНТРОЛЬ В СИСТЕМЕ ОБЕСПЕЧЕНИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Аннотация. Экологическая безопасность, выступая одним из видов безопасности национальной, обеспечивается деятельностью всей системы государственных и муниципальных органов. Поэтому важным представляется определение пределов возможностей конкретного уровня публичной власти в данной сфере. Целью данной статьи выступил анализ действующих нормативных актов, закрепляющих виды муниципального экологического контроля и предоставляющих органами местного самоуправления осуществлять переданные им функции по государственному экологическому контролю. На основе проведенного анализа сделаны выводы о том, какие виды муниципального контроля могут быть отнесены к экологическому, и какова специфика его правовой регламентации.

Ключевые слова: национальная безопасность, экологическая безопасность, муниципальный контроль, органы местного самоуправления.

Korosteleva Marina Vladimirovna
Candidate of Law, Associate Professor, Associate
Professor of the Department of Constitutional and Administrative Law
Volgograd Institute of Management –
branch of RANEPA under the President of the Russian Federation,
Korosteleva Natalia Vladimirovna
Candidate of Technical Sciences, Associate Professor,
Associate Professor of the Department «Urban Construction,
Economics and Project Management»
Institute of Architecture and Construction
Volgograd State Technical University,
Volgograd, Russia

MUNICIPAL ENVIRONMENTAL CONTROL IN THE SYSTEM OF ENSURING NATIONAL SECURITY OF THE RUSSIAN FEDERATION

Abstract. Environmental safety is one of the types of national security. Environmental safety is provided by both state authorities and local self-government bodies. Therefore, it is important to define the powers of each level of public authority in this area. The purpose of this article is to analyze the

current regulations that fix the types of municipal environmental control. The work also examines the acts that give local governments the right to exercise the functions of state environmental control. Based on the analysis, conclusions are drawn about the types of municipal control that can be attributed to environmental.

Keywords: national security, environmental safety, municipal control, local self-government bodies.

Федеральный закон от 28.12.2010 N 390-ФЗ «О безопасности» в числе видов национальной безопасности выделяет безопасность экологическую. Её обеспечение, в соответствии с конституционными положениями, относится к вопросам совместного ведения Российской Федерации и входящих в её состав субъектов. В силу этого федеральный законодатель, определяя общие начала организации публичной власти в регионах и характеризуя в связи с этим полномочия региональных органов публичной власти по предметам совместного ведения, вполне закономерно включает в их перечень и те, что способствуют обеспечению экологической безопасности как региона, так и страны в целом. Вместе с тем, и органы местного самоуправления обладают определёнными полномочиями в данной сфере. Так, Федеральный закон от 10.01.2002 N 7-ФЗ «Об охране окружающей среды» «говорит» об обязательности участия в деятельности по охране окружающей среды муниципальных органов.

В силу того, что сам термин «безопасность» можно понимать и как состояние «защищённости» объекта, явления или процесса от опасности, его надёжность, и как такое состояние самого объекта, явления или процесса, которое не несёт потенциальной опасности кому-либо или чему-либо, нормативное его закрепление осуществляется в различных, весьма различающихся значениях. Так, мы можем говорить о безопасности объекта исходя из его способности сохранять устойчивость под воздействием внешних неблагоприятных факторов. Также безопасность объекта может обеспечиваться таким его состоянием, которое не угрожает благоприятным условиям жизнедеятельности субъектов. Как представляется, экологическую безопасность можно рассматривать, используя оба значения данного многоаспектного понятия. В связи с этим весьма важным элементом в механизме её обеспечения выступает экологический контроль.

Федеральный закон от 31.07.2020 N 248-ФЗ «О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации» понимает его как нормативно регламентированную и осуществляемую в строгом соответствии с установленными для уровня публичной власти полномочиями деятельность по предотвращению нарушений установленных требований.

Субъектом, уполномоченным на её осуществление, выступает и муниципальный уровень публичной власти (в «лице» местных органов) [6, с. 30]. Важно, что разновидности муниципального контроля могут быть предусмотрены исключительно федеральным законодателем (в отличие, например, от регионального, виды которого по предметам исключительно ведения субъектов устанавливаются субъектами самостоятельно).

Также важным фактором является и то, что местные органы осуществляют контроль исключительно в пределах вопросов местного значения, закрепленных для конкретного вида муниципальных образований. Вместе с тем, местным органам могут в установленном законом порядке передаваться и отдельные государственные полномочия по осуществлению контроля (надзора). В частности, речь идёт о региональном государственном экологическом надзоре на объектах хозяйственной и иной деятельности, находящихся на территории соответствующего муниципального образования, в таких сферах, как: а) обращение с отходами [1, с. 126-127]; б) охрана атмосферного воздуха; в) охрана водных объектов [2, с. 180-181].

Не важно, какова форма собственности на данный объект. Главное, чтобы он не подлежал федеральному государственному экологическому надзору.

Также им могут быть переданы надзорные полномочия в сфере учета объектов и источников негативного воздействия на окружающую среду.

Значимым видом собственно муниципального контроля, который направлен на обеспечение экологической безопасности, выступает контроль в отношении особо охраняемых природных территорий местного значения (далее – ООПТ).

Необходимо отметить, что правом его осуществлять наделены городские поселения, муниципальные районы, округа (городские и муниципальные). Сельские поселения могут его осуществлять, если право на это им предоставлено региональным законом. Но, например, Законом Волгоградской области от 28.11.2014 N 156-ОД «О закреплении отдельных вопросов местного значения за сельскими поселениями в Волгоградской области» этот вопрос за сельскими поселениями не закреплён.

Конкретный механизм осуществления такого контроля устанавливается нормативными правовыми актами самих муниципальных образований. В качестве примера можно привести муниципальное положение о его осуществлении, которое принято и действует в Алексеевском муниципальном районе Волгоградской области (оно утверждено решением районной Думы от 30.07.2014 N 33/219). На территории данного района расположена и ООПТ районного значения – природный парк «Нижнехоперский». Вместе с тем, на территории района есть и ООПТ местного значения. В их числе, например, урочище «Сосновый бор» и прибрежная зона реки Бузулук (в качестве таковой данная территория выступает с 2002 года). Механизм осуществления муниципального контроля в сфере охраны и использования ООПТ в данном муниципальном районе обеспечивается формированием и функционированием особого отдела в структуре районной администрации, к функциям которого отнесён контроль как за режимом использования ООПТ местного значения (он определяется муниципальными правовыми актами района), так и за особым правовым режимом использования находящихся в их пределах объектов недвижимости). Контрольные мероприятия проводятся в форме проверок, организация которых осуществляется в соответствии с положениями Федерального закона от 26 декабря 2008 г. N 294-ФЗ «О защите прав юридических лиц и индивидуальных предпринимателей при осуществлении государственного контроля (надзора) и муниципального контроля», а также административным регламентом, утвержденным районной администрацией. Если в ходе проведения контрольного мероприятия выявлены нарушения обязательных требований, нарушителю выдается предписание об их устранении, и (или) о проведении мероприятий по предотвращению причинения вреда, который могут повлечь данные нарушения, по предупреждению возникновения по их причине чрезвычайных ситуаций. Устанавливаются сроки выполнения указанных предписаний, а само их выполнение также подлежит контролю. Если в ходе проведения контрольного мероприятия будет определено, что нарушитель подлежит административной ответственности, материалы проверок после их рассмотрения направляются в уполномоченные органы для привлечения к её мерам виновных лиц.

Следует также отметить, что отдел ежегодно готовит доклад об осуществлении и эффективности муниципального контроля в области охраны и использования ООПТ, и представляет его в районную администрацию.

Органы местного самоуправления уполномочены осуществлять и муниципальный лесной контроль [5, с. 41]. Как и в случае с контролем за режимом использования ООПТ местного значения, его управомочены осуществлять городские поселения, муниципальные районы и округа (городские и муниципальные). Сельским же поселениям право его осу-

ществления может быть предоставлено региональным законом. Данный вид муниципального контроля осуществляется местными органами и подведомственными им муниципальными учреждениями исключительно в пределах полномочий, закреплённых за ними. Организация его осуществления в конкретном муниципальном образовании регламентируется положением, утверждаемым его представительным органом. В городском округе Волгоград такой акт утверждён решением городской Думы от 29.09.2021 N 51/805. Им обозначены формы проведения внеплановых мероприятий в рамках контрольной деятельности, в числе которых инспекционный визит, рейдовый осмотр, документарная проверка, выездная проверка, мониторинг безопасности, выездное обследование.

Как представляется, непосредственное отношение к обеспечению экологической безопасности имеет и муниципальный контроль в сфере благоустройства. Это связано и с тем, что благоустройство направлено, в том числе, на поддержание и улучшение санитарного состояния территории муниципального образования [3, с. 86], и с тем, что предметом муниципального контроля в сфере благоустройства является организация использования, охраны, защиты, воспроизводства городских лесов и лесов ООПТ, расположенных в границах населённых пунктов поселения или в границах округа (муниципального или городского). Данный контроль уполномочены осуществлять городские поселения и округа, а также муниципальные округа. По умолчанию на территории сельских поселений данный вид контроля в части городских лесов и лесов ООПТ, расположенных в населённых пунктах поселения, осуществляют муниципальные районы. Но регионы вправе закрепить данный вопрос за сельским поселением непосредственно. В уже упомянутом Законе Волгоградской области от 28.11.2014 N 156-ОД применена именно такая практика.

В научной литературе закономерно подчеркивается, что контрольная функция выступает одной из важнейших в управленческой деятельности [4, с. 5]. Проведённый анализ возможностей его осуществления в сфере экологии непосредственно органами местного самоуправления позволил сделать ряд выводов. Во-первых, виды муниципального контроля могут быть предусмотрены исключительно федеральным законодателем. Во-вторых, местные органы осуществляют контроль в пределах вопросов местного значения, закреплённых для конкретного вида муниципальных образований, и вправе его осуществлять в рамках переданных им региональных полномочий в данной сфере. В-третьих, порядок осуществления контрольных мероприятий в конкретном муниципальном образовании регламентируется муниципальными правовыми актами.

Список литературы

1. Коростелева, М. В., Коростелева Н. В. Обращение с твердыми коммунальными отходами как фактор обеспечения экологической безопасности: анализ зарубежного и российского опыта // Вестник Волгоградского государственного архитектурно-строительного университета. Серия: Строительство и архитектура. 2019. № 3 (76). С. 124–133.
2. Коростелева, М. В., Коростелева Н. В. Санитарно-защитные зоны в планировочной структуре городов как специальные территории с особым режимом использования: нормативные правила установления и особенности закрепления в градостроительной документации // Вестник Волгоградского государственного архитектурно-строительного университета. Серия: Строительство и архитектура. 2022. № 2 (87). С. 178–187.
3. Коростелева, М. В., Коростелева Н. В. Благоустройство территории города как фактор устойчивого развития // Социально-экономическое развитие городов и регионов: гра-

достроительство, развитие бизнеса, жизнеобеспечение города: материалы II Международной научно-практической конференции, Волгоград, 3 февраля 2017 г. Волгоград: ВолгГТУ, 2017. С. 86–93.

4. Муниципальный контроль: от реальной практики к идеальной модели / под ред. Е. С. Шугриной, М. П. Ряшина. М., 2019. 300 с.

5. Оленина, Т. Ю. Муниципальный лесной контроль: правовые проблемы реализации // Государственная власть и местное самоуправление. 2018. № 11. С. 41–44.

6. Шугрина, Е. С. Правовое регулирование муниципального контроля в Российской Федерации // Административное и муниципальное право. 2011. № 8. С. 26–37.

УДК 342.5
ББК 67.7

Косенко Сергей Алексеевич
старший преподаватель кафедры юриспруденции
Волжский филиал Волгоградского Государственного университета,
Волжский, Волгоградская область, Россия

К ВОПРОСУ О НЕОБХОДИМОСТИ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Аннотация. Актуальность работы обусловлена отсутствием законодательных норм, регулирующих правоохранительную деятельность, но наличием правоприменительной практики. Целью работы является анализ действующих норм, определение оптимального содержания искомого понятия. Правоохранительная деятельность подлежит правовому регулированию в части содержания, необходимо выделение признаков, отграничивающих от иных категорий. Исследование проведено путем анализа действующих правовых норм, регулирующих понятия «правоохранительный орган», «правоохранительная служба», «правоохранительная деятельность». Выделяется несоответствие разнообразных норм между собой, а также в учебной деятельности, показывается целесообразность выделения признаков дефиниции. Приводятся аргументы того, что в отсутствие урегулированности на законодательном уровне данного вопроса, имеет место не соответствующая правомерной, правоприменительная деятельность. Предлагается внесение ряда законодательных изменений, вариант правового регулирования до их принятия, корректировка программ обучения юристов.

Ключевые слова: правоохранительный орган, правоохранительная система, правоохранительная служба, правоохранительная деятельность, правопорядок.

Kosenko Sergey Alekseevich
senior lecturer of the Department of Jurisprudence
Volga Branch of Volgograd State University,
Volzhsky, Volgograd region, Russia

ON THE QUESTION OF THE NEED FOR LEGAL REGULATION OF LAW ENFORCEMENT ACTIVITIES

Abstract. The relevance of the work is due to the lack of legislative norms regulating law enforcement, but the presence of law enforcement practice. The purpose of the work is to analyze the current norms, determine the optimal content of the desired concept. Law enforcement activity is subject to legal regulation in terms of content, it is necessary to identify features that distinguish from other categories. The study was conducted by analyzing the current legal norms governing the concepts of «law enforcement agency», «law enforcement service», «law enforcement activity». The inconsistency of various norms with each other, as well as in educational activities, is highlighted, the expediency of identifying the signs of definition is shown. The arguments are given that in the absence of regulation at the legislative level of this issue, there is an inappropriate, law enforcement activity. It is proposed to introduce a number of legislative changes, a variant of legal regulation before their adoption, and adjustment of training programs for lawyers.

Keywords: law enforcement agency, law enforcement system, law enforcement service, law enforcement activity, law and order.

В наши дни важность охраны прав приобретает все большее значение. Важные функции в этой области выполняет ряд служб, наделенных определенной компетенцией, силой

для решения подобных вопросов: органы внутренних дел, ФСБ и др. Сложно переоценить и важность регулирования статуса работника (служащего) такой деятельностью.

Правомерное поведение, гражданское общество, правовое государство невозможно представить себе без наличия четких критериев. К последним возможно относить только те сферы, которые урегулированы в правовом отношении, получили правовое закрепление. При этом должны быть выработаны и приняты сопутствующие акты. Без них невозможно действовать работникам силовых структур, оставаться в правовом поле.

Тем не менее, невзирая на то, что Россия декларирует себя правовым государством с гражданским обществом, в реальности многие институты продолжают оставаться в стадии становления, в том числе и в силу банальных ошибок.

Например, затронутый здесь вопрос правового регулирования правоохранительной деятельности наталкивается на разночтения. Обусловлено это тем, что «правоохранительная деятельность», «правоохранительная система», «правоохранительный орган» не закреплены содержательно в действующем законодательстве. Однако, более чем странно, то, что отсутствие наполнения указанных понятий критериями, признаками, не помешало использовать в правоприменительной деятельности их. В частности, ст. 317, 320 УК РФ содержат два состава преступных деяний: «Посягательство на жизнь сотрудника правоохранительного органа» и «Разглашение сведений о мерах безопасности, применяемых в отношении должностного лица правоохранительного или контролирующего органа» [9]. Справедливо возникает вопрос о том, каким же образом возможно квалифицировать деяния по данным нормам, если критерий правоохранительности не выработан?! Но, ни работников «правоохранительных органов», ни органы, ведущие следствие, ни осуществляющие правосудия, не остановились в этой ситуации, и «благополучно» разрешают дела по указанным составам. Так, в 2021 г. было осуждено 21 лицо по ст. 317 УК РФ, а в 2020 г. – 26 человек [7]. Из них, в 2021 году 20 осужденных получили приговоры, связанные с лишением свободы, в 2020-м – 23 человека.

Соответственно, здесь важен вопрос того, кто будет признаваться потерпевшим. Например, ведущие ученые вслед за законодателем относят к ним работников правоохранительного органа, военнослужащих, близких указанных лиц [2]. Но, возникает вопрос, каких же сотрудников, и по каким критериям отнесли к категории потерпевших по данному составу? Фактически это некие субъективные критерии, вне правового поля. Более того, ведь указанный комментарий (не единичный) четко показывает значительное расхождение в отношении круга потерпевших и при сравнении с формулировкой статьи, где указаны только сами работники. В то же время, к ним «приравнивают» и военнослужащих, и близких им лиц.

Безусловно, такого не может и не должно быть в правовом государстве. Надлежит выработать четкие критерии. Автор уверен, что особой защите подлежат и военнослужащие и родственники всех перечисленных лиц, но это нужно делать грамотно в правовом отношении, следовательно, иных лиц, подлежащих защите возможно будет указать в качестве отдельных составов этой же статьи УК РФ (часть 2, часть 3), но наименование статьи явно нуждается все равно в коррекции, например, «посягательство на жизнь сотрудника правоохранительного органа, военнослужащего, и их близких лиц».

Глобальное расхождение в подходах указывает на твердую уверенность в необходимости принятия норм, которые бы ввели в правовой оборот понятие «правоохранительный орган», «правоохранительная деятельность», ведь последнюю могут осуществлять в качестве отдельной функции различные работники. Также укажем и то, что интересным представляется обозначить разграничение правоохранительного и правозащитного, поскольку высказываются мнения, где заметна смешиваемость этих похожих, но различных категорий [10].

Отдельно отметим, что в рамках подготовки специалистов по специальности, направлению «Юриспруденция» также имеет место дисциплина «Правоохранительные органы», в содержании которой обнаруживаем: суд, прокуратура – традиционно, также туда обычно всегда включают органы внутренних дел, СК РФ, а дальше возникают многочисленные вариации: ФСО, таможенная служба, ФСВНГ, ФСБ, Совет Безопасности, и даже нотариат, адвокатура, частные детективные и охранные организации и мн.др. То есть, каждый автор фактически выдает собственную трактовку содержания искомых понятий. В это же время, уже со студенческой скамьи вносится разлад в систему правовых институтов, поскольку ни суд, ни прокуратура, следствие и др., следуя даже имеющимся правовым нормам, не следует причислять к правоохранительным органам. В том же УК РФ, есть состав ст. 295 УК РФ, где указываются в качестве потерпевших уже судьи, прокурорские работники, лица, ведущие предварительное расследование, но к ним сюда же также «в одном наборе» добавлены защитники, эксперты и др. А вот в Указе Президента РФ от 24 мая 1994 г. № 1016 (далее – Указ № 1016) [5] разграничение правоохранительных и иных органов дает представление, что из ранее указанных только суд не входит в систему правоохранительных органов, а про ту же прокуратуру уже нет ни слова, правда разграничены негосударственные органы в качестве неправоохранительных. То есть снова имеет место размывание понятий. А это влияющие на квалификацию деяния составляющие, между прочим. Такой подход должен быть недопустим.

Обратим внимание и на другой нормативный акт, имеющий в своем содержании рассматриваемые дефиниции: Указ Президента РФ от 18 апреля 1996 г. № 567 (далее – Указ № 567) [4]. Там также не раскрывается содержание понятия, деятельности, но имеет место приблизительное перечисление: ОВД, ФСБ, ФСВНГ, УИС, органы принудительного исполнения, таможенные органы, следственные органы СК РФ. Но далее сделана отсылка «и иные», что низводит данную попытку на нет, поскольку даже вопрос о работниках прокуратуры тогда имеет дискуссионный характер. Им отведена роль координирующего органа, но являются ли они сами таковыми, не раскрывается.

Данный документ явно соответствует и Основному закону РФ, который в п. «л» ч. 1. ст. 72 Конституции РФ [3] указывает на разграничение суда, адвокатуры и нотариата от правоохранительных органов, опять же не поясняя, что в них входит.

Поэтому очевидно, что необходимо выделить признаки, позволяющие сделать понятие правоохранительного органа самостоятельным, закрепить его нормативно, выделить и правоохранительную деятельность, поскольку она может осуществляться отдельно и иными лицами, осуществляющими иные функции, поскольку существующие сейчас в научной литературе [1] не дают однозначно разграничивающих критериев.

Особый интерес должна представлять норма, где фактически выделяются признаки. Однако, анализ УК РФ и Указа, вместе, позволяют нам сделать только вывод о том, что все же прокуратура и суд не должны включаться, по мнению законодателей, в число правоохранительных органов, признаки не определены. И, отсюда, программы обучения ВУЗов, ССУЗов явно требуют коррекции. Она возможна и путем внесения изменений в наименование предмета, например, «Судоустройство. Прокуратура. Правоохранительная деятельность», что позволит внести небольшую ясность будущим юристам.

То есть, ясно разделяются суд и прокуратура как неправоохранительные органы.

Также полагаем уместным вспомнить, что и ст. 7 ФЗ от 27 мая 2003 г. № 58-ФЗ [6] содержала понятие «правоохранительная служба», но эта норма, так и не получив раскрытия, была упразднена. Следовательно, в данный момент не существует норм, регулирующих рассматриваемую проблему.

Очевидно, что вполне возможно принять положения Указа, как содержащие перечень правоохранительных органов, и взять его за основу. В том числе и для квалификации деяний по ст. 317 УК РФ.

Возникает также сложный вопрос о возможности отнесения к числу правоохранительных органов, либо выполняющих правоохранительные функции, негосударственные органы (частные детективы, адвокаты и пр.), хотя ученые и допускали такой вариант [8]. Ведь сейчас, в контексте имеющих место законодательных актов, нельзя причислить их к таковым (невозможно представить из текста Указа, а также в контексте анализа привлечений к ответственности по ст. 317 УК РФ). Более того, в Указе № 1016 есть интересное разграничение, что негосударственные органы в этой части – это органы по охране правопорядка, то есть признано, что они не правоохранительные.

Таким образом, в результате проведенного анализа, автор приходит к ряду выводов:

1. Законодательного регулирования понятий «правоохранительный орган», «правоохранительная служба», «правоохранительная деятельность» в данный момент не существует.

2. Примерный перечень правоохранительных органов имеет место только в качестве перечисления открытым способом в Указе Президента РФ, и его следует принять на основу, как для толкования квалификации деяния ст. 317 УК РФ, так и для содержательного наполнения предмета «Правоохранительные органы», выработки критериев, признаков, для разработки нормы, которая бы урегулировала в правовом поле искомое понятие и как органа, и как деятельности.

3. Разработка правового регулирования необходима и для ответа на вопрос, могут ли заниматься правоохранительной деятельностью, выполнять пусть и отдельные правоохранительные функции, негосударственные органы (адвокатура, нотариат и др.).

Список литературы

1. Булгакова, Л. С. К вопросу об определении понятия “правоохранительные органы” в российском законодательстве / Л. С. Булгакова // Криминалистика. 2022. № 3 (40). С. 112–118.

2. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (коллектив авторов; отв.ред. д.ю.н., проф. А. И. Рарог; 13-е изд., перераб. и доп.) // СПС Гарант. М.: “Проспект”, 2022. 992 с.

3. Конституция РФ от 12 декабря 1993 г. (ред. 14.03.2020) // РГ. 25.12.1993. № 237; 16.03.2020. № 55.

4. О координации деятельности правоохранительных органов по борьбе с преступностью: указ Президента РФ от 18 апреля 1996 г. № 567 (ред. 31.12.2019) // РГ. 05.05.1996. № 83; СЗ РФ. 06.01.2020. (часть I). Ст. 7.

5. О неотложных мерах по реализации Федеральной программы Российской Федерации по усилению борьбы с преступностью на 1994–1995 годы: указ Президента РФ от 24 мая 1994 г. № 1016 (ред. 23.07.2001) // РГ.01.06.1994. № 102; СЗ РФ. 30.07.2001. № 31. Ст. 3235.

6. О системе государственной службы Российской Федерации: федер. закон от 27 мая 2003 г. № 58-ФЗ (ред. 02.07.2021) // РГ. 31.05.2003. № 104; 08.07.2021. № 150.

7. Судебная статистика РФ [Электронный ресурс] // Судебная статистика РФ. URL: <https://stat.апи-пресс.рф/stats/ug/t/14/s/17> (дата обращения: 10.11.2022).

8. Сутурина, М. Н. Правоохранительная система государства: теоретико-правовой аспект: дисс. ... канд. юрид. наук. Санкт-Петербург, 2008. 197 с.

9. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. (ред. 24.09.2022) // СЗ РФ. 17.06.1996. № 25. Т. 2954; 26.09.2022. № 39. Ст. 6535.

10. Хомич, В. М., Русецкий, О. В. Правоохранительная составляющая в функциях органов прокуратуры Республики Беларусь (к 100-летию образования системы органов прокуратуры) / В. М. Хомич, О. В. Русецкий // Вестник университета прокуратуры Российской Федерации. 2022. № 2 (88). С. 145–156.

УДК 336
ББК 65.013

Курочкина Юлия Юрьевна
студент группы БкЭ-401
Волгоградский институт управления –
филиал РАНХиГС при Президенте РФ,
Волгоград, Россия

К ВОПРОСУ ОБ ЭТАПАХ РАЗВИТИЯ СОВРЕМЕННОЙ РОССИЙСКОЙ БАНКОВСКОЙ СИСТЕМЫ

Аннотация. В статье предложены этапы развития банковской системы Российской Федерации. На пути к новой трансформации банковской системы важно иметь представление опыта прошлых лет, чтобы не допустить сравнительно похожих ошибок. Целью работы стала периодизация становления банковской системы за последние 30 лет. Существенную роль в изучении вопроса играет проводимая политика регулятора со стороны Центрального Банка России. В ходе исследования было выявлено, какие изменения претерпевал банковский сектор с 1990 по 2022 гг.

Ключевые слова: банковская система, развитие банковской системы, банковский сектор, Банк России, банковские кризисы.

Kurochkina Yulia Yuryevna
student of the Bk-401 group
Volgograd Institute of Management –
branch of RANEPA under the President of the Russian Federation,
Volgograd, Russia

ON THE QUESTION OF THE STAGES OF DEVELOPMENT OF THE MODERN RUSSIAN BANKING SYSTEM

Abstract. The article suggests the stages of development of the banking system of the Russian Federation. On the way to a new transformation of the banking system, it is important to have an idea of the experience of previous years in order to avoid relatively similar mistakes. The aim of the work was to periodize the formation of the banking system over the past 30 years. A significant role in the study of the issue is played by the policy of the regulator on the part of the Bank of Russia. The study revealed what changes the banking sector underwent from 1990 to 2022.

Keywords: banking system, development of the banking system, banking sector, Bank of Russia, banking crises.

Роль банковской системы в национальной экономике очень велика, особенно в сегодняшних условиях, когда финансовая сфера является одной из важнейших составляющих рыночной экономики. Экономическое благополучие, уровень жизни, экономический рост, актуальность современной экономической модели и эффективность экономики страны зависят от того, насколько грамотно и успешно построена банковская система.

Современная банковская система РФ на пути своего становления прошла через множество этапов, которые в свою очередь оставили след как на действующей системе, так и на экономике страны в целом. С 1990 по 2022 гг. Россия пережила несколько экономических

банковских кризисов, повлекшие за собой также изменения в системе, в подходах к регулированию и проведению денежно-кредитной политики. Все это в совокупности продолжает иметь значительную роль и сейчас, когда начинается новая структурная перестройка банковской системы.

Условно периодизация становления современной банковской системы России представляется следующим образом:

Этап первый, 1990–2000 гг.

90-е годы для банковской системы России можно назвать, как и ключевыми, так и переломными, поскольку именно в это время начинает закрепляться правовое положение банков. Зарождение банковской системы прежде всего обусловлено принятием Федерального закона «О банках и банковской деятельности» от 02.12.1990 N 395-1, который до сих пор регулирует всю банковскую сферу, определяет базовые понятия, устанавливает требования и нормы отрасли. Также 13 июля 1990 г. на базе Российского республиканского банка Госбанка СССР был учрежден Центральный банк Российской Федерации (Банк России) [7].

Банковский сектор характеризовался в этот период своим экстенсивным наращиванием, количество банков росло, однако большее количество из них были проблемными: предоставляли недостоверную отчетность и не были способны выполнять определенные требования по своим обязательствам. Так, например, исходя из годовой отчетности ЦБ РФ за 1997 г., можно сделать следующие выводы о допущенных нарушениях со стороны кредитных организаций (далее – КО) [4]:

- 1319 КО не соблюдали установленные экономические нормативы;
- 1064 КО предоставляли недостоверную отчетность;
- 829 КО не соблюдали установленные обязательные резервные требования;
- 776 КО нарушали сроки предоставления отчетности;
- 744 КО проводили рискованную кредитную политику;
- 340 КО характеризовались недостаточностью собственных средств (капитала);
- 1326 КО совершали прочие нарушения.

Все это происходило, несмотря на то, что Банк России начал проводить активную усиленную политику внедрения регулирования и надзора за деятельностью кредитных организаций, за нарушения требований применялись предупредительные и принудительные меры воздействия.

В 1998 г. экономика России переживала наиболее существенные потрясения, вызванные рядом причин: крах рынка ГКО, рост цен на нефть, падение доверия к рублю, резкое сокращение иностранного капитала, девальвация рубля. Характерными чертами кризисной ситуации в этом периоде стало массовое банкротство банков, отток депозитов, высокий уровень просрочки кредитного портфеля, в целом же во время этого этапа, в большинстве своем, банковская система функционировала в период экономической рецессии.

Олег Вьюгин, профессор ВШЭ, говорил: «В 1998 г. банковской системы в России не было: число банков быстро росло (на рис. 1 представлено количество кредитных организаций), сами банки увеличивались в размерах, но это был бизнес, построенный на отсутствии регулирования рисков. Никто не понимал, какие риски на себя берет банк. Казалось, нужно быстрее давать кредиты, чтобы быстро заработать [5]».

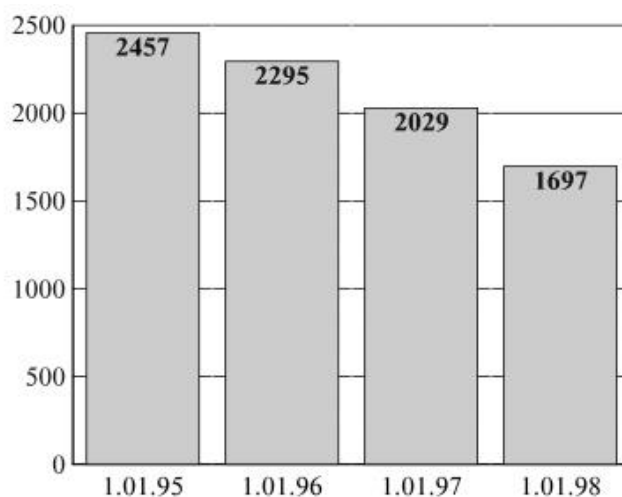

Рис. 1. Количество действующих кредитных организаций, 1995–1998 гг.

В итоге это привело к тому, что на руинах той банковской системы начала строиться новая, хранящая в себе до сих пор опыт прошлого.

Этап второй, 2001–2007 гг.

Начало 2000-х знаменуется экономическим ростом, развитием и реформированием банковского сектора в РФ – это было крайне необходимо для дальнейшего укрепления не только устойчивости финансового сектора, но и экономики всей страны, в общем и целом.

Говоря о системно-значимых нормативно-правовых актах, повлиявших на становление современной банковской системы на данном этапе ее развития, можно упомянуть следующие: 10.07.2002 г. был принят основной документ, регулирующий деятельность Банка России – Федеральный закон «О Центральном банке Российской Федерации»; Федеральный закон «О страховании вкладов в банках Российской Федерации» от 23.12.2003 г., защищающий права и законные интересы вкладчиков, а также способствующий укреплению доверия к банковской системе РФ [7].

Необходимо отметить, что для второго этапа характерно интенсивное развитие банковского сектора, в это время банки расширяли спектр своих услуг, применение новых банковских технологий, широкое использование получил интернет-банкинг, это можно также принять за первый, основной шаг к цифровизации банковской системы, той, что мы, например, имеем сейчас. В этот период возобновился рост межгосударственных финансовых потоков, которые в свою способны постепенно привести как можно больше эффективных внешних вложений в экономику нашей страны.

По мнению аналитиков, говорить о создании полноценной банковской системы в РФ можно говорить только в начале 21 века, когда она только была создана. В 2003 г. ее можно описать стабильным устойчивым ростом, когда наращение активов и капитала было довольно высоким не только в номинальном выражении, но и в реальном: среднегодовые темпы роста активов и капитала за 2000–2008 гг. составили 36 и 44 % соответственно [1]. Благодаря стабильной макроэкономической ситуации и в целом благоприятной внешнеэкономической конъюнктуре стало возможным дальнейшее улучшение платежного баланса России.

Этап третий, 2008–2009 гг.

Период характеризуется кризисом банковской системы, продолжительной ее стагнации. Все началось с того момента, когда в США лопнул финансовый пузырь на рынках ипотечного кредитования и финансовых инструментов. Но даже несмотря на то, что первое по-

лугодие 2008 г. в России знаменовалось значительным подъемом показателей экономического роста, высокими темпами роста финансового сектора, инвестиционной сферы, а также и ВВП, данный финансовый кризис заметно сказался на российской экономике и выявил такие уязвимости, как недостаточное хеджирование и превалирование внебиржевых рынков над биржевыми [3, с. 48].

То, с какой силой и скоростью развертывался экономический кризис 2008 г., служит его главной отличительной особенностью, как в российской, так и в мировой практике изучения данного экономического кризиса. Всего за несколько месяцев Россия и ряд других ведущих развивающихся стран погрузились в «кризисный пузырь».

Экономически развитые страны, в попытках избежать краха банковской системы и дефляционного шока, в своих мерах денежно-кредитной политики предпринимали довольно агрессивные меры поддержания устойчивости банковской системы. Это достигалось путем предоставления ликвидности банкам, расширения гарантий по вкладам для физических лиц, выкупа части коммерческих банков и др. то же самое предпринималось и в России. Также предполагалась попытка стабилизации биржевых индексов, но государство отказалось от этой идеи, потому как это не являлось первостепенной сферой для концентрации ресурсов государства [6].

Этап четвертый, 2010–2013 гг.

Во время четвертого этапа развития банковской системы России продолжалось время глобальной финансовой неустойчивости, поэтому приходилось действовать в рамках замедленного темпа экономического роста.

Это переходный период, когда экономики стран справлялись с последствиями кризисов, банковский сектор вновь наращивал свои активы и капитал, что сопровождалось ростом потребительского кредитования, ужесточением требований к собственным средствам и резервам со стороны органов регулирования.

В 2013 г. Банк России получил функцию мегарегулятора, что означало переход к нему полномочий по регулированию и надзору за участниками финансового сектора; начал выстраивание политики на достижение таргетированной инфляции, утвердил символ рубля и принял участие в совершенствовании пенсионного и страхового рынков. Во всей финансовой среде происходили качественные изменения, которые повлияли на жизнь всего населения.

В это время также продолжает формироваться национальная платежная система, согласно положениям Федерального закона от 27.06.2011 «О национальной платежной системе», способная удовлетворить запросы потребителей банковских услуг путем обеспечения высоких технологических решений, доступности и безопасности проводимых операций.

К концу 2013 г. уровень достаточности капитала банков стабилизировался, а в общем роль банковского сектора значительно возросла в структуре российской экономики.

Этап пятый, 2014–2021 гг.

Период современного развития банковской системы, углубление в цифровые процессы при разработке положений дальнейшего пути банковского сектора. Так, в 2015 г. в России появилась собственная национальная платежная система «Мир». Ключевым фактором в экспансии национальной платежной системы, несомненно, является обеспечение самого суверенитета платежного пространства РФ. Разработчики НПС «Мир» в своих докладах гарантируют безопасные и бесперебойные выполнения транзакций по выпущенным банковским картам [7].

Однако не следует забывать о том, что для этого периода времени характерны несколько кризисов, которые так или иначе тоже затронули банковскую систему, проверяя ее на прочность и устойчивость к возникающим шокам.

Среди особенностей кризиса 2014–2015 гг. можно выделить его локальный характер, так как развивался он лишь в России, в то время как в Европе или США экономические показатели росли вверх. Также резко подорвалось доверие к России как к стране из-за вынужденной девальвации рубля [11, с. 26]. Многие деятели экономики считают, что кризис 2014 г. был «рукотворным, самодельным» и произошел из-за неправильных действий правительства РФ. Из-за резкого обвала рубля были опасения того, что государство объявит дефолт, как было в 1998 г., либо же этот кризис ещё пагубнее повлияет на Россию, нежели его «предшественники».

Кризис 2020 г. имел для всех отраслей экономики существенный вес, казалось, продолжительная рецессия неминуема, однако благодаря эффективным предпринятым мерам Правительства РФ и ЦБ РФ, удалось смягчить негативные последствия кризиса: ВВП за год сократился на 3 % несмотря на то, что в начале пандемии прогнозировали намного больший спад. Удалось сохранить потенциал банков по кредитованию экономики, сохранить высокую долю прибыли кредитных организаций, продолжилось развитие нового конкурентного сервиса от НСПК – Системы быстрых платежей, а также анализ перспектив внедрения цифрового рубля.

Этап шестой, 2022–...

Выделение 2022 г. как отдельного этапа в развитии современной банковской системы не случайно, поскольку именно в этом году страна столкнулась с новыми санкционными шоками, по степени тяжести и масштабируемости которые оказывают сильное давление на банковский сектор России. Это происходит вследствие того, что система еще не успела до конца оправиться от кризиса, вызванного пандемией, а также с тем, что продолжительность введенных санкций неизвестна, однако не стоит ждать того, что в ближайшем будущем они все же будут сняты. Именно поэтому сегодня перед российской банковской системой стоит новая важнейшая задача – адаптация и трансформация сектора под условия нынешней реалии.

Этап седьмой, банковский сектор будущего

В 2018 г. центр по развитию инноваций McKinsey&Company подготовил исследование «Инновации в России – неисчерпаемый источник роста», в рамках которого аналитики выдвинули следующую гипотезу: «У российской банковской системы есть шансы стать одной из самых передовых в мире».

Банковский сектор будущего представляет собой двигатель внедрения цифровых и технологических решений, поставщика потенциальных кадров в другие отрасли. Крупные банки, реализуя комплексную цифровую трансформацию, предоставляют своим клиентам широкий спектр услуг в своих экосистемах. Небольшие банки становятся нишевыми игроками, обслуживающими сегменты, которые не охвачены экосистемами крупных банков. Клиенты смогут получать дополнительные услуги от своего банка в области телекоммуникаций, розничной торговли, образования и здравоохранения. Предложения будут персонализированы, а скорость выполнения банковских операций значительно возрастет [2].

Таким образом, периодизация становления современной банковской системы России можно условно разделить на шесть основных этапов и один дополнительный. На протяжении всей своей 30-летней истории развития банковский сектор претерпевал изменения, взлеты и падения, но все это в конечном итоге было необходимо для его дальнейшего потенциального роста. Стоит отметить, что даже в периоды кризисных ситуаций в экономике и банковских сферах, продолжалось постепенное развитие конкурентных преимуществ национальной банковской системы, которая сегодня может оцениваться наравне с другими мировыми системами.

Список литературы

1. Безверхняя, О. Н. Некоторые аспекты развития современной банковской системы Российской Федерации // Потенциал российской экономики и инновационные пути его реализации. 2016. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=26588993> (дата обращения: 21.11.2022).
2. Инновации в России – неисчерпаемый источник роста – [Электронный ресурс]. URL: https://www.mckinsey.com/~media/McKinsey/Locations/Europe%20and%20Middle%20East/Russia/Our%20Insights/Innovations%20in%20Russia/Innovations-in-Russia_web_lq-1.ashx (дата обращения: 21.11.2022).
3. Новик, И. В. Финансовый кризис 2008 г. Тест для финансовой системы России // Вестник РГГУ. Серия «Экономика. Управление. Право». 2010. № 6. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/finansovyy-krizis-2008-g-test-dlya-finansovoy-sistemy-rossii-1> (дата обращения: 21.11.2022).
4. Отчет Центрального банка Российской Федерации за 1997 год // Центральный банк Российской Федерации: официальный сайт. 2022. URL: http://www.cbr.ru/collection/collection/file/7816/ar_1997.pdf (дата обращения: 20.11.2022).
5. Почему за 20 лет Россия так и не перешла от стагнации к развитию URL: <https://www.vedomosti.ru/economics/articles/2019/10/08/813068-20-let-stagnatsii> (дата обращения: 19.11.2022).
6. Российская экономика в 2008 году тенденции и перспективы – [Электронный ресурс]. URL: <https://www.iep.ru/files/text/trends/2008/2008.pdf> (дата обращения: 21.11.2022).
7. Центральный банк Российской Федерации: официальный сайт. 2022. URL: <https://www.cbr.ru> (дата обращения: 20.11.2022).

УДК 37.015.3
ББК 88.6

Малявина Светлана Сергеевна
кандидат психологических наук, доцент,
доцент кафедры социологии, общей и юридической психологии,
Волгоградский институт управления –
филиал РАНХиГС при Президенте РФ,
Волгоград, Россия

ОБРАЗОВАНИЕ В УСЛОВИЯХ ТРАНЗИТИВНОГО МИРА

Аннотация. В статье представлено описание состояния современного общества, которое характеризуется неопределенностью и изменчивостью, раскрыты особенности трансформации образовательной системы в условиях транзитивной реальности, описаны педагогические наработки автора по трансформации образовательного процесса вуза в условиях транзитивного мира.

Ключевые слова: транзитивность, изменчивость, неопределенность, образование, педагогические технологии.

Malyavina Svetlana Sergeevna
Candidate of Psychological Sciences, Associate Professor,
Associate Professor of the Department of Sociology,
General and Legal Psychology,
Volgograd Institute of Management –
branch of RANEPA under the President of the Russian Federation,
Volgograd, Russia

EDUCATION IN A TRANSITIVE WORLD

Abstract. The article presents a description of the state of modern society, which is characterized by uncertainty and variability, reveals the features of the transformation of the educational system in a transitive reality, describes the pedagogical developments of the author on the transformation of the educational process of a university in a transitive world.

Keywords: transitivity, variability, uncertainty, education, pedagogical technologies.

Потребности современного общества постоянно расширяются, что требует роста человеческого потенциала. Постоянная изменчивость окружающего мира и его неопределенность, также множественность социокультурных контекстов являются основными характеристиками транзитивного мира. Социокультурная транзитивность представляет собой существенный вызов современности. Конец XX и начало XXI в. стало временем вызова для гуманитарной науки, социокультурной практики и отдельной личности. С каждым десятилетием изменяются значимые явления, ускоряются процессы во всех областях жизни современного общества. Общество находится в постоянном динамичном состоянии, успешность, эффективность и даже просто адаптированность личности возможны за счет готовности к изменениям и изменчивости самой личности. Но подобное состояние изменчивости и требуется быть постоянно готовым к изменениям, сохраняя при этом свою неповторимую значимость.

В литературе можно обнаружить два основных направления в понимании транзитивности общества. Первое трактует транзитивность как переход между различными этапами развития общества, характеризующийся неопределенностью вследствие совмещения характеристик (норм, правил, закономерностей) предыдущего периода и начала формирования этих характеристик нового, предстоящего этапа. Таким образом, исчезает четкость и однозначность ориентиров, формируются новые культурно-социальные явления, противоречащие или как минимум не соответствующие предыдущим.

Второй подход также подразумевает описание транзитивности как переходного этапа, но дополняет его такими чертами, как неопределенность, неоднозначность, изменчивость и зачастую отсутствие согласованности между различными социальными процессами. Это приводит к большому количеству альтернатив в социальном поведении, разнообразию форм социальной жизни.

Вместе с тем, в работах Е. М. Дубовской и Т. Д. Марцинковской отмечается, что транзитивные периоды можно считать особым типом социального, культурного и экономического взаимодействия, так как граница между переходными и стабильными периодами стирается. Изменчивость и неопределенность становятся постоянными чертами общества, лишь усиливаясь или уменьшаясь в разные периоды [1, 2].

Понятие «транзитивность» в социальном контексте подразумевает под собой изменчивость, нестабильность, множественность и неоднозначность культурных и социальных явлений.

Транзитивное состояние современного мира запускает процессы изменений, трансформаций во всех пластах социальных отношений, в том числе и в системе образования. Педагог уже не является единственным источником знаний, единственным специалистом, обладающим ресурсами трансляции знаний подрастающему поколению. В частности, получает значительное распространение передача социального опыта внутри одного поколения, в то время как «традиционный» вариант предполагает передачу опыта от старших поколений младшим. При повышении нестабильности и динамичности общества даже более молодые поколения могут передавать социальный опыт старшим. Меняются не только пути социализации, но и ее общий процесс – он усложняется и становится более продолжительным по времени. Удлинение периода социализации также относится к одной из особенностей транзитивного мира.

Транзитивность современного мира становится вызов и для системы образования, которая должна измениться и подготовить представителей подрастающего поколения к полноценному существованию в неопределенной, изменяющейся реальности.

Усложнение социальных процессов и предметной реальности приводит к усилению разрыва между поколениями, поскольку динамичные изменения быстро приводят к потере актуальности опыта более старших поколений. Подобная тенденция значительно осложняет образовательный процесс в современном мире. Представителям старшего поколения сложнее искать стратегии передачи знаний, потому что часть из этих знаний воспринимаются представителями молодого поколения как «устаревшие и ненужные». Наиболее важными образовательными умениями становится способность быстро адаптироваться к изменениям, умение находить и использовать информацию.

Таким образом наиболее ценным образовательным ресурсом в транзитивном обществе является не социальный опыт, представленный объемом знаний, умений и навыков, а эффективность в поиске информации и овладения навыками. Образовательные задачи смещаются с передачи содержания к передаче технологий в работе с информацией, ее переработка и

трансформирование, формированию критического мышления и его активное использование в процессе работы с информацией.

Образование в условиях транзитивного мира трансформирует не только сущность образовательного процесса, но и трансформирует классическую модель отношений «преподаватель-ученик» в модель «партнеры образовательного процесса», что накладывает табу на представление об учащемся как сосуде, подлежащем заполнению. Задача педагогов различных ступеней образовательной системы разработать, апробировать и внедрить педагогические технологии, которые позволят оптимизировать образовательный процесс в транзитивном мире: научить оперировать информационными потоками, находить оптимальные решения в условиях неопределенности, огромного выбора и постоянного совершенствования знаний, которые были накоплены в обществе.

В рамках собственной педагогической деятельности мы пробуем искать педагогические технологии образования в условиях транзитивного мира. Раскроем, некоторые из разработанных педагогических приемов.

В рамках академических учебных курсов высшего образования мы уделяем значительное внимание формированию критического мышления будущих профессионалов. Сначала студенты учатся проводить критический анализ теоретических концепций, эмпирических исследований по простой схеме: выделение достоинств, недостатков перспектив использования изучаемых материалов. Постепенно к данным пунктам критического анализа добавляем возможности интеграции, перекрёстного анализа полученных результатов с материалами других исследований на содержательно близкую тему, совместное формирование «научного поля» той или иной психологической проблемы.

Доступность студентов к информационным ресурсам в транзитивном мире позволяет нам начать активно использовать диалогичность образовательного процесса. Суть данной педагогической техники сводится не к трансляции знаний, а совместному поиску знаний, его критическому осмыслению, переработки, дискуссионному обсуждению, формированию системного, а не элементарного, отрывочного знания.

Ценность контроля эффективности образовательного процесса сохраняется и в транзитивном мире. Сменяются акценты с «контроля усвоения знаний» к контролю «оперирования информацией».

В процессе образовательной работы мы пришли к двум вариантам итогового контроля, которые дополняют друг друга. Учебный студенческий проект и дифференцированный экзамен.

Проект предполагает самостоятельную работу студента над комплектом задач и заданий, часть из которых имеет целью формирование обобщенной системы знаний по предмету, а часть заданий носит созидательный, творческий характер. Студент структурирует знание в его персональную систему, удобную для использования в дальнейшей практической деятельности.

Дифференцированный экзамен учитывает вариативность притязаний и потребностей, уровня знаний студентов, создает дополнительные условия для стимулирования учебной активности студентов, стимулирует студентов к формированию стремления к достижению цели той степени сложности, на которую человек считает себя способным.

В нашем опыте мы предлагаем контроль знаний, дифференцируя его на три уровня сложности. Базовый уровень освоения образовательного курса предполагает наличие минимального уровня знаний (уровень репродуктивного освоения).

Продвинутый уровень освоения образовательного курса включает глубокое, развёрнутое видение основных вопросов. Видение нескольких точек зрения на проблему, понимание существующих противоречий в научном знании.

Исследовательский уровень освоения образовательного курса предполагает системное видение проблем, понимание интегративной связи внутри науки и междисциплинарные связи, критический анализ фактического материала.

Наши способы трансформации образовательного процесса, педагогических технологий представляют собой только начало поиска новых подходов к образованию в условиях транзитивного мира. Остается открытым вопрос о том, чтобы найти ключевые системообразующие знания, которые необходимо формировать. Ключевой особенностью образования в транзитивном мире мы видим гибкость, потребность в изменении исходя из существующей реальности, но сохранение ядро системного научного знания.

Список литературы

1. Дубовская, Е. М. Транзитивность общества как фактор социализации личности [Электронный ресурс] / Е. М. Дубовская // Психологические исследования. 2014. Т. 7. № 36. С. 7. URL: <http://psystudy.ru> (дата обращения: 12.09.2021).
2. Марцинковская, Т. Д. Информационное пространство транзитивного общества: проблемы и перспективы развития [Электронный ресурс] / Т. Д. Марцинковская // Консультативная психология и психотерапия. 2019. Т. 27. № 3. С. 77–96. – Режим доступа : https://psyjournals.ru/files/108509/cpp_2019_n3_Martsinkovskaya.pdf.
3. Головин, А. В. Диалектика традиций и инноваций в образовании (сущность и содержание инноваций в системе образования) / А. В. Головин // Медицина и образование в Сибири. 2008. № 2.
4. Егорычев, А. М. Традиции и инновации в мировой системе образования: поиск оптимального варианта / А. М. Егорычев // Актуальные проблемы филологии и методики преподавания иностранных языков. 2013. № 7. С. 129–141.
5. Крылов, О. Н. Традиции и инновации в содержании образования. / О. Н. Крылов // Человек и образование. 2006. № 4–5. С. 70–73.
6. Ховина, Т. В. Традиции и инновации в образовательном процессе / Т. В. Ховина // Педагогика: традиции и инновации: материалы V Междунар. науч. конф. (г. Челябинск, июнь 2014 г.). Челябинск: Два комсомольца, 2014. С. 13–16.

УДК 159.99
ББК 88.3

Медникова Екатерина Сергеевна
студент группы 502,
Толстикова Анна Александровна
студент,
Люсова Оксана Валерьевна
кандидат психологических наук, доцент,
доцент кафедры общей и клинической психологии,
Волгоградский государственный медицинский университет,
Волгоград, Россия

ФЕНОМЕН СОЗАВИСИМОСТИ С ПОЗИЦИЙ КОГНИТИВНО-ПОВЕДЕНЧЕСКОГО И ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНО-ГУМАНИСТИЧЕСКОГО ПОДХОДОВ В ПСИХОТЕРАПИИ

Аннотация. Современное транзитивное общество вызывает значительные проблемы, связанные с деструктивными формами поведения, среди которых особое внимание следует уделить проблемам созависимого поведения. Целью исследования является определение феномена созависимости с позиций когнитивно-поведенческого и экзистенциально-гуманистического подхода в психотерапии. Анализ теоретической основы данных направлений дал комплексное представление о феномене созависимости. При сравнении были обнаружены различия, касающиеся природы созависимости и методов психотерапии, и схожесть взглядов на особенности и проявления созависимости, достижения клиентом самостоятельности и его внимания к собственным потребностям.

Ключевые слова: созависимость, зависимость, психотерапия, анализ, сравнение.

Mednikova Ekaterina Sergeevna
student of group 502,
Tolstikova Anna Aleksandrovna
student,
Ljusova Oksana Valeryevna
Candidate of Psychological Sciences, Associate Professor,
Associate Professor of the Department of General and Clinical Psychology,
Volgograd State Medical University,
Volgograd, Russia

CODEPENDENCE PHENOMENON IN COGNITIVE-BEHAVIORAL AND EXISTENTIAL-HUMANISTIC APPROACH IN PSYCHOTHERAPY

Abstract. The modern transitive society causes significant problems associated with destructive forms of behavior, among which special attention should be paid to the problems of co-dependent behavior. The aim of the study is to determine the phenomenon of codependence from the standpoint of the cognitive-behavioral and existential-humanistic approach in psychotherapy. The analysis of the theoretical basis of these directions gave a comprehensive idea of the phenomenon of codependency. The comparison revealed differences regarding the nature of codependency and methods of psychotherapy, and the similarity of views regarding the characteristics and manifestations of codependence, the client's achievement of independence and his attention to his own needs.

Keywords: codependency, dependence, psychotherapy, analysis, comparison.

Современное транзитивное общество вызывает значительные проблемы, связанные с деструктивными формами поведения, которые выступают как реакция на фрустрирующие события, стрессоры и ситуации неопределенности в виде ухода от травмирующей реальности. Это, в свою очередь, влечет за собой целый ряд зависимых форм поведения.

Среди форм зависимостей стоит отметить такое явление как «созависимость». Чаще всего созависимость определяют как дисфункциональные отношения с зависимым человеком, в других же случаях созависимость рассматривают как любовную аддикцию.

Человек, находясь в созависимых отношениях с зависимостью, играет роль либо активатора, либо зависимого. Роль активатора, как и жертвы, фокусируется на защите зависимого человека от последствий употребления ПАВ. В данном случае, зависимый человек не почувствует всю тяжесть последствий своей зависимости и, таким образом, усиливает зависимость. Таким образом, работа психологов и психотерапевтов будет продуктивнее, если она носит комплексный характер работы и с зависимым, и с созависимым. В связи с этим, в психологии возникло направление, связанное с изучением явления созависимости [6].

Целью исследования является определение феномена созависимости с позиций когнитивно-поведенческого и экзистенциально-гуманистического подхода в психотерапии.

В соответствии с целью исследования были выдвинуты следующие задачи:

- 1) изучить явление созависимости с позиций таких направлений психотерапии как когнитивно-поведенческая и экзистенциально-гуманистическая;
- 2) проанализировать особенности терапии созависимости с точки зрения данных направлений;
- 3) сравнить определение, видение и подходы к терапии созависимой личности в данных направлениях.

С точки зрения когнитивно-поведенческой терапии (КПТ), созависимость представляется как индивидуальный набор различных дисфункциональных мыслей и чувств, а также поведения, которые не только ухудшают жизнь самого человека, но и не помогают второму, страдающему от зависимости, измениться. При этом в основе подобной реакции лежит забота о близком и искреннее желание помочь.

Также созависимое поведение рассматривается как результат несформированности навыков ассертивности, куда относятся навыки уверенности в себе; умение самостоятельно регулировать свое поведение, отвечать за него вне зависимости от оценок и влияния других людей [6].

Для созависимости, с точки зрения КПТ, будет свойственно ошибочное мышление или когнитивные искажения, отношение по принципу «все или ничего», а также установка долженствования. При созависимости плохие поступки других часто персонализируются в качестве проявлений испорченности другого человека без попытки найти рациональное объяснение их поведению. При дихотомическом мышлении человек видит в каждой ситуации только два варианта и забывает о вариативности, а с установкой долженствования человек исходит из утверждения, что лучше других знает, как им себя вести, и любые отклонения от этих ожиданий расцениваются как исключительно плохие поступки [6].

В КПТ отмечается то, как выборочное восприятие и когнитивные искажения усугубляют существующую проблему, в данном случае – созависимость. Ошибочное мышление, свойственное созависимости, только усиливает боль, обиду и саму созависимость. Такие люди зачастую думают, как плохо или эгоистично иметь собственные интересы, и в результате испытывают чувство вины из-за нормальной потребности «заботы о себе». В такой ситуации для совладания формируются неадаптивные способы удовлетворения собственных потреб-

ностей или отрицание их наличия, а также сверхкомпенсация чувства вины сосредоточенностью на потребностях других.

Иное определение созависимости дает экзистенциально-гуманистическая психотерапия. Созависимость – это специфическое состояние человека, характеризующееся чрезмерной озабоченностью, поглощенностью Другим, выражаясь в эмоциональной, социальной и иногда в физической зависимости от него. Созависимые зачастую стремятся обрести «ценность в глазах других» вместо самооценности. Они одержимы управлением поведением Другого и не заботятся об удовлетворении собственных жизненно важных потребностей.

Созависимые люди вступают в отношения с лицами, у которых сформирована зависимость от ПАВ, потому что зависимые требуют больше внимания, что становится целью жизни созависимого, которая помогает им самоутверждаться за счет заботы о зависимом партнере и попыток его изменить.

Представители данного подхода видят корни созависимых отношений в экзистенциальных мотивациях человека, а именно: побег от свободы в Другом, снятие ответственности и перекладывание ее на близкого Другого [2].

Так, В. Франкл, считает, что здоровые отношения могут стать таковыми только если в них входят сформировавшиеся личности. В ином случае, один из партнеров «растворится» в другом и потеряет аутентичность, то есть лишится способности оставаться собой, быть настоящим и следовать собственным представлениям о жизни независимо от жизненных обстоятельств [7].

Следующий экзистенциалист, А. Лэнгле так же, как и В. Франкл, считает, что только зрелые личности, которые познали себя, приняли свободу и ответственность, могут избежать созависимых отношений [4].

О бегстве от ответственности за свою жизнь и потере аутентичности и своей ценности быть свободным говорил и другой экзистенциалист Дж. Бьюджинталь. Созависимая личность, «растворяясь» полностью в Другом и проживая «чужую жизнь», отказывается от своей жизни [1]. А. Р. Мей объясняет это бегство человеческим страхом встретиться лицом к лицу с самим собой, принять себя таким, какой он есть.

С точки зрения гуманистической теории К. Роджерса, созависимый человек изолируется от своего «Я-реального». В каждом человеке существует тенденция к достижению самоактуализации, которая может быть достигнута приближением «Я-реального» к «Я-идеальному». Но в случае созависимости личность стремится слиться с «Я-идеальным» зависимого человека, что лишь отдаляет созависимого не только от «Я-идеального», но и от «Я-реального» [2].

Согласно взглядам А. Маслоу, основным источником человеческой деятельности является также потребность в самоактуализации, однако у зависимых и созависимых пациентов эта потребность заблокирована, так как собственные потребности не удовлетворяются [2].

Таким образом, в рамках данного подхода созависимая личность, игнорируя собственные желания и потребности, «утопает» в значимом Другом, в котором и видит свой смысл жизни и которым стремится залатать «дыру в Я», тот самый структурный дефицит в границе Я человека.

Стоит обратить внимание, что описание созависимости в данных направлениях имеет не только принципиальные различия, которые исходят из различия их предмета изучения, но и сходства. Итак, можно выделить следующие характеристики созависимой личности:

- 1) низкая самооценка;
- 2) потеря ощущения внутренних психологических границ своих и чужих;
- 4) неумение разграничить ответственность за себя и за другого;

5) компульсивное желание контролировать жизнь других. Тотальный контроль над жизнью зависимого. При этом контроль объясняется заботой и любовью по отношению к значимому Другому;

б) чрезмерная озабоченность, которая дает основание созависимым чувствовать себя постоянно нужными и незаменимыми [5].

«Спасая» химически зависимого больного, созависимые неизбежно подчиняются закономерностям, известным под названием «Драматический треугольник С. Карпмана». Созависимые пытаются «спасать», потому что для них это легче, чем переносить дискомфорт и неловкость, а порой и душевную боль, сталкиваясь с неразрешенными проблемами. Фактически сами созависимые участвуют в процессе собственной виктимизации. Сдвиг ролей в треугольнике сопровождается изменением эмоций, причем довольно интенсивных. Человек может находиться в роли «спасателя» от нескольких секунд до нескольких лет, за один день можно по несколько раз попеременно побывать в роли спасателя – преследователя – жертвы.

В качестве подходов к терапии созависимости следует рассмотреть когнитивно-поведенческий и экзистенциально-гуманистический.

Когнитивно-поведенческая терапия будет успешна в работе с данным феноменом, т.к. поможет освободиться от созависимости путем изменения собственных мыслей, убеждений и формы поведения. Данный подход основывается на обучении навыкам, которые помогают найти собственные источники позитивных изменений. Достигается это благодаря терапевтическим домашним заданиям, за выполнение которых отвечает сам клиент [6].

Основной путь в преодолении созависимости представлен в пошаговой работе, где ставятся цели, выполняются и отрабатываются упражнения, проводится рефлексия. Первый шаг заключается в постановке собственных целей, выявлении и изменении негативных стереотипов мышления. Клиент ставит под сомнение и изменяет свои негативные мысли. На следующем этапе происходит распознавание триггеров и привыкание к ним. Это обозначается как «превентивное реагирование» – зная свои триггеры, клиент может научиться реагировать иначе, заранее продумывая, что будет делать. Четвертый шаг заключается в решении проблем в созависимых отношениях, где человек учится определять проблему, рассматривает варианты решения и реализует наиболее приемлемый. И, наконец, последний шаг, он учится управлять конфликтами и эмоциями, а также обучается техникам снижения уровня стресса и успокоения разума, куда входят дыхательные техники, медитация, йога.

Так, стоит отметить Кристалла Мацола, который в своей книге «TheCodependencyRecoveryPlan: A 5-StepGuidetoUnderstand, AcceptandBreakFreefromtheCodependentCycle» описывает основные шаги преодоления созависимости. Чтобы освободиться от «оков созависимости» необходимо: найти свое «Я» и научиться быть самостоятельным; научиться заботиться о себе; отстаивать личные границы; общаться открыто; не бояться близости. Также, с опорой на книгу была создана рабочая тетрадь, где описаны конкретные стратегии и упражнения, которые помогут убрать шаблоны взаимозависимости и восстановить границы в отношениях с близкими [6].

Важным моментом в экзистенциально-гуманистической терапии (ЭГТ) созависимости является ориентация в работе на развитие идентичности клиента. Необходимо помнить, что Другой выполняет структурообразующую функцию, придающую созависимому ощущение целостности его Я.

Основной целью ЭГТ в таком случае будет являться создание условий для психологического взросления и развития собственного «Я». Для достижения этой цели необходимо решить следующие задачи: восстановление психологических границ, обретение чувстви-

тельности клиента, контакт со своими потребностями и желаниями, научение новым моделям свободного поведения.

Критерием успешной психотерапевтической работы будет являться возникновение у клиента собственных желаний, открытие в себе новых чувств, переживание новых качеств своего Я, на которые он сможет опираться, а также способность оставаться в одиночестве [5].

Процесс психотерапии клиента с созависимостью является долгосрочным проектом, так как терапия направлена не на конкретную проблему человека, а на изменение его картины Мира и следующих структурных компонентов: Я-концепция, концепция Другого и концепция Жизни.

Для сравнения двух направлений психотерапии относительно феномена созависимости были выделены несколько критериев. Критерии и результаты сравнения приведены в таблице 1, где можем наблюдать наличие различий и сходств, несмотря на существенное отличие предмета изучения – поведение человека в рамках когнитивно-поведенческого подхода и личность клиента в рамках экзистенциально-гуманистического.

Анализ теоретической основы когнитивно-поведенческого и экзистенциально-гуманистического направления был необходим для всеобъемлющего представления о феномене созависимости, который теперь представляется как комплексное нарушение когнитивной и личностной сфер человека, находящегося в любовных отношениях или чаще всего в различных межличностных отношениях с зависимым больным, которое проявляется чрезмерной заботой, опекой и контролем, в пренебрежении собственными желаниями и потребностями, а также в страхе выйти из данных отношений.

Таблица 1

Сравнение когнитивно-поведенческой и экзистенциально-гуманистической психотерапии созависимости

Критерии	Когнитивно-поведенческая терапия	Экзистенциально-гуманистическая терапия
Причины	Искажения мышления; неадаптивное поведение	Нарушение «Я-концепции»; Другой как цель и смысл жизни
Проявления	Неудовлетворенность потребностей; чрезмерная забота и контроль; низкая самооценка	Низкая самооценка; нарушение психологических границ; пренебрежение собственными желаниями и потребностями; чрезмерная озабоченность и поглощенность другим
Цель терапии	Изменения собственных мыслей, убеждений и формы поведения, и формирование самостоятельности	Достижение психологической автономии путем создания условий для психологического взросления созависимого и развития собственного Я
Направленность терапии	Изменение негативных стереотипов мышления, формирование навыков ассертивности, обучение навыкам саморегуляции	Обретение чувствительности к своему Я, его интеграция, изменение «Я-концепции», формирование функционально эффективной границы Я

При сравнении точек зрения данных направлений на явление созависимости и соответствующих подходов к ее терапии, можно отметить не только существенные различия касательно природы созависимого поведения и методам психотерапии, но и значимую схожесть взглядов относительно характеристики и проявлений созависимости, достижения клиентом самостоятельности и обращение им внимания на собственные потребности.

Список литературы

1. Бьюдженталь, Дж. Искусство психотерапевта. СПб.: Питер, 2001. 304 с.
2. Галин, К. О. Концептуализация созависимых отношений в семье с позиции экзистенциальной психологии // Развитие личности: психолого-педагогические проблемы. 2019. С. 64–67.
3. Емельянова, Е. В. Кризис в созависимых отношениях. Принципы и алгоритмы консультирования / Е. В. Емельянова; Е. В. Емельянова. Санкт-Петербург: Речь, 2004.
4. Лэнгле, А. Любовь: попытка экзистенциального анализа [Электронный ресурс]: доклад, прочитанный на факультете Психологии МГУ 29.02.2008. URL: https://www.youtube.com/watch?time_continue=180&v=Zq2pp2NW6uE (дата обращения: 17.11.2022)
5. Малейчук, Г. И. Особенности психотерапевтической работы с клиентами с зависимой структурой личности // Журнал практической психологии и психоанализа. 2012. Т. 2.
6. Созависимость: рабочая тетрадь. Простые упражнения для обретения и поддержания собственной независимости / Кристал Маццола; пер. с англ. А. Н. Шляховой. Киев : “Диалектика”, 2021. 160 с.
7. Франкл, В. Человек в поисках смысла: сборник: общ. ред. Л. Я. Гозмана и Д. А. Леонтьева; пер. с англ. и нем // М.: Прогресс. 1990. С. 368.

УДК 159.99
ББК 88.3

Мелихова Ксения Юрьевна

педагог-психолог,

*МОУ «Средняя школа № 77 Кировского района Волгограда»,
Волгоград, Россия,*

Забродина Татьяна Игоревна

кандидат педагогических наук, доцент,

*доцент кафедры социологии, общей и юридической психологии,
Волгоградский институт управления –
филиал РАНХиГС при Президенте РФ,
Волгоград, Россия*

ОСОБЕННОСТИ САОМОТНОШЕНИЯ ЛИЧНОСТИ И ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ БЛАГОПОЛУЧИЕ В ЮНОШЕСКОМ ВОЗРАСТЕ

Аннотация. Для успешной адаптации в сложном современном мире необходимы высокие уровни психологического благополучия и самоотношения. В статье уточняется структура и содержание системного состояния личности – психологического благополучия. Проведено обобщение теоретических исследований отечественных и зарубежных авторов различных аспектов понятий самоотношение и психологическое благополучие. Целью работы являлось: выявление соотношения психологического благополучия и самоотношения личности в юношеском возрасте. Общая гипотеза исследования заключается в предположении, что существует соотношение между уровнем психологического благополучия и уровнем самоотношения. Объект эмпирического исследования: студенты ВГУ РАНХиГС и ФГБОУ ВО Волгоградский ГАУ, обучающиеся на специальностях «Психология», «Психология служебной деятельности», «Экономическая безопасность» и «Экономика». Всего в исследовании приняли участие 120 респондентов. Для проверки гипотез были использованы следующие методики: опросник самоотношения (Столин В. В., Пантеев С. Р.) и шкала психологического благополучия Рифф в адаптации и модификации Т. Д. Шевеленкова, П. П. Фесенко, 2005. В результате мы выяснили, что психологическое благополучие взаимосвязано с самоотношением личности определённым образом – существуют значимые взаимосвязи между уровнем психологического благополучия и уровнем самоотношения.

Ключевые слова: психологическое благополучие, самоотношение, счастье, ощущение удовлетворенности, самореализация.

Melikhova Ksenia Yuryevna

teacher-psychologist,

*MOU «Secondary school No. 77 of the Kirovsky district of Volgograd»,
Volgograd, Russia,*

Zabrodina Tatiana Igorevna

Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor,

*Associate Professor of the Department of Sociology, General and Legal Psychology,
Volgograd Institute of Management –
branch of RANEPa under the President of the Russian Federation,
Volgograd, Russia*

FEATURES OF THE PERSONALITY'S SELF-ATTITUDE AND PSYCHOLOGICAL WELL-BEING IN ADOLESCENCE

Abstract. For successful adaptation in the complex modern world, high levels of psychological well-being and self-attitude are necessary. The article clarifies the structure and content of the sys-

temic state of personality – psychological well-being. The generalization of theoretical studies of domestic and foreign authors of various aspects of the concepts of self-attitude and psychological well-being is carried out. The purpose of the work was: to identify the correlation of psychological well-being and self-attitude of the individual in adolescence. The general hypothesis of the study is the assumption that there is a correlation between the level of psychological well-being and the level of self-attitude. The object of empirical research: students of the RANEPА VIU and the Volgograd State Pedagogical University, studying in the specialties «Psychology», «Psychology of official activity», «Economic Security» and «Economics». A total of 120 respondents took part in the study. The following methods were used to test hypotheses: self-attitude questionnaire (Stolin V. V., Pantileev S. P.) and the scale of psychological well-being Riff in the adaptation and modification of T. D. Shevelenkova, P. P. Fesenko, 2005. As a result, we found out that psychological well-being is interconnected with a person's self-attitude in a certain way – there are significant relationships between the level of psychological well-being and the level of self-attitude.

Keywords: psychological well-being, self-attitude, happiness, feeling of satisfaction, self-realization.

Категория психологического благополучия сравнительно молодая, хотя общее представление о благополучии человека существовало давно. В психодинамическом подходе авторы (А. Адлер, З. Фрейд, Э. Фромм, К. Хорни, Э. Эриксон, К. Г. Юнг) говорили о следующем. По К. Г. Юнгу [5, с. 130–134] у благополучной личности имеется устойчивое представление о себе. А благополучное (гармоничное) состояние может быть достигнуто через процесс индивидуализации, что означает становление единого, цельного, уникального индивида, что в свою очередь является итогом его самореализации.

Хорни [1, с. 14] описывая благополучную личность, предложила включить в ее структуру следующие характеристики:

- она имеет возможность стать целостной, самоидентичной и спонтанной;
- пользуется навыком успешного установления значимых отношений с другими людьми;
- обладает инициативностью;
- самореализующаяся.

Когнитивный и бихевиоральный подходы считают человека продуктом социальной среды, поэтому по их мнению благополучие зависит от того, что социум предлагает ему в качестве образца. Однако, когнитивисты придерживаются мнения, что человек конструирует и управляет своей средой, так за ним ответственность за собственное благополучие.

К. Рифф [1, с. 18; 23–24] под психологическим благополучием понимает оценку личностью своего функционирования с позиции максимального раскрытия внутреннего потенциала.

Основными компонентами являются:

- внутренняя гармония (принятие себя);
- позитивные отношения с другими людьми;
- независимость;
- контроль над обстоятельствами;
- наличие цели в жизни;
- личностный рост.

Обобщение теоретических исследований отечественных и зарубежных авторов можно сделать вывод, что психологическое благополучие определяют как переживания, проявляющиеся в субъективном ощущении счастья, удовлетворенности жизнью, целостности лично-

сти, оно является ресурсным состоянием, включающее совокупность компонентов, характеризующих степень позитивного и полноценного функционирования.

В психологической науке самоотношение рассматривается большинством авторов как аффективный компонент в структуре самосознания, определяющий специфику отношения личности к своему «Я».

В первую очередь мы опирались на отечественных исследователей, так В. В. Столин [4, с. 102–104] рассматривает самоотношение тоже как компонент самосознания, как аффективный компонент. Он рассматривает его как эмоциональный компонент единицы самосознания – смысла «Я».

Последователем В. В. Столина стал С. Р. Пантилеев [2, 84–97], который рассматривает самоотношение как иерархически-динамическую систему, выделяя подструктуру трех аспектов самоотношения. Он описывает самоотношение как систему, состоящую из саморукводства, самоуверенности, отраженного самоотношения, социальной желательности «Я»; самопривязанности, самоценности, самопринятия, внутренней конфликтности и самообвинения.

На основе теоретического анализа работ отечественных и зарубежных ученых самоотношение предстает как отношение человека к своему собственному «Я», которое определяется особенностями поведения и взаимодействия с другими людьми.

Юношеский возраст – это период развития в онтогенезе, находящийся в промежутке между подростковым возрастом и взрослостью. Авторы дают разные границы возраста. Но наиболее часто делят на раннюю юность (15–18 лет) и позднюю юность (18–23 года). Главная психологическая особенность возраста – вступление в самостоятельную жизнь, что приводит к смене социальной позиции. Эриксон относит юность к пятой фазе развития, она характеризуется ролевой и личностной определенностью / неопределенностью, расплывчатым / сформированным «Я», в положительном варианте появляются чувство уникальности, индивидуальности, непохожести на других. Типичной чертой для этой фазы развития является примерка новых ролевых ролей, их количество расширяется, но они не усваиваются, а только лишь пробуются.

В исследовании мы проверяли гипотезу о том, что существует соотношение между уровнем психологического благополучия и уровнем самоотношения. Сбор данных проводился на базе ВИУ РАНХиГС и ФГБОУ ВО Волгоградский ГАУ. Выборка составляет 120 человек и сформирована из обучающихся специальностей «Психология», «Психология служебной деятельности», «Экономическая безопасность» и «Экономика».

Многомерный опросник исследования самоотношения В. В. Столина – С. Р. Пантилеева [3, с. 123–130] показал, что большинство респондентов имеют средний уровень самоотношения, то есть внутреннее недифференцированное чувство «за» самого себя. По таким шкалам как «Самоуважение», «Самоинтерес» и «Ожидаемое отношение от других» результаты тоже показали преобладание среднего уровня выраженности признака. Интересно подметить, что по шкале «Аутосимпатия» низкий и средний уровень находятся почти в равной степени. Эта шкала отражает дружественность-враждебность к собственному «Я». Иными словами это самопринятие и самообвинение. Либо доверие себе, одобрение себя, основание для позитивной самооценки, либо в обратной ситуации акцентирование на своих недостатках, низкая самооценка, отрицательные эмоциональные реакции на себя по типу презрения, раздражения (см. табл. 1).

Таблица 1

Процентное соотношение уровня самоотношения

Название показателя	Уровень выраженности показателя	Количество испытуемых	Процентное соотношение
Глобальное самоотношение	Низкий уровень	33	27,50 %
	Средний уровень	63	52,50 %
	Высокий уровень	24	20,00 %
	Всего	120	100,00 %
Самоуважение	Низкий уровень	22	18,33 %
	Средний уровень	55	45,83 %
	Высокий уровень	43	35,83 %
	Всего	120	100 %
Аутосимпатия	Низкий уровень	9	7,50 %
	Средний уровень	55	45,83 %
	Высокий уровень	56	46,67 %
	Всего	120	100 %
Ожидаемое отношение от других	Низкий уровень	27	22,50 %
	Средний уровень	68	56,67 %
	Высокий уровень	25	20,83 %
	Всего	120	100 %
Самоинтерес	Низкий уровень	17	14,17 %
	Средний уровень	75	62,50 %
	Высокий уровень	28	23,33 %
	Всего	120	100 %

Психологическое благополучие измерялось шкалой психологического благополучия Рифф в адаптации и модификации Т. Д. Шевеленкова, П. П. Фесенко, 2005 [6, с. 95–121]. По всем шкалам в процентном соотношении большинство испытуемых набрали средний балл (см. табл. 2).

Таблица 2

Процентное соотношение уровня психологического благополучия

Название показателя	Уровень выраженности показателя	Количество испытуемых	Процентное соотношение
Психологическое благополучие	Низкий уровень	38	31,67 %
	Средний уровень	75	62,50 %
	Высокий уровень	7	5,83 %
	Всего	120	100,00 %
Самопринятие	Низкий уровень	18	15,00 %
	Средний уровень	95	79,17 %
	Высокий уровень	7	5,83 %
	Всего	120	100 %
Цели в жизни	Низкий уровень	42	35,00 %
	Средний уровень	75	62,50 %
	Высокий уровень	3	2,50 %
	Всего	120	100 %
Личностный рост	Низкий уровень	38	31,67 %
	Средний уровень	75	62,50 %
	Высокий уровень	7	5,38 %
	Всего	120	100 %
Управление средой	Низкий уровень	23	19,17 %
	Средний уровень	94	78,33 %

Название показателя	Уровень выраженности показателя	Количество испытуемых	Процентное соотношение
	Высокий уровень	3	2,50 %
	Всего	120	100 %
Автономия	Низкий уровень	15	12,50 %
	Средний уровень	80	66,67 %
	Высокий уровень	25	20,83 %
	Всего	120	100 %
Позитивные отношения	Низкий уровень	43	35,83 %
	Средний уровень	68	56,67 %
	Высокий уровень	9	7,50 %
	Всего	120	100 %

Для статистической обработки данных использовалась программа SPSS (Statistical Package for the Social Science). Проверялось наличие статистически значимых взаимосвязей между психологическим благополучием и самооотношением. Использовался метод корреляционно-регрессионного анализа с коэффициентом ранговой корреляции Спирмена (см. табл. 3).

По результатам анализа мы выявили наличие связей, она является значимой по всем показателям, по силе умеренная или средняя, по направлению прямая.

Таблица 3

Корреляционный анализ уровня психологического благополучия и самооотношения

		Уровень психологического благополучия
Самоотношение	Коэффициент корреляции	0,604**
	Знач. (2-х сторонняя)	0,000
	N	120
Самоуважение	Коэффициент корреляции	0,448**
	Знач. (2-х сторонняя)	0,000
	N	120
Аутосимпатия	Коэффициент корреляции	0,439**
	Знач. (2-х сторонняя)	0,000
	N	120
Ожидаемое отношение от других	Коэффициент корреляции	0,445**
	Знач. (2-х сторонняя)	0,000
	N	120
Самоинтерес	Коэффициент корреляции	0,439**
	Знач. (2-х сторонняя)	0,000
	N	120

Таким образом, основная гипотеза о том, что существует статистически значимая взаимосвязь между уровнем психологического благополучия и уровнем самооотношения, подтвердилась. То есть, чем выше уровень психологического благополучия, тем выше уровень самооотношения и его компонентов.

Список литературы

1. Павлоцкая, Я. И. Психологическое благополучие и социально-психологические характеристики личности: монография / Я. И. Павлоцкая // Издательство Волгоградского института управления – филиала РАНХиГС, 2016. URL: [https://vlgr.ranepa.ru/files/izd/elizd/Павлоцкая%20Яна%20Игоревна_\(Верстка\).pdf](https://vlgr.ranepa.ru/files/izd/elizd/Павлоцкая%20Яна%20Игоревна_(Верстка).pdf) (дата обращения: 22.10.2022).
2. Пантеев, С. Р. Самоотношение как эмоционально-оценочная система / С. Р. Пантеев. М.: Издательство Московского университета, 1991. 100 с.
3. Столин, В. В. Опросник самоотношения / В. В. Столин, С. Р. Пантеев // Практикум по психодиагностике: Психодиагностические материалы. 1988. С. 123–130.
4. Столин, В. В. Самосознание личности / В. В. Столин. М.: Издательство Московского университета, 1983. 288 с.
5. Хьелл, Л. Теории личности / Л. Хьелл, Д. Зиглер. 3-е издание. СПб.: Питер, 2020. 608 с.
6. Шевеленкова, Т. Д. Психологическое благополучие личности / Т. Д. Шевеленкова, Т. П. Фесенко // Психологическая диагностика. 2005. № 3. С. 95–121.

УДК 130.2
ББК 87.6

Нагой Фатима Нурдиновна
кандидат философских наук,
доцент кафедры социологии, общей и юридической психологии,
Волгоградский институт управления –
филиал РАНХиГС при Президенте РФ,
Волгоград, Россия

ПРОБЛЕМА ЦЕННОСТНОЙ АКТУАЛИЗАЦИИ СМЫСЛА В ХУДОЖЕСТВЕННОМ И ФИЛОСОФСКОМ ПОИСКЕ

Аннотация. Статья посвящена постановке проблемы ценностной актуализации смысла в художественном и философском поиске с целью выявления содержательных характеристик, позволяющих обнаружить предпосылки решения и гармонизации состояния сознания современной личности. Проведен анализ условий обособления аксиологической проблематики, дана характеристика интенциональности как условия создания художественного произведения, выявлены черты имманентной и рецептивной эстетики, роль критики в искусствоведении. Обоснованы выводы о том, что искусство и философия должны актуализировать направленность в будущее и сохранить те представления о личности, которые воссоздают всю полноту положения человека в мире.

Ключевые слова: аксиология, имманентная эстетика, рецептивная эстетика, диалоговая эстетика, интенциональность, герменевтика, постмодернизм.

Nagoy Fatima Nurdinovna
Candidate of Philosophical Sciences,
Associate Professor of the Department of Sociology, General and Legal Psychology,
Volgograd Institute of Management –
branch of RANEPA under the President of the Russian Federation,
Volgograd, Russia

THE PROBLEM OF VALUE ACTUALIZATION OF MEANING IN ARTISTIC AND PHILOSOPHICAL SEARCH

Abstract. The article is devoted to the formulation of the problem of value actualization of meaning in artistic and philosophical search in order to identify meaningful characteristics that allow us to discover the prerequisites for solving and harmonizing the state of consciousness of a modern personality. The analysis of the conditions for the separation of axiological problems is carried out, the characteristic of intentionality as a condition for the creation of a work of art is given, the features of immanent and receptive aesthetics, the role of criticism in art criticism are revealed. The conclusions are substantiated that art and philosophy should actualize the orientation towards the future and preserve those ideas about the personality that recreate the fullness of the human position in the world.

Keywords: axiology, immanent aesthetics, receptive aesthetics, dialog aesthetics, intentionality, hermeneutics, postmodernism.

Рассматриваемая нами проблема аксиологии оформилась на пересечении решений целого круга вопросов: соотношение истины и ценности в научном познании; характер взаимодействия понимания и интерпретации как условие культурного смысла; возможности реконструкции жизненного мира «другого», социокультурные и личностные условия формирования ценностей.

В современных условиях само понятие ценность подчеркивает специфику гуманитарного знания и выступает как более предпочтительное для оперирования по сравнению с понятием истина. Следует подчеркнуть, что ценностные установки разных культур не поддаются внешнему сравнению, культура может оцениваться посредством понимания как вживания в ее внутреннюю жизнь.

Произведения культуры сродни живым организмам, способным с учетом социокультурных условий и субъективности воспринимающего раскрывать коды культуры. Особенно интересна символика художественного произведения, отвечающего на задаваемые ему вопросы со стороны воспринимающего реципиента и тем самым актуализирующая ценности. По мнению Э. Гуссерля, таким образом акты художественного восприятия зависят от горизонтов произведения и зрителя [1]. Однако, результат восприятия не является заданным, как и сам процесс творчества, который является одновременно осознанным и нет. Интенциональность же выступает как условие и составляющее произведения искусства.

Интерпретирующий произведение искусства человек, как будто выступает его создателем. Ф. Шлейермахер считал, что интенцией обладает и сам художественный текст [2]. Так как содержание и форма художественного произведения полагает характер распределения, поэтому восприятию следует считаться с внутренней природой произведения. Получается, что зашифрованные автором смыслы в образно-выразительной форме требуют от воспринимающего человека родственной конгениальности. Отсюда вырастает понятность и непонятность произведения для современников в определенное время, более того произведение может быть вне времени, опережать время или быть в него встроенным. В случае опережения мы получаем подтверждение того, что изменения и новые черты социальной психологии созревают позже по отношению к способности отразить их автором произведения.

Рецептивная эстетика приходит на смену имманентной эстетике, которая автономизирует искусство, считая произведение самостоятельным и самоценным. Новая эстетика исходит из того, что произведение искусства не существует в запасниках музея, оно бытийствует как встреча автора и зрителя или читателя. Не только произведение воздействует на воспринимающего, признается и обратное воздействие человека. Формирующиеся смыслы художественного произведения, таким образом, становятся результатом сотворчества автора и зрителя, перемешанным как на уровне индивидуальным, так и на социальном уровне.

В этом отношении интересна позиция У. Эко, который дает характеристику «внешнему» и «внутреннему» автору: первому интересно само изображение или текст, а в поле интереса второго скорее механизмы и инструменты донесения заложенного смысла до зрителя [3].

На этой основе обретает свою роль художественная критика. Ее профессионализм определяется глубиной аналитического осмысления произведения во всем разнообразии его природы. Например, критики романтического периода выступили против внеисторичности эстетики классицизма и через подвижность новых художественных критериев подчеркнули аксиологический взгляд на искусство при сохранении сообразности в оценке присущей самому произведению мере. Задача критика – исследовать произведение во всем разнообразии художественного процесса, обеспечить зрителя или читателя таким уровнем рефлексии, которая обеспечивает понимание произведения в контексте сложившейся или зарождающейся художественной традиции.

Так как художественное произведение в своем бытии, являясь тем же самым, становится иным, обращение к актуализации художественного наследия всегда будет ценностным отношением. Попытки аксиологии и рецептивной эстетики найти оптимальные методы расшифровки художественных текстов, наталкиваются на препятствие в виде художественного и философского самосознания эпохи.

Интересно, что такие сферы общественной жизни как религия, философия и искусство в этом отношении не оппонируют друг другу, а будучи погруженными в исторический контекст, скорее склонны к «взаимопоглощению» смыслов. Сами способы художественного исполнения предстают иносказательно и неоднозначно, как следствие, идея в произведении искусства вместе с самим произведением предстает как нечто большее по отношению к начальному состоянию.

Взаимосвязь религиозного и художественного сознания, подчеркивал Н. Бердяев в размышлении о том, что в святом и художнике обнаруживается святость послушания, а в последнем – святость дерзновения. По его мнению, «бездарность греховна в силу неверного определения человеком своего места в мире [4]. Однако, конечные цели искусства и философии остаются близкими друг другу. Современная философия трактует бытие уже не только через традиционные классические категории, но и активно использует понятия-образы, метафоры и другие литературные возможности. Х.-Г. Гадамер подчеркивает родственность способов философствования и ассоциативности, которую обнаруживает искусство, но видит разницу в том, что «философия познает истину, а произведение искусства заключает ее внутри себя» [5]. Яркими примерами философской рефлексии близкой по форме к художественности являются произведения Х. Ортеги-и-Гассета, Ж.-П. Сартра, А. Камю, Х. Л. Борхес, У. Эко и других.

Специфика развития неклассических философских направлений и художественных процессов XX века дана через их плюрализм и акцент на проблеме человека, портрет которого становится незавершенным и процессуальным. Парадоксальным образом новая картина мира не укрепляла положение в нем человека, а скорее оставляла его безоружным перед усилением нерационального начала. Классический реалистический подход и в философии, и в искусстве становится одним из возможных. И сегодня продолжается усиление конфликтности и смысловой плотности действительности настолько, что художественный вымысел и философский концепт ей проигрывают. Предвидя современную ситуацию, Х. Ортега-и-Гассет писал об освобождении искусства и философии от рабства по отношению к действительности и возможности создавать внутренние смыслы в духе времени и с чувством жизни, что не свидетельствует о смерти искусства или философии, а открывает новый этап в их развитии [6].

Как следствие, желание искусства XX века отказаться от подобия действительности, извлекая смыслы из себя самого, образовало непонятность как качество современного искусства. Сравнивая данную ситуацию с историей, Т. Адорно отмечал, что классическая эстетика смягчала и облагораживала действительности средствами искусства, создавая красоту [7]. С одной стороны, художественное сознание XX века признает «бессилие» в отражении современной ему реальности в силу ее необъятности. С другой стороны, автор по-прежнему стремится преобразовывать хаос в порядок следуя рациональной природе человека.

По мнению Ж.-Ф. Лиотара, художественная практика постмодернизма не представляет собой созидание мира, она раз за разом воспроизводит невротизированное болезненное состояние вне возможности целостной художественной формы, подменяя ее феноменом игры [7]. У. Эко обращал внимание на то, что постмодерн лишает чувства языка, все чаще обращается к цитированию, он перестает серьезно относиться к пониманию души, красоты и

любви, которые ему же нечем заменить. Оперирование с историческими художественными формами становится ироничным, ситуация видится все более антиутопично, одновременно, исчезает обращенность в будущее, которая была чертой модернизма. В целом феномен постмодернизма неоднороден в теоретическом и практическом выражении, имитирует «мертвые» стили, оперирует гибридными формами, новой сентиментальностью и т.п. Например, хеппенинги и массовые произведения все больше освобождают инстинкты, следуя культу телесности и редукции массового художественного сознания. Ситуация нагромождения подобного рода приемов – ирония, художественное заимствование, игровые эксперименты, отражает «лабораторное» состояние современной культуры.

Таким образом, как современное искусство, так и философия должны актуализировать направленность в будущее и сохранить те представления о личности, которые воссоздают всю полноту положения человека в мире, мудрое отношение к жизни. Если художественное произведение закрепляется в художественном сознании, то это доказывает жизнеспособность сформированных им смыслов. Поэтому научные и прикладные исследования в сферах философского и социального осмысления художественных образов, их интерпретации на уровне индивидуального и общественного восприятия выступают как важный механизм сохранения и защиты культурного пространства.

Список литературы

1. Гуссерль, Э. Кризис европейских наук и трансцендентальная феноменология: Введение в феноменологическую философию. СПб.: Владимир Даль, 2004. 400 с.
2. Шлейермахер, Ф. Герменевтика. Перевод с нем. А.Л. Вольского. Научный редактор Н. О. Гучинская. СПб.: Европейский Дом. 2004. 242 с.
3. Эко, У. Открытое произведение. СПб.: Академический проект. 124 с. Бердяев, Н. А. Философия свободы. Смысл творчества. М., 1989. 347 с.
4. Гадамер, Х.-Г. Истина и метод: основы филос. герменевтики: Пер. с нем. / Общ. ред. и вступ. ст. Б. Н. Бессонова. М.: Прогресс, 1988. 704 с.
5. Ортега-и-Гассет, Х. Эстетика. Философия культуры. М.: Искусство, 1991. 588 с.
6. Адорно, Т. Эстетическая теория / Пер. с нем. А. В. Дранова. М.: Республика, 2001. (Философия искусства). 527 с.
7. Лиотар, Ж.-Ф. Состояние постмодерна. М.: Институт экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя. 1998. 227 с.

УДК 342
ББК 60

*Некрасова Ирина Николаевна,
аспирант кафедры иностранных языков
и социально-гуманитарных дисциплин,
Донской государственной аграрной университет,
п. Персиановский, Ростовская область, Россия*

ЭЛЕКТОРАЛЬНОЕ ВОСПИТАНИЕ В НЕКЛАССИЧЕСКОМ ЭЛЕКТОРАЛЬНОМ ПРОЦЕССЕ

Аннотация. Статья посвящена анализу влияния особенностей неклассического электорального процесса на электоральную культуру избирателей. Цель статьи состоит в анализе политических и технических трансформаций электорального процесса в контексте развития электоральной культуры массового избирателя. В исследовании обосновывается гипотеза о том, что политические и технические модернизации современного российского избирательного процесса опережают социокультурные трансформации сознания и поведения массового отечественного избирателя. В статье применяется системный и динамический метод исследования трансформаций электорального процесса в корреляции с трансформацией электоральной культуры избирателей. Установлено, что эффективность электорального воспитания избирателей в условиях неклассического электорального процесса проблематизируется в связи с коллизией между целями электорального просвещения и электоральной практики. Кроме того, педагогическая эффективность неклассического электорального процесса обусловлена транзитивным состоянием массовой электоральной культуры. Для преодоления этих ограничений необходимо повышение политической и технологической грамотности массовых избирателей путем совершенствования электорального просвещения избирателей.

Ключевые слова: электорат, селекторат, электоральная культура, электоральное поведение, электоральный процесс, электоральные технологии, электоральное воспитание.

*Nekrasova Irina Nikolaevna,
postgraduate student of the Department of Foreign Languages
and Social and Humanitarian Disciplines,
Don State Agrarian University,
Persianovsky settlement, Rostov Region, Russia*

ELECTORAL EDUCATION IN A NON-CLASSICAL ELECTORAL PROCESS

Abstract. The article is devoted to the analysis of the influence of the features of the non-classical electoral process on the electoral culture of voters. The purpose of the article is to analyze the political and technical transformations of the electoral process in the context of the development of the electoral culture of the mass voter. The study substantiates the hypothesis that the political and technical modernization of the modern Russian electoral process is ahead of the socio-cultural transformation of the consciousness and behavior of the mass domestic voter. The article uses a systematic and dynamic method for studying the transformations of the electoral process in correlation with the transformation of the electoral culture of voters. It has been established that the effectiveness of electoral education of voters in the conditions of a non-classical electoral process is prob-

lematic due to the conflict between the goals of electoral education and electoral practice. In addition, the pedagogical effectiveness of the non-classical electoral process is due to the transitive state of mass electoral culture. To overcome these limitations, it is necessary to increase the political and technological literacy of mass voters by improving electoral education of voters.

Keywords: electorate, selectorate, electoral culture, electoral behavior, electoral process, electoral technologies, electoral education.

Электоральное образование избирателей, формирование массовой высокой электоральной культуры является одним из главных условий реальной демократичности электорального процесса в целом. Исследуя факторы и пути эффективного политического образования избирателей, важно обратить внимание на существенные различия между классическим и современным неклассическим электоральным процессом.

Эти различия имеют две стороны:

- 1) техническую и
- 2) политическую.

Техническая сторона связана с внедрением в избирательный процесс новых, в том числе электронных, информационных избирательных технических средств и технологий, связанных с их использованием. Политическая сторона связана с трансформацией самого содержания электорального процесса как специфической коммуникации между селекторатом и электоратом.

Рассмотрим вначале политическую сторону современной трансформации электорального процесса. Классический электоральный процесс характеризуется следующими особенностями:

- 1) электоральная борьба акцентирована на конкуренции политических программ кандидатов;
- 2) в результате выборов победившие кандидаты осуществляют реальное политическое представительство во власти интересов определенных социальных групп;
- 3) политическая партия (или движение) выступает как четко идентифицированная часть определенных социальных групп избирателей;
- 4) в электоральных технологиях доминируют чистые, открытые, белые технологии, рациональная политическая агитация;
- 5) наличие обратной связи власти с избирателями в форме регулярного общения ее с избирателями и наказов избирателей, отчетности власти.

Неклассический избирательный процесс характеризуется следующими особенностями:

1. Отсутствие или минимизация значения политических программ кандидатов.
2. Место конкуренции политических программ занимает политический маркетинг.
3. Доминирование манипулятивных электоральных технологий.
4. Отсутствует реальное политическое представительство интересов граждан во власти (вместо этого присутствует имитация такого представительства).
5. Политическая партия или избирательное объединение представляет собой фрагментарное объединение, группировку политиков в борьбе за власть.
6. Минимизирована (или, в лучшем случае, имитируется) как прямая коммуникация, так и обратная связь между электоратом и селекторатом.
7. Формализация политической конкуренции, ведущая к предсказуемости результатов выборов.

Характеризуя особенность современных избирательных кампаний, Д. А. Антрушина отмечает, что в них «...подавляющее внимание уделяется политиками не столько на проработанную политическую программу (предоставление которой по законодательству не является обязательным условием), сколько на создание определенного имиджа кандидата, выработку приоритетных форм психологического управления и давления на электорат» [2, с. 122].

Современный электоральный процесс рассматривается как своеобразный политический рынок. «Политический рынок – пространство, где происходит не только обмен голосов избирателей, лояльности граждан на предвыборные программы и предлагаемые решения политических управленцев, но и торг между самими субъектами политического управления по поводу владения сегментами государственной власти» [10, с. 267]. Соответственно рыночной парадигме современный электоральный процесс, нередко, осуществляется в формах политического маркетинга. «Политический маркетинг включает в себя совокупность способов и методик, посредством которых наиболее влиятельные игроки на политическом поле получают возможность самим влиять на спрос, формируя потребности и желания у тех или иных групп населения.

В конечном счёте, политический маркетинг представляет собой организацию и проведение избирательной кампании согласно законам рынка» [5, с. 114] Если выборы рассматриваются субъектами селектората как рынок, а голоса избирателей как политический товар, то вопросы политического воспитания зрелой, сознательной электоральной культуры избирателей оказываются на периферии внимания всех участников электоральной коммуникации. Электоральное воспитание заменяется формальной или неформальной электоральной рыночной сделкой.

Рассмотрим теперь технологический аспект модернизации электорального процесса в контексте формирования и развития электоральной культуры избирателей. Внедрение в избирательный процесс информационных технологий идет по многим направлениям:

1. Электоральная агитация и коммуникация через социальные сети и мессенджеры.
2. Использование специальных сайтов для политической рекламы и электорального просвещения избирателей.
3. Использование в избирательном процессе новостных каналов Интернета.
4. Создание и внедрение технологий электронного и дистанционного голосования и другие.

Массовое внедрение информационных технологий в электоральный процесс, по мнению Боевой П. С., меняет не только механизмы избирательных кампаний, но и сам избирательный процесс [3, с. 60]. Пашинская отмечает, что политические элиты, как субъекты селектората, все больше переходят от традиционных форм электоральной коммуникации к Интернет-коммуникациям [8, с. 115].

Оценка информатизации электорального процесса является неоднозначной. «Интернет рассматривается уже не только как ступень к освобождению информации, но и как технология «несвободы», тогда как противоположная точка зрения утверждает, что за Интернетом возможность демократизации политической жизни в государственном и планетарном масштабе» [8, с. 115]. Причем, интернет-технологии могут использоваться в электоральном процессе в деструктивном и в позитивном аспектах. Применение информационных технологий в избирательном процессе ограничено тем, что старшие поколения избирателей, приверженные традиционным представлениям о выборах, не склонны им доверять. «Для старшей возрастной категории российских граждан всегда были актуальны, скорее, публично-митинговые формы выдвижения и агитации за кандидатов. Но по мере включения в избирательный про-

цесс все новых и новых молодых поколений россиян возрастает и значимость Интернета в политическом плане, ширится охват Интернет-аудитории» [8, с. 117].

В связи с внедрением информационных технологий в избирательный процесс и политический процесс в целом складывается специальный термин «электронная демократия». Электронная демократия выступает как способ реализации демократических принципов управления с помощью информационных технологий. Она включает в себя не только процедуру электронного голосования, но и механизмы сетевой коммуникации избирателей друг с другом и с органами власти. Тем не менее, именно электронное голосование составляет ее ядро. Однако, для эффективного использования механизма электронного голосования, как инструмента именно демократии, необходимо «...защитить систему от любого внешнего вмешательства и преждевременного ознакомления с результатами голосования. Но при этом члены избиркомов на каждом этапе должны иметь возможность отслеживать и контролировать все процедуры. Более того, надо сформировать открытый, понятный, прозрачный и убедительный процесс общественно-политического контроля и наблюдения, одновременно обеспечив полную безопасность системы и конфиденциальность заложенных в нее данных» [1, с. 27].

Лаврикова А. А. и Шумилова О. Е. скептически утверждают, что эффективное использование технологий электронного голосования «...возможно только при условии, что граждане уже имеют опыт реализации данных моделей поведения в реальном политическом пространстве (оффлайн режиме). Следовательно, решить проблему абсентеизма таким образом не представляется возможным. Кроме того, ориентация на цифровизацию избирательного процесса порождает проблему производства и тиражирования фейковой информации, распространяемой преимущественно в интернет-пространстве и создающей тревожный фон» [6, с. 22].

Какое же электоральное воспитание получает избиратель в контексте неклассического, в политическом и технологическом аспектах, электорального процесса? Для ответа на этот вопрос необходимо уточнить критерии эффективности практического электорального воспитания. Эти критерии различны для разных партнеров электоральной коммуникации. Со стороны субъектов селектората главными критериями эффективного электорального воспитания избирателей являются: обеспечение поддержки избирателей, победа на выборах, легитимизация власти. Со стороны избирателей эти критерии связаны с эффективной, адекватной собственным социальным интересам, ориентацией в селекторальном спектре, с выбором адекватных своим социальным интересам представителей, с реализацией своих интересов через адекватных представителей.

Эффективность электорального воспитания избирателей в условиях неклассического электорального процесса, во-первых, проблематизируется в связи с коллизией между целями электорального просвещения и электоральной практики. Электоральное просвещение акцентируется на теоретических и рациональных аспектах электоральной культуры, а электоральная практика – на управлении поведением избирателей, на практическом поведении избирателей. Возникает раскол между идеалом (теорией) и практикой в электоральной культуре, между электоральным сознанием и электоральным поведением. Цели и содержание электорального просвещения и электоральной практики оказываются существенно расходящимися. Если нас интересует формирование цельной, зрелой электоральной культуры избирателей, в которой нет противоречия между электоральным сознанием и электоральным поведением, мы должны искать пути преодоления существенных различий между этими двумя способами.

Во-вторых, педагогическая эффективность неклассического электорального процесса обусловлена транзитивным состоянием массовой электоральной культуры. «Современная российская электоральная культура находится в стадии формирования, процесс ее полной институционализации не завершен. Электоральная культура оценивается как культура смешанного (гетерогенного) типа, в ней представлены субкультуры патриархальной, конформистской и рациональной моделей поведения избирателей» [7, с. 12–13].

А. Г. Пятков замечает, что для современной массовой электоральной культуры более характерно доминирование традиционализма. «Голосование российских избирателей, в целом, традиционно ориентировано на личности конкретных политических лидеров, а не на социально-экономические программы партий. Граждане, как и прежде, выбирают не политический курс, не стратегию развития страны, а конкретное политическое лицо. Традиционно большая часть российского общества и большая часть политического класса вопреки демократическим институтам и механизмам предпочитают централизм и администрирование» [9, с. 53].

Григорьев пишет о том, что большая часть избирателей вообще не имеет сколько-нибудь сформировавшейся определенной политической позиции и электоральной ориентации, но именно эта часть нередко играет решающую роль на выборах [4, с. 127].

Если сопоставить, с одной стороны, современные трансформации электорального процесса и, с другой стороны, состояние электоральной культуры массового отечественного избирателя, нетрудно заметить парадоксальное отставание электоральной культуры избирателей от современных трансформаций электоральных технологий и избирательного процесса. Избирательная культура массового избирателя является близкой к культуре традиционного типа, ориентированной на классический электоральный процесс, или, как максимум, смешанного типа, а электоральный процесс уже давно перестал быть классическим, традиционным.

К числу главных проблем и перспектив совершенствования процессов, и способов формирования, и развития электоральной культуры избирателей относится проблема повышения политической грамотности избирателей как основы для адекватной оценки избирателями конкурирующих субъектов селектората, сознательного и адекватного электорального выбора избирателями своих представителей. К этой проблеме примыкает проблема технологической избирательной грамотности: знание норм и процедур электорального процесса. Данная проблема, в свою очередь, связана с необходимостью повышения лояльной политической активности избирателей и числа избирателей, принявших участие в выборах.

Решение этих проблем позволит качественно изменить качество электората, а именно, повысить или сделать преобладающей долю сознательных избирателей с развитой целевой и адекватной электоральной культурой и снизить процент избирателей с неразвитой или проблематичной электоральной культурой.

Список литературы

1. Абрамов, Ю. И. Перспективы развития электронного голосования как формы электронной демократии / Ю. И. Абрамов, А. А. Столярова. Текст: непосредственный // Выборы: теория и практика. 2021. № 1 (55). С. 24–29.
2. Антрушина, Д. А. Манипулирование поведением избирателей (на примере кампании по выборам президента Российской Федерации 2018 года) / Д. А. Антрушина. Текст: непосредственный // Вопросы российской юстиции. 2019. № 3. С. 112–148.
3. Баева, П. С. Трансформация электорального процесса в условиях развития информационных технологий в современной России / П. С. Баева. Текст: непосредственный //

Управление социально-экономическими системами: направления развития, вызовы и возможности. Сборник материалов научного семинара. Ростов-на-Дону, 2021. С. 56–61.

4. Григорьев, И. В. Современные электоральные процессы в Европе и России: социально-политический анализ / И. В. Григорьев. Текст: непосредственный // Духовная сфера общества. 2018. № 15. С. 124–128.

5. Корякина, В. С. Электоральные технологии: проблемы политологического исследования / В. С. Корякина. Текст: непосредственный // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2014. № 11 (54). С. 111–116.

6. Лаврикова, А. А. Тенденции развития электорального процесса в современной России: содержательные и технологические аспекты / А. А. Лаврикова, О. Е. Шумилова. Текст: непосредственный // Среднерусский вестник общественных наук. 2020. Т. 15. № 1. С. 15–27.

7. Логинова, А. М. Формирование и развитие российской электоральной культуры (1989–2004 гг.): автореф. дис. канд. полит. наук: 23.00.02 / Логинова Анастасия Михайловна; Московский государственный университет. Москва, 2004. 28 с. Текст: непосредственный.

8. Пашинская, В. В. Интернет-коммуникации в современном электоральном процессе / В. В. Пашинская. Текст: непосредственный // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2016. № 3 (70). С. 115–118.

9. Пятков, А. Г. Особенности современного этапа российского электорального процесса / А. Г. Пятков. Текст: непосредственный // Власть и управление на Востоке России. 2012. № 1 (58). С. 50–53.

10. Рыбина, М. В., Федорченко С. Н. Электоральные технологии политического менеджмента / М. В. Рыбина, С. Н. Федорченко. Текст: непосредственный // Известия МГТУ. 2012. С. 267–274.

УДК 94(47+57)1942/1943
ББК 63.3(2)622,12

Опалев Максим Николаевич
кандидат исторических наук,
доцент кафедры «Социально-гуманитарные дисциплины»
Волжский политехнический институт – филиал
Волгоградского государственного технического университета,
Волжский, Волгоградская область, Россия

БОРЬБА ЗА ГОСПОДСТВО В ВОЗДУХЕ В СРАЖЕНИИ ЗА СТАЛИНГРАД – ПРОБЛЕМЫ ОРГАНИЗАЦИИ БОЕВЫХ ДЕЙСТВИЙ

Аннотация. Актуальность. Настоящее исследование обусловлено огромной ролью отечественных военно-воздушных сил в современных вооруженных конфликтах и необходимостью изучения исторического опыта организации ими боевых действий. Малоизученным аспектом Сталинградского сражения остаются вопросы размещения и функционирования советских аэродромов на восточном, левом берегу реки Волга. Цель. Изучение особенностей организации воздушных операций и аэродромного базирования военно-воздушных сил Красной Армии во второй половине 1942 – начале 1943 гг. Гипотеза. По мысли ряда зарубежных и отечественных исследователей последних десятилетий советская авиация в отличие от наземных войск не играла решающей роли в общем ходе боевых действий в районе Сталинграда, так как перелом в воздушной войне на Восточном фронте наступил не ранее весны-лета 1943 года, а качественный уровень подготовки среднестатистического советского пилота в изучаемый период был на несколько порядков ниже, чем пилота германских люфтваффе. Метод и методики. Посредством историко-генетического метода в работе были выявлены факторы роста боевого мастерства советской авиации. В ходе исследования предпринят сравнительный анализ организационно-распорядительной документации соединений советских ВВС на протяжении этапов Сталинградской битвы с германскими документами тыла 6-й полевой армии с целью определения эффективности воздушных ночных операций осени 1942 г. Результат. Выявлено, что аэродромная сеть на восточном берегу реки Волга начала формироваться задолго до начала боёв за Сталинград, уделяется внимание таким особенностям боевых действий советской авиации, как организация истребительных групп по принципу «свободной охоты», ночные рейды по коммуникациям противника, освоение новой техники, вопросы воинской дисциплины. Выводы. Решающая роль в организации успешного воздушного наступления принадлежит не столько количественному насыщению соединений новыми самолётами, сколько развитию качественно новых форм организации операций, улучшения выучки и мастерства советской авиации поля боя.

Ключевые слова: Вторая мировая война, сражение за Сталинград, военно-воздушные силы, господство в воздухе, бомбардировки, истребительная авиация, аэродромное базирование, противовоздушная оборона, авиационное наступление, небоевые потери.

Opalev Maxim Nikolaevich
Candidate of Historical Sciences,
Associate Professor of the Department of Social and Humanitarian Disciplines
Volga Polytechnic Institute – branch
Volgograd State Technical University,
Vozhsky, Volgograd region, Russia

THE FIGHT FOR AIR SUPREMACY IN THE BATTLE FOR STALINGRAD – PROBLEMS OF ORGANIZING MILITARY OPERATIONS

Abstract. Relevance. The present research is stipulated by the great role of the national air forces in modern armed conflicts and the necessity to study the historical experience in the organization of the warfare. Little-studied aspect of the Battle of Stalingrad remains the issues of the location and functioning of Soviet airfields on the eastern, left bank of the Volga River. Goal. To study the peculiarities of air operations and airfield basing of the Red Army air force in the second half of 1942 – the beginning of 1943. Hypothesis. According to the idea of many foreign and Russian researchers over the past decades, the Soviet aircraft, unlike ground forces, did not play a decisive role in the general course of military operations near Stalingrad, as the turning point in the air war in the Eastern Front came not earlier than the spring and summer of 1943, and the qualitative level of the average Soviet pilot during the period under study was several orders of magnitude lower than that of the German Luftwaffe. Hypothesis Method and techniques. By means of the historical-genetic method the paper identified the factors of the growth of combat proficiency of Soviet aviation. In the course of the study, we undertook a comparative analysis of organizational and administrative documentation of the Soviet Air Force units throughout the Stalingrad battle with the German rear documents of the 6th Field Army in order to determine the effectiveness of the air night operations in the fall of 1942. Result. It is revealed that the airdrome network on the eastern bank of the Volga river began to form long before the battles for Stalingrad. Attention is paid to such features of Soviet air operations as the organization of fighter groups on the principle of «free hunting», night raids on enemy communications, mastering of new equipment, questions of military discipline. Conclusions. The decisive role in the organization of a successful air offensive belongs not so much to the quantitative saturation of the formations with new planes, as to the development of qualitatively new forms of operation organization, improvement of training and skill of the Soviet air fighters.

Keywords: World War II, Battle of Stalingrad, air force, air supremacy, bombing, fighter aviation, airfield basing, air defense, air offensive, non-combat losses.

Советской военной доктриной предвоенных лет считалось, что Нижнее Поволжье находится далеко от возможных театров боевых действий и практически недосыгаемо для авиации вероятного противника, то развертывание противовоздушной обороны в полном объеме здесь не предусматривалось. Со вступлением СССР в войну это происходит не одновременно; система ПВО края формировалась поэтапно, вплоть до начала массовых воздушных налетов врага. Катализатором процесса выступили события 1 ноября 1941 г. в 14.40 по местному времени группа немецких самолетов совершила первый налет на Сталинград, подвергнув бомбардировке городскую тепловую электростанцию «СталГРЭС» и поселок Бекетовка, расположенный в Кировском районе, возникла прямая угроза безопасности для работы промышленных предприятий города. Всего в ходе налета погибли 72 человека, в том числе 12 детей [6, с. 120].

Исходя из сложившегося угрожаемого положения, в районе Сталинграда, в том числе и в Заволжье к началу нового, 1942 г. дислоцируется 102-я истребительная авиационная дивизия ПВО. Формируется аэроузел, состоящий из аэродромов «СталГРЭС», «Гумрак», «Котельниково» и «Верхняя Ахтуба». На этих взлётных площадках по состоянию на 1 января 1942 г. было расквартировано 75 самолётов-истребителей сведенных в пять полков на И-15, И-16 и Як-1. Конкретно на аэродроме «Верхняя Ахтуба» было размещено 20 истребителей И-16 629-го истребительного авиаполка, из них к 5 января 1942 г. было 17 исправных машин [10, л. 2]. Аэродром располагался вблизи возводимой железной дороги «Владимировка-Паромная-Сталинград», северо-восточнее села.

Помимо учебы, ремонта техники, главной задачей этих пилотов являлось патрулирование неба над Сталинградом и окрестностями, в случае появления воздушных сил противника требовалось организовать их перехват и навязать им бой. Командовал полком майор Явтушенко Сергей Яковлевич, 1911 г.р., представленный за успешную организацию воздушных боёв и за воспитание лётных кадров к ордену «Боевого Красного Знамени», главным техником полка являлся инженер-капитан Петухов Иван Архипович, 1908 г.р., награжденный в 1942 г. орденом Красной Звезды.

В среднем, за январь части 629-го авиаполка совершали 30 вылетов на патрулирование в день, но воздушных боев и встреч с противником отчетные документы не отмечают [10, л. 9–10]. В полку проходил службу Попов Александр Романович, в то время старший сержант 629-го авиаполка, совершивший 23 июля 1942 г. первый успешный воздушный таран вражеского бомбардировщика над задонской степью Калачёвского района в ходе Сталинградской битвы. После ранения и долгого лечения в госпитале впоследствии он стал известен как будущий герой освоения целины, Герой Социалистического Труда, организатор зернового производства в Сибири [14, с. 90–100].

В ночь с 21 на 22 апреля 1942 г. происходит оживление немецкой авиации в небе над Сталинградом и массовые полёты самолётов-разведчиков над Волжской речной коммуникацией. Германские бомбардировщики, прорвавшиеся к Тракторному заводу, сбросили десятки бомб на цеха и заводской поселок, было разрушено и сожжено 10 зданий, погибло 14 человек и 70 было ранено [10, л. 30]. После этого удара происходит усиление сил ПВО, образуется Сталинградский корпусный район ПВО с отведением новых аэродромов, в том числе и за Волгой, например в двух километрах от центра села Средняя Ахтуба. Площадка представляла собой прямоугольник размером 1400 на 1700 метров площадью 242 гектар [2, л. 11]. В первых числах августа на ряде строившихся аэродромов основные работы были завершены, и большинство частей прибывшей на защиту театра боевых действий РККА под Сталинградом 8-й воздушной армии совершили перелет на заволжские аэродромы [6, с. 42].

Дни 23–31 августа 1942 г. были особенно драматичными для 8-й воздушной армии и всех сил ПВО. Авиация противника силами 4-го воздушного флота люфтваффе с небольшими перерывами наносила массированные бомбовые удары по Сталинграду [10, л. 98–102], где были зарегистрированы многочисленные серии воздушных атак с интервалами через 15–20 минут. Каждый эшелон состоял из нескольких групп самолетов, по 10–25 бомбардировщиков и 12 истребителей. Согласно донесениям штаба МПВО в период с 23 по 30 августа 1942 г. по неполным данным погибли и получили ранения десятки тысяч жителей.

8-я Воздушная армия, имея в своем боевом составе 260 истребителей (около 100 из них были неисправны), совместно со 102-й истребительной авиационной дивизией противовоздушной обороны отражала массированные налеты авиации противника. За день 23 августа 1942 г. согласно рассекреченному отчету 102-й истребительной авиадивизии в этот день её пилотами было проведено 9 групповых воздушных боёв, одержано 29 побед ценой потери

10 своих самолетов [10, л. 98]. Согласно немецкой статистике, возможно неполной, над Сталинградом было сбито лишь три бомбардировщика и несколько машин получили повреждения [9, с. 288].

Начиная с первых чисел сентября и вплоть до середины октября над аэродромами Верхняя и Средняя Ахтуба регулярно дежурили истребители Ме-109, не позволявшие советским самолётам вылетать на защиту Сталинграда и волжских переправ [10, л. 106].

Несмотря на опаснейшую обстановку господства противника в воздухе и невозможность каких-либо организованных действий для советских истребителей, 8-я воздушная армия испытывает новые самолёты, например, истребители Лавочкина, Ла-5. Ла-5 поступили на вооружение ряда истребительных авиаполков 8-й Воздушной армии, в частности в 240-й полк, где служил майор Николай Васильевич Тимченко. 27 августа части 8-й воздушной армии, в частности 240-й истребительный авиаполк участвовали в отражении вражеских бомбардировок на левом берегу Волги. В этот день, в неравном бою с двумя немецкими истребителями в небе над селом Верхняя Ахтуба, Тимченко Н. В. погиб, и был захоронен в общей братской могиле у школы. Всего в этот день за шесть часов воздушных боев было потеряно 19 новых истребителей [11, с. 31–32].

Не всегда успешно действовали штурмовики и бомбардировщики, нанося удары по своим войскам, потеряв перед этим ориентировку или же не получив точных разведанных [17, л. 157–158]. Имелись и небоевые потери новых самолетов [19, л. 68–69]. В состав Восьмой воздушной армии за август и первую половину сентября 1942 г. с тыловых предприятий поступило более 800 истребителей и тем не менее, драться с врагом на равных, не говоря уже о господстве в воздухе, не удавалось [16, л. 389].

Недостаточная подготовка к воздушным боям, высокий уровень боевых и небоевых потерь, непрерывные требования наземных войск об организации эффективной противовоздушной обороны Сталинграда и волжских переправ побудили командующего Восьмой воздушной генерала Т. Т. Хрюкина издать 13 сентября 1942 г. приказ № 90, который по беспощадному тону изложения можно считать «воздушным приказом № 227». Данный приказ бескомпромиссно угрожал военным трибуналом лётчикам, уклонившимся от боя, бросившим или допустившим сознательную поломку своего самолёта, обвинял часть командирского и командно-политического состава армии в сокрытии преступлений подчинённых и отказу от наказания в отношении пилотов-дезертиров [16, л. 387].

Учитывая вышеизложенное, командарм-8 приказал отойти от оборонительной тактики к наступательной, истребителям разрешалась «свободная охота», а не пассивное патрулирование поля боя, эти требования предвосхитили правила, сформулированные весной будущего, 1943 г. будущим асом-истребителем А. И. Покрышкиным («Высота-скорость-манёвр-огонь»). В итоге, медленно, но верно советские летчики действовали всё более успешно, добивались все более результативных вылетов с меньшими, чем у противника жертвами, хотя массированные удары по военным объектам в заволжской степи продолжались до первой половины ноября 1942 г. [1, л. 9–17].

Нехватка истребителей и привлечение части зенитной артиллерии для борьбы с танками противника вынудили командование воздушной армии использовать для перехвата бомбардировщиков противника самолёты-штурмовики Ил-2 [9, с. 365–366].

Была упорядочена организация полетов в районе аэродромной сети 8-й Воздушной армии. Район населённых пунктов Верхнее Погромное, Верхняя Ахтуба и Ленинск объявлялся зоной истребления воздушного противника [18, л. 37] с постоянным патрулированием в нем истребителей воздушной армии [6, с. 83]. Генерал Т. Т. Хрюкин решает создать группу летчиков специального назначения. В ее состав должны войти наиболее опытные летчики-

истребители. Базироваться группа должна была на секретном, хорошо замаскированном аэродроме и из засады вылетать на перехват вражеских самолетов, направлявшихся в Заволжье [12, с. 34–36].

Бомбардировочная и штурмовая авиация 226-й, 206-й штурмовой, 270-й бомбардировочной и 272-й ночной бомбардировочной дивизий действовала с аэродромов «Демидов», «Средняя Ахтуба», «Капустин Яр», «Эльтон», «Новоникольское» преимущественно ночью. Атаковались прежде всего передовые позиции врага в Сталинграде, которые вычислялись и указывались светом костров, зажигаемых красноармейцами на своем переднем крае в момент налёта, сигналами из ракетниц, залпами гвардейских миномётов с левого берега, качающимися наклонёнными лучами прожекторов и электрострелами в районе села Верхняя Ахтуба направлением на заводы «Баррикады» и «Красный Октябрь» [5, л. 135–162; 13, л. 360–362].

В результативности атак по эшелонам и складам нацистских войск по железнодорожной ветке «Лихая-Чир» значительную поддержку оказали небольшие партизанские и подпольные группы, добывавшие разведанные и подготавливаемые в том числе и в заволжском тылу, в поселке Куйбышев Среднеахтубинского района. По всей вероятности, помимо сбора разведанных и небольших стычек с группами немцев, румын, коллаборационистов подпольные отряды применяли продуманную систему визуальных и радиосигналов, ориентировавших ударные самолёты на цель.

Так, в ходе серии советских воздушных налётов 28–29 сентября 1942 г. на станции Чир, Суровикино, на склад в населённом пункте Нижне-Алексеевская по данным службы тыла 6-й полевой армии было уничтожено 16399 единиц снарядов и ракет калибром от 37-мм до 280-мм, кроме того сгорели два железнодорожных состава с двумя локомотивами и 86 вагонами, в которых находилось 455 кубометров бензина и дизельного топлива, 10 657 литров моторного масла, а также более пяти тонн продовольствия и других грузов [8].

При этом, частями 8-й Воздушной широко применялись ампулы с огнесмесью «КС», зажигательные бомбы ЗАБ-250 и ЗАБ-100. Приказом по армии практика ночного массового применения зажигательных средств всемерно поощрялась, а командир 272-й авиадивизии и начальники химической службы 272-й и 270-й дивизий получают благодарность командарма-8 [15, л. 11].

Принятые меры по усовершенствованию боевой работы авиации всех типов не могли не принести результатов. С переходом Красной Армии в контрнаступление, потери авиации противника увеличились и составили согласно армейской справке штаба 8-й Воздушной армии 89 машин в 80 воздушных боях, ценой потери 65 своих самолётов в период с 20 по 30 ноября 1942 г. [20, л. 141].

Согласно приказу № 113/ОП командованием 8-й Воздушной организуется воздушная блокада над окруженными 22 дивизиями 6-й полевой и части 4-й танковой дивизии Вермахта в Сталинграде. Истребителям дается задача уничтожать идущие на посадку транспортные немецкие самолеты Ю-52 и Хе-111, связывать боем прикрывавшие их Ме-109 [3, л. 1–3].

После уничтожения наступающими танкистами 24-го корпуса генерал-лейтенанта Василия Михайловича Баданова аэродрома подскока в станице Тацинской (в нынешней Ростовской области) расстояние для подвоза ресурсов в сталинградский котёл для люфтваффе удлинилось. В связи с этим, командующий 8-й воздушной армии генерал-лейтенант Т. Т. Хрюкин отдает приказ о полной воздушной блокаде района окружения нацистских армий в Сталинграде: «Основными лозунгами 30.12.42 г. должны быть: «Уничтожить все до единого транспортные самолёты противника в воздухе, не допустить их пролета в зону окружения» [4, л. 76–80].

Снабжение окруженных гитлеровцев было прервано. С 24 ноября 1942 г. по 3 февраля 1943 г. самолеты 1-го авиационного командования рейха выполнили 4872 вылета, доставив 8250 тонн различных грузов, по воздуху было эвакуировано около 30 тыс. человек, что составило 11 % численного состава группировки, окруженной в Сталинграде. При этом боевые и небоевые потери Люфтваффе составили 488 самолетов, в том числе: 266 Ю-52, 165 Хе-11, 42 Ю-89, 9 Фв-200, 5 Хе-177 и один четырехмоторный Ю-290. Погибли, пропали без вести и попали в плен свыше 1100 квалифицированных специалистов. С учетом машин, уничтоженных на земле, Германия лишилась около 800 воздушных транспортников. К этому количеству следует добавить еще 189 бомбардировщиков и свыше 200 истребителей [9, с. 401–402]. По немецким меркам – это была настоящая катастрофа.

Всего за время Сталинградской битвы лётчики 8-й воздушной армии сбили более 1850 немецких самолетов, из них 470 – уничтожили на земле. Потери самой армии составили около 1400 самолетов и 1116 летчиков, из них 1036 человек погибли в боях или не вернулись с боевых заданий. 25 летчиков стали Героями Советского Союза. 5 дивизий и 15 полков получили наименование гвардейских. Кроме того, гвардейские знамена получили еще 17 полков, входивших в состав 8-й воздушной в разные периоды Сталинградской битвы. 1 авиакорпус, 3 дивизии и 8 полков получили почетное наименование «Сталинградских» [12, с. 41].

Генерал-майор Вермахта, военный деятель Ганс Дёрр писал в своем исследовании «Поход на Сталинград» о том, что «...Немецкая авиация, потеряв 488 самолетов и около 1000 человек летного состава, понесла в этой операции самые большие потери со времени воздушного наступления на Англию, так как для выполнения поставленной задачи использовались почти только боевые самолеты. Не только сухопутные силы, но и авиация потеряла под Сталинградом целую армию» [7, с. 118–199].

Список литературы

1. Акт № 49 исполкома Среднеахтубинского районного совета о материальном ущербе от вражеских авианалетов 5-11 ноября 1942 г. 20.06.1942 г. // Государственный архив Волгоградской области (далее – ГАВО). Ф. 6088. Оп. 1. Д. 754. Л. 9–17.
2. Акт отвода площадки для оперативного аэродрома в селе Средняя Ахтуба, 26.03.1942 г. // ГАВО Ф. 2358. Оп. 2. Д. 9. Л. 11.
3. Боевой приказ штаба 8 ВА № 113/ОП. 01.12.1942 г. // Центральный архив министерства обороны (далее – ЦАМО). Ф. 346. Оп. 0005755. Д. 0012. Л. 1–3.
4. Боевой приказ штаба 8 ВА № 122/ОП. 29.12.1942 г. // ЦАМО. Ф. 346. Оп. 0005755. Д. 0012. Л. 76–80.
5. Боевое распоряжение штаба 8 ВА № 276/ОП. 01.11.1942 г. // ЦАМО. Ф. 346. Оп. 0005755. Д. 0017. Л. 135; Боевое распоряжение штаба 8 ВА № 281/ОП. 04.11.1942 г. // ЦАМО. Ф. 346. Оп. 0005755. Д. 0017. Л. 162.
6. Губин, Б. А. Восьмая воздушная: Воен.-ист. очерк боевого пути 8-й Воздуш. армии в годы Великой Отеч. Войны / Б. А. Губин, В. А. Киселев М.: Воениздат, 1980. 238 с.
7. Дёрр, Г. Поход на Сталинград: (Оперативный обзор) : [Пер. с нем.] / Дёрр Г. М.: Воениздат, 1957. 140 с.
8. Немецкие дивизии в Сталинградской битве Дневник службы тыла 6-й армии. 30.09.1942 г. URL: <https://nordrigel.livejournal.com/tag/сентябрь%201942> (дата обращения: 14.10.2020).
9. Зефилов, М. В. Свастика над Волгой. Люфтваффе против сталинской ПВО / М. В. Зефилов, Д. М. Дегтёв, Н. Н. Баженов. М.: АСТ : Хранитель, 2007. 645 с.

10. Журнал боевых действий 102-й истребительной авиационной дивизии Сталинградского корпусного района за 1942 г. // ЦАМО, Ф. 20014. Оп. 1. Д. 17.
11. История самолёта Ла-5 // История самолёта. Периодическое научно-популярное издание для членов военно-исторических клубов (ред.-сост. Иванов С. В.). 2006. № 1. С. 31–32.
12. Командарм крылатых: Генерал-полковник авиации Т. Т. Хрюкин / авт.-сост. В. С. Петров. Волгоград, 2002. 63 с.
13. План осенне-зимнего базирования частей 8 ВА от 08.10.1942 г. // ЦАМО. Ф. 346. Оп. 0005755. Д. 0011. Л. 360–362.
14. Попов, А. В небе Сталинграда // Слово солдата: [Воспоминания / Сост. Н. П. Жданов]. М. : Патриот, 1990. С. 84–100.
15. Приказ 8 ВА № 060 «О применении зажигательных средств» 23.11.1942 г. // ЦАМО. Ф. 20065 Оп. 0000001. Д. 0003. Л. 11.
16. Приказ 8 ВА № 090/ОП «О недочетах в воздушных боях с немцами и мероприятиях по их изжитию» 13.09.1942 г. // ЦАМО. Ф. 346. Оп. 0005755. Д. 0010. Л. 389.
17. Приказ 8-й ВА № 128 «Об атаке штурмовиков 228 ШАД своих войск». 12.08.1942 г. // ЦАМО. Ф. 220. Оп. 220. Д. 75. Л. 157–158.
18. Приказ 8 ВА № 0140 «О запрещении полётов без прикрытия, установлении зоны истребления и применения аэродромного манёвра» 29.08.1942 г. // ЦАМО. Ф. 220. Оп. 220. Д. 3. Л. 37.
19. Специальное сообщение № 1503/с «О недочетах в боевой работе авиационных частей 8 ВА». 05.09.1942 г. // ЦАМО. Ф. 346. Оп. 0005755. Д. 0004. Л. 68–69.
20. Справка о потерях ВВС противника и боевых потерях 8 ВА. 01.12.1942 г. // ЦАМО. Ф. 346. Оп. 0005755. Д. 0020. Л. 141.

УДК 332.13
ББК 65.28

Панин Аристарх Андреевич
студент группы БкУ-301

Шевченко Ксения Евгеньевна
студент группы БкУ-301

Научный руководитель: Михнева Светлана Владимировна
*кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры финансового и предпринимательского права
Волгоградский институт управления –
филиал РАНХиГС при Президенте РФ,
Волгоград, Россия*

ИСТОРИЯ ВОЗНИКНОВЕНИЯ СОЛЕДОБЫВАЮЩЕЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ В ВОЛГОГРАДСКОМ РЕГИОНЕ

Аннотация. Данная работа ставила перед собой цель в изучении и систематизации знаний о создании соледобывающей промышленности в XVIII веке на территории современной Волгоградской области. Были опровергнуты гипотезы о принудительном, безмотивационном труде во время становления промышленности. В рамках исследования использовался хронологический и системный метод, а также анализ и синтез. В результате нашего исследования было получено знание о создании стратегически важной отрасли народного хозяйства, основанной на гуманистических стилях управления в XVIII веке.

Ключевые слова: Эльтон, губерния, воевода, соледобывающая промышленность, ценообразование.

Panin Aristarkh Andreevich
student of the Bk-301 group

Shevchenko Ksenia Evgenievna
student of the Bk-301 group

Scientific supervisor: Mikheeva Svetlana Vladimirovna,
*Candidate of Law, Associate Professor, Associate
Professor of the Department of Financial and Business Law
Volograd Institute of Management –
branch of RANEPa under the President of the Russian Federation,
Volograd, Russia*

THE HISTORY OF THE SALT MINING INDUSTRY IN THE VOLGOGRAD REGION

Abstract. This work aimed to study and systematize knowledge about the creation of the salt industry in the XVIII century on the territory of the modern Volgograd region. Hypotheses about forced, unmotivated labor during the formation of industry were refuted. The study used a chronological and systematic method, as well as analysis and synthesis. As a result of our research, knowledge was gained about the creation of a strategically important branch of the national economy based on humanistic management styles in the XVIII century.

Keywords: Elton, province, governor, salt industry, pricing.

В современное время мы привыкли к удовлетворительным условиям труда, с опорой на взаимные интересы между работником и работодателем. Однако так было не всегда. Предлагаем поставить себя на место рабочего завода времен XVIII века. Что мы можем увидеть? Наблюдаются тяжелые условия труда, подкрепленные крепостным правом, наличие вредного производства, а также утвержденный Наказом В. Геннина в 1723 году рабочий день, который составляет на уральских заводах летом – 14 часов, осенью и весной – 12 часов, а зимой – 10 часов. На рудниках принято было работать 13 часов в день.

Когда говорится о фабрично-заводской промышленности XVIII века, мы сразу вспоминаем о Шуваловых, Демидовых или Строгановых. Но если разбирать те успехи более детально, то становится ясно, что первоочередно движущей силой промышленников являлось желание найти источник самообогащения, а не обогащения страны в целом. С этого момента начинается проявление задатков капитализма.

В то время именитые работодатели были известны новаторскими решениями в области управления своими предприятиями, а именно, через приказчиков, то есть, они минимизировали личное вмешательство в производственную деятельность. Говорить об улучшении условий производства, налаживании логистики, расширении рынков и прочих мер, которые предпринимают владельцы предприятий с целью увеличить оборот собственного дела на сегодняшний день нет смысла, поскольку промышленников того времени не интересовало, какими методами будет достигнуто желаемое – получение материального богатства.

Давайте задумаемся о том, что могло бы произойти, если бы рабочие и крестьяне трудились по личной инициативе, и имели бы собственные интересы касательно развития промышленности?

Отвечая на этот вопрос, мы бы хотели рассказать о необычайно успешном и крайне талантливым предпринимателе, который более двухсот лет назад трудился во благо нашего Отечества, а именно – о полковнике, Николае Федоровиче Чемодурове [2, с. 170].

В 1745 году Николай Федорович получает звание полковника и становится воеводой вятской земли. Но уже через год Елизавета Петровна совместно с Сенатом принимает решение организовать промышленную добычу соли на озере Эльтон, под предводительством Николая.

Соль – это жизненно необходимый продукт для любого человека времён Чемодурова, поскольку соль являлась единственным консервантом для продовольствия. Люди создавали запасы на зиму, используя соль, и остаться без нее было равнозначно остаться без еды. В то время нередко были бунты из-за постоянной острой нехватки соли. Есть версия, по которой считается, что их провоцировали сами соляные промышленники. То есть, вопрос о добычи соли стал настолько важен, что являлся вопросом сохранения государственной стабильности [1, с. 619].

Для успешного и стабильного государства необходимо было создать соледобывающую промышленность, способную обеспечить страну доступным для всех жителей продуктом. Елизавета Петровна, внучка Петра I, начала работать в этом направлении с учетом того, что выварка соли, которой занимаются в Пермском крае, наносит большой вред лесам.

В 1741 году Астраханский губернатор Василий Никитич Татищев смог убедить в необходимости признать монополию государства на добычу соли на озере Эльтон. И уже в 1746 году Императрицей принимается решение о начале разработки промышленности на озере Эльтон.

Николай Чемодуров по приказу Елизаветы Петровны уезжает в Саратов для того, чтобы провести достоверное описание Эльтона. Николай является первым ученым исследователем, который смог предоставить описание озера и его план. После чего он отправился в сто-

лицу, для того, чтобы передать образцы самой соли и воды на исследование. Ученые из медицинской коллегии провели исследования образцов и сделали вывод, что данная соль не является опасной и может использоваться человеком для приготовления пищи [3, с. 432].

Чемодуров отметил, что озеро находится на расстоянии 221 верст от Камышина и меньше 100 верст от станицы Антиповская. Также он заметил, что по этим дорогам нет леса для строительства жилья или обогрева. Пресная вода находилась в обилии – это означало, что не было нужно рыть новые колодцы. Достаточно лишь восстановить старые, что и сделали возчики соли.

Составляя описание Эльтона, были видны следы от повозок и саней как давние, так и свежие, что говорит о незаконной добыче соли. Позже Николай Федорович выяснил, что можно было продавать соль где угодно, после оплаты пошлины Саратовской таможни в 3 копейки с каждого пуда. А в самом Саратове продажа проходила за 12 копеек за пуд. Из-за того, что в Саратов поступала каменная соль из Астраханской губернии, эльтонская в город не привозилась.

Чемодуров определил ценообразование на соль в зависимости от близости к производству, а также запретил продажу соли из частных рук. Прогнозировалось, что учитывая ценообразование, Саратовские и Камышинские перевозчики соли будут ездить на Эльтон, поскольку это даст более высокую прибыль. Заниматься перевозками издалека будет выгодным, как и было во время свободной продажи соли.

Составляя доклад о проделанной работе, он сразу же принялся обсуждать дальнейшие шаги по улучшению производства. Он считал, что необходимо восстановить городок вблизи Эльтона и расположить в нём караульный пост для прекращения деятельности контрабандистов. Возчики должны были предъявлять специальный документ караулу, и следовать в одном из трех направлений. Пути на Дмитриевск и Саратов Чемодуров считал самыми выгодными. Для того, чтобы снизить затраты на перевалку соли, он предложил перенести амбары на левый берег реки.

Сенат дал Николаю Федоровичу возможность контролировать все экономические действия, связанные с соляным промыслом и он, с возложенной на него ответственностью, справился. Важной особенностью являлось то, что люди работали на добровольной основе, привлекался труд охочих людей и оплату производили без задержек. Для того времени это является абсолютно революционной идеей.

Вследствие того, что Чемодуров обрел все полномочия в области добычи соли, ему понадобилась помощь со стороны. Состав будущего штата Комиссарства должен был включать: секретаря, двоих канцеляристов и восьмерых копиистов. Таким образом, обозначилась структура новой государственной компании по добыче соли на Эльтоне.

Соляная Контора по просьбе полковника предоставила огромное количество различных сведений о стоимости соли, добываемой в астраханских озерах, провоза ее по Волге, а также сухим путем до мест потребления и продажной цене на соль. Эта информация помогла Чемодурову определить цену эльтонской соли. По его мнению, она явно не могла быть дороже астраханского бузуна. Иначе, не было бы смысла браться за выполнение эльтонского проекта. Предварительные расчеты помогли проявить картину: из-за отдаленности мест добычи транспортные расходы на доставку астраханской соли в центральные губернии России значительно превосходили те же расходы на транспортировку эльтонской соли. Один этот факт уже вселял уверенность в Эльтоне, который мог стать всероссийской солонкой, способной пополнить казну и прекратить дефицит соли в провинциях России.

Чемодуров, благодаря теоретическому пониманию задачи, заранее просчитал стоимость труда исполнителей-ломщиков и возчиков соли, перевалку ее через Волгу, доставку по

реке и сухопутным путем в различные губернии. Также, он учел практику соляного дела, в которой было очень много соблазна для воровства и обмана. Стоит только упомянуть усушку и утряску соли во время транспортировочных работ и хранения, ее взвешивание и отпуск. Лихоимцы получали очень много денег, набивая ими свои карманы, на доставке и продаже соли в верховых городах. Различные чиновники и целовальники умудрялись извлечь выгоду даже из нехватки мелкой монеты.

Как только Чемодуров приступил к своим обязанностям он сразу стал обустривать амбары на другой стороне Волги для экономии на транспортировке соли. Был создан защитный ров по правилам военного дела. Спустя месяц в амбарный городок на другой стороне Волги приехала первая партия соли.

Учреждение Соляного Комиссарства в Саратове – это одно из ярчайших мероприятий, которое провел полковник Чемодуров. Это событие помогло городу в своем развитии. Если говорить о комиссарстве, то необходимо сказать, что это первая в Российской истории государственная специализированная компания. Её опыт и практика, несомненно, стали настоящим учебным пособием для советских промышленников.

Сенат назначил Чемодурова воеводой Саратовских земель. Это означало, что в его руках скопилась огромная власть в Саратовском крае. Решение Сената дало возможность Н. Ф. Чемодурову уничтожить все препятствия, создаваемые местными чиновниками, и дать соляной промышленности на Эльтоне дальнейший ход развития.

Создав соледобывающее производство, получилось уйти от вынужденной монополии пермских солеваров, которые вредили экологии пермских лесов. Это позволило сохранить огромное количество деревьев. Также, стало возможным при малых затратах увеличить численность скотоводства, благодаря активному освоению междуречья Волги и Урала. Производство способствовало ускоренному заселению территорий.

Николай Федорович Чемодуров – настоящий герой нашего Отечества. Своими предпринимательскими, организационными и умственными способностями он смог добиться решения важнейшей задачи государства – преодоление дефицита соли в России. Он превратил глухую степь в плодородную землю, заселенную людьми, которые трудились на вольной основе и обеспечивали страну важнейшим продуктом.

Именно Николай Федорович Чемодуров использовал мобилизационные рычаги – социалистические принципы хозяйствования. Он вложил их в основу всего эльтонского проекта. Конечно, административные методы управления производством не были забыты. Но он ввел подрядное дело на ломке соли в озере, сумев доверить его только артелям. Иного эффективного способа организации их довольно специфического труда просто не существовало. Из-за сложности добычи соли в озере в технологическом аспекте, индивидуальный частный подряд подорвал бы все соляное дело в самом начале.

Теперь найм ломщиков осуществлялся на добровольной основе. Раньше же использовалась принудительная эксплуатация крепостных крестьян. Такими методами пользовались на заводах Демидовых и Строгановых. По новым правилам, оплата труда зависела от проделанной работы человеком. Мы наконец видим исключительно прямую зависимость оплаты от труда. Также, ломщики стали сами договариваться с возчиками о цене соли за добытый пуд. Конечно же, это было под пристальным наблюдением и контролем чиновников Низового Соляного Комиссарства, которые действовали по сенатским инструкциям.

Чемодуров придерживался коллективной формы труда и в транспортировке соли от Эльтона до волжских магазинов. Он использовал товарищество или артель, в которых возчики сами выбирали себе атамана. Перевозка соли одним частным лицом не подходила. На практике было видно, что при поломке фуры, которая загружена солью, возчик оказывался в

безвыходном положении. Конечно, этим могли воспользоваться грабители и другие лица, желающие получить столь ценный груз.

Может возникнуть вопрос: почему наши далекие предки перевозили эльтонскую соль обозом из десятков фур? После 20–30 верст обоз, чумак останавливался пообедать или поужинать, а также давал возможность отдохнуть скоту. Часто, во время ночи, чумаки окружали свой стан транспортом, чтобы обезопасить груз. Из-за этого у барантачей из кочевников не получалось пробиться, даже используя оружие. Единственной легкой добычей для них были обозы с достаточно малым количеством фур.

Существовавший товарищеский принцип самоорганизации в труде, который возник тысячи лет назад, помогал нашим предкам проходить все трудности и выживать в различных условиях. Ведь чиновникам, работодателям и в целом властям всегда сложнее договориться с товариществом, нежели с индивидуальным лицом. Тогда за обман артеля в расчетах за выполненный труд могло появиться слишком много проблем. Для того, чтобы избежать неприятностей, Николай Федорович Чемодуров приказал всем служивым людям рассчитываться деньгами с артелью чумаков на месте, в котором происходит сдача соли в магазины.

Для покорителей Эльтона это не просто территория, зона или земля с солью, это в первую очередь идея. В этом месте впервые в нашей истории была увидена возможность создать страну по совести и морали, а не по принудительным законам крепостничества.

Эльтон являлся истошным криком людей, желающих освободить себя от власти Демидовых и Строгановых. В один миг покорители озера пропитались идеей свободы, родного и справедливого мира. Там начала зарождаться новая русская цивилизация, без революции и насилия. До этого места нельзя было допустить «эффективных» собственников, которые только и хотели, что нажиться на прекрасном озере.

Эльтонская соляная эпопея стала мистерией Русского мира в ипостаси справедливости и веры. Однако немного ранее, прусские менеджеры России- Бироны и Минихи полагали, что им подвластно все: они обладают такой силой, что смогут уничтожить все нажитое одним щелчком пальцев. Но смелый полковник Чемодуров, который, несомненно, являлся патриотом, изменил ход всей игры. Он всегда стремился внедрить свободный труд людей, основанный на доверии, общих правах и обязанностях.

За максимально короткий срок полковник Н. Ф. Чемодуров смог поставил соляную промышленность на ноги и организовал поставки столь дефицитного товара из региона в другие части государства.

В заключение хочется сказать, что развитие соледобывающей промышленности в Волгоградском регионе, который в прошлом был частью Саратовской губернии, очень важный этап. Он, несомненно, связан с ролью личности в процессе – Н. Ф. Чемодурова. Этот человек открыл новый путь развития экономики для страны: честный и справедливый.

Список литературы

1. Петрушина, М. Н. Волгоградская область / М. Н. Петрушина, Н. Ю. Замятина // Большая российская энциклопедия. Том 5. М., 2006. С. 618–625. Текст : непосредственный.
2. Селиверстов, С. С. Дворянский род Чемодуровых // Вестник СамГУ. 2009. № 71. С. 170–173. Текст : непосредственный.
3. Энциклопедия Волгоградской области = Encyclopedia of the Volgograd Oblast / Администрация Волгогр. обл.; Волгогр. гос. ун-т; ред. сов.: Н. К. Максюта [и др.]; редкол.: О. В. Иншаков (гл. ред.), С. А. Аргасцева [и др.]. Волгоград: Издатель, 2008. 445, [2] с.: ил., фот., карты, [20] л. цв. вкл. Библиогр.: С. 404–446. 1000 экз. Текст : непосредственный.

УДК 342
ББК 60

Поломошнов Андрей Федорович,
*доктор философских наук, профессор,
заведующий кафедрой иностранных языков
и социально-гуманитарных дисциплин,
Некрасова Ирина Николаевна,*
*аспирант кафедры иностранных языков
и социально-гуманитарных дисциплин,
Донской государственной аграрной университет,
п. Персиановский, Ростовская область, Россия*

ЭЛЕКТОРАЛЬНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ КАК СРЕДСТВО ЭЛЕКТОРАЛЬНОГО ВОСПИТАНИЯ

Аннотация. Статья посвящена анализу педагогического воздействия электоральных технологий, применяемых субъектами селектората в процессе избирательных кампаний. Цель статьи состоит в исследовании эффективности различных электоральных технологий с т. зр. формирования развитой электоральной культуры избирателей. Гипотеза исследования состоит в том, что технологические и политические параметры определенной электоральной технологии определяют ее педагогическую эффективность. Методика исследования основана на сравнительном анализе воспитательного эффекта «чистых» и «грязных» электоральных технологий. Установлено, что в реальном избирательном процессе многие электоральные технологии не направлены на формирование и развитие высокой электоральной культуры избирателей и не могут рассматриваться как эффективный способ электорального воспитания избирателей. Развитие высокой электоральной культуры избирателей через участие в выборах происходит не благодаря активности селектората, а благодаря высокой сознательности и активности избирателей, которые сознательно противостоят электоральным технологиям селектората. Негативные педагогические эффекты от применения грязных электоральных технологий не только не развивают электоральную культуру избирателей, но, нередко формируют негативную культуру абсентизма.

Ключевые слова: электорат, селекторат, электоральная культура, электоральное поведение, электоральный процесс, электоральные технологии, электоральное воспитание.

Polomoshnov Andrey Fedorovich
*Doctor of Philosophy, Professor,
Head of the Department of Foreign Languages
and Social and Humanitarian Disciplines,
Nekrasova Irina Nikolaevna,*
*postgraduate student of the Department of Foreign Languages
and Social and Humanitarian Disciplines,
Don State Agrarian University,
Persianovsky settlement, Rostov Region, Russia*

ELECTORAL TECHNOLOGIES AS A MEANS OF ELECTORAL EDUCATION

Abstract. The article is devoted to the analysis of the pedagogical impact of electoral technologies used by the subjects of the selectorate in the process of election campaigns. The purpose of the article is to study the effectiveness of various electoral technologies in terms of formation of a devel-

oped electoral culture of voters. The research hypothesis is that the technological and political parameters of a certain electoral technology determine its pedagogical effectiveness. The research methodology is based on a comparative analysis of the educational effect of «clean» and «dirty» electoral technologies. It has been established that in the real electoral process, many electoral technologies are not aimed at the formation and development of a high electoral culture of voters and cannot be considered as an effective way of electoral education of voters. The development of a high electoral culture of voters through participation in elections is not due to the activity of the selectorate, but due to the high consciousness and activity of voters who consciously oppose the electoral technologies of the selectorate. Negative pedagogical effects from the use of dirty electoral technologies not only do not develop the electoral culture of voters, but often form a negative culture of absenteeism.

Keywords: electorate, selectorate, electoral culture, electoral behavior, electoral process, electoral technologies, electoral education.

Электоральная культура избирателей является одним из ключевых факторов, определяющих как техническую, так и политическую эффективность избирательного процесса. С одной стороны, уровень ее развития определяет эффективность результатов выборов с т. зр. реального представительства интересов избирателей в избранных органах власти. С другой стороны, организация избирательного процесса и, в особенности, способы электоральной деятельности селектората, являются важным фактором формирования электоральной культуры избирателей. В деятельности субъектов селектората в период избирательных кампаний применяется комплекс специальных электоральных технологий, которые можно рассматривать и как средство воздействия на электоральный выбор избирателей и как средство политического воспитания избирателей. Т.о. для исследования содержания и эффективности предвыборной коммуникации избирателей и избираемых в контексте задач формирования и развития электоральной культуры избирателей необходимо обратиться к анализу электоральных технологий, в рамках которых субъекты селектората определяют содержание и порядок использования основных средств предвыборной пропаганды и агитации.

Существует множество различных подходов к определению понятия «электоральная технология». Если попытаться выделить их общий контекст, то электоральную технологию можно определить как систему действий или способ деятельности субъектов селектората в период избирательной кампании, как способ организации и менеджмента избирательной кампании определенного кандидата. «Избирательные технологии представляются как специфическая сфера деятельности по подготовке и проведению избирательных кампаний... В данном контексте можно выделить не только агитационные технологии, но и технологии юридического, организационного, финансового сопровождения избирательной кампании» [4, с. 66].

В условиях современного политического процесса многие исследователи рассматривают электоральные технологии в контексте рыночного подхода, рассматривая выборы как политический рынок. «Электоральные технологии могут быть определены как совокупность действий, направленных на изучение политического рынка, поведения избирателей и возможностей влияния на поведение избирателей с целью его сохранения, изменения или кардинальной трансформации в рамках избирательных кампаний» [5, с. 112]. С т.зр. собственно технологического аспекта воздействия на избирателей электоральные технологии определяются как «...совокупность методов влияния на массы избирателей с целью управления их электоральным поведением, в результате использования которой избиратели отдают свои голоса за определенных кандидатов или политические партии» [5, с. 112].

Е. Г. Морозова в своем определении электоральных технологий подчеркивает, что они существуют в рамках определенного электорального законодательства. «Электоральные технологии объемлют нормы избирательного права, практику избирательного процесса, динамику и структуру участия в нем различных политических акторов, способы реализации политических интересов и достижения значимых политических результатов в период избирательных кампаний» [6, с. 7].

Анализ педагогического эффекта электоральных технологий требует дать их классификацию. С т.зр. характера воздействия на избирателя электоральные технологии можно разделить их на два основных типа: 1 – открытые, основанные на открытой, честной коммуникации субъекта селектората с избирателями и 2 – манипулятивные, основанные на скрытом управлении со стороны субъекта селектората поведением и сознанием избирателей в своих корыстных интересах. «Манипулятивными обычно называют технологии, отвечающие следующим критериям: а) в большинстве случаев исход желателен для влияющего; б) часто исход нежелателен для объекта влияния; в) информация, расходящаяся с желанием влияющей стороны, не оглашается; г) объекту влияния не предоставляется возможности самостоятельного выбора» [6, с. 146–147].

Манипулятивные технологии, в свою очередь, по способу мотивации поведения избирателя делятся на: 1 – позитивные (поощряющие), или белые и 2 – негативные (угрожающие), или черные технологии. Белые технологии «...имеют своей целью завоевание доверия электората, расположение его путем завлечения своей избирательной кампанией. «Черные» же технологии идут от обратного, а именно, предполагают вызывание неприязни к другим кандидатам, тем самым привлекая к голосованию за необходимого кандидата» [1, с. 121].

По применяемым способам ведения избирательной кампании с т. зр. избирательного законодательства все электоральные технологии можно разделить на три типа: 1 – чистые (законные), 2 – грязные (противозаконные) и 3 – серые (в которых соединяются законные и незаконные формы электоральной деятельности, или незаконные формы маскируются под законные).

Если мы соединим эти две классификации, мы получим палитру возможных типов электоральных технологий: 1 – чистые, открытые, белые, 2 – чистые, открытые, черные, 3 – чистые, манипулятивные, белые, 4 – чистые, манипулятивные, черные, 5 – грязные, манипулятивные, белые, 6 – грязные, манипулятивные, черные, 6 – серые, манипулятивные, белые, 7 – серые, манипулятивные, черные.

В реальном электоральном процессе субъекты селектората обычно использует не один тип, а несколько типов электоральных технологий, отдавая приоритет, тем не менее, тому или иному типу. Эффективность и трудоемкость их различна. Она зависит не только от искусства электоральных технологов, составляющих политический штаб того или иного субъекта селектората, но и от степени развитости электоральной культуры избирателей. Выбор электоральных технологий зависит и от палитры основных субъектов селектората и сложившейся в обществе системы политической их коммуникации. В этом контексте уместно замечание З. А. Исимбековой: «Характер применения технологий электоральной конкуренции политическими партиями может служить показателем динамики политической системы» [2, с. 16].

С т. зр. формирования и развития зрелой электоральной культуры избирателей, безусловно, позитивным педагогическим эффектом обладают открытые, чистые, позитивные технологии. Антипедагогическим эффектом обладают любые манипулятивные технологии, но, в особенности грязные манипулятивные технологии.

Рассмотрев типы электоральных технологий, следует поставить вопрос: каков педагогический эффект применения тех или иных технологий в контексте формирования и развития

электоральной культуры избирателей через практику их участия в избирательных кампаниях? Чисто теоретически считается, что основные формы предвыборной коммуникации субъектов селектората с избирателями должны воспитывать зрелую электоральную культуру избирателей, повышать их электоральную грамотность и электоральную активность. В таком случае способ формирования электоральной культуры избирателей через практическое участие их в избирательных кампаниях можно было бы рассматривать как эффективную форму воспитания и развития высокой электоральной культуры избирателей. Однако, применение некоторыми субъектами селектората грязных (манипулятивных или вообще противозаконных электоральных технологий) ведет не к позитивному развитию электоральной культуры избирателей, а к ее деструктивным, негативным деформациям. М. В. Рыбина и С. Н. Федорченко отмечают, что «Применение электоральных технологий политического менеджмента, к сожалению, происходит по большей мере в целях манипуляции сознанием избирателей» [7, с. 273].

В этом контексте следует признать, что многие электоральные технологии в основной своей части не направлены на формирование и развитие высокой электоральной культуры избирателей и не могут рассматриваться как эффективный способ электорального воспитания избирателей. Развитие высокой электоральной культуры, грамотной электоральной ориентации и поведения избирателей через участие в выборах происходит, как это ни парадоксально, не благодаря активности селектората, а благодаря высокой сознательности и активности избирателей, которые сознательно и эффективно противостоят электоральным технологиям селектората.

«Педагогический эффект» от участия избирателей в избирательных кампаниях носит противоречивый характер. Негативные педагогические эффекты от применения грязных электоральных технологий не только не развивают электоральную культуру избирателей, но, нередко формируют негативную культуру абсентизма. Д. А. Антрушина справедливо замечает, что избиратели «... в большинстве своем относятся к агитации нейтрально или даже негативно (что объясняется общим политическим абсентеизмом)» [1, с. 117].

Тренд динамики электорального поведения в сторону абсентизма, вплоть до формирования в сознании рядового избирателя устойчивого политического иммунитета к любым избирательным технологиям, конечно, является негативным и требует принятия эффективных мер для его преодоления. Ю. В. Капранова подчеркивает необходимость комплексного подхода к этой проблеме. «Решать проблемы электоральной активности необходимо как в рамках конкретной избирательной кампании, так и в перспективе в целом, для чего электоральную активность необходимо закрепить нормативно» [3, с. 35].

В комплексе мер по предотвращению избирательного абсентизма отдельным направлением должно стать обеспечение «чистоты», политической корректности применяемых селекторатом политических избирательных технологий. Ведь, политическая конкуренция субъектов селектората, в которой применяются некорректные электоральные технологии, во-первых, а также отсутствие серьезных различий между политическими программами субъектов селектората, традиционное расхождение между словами и делами кандидатов и избранных представителей – все это и обуславливает не только низкую эффективность предвыборной агитации, но и скептическое негативное отношение части избирателей к выборам вообще.

Низкая педагогическая эффективность практического участия избирателей в избирательных кампаниях в контексте развития их электоральной культуры обусловлена не только противоречивыми и не всегда корректными электоральными технологиями, применяемыми субъектами селектората, но и общими особенностями политического и электорального процесса в современном обществе.

Список литературы

1. Антрушина, Д. А. Манипулирование поведением избирателей (на примере кампании по выборам президента Российской Федерации 2018 года). Текст: непосредственный // Вопросы российской юстиции. 2019. № 3. С. 112–148.
2. Исимбекова, З. А. Технологии электоральной конкуренции политических партий на парламентских выборах в современной России: автореф. дис. канд. полит. наук: 23.00.02 / Исимбекова, Зарина Аликовна; Саратовский государственный университет им. Н. Г. Чернышевского. Саратов, 2013. 26 с.
3. Капранова, Ю. В. Электоральная активность: подходы к определению и технологии ее повышения. Текст: непосредственный // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Юридические науки. 2022. Т. 8. № 1. С. 31–36.
4. Комягина, М. В. Избирательные технологии: основные подходы и концептуальные основы. Текст: непосредственный // Ученые записки Казанского университета. Гуманитарные науки. 2010. Т. 152, кн. 5. С. 65–73.
5. Корякина, В. С. Электоральные технологии: проблемы политологического исследования. Текст: непосредственный // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2014. № 11 (54). С. 111–116.
6. Морозова, Е. Г. Электоральный менеджмент: учеб. пособие. М.: РЦИОТ, 2002. 232 с. Текст: непосредственный. С. 146–147.
7. Рыбина, М. В., Федорченко С. Н. Электоральные технологии политического менеджмента. Текст: непосредственный // Известия МГТУ. 2012. С. 267–274.

УДК 316.36
ББК 60.54

Полтавская Мария Борисовна
кандидат социологических наук, доцент,
доцент кафедры социологии и политологии,
Волгоградский государственный университет,
Волгоград, Россия

ИДЕАЛЬНАЯ СЕМЬЯ В ПРЕДСТАВЛЕНИИ МОЛОДЕЖИ ВОЛГОГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ

Аннотация. Цель работы: выявление представлений молодежи Волгоградской области о семье, семейных ценностях, идеальной семье. Метод исследования – глубинное интервью, N=12, в возрасте 18-35 лет. Гайд глубинного интервью содержал блоки, выявляющие характеристики идеальной семьи, ее сравнение с родительской семьей, представление об оптимальной структуре и составе семьи, ролях мужчины и женщины, распределении обязанностей. Отдельный блок вопросов касался влияния агентов (государства, СМИ, кинематографа) на формирование образа идеальной семьи. На материалах статистики показывается, что средний возраст жениха и невесты за последнее десятилетие сместился в сторону старших возрастных групп, что сказывается на уменьшении числа молодых семей. Молодые люди в качестве идеальной семьи видят полную семью, проживающую отдельно от родителей мужа и жены, но поддерживающую связь с дедушками и бабушками. По составу идеальная семья, как правило, включает мать, отца и двух детей.

Ключевые слова: семья, молодая семья, молодежь, представления об идеальной семье, образ семьи.

Poltavskaya Maria Borisovna
Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor,
Associate Professor of the Department of Sociology and Political Science,
Volgograd State University,
Volgograd, Russia

THE IDEAL FAMILY IN THE REPRESENTATION OF THE YOUTH OF THE VOLGOGRAD REGION

Abstract. The purpose of the work: to identify the ideas of the youth of the Volgograd region about family, family values, an ideal family. The research method is an in-depth interview, N=12, at the age of 18-35 years. The guide of the in-depth interview contained blocks revealing the characteristics of an ideal family, its comparison with the parent family, an idea of the optimal structure and composition of the family, the roles of men and women, and the distribution of responsibilities. A separate block of questions concerned the influence of agents (the state, the media, the cinema) on the formation of the image of an ideal family. Statistics show that the average age of the bride and groom has shifted towards older age groups over the past decade, which affects the decrease in the number of young families. Young people see a complete family as an ideal family, living separately from the parents of the husband and wife, but maintaining contact with grandparents. The composition of an ideal family, as a rule, includes a mother, father and two children.

Keywords: family, young family, youth, ideas about the ideal family, the image of the family.

Для молодежи семья продолжает оставаться значимой ценностью при выборе жизненной стратегии. Иметь семью и рожать детей – важный пункт в планах российской молодежи, поэтому семья продолжает оставаться значимым жизненным ориентиром молодежи. Это подтверждают результаты как общероссийских, так и региональных исследований [5].

Социологическое изучение института современной семьи, процесс ее институционализации, трансформации семейных ролей, проблемы молодой студенческой семьи представлены в работах Т. К. Ростовской, Е. А. Князьковой [9], теоретико-методологические подходы к изучению трансформации института семьи поднимаются в исследованиях Т. А. Гурко [3].

Представления студентов и молодежи о семье, структура студенческих семей, трансформация ролей обсуждается на страницах статей З. Х. Саралиевой, Н. Ю. Егоровой, Е. С. Рябинской [10], И. Б. Назаровой, М. П. Зеленской [7]. Представления студенток о современной семье и родительстве раскрываются в работе А. П. Багировой, О. М. Шубат [1].

Цель работы: выявление представлений молодежи Волгоградской области о семье, семейных ценностях, идеальной семье. Метод исследования – глубинное интервью, N=12, 4 информанта мужчины, 8 информантов женщин, возраст 18–35 лет. Материалы глубинного интервью были собраны в мае 2022 года студенткой 4 курса направления «Социология» Синицыной Н. А. в рамках преддипломной практики. Гайд глубинного интервью содержал блоки, выявляющие характеристики идеальной семьи, ее сравнение с родительской семьей, представление об оптимальной структуре и составе семьи, ролях мужчины и женщины, распределении обязанностей. Отдельный блок вопросов касался влияния агентов (государства, СМИ, кинематографа) на формирование образа идеальной семьи.

Если обратиться к статистическим данным по заключенным бракам в РФ за последнее десятилетие с 2011 по 2021 гг., то можно увидеть, что количество браков, заключаемых молодыми людьми в возрасте 18–24 года до 2020 года снижалось, что наглядно видно на рис. 1 и рис. 2.

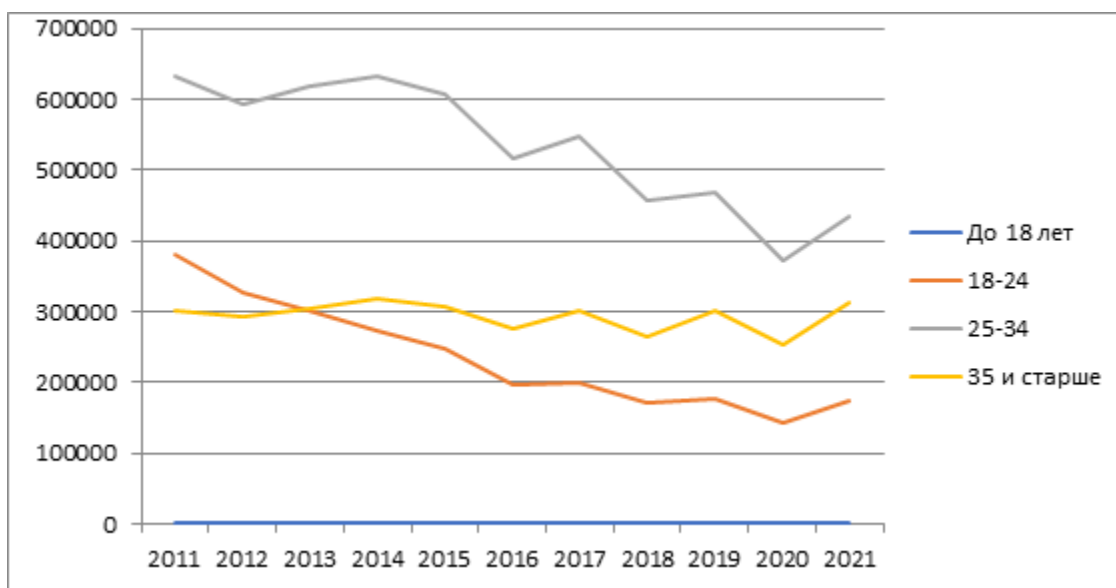

Рис. 1. Количество заключенных браков по возрасту жениха, с 2011 по 2021 гг. [2]

Снижение количества заключенных браков в 2020 году связано с ограничениями пандемии коронавируса, в 2021 году наблюдается восстановление по возрастным когортам прак-

тически допандемийных значений 2019 года. Средний возраст жениха и невесты за десятилетие сместился в сторону старших возрастных групп, можно сделать вывод, что подавляющее большинство юношей и девушек регистрируют отношения после 25 лет. Количество заключенных браков, в которых невеста старше 35 лет, за последнее десятилетие медленно, но верно увеличивалось, согласно кривой на рис. 2. Данные тенденции «старения брачности» сказываются на уменьшении числа молодых семей.

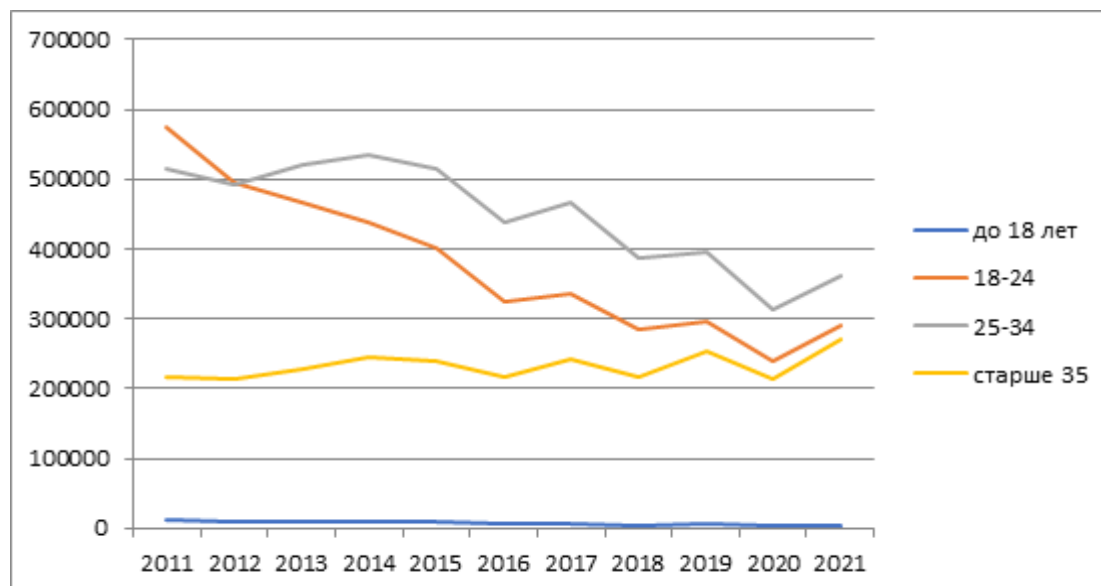

Рис. 2. Количество заключенных браков по возрасту невесты с 2011 по 2021 гг. [2]

Молодые люди в качестве идеальной семьи представляют нуклеарную семью, проживающую отдельно от родителей мужа и жены, но поддерживающую связь с дедушками и бабушками:

«Общаться нужно обязательно, <...> не ограничивать семью. Это могут быть бабушки, дедушки, двоюродные братья и сестры, тётки там, дяди разные, другие родные. А вот жить всё равно надо отдельно, своя семья отдельно должна жить» (Информант 2, муж., 22 года).

Таким образом, речь не идет о расширенной семье, молодые люди в качестве идеала видят нуклеарную семью из двух поколений. В качестве основы семьи видится супружеская пара с детьми, не исключаются и другие родственники, но они представляются на периферии, за пределами ядра семьи: *«Основа семьи – это, конечно, мама, папа, дети. Дальше круг расширяется, но все другие – это уже внешний круг семьи» (Информант 2, муж., 22 года).*

По своему составу идеальная семья, как правило, включает мать, отца и не менее одного ребенка, чаще называлось наличие двух детей для идеальной семьи:

«Идеальная семья все же имеет, скорее, два ребенка. Это не канон и не обязательно, но все же» (Информант 2, муж., 22 года).

«Количество детей в идеальной семье по душе каждый сам выбирает, для меня пока это один ребёнок. Возможно, я изменю своё отношение в будущем. Не исключаю этого» (Информант 4, жен., 26 лет).

«У меня идеальная картинка семьи – два ребёнка. Мальчик и девочка, было бы вообще идеально» (Информант 5, муж., 19 лет).

«Дети... Один, мне кажется, это эгоист. Трое – это перебор. Двое, наверно, самое то» (Информант 7, жен., 33 года).

Итак, мы видим, что предпочтительной моделью идеальной семьи по количеству детей является наличие двоих. Полученные данные согласуются с ранее проведенным исследованием в Волгоградской области [6]. Однако информанты замечают, что количество детей не самая важная составляющая семьи, влияющая на качество семейной жизни: *«От количества детей не зависит качество семьи. Знаете, если ребенок один, уже хорошо. Если их трое, то прекрасно. Тут главное, чтобы была возможность любить каждого одинаково, обеспечивать, помогать и содержать» (Информант 10, жен., 23 года).*

Молодые люди отмечают в качестве идеала полную модель семьи, в которой есть как мать, так и отец, а также царят гармоничные отношения: *«Идеальная семья для меня – это полноценная семья, когда у ребенка есть и мама, и папа, существуют тёплые отношения. Пусть не любовь прям, но уважение и доверие» (Информант 7, жен., 33 года).*

Идеальная семья видится эгалитарным союзом, основанном на доверии, взаимопонимании, поддержке, равноценном распределении обязанностей: *«Идеальная семья – это когда муж, в основном он, конечно, зарабатывает. Да... А жена все же больше занимается домом, бытом. И собой занимается» (Информант 11, муж., 23 года).*

Отметим, что роль идеальной жены в представлении молодежи («жена-домохозяйка»), которая, в то же время, занимается собой, ухаживает за собой («жена-красавица»). А вот воспитательную роль в идеальной семье отец готов делить с матерью:

«А вот детьми занимаются вместе. И еще что обязательно – время вместе проводить. Не годится жить вместе и быть двумя разными людьми. На то они и семья, чтобы быть вместе» (Информант 11, муж., 23 года).

При этом женщина готова на распределение обязанностей, готова взять на себя ведение домашнего хозяйства, бытовые вопросы при условии, что мужчина будет зарабатывать и обеспечивать потребности семьи: *«...если мой мужчина будет зарабатывать и обеспечивать все необходимые потребности мои и ребёнка, то я готова взять всё, что касается быта, полностью на себя» (Информант 4, жен., 26 лет).*

Эгалитарная семья, в которой обязанности и роли распределены по-партнерски, представляется молодежи в качестве идеала.

На чем же основывается идеальное представление о семье у молодежи. Во-первых, на том, что транслируют СМИ [9]. Об этом говорят информанты в нашем исследовании: *«Мне кажется, что этот образ везде маячит сейчас, куда ни глянь, <...> на плакатах на улице, в кино разном» (Информант 8, жен., 21 год).*

Источниками идеального образа семьи является близкое окружение, фильмы и реклама: *«...как-то волей-неволей это видишь и впитываешь. С детства видела себя мамой двоих детей, мальчик старший, защитник, и девочка, которая везде за братом» (Информант 8, жен., 21 год).*

Кино и реклама дает нам богатый материал о современном состоянии общества, о социальных проблемах, в том числе и о современной семье, ее устройстве, ролевом наборе [11]. В рекламе можно встретить модели и роли, характерные для современной семьи, которые осознают, запоминают, а порой интериоризируют молодые люди [4].

В то же время молодые люди выстраивают некий идеальный образ семьи, в качестве которой выступает полная семья с одним, чаще двумя детьми. Полная семья с тремя детьми, расширенная семья – варианты, которые реже называли информанты в нашем исследовании, они нетипичны, поэтому не лежат в основе представлений об идеальной семье.

Семья для молодежи – место безопасности, поддержки, спокойствия. Семья, создаваемая молодыми людьми до 35 лет, значимый социально-демографический ресурс страны. Молодежь относится к созданию семьи серьезно, осознавая, что создание семьи – серьезный шаг, переход на новый этап жизнедеятельности человека. Образ семьи для молодежи Волгоградской области складывается на основе образа семьи родителей, образа семьи, транслируемой рекламой, кинематографом и СМИ.

Список литературы

1. Багирова, А. П., Шубат, О. М. Семья и родительство сквозь призму мнений студентов // Социологические исследования. 2017. № 7 (399). С. 126–131.
2. Браки по возрастам жениха и невесты // Федеральная служба государственной статистики – URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/12781> (дата обращения: 21.11.2022). Составлено автором.
3. Гурко, Т. А. Теоретические подходы к изучению трансформации института семьи // Социологический журнал. 2020. Т. 26. № 1. С. 31–54.
4. Данилова, А. Д. Трансформация образа семьи в поликомпонентной системе современного рекламного дискурса / А. Д. Данилова, Т. А. Костылева // Мир науки, культуры, образования. 2019. № 6 (79). С. 674–675.
5. Егорова, Н. Ю. Трансформации супружества в контексте семейных ценностей // Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университета. Социально-экономические науки. 2017. № 2.
6. Кривко, М. А., Покатилов, Д. А., Шефатова, Ж. В. Образ семьи и брака в молодежной среде Волгоградской области // Главный врач Юга России. 2018. № 2 (60). С. 71–74.
7. Назарова, И. Б., Зеленская, М. П. Брак, семья, обучение: установки и представления студентов // Социологические исследования. 2019. № 7. С. 78–89.
8. Ростовская, Т. К., Васильева Е. Н. Освещение семейно-демографической политики в СМИ: результаты всероссийского исследования // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4: История. Регионоведение. Международные отношения. 2022. Т. 27. № 1. С. 236–248.
9. Ростовская, Т. К., Князькова Е. А. Институциональные основы становления студенческой семьи как ресурса демографического развития России // Вестник Южно-Российского государственного технического университета (НПИ). Серия: Социально-экономические науки. 2022. Т. 15. № 1. С. 169–179.
10. Саралиева, З. Х., Егорова Н. Ю., Рябинская Е. С. Брак и семья студентов в условиях трансформации // Вестник Южно-Российского государственного политехнического университета (НПИ). Серия: Социально-экономические науки. 2022. Т. 15. Вып. 1. С. 193–208.
11. Тюлюнова, В. В. Образ семьи в современном российском кинематографе в оценках экспертов // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. 2020. № 2 (58). С. 134–142.

УДК 31
ББК 60.9

Прохорова Вера Алексеевна
магистрант группы МУЗ-300,
Научный руководитель: Богомолова Ирина Викторовна
кандидат экономических наук, доцент,
доцент кафедры государственного управления и менеджмента
Волгоградский институт управления –
филиал РАНХиГС при Президенте РФ,
Волгоград, Россия

ФОРМИРОВАНИЕ ДОСТУПНОЙ СРЕДЫ КАК ПРИОРИТЕТНОЕ НАПРАВЛЕНИЕ СОЦИАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ

Аннотация. В статье исследуется вопрос создания доступной и безбарьерной среды для маломобильных групп населения как одно из направлений социальной политики. Актуальность проблемы обусловлена увеличением численности людей с ограниченными возможностями и наличием труднопреодолимых барьеров для них. В статье рассмотрена нормативная база регулирующая формирование доступной среды, дана оценка результатам реализации государственных программ исполнительными органами, проведен анализ существующих проблем в обеспечении пространства без барьеров.

Ключевые слова: формирование доступной среды, социальная защита, государственная социальная политика, государственная программа «Доступная среда», инвалиды, маломобильность, безбарьерная среда, пандусы, мнемосхемы.

Prokhorova Vera Alekseevna
Master's student of the MUZ-300 group,
Scientific supervisor: Bogomolova Irina Viktorovna
Candidate of Economic Sciences, Associate Professor,
Associate Professor of the Department of Public Administration and Management
Volgograd Institute of Management –
branch of RANEPA under the President of the Russian Federation,
Volgograd, Russia

THE FORMATION OF AN ACCESSIBLE ENVIRONMENT AS A PRIORITY DIRECTION OF SOCIAL POLICY

Abstract. The article examines the problem of creating an accessible and barrier - free environment for low – mobility groups of the population as one of the directions of social policy. The urgency of the problem is due to the increase in the number of people with disabilities and the presence of insurmountable barriers for them. The article examines the regulatory framework regulating the formation of an accessible environment, evaluates the results of the implementation of state programs by executive bodies, and analyzes existing problems in providing a space without barriers.

Keywords: formation of an accessible environment, social protection, state social policy, disabled people, low mobility, barrier-free environment, state program «Accessible environment», ramps, mnemonic circuits.

Маломобильное население – это не только та группа граждан, которая имеет долговременные ограничения в связи с состоянием здоровья, например, тяжелые заболевания или физиологические особенности, приводящие к инвалидности. К ним относятся также и родители, имеющие маленьких детей, лица, временно потерявшие мобильность, пенсионеры и другие категории. Государственная социальная политика имеет множество направлений, одно из которых – это формирование доступной среды, целью которого является обеспечение высокого уровня жизни всех категорий населения и свободы передвижения каждого из нас, вне зависимости от состояния здоровья.

По официальным данным Федеральной службы государственной статистики количество инвалидов в Российской Федерации на период начала 2022 года составляет 10 миллионов 556 тысяч 63 инвалида [4]. Эта цифра не включает в себя пенсионеров, беременных женщин, малолетних детей, людей, временно ограниченных в передвижении, и других маломобильных групп населения. Ежедневно такие люди посещают разные объекты: магазины, учреждения социальной направленности; осуществляют передвижение по улицам городов (пешеходные переходы, включая наземные и подземные) и, разумеется, при условии своего проживания в многоквартирных домах, выходят из подъездов, спускаются с лестниц.

К маломобильным группам населения относятся: инвалидов с поражением опорно-двигательного аппарата, в том числе использующих кресла-коляски; инвалидов с нарушением зрения и слуха; лиц от 60 лет и старше; временно нетрудоспособных; беременных женщин; людей с детскими колясками; детей дошкольного возраста [5].

Понятие «доступная среда» в разных сферах трактуется по-разному. Так, в законодательстве, регулирующем порядок проектирования и строительство зданий, «доступность» – это такая характеристика объекта, которая говорит о возможности любого желающего беспрепятственно до него добраться, попасть и воспользоваться его услугами.

В законодательных документах ООН термин «доступность» рассматривается с гораздо более широкого ракурса, а именно включает в себя «доступность физического, социального, экономического и культурного окружения, здравоохранения и образования, а также информации и связи, поскольку она позволяет инвалидам в полной мере пользоваться всеми правами человека».

Проанализировав понятие «доступная среда», представленное в законодательных актах России и иностранных государств, мы дали ему следующее определение: «доступная среда – это такое пространство, в котором созданы такие условия, которые позволяют свободное перемещение, использование всех видов услуг, функционирование для всех групп населения во всех сферах жизнедеятельности (информационная, профессиональная, реабилитационная, информационная и другие)».

В Соединенных Штатах и странах Европы активное внимание развитию доступности среды стало уделяться еще в прошлом веке, то есть до ратификации Конвенции ООН. Арсенал используемых средств в этих странах довольно широк и удобен для маломобильных групп населения. В США в 60-е годы XX века был принят стандарт доступности зданий для инвалидов, при этом принцип «безбарьерности» внедрялся, как и в части государственного, так и частного имущества. Цель формирования такой среды состояла в том, чтобы население окружала максимально комфортная среда вне зависимости от наличия каких-либо ограничений.

В случае нашей страны градостроительство, объекты которого во многом сохранились с советских времен, выполнялось без учета интересов маломобильных групп населения, особенно это касается инфраструктуры.

В 2012 году Российской Федерацией была ратифицирована Конвенция ООН о правах инвалидов, подписанная в 2008 г. После чего был дан старт изменениям в нашей стране по

созданию безбарьерной среды для населения, ограниченного в мобильности. Для установления четких регламентов, порядков, способов формирования доступной среды в России был принят ряд законодательных актов, опираясь на которые действует, в том числе, государственная программа «Доступная среда» [6].

Начало формирования доступной среды в нашей стране положил Указ Президента РФ от 2 октября 1992 г. № 1156 «О мерах по формированию доступной для инвалидов среды жизнедеятельности» и Федеральный закон от 24 ноября 1995 г. № 181-ФЗ «О социальной защите инвалидов в Российской Федерации». Федеральный закон от 03 мая 2012 г. № 46-ФЗ «О ратификации конвенции ООН о правах инвалидов», Федеральный закон от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ «Об образовании в РФ», Постановление Правительства РФ от 29 марта 2019 г. № 363 «Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Доступная среда», Постановление Правительства РФ от 17.06.2015 № 599 «О порядке и сроках разработки федеральными органами исполнительной власти, органами исполнительной власти субъектов Российской Федерации, органами местного самоуправления мероприятий по повышению значений показателей доступности для инвалидов объектов и услуг в установленных сферах деятельности», Приказ Министерства образования и науки РФ от 9 ноября 2015 г. № 1309 «Об утверждении Порядка обеспечения условий доступности для инвалидов объектов и предоставляемых услуг в сфере образования, а также оказания им при этом необходимой помощи», Приказ Министерства труда и социальной защиты РФ от 30 июля 2015 г. № 527н «Об утверждении Порядка обеспечения условий доступности для инвалидов объектов и предоставляемых услуг в сфере труда, занятости и социальной защиты населения, а также оказания им при этом необходимой помощи» – это основные документы, заявившие о создании доступной среды как одного из ведущих направлений в социальной политике нашей страны [7].

То есть, на данный момент в России действует ряд законопроектов, которые устанавливают требования для создания наиболее комфортной и доступной среды, в том числе и транспортной, для групп населения, относящихся к маломобильным.

Органами исполнительной власти субъектов РФ проводится работа, призванная обеспечить доступную среду, согласно разрабатываемой ими «дорожной карты», она отличается поэтапным обеспечением безбарьерности объектов и услуг. При этом внимание уделяется не только ограничениям, связанным с опорно-двигательным аппаратом, но и нарушениям слуха, зрения, умственного развития.

На сегодняшний день выделяют несколько видов барьеров, с которыми сталкиваются маломобильные группы населения [8]. (см. рис. 1).

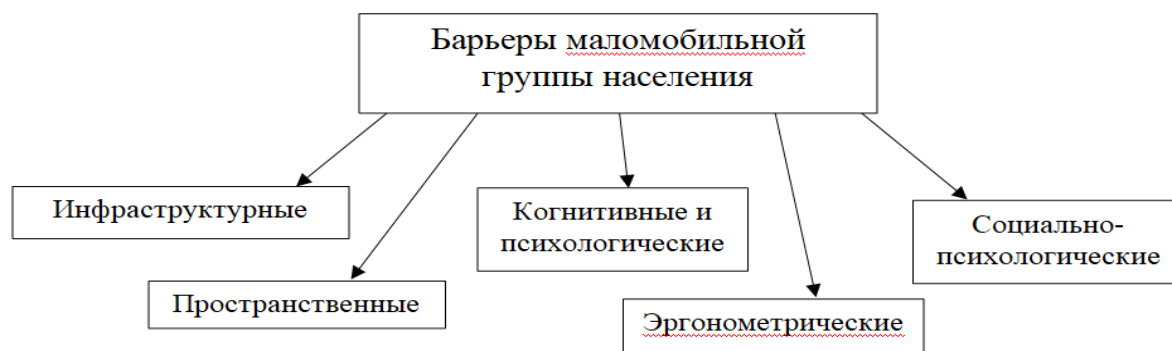

Рис. 1. Виды барьеров, с которыми сталкиваются маломобильные группы населения

Среди инфраструктурных ограничений выделяют вертикальные (обусловленные перепадами высоты – лестницы, уклоны) и горизонтальные барьеры (пороги. Неровное покрытие, неправильные пандусы, отсутствие поручней, неправильно расположенные информационные таблички и стенды, высокие прилавки, узкие проемы и коридоры). Пространственные барьеры также относятся к инфраструктурным, например, это экраны, указатели, стойки и другие объекты, которые преграждают путь [9].

Власти всех уровней от федерального до муниципального обязаны обеспечивать реализацию программ регионального и муниципального уровня в части доступности имеющейся и строящейся инфраструктуры, что увеличивает количество занятых инвалидов трудоспособного возраста.

Российская Государственная программа «Доступная среда» ставит своей целью: повышение доли доступных для инвалидов и других маломобильных групп населения приоритетных объектов до 73,2 % к 2030 году и обеспечения трансляции не менее 16000 часов ежегодно скрытых субтитров телепрограмм общероссийских обязательных общедоступных телеканалов для глухих и слабослышащих граждан.

Среди направлений этой программы можно выделить:

1. Обеспечение доступности приоритетных объектов и услуг.
2. Совершенствование системы комплексной реабилитации, абилитации инвалидов и медико-социальной экспертизы [10].

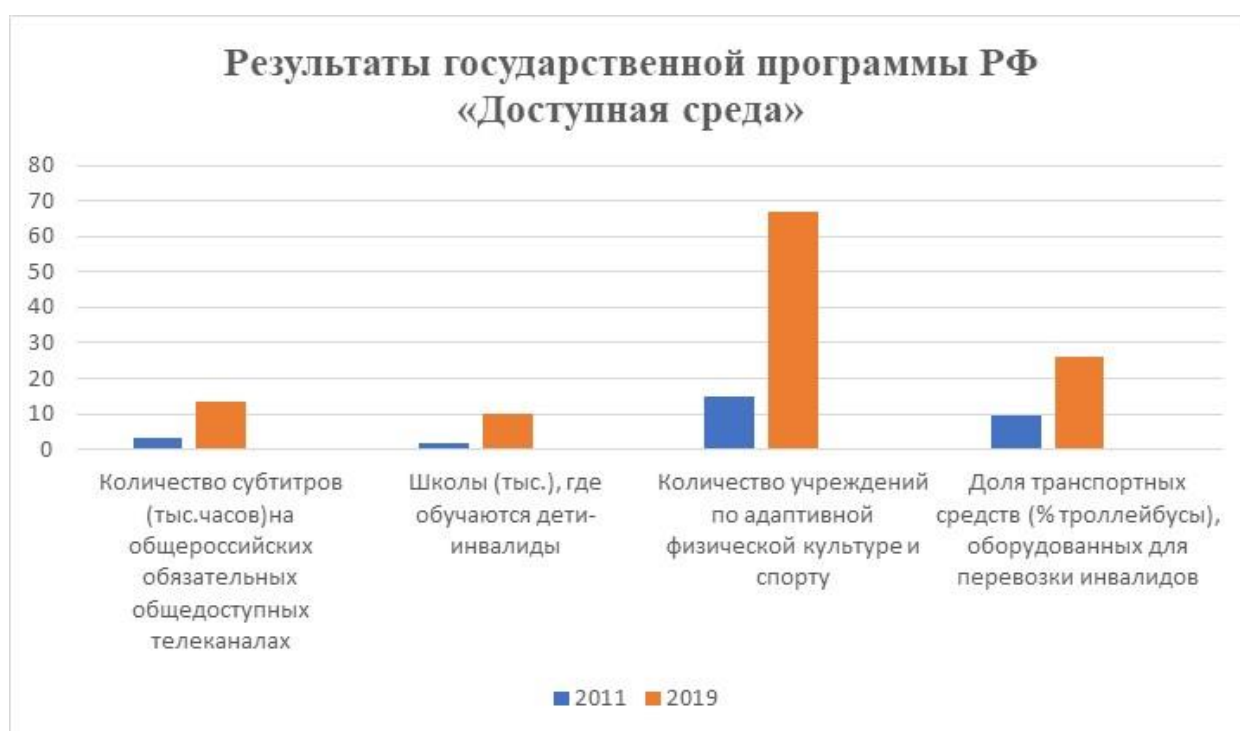

Рис. 2. Результаты государственной программы РФ «Доступная среда»

В процессе реализации программы «Доступная среда» возникает ряд проблем, о чем дополнительно свидетельствует постоянное выявление органами прокуратуры и другими надзорными инстанциями нарушений в этой сфере. Отсутствие пандусов, вспомогательных устройств, тактильных табличек, мнемосхем и других аспектов доступности регулярно встречается на практике [11].

У многих понятие безбарьерной среды вызывает ассоциации исключительно с пандусами, при этом, они должны быть установлены с соблюдением стандартов и правил. Например, бордюрные съезды, перепад высот между их гранями должны соответствовать установленным нормам. Пандусы, которые имеются на основных улицах, на входах в организации не решают общей глобальной проблемы, так как маломобильный человек должен до этого места добраться: выйти из подъезда, пересечь другие, не центральные улицы населенного пункта, дороги общего пользования. В подъездах многоквартирных домов отсутствуют технические условия для установки пандусов, необходимых для спуска инвалида через лестницу и выезда из подъезда. Другая острая проблема – это отсутствие на территориях общегородских, многоквартирных жилых домов, социальных и других объектов инфраструктуры специально отведенных мест для стоянки автотранспорта, управляемого маломобильным человеком.

Другая актуальная проблема обеспечения доступной среды – это получение образования инвалидами, а именно обеспечение помещений необходимыми приспособлениями для беспрепятственного их использования, например, тактильные или тактильно-звуковые мнемосхемы; обустройство направляющих тактильно-контрастных указателей.

Все перечисленные выше и другие факторы усугубляют одну из важнейших проблем, а именно проблему занятости и трудоустройства граждан с ограниченными возможностями здоровья.

Все это свидетельствует о формальном отношении к реализации программы «Доступная среда», что приводит к невозможности использования в реальной жизни устройств, носящих вспомогательный характер из-за неполадок в их работе или фактическом отсутствии, недоступности, других причин. Вопросы зачастую вызывают и механизмы оценки эффективности программы «Доступная среда».

Выявленные проблемы, возникающие в процессе реализации безбарьерного пространства приводят к таким негативным последствиям, как:

1. Отсутствие трудовой и социальной активности инвалидов, что снижает качество их жизни, образовательный, культурный и профессиональный уровень.
2. Социальная изоляция, отсутствие возможности мобильности, увеличение спроса на надомные услуги, отсутствие реабилитации.
3. Рост социального напряжения и расслоения в обществе, формирование равнодушно-го отношения к инвалидам.

Резюмируя сказанное, можно отметить, что формирование безбарьерной среды охватывает все уровни власти, учреждения, ресурсы, задействует все правовые механизмы и методы контроля и является обязательным условием развития общества.

Список литературы

1. Абдулаева, З. З., Магомедова П. И. Проблемы и тенденции трудоустройства инвалидов как специфического сегмента регионального рынка труда // Региональные проблемы преобразования экономики. 2019. № 8 (106). С. 151–158.
2. Барсуков, В. В. Контроль за соблюдением законодательства Российской Федерации о социальной защите инвалидов // Гуманитарные научные исследования. 2019. № 3 (91). 9 с.
3. Бахтина, М. А. Особенности положения инвалидов на российском рынке труда // Энергия – XXI век. 2019. № 1-2 (105-106). С. 36–42.
4. Белова, Е. А., Чернявская С. А. Аспекты организации и реализации проекта «Доступная среда» URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/aspekty-organizatsii-i-realizatsii-proekta-dostupnaya-sreda> (дата обращения: 19.09.2022).

5. Бутрина, В. И. Уровень и качество жизни инвалидов: объективна ли статистика? // Уровень жизни населения регионов России. 2013. № 12 (190). С. 111–114.
6. В России – 10 миллионов инвалидов, 42 миллиона пенсионеров URL: <https://proseverouralsk.ru/novosti/v-rossii-10-millionov-invalidov-42-milliona-pensionerov-za-god-pensionerov-stalo-menshe-na-million/> (дата обращения: 18.09.2022).
7. Гатиятуллин, М. Х., Валиуллина В. Р. Создание безбарьерной среды // Техника и технология транспорта. 2020. № 2 (17). С. 5.
8. Государственная программа Российской Федерации «Доступная среда» URL: <https://mintrud.gov.ru/ministry/programms/3/0> (дата обращения: 23.09.2022).
9. Хачатрянц, К. К. Об архитектурной среде для маломобильных групп населения. [Текст] // Бюллетень Национального объединения строителей. 2011. № 7. С. 92–106.
10. Кравчук, А. А. Проблемы трудоустройства инвалидов. URL: <http://www.scienceforum.ru/2013/170/5315> (дата обращения: 20.09.2022).
11. Кузова, В. А. Проблемы создания доступной среды для маломобильных групп населения в Приморском крае // Территория новых возможностей. Вестник Владивостокского государственного университета экономики и сервиса. 2016. № 1. С. 183–189.

УДК 336.711
ББК 65.012.3

Рыкова Анна Николаевна
студент группы Бк-401,
Научный руководитель: Биткина Ирина Константиновна
кандидат экономических наук, доцент,
доцент кафедры экономики и финансов
Волгоградского института управления –
филиала РАНХИГС при Президенте Российской Федерации,
Волгоград, Россия

РОЛЬ БАНКОВ С ГОСУДАРСТВЕННЫМ УЧАСТИЕМ В ОБЕСПЕЧЕНИИ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ И НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ СТРАНЫ

Аннотация. В статье рассматриваются особенности функционирования банков с государственным участием, их влияние на экономику России на современном этапе развития и роль государственных коммерческих организаций в банковском секторе.

Ключевые слова: банки, государственные банки, банки с государственным участием, государственные кредитные организации, банковская система РФ.

Rykova Anna Nikolaevna
student of the Bk-401 group,
Scientific supervisor: Bitkina Irina Konstantinovna
Candidate of Economic Sciences, Associate Professor,
Associate Professor of the Department of Economics and Finance,
Volgograd Institute of Management –
branch of RANEPA under the President of the Russian Federation,
Volgograd, Russia

THE ROLE OF BANKS WITH STATE PARTICIPATION IN ENSURING THE ECONOMIC AND NATIONAL SECURITY OF THE COUNTRY

Abstract. The article discusses the features of the functioning of banks with state participation, their impact on the Russian economy of development at the present stage and the role of state commercial organizations in the banking sector.

Keywords: banks, state banks, banks with state participation, state credit institutions, banking system of the Russian Federation.

Экономическая стабильность государства во многом определяется финансовой политикой, реализуемой государственными банками. Банки с государственным участием являются не только субъектами банковского сектора, но и ключевыми участниками рынка, активно задействованными в процессе решения проблем национального уровня [4, с. 217]. Поэтому можно сказать, что государственные банки – это финансовые рычаги управления экономикой.

В общем смысле, банками с государственным участием признаются «финансово-кредитные учреждения, контрольный пакет акций которых принадлежит государству в лице Центрального Банка РФ, Правительства РФ, государственных органов федеральной и региональной власти» [5, с. 310]. В обыденном понимании государственные банки – это финансо-

вые учреждения, которыми управляет государство. Кроме того, государственное участие может проявляться и в других аспектах: помимо владения акциями в руководстве таких банков также могут находиться представители министерств и ведомств.

Вместе с тем, все банки, кроме Банка России, являются коммерческими, поскольку их ключевая цель – получение прибыли. К наиболее известным банкам с государственным участием относятся Сбербанк, ВТБ, Газпромбанк, Россельхозбанк.

Рассмотрим основные виды банков с государственным участием в Российской Федерации [1]:

1. Полностью государственные банки. Примером является Центральный Банк РФ.
2. Кредитные организации, контрольный пакет акций которых принадлежат государству. Другая часть собственности может находиться в руках частных инвесторов.
3. Финансовые организации, в которых государство держит блокирующий пакет акций. В данной ситуации существует возможность заблокировать невыгодные решения общего собрания акционеров.
4. Банки, управление которыми осуществляется не напрямую, а опосредованно, через принадлежащие государству холдинги и предприятия.
5. Кредитные организации, оказавшиеся под управлением государственных органов. В таких банках может действовать внешний управляющий или проводиться процедура санации.
6. Финансовые организации, куда направлен уполномоченный представитель Банка России. Данная ситуация может складываться в результате получения крупного кредита коммерческим банком.

В Российской Федерации государственные банки выполняют ряд специфическим функций, к которым относятся [4, с. 218]:

- Аккумулирующая функция – консолидация финансовых ресурсов в определенных секторах экономики;
- Защитная – защита интересов хозяйствующих субъектов путем финансовой поддержки высокорисковой деятельности;
- Посредническая функция – банки с государственным участием являются посредниками между государством и реальным сектором экономики и, сталкиваясь с проблемами субъектов хозяйствования, осуществляют деятельность по информированию органов государственной власти о текущей ситуации в отраслях и секторах национальной экономики.
- Стабилизирующая – оказывают финансовую поддержку участникам рынка, осуществляют разрешение и стабилизацию экономических проблем, и реализацию национальных интересов.
- Стимулирующая функция – осуществляют финансирование хозяйствующих субъектов путем использования имеющихся ресурсных возможностей для развития экономики, а также реализуют инвестиционную деятельность в высокорисковые инновационные проекты, стимулируя модернизационные процессы в разных секторах экономики страны.

Стоит подчеркнуть, что банки с государственным участием в своем функционировании имеют как преимущества, так и недостатки. К сильным сторонам относятся:

1. Минимизация рисков. Государственные банки обладают большими ресурсными возможностями, которые снижают воздействие неблагоприятных экономических процессов на деятельность и финансовое состояние учреждения.
2. Условия по вкладам и кредитам. Банкам с государственным участием предоставляются различные льготы, с помощью которых клиенты могут получить наиболее выгодные предложения на рынке финансовых услуг.

3. Широкая сеть отделений, доступность банковских услуг. Большой спрос на услуги и возможности финансового положения позволяют государственным банкам повышать уровень финансовой инклюзивности для своих клиентов.

Однако, у госбанков есть и негативные стороны, к ним относятся:

1. Низкие ставки по вкладам;
2. Часто отмечают большие очереди в залах и проблемы с качеством обслуживания;
3. Снижение уровня конкуренции.

Отметим, что в настоящий момент времени ситуация с качеством предоставления услуг, которое у государственных банков традиционно было значительно ниже, постепенно меняется.

Активно развиваются финансовые технологии, появляются электронные очереди, системы мобильного банкинга, а персонал старается находить индивидуальный подход к клиенту и удовлетворить все его потребности в сфере предоставления финансовых услуг.

Отдельное внимание заслуживает исследование 2022 года о финансовом поведении населения [4]. В период социально-экономических перемен происходят значительные сдвиги в финансовом поведении общества: россияне делают ставки не на преумножение, а на сбережение имеющихся средств, а те, у кого не было финансовой «подушки безопасности» начинают всерьез задумываться о рисках потери денежных средств. Так, в марте 2022 года более трети граждан России (37 %) что-либо предпринимали со своими финансами. В сентябре уже более половины (52 %).

Данное исследование интересно тем, что поведение населения изменилось не только в сторону использования новых финансовых инструментов, оно также характеризуется трансформацией взглядов общества на услуги государственных банков.

Уровень лояльности россиян к банкам последние несколько лет снижался, однако социально-экономические перемены изменили ситуацию и в марте-апреле был зафиксирован его резкий рост. Особенно наблюдается рост доверия к вкладам в государственных банках.

Так, анализируя диаграмму, можно отметить, что с ростом неопределенность население отдает предпочтение банкам с государственным участием, так как данные финансовые институты являются наиболее надежными, вследствие чего, пользуются большим доверием среди граждан. В мировой практике развитых стран роль государства в банковском секторе зачастую ограничена. По мере развития экономики постепенно происходит отказ от вмешательства государства в деятельность банковских структур [2].

Что касается роли государственных кредитных организаций в банковской системе РФ, то их влияние оценивается весьма неоднозначно.

С одной стороны, в периоды кризиса именно государственные банки получают поддержку от государства, тем самым обеспечивают ликвидность платежной системы.

С другой стороны, их деятельность не позволяет в полной мере создавать честную конкуренцию, поскольку такие кредитные организации имеют доступ к более дешевым финансовым ресурсам.

Таким образом, государственные банки играют важную роль в экономике на современном этапе ее развития. Деятельность таких финансовых институтов является одним из важнейших стимулирующих факторов развития национальной экономики, ее укрепления, а также защиты интересов хозяйствующих субъектов.

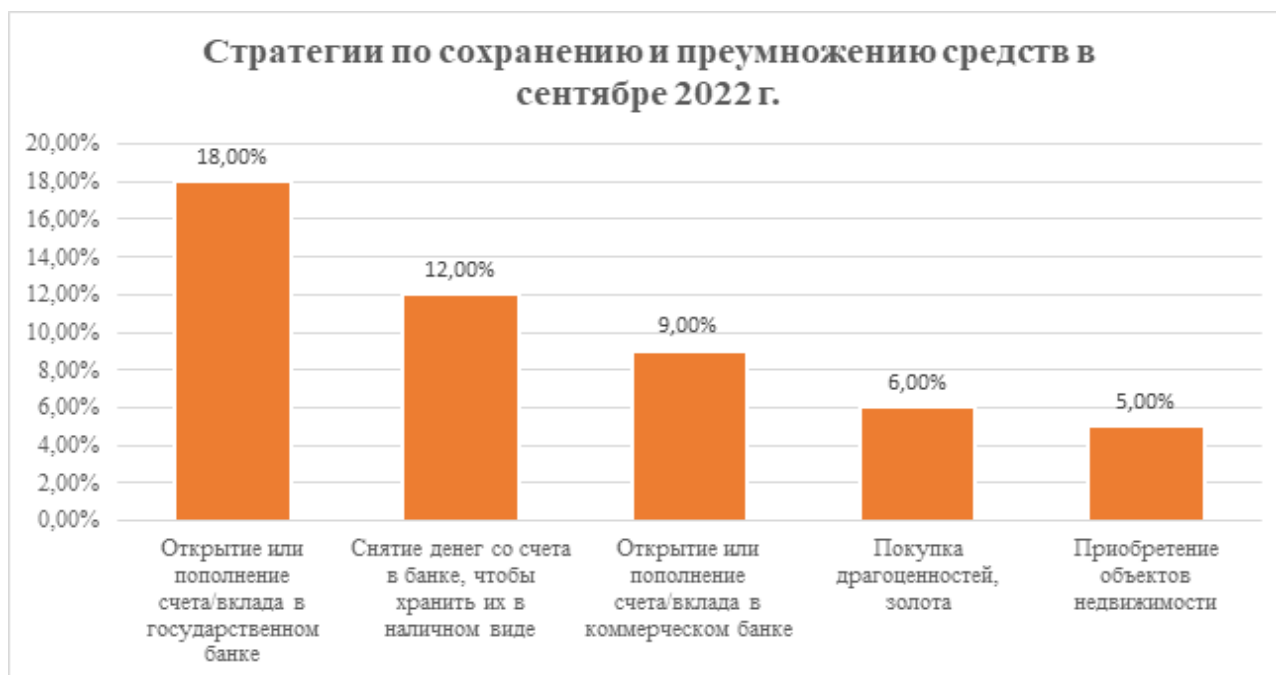

Рис. 1. Наиболее популярные стратегии по сохранению и преумножению средств в сентябре 2022 г.

Кроме того, данные учреждения оказывают воздействие на формирование надежной банковской системы страны. Однако, деятельность государственных банков снижает уровень конкуренции, что может оказывать негативное воздействие как на потенциал развития финансового рынка, так и на качество услуг, что в своем итоге будет отражаться на конечном потребителе.

Список литературы

1. Государственные банки – финансовые рычаги управления экономикой. – URL: <https://www.sravni.ru/enciklopediya/info/gosudarstvennye-banki--finansovye-rychagi-upravlenija-ehkonomikoj/> (дата обращения: 18.12.2022).
2. Конец конкуренции: как рост влияния государства меняет российские банки. – URL: <https://www.forbes.ru/finansy-i-investicii/357027-konec-konkurencii-kak-rost-vliyaniya-gosudarstva-menyaet-rossiyskie?ysclid=lamwnp2hb9447211513/> (дата обращения: 18.12.2022).
3. Лычева, И. М. Функциональные признаки и роль банков с государственным участием в реальном секторе экономики / Лычева И. М., Смычков И. О. // Экономика. Общество. Человек. 2020. С. 216-221.
4. Сушко, Е., Баймуратова, Л. Россияне стали чаще открывать вклады в государственных банках // НАФИ. Аналитика и прогнозы. – 21 октября 2022 года. – URL: Режим доступа: <https://nafi.ru/analytics/rossiyane-stali-chashche-otkryvat-vklady-v-gosudarstvennykh-bankakh/?ysclid=lamwj18hhy617123928/> (дата обращения: 20.12.2022).
5. Селищев, А. С. Деньги, кредит, банки : учебное пособие / А. С. Селищев. СПб.: Питер Пресс, 2007. 427 с.

УДК 36
ББК 60.83

Семиколеннова Юлия Александровна
ассистент кафедры социологии, общей и юридической психологии,
Волгоградский институт управления –
филиал РАНХиГС при Президенте РФ,
Волгоград, Россия

ОСНОВНЫЕ ИНСТРУМЕНТЫ РЕАЛИЗАЦИИ ВНУТРЕННЕЙ СОЦИАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ В ВОЛГОГРАДСКИХ БИЗНЕС-ОРГАНИЗАЦИЯХ: ОЦЕНКА СОСТОЯНИЯ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Аннотация. В статье указаны наиболее востребованные инструменты внутренней социальной политики в современных бизнес-организациях. Представлены результаты глубинных интервью с руководителями волгоградских бизнес-структур по анализу используемых инструментов внутренней социальной политики: установлены как наиболее популярные, так и оказывающие существенное влияние на функционирование компаний инструменты. Определены позиции сотрудников волгоградских бизнес-организаций, отражающие фактическую реализацию социально-ориентированных мер: выявлены наиболее распространенные монетарные и немонетарные инструменты внутренней социальной политики. Проанализированы тенденции целесообразности расширения перечня инструментов; установлено влияние масштаба бизнеса на объем и разнообразие предлагаемых социально-ориентированных мер. В конце статьи отмечена важность проведения периодического мониторинга в отношении реализуемых инструментов внутренней социальной политики.

Ключевые слова: внутренняя социальная политика, бизнес-организация, инструменты, социально-ориентированные меры, сотрудники, руководители.

Semikolenova Yulia Aleksandrovna
Assistant of the Department of Sociology,
General and Legal Psychology,
Volgograd Institute of Management –
branch of RANEPa under the President of the Russian Federation,
Volgograd, Russia

THE MAIN TOOLS FOR THE IMPLEMENTATION OF INTERNAL SOCIAL POLICY IN VOLGOGRAD BUSINESS ORGANIZATIONS: ASSESSMENT OF THE STATE AND PROSPECTS

Abstract. The article identifies the most popular tools of internal social policy in modern business organizations. The results of in-depth interviews with the heads of Volgograd business structures on the analysis of the tools of internal social policy used are presented: both the most popular and the tools that have a significant impact on the functioning of companies are identified. The positions of employees of Volgograd business organizations reflecting the actual implementation of socially-oriented measures are determined: the most common monetary and non-monetary instruments of internal social policy are identified. The trends of expediency of expanding the list of tools are analyzed; the influence of the scale of business on the volume and variety of proposed socially-oriented

measures is established. At the end of the article, the importance of periodic monitoring of the implemented instruments of internal social policy is noted.

Keywords: internal social policy, business organization, tools, socially-oriented measures, employees, managers.

В современных компаниях разного уровня и масштаба ведения бизнеса внутренняя социальная политика представляет собой одно из главных направлений в отношении собственного персонала, которое влияет на успешность функционирования современных организаций и выполняет роль связующего элемента между руководителями и сотрудниками. В рамках данной статьи отдельный интерес представляет собой изучение практики реализации инструментов внутренней социальной политики, которые подразумевают точечные социально-ориентированные мероприятия, направленные на удовлетворение различных потребностей внутренних стейкхолдеров (работников компании) для повышения их производственной активности.

Стоит отметить, что в научном дискурсе и в современной практике не существует универсального перечня, так как каждая бизнес-организация разрабатывает и выбирает собственные инструменты, которые представляют собой совокупность определенных действий, процедур и мероприятий, благодаря которым реализуются направления внутренней социальной политики, отобранные руководством. Инструменты должны учитывать стратегические ориентации и организационные возможности компании, наличие проблем или актуальных тенденций в социальной сфере, а также ориентироваться на потребности и запросы собственных стейкхолдеров – персонала, где основной целью выступает получение положительного эффекта в результате оказанного воздействия субъектом на объект управления.

В современной практике использование внутрикорпоративных инструментов представляет собой достаточно разносторонний и комплексный перечень, где наиболее востребованными выступают следующие мероприятия:

1) целевые социальные программы, ориентированные на создание и поддержание дополнительных направлений по отношению к законодательству в области охраны здоровья, которые способствуют повышению качества трудовой деятельности за счет снижения травматизма на производстве [3, с. 33];

2) социальное страхование, обеспечивающее социальную защиту трудящихся и служащее регулятором и механизмом социальных инвестиций [1, с. 104–105];

3) профессиональная переподготовка и повышение квалификации, которые ориентированы на формирование способов профессиональной деятельности в определенной среде, необходимых для выполнения конкретных трудовых (служебных) задач, что способствует упрощению процесса адаптации сотрудников и благоприятному включению в социум [2, с. 50]; процесс повышения квалификации характеризуется системностью и динамичностью, основной целью которого является повышение уровня теоретических знаний, практических навыков и умений работника, а также выполняет роль инструмента по достижению организационных стратегических целей [5, с. 68];

4) социальные пакеты, подразумевающие предоставление работодателем по собственной инициативе и на добровольной основе дополнительных социальных благ (льгот, бонусов) наемным работникам, которые обеспечивают компанию квалифицированными специалистами и повышают общую эффективность [6, с. 383–387];

5) мотивационные схемы оплаты труда и поощрения персонала, которые характеризуются равенством интересов обеих сторон, где организация связывает степень вознаграждения с результатом трудовых усилий работников [3, с. 33].

Анализ степени фактически используемых инструментов внутренней социальной политики в волгоградских бизнес-организациях подразумевал проведение социологического исследования с использованием следующих методов: 1) глубинные интервью с руководителями волгоградских компаний, которые позволили охарактеризовать степень заинтересованности руководящего состава в реализации данного направления (период проведения исследования: ноябрь 2021 – февраль 2022 гг., метод «снежного кома», n=25); 2) анкетный опрос сотрудников, который позволил выявить мнение внутренних стейкхолдеров, непосредственно для которых реализуется социально-ориентированная деятельность в компаниях разного масштаба и сферы деятельности (период проведения исследования: декабрь 2021 – февраль 2022 года; N=350, тип выборки – многоступенчатая случайная).

Согласно представлениям руководителей различных бизнес-структур, в отношении собственного персонала волгоградские компании чаще всего реализуют программы по обучению и развитию персонала; используют спектр инструментов корпоративной (организационной) культуры, чтобы предоставить возможность отвлечься от рутинной работы, переориентироваться на решение более позитивных и нестандартных задач, привлечь членов семьи сотрудников для участия в жизни компании, а также активно предлагают систему медицинского страхования (было отмечено, что ДМС активно использовался ещё задолго до начала распространения коронавирусной инфекции).

Наиболее распространенными монетарными инструментами в волгоградском бизнесе являются: 1) предоставление компенсаций по различному роду услуг, которыми пользуются сотрудники для удовлетворения своих потребностей (фитнес и посещение спорт-залов, частичная оплата детского сада, компенсация затрат на питание, частичная оплата путевок или перелета на отдых); 2) оказание материальной помощи при наступлении определенных жизненных событий; 3) предоставление корпоративных скидок для сотрудников (использование карт лояльностей).

Самыми популярными немонетарными инструментами внутренней социальной политики выступили: 1) предоставление подарков сотрудникам, а также членам их семей в связи с государственными и профессиональными праздниками (например, подарки детям сотрудников к новому году или наборы для первоклассников на 1 сентября с дополнительным освобождением от работы); 2) проведение корпоративных мероприятий (организация совместных праздников и использование тимбилдинга); 3) официальное награждение сотрудников за высокие результаты в трудовой деятельности, а также коллективное признание профессиональных заслуг.

Большинство руководителей волгоградских бизнес-организаций указали на следующие инструменты, которые способны оказывать влияние на успешность функционирования бизнес-организаций: 1) мероприятия, предполагающие развитие и обучение сотрудников; 2) проведение корпоративных мероприятий, выездов, ориентированных на сплочение коллектива и эмоциональную разгрузку. Стоит отметить, что управленцы акцентировали внимание на необходимости использования совокупности социально-ориентированных инструментов, учитывая влияние различных факторов, без необходимости выделения какого-то отдельного инструмента как наиболее значимого и важного в современном бизнесе.

Наряду с использованием метода глубинных интервью, автором был проведен анкетный опрос с сотрудниками волгоградских бизнес-организаций, что позволило выявить позиции ключевых стейкхолдеров, непосредственно для которых реализуется внутренняя социальная политика. Согласно представлениям собственного персонала, наиболее популярными инструментами монетарного характера, представляющими получение работниками выплат, способных компенсировать затраты на удовлетворение различного рода потребностей, оказа-

лись: 1) денежное вознаграждение, предоставляемое в связи с личными торжествами, круглыми датами, обусловленными трудовой деятельностью, а также корпоративными праздниками; 2) оплата обучения сотрудников на различных курсах, развивающих тренингах или в учебных заведениях разного уровня; 3) каждый четвертый респондент указал оплачиваемое временное освобождение от работы (например, при вступлении в брак).

В отношении немонетарных инструментов, подразумевающих получение различного рода предпочтений неденежного характера, работниками были отмечены такие меры, как: 1) корпоративные подарки для сотрудников и их детей в связи с наступлением государственных или корпоративных праздников (35,4 %); 2) приобретение продукции или услуг, производимых организацией, по себестоимости их изготовления и производства (23,1 %) и 3) предоставление возможности обучаться во внутрикорпоративных учебных центрах и бизнес-школах (23,1 %). Необходимо отметить, что происходит точечная реализация инструментов, которые не являются столь масштабными и трудозатратными, однако позволяют оказывать определенное влияние на степень лояльности сотрудников.

Автором был проведен сравнительный анализ инструментов внутренней социальной политики, которые предлагаются волгоградским сотрудникам, с данными социологического исследования, проведенного В. А. Сагайдак в 2015 году [4, с. 82-83]. В ходе проведенного исследования были установлены интересные результаты: за последние 7 лет для представителей малого бизнеса ситуация по предоставлению инструментов социальной политики значительно улучшилась, поскольку работники отметили факт реализации определенных инструментов (представители разного масштаба бизнеса чаще отмечали денежное вознаграждение по праздникам и оплату обучения персонала). Использование монетарных инструментов в крупных и средних компаниях претерпело небольшие изменения, где денежное вознаграждение по праздникам, а также оплата обучения или учебных отпусков стали распространенным явлением и заменили оплату проезда и мобильной связи.

В использовании немонетарных инструментов не наблюдается колоссальных отличий за последние 7 лет, так как большинство мер сохранилось с течением времени (приобретение продукции/услуг, производимых организацией; предоставление в пользование служебного автомобиля; пользование домами отдыха и детскими лагерями по льготам и другие), где небольшим изменением в крупных организациях выступила переориентация с оплаты учебных отпусков работникам на предоставление возможности обучаться во внутрикорпоративных центрах и бизнес-школах.

Анализ возможных тенденций по увеличению списка используемых инструментов показал, что большинство руководителей пока не планируют расширение перечня инструментов в своей компании, что обусловлено ориентацией на выполнение более значимых бизнес-процессов, а также финансовым положением предприятия, так как увеличение напрямую связано с осуществлением дополнительных затрат. Информантами была отмечена специфическая тенденция: изменение ориентиров как у собственного, так и у потенциального персонала, отражающее смещение с денежных стимулов на интерес к социально-психологическим предпочтениям, инструментам или мероприятиям внутренней социальной политики. Следует отметить, что разнообразие используемых инструментов чаще всего демонстрируют представители крупного бизнеса, в то время как малые компании ограничиваются более точечными и скромными мероприятиями, которые позволяют поддерживать минимально необходимый социальный комфорт у собственных сотрудников.

В заключение необходимо отметить, что ситуация в волгоградских бизнес-организациях в отношении реализации инструментов внутренней социальной политики находится на относительно удовлетворительном уровне, поскольку представители разного

бизнеса осуществляют социально-ориентированные мероприятия в отношении собственного персонала. Однако существуют определенные трудности, связанные как с ограниченными возможностями компаний, так и обусловленные сложностью учета разнообразных потребностей и интересов всех внутренних стейкхолдеров. Целесообразность и эффективность использования различных инструментов внутренней социальной политики целесообразно оценивать с помощью проведения периодического мониторинга (запускать опросы среди собственных сотрудников), что позволит оперативно собирать необходимую обратную связь и своевременно корректировать предлагаемые социальные мероприятия в бизнес-организациях.

Список литературы

1. Булдыгина, Л. М., Равочкин, Н. Н. Социальное страхование как одно из направлений корпоративной социальной ответственности : проблемы, тенденции, перспективы // *Lingua mobilis*. 2014. № 5 (51). С. 103–107.
2. Васкевич, Т. В. К вопросу о профессиональном образовании и профессиональной подготовке // *Образовательные технологии*. 2018. С. 43–51.
3. Китаевская, О. Н., Картушина, Е. Н. Корпоративные социальные программы как способ удержания персонала в организации // *Социально-экономические явления и процессы*. 2014. Т. 9. № 5. С. 30–34.
4. Сагайдак, В. А. Основные инструменты формирования внутреннего социального имиджа волгоградских бизнес-организаций: социологический анализ // *Вестник Волгоградского государственного университета*. 2016. № 2 (32). С. 79–85.
5. Сладкова, Т. С. К вопросу о повышении квалификации работников предприятия / Т. С. Сладкова // *Парадигма*. 2019. № 2. С. 67–71.
6. Турегельдинова, А. Ж. Анализ эффективности структуры социального пакета // *Актуальные проблемы экономики*. 2014. № 1 (151). С. 383–387.

УДК 343.1
ББК 67.7

Симонова Светлана Сергеевна
кандидат юридических наук,
доцент кафедры уголовного права, уголовного процесса и криминалистики
Волгоградский институт управления –
филиал РАНХиГС при Президенте РФ,
Волгоград, Россия

**ПРОБЛЕМЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ПРАВ
НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ ПОТЕРПЕВШИХ
(НА ПРИМЕРЕ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ПРОТИВ ЖИЗНИ И ЗДОРОВЬЯ)**

Аннотация. Права несовершеннолетних нуждаются в гарантированной защите. Особенно это касается несовершеннолетних правонарушителей. Рассмотрена специфика доказывания по уголовным делам о преступлениях против жизни и здоровья, в которых потерпевшими выступают подростки. Выявлены правовые и практические проблемы обеспечения прав несовершеннолетних потерпевших по уголовным делам о преступлениях против жизни и здоровья в отношении них в Российской Федерации. Предложены пути оптимизации обеспечения прав несовершеннолетних потерпевших.

Ключевые слова: несовершеннолетние, потерпевшие, правовой статус, права потерпевших, преступления против жизни, преступления против здоровья.

Simonova Svetlana Sergeevna
Candidate of Law,
Associate Professor of the Department of Criminal Law, Criminal Procedure and Criminalistics
Volgograd Institute of Management –
branch of RANEPA under the President of the Russian Federation,
Volgograd, Russia

**PROBLEMS OF ENSURING THE RIGHTS OF MINOR VICTIMS
(BY THE EXAMPLE OF CRIMES AGAINST LIFE AND HEALTH)**

Abstract. The rights of minors need guaranteed protection. This is especially true for juvenile offenders. The specificity of proof in criminal cases on crimes against life and health, in which adolescents are the victims, is considered. The legal and practical problems of ensuring the rights of minor victims in criminal cases of crimes against life and health against them in the Russian Federation are identified. Ways to optimize the provision of the rights of juvenile victims are proposed.

Keywords: minors, victims, legal status, rights of victims, crimes against life, crimes against health.

Несовершеннолетние являются специфическим слоем населения в силу своей особенной уязвимости. Это объясняется тем, что подросткам не присвоены права и обязанности в том объеме, как это предусмотрено законодательством для лиц, достигших восемнадцатилетнего возраста. Что же касается физиологических особенностей несовершеннолетних, оно может быть охарактеризовано определенным образом сформировавшимся сложным мышлением, широкими познаниями в различных сферах и т.п., что подтверждается положением преамбулы Конвенции о правах ребенка ООН.

Во многих отраслях права несовершеннолетние участники правоотношений, возникающих по различным основаниям, обладают привилегированным правовым статусом, то есть таким набором прав и обязанностей, которые отличаются от иных возрастных категорий населения. При этом следует отметить, что при анализе сущности правового положения несовершеннолетних сторон правоотношений у них, как правило, наблюдается расширенный перечень прав. И это представляется вполне обоснованным. Например, это институт эмансипации в трудовом и гражданском праве, возможность при определенных обстоятельствах раннего вступления в брак в семейном праве.

Что же касается уголовно-правовых и уголовно-процессуальных правоотношений, возникающих с участием лиц, не достигших совершеннолетия, здесь есть своя специфика. И нужно, на наш взгляд, сделать акцент именно на императивном характере правовых норм, регламентирующих правоотношения в рассматриваемых отраслях.

Отметим, что в уголовном процессе и в уголовном праве несовершеннолетние могут выступать как в качестве виновных (то есть быть субъектом преступления), так и в качестве жертв преступлений (то есть потерпевших). И в зависимости от их процессуальной роли правовой статус несовершеннолетних будет различным.

В целях настоящего исследования мы рассмотрим особенности правового статуса тех подростков, которые стали жертвами преступлений, то есть были признаны потерпевшими. Следует признать, что процессы виктимизации в отношении детей и подростков вызывают опасения – преступнику и физически, и психологически легче воздействовать на несовершеннолетнего, чем на взрослого. И это объясняется не только складывающейся для преступника благоприятной криминогенной ситуацией, но и криминогенной мотивацией лиц, совершающих преступления, а также иными криминологическими и виктимологическими особенностями.

Анализ преступлений, совершенных в отношении детей и подростков, говорит о разнообразии противоправных деяний, жертвами которых становятся несовершеннолетние. Представляется актуальным подробнее остановиться на тяжких и особо тяжких преступлениях, жертвами которых становятся в силу различных обстоятельств именно лица, не достигшие восемнадцати лет. В первую очередь, к преступлениям названных категорий тяжести относятся преступления против жизни и здоровья.

Проблема, связанная с совершением в отношении детей и подростков преступлений против жизни и здоровья не теряет своей актуальности. Так, в 2021 году в России возросли показатели преступлений против половой неприкосновенности и половой свободы в отношении детей на 12 % [1].

Если в 2015 году было возбуждено 18370 уголовных дел, то в 2020 году – уже 22 004 [2].

Если говорить о досудебной стадии уголовного процесса по преступлениям, в которых жертвами выступают дети и подростки, можно выявить целый ряд актуальных проблем, требующих решения. И в первую очередь это касается процесса доказывания по уголовным делам по преступлениям против жизни и здоровья, где несовершеннолетние рассматриваются как потерпевшие.

Трудности доказывания преступлений против жизни и здоровья несовершеннолетних вытекают из объективно-субъективной природы – психофизиологических процессов, протекающих в организме несовершеннолетних, а также индивидуальных особенностей их личности, что может вести к невозможности для несовершеннолетнего потерпевшего осознавать истинное значение совершающегося в их отношении правонарушения, преувеличению событий и неумышленному искажению фактов, внушаемость различного рода угрозам и угово-

рам. При этом психофизиологические особенности несовершеннолетних должны учитываться при проведении производства следственных действий в части их продолжительности по времени, так как иногда общее состояние несовершеннолетнего потерпевшего позволяет проводить следственные действия по времени свыше установленного действующим законодательством, что положительно сказалось бы на сроках предварительного расследования, для чего и необходимо внесение изменений в ст. 191 УПК РФ [5].

Поэтому обеспечение прав несовершеннолетних потерпевших по уголовным делам о преступлениях против жизни и здоровья как предварительного условия достижения цели уголовного процесса имеет исключительную важность для привлечения виновных к ответственности и назначения им справедливого наказания.

В соответствии с ч. 2 ст. 191 УПК РФ лица, которым к моменту расследования преступления еще не исполнилось шестнадцатилетнего лет, предупреждаются не об уголовной ответственности за дачу заведомо ложных показаний, а только о том, что им необходимо давать правдивые показания.

При расследовании преступлений против жизни и здоровья в отношении несовершеннолетних на следователя возлагаются дополнительные обязательства: выбор линии поведения при работе с несовершеннолетним, тактики совершаемых им действий, методики расследования преступления в целом. Поэтому взаимоотношения следователя с несовершеннолетним лицом должны не только соответствовать уголовно-процессуальному законодательству, но и в значительной степени затрагивать положения такой науки как психология.

Реализация прав несовершеннолетних со статусом потерпевших по уголовным делам представляется ключевой задачей на этапе расследования преступлений против жизни и здоровья, которые были совершены в отношении вышеуказанной категории лиц.

Для того, чтобы подтвердить выше обозначенный тезис, обратимся к преамбуле Конвенции о правах ребенка Организации Объединенных Наций, согласно которой дети имеют право на особую заботу и помощь [4]. И поэтому же одной из важнейших и основополагающих гарантий является защита детства и материнства, провозглашенная в статье 38 Конституции Российской Федерации [3].

При этом особое значение имеет не только психологическое состояние подростка в момент совершения в отношении него преступления, но и последующие психологические проблемы, которые не только в целом негативно могут повлиять на психическое здоровье несовершеннолетнего, но и затруднит проведение допроса потерпевшего подростка и других следственных действий. Так, после перенесенного в результате нападения стресса у подростка может наблюдаться забывчивость, рассеянность или сниженная концентрация внимания, нежелание идти на контакт со следователем.

Следовательно, представляется необходимым и обоснованным уточнить законодательное определение термина «законные представители», указанного в части 12 статьи 5 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации. На наш взгляд, может быть использовано следующее определение: «Законные представители – родители, а также иные близкие родственники, усыновители, опекуны или попечители несовершеннолетнего подозреваемого, обвиняемого либо потерпевшего, представители учреждений или организаций, на попечении которых находится несовершеннолетний подозреваемый, обвиняемый либо потерпевший, органы опеки и попечительства».

В качестве иных близких родственниками следует понимать лиц, указанных в ст. 14 Семейного кодекса Российской Федерации – это родственники по прямой восходящей и нисходящей линии родители и дети, бабушка, бабушка и внуки), полнородные и неполнородные братья и сестры (имеющие общих отца или мать).

Отдельно следует обращать внимание на следующие недостатки в части, касающейся допуска законных представителей несовершеннолетних потерпевших.

Часть 1 статьи 426 УПК РФ регламентирует порядок допуска законного представителя несовершеннолетнего подозреваемого и обвиняемого. При этом в отсутствует правовая регламентация порядка допуска законного представителя несовершеннолетнего потерпевшего и свидетеля. Полагаем, что отсутствие этого положения следует рассматривать как правовой пробел. А следовательно, этот пробел нуждается в устранении, то есть в подробной правовой регламентации. Допуск законного представителя несовершеннолетнего потерпевшего осуществляется согласно ст. 45 УПК РФ «Представители потерпевшего, гражданского истца и частного обвинителя».

На основе выше изложенного мы пришли к следующим выводам. На современном этапе развития российского уголовно-процессуального законодательства не достаточно полно и всесторонне находит свое отражение правовая регламентация допуска лица в качестве законного представителя несовершеннолетнего, который признан потерпевшим по уголовному делу, с целью наиболее полного обеспечения прав тех потерпевших по уголовным делам, которым не исполнилось восемнадцати лет, в особенности, по преступлениям против их жизни и здоровья, так как они имеют наибольшую общественную опасность среди других категорий преступлений.

Решение обозначенных в рамках научной статьи проблем возможно, по нашему мнению, исключительно комплексным подходом, который будет включать в себя доктринальное изучение вопроса и предложение эффективных механизмов, с помощью которых институт обеспечения прав лиц, признанных потерпевшими по уголовным делам, которые являются несовершеннолетними, в том числе, по делам о преступлениях против жизни и здоровья, добьется позитивных изменений.

Список литературы

1. Герасимова, Е. В России растет число преступлений против детей / Независимая газета. 08.12.2021. URL: https://www.ng.ru/education/2021-12-08/8_8321_children.html (дата обращения: 22.11.2022).
2. Козлова, Н. СК: За последние пять лет отмечается рост преступлений против детей / Российская газета. 31.05.2021. URL: <https://rg.ru/2021/05/31/sk-za-poslednie-piat-let-otmechaetsia-rost-prestuplenij-protiv-detej.html> (дата обращения: 22.11.2022).
3. «Конвенция о правах ребенка» (одобрена Генеральной Ассамблеей ООН 20.11.1989) (вступила в силу для СССР 15.09.1990). Текст : электронный // СПС КонсультантПлюс.
4. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениям, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020). М.: Эксмо, 2022. С. 10.
5. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. N 174-ФЗ (в ред. от 21.11.2022 N 447-ФЗ) / СПС Гарант.

УДК 332.145
ББК 6/8–65.04

Скачкова Алена Анатольевна
студент группы БкЭ-400,
Скачкова Ирина Ивановна
доктор филологических наук, доцент,
профессор кафедры лингвистики и межкультурной коммуникации
Волгоградский институт управления –
филиал РАНХиГС при Президенте РФ,
Волгоград, Россия

НАПРАВЛЕНИЯ ПОВЫШЕНИЯ ДОХОДНОЙ ЧАСТИ БЮДЖЕТА ВОЛГОГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ

Аннотация. Актуальность данного исследования заключается в необходимости изучения механизма формирования доходной базы, совершенствования данного механизма, разработки эффективных методов формирования доходной части региональных бюджетов в ситуации глобального экономического кризиса, так как социальная политика регионов в большей степени реализуется за счет региональных бюджетов. Целью работы является анализ доходов регионального бюджета, выявление проблем и разработка направлений повышения доходной части бюджета. Методологической основой исследования являются диалектический подход, системный и функционально-структурный метод исследования, сравнительный анализ, табличные и графические приемы, статистические методики анализа данных. Проведенное исследование позволяет сделать вывод о том, что повышению доходной части регионально бюджета будут способствовать: агитация и разъяснительные работы с населением региона по теме налогообложения; уменьшение неэффективных налоговых льгот и освобождений; учет достижений сбалансированности бюджетов регионов при внесении правок в федеральное законодательство; борьба с теневой экономикой и легализацию доходов, ранее скрытых от налогообложения; уменьшение страховых взносов работодателей; рост самостоятельности бюджета Волгоградской области.

Ключевые слова: региональный бюджет, доходная часть бюджета, налоговая политика, инвестиционная привлекательность региона, бюджетная политика.

Skachkova Alyona Anatolyevna
student of the Bk-400 group,
Skachkova Irina Ivanovna
Doctor of Philology, Associate Professor,
Professor of the Department of Linguistics and Intercultural Communication
Volgograd Institute of Management –
branch of RANEPa under the President of the Russian Federation,
Volgograd, Russia

DIRECTIONS OF INCREASING THE REVENUE PART OF THE BUDGET OF THE VOLGOGRAD REGION

Abstract. The relevance of this study lies in the need to study the mechanism of the income base formation, improvement of this mechanism, development of effective formation methods of the in-

come part of regional budgets in a situation of global economic crisis, since social policy of regions is more implemented through regional budgets. The purpose of the work is to analyze the income of the regional budget, identify problems and develop ways to increase the revenue part of the budget. The methodological basis of the study is a dialectical approach, system and functional-structural method of research, comparative analysis, tabular and graphical methods, statistical methods of data analysis. The study leads to the conclusion that the increase in the revenue part of the regional budget will be contributed by: agitation and explanatory work with the population of the region on the subject of taxation; reduction of inefficient tax benefits and exemptions; consideration of the achievements of balancing regional budgets when making amendments to federal legislation; fight against the shadow economy and legalization of income previously hidden from taxation; reduction of insurance premiums of employers; increase of independence of the Volgograd region budget.

Keywords: regional budget, budget revenues, tax policy, investment attractiveness of the region, fiscal policy.

В Волгоградской области налоги на прибыль занимают наибольшую долю в общем объеме налоговых доходов. Следовательно, региональным властям следует создавать условия для развития малого и среднего предпринимательства, увеличивая тем самым налоговую базу.

Одним из способов повышения доходной части бюджета Волгоградской области является создание дополнительных рабочих мест, стимулирование предпринимательской активности и повышение уровня заработной платы работников. Для этого необходимо прекратить политику репрессивных мер по отношению к любому рода неплательщикам и неуплаченным налогам, другими словами, необходимо создать демократические условия для развития бизнеса в регионе. Это позволит бизнесу выйти из кризиса и создать новые рабочие места. Указанные меры в итоге позволят увеличить налоговые поступления в региональный бюджет.

В соответствии с Основными направлениями бюджетной и налоговой политики Волгоградской области на 2021 г. и на плановый период 2022 и 2023 гг., планируется изменение по налогу на доходы физических лиц: установление коэффициента, отражающего региональные особенности рынка труда, в отношении иностранных граждан, осуществляющих трудовую деятельность по найму в РФ на основании патента в размере 1,8, что будет способствовать соблюдению баланса интересов работодателей и наемных работников, одновременно удовлетворяя потребность в привлечении иностранных граждан для выполнения работ (оказания услуг) и сохраняя приоритет защиты трудовых прав граждан РФ в условиях распространения и последующей ликвидации последствий новой коронавирусной инфекции [1].

По патентной и упрощенной системе налогообложения планируется продление до 01.01.2024 г. действия нормы, предусматривающей действие двухлетних «налоговых каникул» для впервые зарегистрированных индивидуальных предпринимателей, применяющих упрощенную систему налогообложения или патентную систему налогообложения, и осуществляющих предпринимательскую деятельность в производственной, социальной, научной сферах, а также в сфере бытовых услуг населению. Указанное мероприятие направлено на стимулирование предпринимательской активности в необходимых сферах [1].

Согласно единому реестру субъектов малого и среднего предпринимательства (далее – МСП) на 10.05.2022 в Волгоградской области зарегистрировано 73 660 субъектов МСП [2]. Поступления налога на прибыль организаций в региональный бюджет в 2021 г. составили 26 280,6 млн руб., соответственно суммарный объем доходов организаций в 2021 г. примерно равнялся 154 592,0 млн руб.

По данным Комитета экономической политики и развития Волгоградской области в 2021 г. на развитие и поддержку МСП было направлено 244 млн руб. из областного и федерального бюджетов [3]. Если посредством указанных выплат и иных мер поддержки прибыль каждого субъекта МСП возрастет хотя бы на 10 %, то объем поступлений от налога на прибыль организаций в 2022 г. может возрасти на $(154\,592,0 \times 110\%) \times 17\% - 26\,280,6 = 2\,628,1$ млн руб.

Помимо этого, важно отметить, что в Государственную Думу был внесен законопроект, который с 2025 г. изменит ставки налога на прибыль: 18 % будут направляться в региональный бюджет и 2 % – в федеральный [4]. Поправка направлена на досрочный возврат ранее централизованной части собственных налоговых доходов регионов в виде 1 % налога на прибыль обратно в регионы. Если бы данная поправка начала действовать в 2021 г., то объем поступлений от налога на прибыль организаций составил бы $154\,592,0 \times 18\% = 27\,826,6$ млн руб., что превысило бы фактический показатель на 1 545,9 млн руб.

Еще одним способом увеличения доходной части бюджета является повышение инвестиционной привлекательности региона. Появление новых крупных инвесторов в регионе будет способствовать увеличению доходов бюджета Волгоградской области. Для достижения этой цели можно реализовать инвестиционные мегапроекты, которые будут оказывать значительное и долгосрочное влияние на Волгоградскую область. Например, на территории Волгоградской области можно создать инвестиционные мегапроекты по строительству транспортно-логистических, торгово-развлекательных и других комплексов. Также можно развивать сотрудничество между государством, бизнесом и населением, повышая тем самым государственно-частное партнерство. В ситуации государственно-частного партнерства государство выступает стороной, которая располагает большими ресурсами, государство также является организатором инвестиционных решений. Для того, чтобы расширить участие частного капитала в проектах, задействованных в улучшении инфраструктуры региона, необходимо предоставлять государственные гарантии и создать благоприятный деловой климат в Волгоградской области.

По итогам 2021 г. Волгоградская область занимает 23 место в национальном рейтинге состояния инвестиционного климата [3]. По решению Комиссии Государственного Совета РФ по направлению «Инвестиции», от 21.10.2021, Волгоградская область вошла в число 12 пилотных регионов по созданию системы поддержки новых инвестиционных проектов в субъектах РФ, которая включает 5 ключевых элементов:

- принятие инвестиционной декларации;
- создание регионального агентства развития;
- создание инвестиционного комитета;
- разработку и утверждение свода инвестиционных правил;
- формирование инвестиционной карты [3].

Для того, чтобы исключить риски невыполнения плановых показателей, при формировании регионального бюджета необходимо давать реалистичный прогноз объема налоговых и неналоговых доходов, принимая во внимание сложившуюся экономическую ситуацию.

Для мобилизации доходов бюджета бюджетная политика должна быть направлена на:

- увеличение собираемости налогов посредством работы с населением региона. В настоящее время для достижения этой цели налоговые органы по Волгоградской области проводят работу с обращениями граждан в УФНС. Динамика количества обращений граждан в УФНС по Волгоградской области в период 2019–2021 гг. отражена на рис. 1.

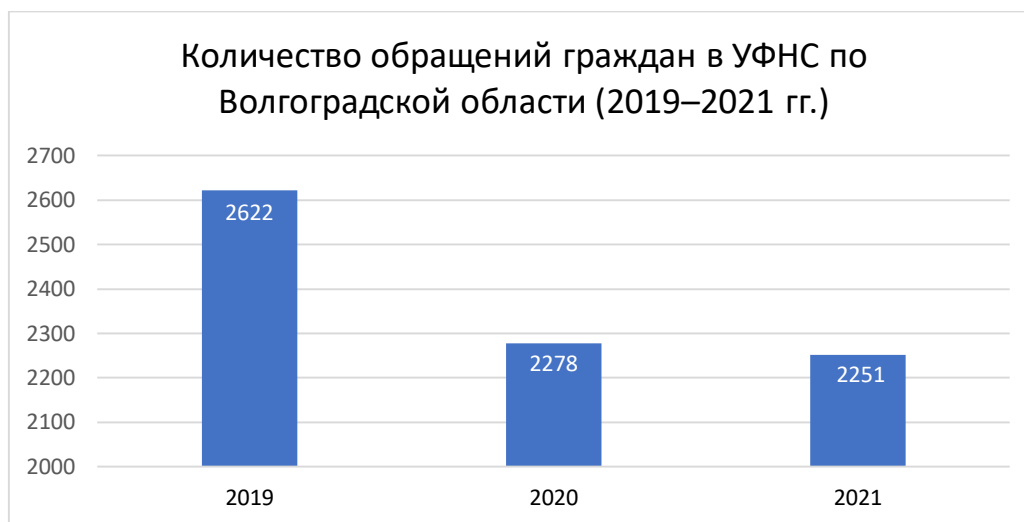

Рис. 1. Количество обращений граждан в УФНС по Волгоградской области

На рисунке 1 показано, что с 2019 г. по 2021 г. количество обращений граждан в УФНС по Волгоградской области снижалось. Следует отметить, что по сравнению с 2019 г. в 2020 г. количество обращений граждан в УФНС по Волгоградской области снизилось на 13,1 %, а в 2021 г. количество обращений граждан в УФНС по Волгоградской области по сравнению с 2020 г. снизилось на 1,2 %, что может объясняться увеличивающейся грамотностью населения в результате проводимой работы с населением.

Изменение количества обращений граждан в УФНС, поступивших посредством электронных сервисов в 2019–2021 гг. отражено на рис. 2.

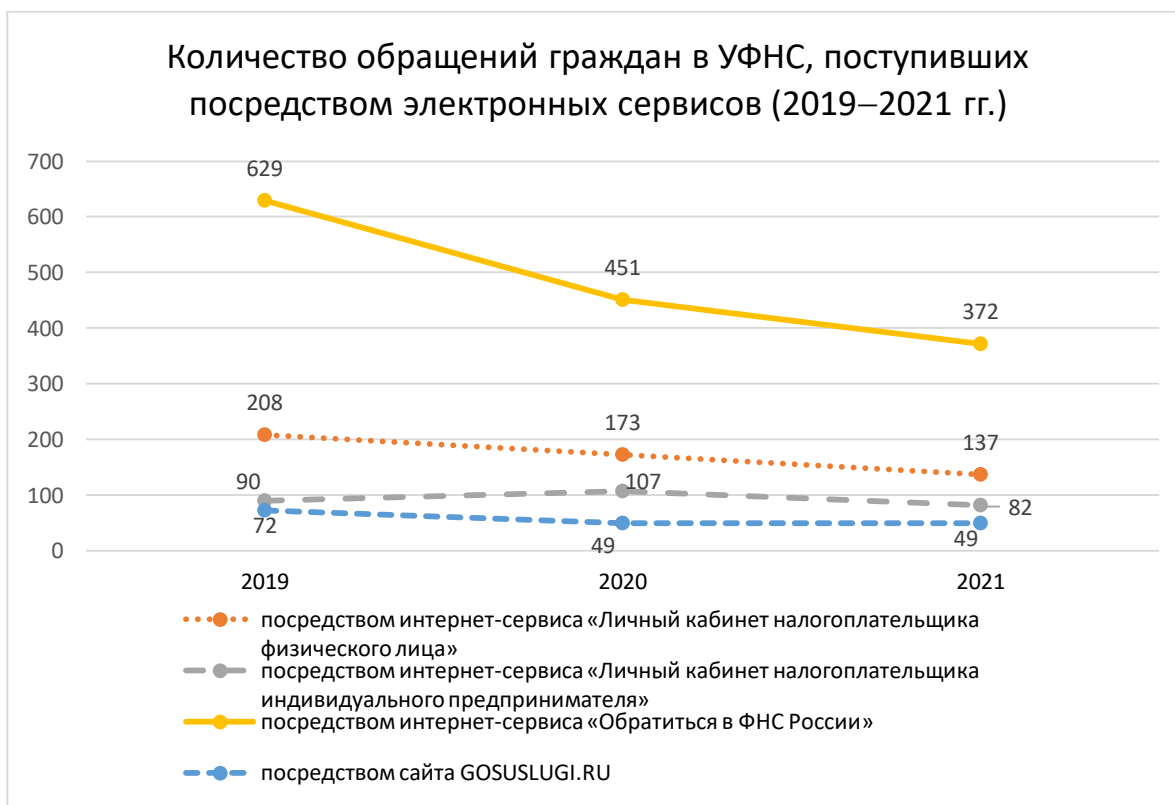

Рис. 2. Количество обращений граждан в УФНС, поступивших посредством электронных сервисов в 2019–2021 гг.

На рисунке 2 отражен тот факт, что, несмотря на пандемию коронавирусной инфекции COVID-19, по сравнению с 2019 г. в 2020 г. количество обращений граждан в УФНС по Волгоградской области, поступивших посредством электронных сервисов, снизилось на 21,9 %, а по сравнению с 2020 г. эта цифра снизилась еще на 18,9 % в 2021 г. На рисунке 2 также отражено, что количество обращений граждан в УФНС, поступивших посредством интернет-сервиса «Личный кабинет налогоплательщика физического лица» в 2020 г. снизилось на 16,8 %, а в 2021 г. – на 20,8 %. Количество обращений граждан в УФНС, поступивших посредством интернет-сервиса «Личный кабинет налогоплательщика индивидуального предпринимателя» увеличилось в 2020 г. на 18,9 % и уменьшилось на 23,4 % в 2021 г. Количество обращений граждан в УФНС, поступивших через интернет-сервис «Обратиться в ФНС России» по сравнению с 2019 г. уменьшилось на 28,3 % в 2020 г. и уменьшилось на 17,5 % в 2021 г. Количество обращений граждан в УФНС, поступивших через сайт GOSUSLUGI.RU в 2020 г. уменьшилось на 31,9 % по сравнению с 2019 г., и осталось неизменным в 2021 г.

Динамика обращений в УФНС по Волгоградской области по видам налогов в период 2019–2021 гг. отражена на рис. 3.

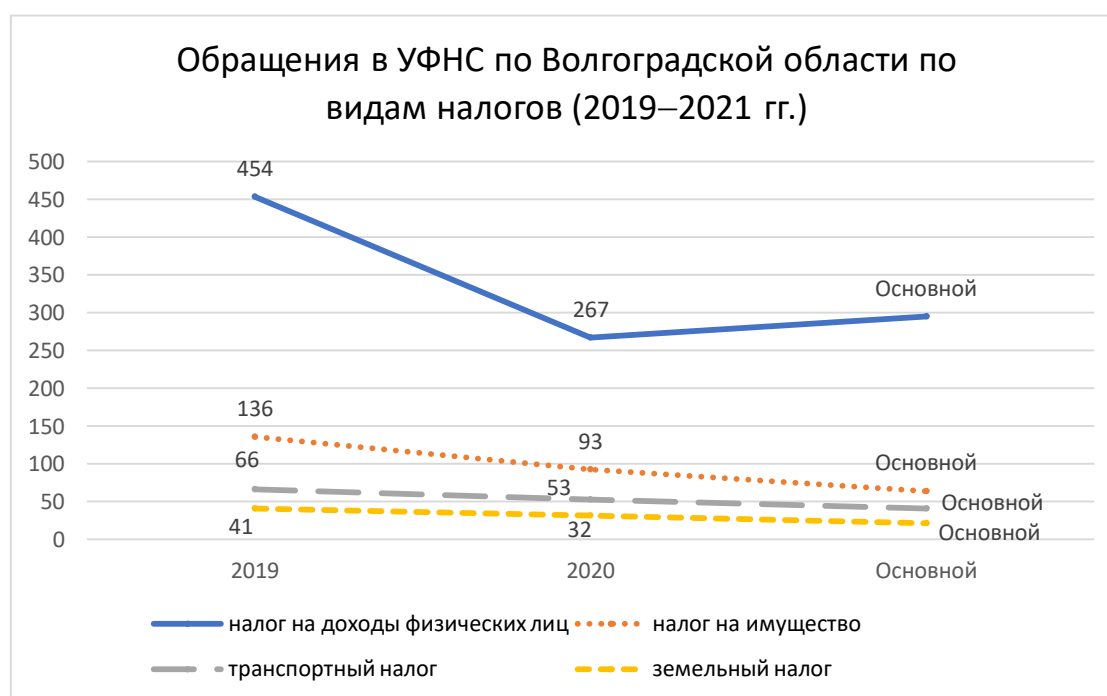

Рис. 3. Обращения граждан в УФНС по Волгоградской области по видам налогов в 2019–2021 гг.

На рисунке 3 отражена динамика обращений граждан в УФНС по Волгоградской области по видам налогов за исследуемый период. Количество обращений по поводу исчисления НДФЛ в 2020 г. уменьшилось на 41,2 % по сравнению с 2019 г. и увеличилось в 2021 г. на 10,5 %. Количество обращений налогоплательщиков по поводу исчисления налога на имущество уменьшилось в 2020 г. на 31,6 % и на 31,2 % в 2021 г. Количество обращений по поводу исчисления транспортного налога уменьшилось в 2020 г. на 19,7 % по сравнению с 2019 г. и на 22,6 % в 2021 г. по сравнению с 2020 г. Количество обращений налогоплательщиков по поводу исчисления земельного налога уменьшилось в 2020 г. на 21,9 % и на 34,4 % в 2021 г.

Результаты проведенного исследования обращений граждан в УФНС по Волгоградской области позволяют сделать вывод о том, что в результате действий налоговых органов уменьшается противоречие между участниками налоговых отношений, улучшатся осведом-

ленность населения в отношении налогов и в результате повышается лояльность отношения общества к проблемам собираемости налогов;

- учет достижений сбалансированности бюджетов регионов при внесении правок в федеральное законодательство, необходимость предусматривать компенсацию выпадающих доходов. В соответствии с Основными направлениями бюджетной и налоговой политики Волгоградской области на 2021 г. и на плановый период 2022 и 2023 гг., основной задачей бюджетной политики на 2021–2023 гг. является обеспечение сбалансированности и устойчивости бюджетной системы Волгоградской области, в том числе за счет повышения операционной эффективности и оптимизации бюджетных расходов, а также качественное управление государственными финансами за счет усиления государственного финансового контроля за эффективным использованием бюджетных средств, осуществление внутреннего финансового аудита [1];

- борьбу с теневой экономикой и легализацию доходов, ранее скрытых от налогообложения; уменьшение страховых взносов, чрезмерно обременяющих работодателей и создающих условия для сокрытия реальной заработной платы сотрудников. В случае раскрытия нелегальной деятельности индивидуальных предпринимателей все выходы к работодателям необходимо осуществлять комиссионно при помощи контрольно-надзорных органов для того, чтобы прекратить теневую занятость;

- рост самостоятельности бюджета Волгоградской области с целью повышения финансовой гибкости, а также увеличение налоговых полномочий и возможность самостоятельно устанавливать налоговые ставки.

Указанные выше меры позволят увеличить доходы регионального бюджета и повысить бюджетную обеспеченность Волгоградской области, что, в свою очередь, окажет положительное влияние на развитие экономического потенциала региона. Перечисленные выше мероприятия и увеличение доходной части бюджета Волгоградской области будут способствовать улучшению инфраструктуры региона, что в конечном результате положительно скажется на уровне жизни населения. Также стоит отметить то, что потребности регионов в сфере увеличения доходов с помощью источников собственных средств растут с каждым годом.

Список литературы

1. Основные направления бюджетной и налоговой политики Волгоградской области – URL: https://docs.yandex.ru/docs/view?url=yabrowser%3A%2F%2F4DT1uXEPRrJRXIUfoewruF1tP4UQZxwinBFEL9Md-7KMcCCRxTW6hYycbytA7wyzbWwz7Wgy40HqGCXSPON2-JwHGbjFZLSbYYIx-oqTNzZEGOKfG0m7j9v3R9jZvAmf4MrefHykE9-7VC88GCvWjQ%3D%3D%3Fsign%3D5DuTiV0DVGnOqckXdeE4qy4wpx0KYR7Jm-nTWKd6Xow%3D&name=3_ONBiNP-Volgogr.oblasti.docx&nosw=1 (дата обращения 08.05.2022).
2. Единый реестр субъектов малого и среднего предпринимательства – URL: <https://ofd.nalog.ru/statistics.html?statDate=10.05.2022&level=0&fo=3&ssrf=34&t=1653067579122&t=1653067579122> (дата обращения 10.05.2022).
3. Ежегодный отчет о деятельности комитета экономической политики и развития Волгоградской области перед жителями Волгоградской области за 2021 год – URL: <https://economics.volgograd.ru/upload/iblock/d65/!%20Слайды%202021%20год.pdf> (дата обращения 10.05.2022).
4. Изменяются ставки налога на прибыль – URL: <https://www.klerk.ru/buh/news/490466/> (дата обращения 10.05.2022).

УДК 811
ББК 81

Скачкова Ирина Ивановна
*доктор филологических наук, доцент,
профессор кафедры лингвистики и межкультурной коммуникации*
Скачкова Алена Анатольевна
студент группы БкЭ-400,
Марянина Лидия Анатольевна
*старший преподаватель кафедры лингвистики и межкультурной коммуникации
Волгоградский институт управления –
филиал РАНХиГС при Президенте РФ,
Волгоград, Россия*

ОТНОШЕНИЕ К РУССКОМУ ЯЗЫКУ НА ТЕРРИТОРИИ БЫВШИХ СОВЕТСКИХ РЕСПУБЛИК

Аннотация. Актуальность исследования положения русского языка на постсоветском пространстве объясняется сложностью положения России в современном мире. Использование русского языка в качестве лингва франка свидетельствует об интересе жителей соседних государств к русскому языку. В статье дается характеристика действий официальных и неофициальных агентов языковой политики, направленных на сужение функций русского языка. Если такая языковая политика противоречит экономическим интересам страны, она не проводится. В таких ситуациях можно говорить о расширении функций русского языка на территории сопредельных государств.

Ключевые слова: языковая политика, национальная безопасность, дерусификация, официальная языковая политика, неофициальная языковая политика.

Skachkova Irina Ivanovna
*Doctor of Philology, Associate Professor,
Professor of the Department of Linguistics and Intercultural Communication*
Skachkova Alyona Anatolyevna
student of the Bk-400 group,
Maryanina Lidiya Anatolyevna
*Senior Lecturer of the Department of Linguistics and Intercultural Communication
Volgograd Institute of Management –
branch of RANEPa under the President of the Russian Federation,
Volgograd, Russia*

TREATMENT OF THE RUSSIAN LANGUAGE IN THE TERRITORY OF THE FORMER SOVIET REPUBLICS

Abstract. The relevance of the study of the position of the Russian language in the post-Soviet space is explained by the complexity of Russia's position in the modern world. The use of Russian as a lingua franca testifies to the interest of residents of neighboring states in the Russian language. The article describes the actions of official and unofficial language policy agents aimed at narrowing the functions of the Russian language. If such language policy is contrary to the economic inter-

ests of the country, it is not carried out. In such situations we can talk about expanding the functions of the Russian language on the territory of neighboring states.

Keywords: language policy, national security, derussification, official language policy, unofficial language policy.

В настоящее время государства активно взаимодействуют между собой, процесс глобализации меняет политическую картину мира, мировые и локальные культуры тесно переплетаются, взаимодействуют и влияют друг на друга, для политики, экономики и науки характерны интегративные процессы. Современная геополитическая ситуация заставляет государства заботиться о своей национальной безопасности. Именно по этой причине, многие исследователи считают, что «языки стали главной проблемой XXI века» [1].

В своей докторской диссертации мы говорили о том, что для обеспечения национальной безопасности гражданам государства необходимо изучать иностранные языки. Эта необходимость вызвана внешними объективными причинами, например причиной того, что некоторые граждане США были вынуждены изучать русский язык было отсутствие собственных космических аппаратов, а российские организации предоставляли возможность космических полетов. Власти США поощряли изучение американскими астронавтами русского языка, потому что присутствие в космосе обеспечивало национальную безопасность США и повышало экономическую конкурентоспособность этого государства на международной арене.

В последние годы в прессе очень часто говорится о том, что правительства многих бывших советских республик стремятся убрать русский язык из языкового и политического пространства своих государств. Например, 28 декабря 2022 г. на заседании кабинета министров президент Киргизии Садыр Жапаров «отчитал чиновников за равнодушное отношение к киргизскому языку и ведение документооборота на русском», подчеркнув при этом, что для государственного (киргизского) языка должны быть не менее 50 % [5]. Следует отметить, что президент прав, говоря о том, что «киргизский не будет развиваться, если к нему продолжат относиться равнодушно» [там же], а для того, чтобы «все жители страны могли свободно говорить и писать на государственном языке» [там же], необходима забота о языке и условия для его развития.

Что касается этого государства, то ранее спикер парламента Киргизии Нурланбек Шакиев запретил министру природных ресурсов, экологии и технадзора Киргизии Динаре Кутмановой запретили говорить на русском языке во время заседаний. Это косвенным образом свидетельствует о заботе о киргизском языке со стороны официальных агентов языковой политики.

Ранее мы говорили о том, что Казахстан проводит политику ограничения роли русского языка [6]. Такую же политику ограничения мы наблюдаем сейчас во многих государствах – бывших советских республиках. О Киргизии мы уже говорили. 12 января 2023 г. экс-спикер парламента Молдовы Михай Гимпу заявил: «Пока мы не остановим русский язык, наши люди не начнут говорить корректно на румынском. Русский язык продолжает душить наш родной язык. Несмотря на 30 лет независимости, мы говорим, как в советское время» [4]. Данная цитата, с одной стороны, является маркером дерусификации Молдовы, а с другой – является доказательством недостаточных усилий официальных агентов языковой политики РФ для расширения функций русского языка [6]. Интересным, конечно, является заявление М. Гимпу о том, что молдаване должны говорить на румынском языке. С нашей точки зрения, это говорит о векторе внешней политики данного государства, но этот вопрос не входит в задачи статьи.

Интересным является то, что некоторые агенты языковой политики говорят о необходимости запретить русский язык на территории той или иной страны, используя русский язык. Например, в сети Интернет есть ролик, в котором казашка, гражданка Казахстана, призывает русских отказаться от русского языка. Но делает это на русском языке [3].

Однако когда борьба за чистоту языкового пространства мешает получению экономической выгоды, производители и продавцы товаров и услуг зачастую нанимают продавцов, владеющих языком покупателя, потому что *«you can buy in any language, but you must sell in the language of your customer»* («покупать вы можете на любом языке, но продавать вы должны на языке клиента») [7, с. 202]. В качестве примера можно привести современную ситуацию в Грузии. Представители грузинского бизнеса негативно встретили предложение президента Саломе Зурабишвили ограничить пребывание граждан РФ в стране 90 днями, потому что в последнее время «Грузию наводнили гости с деньгами». В результате этого некоторые представители грузинского бизнеса нанимают специалистов со знанием русского языка [2].

Проведенное исследование говорит о том, что для стран, расположенных на постсоветском пространстве, характерно стремление уменьшить количество функций русского языка на их территории, если это не противоречит принципу утилитарности.

Список литературы

1. Буренкова, Д. Ю., Семикина, Ю. Г. Роль русского языка как средства межкультурной коммуникации на постсоветском пространстве // Союз Советских Социалистических Республик как историко-культурный феномен: национально-государственное строительство: доклады 4-й Международной научно-практической конференции, посвященной 100-летию образования СССР (Россия, Москва, 20 декабря 2022 г.). Москва: Московский Политех, 2022. С. 312–317.
2. Зотов, Г. «Хачапури вам больше не видать». Грузия закрывает въезд для граждан России? URL: https://aif.ru/politics/world/hachapuri_vam_bolshe_ne_vidat_gruziya_zakryvaet_vezd_dlya_grazhdan_rossii?utm_medium=referral&utm_source=infox.sg&utm_campaign=exchange (дата обращения: 16.01.2022)
3. Казашка указывает русским на каком языке общаться URL: https://vk.com/wall-75679763_4656779 (дата обращения: 16.01.2022)
4. Молдавский политик: русский язык душит наш родной язык – румынский URL: https://vk.com/wall-52620949_1359431 (дата обращения: 16.01.2022)
5. Президент Киргизии Жапаров отчитал чиновников за ведение документов на русском языке URL: <https://news.mail.ru/politics/54475007/?frommail=1> (дата обращения: 16.01.2022)
6. Скачкова, И. И., Скачкова, А. А. Языковая ситуация в Российском интернет-дискурсе // Вестник ТГГПУ. 2020. № 3 (61). С. 96–100.
7. Скачкова, И. И. Языковая политика США в отношении миноритарных языков. Волгоград : Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Волгоградский филиал, 2015. 296 с.

УДК 378.147
ББК 74.48

Тедеева Роксана Олеговна
студент группы ПНБ-202,
Компанеева Людмила Геннадьевна
кандидат педагогических наук, доцент,
доцент кафедры лингвистики и межкультурной коммуникации
Волгоградский институт управления –
филиал РАНХиГС при Президенте РФ,
Волгоград, Россия

ПРОБЛЕМА ЭФФЕКТИВНОСТИ ИЗУЧЕНИЯ ИНОСТРАННОГО ЯЗЫКА В ПРОЦЕССЕ ПОДГОТОВКИ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ КАДРОВ

Аннотация. В период глобализации знание иностранного языка является необходимым для профессионального и личностного развития современного человека. Однако, низкая эффективность преподавания иностранных языков в непрофильных вузах остается на протяжении многих лет основной проблемой недостаточного уровня владения иноязычной профессиональной коммуникативной компетенцией выпускников вузов. Таким образом, цель нашей статьи – выявить основные причины неэффективности преподавания иностранных языков и определить возможные способы их устранения. Гипотеза исследования – учет индивидуальных особенностей студентов и развитие их мотивации к изучению иностранных языков способствует повышению эффективности образовательного процесса. Для определения мотивации к изучению иностранных языков нами был проведен опрос в социальных сетях 168 студентов юридических факультетов и факультетов ГМУ Волгоградских, Московских и Владикавказских вузов. Результаты опроса выявили следующие факторы низкой мотивации: недостаточный уровень базовых знаний и соответственно, «обход» проблемы, отсутствие практического примера применения иноязычных навыков и умений в будущей профессии, низкий уровень международной интеграции в профессиональной среде в РФ, уклон на грамматические методы преподавания профессионального иностранного языка. Решение данной проблемы нам видится в учете персональных особенностей каждой группы студентов, большем практическом использовании методов коммуникативного обучения, ознакомлении студентов с важными аспектами влияния процесса изучения иностранного языка на общие деловые и личностные качества, такие как развитие памяти, речи, мышления, эрудиции, формированию обширного словарного запаса, способности находить нестандартные решения проблем и т.д. Исследование позволило нам сделать вывод: программа преподавания иностранного языка должна более детально персонализироваться под конкретный профиль обучения, а также стать практически применимой.

Ключевые слова: профессиональная иноязычная коммуникативная компетенция, мотивация, проблемы системы образования, коммуникативное обучение, персонализация обучения.

Tedeeva Roksana Olegovna

student of the PNB-202 group,

Companeeva Lyudmila Gennadiyevna

Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor,

Associate Professor of the Department of Linguistics

and Intercultural Communication

Volgograd Institute of Management –

branch of RANEPa under the President of the Russian Federation,

Volgograd, Russia

EFFECTIVENESS OF LEARNING A FOREIGN LANGUAGE IN THE TRAINING OF FUTURE PROFESSIONAL PERSONNEL

Abstract. In the period of globalization the foreign language skills are necessary for professional and personal development. However, the low efficiency of teaching foreign languages in non-core universities has remained the main problem of the insufficient level of foreign language professional communicative competence of university graduates for many years. Thus, the purpose of our article is to identify the main causes of inefficiency in teaching foreign languages and possible ways to eliminate them. The hypothesis of the study is that taking into account the individual characteristics of students and the development of their motivation to learning foreign languages contributes to the effectiveness of the educational process. To evaluate the motivation for learning foreign languages, we conducted a survey on social networks of 168 students of law and management departments of the Volgograd, Moscow and Vladikavkaz universities. The survey results revealed the following factors of low motivation: insufficient level of basic knowledge, «circumvention» of the problem, lack of a practical example of using foreign language skills and abilities in the future profession, low level of international integration in the Russian professional environment, a bias towards grammatical methods while teaching a professional foreign language. We see the solution to this problem in taking into account the personal characteristics of each group of students, applying more communicative methods and familiarizing students with important aspects of the influence of the process of foreign language learning on general professional and personal qualities. Thus, foreign language teaching programs should be more personalised for a specific learning profile and modernise to be more practically applicable.

Keywords: professional foreign language communicative competence, motivation, problems of the education system, communicative learning, personalization of learning.

В современном мире наблюдается всё большее распространение глобализации, которая с каждым годом всё глубже проникает во все сферы жизни общества. Профессиональная область – одна из основных, где особенно существенно можно проследить влияние иностранного языка, преимущественно английского, как инструмента – помощника международной интеграции. В настоящее время в Российской Федерации английский язык преподаётся в высших учебных заведениях как лингвистических, так и непрофильных направлений, являясь обязательным элементом программы обучения. Однако, наряду с другими непрофильными дисциплинами, обучение языкам часто не находит интереса у студентов. Низкий уровень мотивированности обучающихся – причина низкой эффективности преподавания.

Данная проблема является одновременно нормальным, характерным явлением и сбоем системы образования. С одной стороны, предполагается, что студенты самостоятельно несут

ответственность за качество усваиваемого материала, с другой – само наличие проблемы эффективности преподавания не должно игнорироваться, ведь качество образования – это будущее профессиональной деятельности России.

Для определения уровня мотивации к изучению иностранных языков нами было проведено анкетирование 168 студентов юридических факультетов и факультетов ГМУ Московских, Владикавказских и Волгоградских вузов старших курсов в социальных сетях, используя Google формы. Рассматривая причины низкой мотивации студентов к изучению иностранного языка и результаты опроса, можно выделить несколько наиболее распространённых, преимущественно психологических аспектов. Во-первых, отсутствие базовых знаний языка, которые должны были быть получены ранее, например, в школе. Если в академической среде присутствует резкая амплитудная дифференциация в уровне изначального знания изучаемого языка, наиболее вероятно, что студенты «потеряются» в информационном потоке и, как следствие, будут ориентированы на избегание, а не на усвоение материала. Такая реакция обусловлена психологией человека: пока задача кажется посильной, к её выполнению подходят последовательно и с некой заинтересованностью, однако, как только в представлении человека она выходит за рамки возможностей, включается защитный механизм, который подталкивает к минимизации контактов с раздражителем. Это находит проявление в эмоциональном отращении, отсутствии мотивации решения проблемы, а также поиске способов «обхода» проблемы – её избегания.

Во-вторых, значительное влияние на мотивацию студентов оказывает прогностическое восприятие будущего. Обучающиеся часто не видят практического примера применения лингвистических навыков в своей профессии. Причиной тому может выступать низкий уровень осведомлённости о реальном содержании профессиональных функций по профилю подготовки, а также о перспективах развития в профессии. Опрос в социальных сетях студентов, работающих в сферах, предполагающих общение с клиентами, среди которых потенциально могут оказаться иностранцы, показал, что уровень заработной платы в большинстве случаев не зависит от знания иностранного языка. Работодатели не интересовались или не придавали значение данному навыку при приёме на работу. Среди респондентов администраторы ресторанов, менеджеры по работе с клиентами, руководители среднего звена, работники сферы услуг Волгограда, Москвы и Владикавказа. Это говорит о низком уровне международной интеграции в профессиональной среде Российской Федерации. Такая проблема носит двусторонний характер. За счёт низкой востребованности подготовка специалистов со знанием иностранного языка не находит популярности. Это, в свою очередь, приводит к нехватке таких специалистов на рынке труда, что со временем воспринимается как нормальное состояние сферы.

Кроме того, значительное влияние на мотивацию студентов оказывают методы преподавания. Общеизвестным считается факт, что отечественное обучение иностранным языкам делает упор на грамматические навыки обучающихся. Вместо баланса разговорных навыков и теоретических знаний происходит смещение в сторону последних. Во-первых, такой подход не представляется студентам интересным, что непосредственно влияет на мотивацию изучения, во-вторых, такая практика укрепляет коммуникативную неуверенность обучающихся. Часто студенты, не испытывающие особых трудностей с письменным изложением мыслей на иностранном языке, совершенно лишены разговорного навыка за счёт внутренних сдерживающих установок, образующихся за счёт заикленности на грамматической верности выстраиваемого предложения.

Исходя из приведённых причин, можно выделить несколько путей их ликвидации и минимизации. Знание нескольких языков во многих случаях, несмотря на общий низкий уро-

вень международной интеграции в деловой сфере России, расценивается работодателями как преимущество кандидата при приёме на работу. Навык будет влиять как на сферу деятельности такого сотрудника, так и на его оплату труда. Согласно исследованию экспертов НИУ ВШЭ, заработная плата профессионала, свободно владеющего иностранным языком, в среднем на 27 % выше, чем у его коллег. Процент обусловлен, помимо прочего, разницей профессиональных сфер. Так, для представителей рабочих профессий знание языков не будет иметь особого значения, тем временем для офисных сотрудников, а также для руководителей высшего и среднего звена разница может быть существенной – 20–50 % [1].

Помимо очевидных указанных преимуществ, владение иностранным языком оказывает влияние на общие деловые и личностные качества. С одной стороны, такой навык развивает коммуникабельность, общую эрудицию, способность находить творческие и нестандартные решения проблем, а также многие другие навыки, с другой – одновременно служит для работодателя и коллег психологическим индикатором наличия таких качеств [3, с. 22]. Зачастую человек, владеющий несколькими языками производит впечатление более эрудированного и ответственного человека, что несомненно повлияет на отношение к нему в рабочей среде.

Не стоит упускать также и психологический аспект влияния знания иностранного языка на поведение человека в профессиональной деятельности. За счёт более обширных знаний специалист приобретает уверенность, которая значительно улучшит его навыки общения. Особенно существенным такое преимущество будет для людей, занимающихся непосредственно работой с людьми. Более того, развивается так называемая коммуникативная компетенция – умение строить эффективную речевую деятельность и поведение, соответствующее нормам социального взаимодействия [2, с. 130].

Данные факты следует доводить до сведения обучающихся на практических примерах в процессе обучения. Целесообразным представляется посвятить первые несколько занятий в начале изучения дисциплины «Иностранный язык» или «Иностранный язык профессионального общения» знакомству с положительным влиянием изучения иностранного языка на профессиональные и личностные качества, например используя информацию на сайте MOOC.org [5] или University of North Georgia [6]. Используя данные материалы, можно разработать лексические и грамматические упражнения и представить сведения в полезном и увлекательном контексте. Также иллюстрировать благоприятные последствия изучения иностранных языков представляется эффективным на тематических занятиях, посвящённых разбору конкретных профессий и профессиональных функций в спектре применения иностранного языка.

Помимо этого, следует периодически отходить от теоретического формата для проведения практических разговорных занятий, учитывая моделирование реальных рабочих ситуаций на иностранном языке. Такой формат будет более определённо показывать практическое значение изучаемых навыков, студенты будут иметь представление о целях выполняемой работы и получают уверенность в её практической полезности.

Исходя из рассмотренных явлений, можно сделать вывод, что программа преподавания иностранного языка должна более детально персонализироваться под конкретный профиль обучения, а также стать более практически применимой. Этот вопрос должен и дальше изучаться для постоянного динамического совершенствования методик обучения, ведь от их эффективности зависит качество профессиональных кадров, их компетентность, мобильность и способность российских специалистов выходить на международный уровень.

Список литературы

1. Багдасарян, Н. Как сильно знание английского языка увеличивает зарплату? // Вести образования URL: https://vogazeta.ru/articles/2020/6/11/quality_of_education/13451-kak_silno_znanie_angliyskogo_yazyka_uelichivaet_zarplatu (дата обращения: 19.11.2022).
2. Бочарникова, М. А. Понятие «коммуникативная компетенция» и его становление в научной среде // Молодой ученый. 2009. № 8 (8). С. 130–132. URL: <https://moluch.ru/archive/8/566/> (дата обращения: 20.11.2022).
3. Гудкова, С. А., Емелина, М. В. Психологические аспекты формирования профессиональной мобильности выпускника вуза при обучении иностранному языку // Карельский научный журнал. 2018. Т. 7. № 1 (22). С. 20–24.
4. Why is it important to study a foreign language? // MOOC.org – 05. 2021. – URL: <https://www.mooc.org/blog/why-is-it-important-to-study-a-foreign-language> (дата обращения: 19.11.2022).
5. Why study a foreign language? // University of Georgia. 2022. URL: <https://ung.edu/college-of-arts-and-letters/languages/why-study-a-foreign-language.php> (дата обращения: 18.11.2022).

УДК 008
ББК 87.8

Шатилов Вадим Вадимович
*преподаватель кафедры теории искусств и эстетики,
Луганская государственная академия культуры и искусств
имени М. Матусовского,
Луганск, Россия*

АРТ-РЫНОК КАК ФОРМА РЕАЛИЗАЦИИ ДИАЛОГА КУЛЬТУР

Аннотация. Автор предпринимает попытку проанализировать влияние процесса глобализации на арт-рынок, сравнивает классический и постнеклассический арт-рынки. Рассматривается феномен профанизации культовых предметов и причин деформации восприятия культурного наследия. Акцентируется внимание на проблеме культурной идентичности в пространстве арт-рынка.

Ключевые слова: арт-рынок, глобализация, глокальность, диалог культур, импозивность.

Shatilov Vadim Vadimovich
*Lecturer of the Department of Theory of Arts and Aesthetics,
Luhansk State Academy of Culture and Arts
named after M. Matusovsky,
Lugansk, Russia*

ART MARKET AS A FORM OF CULTURAL DIALOGUE IMPLEMENTATION

Abstract. The author makes an attempt to analyze the impact of the globalization process on the art market, compares the classical and post-non-classical art market. The phenomenon of profanization of cult objects and the reasons for the deformation of the perception of cultural heritage are considered. The attention is focused on the problem of cultural identity in the space of the art market.

Keywords: art market, globalization, glocality, dialogue of cultures, implosiveness.

Нельзя не отметить, что современная культура находится под влиянием процесса тотальной глобализации, а мировой арт-рынок выступает синергетическим пространством, в котором циркулируют общезначимые и признанные в мировом масштабе художественные ценности. Независимо от географического региона их капитализация остается неизменно высокой.

Пространство арт-рынка, как социокультурного феномена, является диалогичным: с одной стороны, это коммуникация между художниками и публикой, с другой – между национальными и региональными культурами, и осуществляются эти диалоги на глобальном уровне.

Сама идея диалога культур не нова, к ней в своих работах обращались ещё в XX веке Владимир Библиер и Михаил Бахтин. В концепции Библиера культура определяется как «форма одновременного бытия и общения людей различных (прошлых, настоящих и будущих) культур, форма диалога и взаимопорождения этих культур» [3, с. 38]. Только «на грани культур, в диалоге с другими целостными, стремящимися выйти за пределы себя культурами» [3, с. 37], культура продолжает развиваться и оставаться живой. «Общение между культурами, – пишет Библиер, – происходит и в настоящее время. Конкретная форма такого общения – произведе-

ние» [3, с. 38]. Последнее, согласно Библеру, есть «отстраненное от человека и воплощенное в плоть полотна, звуков, красок, камня собственное бытие человека». В коммуникации, происходящей посредством произведения, считает Библер, «мир создается заново» [3, с. 41].

Согласно М. М. Бахтину, «диалог есть способ существования культуры, которая только при встрече с другой культурой способна познать себя» [1, с. 41].

Если для дальнейших рассуждений отталкиваться от идеи диалогической культурной модели, то глобальная культура человечества состоит из множества локальных культур. В полной же мере внутренний потенциал культуры раскрывается в процессе диалога – эта форма взаимодействия является наиболее эффективной. Современный глобальный художественный рынок вполне можно считать одной из форм этого межкультурного диалога. Но равновесие данной структуры весьма хрупко, и она постоянно переживает внутренние конфликты и структурные сбои.

От классического арт-рынка современный отличается как раз своей глобальностью, которая проявляется и на географическом, и на онтологическом уровнях. Глобализация представляет собой процесс всемирной экономической, политической и культурной интеграции и унификации. Нет сфер жизни, которые смогли бы избежать глобализации, ведь этот процесс носит системный характер, проникая во все сферы жизни социума: стандартизация законодательства, образование транснациональных корпораций, появление интернациональной массовой культуры и т.д.

Процесс глобализации не обошёл стороной и арт-рынок, что проявилось в «процессе интеграции, стирания границ и различий, снятия фрагментации и специализации, собирания целого из осколков, причем процессе, который не включает в себе централизации» [5]. Данному процессу Маршалл Маклюэн дал название «имплюзия». Географические расстояния перестали быть преградой для культурного обмена: мир стал стремительно сжиматься, а вслед за ним – арт-рынок.

В наши дни больше нет некоего единого центра мирового арт-бизнеса. Современный арт-рынок в целом сопротивляется идее централизации, становясь полицентричным, эту тенденцию подмечает и известный куратор Ханс-Ульрих Обрист: «В 90-е впервые появилась уверенность, что происходит своего рода умножение центров. Ведь до того у нас было представление о некоем абсолютном центре – Нью-Йорке, Париже и нескольких других столичных городах, откуда происходит все самое передовое в искусстве, и которые являются как бы колыбелью авангарда. И вот в 90-е мы вдруг начали верить в умножение центров, в своего рода полифонию (...) Я бы предпочел говорить о самоорганизованной полифонии, которая и привела к умножению центров» [8]. Неслучайно современный рынок принято называть постмодернистским, ведь постмодернистским дискурсом отвергается дихотомия центра и периферии. Свою идею Маклюэн иллюстрирует примером с железнодорожной и электрической сетями. Первая функционирует как негибкая иерархическая модель: чем ближе вы к крупному узлу, тем меньше вы ограничены временем отправления и выбором направления. Вторая же доступна любому, независимо от времени суток, социального статуса или финансового положения. Электричество стало децентрализующим фактором XX века, а главным децентрализующим фактором XXI века становится распространение сети Internet. Именно благодаря этому сверхновому средству коммуникации реализуется культурная и информационная интеграция.

Классический арт-рынок был ограничен рамками европейского региона и существовал в форме сравнительно разрозненных локальных национальных рынков. Попытки же международных арт-рыночных контактов носили в основном несистемный и исключительный характер. Современный арт-рынок интегрирует в себя территории, которые не так давно нахо-

дились на периферии западного мира, например, такие как Индия, Китай, ОАЭ и др. «В Нью-Йорке, Шанхае или арабской пустыне – везде одни и те же марки. И также похожи друг на друга многие из новых художественных коллекций» [6, с. 72], – высказывается об этих тенденциях польская исследовательница Пирошка Досси. Сегодня художественные ценности не ограничены географически-региональными рамками, а свободно перемещаются между американскими, европейскими, азиатскими и арабскими узлами сети арт-рынка, объединяющей создателей произведений искусства, посредников и потребителей.

Переход арт-рынка на глобальный уровень привёл не только к изменению его функционирования, но и к смене видов потребления искусства. Жюдит Бенаму-Юэ отмечает, что уходит в прошлое привычный ритуал коллекционеров – субботний обход галерей. Поскольку предложение стало интернациональным, коллекционеры стали перемещаться по миру, стекаясь к месту некоего арт-события, самыми популярными из которых являются институты художественных ярмарок и биеннале [2, с. 123].

Ярмарки представляют собой локальное арт-рыночное пространство, организованное на определенный срок и с четкой специализацией: антиквариат, современное или национальное искусство, и т.д. В этом искусственно созданном пространстве встречаются и коммуницируют посредники, производители арт-продукции и её потребители.

При этом цели организаторов подобных мероприятий весьма разнообразны, и не сводятся к одной лишь продаже. Попутно участники получают ряд сопутствующих выгод в виде рекламы, приобретения новых связей, демонстрации или повышения статуса и т.д. Чем шире и неоднороднее круг участников мероприятия, тем репрезентативнее выборка, а это даёт возможность по экспозициям судить о ситуации в искусстве в целом, что особенно важно для профессионалов: критиков, экспертов, арт-агентов и консультантов. Участие в подобных мероприятиях может быть полезно и для самих художников: биеннале позволяют обменяться опытом с иностранными коллегами и, возможно, заключить контракт с галереей, а ярмарки дают возможность оценить предпочтения публики и основные тенденции развития художественной культуры. Функций ярмарок и биеннале во многом пересекаются, меняется лишь их пропорция: и те, и другие реализуют не только коммерческую функцию, но и превращаются в места популяризации и актуализации искусства.

Однако глобальность современного арт-рынка не ограничивается одной лишь географией. Постнеклассический арт-рынок трансформировался в единую синергетическую сферу свободы коммуникаций, обмена и передвижения материалов и идей, где циркулируют творческие продукты, капиталы, технологии и символические ценности. Но нельзя не упомянуть, что степень этой свободы неоднородна и регулируется национальными законодательствами о ввозе и вывозе культурных ценностей. Многие выставочные проекты избирают своей основной темой диалог культур планетарного масштаба. Одним из первооткрывателей этого направления стал французский куратор Жан-Юбер Мартен с выставкой «Маги земли», которую он организовал в 1989 году в Центре Жоржа Помпиду и в Гранд-аль в парке Ля-Вилетт.

В своём проекте Мартен экспонировал работы ста авторов: половина из них были представителями этнического искусства родом из Австралии и Азии, Африки и Латинской Америки – данные территории в рамках европоцентристской концепции традиционно считались «периферией». Другая же половина экспозиции была традиционно представлена художниками из Западной Европы и США. Куратор поставил перед собой задачу преодолеть колониальность и антагонизм, присущие предыдущим выставкам подобного содержания. Проект был призван пересмотреть систему традиционных критериев и категорий европоцентристской (и шире – западной) арт-системы, которая отвергала религиозное или незападное современное искусство, отличающееся специфическим подходом к восприятию и визуализации

действительности. Прежде таким произведениям в лучшем случае отдавалась роль ремесел и народных промыслов. По признанию самого Мартена, искусство для него являлось своеобразным метаязыком и способом поиска ответов на общечеловеческие вопросы, которые одинаково важны для художников в любой точке мира. Чтобы донести до аудитории свою позицию, он прибег к уникальному экспозиционному принципу: произведения объединялись не по хронологии или географии, а по «ауратическому» принципу, что должно было продемонстрировать универсальность языка искусства, который преодолевает политические, культурные, экономические и ценностные различия, создавая при этом общее поле для взаимодействия культур. Выставка привлекла внимание общества к болевым точкам современного социокультурного пространства, но мнения о проекте оказались весьма неоднозначными.

Во-первых, данная выставка продемонстрировала новый подход к проблеме культурной глобализации и наметила путь развития постколониальной художественной критики, призывающей к пересмотру критериев восприятия современного искусства. Мартен сделал традиционные культуры полноправными участниками мирового арт-процесса, разрушив привычную иерархию. По мнению автора проекта, это была первая по-настоящему всемирная выставка и выход из гетто западного искусства [8]. Благодаря данной выставке на географической карте современного искусства вдруг появились такие регионы, как Африка, Индия, Китай и Восточная Европа, которые прежде словно находились в слепом пятне.

Во-вторых, многие критики обратили внимание на постмодернистскую проблему контекста: произведения, вырванные из естественной среды и имплантированные в пространство западной галереи, превратились в симулякры. Аудитория была способна оценить лишь их оболочку – формальные качества, а вот их сущность, внутренняя логика, смысл и социальная функция были потеряны.

В-третьих, парадоксальным образом выставка «Маги земли» была раскритикована за свою колониальность и западоцентричность, с которыми, казалось бы, должна была бороться. Дело в том, что отбор участников и произведений проводился самим Мартемом, который единолично через призму собственных вкусов наделял какую-либо работу статусом наиболее аутентичного искусства для той или иной территории. Но может ли мнение «богатого белого европейского мужчины» в данном случае считаться авторитетным?

Однако главным результатом проекта Мартена можно считать пробуждение интереса западных коллекционеров к традиционным артефактам неевропейских культур. Это ещё раз подтверждает глобализацию арт-рынка и открытость современной культуры. В одном из старейших аукционных домов «Сотбис» появились специальные отделы, посвященные «этнографическому искусству». Так, например, в отделе искусства американских индейцев или Африки и Океании многие лоты представлены артефактами ритуального характера: маски, скульптуры, амулеты и украшения. Наибольшим спросом у покупателей пользуются не бытовые предметы, а вещи, наделенные сакральными функциями, которые использовались для обрядов жертвоприношений, инициаций и других ритуалов. Но новые владельцы не используют приобретенные артефакты по их назначению, то-есть они лишаются своего внутреннего смысла, который был в них заложен культурой, создавшей их. В родной и принимающей культурах артефакт будет иметь совершенно разное значение. Будучи частью ритуального костюма догонов, маска была для соплеменников магическим объектом, наделенным жизненной силой. Но в пространстве частной коллекции или музея предметы культа становятся объектами дизайна или обучения – подвергаются процессу профанизации.

Но и здесь влияние культур носит диалогический характер: национальное искусство изменило структуру современного арт-рынка, но и он изменил специфику создания традиционных артефактов. Если прежде «аутентичную» магическую маску участник церемонии из-

готовавливал для себя сам, то огромный спрос на дагонские предметы обусловил появление мастеров, которые изготавливают сувенирную продукцию для внешнего потребителя, не соблюдая при этом традиционных ритуалов, канонов и технологий. В этом случае мы сталкиваемся с «профанализованным» способом создания предметов, которые лишены своего внутреннего содержания и являются лишь формальной имитацией.

Подобные данной ситуации взаимодействия, где глобальное соотносится с локальным, привели к появлению нового термина – «глокальность». Культуролог М. Эпштейн высказывается по этому поводу следующим образом: «глокальность становится девизом XXI века, поскольку глобализация всех политических и культурных процессов сопровождается их растущей локализацией (регионализацией)» [7]. В японском языке есть во многом сходный термин – дочакука, который дословно переводится как «жить на собственной земле», т. е. означает приспособление хозяйственных и экономических методов ведения хозяйства к местным условиям. В 1980-е годы «глокальность» стала негласным девизом стремительно развивающейся экономики Японии, которая всячески пыталась приспособить глобальные перспективы и стратегии к местным условиям. Понятие «глокальность» по-прежнему актуально и для современной культуры в целом, базирующейся на сочетании двух, казалось бы, разнонаправленных явлений: процессов глобализации и ускоренного развития локальных культур. Одним из основных катализаторов «глокальности», то-есть соединения глобального с локальным, является распространение Интернета, проникающего во все сферы жизни людей.

Глокальности современной культуры в конце девяностых был посвящён выставочный проект Ханса-Ульрихта Обриста и Хоу Ханру «Города в движении». Обрист рассуждал о дегуманизации, которая является следствием глобализации, хотя последнее понятие сам куратор предпочитает заменять термином «мондиализация». Прежде всего, Обрист говорит о дегуманизации передвижных временных выставок, которые воспроизводятся в неизменном виде на каждом новом месте, игнорируя специфику территории. При работе над «Городами в движении», Обрист стремился адаптировать экспозицию к каждому конкретному выставочному пространству. Он призывает кураторов внедрять принцип изменчивости экспозиции во времени и пространстве в саму выставочную концепцию, однако это требует от организаторов чуткого исследования как локальной ситуации, так и мондиализации [4].

Рассматривая культурные процессы общемирового масштаба, можно заключить, что ситуация арт-рыночной глобализации требует свежего взгляда на проблему национальной идентичности художника и вновь поднимает вопрос о деформации восприятия культурного наследия. Обращение западного мира к традиционным культурам в формах культурного и арт-туризма приводит к фрагментации и дифференцированию некогда целостного культурного организма. Во многом это связано с процессом деконтекстуализации, возникающем при изъятии отдельных культурных элементов из аутентичного культурного контекста для удобства международного потребления, что приводит к упрощенному и искаженному восприятию культуры новым потребителем.

«Имплозивность» размывает границы между национальными культурами, превращая мир в «глобальную деревню», описанную Маршаллом Маклюэном. В процессе имплантации ценностей одних культур в пространство других, неизбежно происходит их освоение, а затем трансформация, адаптирующая их к местной специфике. Но, как уже было отмечено ранее, при этом процессе ценности имплантированной культуры могут лишиться своего содержания, превратившись лишь во внешнюю имитацию, функционирующую по имманентным законам поглотившей их культуры.

Являясь частью современной культурной парадигмы, арт-рынок XXI века характеризуется децентрализацией и возрастающим вниманием к проблеме культурной идентичности.

Характерной чертой данного феномена является его амбивалентность, выражающаяся в сочетании двух разнонаправленных тенденций: с одной стороны, это глобализация арт-рыночной деятельности, а с другой – внимание к проблематике локального, что находит отражение в присущей арт-рынку наших дней глокальности.

Список литературы

1. Бахтин, М. М. Проблемы творчества Достоевского / М. М. Бахтин. М. : Художественная литература, 1972. 1073 с.
2. Бенаму-Юэ, Ж. Цена искусства / Ж. Бенаму-Юэ. М. : Артмедиа групп, 2008. 192 с.
3. Библер, В. С. Культура. Диалог культур (опыт определения) // Вопросы философии. 1989. № 6.
4. Лазарева, А. Ханс-Ульрих Обрист: «мондиализация» versus «глобализация» [Электронный ресурс] // Художественный журнал. 2004. Режим доступа: <http://xz.gif.ru/numbers/56/11/#1> (дата обращения: 15.11.2022).
5. Маклюэн, М. Понимание Медиа: внешние расширения человека [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://yanko.lib.ru/books/media/mcluhan-understanding_media.pdf (дата обращения: 15.11.2022).
6. Досси, П. Продано! Искусство и деньги / П. Досси. СПб.: Лимбус Пресс, ООО «Издательство К. Тулибина», 2011. 288 с.
7. Эпштейн, М. «Глокальный». [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.rb.ru/comments/culture/2007/II/12/141642.html> (дата обращения: 15.11.2022)
8. Яичникова, Е. Жан-Юбер Мартен, куратор экзотического [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.openspace.ru/art/projects/12100/details/12101/page2/> (дата обращения: 15.12.2022).

УДК 159.96
ББК

Юдина Алина Андреевна
студент группы ПОЗО-181,
Люсова Оксана Валерьевна
кандидат психологических наук, доцент,
доцент кафедры экономики и социально-гуманитарных дисциплин,
Волжский филиал Волгоградского государственного университета,
Волжский, Волгоградская область, Россия

ПОСТТРАВМАТИЧЕСКОЕ СТРЕССОВОЕ РАССТРОЙСТВО И ОСОБЕННОСТИ ЕГО ПРОЯВЛЕНИЙ У СВИДЕТЕЛЕЙ ВОЕННЫХ КОНФЛИКТОВ

Аннотация. Статья посвящена актуальной на данный момент теме посттравматического синдрома, который все чаще стал проявляться у свидетелей военных конфликтов из-за нынешней обстановки в мире. Целью исследования является изучение комплекса психических нарушений, возникающих в связи с военной ситуацией и особенности проявлений посттравматического стрессового синдрома у свидетелей военных конфликтов.

Ключевые слова: посттравматический синдром, клинические проявления, прогнозы.

Yudina Alina Andreevna
student of the POSO-181 group,
Lyusova Oksana Valeryevna
Candidate of Psychological Sciences, Associate Professor,
Associate Professor of the Department of Economics and Social and Humanitarian Disciplines,
Volga Branch of Volgograd State University,
Volzhsky, Volgograd region, Russia

POST-TRAUMATIC STRESS DISORDER AND FEATURES OF ITS MANIFESTATIONS IN WITNESSES OF MILITARY CONFLICTS

Abstract. The article is devoted to the currently relevant topic of post-traumatic syndrome, which has increasingly begun to manifest itself in witnesses of military conflicts due to the current situation in the world. The aim of the study is to study the complex of mental disorders arising in connection with the military situation and the features of manifestations of post-traumatic stress syndrome in witnesses of military conflicts.

Keywords: post-traumatic syndrome, clinical manifestations, prognoses.

Что такое военные действия? У каждого из нас может быть свое толкование этого термина, так же и как свое отношение к данному событию. Мы все по-разному реагируем на такое явление как война, по-своему относимся к этому, и, абсолютно, каждый из нас является свидетелем этих военных действий. Сейчас, живя в мире, где учащаются случаи военных столкновений, все больше и больше людей испытывают стресс, с которым, порой, тяжело удастся справиться самому. Пока на поле боя идет своя операция, у каждого равнодушного происходит своя, личная борьба с самим собой и своими переживаниями, последствия которой не всегда обходят стороной.

Чтобы в дальнейшем не страдала психика человека после перенесенного травматического события, следует узнать как отдельный человек реагирует на саму стрессовую ситуацию. Тем, у кого проявляются признаки посттравматического стрессового расстройства, в различных классификациях психических заболеваний стало введение диагностических и синдромальных оценок, особенно в случаях невротических проявлений, острой реакции на стресс, расстройства адаптации, стресс боевой обстановки и т.д.

К сожалению, проявления после полученной психотравмы в человеческой психике уже давно никого не удивляют, причина их непопулярности лишь в том, что многие не придают им должную значимость, стараются обойти стороной и уделить внимание более значимым, по их мнению, вещам. В нашем обществе не все люди готовы обращать должное внимание на те сферы социальной жизни, которые могут как-то затронуть наше психическое составляющее. Именно поэтому для таких травмированных людей особо важна своевременная и эффективная реабилитация и реадаптация.

Но стоит отметить, не всегда травма может проявлять себя самостоятельно через болезненные воспоминания, беспокойство. Травма, путем заполучения травматического опыта, может оказаться «двигателем прогресса» и повлечь за собой специфические нарушения нервной деятельности в виде заиканий, obsessions, тиков. И только после обретения своей полной самостоятельной формы, она уже перестает меняться и остается с человеком до полного излечения, путем длительной комплексной работы. Далее Фрейд проводит аналогию Между травмой психической и физической: «психическая травма или воспоминание о ней действует подобно чужеродному телу, которое после проникновения вовнутрь еще долго остается действующим фактором» [1, с. 13]. Зигмунд Фрейд так же считал, что большая часть симптомов исчезала, стоило восстановить в памяти человека те или иные травмирующие психику события. Он считал, что если у воспоминаний нет эмоциональной окраски, первоначального налитанного чувствами образа, то их выговор не будет эффективен, для этого нужно сначала воспроизвести исконный их вид, а потом уже выговорить. Фрейд так же считал удивительным то, что у травмирующих воспоминаний со временем не меняется их ценность и не пропадает болезненность по сравнению с теми, что беспокоя душу, не нанося вреда психике. Тем не менее Фрейд считает, что если после получения травмы был ее эмоциональный выход, то соответственно снижается уровень переживаний, и так же положительного эффекта не будет, если реакция на стресс была подавлена. В любом из вариантов сама реакция на травмирующее событие может быть от немедленной до отложенной на долгое время, при чем выраженность может быть тоже разная, начиная от слез и заканчивая мстью. Аффект травмы начнет терять свой эмоциональный окрас только после того как сам человек в достаточной мере отреагирует на событие. Фрейд характеризует это выражениями «выплеснуть чувства» или «выплакаться» и подчеркивает, что «оскорбление, на которое удалось ответить, хотя бы на словах, припоминается иначе, чем то, которое пришлось стерпеть». Еще одна специфика, на которой останавливается Фрейд: «...Реакция пострадавшего на травму имеет «катартическое» воздействие лишь в том случае, если она является реакцией адекватной, подобно мести» [1, с. 14].

По Стенеру, существует определенная система внутреннего убежища служащая для того, чтобы избежать страдания. Он так же говорит, что в сновидениях убежища могут быть представлены теми или иными образами, объединенные между собой особыми группами людей.

Благодаря полученным сведениям от жертв Холокоста, теперь стало известно, что выжившие должны были изменить собственные воспоминания того ужасного события, так как каждый рас сталкиваясь с воспоминаниями, которые не несут положительного окраса, возникает лишь болезненное ощущение и возобновляется борьба против прошлого. Воспоминания, которые человек не преодолел представляют собой своего рода не излеченные раны, которые продолжают вызывать тревожные ощущения. Точно так же как и выжившие Холокоста, участники и свидетели других войн имеют широкий диапазон эмоций, даже не смотря на то, что у каждого могут быть свои травмирующие ситуации. Нк тому же у большинства присутствует единая клиника посттравматического стрессового расстройства, а обстоятельства получения травмы могут быть разные, приходится сталкиваться с многообразием способов их переживания. Переработку и искажение воспоминаний жертва считает необходимым элементом, а также подмену собственных ощущений, в целях самозащиты психики от травмирующего фактора, который остается с ней до тех пор, пока ситуация остается не проработанной. Немаловажным чувством является удовлетворение собственной жизнью, важно уметь делиться с потомками такими вещами как смысл жизни, ценность человеческой жизни и о семейной целостности в случае чрезвычайных ситуаций. Очень важен так же опыт, которым родители могут поделиться со своими детьми, передать им правильные модели поведения в стрессовых ситуациях и поделиться личным опытом, который несёт тот или иной исход. Тем самым ребёнок уже будет иметь представление о том, как следует себя вести в подобного рода ситуациях, что следует ожидать и как следовать дальше, поэтому попадая в похожего рода состояния – картина происходящего будет уже не такой новой и пугающие. Эффект полезного опыта и его проработка могут служить спасением психики вашего ребёнка, и подготовит его к новым жизненным поворотам.

Э. Эриксон считал, что только путем принятия своего собственного жизненного пути и отдельно значимых для него людей индивид может достичь своей целостности, не позволяя себе никаких замещений. «своего собственного и единственного жизненного цикла и тех людей, которые стали в нем значимыми, как чего-то такого, чему суждено было произойти и что необходимым образом не позволяет никаких замещений». Сущность работы психоанализа может быть кратко изложена в двух положениях: (1) расширение сознательного признания само- и объектных репрезентаций, и (2) принятие неизбежности и необходимости каждого события в своей жизни как объясняемого его причинами. Можно сказать, что вызов принятия собственного преклонного возраста и завершение психоаналитической работы – это одно и то же – принять и вобрать в себя все то, что происходило и отказаться от отрицания, экстернализации и содействия своей ярости. В преклонном возрасте этот процесс осложняется; ибо индивиду приходится горевать о текущих и продолжающихся утратах и заранее печалиться о завершении своей жизни, в то же самое время испытывая печаль вследствие неизбежного обзора прожитой жизни. С другой стороны, в психотерапии с посттравматическими состояниями также имеют место серьезные осложнения к овладению ситуацией через траур [4, с. 474].

Во время и после участия в травмирующей ситуации, пострадавший находится в состоянии психологического шока. Оно предшествует возникновению клинической картины ПТСР, и её особенности в значительной степени определяют дальнейшее течение заболевания.

Особенности проявления фаз ПТСР

Фаза	Проявления
<i>Интенсивный страх</i>	Вызывает желание бежать или реакцию оцепенения. Иногда жертвы продолжают чувствовать себя незащищенными, бояться одиночества и испытывают недоверие к окружающим
<i>Защитная реакция отрицания</i>	Происходящее или только что случившееся событие кажется жертве нереальным или случившимся не с ним, а с кем-то другим
<i>Состояние растерянности</i>	Человеку трудно ориентироваться в ситуации, принимать решения и совершать необходимые действия (иногда вплоть до неспособности говорить или двигаться)
<i>Состояние психологической уязвимости</i>	Человек очень восприимчив к советам окружающих людей (часто с некритическим отношением к этим советам) и в то же время становится крайне ранимым, болезненно воспринимая замечания или невнимание к нему со стороны окружающих
<i>Стыд и отвращение по отношению к самому себе</i>	Отвращение касается собственной личности или частей тела, к которым прикасался агрессор, они воспринимаются как «загрязнённые»
<i>Психосоматические симптомы</i>	Тошнота, полная потеря аппетита

Стоит отметить, что страдающий посттравматическим расстройством может испытывать болезненные ощущения по поводу своей беспомощности из-за своего состояния в сложившейся ситуации. Однако бывает, что понимание и принятие своего состояния сменяется гневом, за отсутствием других реакций, которые могли бы оправдать свою беспомощность в решении проблемы. Испытывая чувство гнева, появляется некая возможность отказаться от признания того, что сейчас не в силах что-либо изменить, отказ от своей беспомощности.

В случае защитных реакций в личности человека с посттравматическим расстройством происходят длительные изменения, в частности, изменения затрагивают его суперэго.

Самым главным является интеграция волнующих чувств, таких как чувство вины и депрессия, которые помогут пострадавшему снизить высокие ожидания от себя самого и принять необходимость того, что случилось. В этом случае, при пересмотре своей жизни, происходит возвращение вытесненного, вследствие чего жертва испытывает снова боль. В случае, если пострадавший успешно окончит свой траур или успешно интегрирует собственную жизнь, то у него будет шанс распорядиться этой жизнью как своей. С помощью этого можно выпустить наружу свое «не Я», что обычно занимает теневую сторону и не даёт показаться в реальной жизни путем вытеснения через экстернализацию. Если же мы хотим добиться возвращения когда-то вытесненного образа, то следует довести наш траур до восстановления самоидентичности объектных репрезентаций. Чувство обезболивания теряет свои свойства, когда достигается интеграция собственного Я, тем самым спадает иллюзия внешности, которая оставалась по отношению к своим объектным репрезентациям. Подобного рода мотивация может быть обусловлена преодолением необоснованной агрессии.

Можно сказать, что аффективная толерантность является ядром обсуждения, так как напрямую зависит от высказывания З. Фрейда, который считал, что воспоминание не может влиять на истерию, поэтому интеграция и траур обязательно должны состоять из аффективных составляющих.

Исходя из всего вышесказанного стоит подчеркнуть важность влияния аффектов для полного завершения личного траура, особенно взрослого типа. Если же рассматривать вариант неразрешения внутреннего траура с аффективной составляющей, то могут возникнуть ещё более болезненные отклики, по большей части на соматическом уровне, которые послужат угрозой психике, побуждая пострадавшего скорее применять защитные механизмы в основном опираясь на отрицание и избегание (рис. 1).

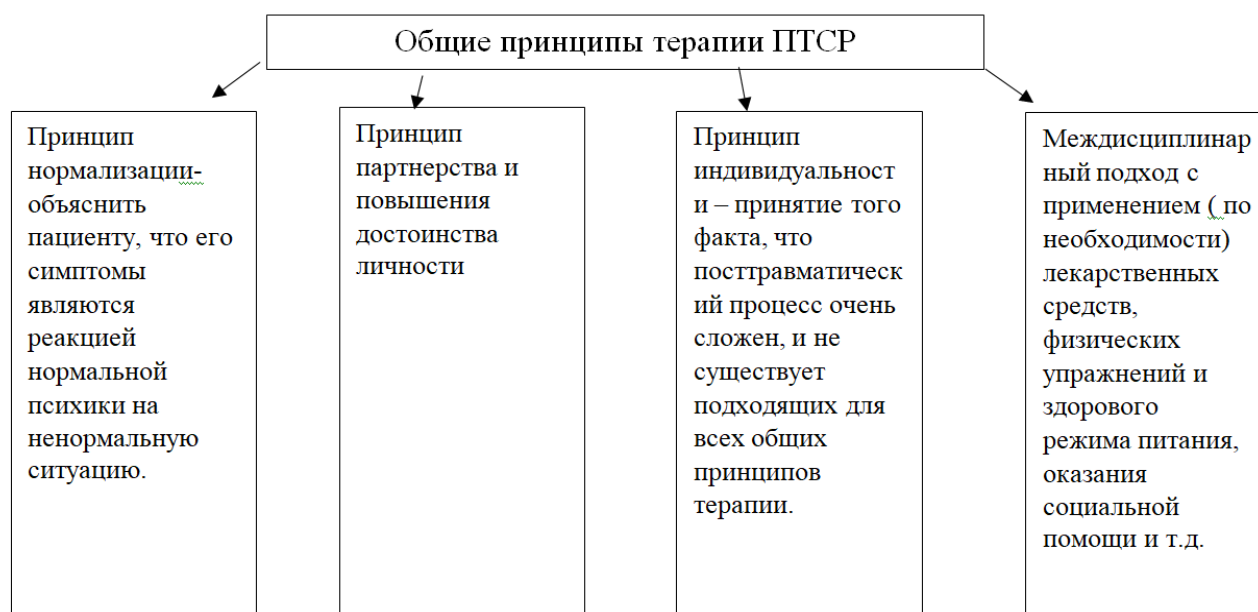

Рис. 1. Общие принципы терапии посттравматических расстройств

Список литературы

1. Решетников, М. М. Психическая травма / М. М. Решетников. СПб.: Восточно-Европейский Институт Психоанализа, 2006. 322 с.
2. Калшерд, Д. Травма и душа: Духовнопсихологический подход к человеческому развитию и его прерыванию / Д. Калшерд; перевод с английского Н. А. Серебренниковой; под редакцией В. А. Агаркова. М.: Когито-Центр, 2015. 488 с., 3 л. ил. (Современная психотерапия)
3. Калшед, Д. Внутренний мир травмы. Архетипические защиты личностного духа / Д. Калшерд; перевод с английского В. А. Агаркова, С. Кравец. М.: Деловая книга, Академический проект, 2001. 368 с.
4. Кристалл, Г. При содействии Кристалла, Д. Х. Интеграция и самоисцеление. Аффект, травма и алекситимия / Г. Кристалл; при содействии Д. Х. Кристалла. М.: Институт общегуманитарных исследований, 2006. 800 с.

Секция 3

ПСИХОЛОГИЯ В XXI СТОЛЕТИИ: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ПРАКТИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

УДК 159.9
ББК 88.41

Андросова Марина Андреевна
студент группы ПСД-300,
Научный руководитель: Терелянская Ирина Васильевна
кандидат психологических наук,
доцент кафедры социологии, общей и юридической психологии,
Волгоградский институт управления –
филиал РАНХиГС при Президенте РФ,
Волгоград, Россия

ОСОБЕННОСТИ ИНТЕРНЕТ-АДДИКЦИИ МЛАДШИХ ШКОЛЬНИКОВ И ИХ РОДИТЕЛЕЙ

Аннотация. На данный момент трудно представить нашу жизнь без Интернета. С помощью интернета решается достаточно много вопросов, он облегчает жизнь людям. В то же время дети все чаще становятся жертвами Всемирной паутины из-за своей неопытности и невежества. Цель нашего исследования была изучить уровень интернет-аддикцию у младших школьников и их родителей, выявить различия в зависимости, выяснить влияет ли интернет-аддикция родителей на зависимость детей. Гипотеза: родители, которые имеют интернет-зависимость, аналогичным образом влияют на формирование зависимости у своих детей. Исследование, проведенное с помощью следующих методик: шкала игровой зависимости Такера, шкала интернет-зависимости Чена, опросник «Подростки о родителях» Е. Шафера, данную гипотезу опровергло.

Ключевые слова: аддикция, интернет-аддикция, аддиктивное поведение, аддикт, семья, поведенческая патология.

Androsova Marina Andreevna
student of the PSD-300 group,
Supervisor: Terelyanskaya Irina Vasilyevna
Candidate of Psychological Sciences,
Associate Professor of the Department of Sociology,
General and Legal Psychology,
Volgograd Institute of Management –
branch of RANEPa under the President of the Russian Federation,
Volgograd, Russia

FEATURES OF INTERNET ADDICTION OF PRIMARY SCHOOL CHILDREN AND THEIR PARENTS

Abstract. At the moment it is difficult to imagine our life without the Internet. With the help of the Internet, quite a lot of issues are solved, it makes life easier for people. At the same time, children are increasingly becoming victims of the World Wide Web due to their inexperience and ignorance. The purpose of our study was to study the level of Internet addiction in younger schoolchildren and their parents, to identify differences in addiction, to find out whether parents' Internet addiction affects children's addiction. Hypothesis: parents who have Internet addiction similarly influence the formation of addiction in their children. A study conducted with the help of the following methods:

the Tucker gaming addiction scale, the Chen Internet addiction scale, the questionnaire «Teenagers about Parents» by E. Shafer, refuted this hypothesis.

Keywords: addiction, internet addiction, addictive behavior, addict, family, behavioral pathology.

В современном обществе главным рабочим инструментом становится компьютер. Он оказывает влияние не только на технологии и производство, но и на поведение людей и их межличностное взаимодействие. Компьютер, подключенный к Интернету, словно пуповина связывает каждого пользователя с окружающим миром, превращая человека в продолжение вычислительной машины. Такое состояние приводит к деструктивным изменениям в психике индивида. Особенно сильно этому подвержена психика детей и подростков. С каждым годом увеличивается количество школьников, имеющих компьютер. В той же пропорции растет количество детей с интернет-аддикцией.

«Аддикция – (от анлийского *addiction* – зависимость, пагубная привычка) – ощущаемая человеком навязчивая потребность в определенной деятельности» [4].

Суть аддиктивного поведения заключается в том, что, стремясь уйти от реальности, люди пытаются искусственным путем изменить свое психическое состояние, что дает им иллюзию безопасности, восстановления равновесия. Имеются различные виды аддиктивного поведения, как химического, так и нехимического характера.

Американский исследователь интернет-зависимости К. Янг приводит четыре признака, наблюдающиеся у людей с интернет-аддикцией:

- 1) неотвязное стремление контролировать сообщения в социальных сетях;
- 2) непрерывное желание выхода в Сеть;
- 3) претензии окружающих на то, что человек посвящает огромное количество времени

Интернету;

4) опасения окружающих о том, что индивид тратит много средств на нахождение в Интернете.

На формирование интернет-аддикции не в малой степени влияет семья. Именно там формируется психика ребенка, шаблоны поведения и взаимоотношения с внешним миром. Семья – это малая социальная группа, воздействующая на психическое состояние ребенка, на весь последующий его жизненный путь. В семье субъекты (родители) и объекты (дети) обладают определенными свойствами и большую часть времени взаимодействуют. Отечественные исследователи А. В. Гришина, И. М. Зинова, А. В. Рубцова, В. Б. Пархомович, считают, что на раннюю привязанность к компьютерам влияют такие факторы, как внутрисемейные конфликты, деструктивные стили воспитания, отрицательные установки отцов и матерей, неблагоприятный психологический климат в семейной системе, дефицит внимания и общения со стороны старших членов семьи, недостаточный контроль со стороны родителей и др. [2, 3, 4, 5].

Причинами увеличения актуальности аддиктивного поведения школьников являются социальные преобразования в обществе. Влияния СМИ на сознание детей, приводит к искривленному формированию поведения, вследствие чего, появляется желание к исследованию иной реальности, что в свою очередь приводят к возникновению зависимости.

У людей с поведенческой патологией нередко наблюдается склонность к дезадаптации, стабильность и тотальность. Под дезадаптацией мы понимаем существование особых паттернов поведения, таких как, повышенная конфликтность, неудовлетворенность стремление к социально-психологической изоляции, неприятие реальности, не позволяющих человеку в полной мере адаптироваться в обществе. Тотальность в данном контексте указывает на то, что патологические стереотипы поведения проявляются у индивида всегда, в любой ситуации. Фактор стабильности указывает на то, что дезадаптивное поведение проявляется в

течение длительных промежутков времени. Поведенческая патология может проявиться в следствие генетических особенностей человека или основываться на патологических чертах характера, сформировавшихся в результате социализации личности [1]. По мнению российского психиатра Ц. П. Короленко, аддиктивное поведение, «характеризуется стремлением к уходу от реальности посредством изменения своего психического состояния» [4].

В данной работе мы провели пилотажное исследование влияние интернет-зависимости у родителей на проявление аддикции у детей. Для выявления аддиктивного поведения у детей и их родителей нами были использованы «Шкала интернет-зависимости Чена» (Chen Internet Addiction Scale, CIAS) и «Шкала игровой зависимости» (Томаса А. Такера). Для изучения взаимодействия детей и их родителей был использован тест «Подростки о родителях» Е. Шафера.

Нами было опрошено 30 респондентов, 15 из которых школьники, обучающиеся в МОУ «Средняя школа № 35 Краснооктябрьского района Волгограда» и 15 их родителей. Во время проведения исследования все респонденты чувствовали в нем по своему желанию.

По результатам анализа показателей методики «Шкала интернет-зависимости Чена» респонденты были поделены на три группы, в зависимости от количества набранных ими баллов (рис. 1). 77 % опрошенных показали минимальный риск возникновения интернет-зависимости, среди них 13 родителей и 10 детей. 6 % респондентов продемонстрировали склонности к интернет-зависимости. У 17 % опрошенных была выявлена устойчивая интернет-зависимость, среди них, двое родителей и три ребенка.

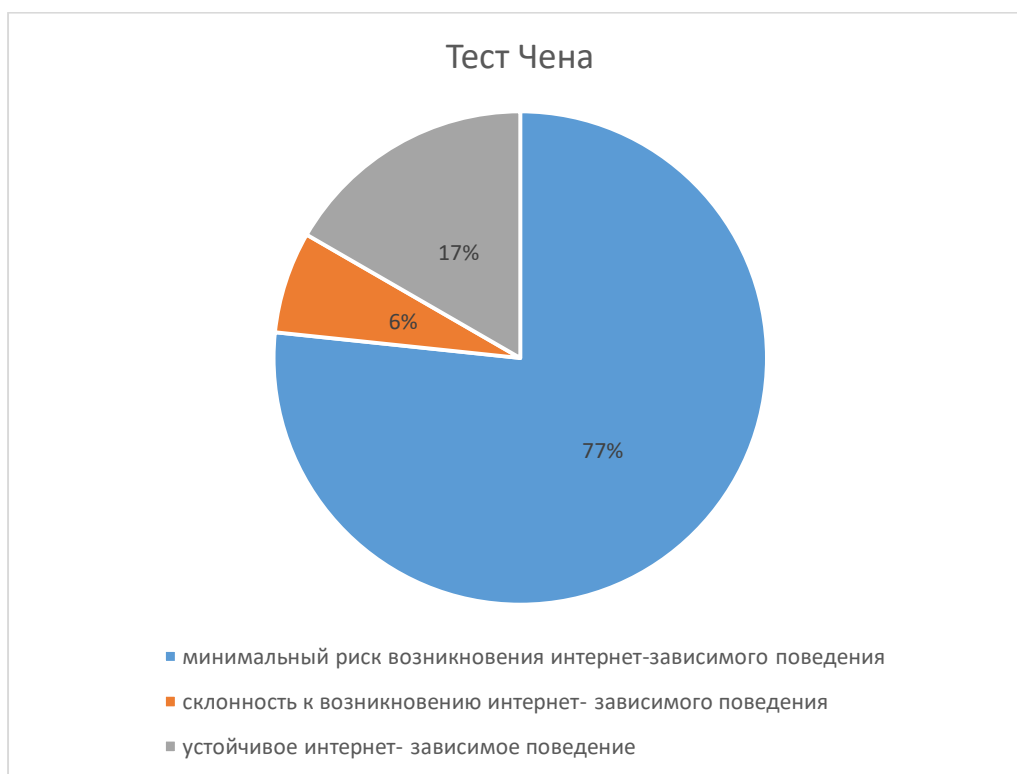

Рис. 1. Проявление интернет-зависимости испытуемых на основе данных методики «Шкала интернет-зависимости Чена»

Результаты обработки данных, полученных при помощи методики «Шкала игровой зависимости» (Томаса А. Такера) следующие: 64 % опрошенных показали минимальный риск возникновения негативных последствий от компьютерной игры, среди них 12 родителей и 7 де-

тей. 23 % испытуемых отнесли к категории, в которой игровая зависимость может привести к негативным последствиям, среди них один родитель и 6 детей. У 13 % опрошенных выявлена игровая зависимость, ведущая к негативным последствиям, один родитель и три ребенка (рис. 2).

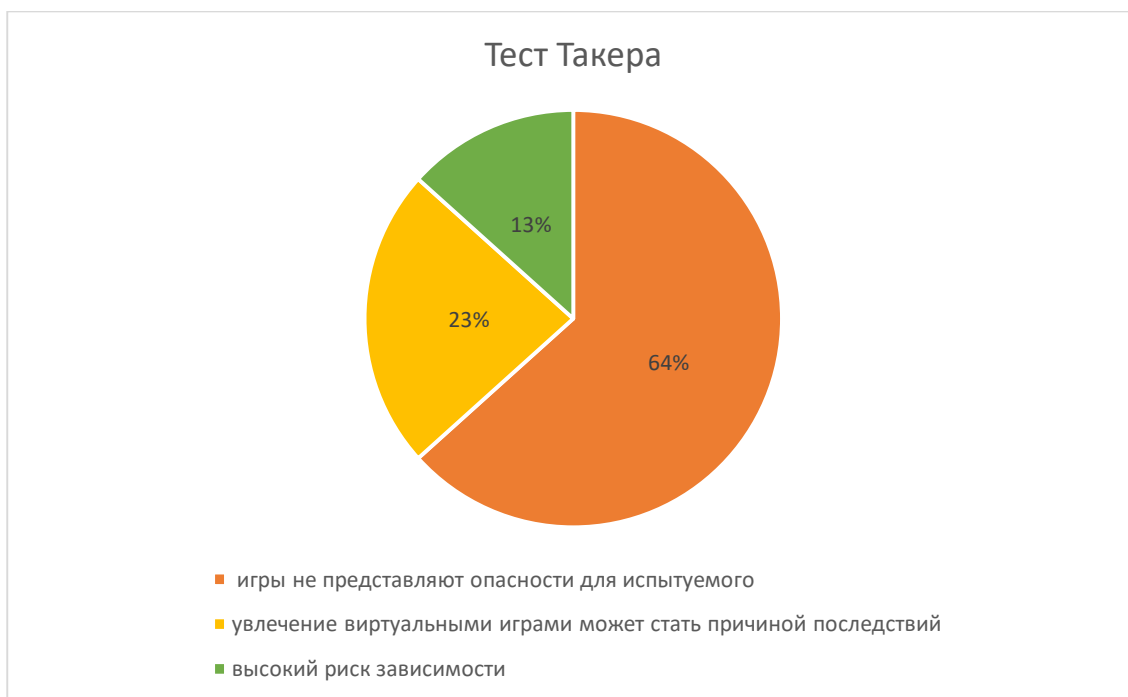

Рис. 2. «Проявление игровой-зависимости испытуемых на основе методики «Шкала игровой зависимости» (Томаса А. Такера)

Тест «Подростки о родителях» Е. Шафера показал, что у 40 % опрошенных детей наблюдается минимальный контроль со стороны родителей. У 53 % школьников уровня родительского контроля находится на среднем уровне. 7 % опрошенных респондентов подвергаются сильному контролю со стороны родителей.

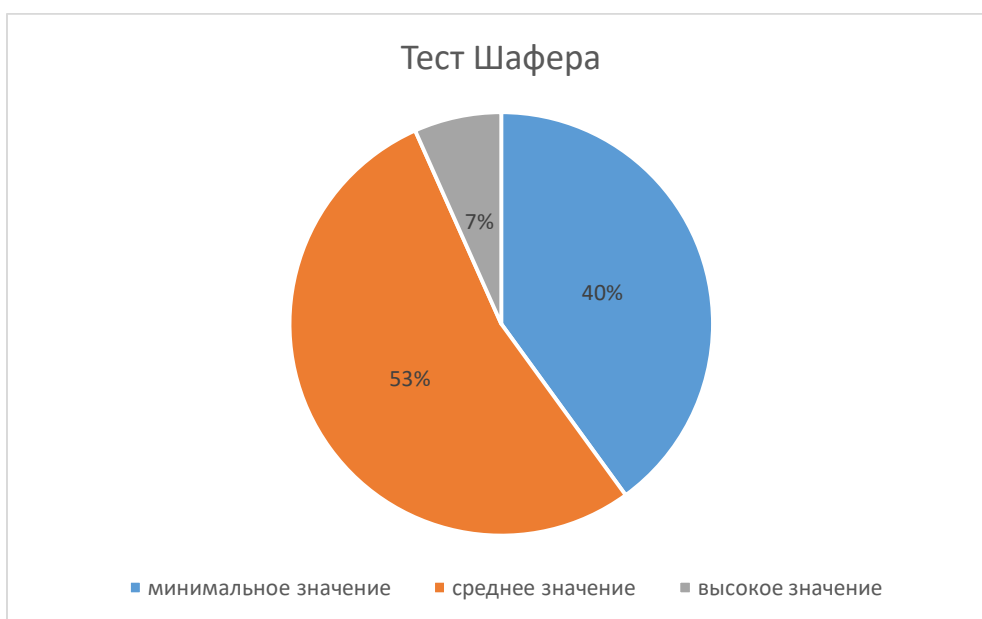

Рис. 3. Проявление контроля родителей за детьми на основе теста «Подростки о родителях Е. Шафера»

Согласно методике «Шкала интернет-зависимости Чена» родители на 10 % менее зависимы от Интернета, чем их дети.

Методика «Шкала игровой зависимости» (Томаса А. Такера) показала равную зависимость от интернет-игр у родителей и детей.

Влияние интернет-аддикции родителей на проявление компьютерной зависимости у детей проверялось двухфакторным дисперсионным анализом. Результаты исследования показали, что деструктивное поведение родителей в отношении привязанности к интернет-пространству не оказывает заметного влияния на проявление аналогичного поведения детей, что опровергает нашу гипотезу и идет в разрез с работой И. М. Зиновой и А. В. Рубцовой [3]. Их исследование на выборке из 50 детей и 92 родителей показало, что «компьютерная увлеченность родителей значимо влияет на компьютерную зависимость их детей» [3]. Вероятно, такое расхождение в результатах произошло из-за малой выборки нашего пилотажного исследования. Для уточнения полученных нами результатов необходимо провести работу на большей выборке.

Список литературы

1. Дмитриева, У. Увлечение или диагноз? Психологическое сопровождение проблемы компьютерной зависимости / У. Дмитриева // Школьный психолог : Издательский дом «Первое сентября». 2008. № 1 (янв.). С. 8–10; № 2 (янв.). С. 10–12.
2. Гришина, А. В. Психологические факторы возникновения и преодоления игровой компьютерной зависимости в младшем подростковом возрасте: дис. ... канд. психол. наук: 19.00.07 / А. В. Гришина. Н. Новгород, 2011. 196 с.
3. Зинова, И. М., Рубцова, А. В. Влияние семейных факторов на формирование компьютерной зависимости в младшем школьном возрасте / И. М. Зинова, А. В. Рубцова // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2018. № 5–1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vliyanie-semeynyh-faktorov-na-formirovanie-kompyuternoy-zavisimosti-v-mladshem-shkolnom-vovraste> (дата обращения: 15.11.2022).
4. Короленко, Ц. П., Дмитриева Н. В. Социодинамическая психиатрия / Ц. П. Короленко, Н. В. Дмитриева. М.: Акад. Проект. 2000. 459 с.
5. Пархомович, В. Б. Механизмы развития игровой компьютерной зависимости у детей и подростков / В. Б. Пархомович // Сацьяльна-педагогічна работа. Серія «У дапамогу педагогу». 2012. № 8. С. 51–55.
6. Симонов, М. С., Симонова Д. Л. Аддиктивное поведение: факторы риска и условия формирования / М. С. Симонов, Д. Л. Симонова // Вестник российских университетов. Математика. 2011. № 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/addiktivnoe-povedenie-factory-riska-i-usloviya-formirovaniya> (дата обращения: 15.11.2022).
7. Шишкина, К. И. Особенности аддиктивного поведения у детей младшего школьного возраста / К. И. Шишкина, И. А. Акульшина // Молодой ученый. 2016. № 19 (123). С. 404–407.

УДК 159.922

ББК 88

Антоненко Светлана Николаевна

студент группы ПоЗо-181,

Овчарова Елена Владимировна

кандидат психологических наук,

доцент кафедры экономики и социально-гуманитарных дисциплин,

Волжский филиал Волгоградского государственного университета,

Волжский, Волгоградская область, Россия

ОСОБЕННОСТИ СМЫСЛОЖИЗНЕННЫХ ОРИЕНТАЦИЙ ПОДРОСТКОВ, СКЛОННЫХ К СУИЦИДАЛЬНОМУ ПОВЕДЕНИЮ В СОВРЕМЕННЫХ РЕАЛИЯХ

Аннотация. Сложная экономико-политическая ситуация современного мира создала трудную жизненную ситуацию для всех слоев населения. В этой ситуации у подростков все активнее проявляется депривация психологической безопасности, усиление противоречий, свойственных подростковому кризису, что влечет за собой повышение уровня суицидального поведения.

В статье рассматривается проблема смысла жизни подростков, склонных к суицидальному поведению. Представлены результаты исследования смысложизненных ориентаций подростков экспериментальной и контрольной группы. Целью исследования стало изучение особенностей смысложизненных ориентаций подростков, склонных к суицидальному поведению. Гипотеза исследования заключается в том, что смысложизненные ориентации подростков, склонных к суицидальному поведению, носят дефицитарный и деформированный характер. Выборка составила 100 подростков возрасте 15–16 лет. В исследовании были использованы методики: «Опросник депрессии» А. Бека, «Опросник суицидального риска» Т. Н. Разуваевой и «Тест смысложизненных ориентаций Д. А. Леонтьева. Результаты исследования подтвердили гипотезу об особенностях смысложизненных ориентаций подростков, склонных к суицидальному поведению, которые заключаются дефицитарном значении общего смысла жизни подростка, деформации целей, процесса и результата жизни. Сделан вывод, что у подростков, склонных к суицидальному поведению, потерян смысл жизни, он не видит возможности контролировать свою жизнь. Достоверные различия по шкале «локус контроля жизнь» ($t_{\text{эмп}} = 12,6$ при $p < 0,01$) подтверждает их сомнения в возможности управлять своей жизнью.

Ключевые слова: психологическая безопасность, суицидальное поведение, смысложизненные ориентации, подростковый возраст, кризис подросткового возраста, депрессия, депривация, интрапунитивность, экстрапунитивность.

Antonenko Svetlana Nikolaevna
Student of the PoSo-181 group,
Ovcharova Elena Vladimirovna
Candidate of Psychological Sciences,
Associate Professor of the Department of Economics
and Social and Humanitarian Disciplines,
Volga Branch of Volgograd State University,
Volzhsky, Volgograd region, Russia

FEATURES OF LIFE-MEANING ORIENTATIONS OF ADOLESCENTS PRONE TO SUICIDAL BEHAVIOR IN MODERN REALITIES

Abstract. The complex economic and political situation of the modern world has created a difficult life situation for all segments of the population. In this situation, the deprivation of psychological security is increasingly manifested in adolescents, the strengthening of contradictions inherent in the adolescent crisis, which entails an increase in the level of suicidal behavior.

The article deals with the problem of the meaning of life of adolescents prone to suicidal behavior. The results of the study of the meaning-of-life orientations of adolescents of the experimental and control groups are presented. The aim of the study was to study the features of the meaning-of-life orientations of adolescents prone to suicidal behavior. The hypothesis of the study is that the life-meaning orientations of adolescents prone to suicidal behavior are deficient and deformed. The sample consisted of 100 adolescents aged 15-16 years. The following methods were used in the study: «Depression Questionnaire» by A. Beck, «Suicide Risk Questionnaire» by T. N. Razuvaeva and «Test of life orientations by D. A. Leontiev. The results of the study confirmed the hypothesis about the features of the meaning-of-life orientations of adolescents prone to suicidal behavior, which consist in a deficit meaning of the general meaning of a teenager's life, deformation of goals, process and result of life. It is concluded that adolescents who are prone to suicidal behavior have lost the meaning of life, they do not see the opportunity to control their lives. Low scores on the «locus of life control» scale confirm their doubts about the ability to manage their lives.

Keywords: psychological safety, suicidal behavior, life-meaning orientations, adolescence, adolescence crisis, depression, deprivation, intrapunitiveness, extrapunitiveness.

Суицидальное поведение является одной из острых проблем современного общества. В большинстве случаев отягощающими факторами риска суицида несовершеннолетних выступают социально-экономическое неблагополучие и дисфункция семейных систем, актуальных в современном мире. Несмотря на многолетние исследования социологических, биологических, психологических и психиатрических причин суицида, а также гендерных, возрастных и прочих особенностей этого феномена, до настоящего времени точные причины и четкие критерии формирования суицида однозначно не определены, и до сих пор существуют многие необъяснимые закономерности.

Понятие «суицидальное поведение» – более широкое, чем «суицид». Суицидальное поведение, с точки зрения А. Г. Амбрумовой, включает в себя суицидальные попытки и проявления [1].

Основной задачей исследований в психологии суицида остается поиск причины самоубийства. Представители различных научных направлений,

(З. Фрейд, К. Меннингер, А. Адлер, К. Юнг, Дж. Хиллмен, Г. Салливан, К. Хорни, Э. Дюркгейм, В. Франкл и др.) рассматривают его под различным углом зрения. Так, К. Юнг ставит самоубийство в зависимость от комплексных интрапсихических образований.

Изучением суицидального поведения подросткового возраста в отечественной психологии занимались А. Г. Амбрумова, Е. М. Вроно, Е. В. Змановская, В. Т. Кондрашенко, А. Г. Личко, В. Т. Кондратенко, Е. Ю. Собчик, В. А. Тихоненко и др.

Существенный вклад в изучении подросткового периода внесли как отечественные (Н. Л. Авилова, Л. И. Анцыферова, А. Г. Асмолов, Г. А. Берулава, А. А. Бодалев, Л. И. Божович, Л. С. Выготский, И. С. Кон, В. С. Мерлин, В. С. Мухина, А. Б. Орлов, А. В. Петровский, В. А. Петровский, В. И. Слободчиков, Д. И. Фельдштейн, Д. Б. Эльконин и другие), так и зарубежные учёные (П. Блос, М. Кле, Х. Ремшмидг, Э. Эриксон и др.).

В психологии развития существует многочисленное количество исследований подросткового возраста. Несмотря на длительную историю изучения данного периода онтогенеза, до сих пор многие ключевые моменты, связанные с его характеристикой, остаются недостаточно исследованными. Доказанным фактом является то, что подростковый возраст – это время интенсивной индивидуализации личности, и суицидальное поведение подростков относится к распространенному симптому подросткового возраста. Избираемая модель поведения неразрывно связана со смысловым уровнем личности подростка.

Большинство исследователей (А. Бодалев, Г. А. Вайзер, В. Э. Чудновский, Б. С. Братусь, Л. С. Выготский и др.) считают подростковый возраст временем формирования смысловой сферы. Так, Д. А. Леонтьев определяет смысловой уровень, как пласт смысловых структур, в которых кристаллизованы определенные содержательные отношения человека с миром, регулирующие его жизнедеятельность [4]. Т. Н. Сахарова считает ориентацию на процесс жизни доминирующей смысло-жизненной ориентацией в подростковом возрасте. Автор подчеркивает, что именно в подростковом возрасте происходит рождение «жизненной перспективы» и значимой для подростков становится ориентация на цель и добавляет, что необходимо помнить о том, что подросток живет в настоящем и ориентирован на получение интереса и удовольствия от значимых событий, а это говорит об ориентации на результат [5].

Всё вышеотмеченное подтверждает, что суицидальное поведение – это всегда целый комплекс факторов, а в большем качестве случаев катализатором служит потеря смысла жизни (экзистенциальный кризис личности). Это позволяет говорить о необходимости прояснения самой природы суицидальной мотивации в сложный социально-экономический культурно-исторический период. Что и послужило определением выбора темы исследования, её объекта и предмета.

Эмпирическое исследование было посвящено изучению особенностей и различий в смысло-жизненных ориентациях подростков, склонных к суицидальному риску и не склонных к нему. В исследовании принимало участие 104 подростка в возрасте 14–16 лет. База исследования – ЧОУШ «Вайда» и МОУ СШ № 51 г. Волгограда.

Для выявления экспериментальной и контрольной групп был использован тест-опросник «Шкала депрессии» А. Бека. Основанием для него послужило исследования психологов когнитивного направления о прямой пропорциональной зависимости депрессии и суицидального поведения. Депрессивное состояние у подростков рассматривается как один из ведущих факторов риска развития суицидального поведения [6].

Результаты данной методики позволили выделить группы подростков: с отсутствием депрессивных симптомов – 33 (32 %) подростка, 37 (35 %) подростков с легкой депрессией, с умеренной депрессией – 10 (10 %) подростков, с выраженной депрессией – 19 (19 %) подростков и тяжелой депрессией – 5 (5 %) подростков (рис. 1).

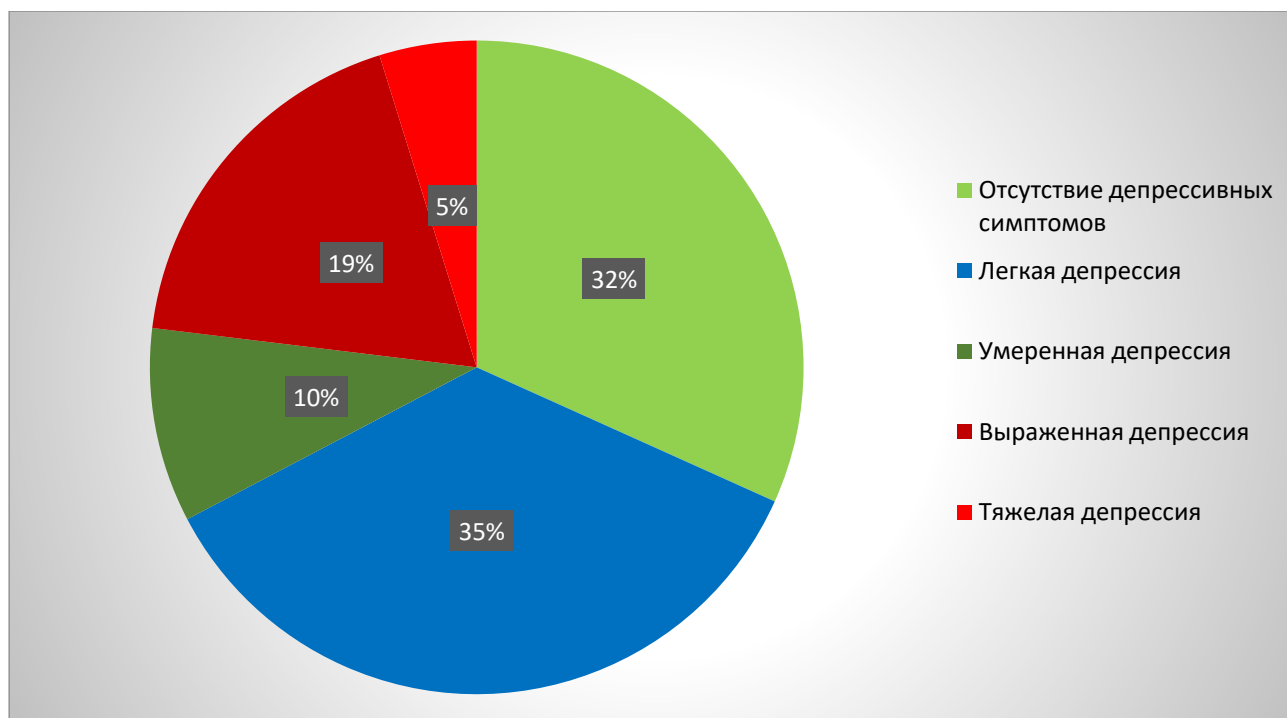

Рис. 1. Проявление суицидального риска у подростков (в %) по опроснику «Шкала депрессии» Бека

На основании полученных результатов были сформированы рандомизированные группы: контрольная и экспериментальная. В контрольную группу вошли подростки с отсутствием депрессивных симптомов (32 %), в экспериментальную группу – подростки с умеренной, выраженной и тяжелой депрессией (33 %). Подростки с легкой депрессией (35 %) в дальнейшем исследовании участие не принимали.

Анализируя две субшкалы депрессии можно сделать вывод, что у всех исследуемых подростков выделяется когнитивно-аффективная субшкала. У подростков экспериментальной группы наиболее высокие симптомы депрессии проявлены в пессимизме, чувстве несостоятельности, неудовлетворенности, отвращению к самому себе, нарушении социальных связей, раздражительности. Симптом когнитивно-аффективной субшкалы «суицидальные мысли» отмечается у подростков экспериментальной группы и полностью отсутствует у подростков в контрольной группе. Основываясь на результатах теста можно сделать вывод, что подростки с проявлением депрессивных симптомов имеют негативный взгляд на себя и на мир, в котором они живут. Они считают, что мир предъявляет к ним чрезмерные требования и воздвигает непреодолимые барьеры на пути к достижению целей, и что в мире нет ни удовольствия, ни удовлетворения. Подростки, имеющие депрессивные симптомы убеждены, что переживаемые ими трудности непреодолимы, а из ощущения полной безнадежности могут рождаться суицидальные мысли.

Результаты опросника суицидального риска (в модификации Т. Н. Разуваевой) позволили выделить доминирующие шкалы у подростков обеих групп (рис. 2).

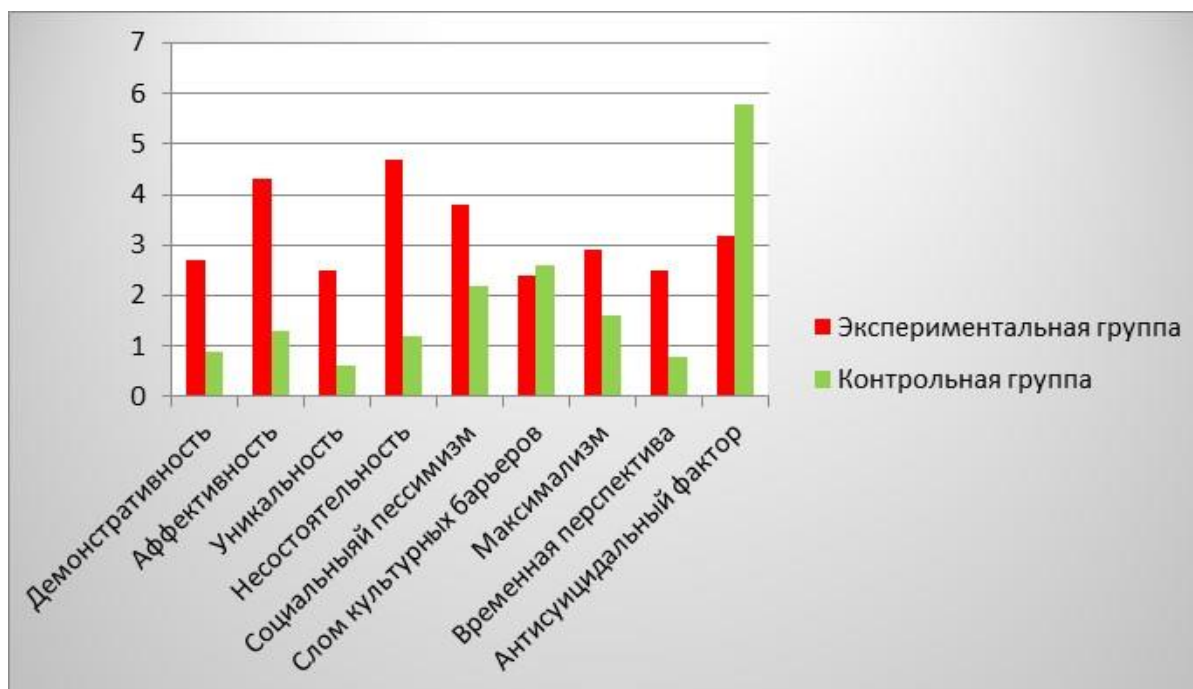

Рис. 2. Содержание субшкальных диагностических концептов у подростков контрольной и экспериментальной групп (опросник суицидального риска (в модификации Т. Н. Разуваевой)

Как видно из рисунка 2, наивысшие показатели уровня сформированности суицидальных намерений у подростков экспериментальной группы – «аффективность» (65 %), «несостоятельность» (63 %) и «социальный пессимизм» (63 %). Это означает, что у подростков, склонных к суицидальному поведению, в оценке ситуации эмоции доминируют над интеллектуальным контролем. На психотравмирующую ситуацию они могут реагировать непосредственно эмоционально. В крайнем случае, возможна аффективная блокада интеллекта.

Несостоятельность указывает на отрицательную концепцию собственной личности, представление собственной несостоятельности, некомпетентности и ненужности. Данный концепт может указывать на физическую, интеллектуальную, моральную и прочую несостоятельность, что может говорить о самообвинении, и служить предпосылкой для аутоагрессии: «Я не достоин этого мира» (интрапунитивность). Социальный пессимизм показывает отрицательную концепцию окружающего мира у подростков, склонных к суицидальному поведению. Мир воспринимается, как враждебный и не соответствует представлениям о нормальных отношениях человека с окружающими. Этот концепт указывает на эстрапунитивность – «Мир не достоин меня». Несостоятельность и социальный пессимизм усугубляют состояние безнадежности. Подростки не воспринимают социум и себя в нем.

Антисуицидальный фактор при ярковыраженных остальных концептов снижает риск суицидального поведения. В экспериментальной группе он составляет 50 % от максимального значения и основан на включенности ответственности за близких, страха их душевной боли и долга перед ними. В контрольной группе мы видим 100 % значение этого фактора и осознание греховности данного поступка.

В выбранных группах подростков с помощью опросника «Смыслоразнозначные ориентации» Д. А. Леонтьева изучались следующие шкалы: «Цели в жизни», «Процесс жизни», «Результат жизни», «Локус контроля – Я», «Локус контроля – Жизнь» и общий показатель осмысленности жизни [3]. Результаты опросника показали низкие баллы по всем шкалам у

подростков со склонностью к суицидальному поведению, что подтверждает дефицитарность смысложизненных ориентаций в данной группе (рис. 3). Наиболее низкие баллы были выявлены по шкалам «процесс в жизни» и «локус контроля-жизнь».

Переведя результаты исследования в проценты (рис. 3), мы видим, что, подростки, склонные к суицидальному поведению, по сравнению с подростками без суицидального риска, воспринимают процесс своей жизни неинтересным и бессмысленным и не видят возможности контролировать свою жизнь (62 % по сравнению с 92 %).

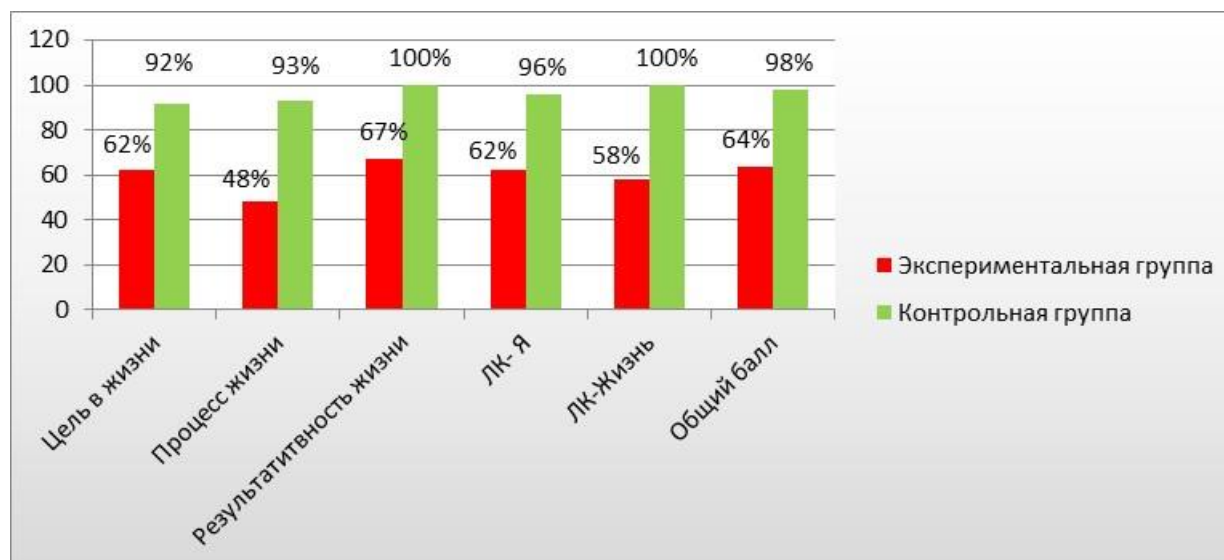

Рис. 3. Содержание смысла жизни у подростков контрольной и экспериментальной групп (тест СЖО А. Д. Леонтьева)

Подростки из экспериментальной группы больше сосредоточены на будущем и прошлом, не проявляют интереса к настоящему процессу жизни. Низкие показатели по шкале «локус контроля жизнь» говорят о том, что они не верят в свои возможности самостоятельно осуществлять жизненный выбор и управлять своей жизнью (58 %).

С целью выявления статистической значимости различий между показателями двух групп подростков, использован t – критерий Стьюдента. Обнаружено достоверно значимое различие между экспериментальной и контрольной группой по критерию «процесс жизни» ($t_{эмп} = 11,3$ при $p < 0,01$) и критерию «лк-жизнь» ($t_{эмп} = 12,6$ при $p < 0,01$).

Таким образом, дефицитарность смысложизненных ориентаций подростков, склонных к суицидальному поведению заключается в том, что им сложно найти смысл жизни в настоящем. На этом этапе возрастного периода у них формируется отсутствие веры в собственную способность осуществлять контроль над собственной жизнью. Деформация процесса жизни и возможности самостоятельно осуществлять собственный выбор детерминированы несостоятельностью и социальным пессимизмом, вызванными сложной экономико-политической ситуацией в современных реалиях.

Задача психолога помочь подросткам адаптироваться в этом сложном и постоянно меняющемся мире. Помочь находить смысл в самой жизни, в каждом ее моменте. Так, как именно на этом этапе формирования смысложизненных ориентаций закладывается способность жить осмысленно.

Список литературы

1. Амбрумова, А. Г., Жезлова, Л. Я. Методические рекомендации по профилактике суицидальных действий у детей и подростков. Изд-во: М., 1978. 24 с.
2. Ефремов, В. С. Основы суицидологии. СПб.: Изд-во Диалект, 2004. 479 с.
3. Леонтьев, Д. А. Психология смысла: природа, строение и динамика смысловой реальности. 3-е изд., доп. М.: Изд-во Смысл, 2007. 511 с.
4. Леонтьев, Д. А., Овчинникова, Ю. Ю., Рассказова Е. И., Фам А. Х. Психология выбора. М.: Изд-во Смысл, 2015. 463 с.
5. Сахарова, Т. Н. Вопросы становления смысло-жизненных ориентаций личности в онтогенезе // Reports Scientific Society. 2013. № 1. С. 139–140.
6. Фурман, Э. Некоторые трудности диагностики депрессии и суицидальных тенденций у детей // Журнал практической психологии и психоанализа. 2003. № 1. URL: <https://www.b17.ru/article/85048/> (дата обращения: 16.11.2022).

УДК 159.9.075
ББК 88.5

Багно Ксения Александровна
магистрант группы МПС-200,
Научный руководитель: Прокурова Софья Витальевна,
кандидат психологических наук, доцент,
доцент кафедры социологии, общей и юридической психологии,
Волгоградский институт управления –
филиал РАНХиГС при Президенте РФ,
Волгоград, Россия

ОСНОВНЫЕ ЦЕННОСТИ СОВРЕМЕННОЙ МОЛОДЕЖИ

Аннотация. В статье рассматриваются результаты эмпирического исследования по выявлению особенностей ценностей современной молодежи, принадлежащих к разным группам.

Ключевые слова: ценность, ценностные ориентации, молодежь, юношеский возраст, молодость.

Bagno Ksenia Alexandrovna
is a master's student of the MPS-200 group,
Scientific supervisor: Prokurova Sofya Vitalievna,
Candidate of Psychological Sciences, Associate Professor,
Associate Professor of the Department of Sociology, General and Legal Psychology,
Volgograd Institute of Management –
branch of RANEPA under the President of the Russian Federation,
Volgograd, Russia

THE CORE VALUES OF TODAY'S YOUTH

Abstract. The article discusses the results of an empirical study to identify the characteristics of the values of modern youth belonging to different groups.

Keywords: value, value orientations, young people, adolescence, youth.

Для современного мира характерны постоянные изменения и быстрый темп жизни человека. Ценности современной молодежи находятся в неопределенности под влиянием политических, экономических и социальных изменений. Соответственно одни ценности могут терять свое значение, другие же наоборот увеличивать свою значимость.

Ценности человека индивидуальны и уникальны, они определяют направленность личности, его мотивацию.

Понятие молодежи включает в себя несколько стадий развития личности человека: «юношеский возраст и период молодости (в некоторых периодизациях ранняя взрослость) по периодизации В. Ф. Моргуна» [3].

Цель исследования – выявление особенностей ценностной сферы личности современной молодежи, принадлежащих к разным группам.

Задачи исследования:

- 1) выбрать и описать методики и план эмпирического исследования;
- 2) описать результаты эмпирического исследования.

Основная гипотеза: мы предполагаем, что социальные представления личности о ценностных ориентациях не отличаются в юношеском возрасте и молодости.

В процессе исследования были использованы следующие методики:

1. «Ценностные ориентации» М. Рокича.
2. Методика Ш. Шварца (ценностный опросник).

В исследовании участвовало 43 человека. Среди них 23 человека (обоих полов) в возрасте 18–23 лет и 20 человек (обоих полов) в возрасте 24–30 лет.

Рассмотрим результаты исследования по ценностному опроснику Ш. Шварца. Опросник Ш. Шварца включает шкалы: «конформность, традиции, доброта, универсализм, самостоятельность, стимуляция, гедонизм, достижения, власть, безопасность» [1].

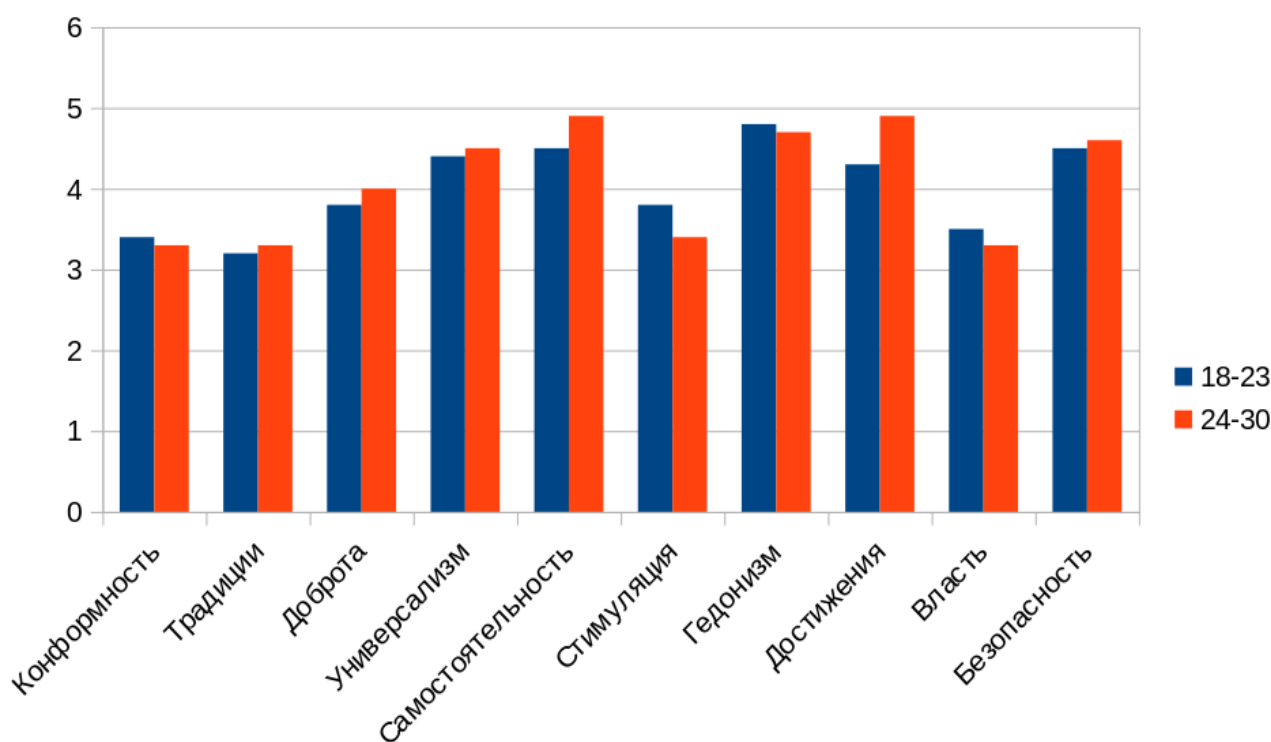

Рис. 1. Показатели, полученные в результате анализа методики измерения ценностных ориентаций Ш. Шварца

Полученные результаты показывают, что в целом для молодежи важное значение имеют ценности: гедонизм, самостоятельность, достижения, т.е. важность имеет наслаждение жизнью, удовольствие от нее, молодые люди склонны к самостоятельному мышлению и выбору жизненного пути, им принципиален личный успех через демонстрацию компетентности.

Меньшую значимость имеют традиции, конформность и власть, а значит, современная молодежь предпочитает не следовать устоявшимся нормам и обычаям, они действуют не так, как от них ждет этого общество, имеют тенденцию к непослушанию, для большинства молодых людей не характерно доминантное поведение, контроль над людьми. В отличие от достижения, власть подчеркивает доминантную позицию внутри социальной системы. Достижение же направлено на демонстрацию своей компетентности в конкретном взаимодействии.

Сравнительный анализ по U критерию Манна-Уитни
по методике Ш. Шварца

	Статистика U Манна-Уитни	Точная знч. [2*(1-сторонняя Знач.)]
конформность	100,5	,088 ^a
традиции	141	,731 ^a
доброта	118	,271 ^a
универсализм	114,5	,217 ^a
самостоятельность	150,5	,961 ^a
стимуляция	113,5	,205 ^a
гедонизм	96,5	,066 ^a
достижения	146,5	,857 ^a
власть	126,5	,403 ^a
безопасность	121	,317 ^a

Сравнительный анализ ценностей молодежи по U критерию Манна-Уитни между юношами девушками в возрасте 18–23 лет и молодыми людьми в возрасте 24–30 лет по методике Ш. Шварца выявил следующее: Из таблицы 1, видно, что различия по безопасности, конформности, власти, традициям, достижениям, доброте, гедонизму, универсализму, стимуляции и самостоятельности незначимые.

Рассмотрим результаты методике М. Рокича.

У юношей и девушек в возрасте 18–23 лет значимыми являются следующие терминальные ценности: любовь (5,7), здоровье (6,7), наличие хороших и верных друзей (7,7), развитие (7,9), материально обеспеченная жизнь (8,2), познание (8,9), уверенность в себе (8,9).

У молодых людей в возрасте 24–30 лет значимыми являются следующие ценности: здоровье (5,25) и любовь (5,25), интересная работа (6,3), жизненная мудрость (6,5), свобода (7), развитие (7,7), материально обеспеченная жизнь (7,75), познание (7,9).

Таким образом, для обеих групп значимыми ценностями являются: здоровье и любовь, развитие, познание и материально обеспеченная жизнь.

Отличия между группами заключается в следующем: для респондентов 24–30 лет наличие хороших и верных друзей, уверенность в себе менее важны, а для испытуемых 18–23 лет интересная работа и жизненная мудрость.

У юношей и девушек в возрасте 18–23 лет значимыми являются следующие инструментальные ценности: воспитанность (6), ответственность (6,42), образованность (7,42), жизнерадостность (7,51), самоконтроль (7,93), независимость (8,18).

У молодых людей в возрасте 24–30 лет значимыми являются следующие ценности: жизнерадостность (6,27), воспитанность (6,33), образованность (7,27), независимость (7,8), ответственность (7,87), рационализм (8,07).

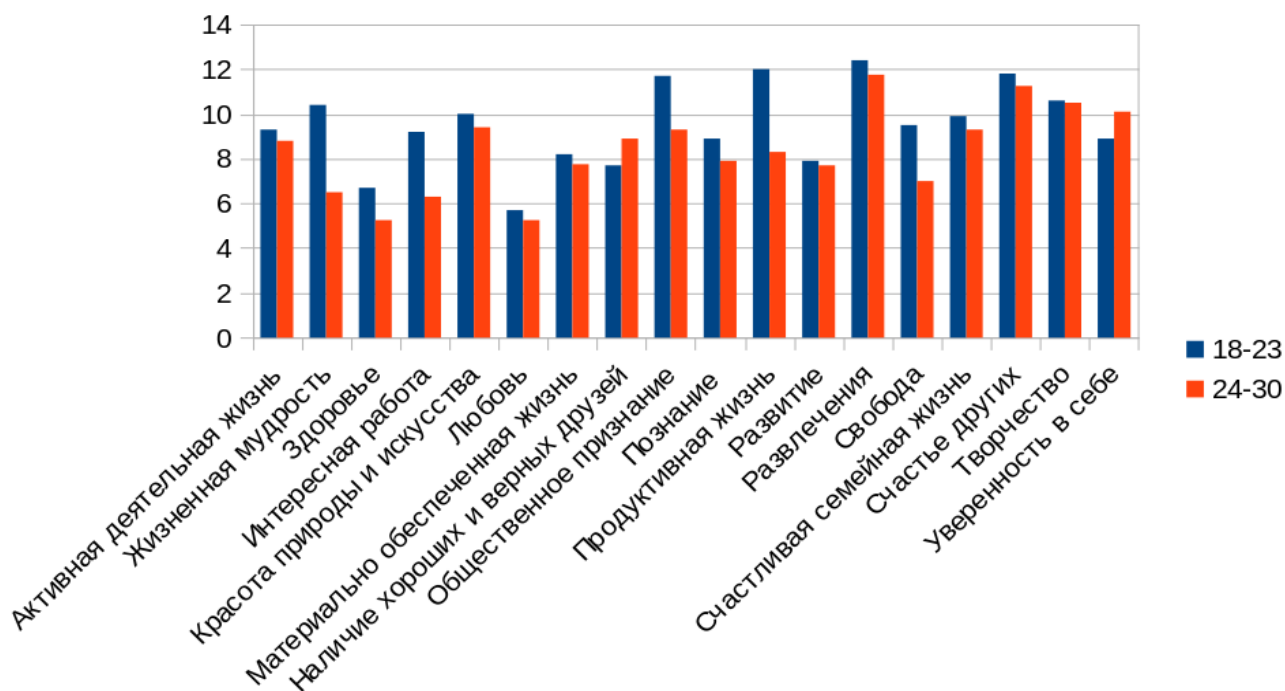

Рис. 2. Представление результатов по методике «Ценностные ориентации», полученных при делении испытуемых по возрасту (терминальные ценности), ср.знач

Таким образом, для обеих групп значимыми ценностями являются: воспитанность, ответственность, образованность, жизнерадостность, независимость.

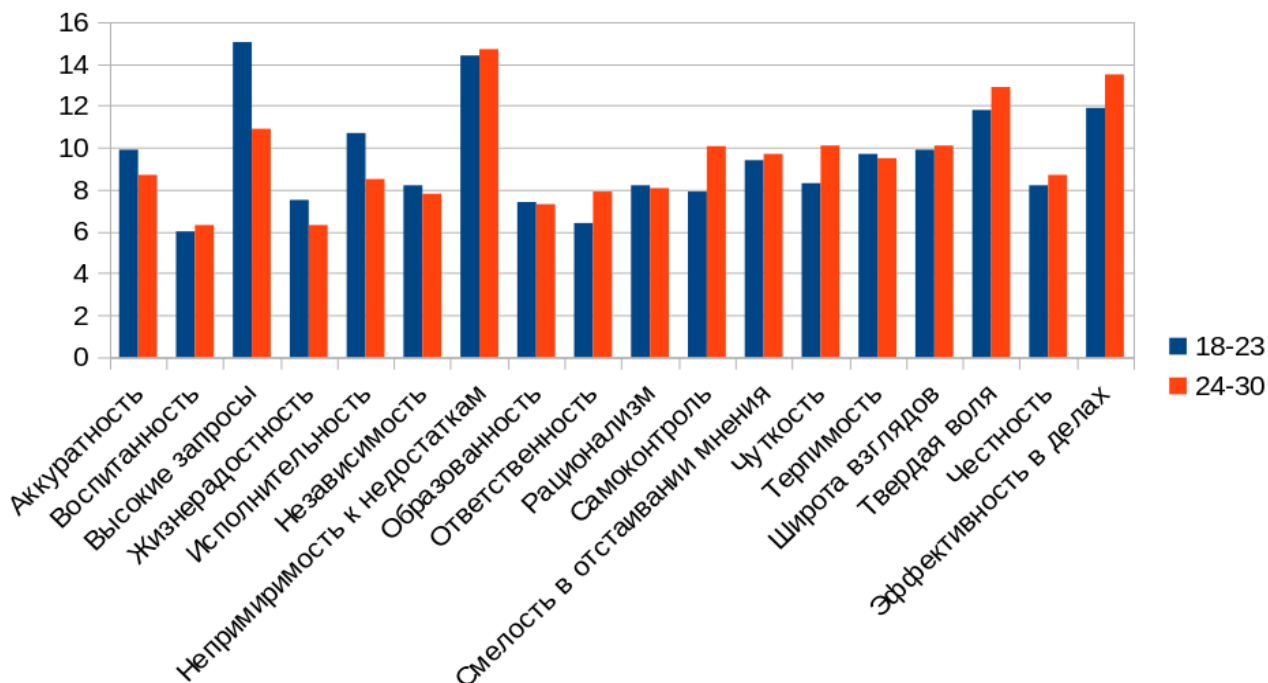

Рис. 3. Представление результатов по методике «Ценностные ориентации», полученных при делении испытуемых по возрасту (инструментальные ценности), ср.знач

Исходя из полученных результатов, можно сделать вывод, что современная молодежь имеет схожие ценности, различия в их выборе незначительные. Полученные результаты ис-

следования могут быть в дальнейшем использованы для изучения ценностных ориентаций личности, для сравнения результатов методик по другим критериям, а также для сравнения полученных результатов с другими возрастными группами.

Список литературы

1. Карандашев, В. Н. К 21 Методика Шварца для изучения ценностей личности: концепция и методическое руководство / С. Г. Карандашев. СПб.: Речь, 2004. 70 с.
2. Климова, С. Г. Изменение ценностных оснований, идентификация (80–90 гг.) / С. Г. Климова // Социологические исследования. 1995. № 1. С. 59.
3. Моргун, В. Ф. Проблема периодизации развития личности в психологии [Электронный ресурс] / В. Ф. Моргун, Н. Ю. Ткачева. М. : Издательство МГУ, 1981. 84 с.
4. Rokeach, M. The Nature of Human Values. N. Y., 1973.
5. Schwartz, S. H. Universals in the content and structure of values: Theory and empirical tests in 20 countries // M. Zanna (ed.). Advances in experimental social psychology. N.Y.: Academic Press, 1992. Vol. 25. P. 1–65.

УДК 159.99
ББК 88.53

Бадаква Диана Алексеевна
студент группы БкПс-200,
Медведева Мария Юрьевна
студент группы БкПс-200,

Научный руководитель: Сагайдак Варвара Александровна
кандидат социологических наук,
доцент кафедры социологии, общей и юридической психологии,
Волгоградский институт управления –
филиал РАНХиГС при Президенте РФ,
Волгоград, Россия

ОСОБЕННОСТИ ЭМОЦИОНАЛЬНОГО ИНТЕЛЛЕКТА СТУДЕНТОВ ГУМАНИТАРНОГО НАПРАВЛЕНИЯ ПОДГОТОВКИ

Аннотация. Работа посвящена актуальной проблеме развития эмоционального интеллекта студентов гуманитарного профиля разных направлений подготовки, обуславливающего формирование профессионально значимых качеств будущих специалистов. Цель исследования – выявление особенностей эмоционального интеллекта студентов направлений подготовки «Психология», «Экономика», «Юриспруденция». Основная гипотеза исследования: компоненты эмоционального интеллекта студентов направления подготовки «Психология» развиты на более высоком уровне, чем у студентов направлений «Юриспруденция» и «Экономика». Для реализации исследовательских задач авторами в октябре-ноябре 2022 г. проведено социально-психологическое исследование с использованием теста эмоционального интеллекта Н. Холла. Объект эмпирического исследования: 63 студента Волгоградского института управления – филиала РАНХиГС, из них 21 человек получает образование психологического профиля, 21 – юридического, 21 – экономического. Возраст респондентов 18-23 года. В выборку вошло 17 мужчин и 46 женщин. По результатам исследования выявлены значения основных компонентов эмоционального интеллекта студентов трех направлений подготовки. Предложены рекомендации по развитию эмоционального интеллекта, которые могут быть использованы в работе со студентами с целью развития профессионально значимых качеств специалистов гуманитарного профиля. Авторами доказана основная гипотеза исследования. Полученные данные соотносятся с результатами актуальных исследований социально-психологического профиля: эмоциональный интеллект студентов гуманитарного профиля развит на достаточно низком уровне, однако, студенты-психологи имеют более высокие показатели развития компонентов эмоционального интеллекта в сравнении со студентами других направлений подготовки. По результатам исследования авторы приходят к выводу о необходимости внедрения в учебную работу со студентами гуманитарного профиля практики проведения социально-психологического тренинга, направленного на повышение уровня эмоционального интеллекта.

Ключевые слова: эмоциональный интеллект, студенческая молодежь, эмоциональная осведомленность, управление эмоциями, самомотивация, эмпатия, распознавание эмоций, развитие эмоционального интеллекта.

Badaeva Diana Alekseevna
student of the BkPs-200 group,

Medvedeva Maria Yurievna
student of the BkPs-200 group,

Scientific supervisor: Sagaidak Varvara Alexandrovna

Candidate of Sociological Sciences,

Associate Professor of the Department of Sociology,

General and Legal Psychology,

Volgograd Institute of Management –

branch of RANEPa under the President of the Russian Federation,

Volgograd, Russia

FEATURES OF EMOTIONAL INTELLIGENCE OF STUDENTS OF THE HUMANITIES

Abstract. The work is devoted to the actual problem of the development of emotional intelligence of students of the humanities in various fields of training, which determines the formation of professionally significant qualities of future specialists.

The purpose of the study is to identify the features of emotional intelligence of students of the fields of study «Psychology», «Economics», «Jurisprudence». The main hypothesis of the study is that the components of the emotional intelligence of students of the Psychology field of study are developed at a higher level than those of students of the Law and Economics fields. To implement the research tasks, the authors conducted a socio-psychological study using the N. Hall emotional intelligence test in October-November 2022. The object of empirical research: 63 students of the Volgograd Institute of Management – a branch of the RANEPa, 21 of them receive psychological education, 21 – legal, 21 – economic. The age of respondents is 18-23 years old. The sample included 17 men and 46 women. According to the results of the study, the values of the main components of emotional intelligence of students of three fields of training were revealed. Recommendations on the development of emotional intelligence are proposed, which can be used in working with students in order to develop professionally significant qualities of specialists in the humanities. The authors proved the main hypothesis of the study. The data obtained correlate with the results of current studies of the socio-psychological profile: the emotional intelligence of students of the humanities is developed at a fairly low level, however, psychology students have higher indicators of the development of components of emotional intelligence in comparison with students of other areas of training. According to the results of the study, the authors come to the conclusion that it is necessary to introduce the practice of conducting socio-psychological training aimed at increasing the level of emotional intelligence into educational work with students of the humanities.

Keywords: emotional intelligence, student youth, emotional awareness, emotion management, self-motivation, empathy, emotion recognition, emotional intelligence development.

Современное общество ждет от человека продуктивности, повышения профессионального мастерства, самосовершенствования и развития навыков общения. Одной из центральных проблем социальной психологии становится взаимодействие людей в социуме: поднимается вопрос об умениях человека правильно трактовать свое эмоциональное состояние, регулировать собственные реакции на раздражители извне, управлять своим поведением, контролировать акт взаимодействия с другими субъектами. Освоение профессии гуманитарного профиля подразумевает развитие эмоциональной компетентности будущих

специалистов наравне с другими профессионально значимыми качествами [1, с. 23]. Актуальность изучения особенностей эмоционального интеллекта студентов-гуманитариев обусловлена тем, что способность распознавать мотивы поведения других людей, умение анализировать вербальные и невербальные сигналы собеседника, навыки влияния на процессы взаимодействия обуславливают успешную ориентацию во множестве профессиональных ситуаций [3, с. 16].

Эмоциональный интеллект представляет собой совокупность коммуникативных навыков человека: умения считывать, анализировать и понимать эмоции и чувства других людей, знания, как правильно, исходя из состояния собеседника, выстраивать свое поведение таким образом, чтобы достичь максимально плодотворного и конструктивного взаимодействия [4, с. 276].

Цель исследования – выявление особенностей эмоционального интеллекта студентов направлений подготовки «Психология», «Экономика», «Юриспруденция». Для реализации исследовательских задач авторами в октябре – ноябре 2022 г. было проведено исследование на базе Волгоградского института управления – филиала РАНХиГС. Выборку составило 63 студента в возрасте от 18 до 23 лет, из них 17 мужчин и 46 женщин. 21 студент обучается на направлении подготовки «Психология», 21 – на направлении «Экономика», 21 – «Юриспруденция».

Основная гипотеза исследования: компоненты эмоционального интеллекта студентов направления подготовки «Психология» развиты на более высоком уровне, чем у студентов направлений «Юриспруденция» и «Экономика».

В основу исследования лег тест эмоционального интеллекта Н. Холла. Методика представляет собой 30 утверждений, на которые респондент должен ответить исходя из заданной шкалы.

По результатам исследования можно сделать вывод, что более, чем у половины опрошенных студентов (63 %) эмоциональный интеллект развит на низком уровне (рис. 1).

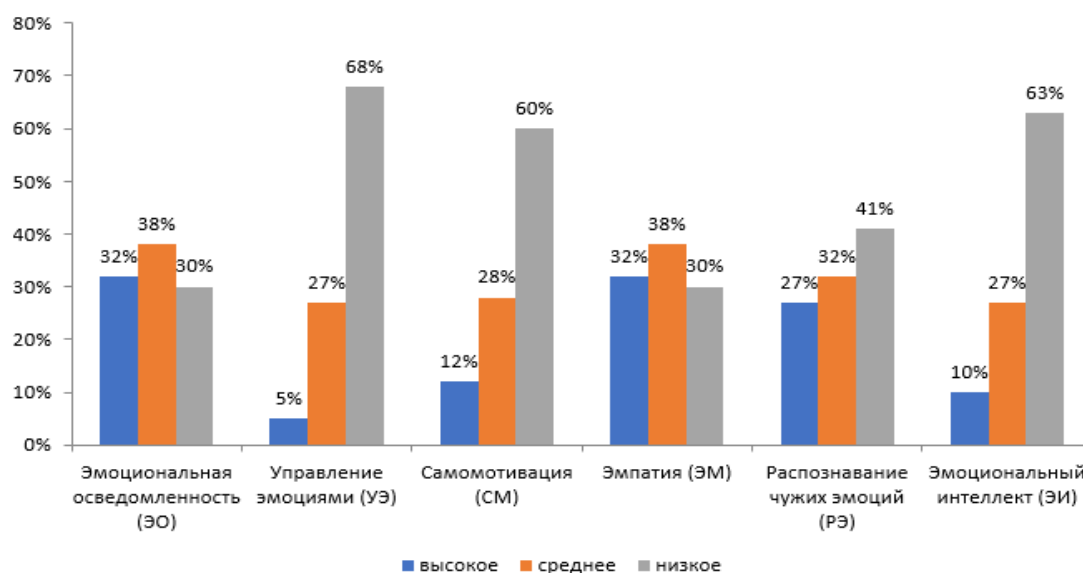

Рис. 1. Уровень эмоционального интеллекта студентов

Наиболее развитыми компонентами эмоционального интеллекта студентов являются «Эмпатия» и «Эмоциональная осведомленность». Респонденты с достаточно развитой эмпатией

тием способны к сопереживанию, умеют слушать и слышать собеседника, способны быть внимательными и чувствительными к эмоциональным состояниям партнеров по взаимодействию. Стоит отметить, что студенты обладают знаниями об эмоционально-чувственной сфере, позволяющими анализировать особенности собственных эмоциональных состояний.

Менее всего у студентов развита способность к управлению эмоциями других людей, что может свидетельствовать о сложностях при попытках оказать влияние на эмоциональные состояния окружающих и негативно сказываться на эффективности взаимодействия. Результаты, полученные по шкале «Самомотивация», свидетельствуют о том, что респонденты не придают большого значения развитию эмоциональной сферы в целом. Невысокий уровень развития распознавания эмоций других людей позволяет предположить, что респонденты не всегда способны точно определить эмоции других людей и воздействовать на чужие эмоциональные состояния. Каждый пятый студент-психолог имеет развитый на высоком уровне эмоциональный интеллект, 38 % – развитый на среднем уровне, что на порядок превышает показатели по выборке (рис. 2).

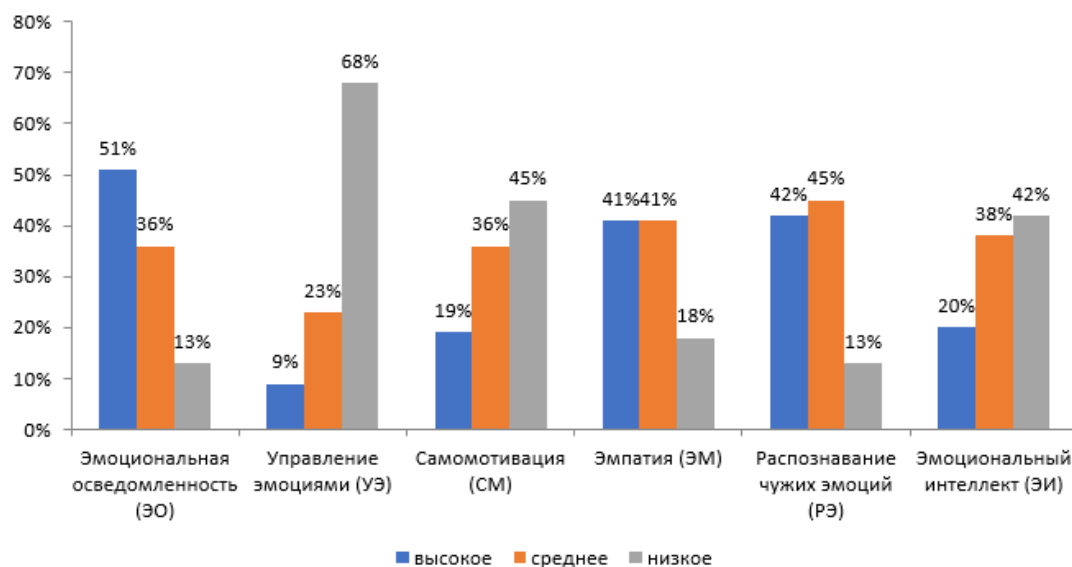

Рис. 2. Уровень эмоционального интеллекта у студентов направления подготовки «Психология»

Результаты исследования среди студентов направления подготовки «Психология» демонстрируют их высокую эмоциональную осведомленность и одновременно слабо развитую способность управлять эмоциями других людей. Высокая эмоциональная осведомленность предполагает, что будущие психологи могут распознать свои истинные эмоции и давать достоверную оценку своим эмоциональным состояниям.

У подавляющего большинства студентов направления подготовки «Экономика» (85 %) эмоциональный интеллект развит на низком уровне, высокие значения по интегральному показателю в данной группе опрошенных отсутствуют (рис. 3).

У будущих экономистов наиболее развит такой компонент эмоционального интеллекта, как «Эмоциональная осведомленность»: каждый второй опрошенный способен адекватно оценивать свое эмоциональное состояние. В то же время крайне низкий уровень развития имеют способности распознавать и управлять эмоциями других людей, а также самомотивация, что может выражаться в недостаточной мотивации к совершенствованию внутри- и межличностной эмоциональной сферы.

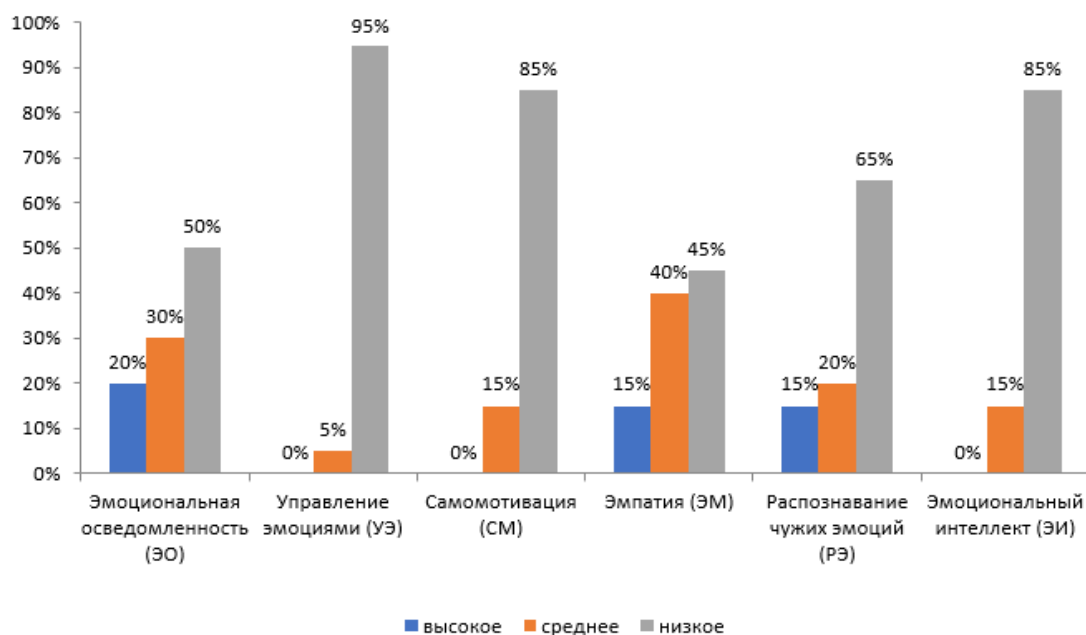

Рис. 3. Уровень эмоционального интеллекта у студентов направления подготовки «Экономика»

Более половины опрошенных студентов-юристов также обладают развитым на низком уровне эмоциональным интеллектом (рис. 4).

Чуть менее половины опрошенных (47 %) испытывают трудности в самотивации и управлении собственными эмоциональными состояниями, а также недостаточно компетентны в адекватном распознавании и управлении эмоциями окружающих. Одновременно с этим студенты-юристы чувствительны к эмоциональным состояниям и потребностям других, стремятся распознавать и понимать чувства и эмоции других людей, настраиваться на их эмоции, о чем свидетельствует достаточно развитая эмпатия.

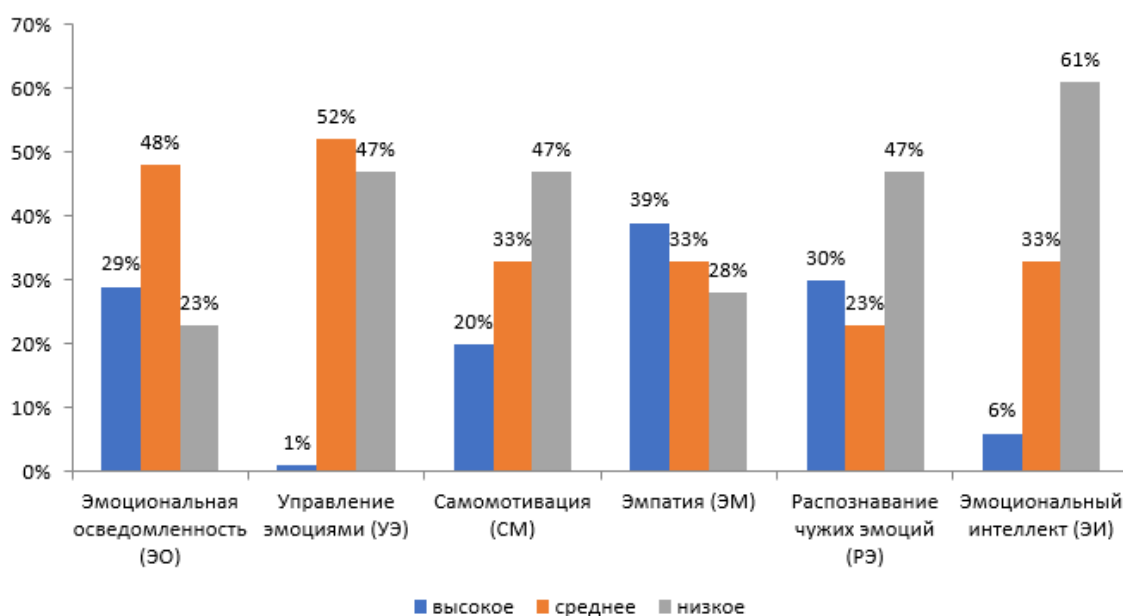

Рис. 4. Уровень эмоционального интеллекта у студентов направления подготовки «Юриспруденция»

Сравнивая результаты, полученные в ходе диагностики эмоционального интеллекта студентов направлений подготовки «Психология», «Экономика», «Юриспруденция», можно сделать вывод о том, что уровень развития исследуемой характеристики у психологов выше, чем у экономистов и юристов по интегральному показателю и большинству компонентов. Таким образом, основная гипотеза исследования была подтверждена. Наиболее высокие показатели эмоционального интеллекта именно у студентов-психологов могут быть обусловлены их участием в социально-психологических тренингах в рамках практических занятий и учебных практик, в том числе направленных на развитие эмоционально-волевой сферы.

Теоретические знания, полученные в ходе лекционных занятий психологического профиля, также способствуют пониманию закономерностей функционирования эмоций и развитию умения контролировать собственные эмоциональные состояния. Студентам экономического и юридического направлений в ходе учебного процесса предоставляется меньше знаний психологического профиля, так как их программы обучения сосредоточены на других сферах. Таким образом, наличие теоретических знаний и практического опыта, направленных на развитие эмоционально-волевой сферы, могут влиять на уровень развития эмоционального интеллекта.

Стоит отметить, что О. В. Шинкарева и Е. А. Майорова в своем исследовании также приходят к выводу о низком уровне развития эмоционального интеллекта более, чем у половины (63,9 %) студентов гуманитарного профиля. При этом наиболее низкие результаты отмечены авторами по компоненту «Управление своими эмоциями» [7, с. 265]. Полученные данные соотносятся также с результатами исследования А. И. Полянского и Л. И. Быковской: основные компоненты эмоционального интеллекта студентов гуманитарного профиля развиты на низком и среднем уровне [5]. В то же время Ж. Г. Гаранина и Н. Е. Кулешова установили, что уровень эмоционального интеллекта и отдельных его составляющих у студентов-психологов выше, чем у студентов экономического и технического профиля [2, с. 147].

Результаты исследования указывают на то, что студентам Волгоградского филиала РАНХиГС, осваивающим профессии гуманитарного профиля, подразумевающие активное межличностное взаимодействие, важно повышать уровень развития эмоциональных способностей, в частности, способности эффективно управлять собственными эмоциями и идентифицировать эмоциональные состояния других людей.

Для развития эмоционального интеллекта в рамках учебного процесса и внеучебной деятельности важно проводить социально-психологические тренинги, направленные на развитие умения понимать эмоциональные состояния и настроения других людей, на налаживание контакта между членами группы [6, с. 183]. Помимо этого, в рамках практических занятий и групповых дискуссий преподаватели могут внедрять и поощрять использование студентами техники «Я-послание», подразумевающей корректное высказывание несогласия или критики в адрес других. Также возможно внедрить практику отслеживания личных эмоций в дневнике, где нужно описывать переживания, накопленные в течение дня, а вечером анализировать причины и яркость переживаемых эмоций.

Подобные мероприятия целесообразно внедрить в учебный процесс на регулярной основе, так как гармонично развитая эмоциональная сфера студентов оказывает непосредственное влияние на успешность их учебной и будущей профессиональной деятельности, которая предполагает высокие эмоциональные нагрузки и постоянное взаимодействие с другими людьми.

Список литературы

1. Алексеенко, И. В. Значение эмоционального интеллекта в деятельности руководителей и способы его повышения / И. В. Алексеенко, Е. Д. Букатых, К. С. Еске, А. В. Радзевич // Вестник УРАО. 2018. № 3. С. 17–24.
2. Гаранина, Ж. Г. Особенности эмоционального интеллекта и эмпатии студентов вуза / Ж. Г. Гаранина, Н. Е. Кулешова // Гуманитарные науки. 2022. № 1 (57). С. 143–151.
3. Гоулман, Д. Эмоциональный интеллект. Почему он может значить больше, чем IQ. М.: Манн, Иванов и Фербер, 2013. 243 с.
4. Ларина, А. Т. Эмоциональный интеллект / А. Т. Ларина // АНИ: педагогика и психология. 2016. № 3 (16). С. 275–278.
5. Полянский, А. И. Эмоциональный интеллект и коммуникативные способности современных студентов / А. И. Полянская, Л. И. Быковская // Горизонты гуманитарного знания. 2019. № 4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/emotsionalnyy-intellekt-i-kommunikativnyye-sposobnosti-sovremennyh-studentov> (дата обращения: 16.11.2022).
6. Фетискин, Н. П. Социально-психологическая диагностика развития личности и малых групп / Н. П. Фетискин, В. В. Козлов, Г. М. Мануйлов. М.: Изд-во Института Психотерапии, 2002. 195 с.
7. Шинкарёва, О. В. Оценка эмоционального интеллекта студентов высших учебных заведений / О. В. Шинкарёва, Е. А. Майорова // БГЖ. 2018. № 4 (25). С. 263–265.

УДК 159.9
ББК 88.4

Горбатова Виктория Владиславовна
студент группы БкПс-300,
Научный руководитель: Терелянская Ирина Васильевна
кандидат психологических наук,
доцент кафедры социологии, общей и юридической психологии,
Волгоградский институт управления –
филиал РАНХиГС при Президенте РФ,
Волгоград, Россия

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ПРИЧИНЫ ПОЯВЛЕНИЯ СТРАХА ОДИНОЧЕСТВА

Аннотация. Автором был проведен этимологический анализ понятия «Страх». Также в работе приведены теоретические исследования по выявлению причин страха одиночества на разных возрастных этапах. Разработаны рекомендации для борьбы с боязнью остаться один на один с самим собой. В современном мире все чаще стали проявляться многие психологические заболевания. Например, панические атаки, депрессии, фобии. К числу психологических заболеваний также относят и аутофобию, то есть страх одиночества. Важно отметить, что одиночество каждый человек переживает по-своему. Некоторые люди довольно легко себя чувствуют, находясь наедине с самим собой. Другие – могут бояться оставаться один на один со своими мыслями и воспоминаниями. Страх одиночества может зародиться еще в детстве, где-то глубоко в бессознательном, оказывая влияние на дальнейшую жизнь человека. Следовательно, людям необходимо понимать первопричину своего страха и уметь справляться с ним. Данное высказывание и обуславливает актуальность работы. Цель работы: выявить первопричины возникновения страха одиночества, а также разработать рекомендации для борьбы с ним. Методы исследования: контекстуальный и интерпретативный анализ, анализ литературы, сравнение различных подходов к пониманию проблемы, обобщение полученных данных, сравнительный анализ. Выводы: 1. Страх одиночества или аутофобия – это одна из самых опасных фобий, с которыми может столкнуться человек; 2. Первопричина появления данного вида страха может быть сокрыта в самых различных возрастных периодах человека; 3. Протекание аутофобии зачастую индивидуально. Начиная от чувства дискомфорта до панических атак.

Ключевые слова: страх, боязнь, страх одиночества, аутофобия, ребенок, возрастной период.

Gorbatova Victoria Vladislavovna
student of the BkPs-300 group,
Scientific supervisor: Terelyanskaya Irina Vasilyevna
Candidate of Psychological Sciences,
Associate Professor of the Department of Sociology,
General and Legal Psychology,
Volgograd Institute of Management –
branch of RANEPa under the President of the Russian Federation,
Volgograd, Russia

PSYCHOLOGICAL REASONS OF APPEARANCE OF FEAR OF LONELINESS

Abstract. The author conducted an etymological analysis of the concept of «Fear». Theoretical research into the causes of the fear of loneliness at different age stages is also presented in the paper.

Recommendations for dealing with the fear of being alone with oneself are developed. Relevance. In the modern world, many psychological illnesses have become more and more frequent. For example, panic attacks, depressions, phobias. Also psychological diseases include autophobia, i.e. fear of being alone. It is important to note that each person experiences loneliness in his or her own way. Some people feel quite at ease when they are alone with themselves. Others may be afraid to be alone with their thoughts and memories. Fear of solitude can originate in childhood, somewhere deep in the unconscious, affecting the further life of the person. Consequently, people need to understand the root cause of their fear and be able to cope with it. This statement determines the relevance of the work. Purpose of work. To identify the root causes of the fear of loneliness, as well as to develop recommendations to combat it. Research Methods: 1) Etymological analysis, contextual and interpretive analysis. 2) Theoretical: literature analysis, comparison of different approaches to understanding the problem, generalization of the obtained data. 3) Organizational methods of research: comparative. Conclusions: 1. Fear of loneliness or autophobia is one of the most dangerous phobias a person can face; 2. The root cause of the appearance of this type of fear can be hidden in a wide variety of ages of the person; 3. The course of auto-phobia is often individual. Starting from a sense of discomfort to panic attacks.

Keywords: fear, dread, fear of loneliness, autophobia, child, age period.

Само понятие «Страх» является общеславянским словом, которое имеет свои корни и в других различных языках. Например, *stregti* – «коченеть» в литовском языке, *strike* – «поражать» в английском языке. Однако первоначально слово «Страх» понималось как оцепенение или остоленение от ужаса [5].

С физиологической точки зрения, страх – это некая цепная реакция, которая происходит в головном мозге. Началом данного процесса является появление стрессового стимула. Например, случайно был обнаружен паук в спальне. Далее происходит выброс химических веществ, которые активизируют симпатическую нервную систему. Таким образом, организм побуждается к действию, и мы получаем реакцию «Бей или беги».

С психологической точки зрения, страх – это эмоция или внутреннее ощущение, которое представляет собой защитную реакцию на реальную или мнимую угрозу. При этом человек старается любыми возможными методами избегать объект своего страха. Существует также три основных группы страхов. К ним относят: естественные (природные) страхи. Например, боязнь грозы, шторма или цунами. Такой вид зачастую направлен на выживание индивида. Далее социальные страхи. Например, боязнь, которую человек испытывает перед важным собеседованием при устройстве на работу. И последний вид – это внутренние (экзистенциальные). Например, боязнь ошибиться при занятии какой-либо деятельностью. Отдельно выделяют еще и детские страхи. К ним относят: страх темноты, незнакомых людей, образов из сказок или мультфильмов, а также страх одиночества [4, с. 11–21].

Страх одиночества или аутофобия скорее берет свое начало во всех трех разновидностях страхов, перечисленных выше, и является одним из самых опасных. Причем человек может чувствовать себя одиноким и в окружении людей, что является довольно частым феноменом в современном мире. Также страх одиночества является еще и неким защитным механизмом, который направлен на выживание индивида. Однако такой вид страха может перерасти в хронический или сопровождаться паническими атаками [1, с. 1–2].

Первопричиной появления аутофобии считается поведение ребенка еще в раннем детском возрасте. Маленький человек боится оставаться один в яслях и плачет всегда, когда в поле его зрения нет взрослого. Данное явление может быть связано с тем, что ребенок часто терял игрушку, например, и не мог ее сам поднять и многие другие ситуации, когда ребенок

был не в силах себе помочь. Либо малыша часто оставляют одного, он подолгу плачет, а к нему никто не подходит и не жалеет. Следовательно, может развиваться страх не только одиночества, но и страх того, что ребенка могут бросить или, избавится от него.

Другой причиной появления страха одиночества является воспитание в детстве. В качестве наказания родители зачастую ставят детей в угол или запирают в комнате. Следовательно, ребенка наказывают именно одиночеством и нелюбовью. При этом подобного рода наказания зачастую сопровождаются следующими словами: «Посиди тут один и подумай о своем поведении». У ребенка в этой ситуации не возникает как такого чувства вины, а скорее тревожность, беспокойство, недовольство, грусть, злость и обида на родителей. Когда маленький человек в такой ситуации начинает плакать, родители не всегда приходят его успокоить. В случае, если это не произошло, ребенок начинает успокаивать себя сам, что также окажет негативное влияние на него в будущем. Могут проявиться проблемы с социализацией, недоверие к окружающим, замкнутость. А так как потребность в общении присуща всем людям, личность скорее будет часто тревожна и склонна к психологическим болезням [2, с. 292–296].

Также, если родители слишком требовательны к ребенку и принимают различные решения вместо него, то, когда будет происходить эмансипация от родителей, такой личности будет очень сложно. Страх одиночества в этом случае может проявиться тоже, так как маленький человек всегда опирался на родителей, а в зрелом возрасте приходится принимать самостоятельные решения, чего он никогда не делал.

В школьные годы личность может столкнуться с предательством близких друзей. Одним из исходов такой ситуации может быть изоляция от общества и становление аутсайдером. В другом варианте может быть наоборот, то есть человек будет стремиться помириться, найти повод восстановить общение, хотя сам обидчик может его желаний и не разделять. Подобный случай может возникнуть из-за страха остаться одному в обществе. При этом не важно на сколько сильно обидел или разочаровал близкий друг.

В зрелом возрасте человек может столкнуться с таким феноменом как утрата. Причем термин «утрата» не всегда обозначает смерть человека, но и развод, потеря должности и многое другое. Важно отметить, что степень переживания смерти и развода зачастую практически одинакова. В таких случаях также может сформироваться страх одиночества. Например, в случае развода или смерти одного из супругов с несовершеннолетними детьми подобного рода страх может сформироваться из-за увеличения ответственности, материального неблагополучия, отсутствие возможности распределять бытовые обязанности и вместе проводить досуг и многих других факторов. Однако важно отметить, что с утратой человек может столкнуться не только в зрелом возрасте, но и раньше [3, с. 15–20].

В старости аутофобия бывает вызвана боязнью ежедневного времяпрепровождения в одиночестве. Чтобы этого избежать старшее поколение пытается найти методы, которыми можно привлечь внимание своих детей и внуков. Если же этого не удастся сделать, одиночество очень пагубно начинает влиять на здоровье пожилого человека. Например, самостоятельная покупка продуктов или вещей, поход к врачу и многое другое осуществляется без помощи родственников. Также дефицит общения и отсутствие психологической поддержки. Следовательно, в данном случае одиночество оказывает негативное влияние как на физическое состояние человека, так и на психологическое. Также боязнь одиночества может быть следствием страха того, что никто не вызовет скорую в срочной ситуации и не поможет в бытовых вопросах.

Таким образом, страх одиночества или аутофобия – это одна из самых опасных фобий, с которыми может столкнуться человек. Первопричина появления данного вида страха может

быть сокрыта в самых различных возрастных периодах человека. При этом протекание аутофобии зачастую индивидуально. Начиная от чувства дискомфорта до панических атак.

На основе вышеперечисленного нами был разработан ряд рекомендаций для борьбы со страхом одиночества:

1. Если вам некомфортно находится в одиночестве, то важно принять этот факт.

2. Далее необходимо взять пустой лист и стикеры. В центре листа расположите «Страх одиночества», написанный на стикере. Далее сверху напишите вопрос: «По какой причине я боюсь оставаться одна (один)?». Располагайте причины так как вам хочется на листе. После этого необходимо расположить чувства и эмоции, связанные с вопросом. Финальным этапом является расположение себя в данной схеме. Далее внимательно рассмотрите получившуюся схему. Это даст вам понимание того, что с вами происходит.

3. После вышеперечисленного, смотря на схему, необходимо задать себе вопрос: «Что самое худшее может случиться?». Может оказаться, что все не так страшно, как кажется на первый взгляд.

4. Далее вы можете делать первые шаги для преодоления страха. Например, заняться тем, чем вам нравится, находясь в одиночестве. Творчество или хобби.

5. Создайте комфортную обстановку для себя. Украсьте комнату или квартиру чем-нибудь новым, сделайте перестановку.

6. Совершайте небольшие поездки или походы в магазин или торговый центр самостоятельно.

7. Поощряйте себя каждый раз, когда совершаете действия для преодоления страха.

8. Если вы тяжело переносите одиночество, то необходимо обратиться к специалисту. Процесс лечения такого рода страха не быстрый, однако сможет оказать положительное влияние на вашу жизнь.

Список литературы

1. Дмитриева, Н. В. Страх одиночества. Алгоритм и техники психокоррекции / Н. В. Дмитриева, Л. Н. Антилогова, А. И. Лагунова // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2017. № 2 (69). С. 4.

2. Изард, К. Э. Психология эмоций / К. Э. Изард. СПб.: Питер, 2008. 464 с.

3. Рязанцев, А. Принять и пережить потерю, горе, утрату: Как научиться снова радоваться жизни / А. Рязанцев. М.: Альпина Пабlishер. 2022. 112 с.

4. Щербатых, Ю. В. Психология страха: полная энциклопедия / Ю. В. Щербатых. М.: Эксмо, 2007. 512 с.

5. Этимологические онлайн-словари русского языка. URL: <https://lexicography.online/etymology> (дата обращения: 11.11.2022)

УДК 159.9.075
ББК 88.5

Забродина Татьяна Игоревна
кандидат педагогических наук, доцент,
доцент кафедры социологии, общей и юридической психологии,
Волгоградский институт управления –
филиал РАНХиГС при Президенте РФ,
Волгоград, Россия

ОСОБЕННОСТИ РАЗВИТИЯ ТВОРЧЕСКОГО ПОТЕНЦИАЛА ЛИЧНОСТИ В ПРОЦЕССЕ СОВМЕСТНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Аннотация. Изменения, происходящие во всех сферах общественной жизни, требуют участия в процессах преобразования творчески развитой личности, способной к самопреобразованию и разработке оригинальных решений возникающих ситуаций. Выборку исследования составили 50 представителей социномических профессий (педагоги) и 50 представителей сигномических профессий (бухгалтеры), женщины и мужчины в возрасте от 28 до 35 лет. Цель исследования – выявление особенностей развития творческого потенциала личности работников социномической и сигномической профессиональных групп с целью повышения качества и эффективности их деятельности. В основу исследования была положена гипотеза, согласно которой характеристики творческого потенциала представителей социномических и сигномических профессий различаются; развитие творческого потенциала работника будет успешным, если сотрудники будут вовлечены в целенаправленную, организованную совместную деятельность. Методы исследования: анализ научной литературы по проблемам формирования творчески активной личности в процессе совместной деятельности; опросник терминальных ценностей И. Г. Сенина, тест вербальной креативности (RAT) С. Медника (адаптация А. Н. Воронина, вариант А), методика диагностики личностной креативности Е. Е. Туник; диагностика самоактуализации личности А. В. Лазукина в адаптации Н. Ф. Калина, опросник исследования ценностных ориентаций М. Рокича, тест вербальной креативности (RAT) С. Медника (вариант В), тест самоактуализации (САТ) Ю. Е. Алешиной, Л. Я. Гозман; для определения взаимосвязей переменных использовался коэффициент корреляции Пирсона, значимости различий – хи-квадрат. В результате эмпирического исследования были получены данные свидетельствующие об эффективности творческой организованной совместной деятельности с целью развития творческого потенциала личности; выявлены значимые различия по критерию хи-квадрат в структуре творческого потенциала представителей профессиональных групп: показателях оригинальности вербальных конструкций – 10,551 (при $p=0,05$), количеству продуцируемых ответов – 11,802 (при $p=0,005$), стремлении к саморазвитию – 8,003 (при $p=0,005$), любознательности – 9,820 (при $p=0,005$), что подтвердило выдвинутую гипотезу.

Ключевые слова: творчество, творческий потенциал, социномические профессии, сигномические профессии, совместная деятельность.

Zabrodina Tatiana Igorevna

*Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor,
Associate Professor of the Department of Sociology, General and Legal Psychology,
Volgograd Institute of Management –
branch of RANEPa under the President of the Russian Federation,
Volgograd, Russia*

FEATURES OF THE DEVELOPMENT OF THE CREATIVE POTENTIAL OF THE PERSON IN THE PROCESS OF JOINT ACTIVITIES

Abstract. Changes taking place in all spheres of public life require participation in the transformation processes of a creatively developed personality capable of self-transformation and the development of original solutions to emerging situations. The study sample consisted of 50 representatives of socio-economic professions (teachers) and 50 representatives of signonomic professions (accountants), women and men aged 28 to 35 years. The purpose of the study is to identify the features of the development of the creative potential of the personality of employees of socio-economic and signonomic professional groups in order to improve the quality and efficiency of their activities. The study was based on the hypothesis that the characteristics of the creative potential of representatives of socio-economic and signonomic professions differ; the development of the employee's creative potential will be successful if employees are involved in purposeful, organized joint activities. Research methods: analysis of scientific literature on the problems of the formation of a creatively active personality in the process of joint activity; I.G. Senin's terminal values questionnaire, S. Mednik's verbal creativity test (RAT) (A.N. Voronin's adaptation, option A), E.E. Tunik's method for diagnosing personal creativity; diagnostics of personality self-actualization A.V. Lazukin adapted by N.F. Kalina, M. Rokich's value orientations survey, S. Mednik's verbal creativity test (RAT) (variant B), Yu.E. Aleshina's self-actualization test (SAT), L.Ya. Gozman; to determine the relationship of variables, the Pearson correlation coefficient was used, the significance of differences was chi-square. As a result of the empirical study, data were obtained indicating the effectiveness of creative organized joint activities in order to develop the creative potential of the individual; significant differences were revealed according to the chi-square test in the structure of the creative potential of representatives of professional groups: indicators of originality of verbal constructions – 10.551 (at $p=0.05$), the number of responses produced – 11.802 (at $p=0.005$), the desire for self-development – 8.003 (at $p=0.005$), curiosity – 9.820 (at $p=0.005$), which confirmed hypothesis.

Keywords: creativity, creative potential, socio-economic professions, signonomic professions, joint activities.

Проблема развития творчества личности представляет собой комплексную проблему, стоящую на стыке различных дисциплин, она не теряет своей актуальности со времен первых попыток человеческой мысли проникнуть в механизмы работы психики и ответить на основные вопросы: что является индивидуальным в механизме творческого акта; как соотносятся внутренние и внешние условия, стимулирующие или тормозящие творческую активность; что входит в систему творческих способностей, наследственны они или приобретаемы; как можно развить творческий потенциал человека.

Упоминание об исследовании творчества обнаруживаются в учениях античных философов. Аристотель называет творчество высшей степенью деятельности, которая возможна только для человека в человеческом обществе [2]. Развитие идеи деятельностного, преобразовательного отношения личности к миру прослеживается в работах немецких философов, в

частности И. Кант охарактеризовал специфический тип активности человека – активность не только познающего, но и применяющего свой опыт, действующего субъекта [7]. На рубеже 19–20 образуется новая область исследования творческих возможностей личности создавать реальный мир, которую назвали эврилогией. С. Л. Рубинштейном были рассмотрены структурно–содержательные аспекты творческой деятельности: особенности и характеристики творческой личности, закономерности развития творческой активности, выдвинута идея о внутренне присущей человеку активности – самодеятельности [10].

К. А. Абульханова-Славская [1], Д.Б. Богоявленская [4], А. Н. Лук [8], Я. А. Пономарев [9] способствовали интенсивной разработке различных аспектов психологии творчества как целостной теории.

Творческий потенциал личности как интегративная характеристика преобразовательных возможностей человека, отражает меру и направленность творческих сил, позволяющих личности саморазвиваться и самореализовываться.

Одним из направлений проблемы формирования и развития творческого потенциала личности является исследование возможностей совместной деятельности. Как отмечал А. Л. Журавлев, «...на эмпирическом уровне исследования, фактически была реализована концептуальная триада «личность – коллектив – деятельность», которая позднее стала обсуждаться как одно из важнейших теоретических положений психологии коллектива» [6, с. 21]. В исследовании А. К. Белоусовой, отмечается, что в процессе совместной мыслительной деятельности повышается возможность самореализации членов группы [3]; В. Н. Дружинин утверждал, что совместная деятельность способствует преобразованию личностных потенциалов и мотивов в общую актуальную креативность [5].

Большинство современных ученых склонны к утверждению идеи о том, что креативные способности человека могут быть значительно развиты средствами создания специальной поддерживающей среды, в то время как без создания внешних условий творческий потенциал человека может так и не проявиться.

Исследуя феномен совместной деятельности, Л. И. Уманский охарактеризовал ее совместно-взаимодействующий, совместно-последовательный и совместно-индивидуальный типы [11].

Именно совместно-взаимодействующий тип деятельности подразумевает непосредственное взаимодействие участников, возможность перестраивать последовательность и содержание активности. Формами такой организации деятельности могут выступать как традиционное обучение (лекции, семинары, презентации, компьютерное обучение, видеообучение), так и высокоактивные, тренинговые (разбор конкретных ситуаций, дискуссии, метафорическая и деловая игра, мозговой штурм, сторителлинг, баскет-метод).

С целью оценки эффективности тренинга по развитию творческого потенциала участников в процессе совместной деятельности, была проведена опытно-экспериментальная работа.

Выборку составили: представители социномических профессий – 50 человек (первая группа), представители сигномических профессий (вторая группа) – 50 человек, мужчины и женщины, возраст испытуемых – от 28 до 35 лет.

Цель исследования – выявление особенностей развития творческого потенциала личности работников социномической и сигномической профессиональных групп с целью повышения качества и эффективности их творческой деятельности.

В основу исследования была положена гипотеза, согласно которой характеристики творческого потенциала представителей социномических и сигномических профессий различаются; развитие творческого потенциала работника будет успешным, если сотру-

будут вовлечены в целенаправленную, организованную совместную деятельность в форме тренинга, направленного на формирование знаний, умений и навыков коллективного решения творческих задач.

В качестве методик были определены: опросник терминальных ценностей И. Г. Сенина, тест вербальной креативности (RAT) С. Медника (адаптация А. Н. Воронина, вариант А), методика диагностики личностной креативности Е. Е. Туник; диагностика самоактуализации личности А. В. Лазукина в адаптации Н. Ф. Калина, опросник исследования ценностных ориентаций М. Рокича, тест вербальной креативности (RAT) С. Медника (вариант В), тест самоактуализации (САТ) Ю. Е. Алешиной, Л. Я. Гозман; для определения взаимосвязей переменных использовался коэффициент корреляции Пирсона, значимости различий – хи-квадрат.

В результате проведения анализа непараметрических данных по критерию хи–квадрат были выявлены статистически значимые различия участников первой и второй групп по ряду параметров, представленные в табл. 1.

Таблица 1

**Результаты анализа данных по критерию хи-квадрат
(статистически значимые различия)**

Наименование шкалы	Группа 1 n=50	Группа 2 n=50	Критерий хи-квадрат	Уровень значимости
Индекс оригинальности	14,3	20,1	10,551	p=0,05
Кол-во ответов	16,3	23,3	11,802	p=0,005
Развитие себя	19,5	12,2	8,003	p=0,005
Сфера семейной жизни	11	7	3,002	p=0,05
Сфера увлечений	8	12	7,629	p=0,005
Любознательность	11,3	8	9,820	p=0,005

Далее была произведена математическая обработка полученных результатов. Для каждой из двух групп был проведен корреляционный анализ данных (линейная корреляция по Пирсону).

В табл. 2 занесены значимые коэффициенты корреляции, полученные в результате корреляционного анализа данных диагностики творческого потенциала и личностных характеристик представителей сигнономических профессий:

Таблица 2

Результаты корреляционного анализа для 2 группы (n=50)

Параметры взаимосвязи	R	P
Индекс оригинальности и потребность в познании	,444**	,005
Индекс оригинальности и любознательность	,501**	,05
Индекс уникальности и автономность	,489**	,02
Стремление к творчеству или креативность и гибкость в общении	,303*	,005
Уровень креативности и аутосимпатия	,402**	,005

** . Корреляция значима на уровне 0.01 (1-сторон.).

* . Корреляция значима на уровне 0.05 (1-сторон.).

В табл. 3 занесены все значимые коэффициенты корреляции, полученные в результате статистического анализа результатов диагностики креативности и личностных характеристик представителей социономических профессий:

Таблица 3

Результаты корреляционного анализа для 1 группы (n=50)

Параметры взаимосвязи	R	P
Индекс оригинальности и воображение	,428*	,02
Индекс оригинальности и любознательность	,492	,04
Стремление к творчеству или креативность и аутосимпатия	,689**	,004
Уровень креативности и воображение	,354*	,003
Уровень креативности и любознательность	,550**	,003

** . Корреляция значима на уровне 0.01 (1-сторон.).

* . Корреляция значима на уровне 0.05 (1-сторон.).

Для проведения следующего этапа опытно-экспериментальной работы были отобраны респонденты из обеих групп в количестве 30 человек, участники контрольной (15 человек) и экспериментальной (15 человек) групп. Результаты участников по исследуемым параметрам подбирались максимально однородные. Критериями отбора послужили диагностированный низкий или средний, проходящий близко к нижней границе уровни:

- индекса вербальной оригинальности;
- индекса вербальной уникальности;
- количества продуцируемых ответов;
- стремления к творчеству и креативности;
- воображения;
- средний или ниже среднего уровень креативности (согласно экспертной оценке).

Результаты диагностики обеих групп представлены ниже (табл. 4):

Таблица 4

**Результаты данных диагностики креативности для контрольной
и экспериментальной группы, констатирующий эксперимент**

Сферы	Уровень	Экспериментальная группа			Контрольная группа		
		Н	С	В	Н	С	В
Индекс оригинальности		11	4	0	10	5	0
Индекс уникальности		9	6	0	8	7	0
Количество ответов		13	2	0	10	5	0
Стремление к творчеству или креативность		7	8	0	7	8	0
Воображение		10	5	0	11	4	0
Творческий потенциал личности		10	5	0	9	6	0

С контрольной группой проводились традиционные семинарские занятия. С экспериментальной группой была проведена работа по развитию творческого потенциала в процессе совместной деятельности посредством использования специально разработанного тренинга (12 встреч), целью которого являлось формирование умений совместного решения творческих задач, развитие навыков рефлексии и групповой рефлексии, актуализация внутренних мотивов и ресурсов творческой деятельности, развитие дивергентного мышления, овладение знаниями о приемах и алгоритмах творческой деятельности.

При сравнении диагностических результатов участников групп по параметрам креативности до и после формирующего эксперимента можно сделать вывод о том, что в обеих группах наблюдается положительная динамика, однако в экспериментальной группе она более ярко выражена (табл. 5).

Таблица 5

Результаты данных диагностики креативности для контрольной и экспериментальной группы, контрольный эксперимент

Сферы Уровень	Экспериментальная группа			Контрольная группа		
	Н	С	В	Н	С	В
Индекс оригинальности	0	12	3	7	7	1
Индекс уникальности	0	11	4	7	8	0
Количество ответов	0	9	6	8	7	1
Стремление к творчеству или креативность	0	11	4	4	9	2
Воображение	1	12	2	10	5	0
Творческий потенциал личности	0	12	3	7	6	2

Таким образом, выдвинутые нами гипотезы о том, что характеристики творческого потенциала представителей социономических и сигнономических профессий различаются; развитие творческого потенциала работника будет успешным, если сотрудники будут вовлечены в целенаправленную, организованную совместную деятельность в форме тренинга, направленного на формирование знаний, умений и навыков коллективного решения творческих задач, подтвердилась.

Список литературы

1. Абульханова-Славская, К. А. Стратегия жизни / К. А. Абульханова-Славская. М. : Мысль, 1991. 301 с.
2. Аристотель. Сочинения в четырех томах. Том 1. О душе. / Аристотель; под редакцией В. Ф. Асмус. М.: Мысль, 1996. 552 с.
3. Белоусова, А. К. Самоорганизация совместной мыслительной деятельности / А. К. Белоусова. дисс. ... д-ра психол. наук: М., 2003. 473 с.
4. Богоявленская, Д. Б., Богоявленская, М. Е. Одаренность: природа и диагностика / Д. Б. Богоявленская, М. Е. Богоявленская. М: АНО «НЦПРО», 2013. 208 с.
5. Дружинин, В. Н. Психология общих способностей / В. Н. Дружинин. СПб.: Питер, 2008. 368 с.
6. Журавлев, А. Л. Психология совместной деятельности / А. Л. Журавлев. М.: Ин-т психологии РАН, 2005. 640 с.
7. Кант, И. Критика чистого разума / И. Кант; пер. с нем. Н. Лосского; сверен и от ред. Ц. Г. Арзаканяном, М. И. Иткиным; примеч. Ц. Г. Арзаканян. М.: Мысль, 1994. 591 с.
8. Лук, А. Н. Психология творчества / А. Н. Лук. М.: ЭДС, 2008. 147 с.
9. Пономарев, Я. А. Об исследовании проблем психологии творчества / Сб. ст. / Отв. ред. Я. А. Пономарев. М., ОКНА, 2003. 336 с.
10. Рубинштейн, С. Л. Избранные философско-психологические труды. Основы онтологии, логики и психологии. Серия: Памятники психологической мысли / С. Л. Рубинштейн. М.: Наука, 1997. 463 с.
11. Уманский, Л. И. Психология организаторской деятельности школьников. / Л. И. Уманский. М.: Просвещение 1980. 160 с.

УДК 159.923
ББК 88.6

Максимчук Надежда Викторовна
студент группы ПСД-100

Терелянская Ирина Васильевна,
*кандидат психологических наук,
доцент кафедры социологии, общей и юридической психологии,
Волгоградский институт управления –
филиал РАНХиГС при Президенте РФ,
Волгоград, Россия*

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО «Я-ОБРАЗА» ПРАВИТЕЛЕЙ ГОСУДАРСТВ XVIII–XXI ВЕКОВ: ГЕНДЕРНЫЙ АСПЕКТ

Аннотация. Актуальность проблематики профессионального «Я-образа» правителей государств выходит на один из первых планов на современном этапе обострения геополитических и социально-экономических противоречий. Большое количество женщин, стоящих в нашу эпоху у руля власти, приводит к необходимости изучения психологических особенностей правительниц и выявления их сходств и отличий с характерными мужскими качествами руководителей государства. Изучение «Я-образа» монархов прошлого, поможет оценить профессиональные качества нынешних правителей, т.к. в каждом явлении современности есть отголоски прошлых веков. В связи с этим целью нашего исследования является выявление и теоретическое обоснование основных характеристик профессионального «Я-образа» мужчин и женщин-правителей в исторической перспективе. В исследовании выявлены группы основных характеристик профессионального «Я-образа» правителей государств с XVIII по XXI век, дано обоснование типических характеристик профессионального «Я-образа» и выдвинуто предположение о профессиональном «Я-образе» мужчин и женщин в статусе правителей государств. В исследовании применены методы историографического, сравнительного и когнитивного анализа, табличные приемы обработки данных.

Ключевые слова: профессиональный «Я-образ», мужчина – глава государства, женщина – глава государства, правитель государства, психологический портрет.

Maksimchuk Nadezhda Viktorovna
student of the PSD-100 group

Terelyanskaya Irina Vasilyevna,
*Candidate of Psychological Sciences,
Associate Professor of the Department of Sociology,
General and Legal Psychology,
Volgograd Institute of Management –
branch of RANEPa under the President of the Russian Federation,
Volgograd, Russia*

PROFESSIONAL «I AM THE IMAGE» OF A MALE LEADER AND A FEMALE LEADER IN THE XXI CENTURY: PROBLEMS OF THE MODERN STAGE

Abstract. The relevance of the problems of the professional «Self-image» of the rulers of states comes to one of the first plans at the present stage of aggravation of geopolitical and socio-

economic contradictions. A large number of women standing at the helm of power in our era leads to the need to study the psychological characteristics of rulers and identify their similarities and differences with the characteristic masculine qualities of state leaders. The study of the «I-image» of the monarchs of the past will help to assess the professional qualities of the current rulers, because in every phenomenon of modernity there are echoes of past centuries. In this regard, the purpose of our research is to identify and theoretically substantiate the main characteristics of the professional «Self-image» of male and female rulers in a historical perspective. The study identifies groups of the main characteristics of the professional «I-image» of rulers of states from the XVIII to the XXI century, substantiates the typical characteristics of the professional «I-image» and suggests the professional «I-image» of men and women in the status of rulers of states. The research uses methods of historiographical, comparative and cognitive analysis, tabular methods of data processing.

Keywords: professional «I-image», male head of state, female head of state, ruler of the state, psychological portrait.

Актуальность проблематики профессионального «Я-образа» мужчин и женщин – глав государств в XXI веке очень высока, что связано с высокой активностью женщин во властных структурах различных государств. Перед наукой встают вопросы: отличаются ли по своим психологическим характеристикам женщины и мужчины, стоящие на вершине иерархической лестницы. В обществе существует убеждение, что у любой женщины, достигшей карьерных высот, в том числе у женщин-правителей государства, в психологическом плане преобладают мужские качества. Таким образом, «Я-образ» мужчин и женщин, находящихся во власти, будет отличаться незначительно.

«Я-образ» – это относительно устойчивая, в большинстве своем осознанная, переживаемая как неповторимая система представлений о себе. На основе «Я-образа» человек строит свое взаимодействие с другими людьми и отношение к самому себе. Согласно теории А. В. Петровского [6] в «Я-образе» выделяют три компонента:

1) когнитивный – образ своих качеств, способностей, внешности, социальной значимости, то есть, осознавая все эти составляющие себя, происходит самопознание человека механизмами рефлексии, самоанализа, самовосприятия – всего того, с помощью чего человек добывает знания о себе;

2) эмоциональный – самоуважение, себялюбие, самоуничужение, самокритичность, гордость и т.д.;

3) поведенческий (волевой) – стремление повысить самооценку, завоевать уважение, добиться успеха или же желание остаться незамеченным, уклониться от оценки и критики, скрыть свои недостатки.

Для изучения «Я-образа» руководителей государств нами был использован метод аналогий или сравнительного, историографического анализа психологических портретов.

Для того чтобы выявить все стороны психологического портрета мужчин и женщин, стоящих у руля власти, мы рассмотрим эволюцию формирования профессионального «Я-образа» правителей XVIII–XXI веков. Собираемый образ мужчины-руководителя государства можно извлечь из биографии исторических деятелей прошлого и современности. Сравнительный анализ мы провели на примере императоров Российской Империи: Павла I (годы правления 1796–1801), Александра II (годы правления 1801–1825), Николая II (годы правления 1896–1917), и президента России В. В. Путина (см. табл. 1).

Восприятие личности Павла I современниками и потомками очень противоречиво. В дореволюционной, а потом и советской историографии были описаны такие характеристики его правления, как мелочная до абсурда регламентация быта подданных и репрессии против дворян за самые несущественные провинности, закрепляя за Павлом репутацию тирана, само-

дура и деспота. Но как ни странно, во второй половине XX века подчеркивалась его рыцарское достоинство и гипертрофированное чувство справедливости. Многие давали ему такие прозвища как «романтик на троне», «Русский Гамлет», подчеркивая романтическую натуру и нетерпимость к лицемерию. Основывая свои выводы на данной характеристике личности Павла I, мы можем сделать научную догадку о качествах его профессионального «Я-образа» [8].

Следующий император, психологический портрет личности которого мы представим – Александр II. Блестящее образование и личностные качества помогли Александру II стать реформатором и правильно оценить создавшееся положение. Он сумел воспринять новые течения и учесть требования, просвещенной части общества. Когнитивные качества Александра II – стремление к познанию, образованность, практицизм, дипломатичность, лидерство, новаторство. Эмоциональный аспект «Я-образа» самоуважение и гордость. Властолюбие и стремление к правлению отражают поведенческий (волевой) аспект личности правителя [7].

Рассмотрим образ Николая II. Исходя из исторических источников, мы можем сделать выводы о когнитивных качествах Николая II: добросердечность, набожность, преданность семье, культурность, образованность, прямота, лидерские качества. Эмоциональные качества – самоуважение, себялюбие. Поведенческие (волевые) качества «Я-образа» Николая II, как руководителя (правителя) – не властолюбие, отсутствие амбиций, стремление остаться незамеченным [4].

Таблица 1

«Я-образ» мужчины-правителя

«Я-образ»	Императоры Российской Империи			Президент РФ
	Павел I	Александр II	Николай II	Путин В. В.
Когнитивные качества	Образованность, целеустремленность, перфекционизм, честолюбие, педантичность, нонконформизм, лидерские качества	Образованность, стремление к познанию, образованность, практицизм, дипломатичность, лидерство, новаторство	Добросердечность, набожность, преданность семье, культурность, образованность, прямота, лидерские качества	Аккуратность, осознанность, дисциплинированность, скрытность, педантичность, работоспособность, рациональность, хладнокровность образованность, лидерские качества
Эмоциональные качества	Себялюбие, неуверенность, самоуважение	Себялюбие, самоуважение, гордость	Самоуважение, себялюбие	Уважение к собственной личности, себялюбие
Поведенческие (волевые) качества	Стремление к абсолютной беспрекословной власти, стремление к уважению со стороны подданных	Властолюбие, стремление к правлению	Ведомость, отсутствие амбиций, стремление остаться незамеченным	Стремление к завоеванию уважения, стремление к власти

Действующий президент РФ В. В. Путин воспринимается массами как достаточно привлекательная, сильная и активная личность. Характерной чертой президента является согласованность индивидуально-психологических характеристик лидера, ожиданий и установок последователей. Когнитивные черты личности В. В. Путина такие как, аккуратность, осознанность, дисциплинированность, скрытность, педантичность, работоспособность,

рациональность, расчетливость, хладнокровность, образованность, приверженность традициям, лидерские качества, обладание стратегическими и аналитическими способностями. К эмоциональным качествам личности В. В. Путина относятся уважение к собственной личности и себялюбие. Поведенческие (волевые) качества «Я-образа» Президента – стремление к завоеванию уважения, стремление к власти [1].

Основываясь на полученных данных мы, можем провести сравнительный анализ «Я-образа» мужчины – правителя государства XVIII–XXI веков. Можно выявить типические черты характера личности правителя (см. табл. 3).

Далее проведем историографический сравнительный анализ профессиональных «Я-образов» женщин – правительниц государств XIX–XXI веков: английская королева Виктория (годы правления 1837–1901), испанская королева Изабелла II (годы правления 1833–1868), Ольга Константиновна – королева-консорт (1867–1913 гг.) и регент Греции (1920 г.) и Мэри Робинсон – первая женщина Президент Ирландии (см. табл. 2).

Мы можем узнать из исторических источников, что английская королева Виктория имела хорошее здоровье и огромную работоспособность. Ее дни были всегда заполнены делами. Подписывая огромное количество бумаг, она дотошно вникала во все дела и никогда не позволяла принимать важные решения без ее участия. Первый компонент «Я-образа» – когнитивные качества, такие как дисциплинированность, педантичность, требовательность, любознательность, честолюбие, пунктуальность, работоспособность, а также низкий рост, прекрасный голос и хорошее здоровье. Второй – эмоциональный компонент, качества присущие английской королеве Виктории уважение к собственной личности и возможно строгое отношение к себе, связанное с самокритичностью. И наконец, последний компонент – поведенческий (волевой) и его проявление в стремлении к власти, контролю и миссионерству [5].

Следующий правитель – королева Изабелла II Испанская. К ее когнитивным качествам можно отнести: религиозный фанатизм, склонность к интригам, новаторство, хладнокровность, расчетливость, честолюбие, преданность идее, жестокость. Эмоциональные качества – строгость к себе, самолюбие и самоуважение. Поведенческие (волевые) качества «Я-образа» испанской королевы – стремление к власти, матриархальный характер правления, политический фанатизм [3].

Ольга Константиновна – королева-консорт и регент Греции – имела плохие способности к обучению, но всегда была радостна и весела. Ольга была честолюбивая, добросердечная, мягкая, воспитанная, заботливая, невластолюбивая и щедрая. Эмоциональный аспект Королевы – уважение к собственной личности. Последний аспект – поведенческий (волевой) стремление завоевать уважение и образ «матушки-королевы» [2].

В завершение охарактеризуем «Я-образ» женщины-руководителя – Президента Ирландии Мэри Робинсон. Мэри в 1967 году получила степень бакалавра гуманитарных наук и бакалавра права. Изучая данные характеристики мы можем сделать вывод о том, что ее когнитивный аспект «Я-образа» – либеральность, новаторство, решительность, противоречивость, образованность, скрытность, работоспособность. Эмоциональный аспект Мэри Робинсон – себялюбие, самоуважение. И наконец, поведенческий (волевой) аспект представлен такими качествами как стремление к власти, стремление завоевать уважения нации и стремление к продвижению своих идей [9].

Таблица 2

«Я-образ» женщины-правителей

«Я-образ»	Английская королева Виктория	Испанская королева Изабелла II	Королева-консорт и регент Греции Ольга Константиновна	Президент Ирландии Мэри Робинсон
Когнитивные качества	дисциплинированность, педантичность, требовательность, любознательность, честолюбие, пунктуальность, работоспособность, религиозный фанатизм	склонность к интригам, новаторство, хладнокровность, расчетливость, честолюбие, преданность идее, жестокость	добросердечность, мягкость, честолюбие, воспитанность, заботливость, невластность, щедрость.	либеральность, новаторство, решительность, противоречивость, образованность, скрытность, работоспособность
Эмоциональные качества	уважение к собственной личности, строгое отношение к себе, самокритичность	строгость к себе, самолюбие, самоуважение	уважение к собственной личности	себялюбие, самоуважение
Поведенческие (волевые) качества	стремление к власти, контролю и миссионерству.	стремление к власти, матриархальный характер правления, политический фанатизм	стремление завоевать уважение и образ «матушки-королевы».	стремление к власти, к завоеванию уважения нации, к продвижению своих идей

Основываясь на полученных данных мы, можем провести сравнительный анализ «Я-образа» женщины-руководителя на примере правительниц государств XIX–XXI веков (см. табл. 3).

Таблица 3

Общие типические качества «Я-образа» правителей государств XVIII–XX веков

Группы качеств «Я-образа»	Типические качества «Я-образа» мужчины-правителя	Типические качества «Я-образа» женщины-правителя
Когнитивные качества	образованность, лидерские качества	честолюбие, дисциплинированность
Эмоциональные качества	себялюбие, самоуважение	себялюбие, самоуважение
Поведенческие (волевые) качества	стремление к власти (за исключением Николая II)	стремление к власти (за исключением Ольги Константиновны)

Из проведенного нами исследования видно, что правители мужчины и женщины в части эмоциональных и поведенческих (волевых) качеств профессионального «Я-образа» не имеют отличия. Когнитивная сфера личности глав государств – женщин характеризуется высоким уровнем честолюбия и дисциплинированностью, что помогло им занять лидерские позиции в конкурентной борьбе за власть с мужчинами. У мужчин – лидеров государств – преобладают незаурядные лидерские качества и образованность.

Список литературы

1. Зорин, В. А. Роль личностного фактора в становлении президентства в России, Украине и Белоруссии: политико-психологический анализ личностей В. В. Путина, Л. Д. Кучмы и А. Г. Лукашенко : диссер. канд. полит. наук. М., 2003. 165 с.
2. Григорян, В. Г. Русские жены европейских монархов / В. Г. Григорян // Серия: Историческая библиотека: АСТ, 2011. 384 с.
3. Испанские короли» / Под ред. В. Л. Бернекера, К. К. Сейделя, П. Хозера. // Серия «Исторические силуэты. Ростов-на-Дону: «Феникс». 1998. 512 с.
4. Кони, А. Ф. Николай II (Воспоминание) / А. Ф. Кони // Среднерусский вестник общественных наук, № 3 (8) 2008. С. 125–130.
5. Литтон, С. Королева Виктория / С. Литтон. М. : Книжный клуб «КниговеК». 2010. 240 с.
6. Петровский, А. В. Психология и время / А. В. Петровский. СПб.: Питер, 2007. 448 с.
7. Толмачев, Е. П. Александр II и его время. – автореферат диссер. докт. истор. наук в форме науч. докл., М.: 1998. 32 с.
8. Чесноков, К. И. Император Павел I Романов – исторический портрет / К. И. Чесноков // Информа.рус. Режим доступа URL: <https://информа.рус/павел-1/> (дата обращения 19.11.2022 г.)
9. Энциклопедия Кругосвет, Робинсон, Мэри // Универсальная научно-популярная энциклопедия [Электронный ресурс] – Режим доступа URL: https://www.krugosvet.ru/enc/istoriya/ROBINSON_MERI.html (дата обращения 19.11.2022 г.)

УДК 37.015.3
ББК 88.6

Малявина Светлана Сергеевна
кандидат психологических наук, доцент,
доцент кафедры социологии, общей и юридической психологии,
Волгоградский институт управления –
филиал РАНХиГС при Президенте РФ,
Волгоград, Россия

ТРАНЗИТИВНОСТЬ СОВРЕМЕННОГО МИРА: ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ РАКУРС ИССЛЕДОВАНИЯ

Аннотация. В статье представлен анализ существующих в психологии подходов к пониманию сущности транзитивного мира, описаны свойства и ключевые характеристики транзитивного общества. В статье представлен анализ тенденций исследования отдельных психологических и социально-психологических явлений в контексте транзитивности.

Ключевые слова: транзитивность, изменчивость, неопределенность, личность, общество.

Malyavina Svetlana Sergeevna
Candidate of Psychological Sciences, Associate Professor,
Associate Professor of the Department of Sociology, General and Legal Psychology,
Volograd Institute of Management –
branch of RANEPА under the President of the Russian Federation,
Volograd, Russia

TRANSITIVITY OF THE MODERN WORLD: PSYCHOLOGICAL PERSPECTIVE OF THE STUDY

Abstract. The article presents an analysis of existing approaches in psychology to understanding the essence of the transitive world, describes the properties and key characteristics of a transitive society. The article presents an analysis of trends in the study of individual psychological and socio-psychological phenomena in the context of transitivity.

Keywords: transitivity, variability, uncertainty, personality, society.

С конца XX и в начале XXI в. ученые разных гуманитарных наук стали акцентировать внимание общества на новой проблеме: «текущей современности» (З. Бауман), «ускользающем мире» (Э. Гидденс), «обществе риска» (У. Бек), «транзитивности» (Т. Д. Марцинковская), вызовы неопределенности, сложности и разнообразия (А. Г. Асмолов) [4].

Мощные трансформации мира, технологические преобразования реальности существования общества и человека, появление новой цифровой реальности ставят человека в состояние необходимости постоянных изменений. Осознание этой изменчивости мира и человека ставит перед психологией новые задачи, формирует новое проблемное поле. И первый из этих вопросов: что такое транзитивный мир, каковы его особенности и социально-психологические признаки. В современной науке мы находим два основных варианта ответа на этот вопрос.

Сторонники одного из направлений, трактуют транзитивность как переход между различными этапами развития общества, характеризующийся неопределенностью вследствие

совмещения характеристик (норм, правил, закономерностей) предыдущего периода и начала формирования этих характеристик нового, предстоящего этапа. Таким образом, исчезает четкость и однозначность ориентиров, формируются новые культурно-социальные явления, противоречащие или как минимум не соответствующие предыдущим.

Сторонники второго направления также описывают транзитивность как переходный этап развития общества. Но дополняют его такими чертами, как неопределенность, неоднозначность, изменчивость и зачастую отсутствие согласованности между различными социальными процессами. Это приводит к большому количеству альтернатив в социальном поведении, разнообразию форм социальной жизни. Подобный подход представлен в концепциях Е. М. Дубовской, Т. Д. Марцинковской и их коллег [3].

Транзитивные периоды развития общества можно считать особым типом социального, культурного и экономического взаимодействия, так как граница между переходными и стабильными периодами стираются. Изменчивость и неопределенность становятся постоянными чертами общества. В современной науке ведутся поиск ключевых характеристик транзитивного общества.

Как отмечает Т. Д. Марцинковская, понятие «транзитивность» в социальном контексте подразумевает под собой изменчивость, нестабильность, множественность и неоднозначность культурных и социальных явлений. Транзитивное общество характеризуется следующими признаками: расширение пространства социального взаимодействия человека, как на микро-, так и на макроуровне; значимые и существенные социальные изменения; расширение информационного пространства и усиление его роли в жизни общества и отдельного человека; процесс социализации становится непрерывным на протяжении всей жизни; повышение неопределенности в обществе, выражающееся в изменчивости и неоднозначности транслируемых в социуме ценностей, правил, норм и установок [4].

Согласно В. Б. Агранович, для транзитивного общества характерны изменчивость, подвижность и асимметричность социальных процессов, приводящих к разрушению старой системы и формированию основ новой; активное развитие инноваций; необратимый характер происходящих изменений (при возможности точечных временных возвращений к старой системе общий возврат невозможен); плюрализм взглядов, направлений, установок, процессов, приводящий к необходимости со стороны членов общества выбора между существующими ценностными системами; с точки зрения психологии важно отметить, что это приводит к более частым, по сравнению со стабильными периодами, внутриличностным конфликтам и требует более значительного вклада человека для стабилизации своего психического состояния; определенная противоречивость в установках и деятельности человека, следствием которой нередко являются различные непредсказуемые потрясения в социальной и производственной сфере; снижение регуляции своего поведения на основе ценностей и ориентация на востребованность, полезность, потребительское отношение к себе и другим («рыночная ориентация» по Э. Фромму); сложности с идентичностью и самоопределением вследствие изменчивости норм, ценностей и ориентиров, с которыми человек соотносил себя ранее; временный характер данного периода, поскольку он является переходным [4].

По мнению Е. М. Дубовской, для транзитивного мира характерны две ключевые переменные: динамичность, то есть повышение частоты изменений и сокращение периодов стабильности; множественность, проявляющаяся в разнообразии систем ценностей, норм, социальных структур.

Интерес к изучению транзитивности проявляют философы культурологи, социологи, психологи и представители других гуманитарных и общественных наук. В рамках психологии фактически формируется особое новое поле психологических исследований.

Одним из значимых ракурсом изучения транзитивности в психологии стало изучение социализации личности. Как отмечает Е. М. Дубовская, постепенно получает все большее распространение передача социального опыта внутри одного поколения, в то время как ценность «традиционного» варианта передачи опыта от старших поколений младшим, снижается. Усложнение социальных процессов и предметной реальности приводит к усилению разрыва между поколениями, поскольку динамичные изменения быстро приводят к потере актуальности опыта более старших поколений. Наиболее важным становится способность быстро адаптироваться к изменениям, освоение новых знаний и навыков, способность правильно находить и использовать информацию. Меняются не только пути социализации, но и ее общий процесс – он усложняется и становится более продолжительным по времени. Удлинение периода социализации также относится к одной из особенностей транзитивного мира [2].

Особенностью социализации в транзитивном обществе также является то, что социальный опыт представлен в первую очередь не содержанием информации, знаний, навыков, а способом получения этой информации и овладения навыками.

В транзитивном мире изменения характеризуют не только внешний план связей личности и общества, но и внутреннее состояние личности, в частности, как отмечает А. Н. Аянян, субъективное восприятие человеком реальности. В транзитивном обществе человек испытывает чувство противоречивости, новизны, неспособности контролировать ситуации и ход событий, обилие вариантов и возможных решений, повышенный риск. Отсутствие стабильности, неопределенность усложняют процесс формирования идентичности и ее компонентов. Это связано с большим выбором альтернатив, в том числе и для групп идентификации. В этой ситуации возрастает риск неудачной социализации, принятии деструктивных норм и ценностей [1].

С другой стороны, при успешной социализации в условиях транзитивного мира можно предполагать формирование способности человека адаптироваться к изменениям, гибко использовать различные модели поведения в зависимости от требований среды. В то же время, несмотря на гибкость и адаптивность, для устойчивой идентичности личности необходимо поддержание соответствия между транслируемым вовне поведением и внутренним состоянием, и мотивами человека. В условиях транзитивности мира формирование идентичности определяется степенью автономии человека в социальном контексте (способность оставаться независимым от группы, либо подверженностью влиянию группы). Это позволяет утверждать, что в транзитивном обществе идентичность требует и позволяет личности соотносить свое поведение с внутренними факторами и внешней ситуацией.

Исследования направленные на определение особенностей восприятия социального пространства и особенностей идентичности юношей и подростков в условиях транзитивной реальности были проведены Г. Р. Хузеевой. Ею было обнаружено, что в транзитивном обществе у подростков в меньшей степени дифференцирована когнитивная составляющая идентичности. Идентичность подростков также менее устойчива и более противоречива, динамична. При этом, важную роль для идентичности подростка является его включенность в какую-либо социальную группу. Этот результат может объясняться общим негативизмом в восприятии себя подростком, непринятии собственной идентичности, а также активном процессе самопознания через принятие разных ролей и моделей поведения. Для ценностных ориентаций подростков характерна большая противоречивость в сравнении с юношами, особенно в соотношении представления о себе и образе успешного человека.

Основываясь на анализе динамики восприятия социальной действительности подростками, автор отмечает, что представление об образе успешного человека и социальном пространстве стало более положительным, но в то же время значительно увеличилась частота негативных качеств в самоописании. Причины таких результатов могут быть в том, что требования общества увеличиваются, и подросток не может в достаточной степени им соот-

ветствовать. С другой стороны, наличие противоречий в системе ценностей общества создает трудности для формирования устойчивого представления о себе.

По результатам проведенного исследования, Г. Р. Хузеева приходит к выводу, что транзитивность современного мира становится фактором формирования новых ценностей в обществе в целом, большой динамизм возможностей личности в выборе собственной ценностной парадигмы. При этом, подростки и юноши демонстрируют зависимость социальных представлений от ожиданий социума, декларируемых в обществе ценностей, правил и норм. Актуальной ситуацией в обществе также определяются ценности подростков, отношение к себе [5].

В рамках данной статьи мы показали только отдельные направления психологических исследований транзитивности. В целом, количество подобных исследований значительно возрастает, расширяется их проблематика. Исследования транзитивности органично переплетаются с исследованиями современного информационного пространства, в котором существует личность в транзитивном мире.

Трансформации и гибкость общественной системы становятся фактором изменений внутри личности. Это требует от психологов изучения этих изменений, чтобы понимать с каким человеком мы имеем дело в транзитивном мире. Что является для него ценным, какие потребности он стремится удовлетворить, это позволит нам прогнозировать его активность. Но, с другой стороны, внутри гибкой, готовой к существованию в изменяющемся мире личности существует нечто стабильное, что обеспечивает целостность этой гибкой, но устойчивой системы. Задача психологии понять, что обеспечивает устойчивость психики в транзитивном мире.

Одним словом, вопросов больше чем ответов, проблема поколений значительно усложнилась за счет четко фиксируемых психологическими исследованиями изменений, в частности, в мотивации, идентичности и социализации, а также в отношениях между разными поколениями. Но такие изменения, произошедшие в современной ситуации развития общества в эпоху транзитивности, полагают не только объяснение, но и теоретически обоснованное решение проблем поколений, что становится важной задачей современной психологии.

Обобщая все вышесказанное отметим, что транзитивность современного мира создает новые горизонты для психологических исследований. Важно, чтобы в данных исследованиях мы подходили не только с позиции констатации изменений функционирования отдельных психических переменных в условиях транзитивного мира. Для социальных институтов, личности важно понимание того, как выявленные особенности функционирования психики в условиях транзитивной реальности использовать, применять как ресурс развития общества и отдельной личности.

Список литературы

1. Аянян, А. Н. Специфика становления идентичности детей и подростков в ситуации транзитивности / А. Н. Аянян, А. Н. Голубева, Т. Д. Марцинковская, Н. С. Полева // Психологические исследования. 2016. Т. 9. № 50. С. 5.
2. Гусельцева, М. С. Идентичность в транзитивном обществе: трансформация ценностей / М. С. Гусельцева // Психологические исследования. 2017. Т. 10. № 54. С. 5.
3. Дубовская, Е. М. Транзитивность общества как фактор социализации личности [Электронный ресурс] / Е. М. Дубовская // Психологические исследования. 2014. Т. 7. № 36. С. 7.
4. Марцинковская, Т. Д. Эстетическая парадигма в транзитивном мире [Электронный ресурс] / Т. Д. Марцинковская, В. Р. Орестова, 2017. С. 134–143.
5. Хузеева, Г. Р. Социальная идентичность подростков и юношей в условиях транзитивности [Электронный ресурс] / Г. Р. Хузеева // Психологические исследования. 2016. Т. 9. № 46. С. 9.

УДК 159.9
ББК 88.41

Орехво Анастасия Валерьевна
студент группы ПСД-300

Научный руководитель: Чернов Александр Юрьевич
доктор психологических наук, доцент,
профессор кафедры социологии, общей и юридической психологии,
Волгоградский институт управления –
филиал РАНХиГС при Президенте РФ,
Волгоград, Россия

ВЗАИМОСВЯЗЬ ТИПИЧНЫХ ЭМОЦИОНАЛЬНЫХ СОСТОЯНИЙ СО СТРАТЕГИЯМИ САМОРЕГУЛЯЦИИ ЛИЧНОСТИ

Аннотация. Целью работы является дать краткий обзор эмоционально-волевой сферы личности в феноменальном проявлении – проанализировать в виде типичных эмоциональных состояний, выяснить, что может быть понято в качестве этих состояний, и стратегий саморегуляции, а также проследить взаимосвязь двух феноменов друг с другом. Выдвигается следующая гипотеза исследования: существует значимая корреляционная связь между типичным эмоциональным состоянием человека и выбранной стратегией саморегуляции – т.е. зависимости от эмоционального состояния, люди используют различные виды стратегий саморегуляции. В качестве переменных, позволяющих определить особенности стратегий саморегуляции, были выбраны: виды стратегий когнитивно-эмоционального копинга, показатели индивидуальной саморегуляции личности и показатели развития регуляторно-личностных свойств. В качестве методов измерения проявленности названных характеристик были использованы следующие методики: Диагностика доминирующего состояния (краткий вариант) ДС-6; Опросник «Стиль саморегуляции поведения» (ССПМ) 1988 г., В. И. Моросановой; Опросник «Когнитивная регуляция эмоций» Н. Гарнефски и В. Крайга. Выборку респондентов составило общее количество лиц, принявших участие в эмпирическом исследовании – 35 человек. Исследование проводилось посредством онлайн-анкетирования. В эмпирическом исследовании было установлено, что стратегии саморегуляции и показатели ее индивидуальной развитости имеют достаточную (умеренно) значимую корреляцию со шкалами, характеризующие доминирующее психическое состояние определенного знакового полюса. Были установлены два направления этой взаимосвязи: обратная взаимосвязь и прямая взаимосвязь.
Ключевые слова: саморегуляция, психическое состояние, эмоциональное состояние, стратегии саморегуляции, копинг, когнитивная регуляция эмоций.

Orekhovo Anastasia Valeryevna
student of the PSD-300 group

Scientific supervisor: Chernov Alexander Yurievich
Doctor of Psychological Sciences, Associate Professor,
Professor of the Department of Sociology, General and Legal Psychology,
Volgograd Institute of Management –
branch of RANEPА under the President of the Russian Federation,
Volgograd, Russia

THE RELATIONSHIP OF TYPICAL EMOTIONAL STATES WITH STRATEGIES FOR SELF-REGULATION OF PERSONALITY

Abstract. The purpose of the work is to give a brief overview of the emotional-volitional sphere of personality in a phenomenal manifestation – to analyze in the form of typical emotional states, to

find out what can be understood as these states, and self-regulation strategies, as well as to trace the relationship of the two phenomena with each other. The following research hypothesis is put forward: there is a significant correlation between a typical emotional state of a person and the chosen self-regulation strategy - i.e., depending on the emotional state, people use different types of self-regulation strategies. The following types of cognitive-emotional coping strategies, indicators of individual self-regulation of personality and indicators of the development of regulatory and personal properties were selected as variables that allow determining the features of self-regulation strategies. The following methods were used as methods for measuring the manifestation of these characteristics: Diagnosis of the dominant state (short version) DS-6; Questionnaire «Style of self-regulation of behavior» (SSPM) 1988, V. I. Morosanova; Questionnaire «Cognitive regulation of emotions» by N. Garnefsky and V. Kraiga. The sample of respondents was the total number of persons who took part in the empirical study – 35 people. The study was conducted through an online questionnaire. In an empirical study, it was found that self-regulation strategies and indicators of its individual development have a sufficient (moderately) significant correlation with scales characterizing the dominant mental state of a certain sign pole. Two directions of this relationship have been established: the inverse relationship and the direct relationship.

Keywords: self-regulation, mental state, emotional state, self-regulation strategies, coping, cognitive regulation of emotions.

Проблема саморегуляции тесно связывается с известной проблемой адаптации личности – как регулирования психического функционального состояния в условиях транзитивности, основными характеристиками которой выступают постоянная изменчивость окружающего мира и увеличение напряженности жизненной среды современного человека: образовательной, информационной. Современной наукой обозначено, что эмоциональное состояние и волевые характеристики выступают фоном реализации психических процессов. Общее психическое состояние личности и включенный эмоциональный фон влияет на динамику деятельности психики человека и выполняемую деятельность. В отечественной психологии изучением проблемы психических состояний занимались А. О. Прохоров, Н. Д. Левитов, В. А. Ганзен, Ю. Е. Сосновикова, Е. П. Ильин и др.; проблему саморегуляции также рассматривали Прохоров А. О и ряд исследователей: Моросанова В. И., О. А. Конопкин, Г. С. Прыгин, Г. С. Никифоров, С. М. Шингаев и др.

Актуальность исследования заключается в анализе выбора личностью связанных стратегий от типичного эмоционального состояния, что позволит прогнозировать эффективность используемой стратегии в жизнедеятельности человека. Во многих подходах эмоциональность и психическое состояние были тождественны, слитны в понимании. Однако в современной науке эмоциональность является компонентом общего психического состояния, которое включает в себя психические процессы и свойства, мотивационную и эмоционально-волевыми сферы психики. Многими исследователями (прим. Ю. Е. Сосновикова, В. А. Ганзен и др.) стандартно используется определение психического состояния, данное Н. Д. Левитовым в его работе 1964 года [7]: «конкретно временная характеристика деятельности психики, отображающая специфику протекания психических процессов в зависимости также от свойств личности». Целостная характеристика психического состояния выражается в ее функциональном значении интеграции психических процессов (когнитивных, эмоциональных) в систему для адекватного ситуативного реагирования – через содержание психического состояния определяется отношение субъекта к ситуации. Изменение условий ситуации, имеющих значимый смысловой характер приводит к закономерному изменению психического состояния (по модели детерминации Прохорова «ситуация – смысл – состояние») [11]. Свой-

ства личности выражаются в типичных психологических состояниях человека согласно тезису А. Г. Ковалева: «в типичных для человека состояниях находят свое выражение психические свойства личности» [5]. Закрепившись, эмоциональное состояние, (преимущественно это относимо к состояниям с отрицательным эмоциональным полюсом) становится устойчивым образованием (к примеру, устойчивая тревога переходит в личностное свойство тревожности). Психические состояния и их определенность во времени, имеют структурно-функциональное значение:

1) в момент времени, связанный с ситуацией, обуславливают адекватное реагирование на ситуацию, выступая реакцией (чувство в форме непосредственного переживания как выражение отношения к среде), и связующим фактором между психическими процессами и свойствами личности;

2) в момент времени, связанный с деятельностью и социальной функцией, обуславливают закрепление психологической структуры личности (через повторение психических состояний), способов саморегуляции и самоорганизации;

3) в длительный момент времени, связанного с образом жизни человека – перманентные психические состояния, которые обуславливают регуляцию психических процессов (их динамику – повышение, понижение; изменение психического тонуса) и проявления свойств, отражают акцентуации характера, организацию поведения и пр.

О таком влиянии отрицательных эмоциональных состояний на формирование личностных черт указывали А. О. Прохоров [10], Е. П. Ильин [4] и др. Изучение волевой сферы и саморегуляции человека преимущественно также изучалось в рамках субъектно-деятельностного подхода. В науке существует достаточно большое количество определений саморегуляции, общим для всех определений является идея о сознательной направленности на психические функции и состояния, и использование для этого психических средств, индивидуальных особенностей (личностных и когнитивных) в самоорганизации своей деятельности. В отечественной науке особо популярна концепция осознанной психической саморегуляции произвольной деятельности под авторством А. К. Осницкого, В. И. Моросановой, О. А. Конопкина и др. [12]. Психически регулятивная система представлена подсистемами [16]:

1) механизмами психологической защиты, которые носят неосознаваемый характер и направлены на минимизацию тревожного напряжения и стабилизацию общего психического состояния от нежелательных переживаний;

2) потенциально осознаваемыми защитными стратегиями совладания (копинг-стратегии);

3) осознанной саморегуляцией, которая, по мнению автора [28], является «высшим уровнем регуляции поведенческой активности».

Концепции исследования стратегий саморегуляции ссылаются, в большинстве, на понимание копинг-стратегий. Само понятие копинга наиболее популярно относится к имени зарубежного исследователя Р. Лазаруса в связи с его когнитивно-мотивационной концепцией совладания [15]. Автор раскрывает суть развития идеи копинга через механизмы подавления стресса в напряженных ситуациях. В их основе лежит положение о когнитивной модели оценивания эмоционально значимого стимула. Наряду ряд авторов концентрируются непосредственно на саморегуляции эмоциональности: под эмоциональной регуляцией понимается комплекс психических процессов или механизмов, ослабляющих или стабилизирующих на одном уровне эмоциональные реакции. Теоретически некоторые исследователи разграничивают процессы регуляции эмоций и регуляции эмоционального поведения – во втором случае делается акцент на исследовании роли эмоций и эмоционального состояния в деятельности и

достижении целей [13]. В современной науке существует множество теоретических моделей: так, например, зарубежный психолог Сандер Кул [6] предлагает классификацию эмоциональной регуляции с учетом ее целей (внимание в отношении эмоциональных функций) и функций (деятельность, удовлетворение потребности, стабилизация личности), обобщая это под понятием «когнитивно-эмоционального копинга». Зарубежные исследователи Н. Гарнефски и В. Крайг [14], [3] также следуют традиции когнитивной модели эмоциональной саморегуляции. Авторы выделяют 9 основных стратегий когнитивной регуляции эмоций: 1) Самообвинение; 2) Обвинение других; 3) Сосредоточение (руминация); 4) Катастрофизация; 5) Помещение в перспективу; 6) Положительная перефокусировка; 7) Позитивная переоценка; 8) Принятие; 9) Перефокусировка на планирование.

Еще одну модель стратегий регуляции эмоций предложили зарубежные авторы О. Джон и Дж. Гросс [13] с рассмотрением фактора временного развертывания процесса, выделяя предшествующие реакции стратегии (до момента возникновения эмоциональной реакции, они активизируются с целью не допустить возникновения негативного переживания) и фокусированные на реакции стратегии регуляции (в процессе эмоциональной реакции с целью полностью ее изменить):

1) предшествующие реакции стратегии: выбор ситуации (регуляция эмоционального состояния в зависимости от выбора включения в одни типы ситуаций и избегания других), модификация ситуации (изменение обстоятельств ситуации), распределение внимания (выбор избирательного реагирования на аспекты ситуации или игнорирования), когнитивная переоценка.

2) фокусированные на реакции стратегии, направленные на изменение эмоциональной реакции (на ее ослабление, например, релаксация, активная экспрессия или ее подавление). Стратегии эти ситуативно зависимы: например, экспрессивное поведение может не понижать, а повышать интенсивность переживаемой эмоциональной реакции [13], а подавление может привести к избегающему типу поведения в связи с потерей переживания соответствия переживаний и внешнего проявления (не аутентичность). Авторы соответственно характеризуют дисфункциональные по совладающему потенциалу стратегии регуляции эмоционального состояния, которые могут продуцировать за собой эмоциональные расстройства и привести к личностной дезадаптации: избегающее поведение (ситуативное или же социальное), отвлечение/диссоциация, концентрация на негативном аффекте в виде навязчивых размышлений, рационализация, подавление, эмоциональная экспрессия в виде снижения эмоционального самконтроля, использование «ритуалов/талисманов» (средства или объекты редукции – еда, мобильный телефон и пр).

Обобщая анализируемый материал, можно сделать предположение о взаимовлияющей связи типичного эмоционального состояния со стратегиями саморегуляции: типичное, доминирующее эмоциональное состояние определенной модальности обуславливает выбор стратегий саморегуляции (включая аспект эмоциональной регуляции – как регуляции эмоциональности и эмоционального поведения), а в свою очередь выбранная стратегия саморегуляции (преимущественно речь об регуляции эмоциональности) может способствовать закреплению психоэмоционального состояния: например, изменение отношения субъекта к ситуации приводит к изменению модального знака состояния, а отрицательные состояния становятся причиной рефлексивных процессов. Соответственно, цель эмпирического исследования в данной работе – проследить эту связь. Гипотезой исследования является предположение о том, что существует значимая корреляционная связь между типичным эмоциональным состоянием человека и его стратегией саморегуляции. Для измерения переменных, относящихся к характеристикам типичного эмоционального состояния, были выбраны признаки,

характеризующих психическое состояние и соответствующее ему поведение. Этот выбор обусловлен результатами теоретического анализа. В качестве методов измерения проявленности названных характеристик были использованы следующие методики:

Диагностика доминирующего состояния (краткий вариант) ДС-6. Методика позволяет определить характеристики психологических уровней доминирующего психического состояния личности. Сокращенный вариант методики состоит из 42 вопросов и 6 шкал. В качестве переменных, позволяющих определить особенности стратегий саморегуляции, были выбраны: виды стратегий когнитивно-эмоционального копинга, показатели индивидуальной саморегуляции личности и показатели развития регуляторно-личностных свойств.

В качестве методик для измерения выбранных переменных использовались:

- Опросник «Стиль саморегуляции поведения» (ССПМ) 1988 г., В. И. Моросановой.
- Опросник «Когнитивная регуляция эмоций» Н. Гарнефски и В. Крайга.

Выборку респондентов составило общее количество лиц, принявших участие в эмпирическом исследовании – 35 человек. Возраст респондентов – 18–23 лет. Исследование проводилось посредством онлайн-анкетирования. Методом обработки результатов являлся корреляционный анализ с применением коэффициента корреляции Пирсона.

Результаты: в эмпирическом исследовании было установлено, что стратегии саморегуляции и показатели ее индивидуальной развитости имеют достаточную (умеренно) значимую корреляцию со шкалами, характеризующие доминирующее психическое состояние определенного знакового полюса. Были установлены два направления этой взаимосвязи (обратная взаимосвязь) и (прямая взаимосвязь).

На основе результатов эмпирического исследования были сделаны следующие **выводы:** испытуемым с преобладающим оптимистическим фоном и эмоциональным состоянием положительного знака несвойственен выбор неадаптивных стратегий саморегуляции; испытуемым с пессимистическим фоном и эмоциональным состоянием пониженного тонуса в большей степени характерен выбор адаптивных стратегий, направленных на формирование положительного мышления и повышения общего психоэмоционального состояния, его стабилизацию и достижения возможного компенсаторного эффекта. Таким образом, эмпирическим исследованием было показано, что, в зависимости от психоэмоционального состояния человеку свойственен выбор различных стратегий когнитивно-эмоциональной саморегуляции.

Список литературы

1. Банщикова, Т. Н., Фомина, Е. А., Соломонов, В. А., Моросанова, В. И.; под общ. ред. В. И. Моросановой. Осознанная саморегуляция в управлении агрессией: монография. СПб.: Нестор-История, 2018. 296 с.
2. Гарбер, А. Н. Совладающее поведение: аналитический обзор зарубежных исследований // Актуальные вопросы современной психологии: материалы III Междунар. науч. конф. Челябинск: Два комсомольца, 2015. С. 17–19.
3. Garnefski, N. The Cognitive Emotion Regulation Questionnaire: Psychometric features and prospective relationships with depression and anxiety in adults / N. Garnefski, V. Kraaij // European J. of Psychological Assessment. 2007. № 23. P. 141–149.
4. Ильин, Е. П. (2005) Психофизиология состояний человека. СПб.: Питер, 411 с.
5. Ковалев, А. Г. Психология личности. М., 1965.
6. Климанова, С., Трусова, А. (2019). Методы оценки эмоциональной регуляции. // Психология. Психофизиология. Т. 10. № 1. С. 35–45.
7. Левитов, Н. Д. О психических состояниях человека. М., 1964.

8. Моросанова, В. И., Бондаренко, И. Н. Диагностика саморегуляции человека. М.: Когито-Центр, 2015. 304 с. (Университетское психологическое образование).
9. Прохоров, А. О. Методики диагностики и измерения психических состояний личности: учебное пособие / А. О. Прохоров; сост. А. О. Прохоров. Москва: ПЕР СЭ, 2004. 176 с.
10. Прохоров, А. О., Валиуллина, М. Е., Габдреева Г. Ш., Гарифуллина М. М., Менделевич В. Д. Психология состояний: учебное пособие / Под ред. А. О. Прохорова. М.: Изд-во «Когито-Центр», 2011. 624 с.
11. Прохоров, А. О., Гильфанов Р. И. Переживания и отношения в структуре смысловой детерминации психических состояний // Ученые записки Казан. гос. ун-та. Сер. Гуманит. науки 2007. Т. 149, кн. 1.
12. Прыгин, Г. С. Психология самостоятельности: Монография. Ижевск, Набережные Челны: Изд-во Института управления, 2009. 408 с.
13. Падун, М. А. Регуляция эмоций: процесс, формы, механизмы // Психологический журнал. 2010. Т. 31. № 6. С. 57–69.
14. Писарева, О. Л., Гриценко, А. Когнитивная регуляция эмоций. Актуальные психологические исследования, 2010.
15. Сергиенко, Е. А. Контроль поведения как основа саморегуляции // Южно-российский журнал социальных наук. 2018. Т. 19. № 4. С. 130–146.
16. Шингаев, С. М., Никифоров, Г. С. Виды психической саморегуляции // Вестник ЛГУ имени А. С. Пушкина. № 1. Т. 5. Психология. 2014. С. 92–101.

УДК 159.9.075
ББК 88.5

Орлова Юлия Евгеньевна
магистрант группы МПС-200,
Научный руководитель: Терелянская Ирина Васильевна,
кандидат психологических наук,
доцент кафедры социологии, общей и юридической психологии,
Волгоградский институт управления –
филиал РАНХиГС при Президенте РФ,
Волгоград, Россия

ТИП ПРИВЯЗАННОСТИ К РОДИТЕЛЯМ КАК ФАКТОР ФОРМИРОВАНИЯ ИНТИМНО-ЛИЧНОСТНЫХ ОТНОШЕНИЙ В ЮНОШЕСКОМ ВОЗРАСТЕ. РЕЗУЛЬТАТЫ ЭМПИРИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Аннотация. В данной статье рассматриваются результаты эмпирического исследования влияния типа привязанности к родителям на формирование интимно-личностных отношений в юношеском возрасте. Методом дисперсионного анализа и Критерия Крускала-Уоллиса.
Ключевые слова: юношеский возраст, тип привязанности, интимно-личностные отношения.

Orlova Yulia Evgenievna
is a master's student of the MPS-200 group,
Scientific supervisor: Terelyanskaya Irina Vasilyevna,
Candidate of Psychological Sciences,
Associate Professor of the Department of Sociology, General and Legal Psychology,
Volgograd Institute of Management –
branch of RANEPA under the President of the Russian Federation,
Volgograd, Russia

TYPE OF ATTACHMENT AS A FACTOR OF INTIMATE-PERSONAL RELATIONS IN ADOLESCENCE. RESULTS OF EMPIRICAL RESEARCH

Abstract. This paper examines the results of empirical research into the influence of parental attachment type on the formation of intimate-personal relationships in adolescence. The study is conducted by means of analysis of variance and Kruskal-Wallis's test.
Keywords: adolescence, attachment type, intimate personal relationships.

Человек, являющийся социально-биологическим существом и субъектом общественно-исторической деятельности и общения [4], в процессе онтогенеза достигает этапа поздней юности (18–25 лет) [3]. Для юношеского возраста характерны определенные виды ведущей деятельности: профессиональная, трудовая и построение интимно-личностных отношений. [2]. Данная статья посвящена анализу эмпирического исследования интимно-личностных отношений с противоположным полом в юношеском возрасте. За основу были взяты: «Триангулярная» теория любви Р. Стернберга, который рассматривает любовь как составляющая из трех основных компонентов и теория привязанности Дж Боулби. Для более глубокого исследования межличностных отношения юношей и девушек дополнительно исследовались: уровень макиавеллизма, как способа коммуникации, и уровень одиночества, так как в юноше-

ском возрасте впервые ярко встают экзистенциальные вопросы перед индивидом. Предшествующий возрастной этап является подростковый, в которых опыт близких отношений был только с родителями, можно сформировать следующую гипотезу: фактором формирования интимно-личностных отношений в юношеском возрасте является тип привязанности к родителям.

Теория привязанности Джон Боулби описывает четыре типа привязанности: надежный, тревожно-устойчивый, тревожно-избегающий и дезориентированный. Подробное изучение типов привязанности раскрыло свойственные закономерности поведения индивида с тем или иным сформировавшимся типом привязанности к родителям [1]. Сама привязанность к матери (значимого взрослого) – является сложным процессом, который начинается, возможно еще до рождения ребенка или даже до зачатия, продолжается во время и после родов и длится вплоть до старости. Что является весомым основанием считать, что ответственность за воспитание детей родителями влияет на последующий выбор партнера индивидом и особенностями построения интимно-личностных отношений с ним, в том числе в юношеском возрасте.

При рассмотрении самого юношеского возраста, также его отличительной особенностью является то, что сам индивид впервые самостоятельно пробует строить свою жизнь и принимать решения, без родительской опеки. Процесс сепарации уже завершен, и с помощью уже имеющихся навыков межличностной коммуникации, в том числе и в интимных отношениях, налаживает свою социальную, профессиональную и личную сферы жизни. Трехкомпонентная теория Стренберга подробно описывает восемь видов любви: близость, страстная любовь, формальная любовь, романтическая любовь, дружеская любовь, роковая любовь, совершенная любовь и отсутствие любви. (рис.1)

Нами было проведено исследование, направленное на изучения предпочитаемого вида любви у юношей и девушек, фактором формирования которого стал тип привязанности к родителям. Выборку составили 64 человека (44 девушки и 22 юноша) в возрасте от 18 до 25 лет. Метод исследования: шкалы любви Стренберга, тест «Тип привязанности» Крис Фрэйли, шкала субъективного переживания одиночества С. В. Духновский и шкала макиавеллизма Ричард Кристи и Флоренс Гейс. Полученные данные были обработаны с помощью SPSS 23.0 (использовались критерий Крускала-Уоллиса и дисперсионный однофакторный анализ).

Рис. 1. Трехкомпонентная теория любви Р. Стренберга

Результаты проведенного исследования, направленное на изучение типа привязанности как фактора формирования интимно-личностных отношений и как следствие выбора предпочитаемого вида любви по теории Стренберга : симпатия ($r=0,007 < 0,01$), страстная любовь ($r=0,020 < 0,05$), Формальная любовь ($r=0,129 > 0,05$), Романтическая любовь ($r=0,005 < 0,01$), Роковая любовь ($r=0,038 < 0,05$), Дружеская любовь ($r=0,027 < 0,05$), совершенная любовь или отсутствие любви ($r=0,017 < 0,05$). Исходя из полученных данных, можно сделать вывод, что тип привязанности является фактором формирования интимно-личностных отношений для всех видов любви, кроме «формальной». Это говорит о том, что вид формальной любви не является предпочитаемым в юношеском возрасте. Тип привязанности не влияет на этот выбор, что логично, так как данный вид любви чаще проявляется в зрелом возрасте у супружеских пар, в которых по темпоральным причинам страсть и близость угасают, а отношения имеют содержание обязательств и уважение друг перед другом. Также результаты показывают, что у юношей и девушек тип привязанности является фактором формирования романтических отношений более значительно, чем остальные виды любви.

При исследовании уровня субъективного переживания одиночества и как тип привязанности влияет на его уровень ($r=0,098 > 0,05$), мы выяснили, что тип привязанности никак не влияет на данный параметр. Следовательно, субъективное переживание одиночества в юношеском возрасте формируется под другими факторами.

Полученные данные при исследовании типа привязанности как фактора формирования уровня макиавеллизма ($r=0,006 < 0,05$) говорят о том, что тип привязанности влияет на уровень макиавеллизма в юношеском возрасте. Низкий уровень макиавеллизма имеет надежный тип привязанности к родителям, самый высокий уровень макиавеллизма у юношей и девушек с тревожно-избегающим типом привязанности. Тревожно-устойчивый и дезориентированный типы привязанности имеют уровень макиавеллизма выше среднего. Следовательно, теплые взаимоотношения с родителями формируют у детей доверительные отношения, где нет необходимости манипулировать. И наоборот, при дезориентированном типе привязанности (ненадежный тип привязанности), дети в последствии коммуницируют с партнёрами, в том числе в интимно-личностных отношениях, прибегая к манипуляциям и стратегиям.

Исходя из проделанной работы, можно сделать вывод, что после сепарации с родителями и выхода молодых людей в самостоятельную жизнь, опыт близких отношений с родителями имеет влияние на формирование интимно-личностных отношений с противоположным полом в юношеском возрасте.

Список литературы

1. Бриш, К. Х. Терапия нарушения привязанности. От теории к практике [текст] / К. Х. Бриш; перевод О. Ю. Попова.: Издательство: Когито-Центр, 2014. 208–254 с.
2. Ильченко, В. В., Санакоева, Ф. Г. Психологические особенности романтических отношений у юношей и девушек // Russian Journal of Education and Psychology. 2017. № 6–2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/psihologicheskie-osobennosti-romanticheskikh-otnosheniy-u-yunoshey-i-devushek> (дата обращения: 30.10.2022).
3. Лебедева, А. А., Василенко, В. Е. Психологическое время и саморегуляция поведения личности в разные периоды взрослости // Научный журнал «Научные исследования выпускников факультета психологии СПбГУ», 2015, № 3. С. 83–91. 29. № 4. С. 50–62.
4. Шарова, Н. В. Общая психология: Психология личности / Н. В. Шарова; Ярославский государственный педагогический университет имени К. Д. Ушинского. Ярославль : Изд-во ЯГПУ, 2007. 79 с.

УДК 159.9
ББК 88.5

Пекельман Александра Игоревна
магистрант группы МПС-200,
Научный руководитель: Забродина Татьяна Игоревна
кандидат педагогических наук, доцент,
доцент кафедры социологии, общей и юридической психологии,
Волгоградский институт управления –
филиал РАНХиГС при Президенте РФ,
Волгоград, Россия

ЛИЧНОСТНЫЕ И СИТУАЦИОННЫЕ ДЕТЕРМИНАНТЫ АЛЬТРУИЗМА ПРАВОСЛАВНОЙ И АТЕИСТИЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ

Аннотация. Альтруизм является одним из важнейших феноменов в жизни личности, проявляясь в межличностных отношениях, в формах помощи нуждающимся, благотворительной, волонтерской деятельности, оказывая влияние на построение моральных и нравственных основ существования человечества, поэтому исследование различных аспектов детерминирования альтруизма является одной из актуальных проблем современных исследований.

Целью нашего исследования являлось выявление особенностей личностных и ситуационных детерминант верующей православной и атеистической молодежи. В рамках основной гипотезы было выдвинуто предположение о том, что альтруизм верующей православной молодежи отличается от альтруизма атеистической молодежи. Дополнительные гипотезы заключаются в том, что мы предположили, что 1) существуют различия в значимости ценностных ориентаций, связанных с альтруизмом, между верующей православной и атеистической молодежью; 2) ситуационной детерминантой, влияющей на проявление альтруизма у верующей православной молодежи, является потребность в помощи; 3) ситуационной детерминантой, влияющей на проявление альтруизма у атеистической молодежи, является отсутствие личностного риска. Выборку составили 57 испытуемых, юношей и девушек в возрасте от 18 до 30 лет, среди них 29 православных верующих и 28 атеистов. Мы применили следующие психологические методики: шкалу «Диагностика социально-психологической установки “альтруизм-эгоизм”» О. Ф. Потемкиной; методику измерения ценностных ориентаций Ш. Шварца в русскоязычной адаптации; методику «Альтруистические сценарии» М. А. Недошивиной; шкалу альтруистического инвестирования опросника нетворкинг-стратегий личности А. Л. Свенцицкого, Л. Г. Почебут, Т. В. Казанцевой, Л. В. Марарица совместно со сокращенной шкалой социальной желательности Марлоу-Крауна в адаптации Ю. Л. Ханина. Таким образом, можно сделать вывод о том, что основная гипотеза нашего исследования и дополнительная гипотеза № 1 подтвердились частично, а дополнительные гипотезы № 2 и № 3 не подтвердились.

Ключевые слова: альтруизм, вера, атеизм, религия, личностные детерминанты, ситуационные детерминанты, период юности и период молодости.

Perelman Alexandra Igorevna

is a master's student of the MPS-200 group,

Scientific supervisor: Zabrodina Tatiana Igorevna

Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor,

Associate Professor of the Department of Sociology,

General and Legal Psychology,

Volgograd Institute of Management –

branch of RANEPa under the President of the Russian Federation,

Volgograd, Russia

PERSONAL AND SITUATIONAL DETERMINANTS OF ALTRUISM IN ORTHODOX AND ATHEIST YOUTH

Abstract. Altruism is one of the most important phenomena in the life of an individual, manifesting itself in interpersonal relationships, in forms of assistance to the needy, charity, volunteer activity, influencing the construction of moral and ethical foundations of human existence, so the study of various aspects of altruism determination is one of the relevant problems of modern research. The aim of our study was to identify the features of personal and situational determinants of believing orthodox and atheist youth. The main hypothesis was the assumption that altruism of believing orthodox youth differs from altruism of atheistic youth. Additional hypotheses are that we assumed that 1) there are differences in the significance of value orientations related to altruism between believing orthodox and atheistic youth; 2) the situational determinant influencing the manifestation of altruism in believing orthodox youth is the need for help; 3) the situational determinant influencing the manifestation of altruism in atheistic youth is the lack of personal risk. The sample consisted of 57 subjects, young men and women between 18 and 30 years old, including 29 orthodox believers and 28 atheists. We used the following psychological methods: scale «Diagnostics of socio-psychological attitude «altruism-egoism» by O. F. Potemkina; method of measurement of value orientations by Sh. Schwartz in russian adaptation; method «Altruistic scenarios» by M. A. Nedoshivina; the altruistic investment scale of A. L. Sentsitsky, L. G. Pochebut, T. V. Kazantseva, L. V. Mararits together with the reduced Marlow-Crown social desirability scale in adaptation by Y. L. Khanin. Thus, we can conclude that the main hypothesis of our study and additional hypothesis № 1 were partially confirmed, while additional hypotheses № 2 and № 3 were not confirmed.

Keywords: altruism, faith, atheism, religion, personal determinants, situational determinants, period of adolescence and period of youth.

Альтруизм – это сложное и многогранное явление. Альтруистическое поведение личности проявляется в различных формах: волонтерская деятельность, помощь ближнему в трудные моменты, в особенности, в чрезвычайных ситуациях (при террористических актах, войнах, пожарах, нападении бандитов и т.д.), участие в благотворительности и т.д. Без помощи извне многие не выжили бы, а моральная и нравственная сферы общества перестали бы существовать. Поэтому актуальным для науки, в том числе и для психологии, становится изучение феномена альтруизма, его личностных и ситуационных детерминант, определяющих поведение человека. Необходимо подчеркнуть, что большое значение имеет исследование данного явления именно среди молодежи, так как люди юношеского и молодого возраста во многом определяют то, каким будет наше общество, наша страна в будущем.

Целью проведенного исследования являлось выявление особенностей личностных и ситуационных детерминант верующей православной и атеистической молодежи.

Перед началом исследования были выдвинуты следующие гипотезы.

Основная гипотеза, которая заключается в том, что мы предполагали, что существуют различия между альтруизмом атеистической и верующей православной молодежи.

Также были выдвинуты дополнительные гипотезы: 1) для верующей православной молодежи проявление альтруизма характеризуется наличием такой ситуационной детерминанты, как потребность в помощи; 2) для атеистической молодежи проявление альтруизма характеризуется наличием такой ситуационной детерминанты, как отсутствие личностного риска; 3) между верующей православной и атеистической молодежью существуют различия в значимости ценностных ориентаций, связанных с альтруистическим поведением.

В исследовании приняли участие 64 человека. Результаты 7 респондентов превысили показатели нормы по шкале лжи, то есть по сокращенной шкале социальной желательности Марлоу-Крауна в адаптации Ю. Л. Ханина, поэтому данные только 57 испытуемых были приняты для дальнейшего анализа. Среди респондентов оказалось 29 православных верующих и 28 атеистов.

В нашей работе были применены следующие методы психологического исследования, основанные на классификации Б. Г. Ананьева:

1. Организационные методы: сравнительный метод.
2. Эмпирические методы: анкета и стандартизованные тесты.
3. Методы обработки данных: количественный (математико-статистический) метод.
4. Интерпретационные методы: структурный метод [1].

Для проверки выдвинутых в исследовании гипотез мы применили следующие психологические методики:

1. Шкалу альтруистического инвестирования опросника нетворкинг-стратегий личности А. Л. Свенцицкого, Л. Г. Почебут, Т. В. Казанцевой, Л. В. Марарица совместно с сокращенной шкалой социальной желательности Марлоу-Крауна в адаптации Ю. Л. Ханина [3].

2. Шкалу «Диагностика социально-психологической установки “альтруизм-эгоизм”» О. Ф. Потемкиной [2].

3. Методику «Альтруистические сценарии» М. А. Недошивиной [4].

4. Методику измерения ценностных ориентаций Ш. Шварца в русскоязычной адаптации [5].

5. Анкету, где испытуемым необходимо было указать свой возраст, пол, веру, в которой они крещены (либо указать, что они не крещены), верят ли они или нет.

По итогам анализа показателей, полученных по методике «Альтруистические сценарии» М. А. Недошивиной, результаты распределились следующим образом (рис. 1–6).

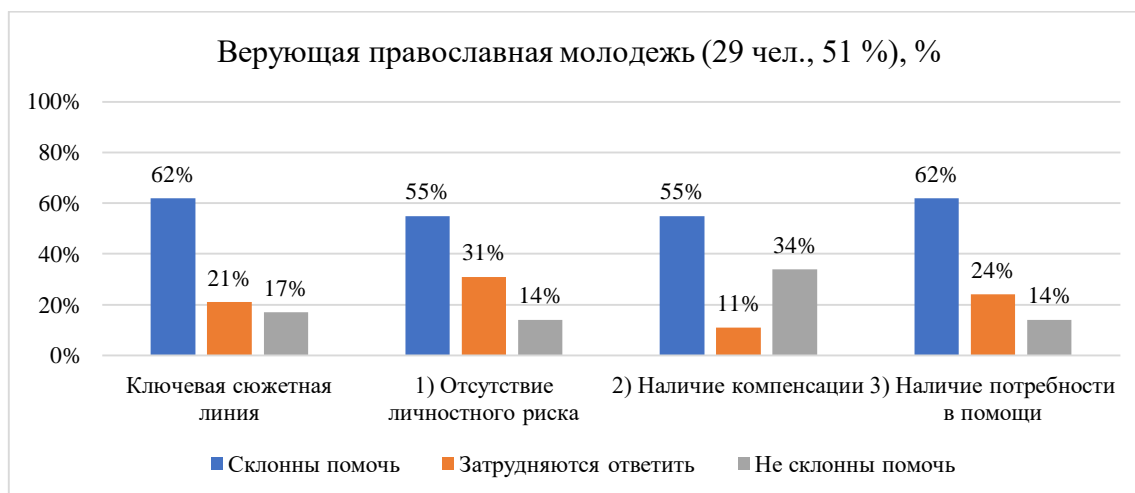

Рис. 1. Показатели, полученные по 1 ситуации среди верующей православной молодежи

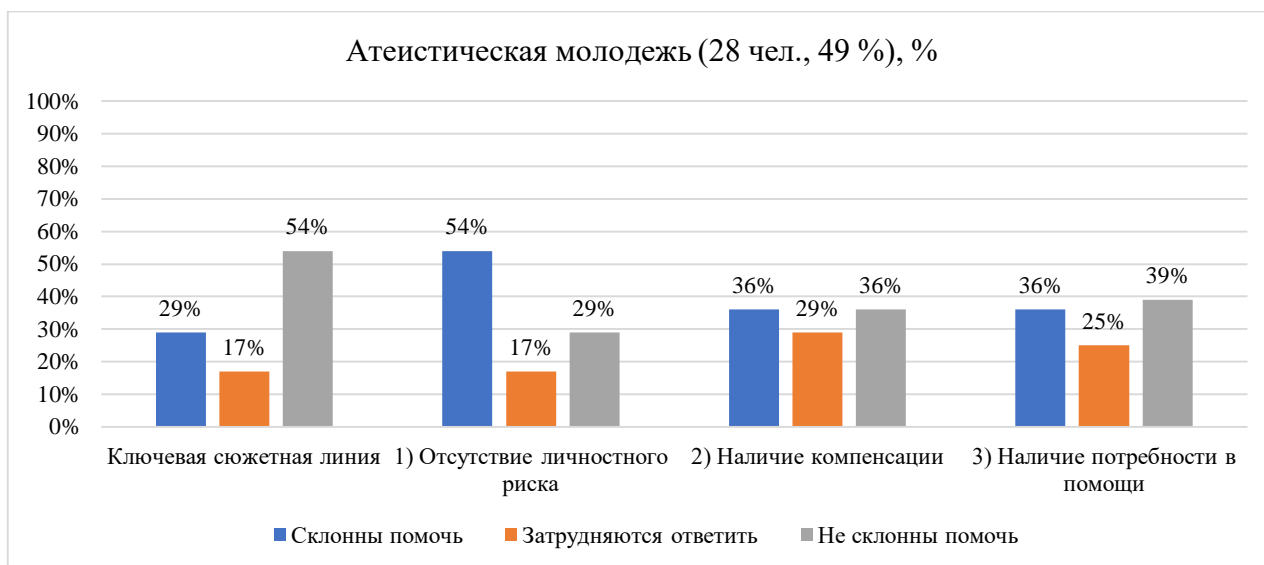

Рис. 2. Показатели, полученные по 1 ситуации среди атеистической молодежи

На основании данных, представленных на рисунках 1 и 2, мы видим, что в ситуации необходимости оказать помощь пожилым людям в доме престарелых в Волгоградской области верующая православная молодежь более склонна помочь при любых условиях, чем атеистическая молодежь. При этом у верующих наиболее выражена такая ситуационная детерминанта, как наличие потребности в помощи, а у атеистов – отсутствие личного риска.

На основании данных, представленных на рисунках 3 и 4, мы видим, что в ситуации необходимости оказать помощь щенкам и детенышам животных, занесенных в Красную книгу, пострадавших от паводков на Дальнем Востоке, верующая православная молодежь готова помочь при любых условиях, кроме как в ситуации отсутствия компенсации.

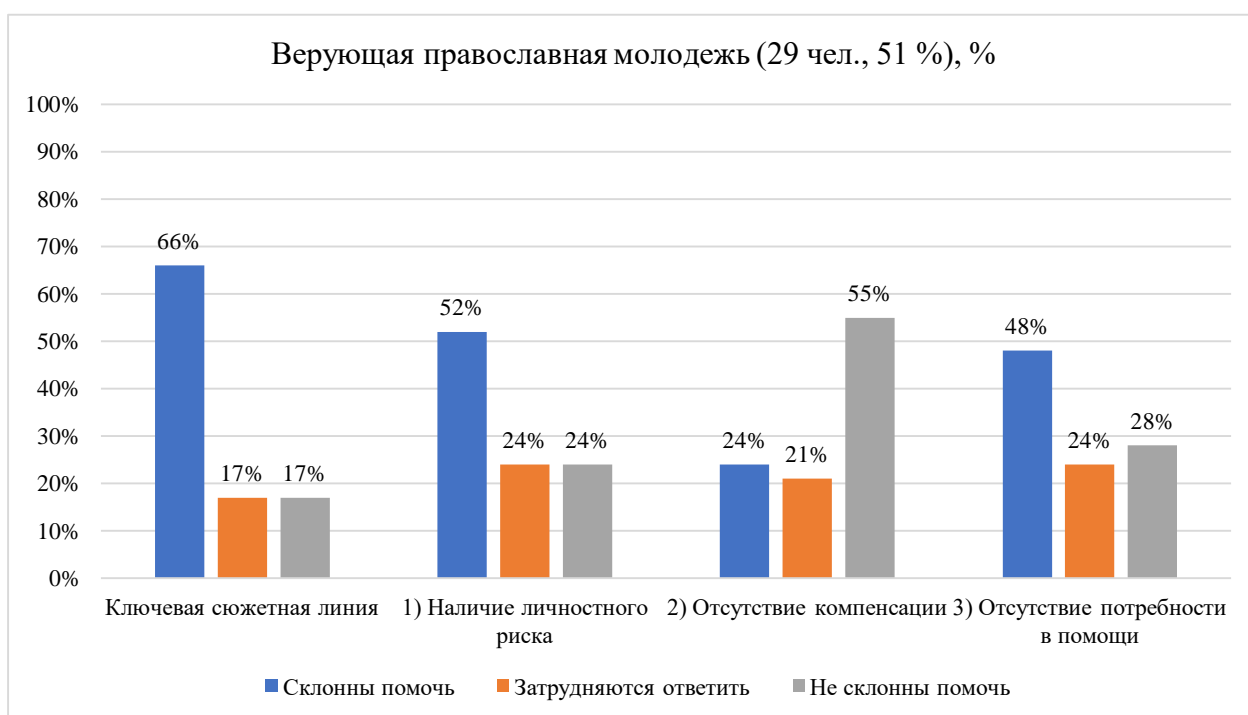

Рис. 3. Показатели, полученные по 2 ситуации среди верующей православной молодежи

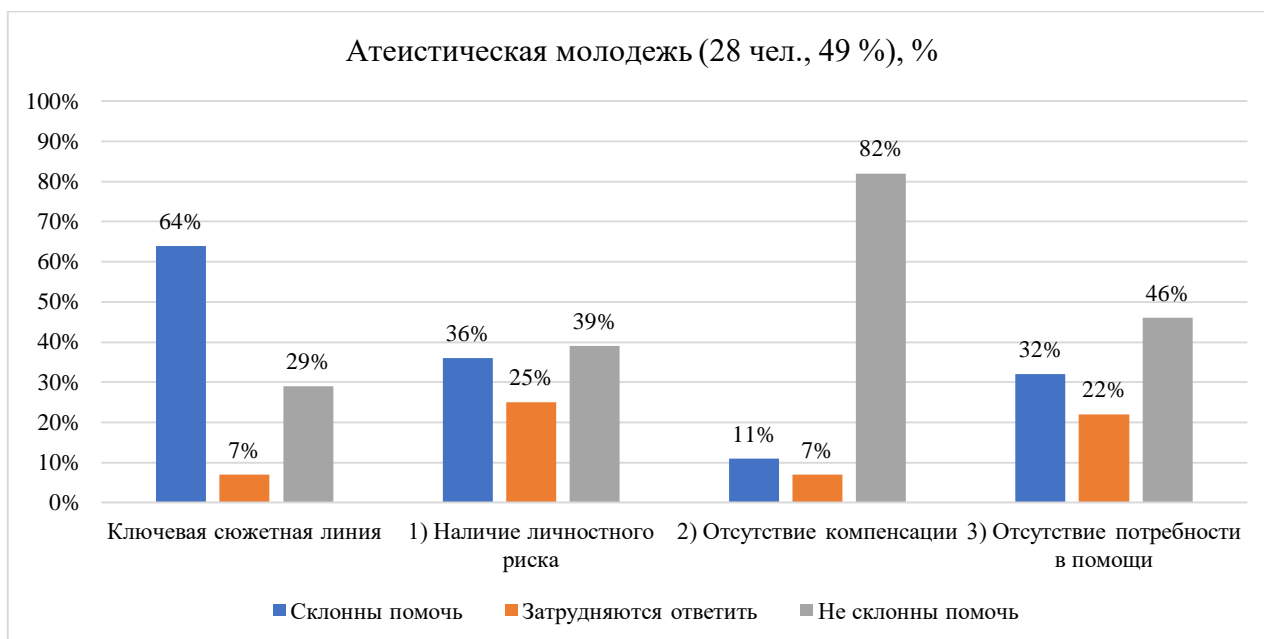

Рис. 4. Показатели, полученные по 2 ситуации среди атеистической молодежи

Более выражена такая ситуационная детерминанта как наличие личного риска. Атеистическая же молодежь более склонна оказать помощь в ключевой исходной ситуации, при этом выраженной ситуационной детерминанты у нее не обнаружено.

На основании данных, представленных на рисунках 5 и 6, мы видим, что в ситуации необходимости оказать помощь в госпитале в Африке, а также в доставке там гуманитарных грузов в отдаленные районы верующая православная молодежь более склонная помочь при любых условиях, чем атеистическая молодежь. При этом у обеих групп респондентов наиболее выражена такая ситуационная детерминанта как наличие компенсации.

Рис. 5. Показатели, полученные по 3 ситуации среди верующей православной молодежи

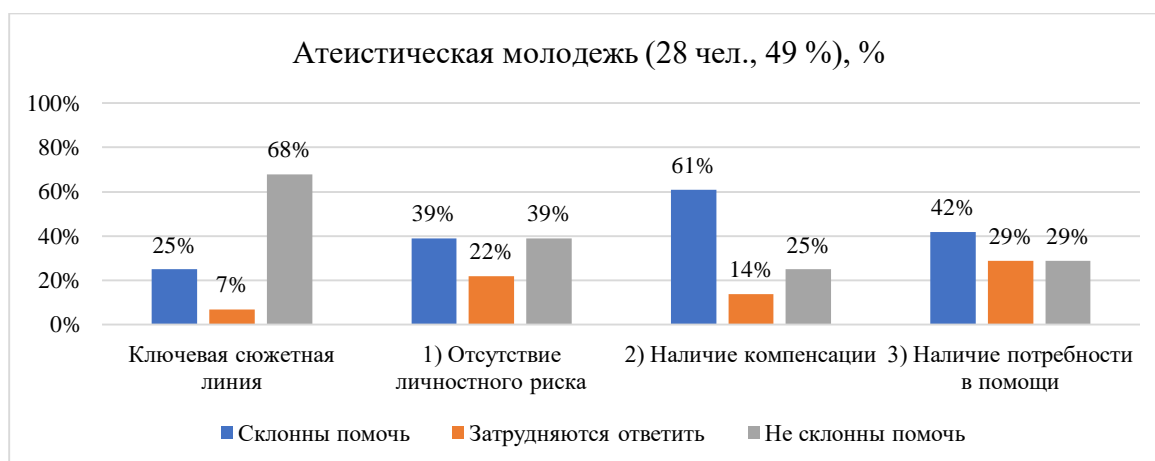

Рис. 6. Показатели, полученные по 3 ситуации среди атеистической молодежи

В результате математико-статистического анализа показателей, полученных по шкале альтруистического инвестирования опросника нетворкинг-стратегий личности А. Л. Свенцицкого, Л. Г. Почебут, Т. В. Казанцевой, Л. В. Марарица и по шкале «Диагностика социально-психологической установки “альтруизм-эгоизм”» О. Ф. Потемкиной, проведенного с помощью U-критерия Манна-Уитни, мы пришли к следующим выводам. По уровню альтруистического инвестирования между верующей православной и атеистической молодежью были выявлены значимые различия. Оказалось, что уровень альтруистического инвестирования у атеистов ниже уровня альтруистического инвестирования у верующих ($\alpha - 0,024$). При сравнении двух групп респондентов по степени выраженности альтруизма и эгоизма как социально-психологических установок значимых различий обнаружено не было.

Перед тем, как преступать к сравнению ценностей, определенных по методике измерения ценностных ориентаций Ш. Шварца в русскоязычной адаптации, с помощью U-критерия Манна-Уитни у верующей православной и атеистической молодежи, нам необходимо было проверить, все ли ценностные ориентации связаны с уровнем альтруизма. Для оценки взаимосвязи степени выраженности альтруизма и ценностей, мы использовали r коэффициент ранговой корреляции Спирмена. Уровень альтруизма мы определяли по шкале альтруистического инвестирования опросника нетворкинг-стратегий личности Л. Г. Почебут, А. Л. Свенцицкого, Т. В. Казанцевой, Л. В. Марарица. Таким образом были выявлены значимые корреляции между альтруистическим инвестированием и такими ценностями, как конформизм ($p - 0,336$, $\alpha - 0,011$), традиции ($p - 0,425$, $\alpha - 0,001$), доброта ($p - 0,377$, $\alpha - 0,004$), универсализм ($p - 0,281$, $\alpha - 0,034$), власть ($p - 0,470$, $\alpha - 0,000$) и безопасность ($p - 0,312$, $\alpha - 0,018$). Затем мы сравнили с помощью U-критерия Манна-Уитни показатели, полученные в результате эмпирического исследования, верующей православной и атеистической молодежи только по данным типам ценностей.

Таким образом, у нас получилось следующее: по степени выраженности только таких ценностей как конформизм и традиции между верующей православной и атеистической молодежью были выявлены значимые различия. Оказалось, что данные ценности для верующих более значимы, чем для атеистов (по ценности конформизма $\alpha - 0,010$, по ценности традиций $\alpha - 0,001$).

Таким образом, можно сделать вывод о том, что основная гипотеза подтвердилась частично, так как при сравнении двух групп респондентов по уровню альтруистического инвестирования были выявлены значимые различия, а при сравнении респондентов по степени выраженности альтруизма как социально-психологической установки – нет. Дополнительные

гипотезы № 1 и № 2 не подтвердились, так как не было выявлено ярко выраженных ситуационных детерминант альтруизма для верующей православной и атеистической молодежи. Дополнительная гипотеза № 3 подтвердилась частично, так как не по всем ценностям, связанным с альтруизмом, были выявлены значимые различия между верующими и атеистами, только по ценностям конформизма и традиций, причем оба типа ценностей, более значимы для верующей православной молодежи, чем для атеистической молодежи.

Список литературы

1. Ананьев, Б. Г. О проблемах современного человекознания [Электронный ресурс] / Б. Г. Ананьев. М.: Наука, 1977. 381 с. – URL: http://elib.gnpbu.ru/text/ananyev_o-problemah-sovremenного_1977/go,0;fs,0/?bookhl=классификация+методов (дата обращения 01.11.2022).
2. Ильин, Е. П. Мотивация и мотивы [Электронный ресурс] / Е. П. Ильин. СПб.: Питер, 2002. – 512 с. – URL: https://vk.com/doc340297575_524972410?hash=YZhpulhbRxdtzmgMoDY64qSk2gWUVe6S0Tuwy3FcJN8&dl=mS1Z7O8sdw5ExQQDg70kqa18Gx7yKyg3BUzPg5S8Jps (дата обращения 01.11.2022).
3. Марарица, Л. В. Альтруистическое инвестирование как нетворкинг-стратегия личности: разработка шкалы и проверка конструктивной валидности [Электронный ресурс] / Л. В. Марарица, Т. В. Казанцева, Л. Г. Почебут, А. Л. Свенцицкий // Социальная психология и общество. 2019. № 3. С. 157–176. URL: https://psyjournals.ru/files/109552/sps_2019_n3_Mararitsa_et_al.pdf (дата обращения 01.11.2022).
4. Недошивина, М. А. Личностные и ситуационные детерминанты альтруизма [Электронный ресурс] : дис. ... канд. психол. наук: 19.00.05 / Недошивина Мария Александровна. СПб., 2020. 377 с. – URL: https://disser.spbu.ru/files/2020/disser_nedoshivina.pdf (дата обращения 01.11.2022).
5. Шварц, Ш. Уточненная теория базовых индивидуальных ценностей: применение в России [Электронный ресурс] / Ш. Шварц, Т. П. Бутенко, Д. С. Седова, А. С. Липатова // Журнал Высшей школы экономики. 2012. № 1. С. 43–70. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/utochnennaya-teoriya-bazovyh-individualnyh-tsennostey-primenenie-v-rossii/viewer> (дата обращения 01.11.2022).

УДК 159.96
ББК 88.28

*Порываева Виктория Дмитриевна,
студент группы ПоЗо-181,
Чуренова Дарина Захаровна,
студент группы ПоЗо-181,
Люсова Оксана Валерьевна,
кандидат психологических наук, доцент,
доцент кафедры экономики и социально-гуманитарных дисциплин,
Волжский филиал Волгоградского государственного университета,
Волжский, Волгоградская область, Россия*

ПОДХОДЫ К ПОНИМАНИЮ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ ТРАВМЫ В СОВРЕМЕННОЙ ПСИХОЛОГИИ

Аннотация. Статья посвящена актуальной для современной реальности теме психологической травмы, проведен теоретический анализ подходов к проблеме в трудах отечественных и зарубежных психологов. Целью исследования является формирование целостной внутренней картины психотравмы. В результате исследования предложено определение понятия психотравмы, рассмотрены ее этапы, механизм проживания, симптомы, факторы.

Ключевые слова: психологическая травма, посттравматический синдром, симптомы, механизмы, этапы.

*Poryvaeva Victoria Dmitrievna,
student of the PoSo-181 group,
Churenova Darina Zakharovna,
student of the PoSo-181 group,
Lyusova Oksana Valerievna,
Candidate of Psychological Sciences, Associate Professor,
Associate Professor of the Department of Economics
and Social and Humanitarian Disciplines,
Volga Branch of Volgograd State University,
Volzhsky, Volgograd region, Russia*

APPROACHES TO UNDERSTANDING PSYCHOLOGICAL TRAUMA IN MODERN PSYCHOLOGY

Abstract. The article is devoted to the topic of psychological trauma, which is relevant for modern reality, a theoretical analysis of approaches to the problem in the works of domestic and foreign psychologists is carried out. The purpose of the study is to form a holistic internal picture of psychotrauma. As a result of the study, a definition of the concept of psychotrauma was proposed, its stages, the mechanism of living, symptoms, and factors were considered.

Keywords: psychological trauma, post-traumatic syndrome, symptoms, mechanisms, stages.

В современной жизни преодоление психологической травмы является актуальной задачей как практической, так и теоретической психологии. В повседневной жизни люди часто встречаются с кризисными ситуациями, не всегда напряжамую становясь свидетелями событий,

но узнавая о травмирующих ситуациях из СМИ, Интернета, телевидения, от знакомых и из других источников. В 2020–2022 годах спрос на психологов и психотерапию увеличили глобальные явления – пандемия COVID-19 и СВО. В связи с постоянно происходящими изменениями в мире, смены привычного образа жизни, его устоявшейся картины, постоянными новостями, людям свойственно испытывать тревогу, чувство беспомощности, недоверия к миру и стресс.

Понятие «психическая травма» пришло из психодинамического подхода. По мнению З. Фрейда и Й. Брейера психотравма – фактор, который способен действовать длительное время. В работе «Психическая травма» М. М. Решетников [3] цитирует З. Фрейда, обращая внимание на то, что травматическое воздействие может вызвать любое событие, если присутствуют чувства ужаса, страха, стыда, душевной боли, сам по себе след события зависит от восприимчивости человека.

Нормальной реакцией для психики служит уход из травматических переживаний. Отгораживание и «консервирование» травматического опыта является необходимой реакцией для продолжения функционирования психики. Существуют различные направления исследований в этой области. Юнгианский психоаналитик Дональд Калшед описывает систему самосохранения психики при встрече с травмой. К. Г. Юнг подчеркивал значимость «диссоциации» психики при травме и последующей невозможности интеграции психики. Системе самосохранения психики Д. Калшед даёт персонификацию «демон», отсылаясь к переводу слова «daimon» с греческого, что значит «разделять», то есть блокировать осознанные желания изменений для самосохранения психики. Таким образом «демон» пытался отгородить клиента от новых воздействий и возможного травматического опыта либо его повторения, в этом заключается его «нежное» отношение к психике. Травмированная часть психики сопряжена с агрессией, которая даёт ей энергию на защиту. Также, как и З. Фрейд, Д. Калшед отмечает, что внешнее событие не имеет травматического воздействия. Оно становится таковым, когда подкрепляется психологическим фактором. *Не* сами эти *вещи*, а только наши представления о них делают нас счастливыми или несчастными; наши мысли, стремления (Эпиктет). Тогда образуется травма и наступает её последствие в виде образования травмированной части психики. Д.Калшеду удалось сформулировать наиболее популярное определение психотравмы, которое часто приводят психологи: травма – это всякое переживание, которое вызывает непереносимые душевные страдания и тревогу.

В натуралистическом подходе Питер Левин большое описывает реакцию иммобилизации при травматических событиях как готовность к смерти: блокируется энергия, которая наносит вред. Энергию удерживают в нервной системе чувства страха и ужаса, в частности страх смерти. Фрустрированная реакция «борьба» становится вспышкой гнева, а фрустрированное бегство заменяется чувством беспомощности. Если эмоции не доходят до уровня выхода из состояния иммобилизации, то это состояние остаётся и после завершения травматических событий. Так начинается формирования посттравматических симптомов.

По мнению П. Левина, процесс формирования симптомов травмы носит спиралеобразный процесс. Левин выделил 4 компонента травматической реакции: гипервозбуждение, сжатие, диссоциация, оцепенение. Гипервозбуждение – это реакция психики на реальную или воображаемую угрозу для жизни. После него вступают три остальных компонента для защиты жизни. Сжатие проявляет себя на теле и восприятии. Происходит фокусирование всех усилий на противодействие угрозе. Диссоциация начинает защищать нас от нарастающего возбуждения. Испытывающий её, перестаёт чувствовать себя и свои эмоции. Возможно ощущение отделения себя от своего тела. После наступает беспомощность, оно же замира-

ние, когда нет возможности ответить действием или словом. Реакции будут травматическими, если станут хроническими и привычными.

Первичные симптомы травмы по Левину: сверхбдительность, навязчивые образы из прошлого, крайняя чувствительность к свету и звуку, чрезмерные эмоциональные реакции, кошмары или ужасы в сновидениях, резкие скачки настроения (в частности реакции гнева, вспышки раздражения, стыд), пониженная возможность справляться со стрессом, трудности со сном. При долговременной перспективе сохранения травмы без проработки, возможны добавления симптомов посттравматического стрессового расстройства: панические атаки, тревоги, фобии, умственную «пустоту», тяга к опасным ситуациям, избегающее поведение, слезливость, страх умереть или лишиться рассудка.

Третий список симптомов также может развиваться за длительный период после проявления первичных симптомов: чрезмерная застенчивость, пониженная эмоциональная реакция, неспособность выполнять обязательства, хроническая усталость или низкий уровень энергии, психосоматические заболевания, чувство отделенности, пониженный интерес к жизни, чрезмерная или пониженная сексуальная активность забывчивость или потеря памяти. Некоторые симптомы из первого и второго списка могут проявлять себя в разное время. Также симптомы могут быть индивидуальны.

В современной зарубежной психологии ориентированной на идентичность теории и терапии психотравмы (ОИТП) немецкий психолог Франц Рупперт описал 4 вида психотравмы: экзистенциальная (при угрозе жизни), травма потери (связана со смертью близкого), травма отношений (отсутствие удовлетворения потребности в защите и привязанности у ребенка), травма системных отношений (насилие в семье, трагические события). Рупперт описал раскол психики после получения травматического опыта. В ОИТП-подходе, психика делить на 3 части: «Я» травмированное, «Я» выживающее и «Я» здоровое.

Здоровую часть психики («Я» – здоровое) характеризуют способности: открыто воспринимать реальность, проявлять чувства, доверие к людям, к принятию ответственности, готовность к рефлексии, создание эмоциональных связей, готовность к освобождению от неподходящих отношений, воспоминанию. Травмированную часть («Я» – травмированное) характеризуют: воспоминания о травматическом опыте, остановка в развитии на моменте травмы, поиск выхода из травмы, эмоциональная реакция на триггеры. [2]. События и эмоции травмы контейнизируются в травматической части. “Выживающая” часть психики постоянно тратит ресурсы, чтобы не соприкоснуться с травмированной частью. Также профессор в своих работах указывает на влияние последствий травмы при отсутствии терапии. Отсутствие терапии травмированной части психики может привести к посттравматическому стрессовому расстройству или физическим заболеваниям.

В современной отечественной психологии также М. Решетников [3] особое внимание уделяет проработке травмы. Основываясь на идеях З. Фрейда, он считает, что для проработки травмы обязательно её вымещение в активной форме для достижения «катарсиса». В случаях, когда энергия не выходит, происходит её конверсия и соматизация в заболевание. Главным и клиническим и психологическим симптомом психотравмы является внутренняя боль. Решетников выделяет накопление травм, оказывающее позже кумулятивный эффект (накопление эмоциональной напряженности с последующим аффективным взрывом и кульминацией эмоционального напряжения). Им было подмечено, что пережившие травму, нередко регрессируют к магическому мышлению, заставляя рассуждать вопросами: «А могло ли произойти

по-другому? Могло ли это не случиться?» и т.п. Апеллируя к Отто Фенихелю им были также выделены 4 группы симптомов травматических неврозов:

1) блокирование функций – это нарушение личностной регуляции; тестирование и получение адекватных представлений о реальности;

2) приступы неконтролируемых эмоций, особенно тревоги и гнева (могут быть связаны с актуальной травматической ситуацией или быть регрессом к прошлой);

3) бессонница, тяжелые нарушения сна, либо сновидения, где заново переживается травма;

4) полной или частичное проигрывание травматической ситуации в дневное время в мыслях, фантазиях и чувствах;

5) осложнения в виде психоневрологических симптомов. У Калшеда он подчеркнул идеи о том, что травмированная психика способна травмировать саму себя и навязчивого повторения, вызванного «ядром» травмы – заблокированного аффекта и воспоминания.

Л. Трубицына обращает внимание на появления описаний проблемы неврозов, связанных с острыми событиями, в отечественной психиатрии. Роман Дрейлинг описывал солдат, участвовавших в русско-японской войне, отмечал, что длительное нахождение в опасной ситуации «прочно деформирует психику», Н. Баженов описывал «аффекты ужаса» после землетрясения в Крыму 1908 года. На основе понятий представителей психодинамического и телесноориентированного направления Л. Трубицыной удалось синтезировать наиболее доступное и объемляющее определение психотравмы.

Психотравма – это некое психологически тяжёлое, травмирующее событие, вызывающее глубокие переживания, с которыми тяжело справиться при развитии определённых симптомов.

В психологии различают понятия «психологическая» и «психическая» травма. Если в результате психологической травмы у человека есть возможность справиться с ее последствиями и адаптироваться в социальной среде, то психические нарушения достаточно сильно меняют эмоциональное состояние и поведение. Во втором случае имеет место нарушение психики и развитие отклонений в ее функционировании.

Посттравматические симптомы человек может испытывать в течение нескольких месяцев. Со временем воспоминания угасают, притупляются, но в какие-то моменты (например, годовщина смерти) чувства могут обостриться с новой силой.

Процесс развития психологической травмы начинается с травматического события (стрессора). К типам травматических событий относят: военные действия, природные, экологические или техногенные катастрофы, террористические акты – массовые; пожары, террористические акты, присутствие при насильственной смерти других, несчастные случаи (в том числе ДТП или на производстве) – групповые; сексуальное насилие, внезапное появление опасных для жизни заболеваний, нападения, утрата близкого человека – индивидуальные. Грани между типами событий нечетки и могут смешиваться. Травмирующие события связаны со смертью или угрозой жизни, психическому или физическому здоровью, ситуации «краха», «провала», утраты всех надежд или унижения непосредственно самого человека, его близких или других людей. Тяжесть травмирующей ситуации определяют такие факторы, как: неожиданность, стремительный темп развития катастрофической ситуации, длительность воздействия и повторяемость в течение жизни.

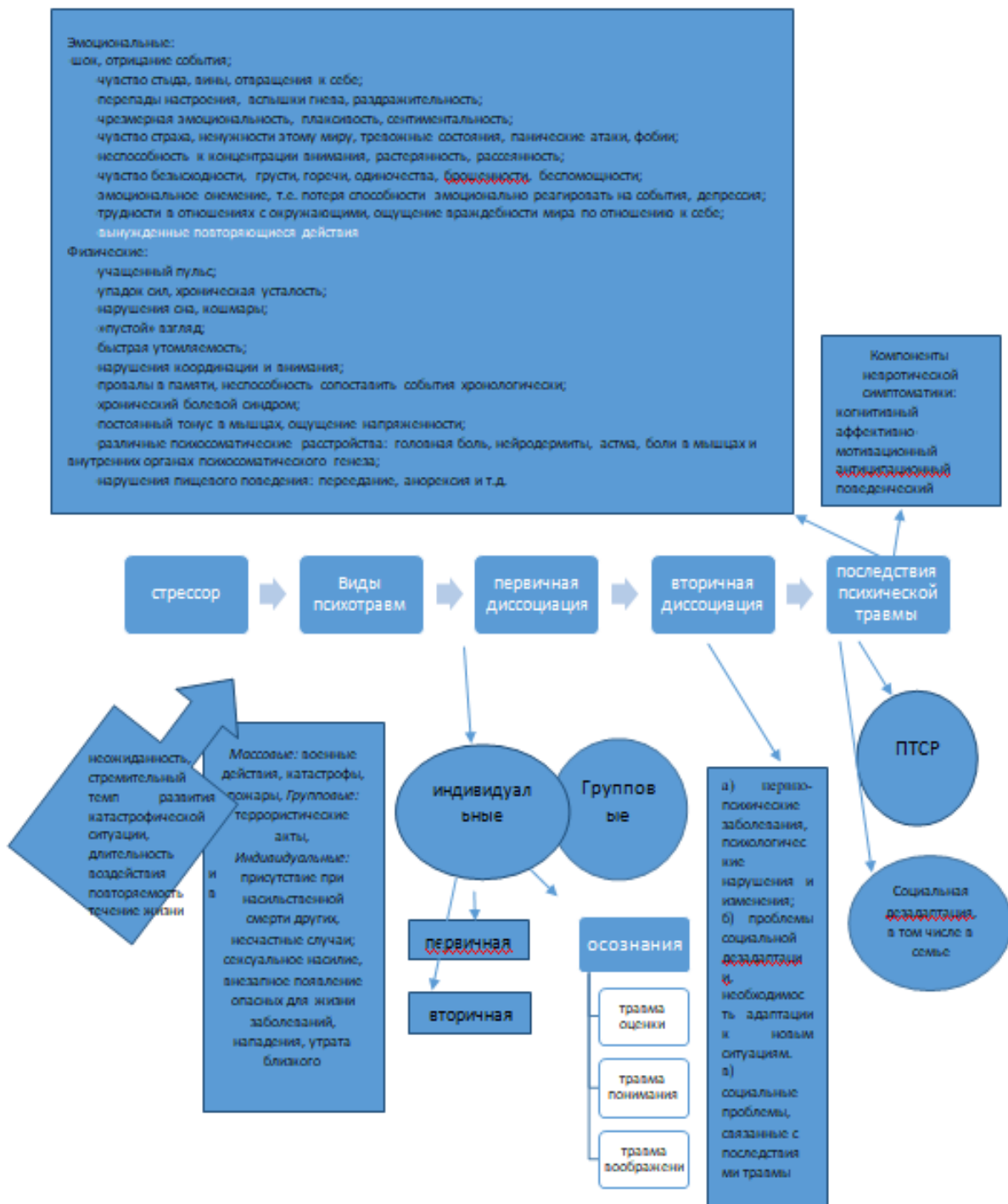

Рис. 1. Внутренняя картина психотравмы

Отдельно Л. Трубицына выделяет травму осознания, когда осознание событие наступает значительно позже произошедшего. Сюда же относится травма оценки (когда наступает осознание и приходит оценивание опасности произошедшей ситуации), травма понимания, травма воображения (представление кошмарных событий впоследствии). Считается, что наиболее травматическими событиями, являются те, где человеку намеренно причиняют вред. При индивидуальной травматизации выделяют первичную и вторичную. При первичной травматизации человек участник или свидетель событий, при вторичной травматизации человек узнаёт о ней из газет. Для человека, оказавшегося, в травматической ситуации, нор-

мально испытывать тревогу, страх за себя и близких, желание выяснить масштабы произошедшего, т.е. психическая напряженность, стресс, аффективные реакции. Ссылаясь на Е. Тарабрину, Л. Трубицына описывает фрагментарное восприятие событий во время травмы и первое время после неё, называемое эго-состоянием первичной диссоциации. Некоторые авторы, данный фактор считают неблагоприятным для формирования ПТСР. Если событие вызывает состояние, как будто человек наблюдает за происходящим со стороны, то значит о наступлении следующей вторичной диссоциации. Также Л. Трубицына приводит описание психиатрического диагноза F.43 Острая реакция на стресс, симптоматика которого, схожа с реакцией на травматическое событие после произошедшего. Также она выделила 3 блок последствий психических травм:

- а) нервно-психические заболевания, психологические нарушения и изменения;
- б) проблемы социальной дезадаптации, необходимость адаптации к новым ситуациям.
- в) социальные проблемы, связанные с последствиями травмы.

Рассматривая механизмы психологической травмы в биохимическом и физиологическом контексте рекомендуется обратиться к синдрому биологического стресса по Г. Селье. Процесс адаптации к стрессу происходит через активацию *правого полушария*. У людей с меньшей полушарной специализацией есть шансы эффективнее адаптироваться к стрессовой ситуации. Это дает возможность творческим видам деятельности, включая арт-терапию, эффективнее справляться с последствиями психотравмы.

К первому блоку относится развитие посттравматического стрессового расстройства. От ПТСР могут страдать участники боевых действий, свидетели катастроф, участники и пострадавшие в ДТП, жертвы сексуального насилия, либо у людей с большим накопленным травматическим опытом.

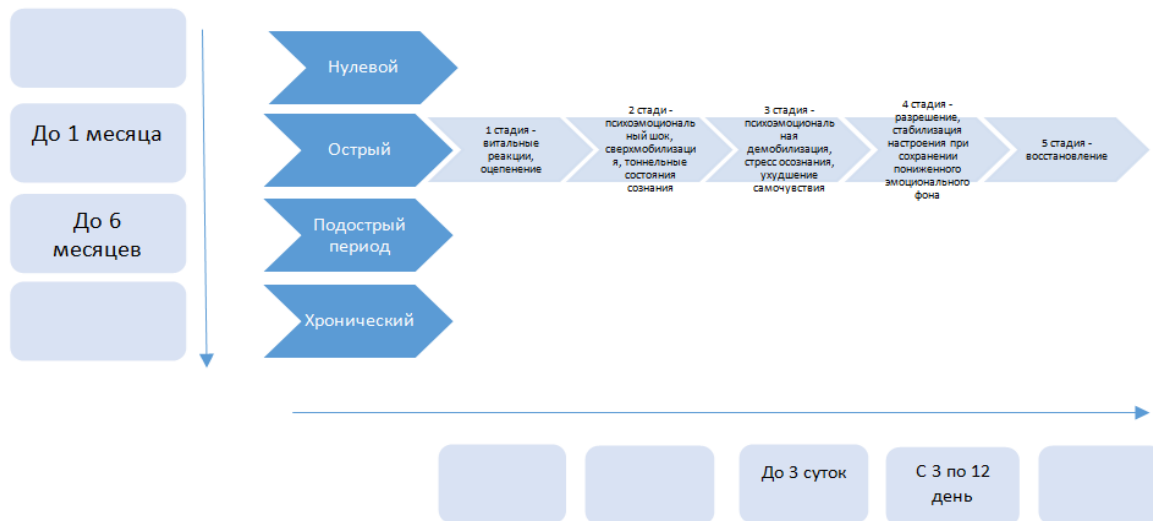

Рис. 2. Этапы развития травмы при краткосрочном событии

Второй блок последствий психической травмы, касается случаев, когда у человека полностью меняется образ жизни, место жительства, лишение привычных социальных связей. Поэтому после травмы, вызвавшей такие изменения, нередко происходят проблемы с адаптацией к новым обстоятельствам. И состояние у проживающих травму людей часто продиктовано социальной дезадаптацией. В тоже время, если человек долго находился в стрессовой ситуации, его дезадаптация в спокойной ситуации, может говорить о хорошей адаптации к экстремальной ситуации и необходимости реадаптироваться к обычной жизни.

К социальным проблемам, связанным с последствиями травмы относят проблемы в семье, так как сила травмы может сказываться на близких и проявляться в поведении травмированного.

Этапы развития травмы также разделяется по длительности события, для удобства восприятия продемонстрируем их на рисунках.

Когда говорят о процессе травмы, имеется в виду процесс переживания. В этом процессе переживаются события травмы, воспоминания о них. Основной механизм психотравмы: фиксация на моменте травмы [1].

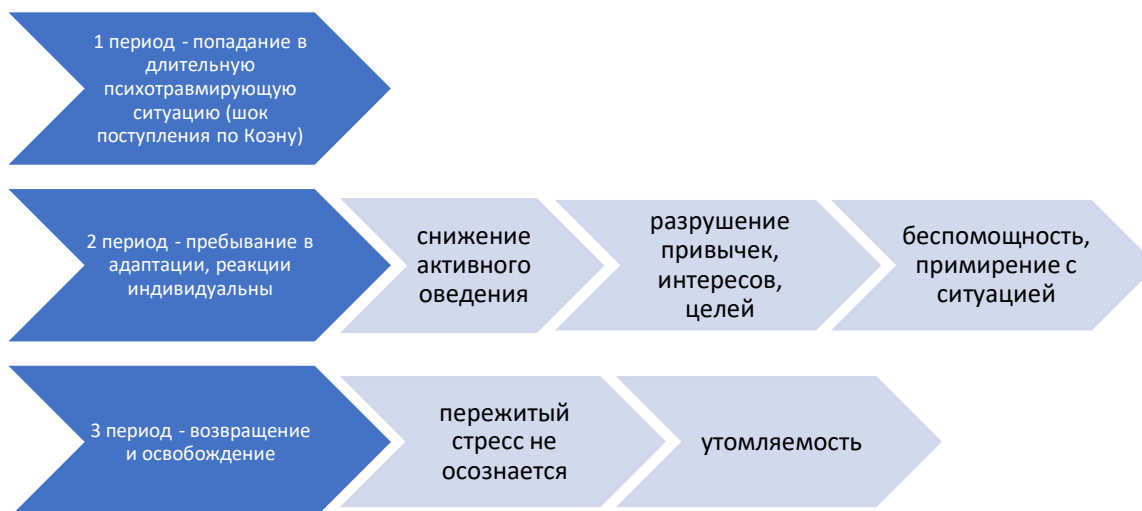

Рис. 3. Этапы развития травмы при длительном воздействии

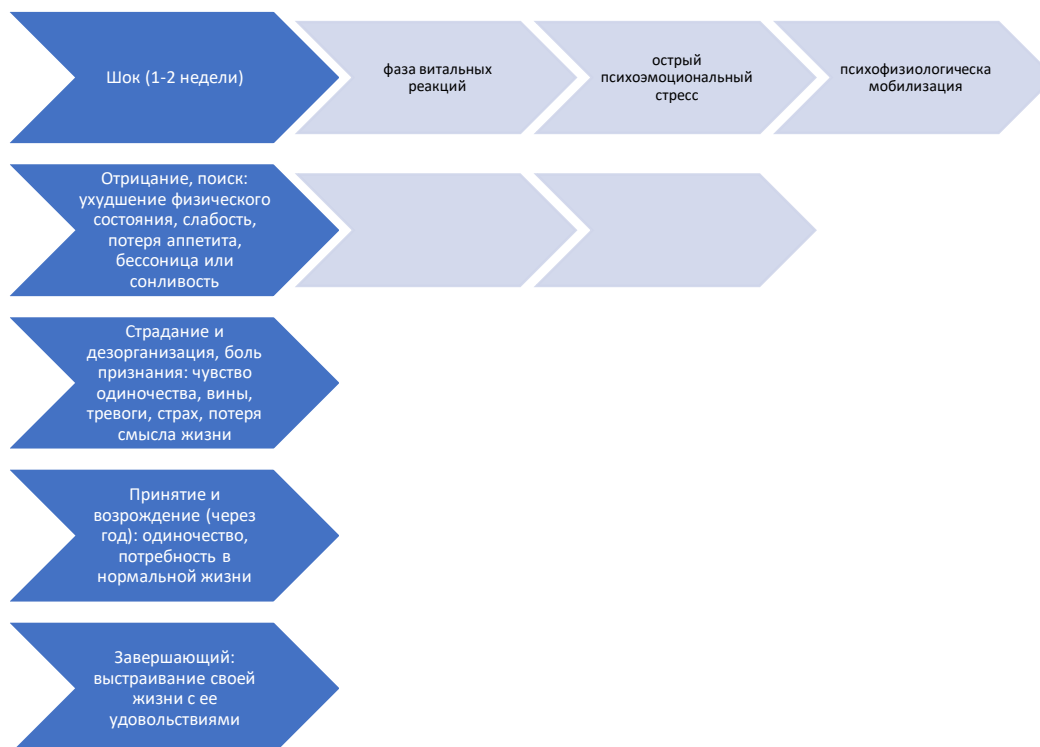

Рис. 4. Этапы развития травмы при потере близкого

Психотравма вызывается не только внешними событиями, но и организует внутреннюю работу психики. Травмированная психика начинает травмировать сама себя – воссоздаёт повторный травматический опыт [3].

В зависимости от способности человека преодолеть негативный психологический опыт выделяют следующие типы реакции на стресс: проактивная, реагирующая, пассивная.

Рис. 5. Классификация психотравм

Вывод: Психотравма – это некое психологически тяжёлое, травмирующее событие, вызывающее глубокие переживания, с которыми тяжело справиться при развитии определённых симптомов. Симптомы психотравмы могут проявляться на психологическом или соматическом уровне в зависимости от давности и интенсивности травматического события. К психологическим симптомам относят навязчивые воспоминания о травматических событиях, «застывание» на травмирующем событии, резкие проявления эмоций, в том числе гнева и страха, трудности в адаптации к новым обстоятельствам, сильная эмоциональная реакция на триггеры.

К соматическим симптомам относят утомление, головную боль или боль в любой части тела, развитие заболеваний и т.д. Травмы можно классифицировать по интенсивности и характеру события.

Список литературы

1. Петрова, Е. А. Феномен психотравмы: теоретический аспект // Вестник НовГУ. 2013. № 74. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/fenomen-psihotravmy-teoreticheskiy-aspekt> (дата обращения: 21.11.2022).
2. Рейнер, И. Е. Мысли, чувства и переживания людей, перенёсших утрату // Вестник магистратуры. 2018. № 4-1 (79). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/mysli-chuvstva-i-perezhivaniya-lyudey-perenyosshih-utratu> (дата обращения: 21.11.2022).
3. Решетников, М. М. Психическая травма: учебное пособие для бакалавриата, специалитета и магистратуры / М. М. Решетников. 2-е изд. М. : Издательство Юрайт, 2018. 200 с.

УДК 159.99
ББК 88

Репина Лилия Михайловна
магистрант,
Фадеева Ольга Валентиновна
кандидат педагогических наук, доцент,
доцент кафедры психологии
Мордовский государственный педагогический университет
имени М. Е. Евсевьева,
Саранск, Россия

ИССЛЕДОВАНИЕ ИНТЕРНЕТ-ЗАВИСИМОСТИ СТУДЕНТОВ

Аннотация. Актуальная проблема – тенденции цифровизации и компьютеризации, происходящие в современном мире и затрагивающие все процессы жизнедеятельности человека, в том числе и образование, имеют ряд достоинств и недостатков. Одним из таких недостатков выступает формирования интернет-зависимости у человека, и прежде всего, у подрастающего поколения. Цель – выявить степень интернет-зависимости студентов педагогического вуза. Гипотеза – количество интернет-зависимых студентов на первых и третьих курсах обучения достоверно не отличаются. Методика – 32 студента первого курса и 19 студентов третьего курса факультета психологии и дефектологии педагогического университета г. Саранска Республики Мордовия. Использовалась методика К. Янг, адаптированная В. А. Лоскутовой. По данным нашего исследования было выявлено, что 94 % (30 человек) респондентов первокурсников соответствуют уровню обычного пользователя Интернета, используя сеть только при необходимости и в свободное время. И только для двух человек (6 % от общей выборки) характерны черты интернет-зависимости. У студентов третьего курса интернет-зависимость характерна для 12 человек, что составляет 63 % от общего числа выборки. Используя критерий Манна-Уитни, позволяющего выявить достоверность различий в значениях двух выборок, мы выявили значимость различий в уровне интернет-зависимости студентов первого и третьего курсов при $p \leq 0,05$. Таким образом, наша гипотеза об отсутствии различий по проявлению интернет-зависимости студентов первого и третьего курсов не подтвердилась. Выводы: анализируя эмпирические данные двух выборок (студентов первого и третьего курсов) можно предположить, что: 1) с возрастом увеличивается интернет зависимость; 2) проявление зависимости обусловлено индивидуально-типологическими особенностями личности; 3) в ответах на вопросы анкеты многие респонденты среди первокурсников представили социально желаемые ответы, то есть ответы, которые бы демонстрировали бы их с лучшей стороны, чем это есть в действительности.

Ключевые слова: интернет-зависимость, студенты педагогического вуза.

Repina Lilia Mikhailovna
master's student,
Fadeeva Olga Valentinovna
Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor,
Associate Professor of the Department of Psychology
Mordovian State Pedagogical University
named after M. E. Evseyev,
Saransk, Russia

RESEARCH OF STUDENTS' INTERNET ADDICTION

Abstract. The actual problem is that the trends of digitalization and computerization taking place in the modern world and affecting all processes of human life, including education, have a number of advantages and disadvantages. One of these disadvantages is the formation of Internet addiction in a person, and above all, in the younger generation. The goal is to identify the degree of Internet addiction of pedagogical university students. Hypothesis – the number of Internet-dependent students in the first and third years of study does not significantly differ. Methodology – 32 first-year students and 19 third-year students of the Faculty of Psychology and Defectology of the Pedagogical University of Saransk of the Republic of Mordovia. The method of K. Yang, adapted by V. A. Loskutova, was used. According to our research, it was revealed that 94 % (30 people) of first-year respondents correspond to the level of an ordinary Internet user, using the network only when necessary and in their free time. And only two people (6 % of the total sample) are characterized by features of Internet addiction. Third-year students have Internet addiction characteristic of 12 people, which is 63 % of the total sample. Using the Mann-Whitney criterion, which allows us to identify the reliability of differences in the values of two samples, we revealed the significance of differences in the level of Internet addiction of first and third year students at $p \leq 0.05$. Thus, our hypothesis about the absence of differences in the manifestation of Internet addiction of first- and third-year students has not been confirmed. Conclusions: analyzing the empirical data of two samples (first and third year students), it can be assumed that: 1) Internet addiction increases with age; 2) the manifestation of addiction is due to individual typological characteristics of the individual; 3) in the answers to the questionnaire questions, many respondents among the first-year students provided socially desirable answers, that is, answers that would demonstrate them from a better side than they actually are.

Keywords: Internet addiction, students.

На сегодняшний день практически каждый человек во всем мире не представляет свою жизнь без интернета, который влился практически в каждую сферу жизни человека. Использование сети интернет является повседневным делом. Начиная с 2019 года, в условиях пандемии Covid-19, количество пользователей и времяпровождение в сети значительно увеличилось. Такая тенденция коснулась и огромной студенческой аудитории. Образовательные услуги предоставлялись путем дистанционного обучения с использованием интернет-технологий. Для многих студентов и преподавателей процесс образования уже не представляется без различных интернет-ресурсов, смартфонов и компьютеров. Наличие большого количества научной информации, при рациональном использовании информационной системы, повышает успеваемость, расширяет кругозор, развивает умения и навыки, но при этом значительно увеличивает длительность нахождения в интернет-пространстве.

При всех своих достоинствах, всемирная глобальная сеть имеет как положительные, так и отрицательные стороны, что вызывает определенный интерес к изучению этой темы. Самыми активными пользователями сети являются представители молодежи, среди которых большая часть – это студенты. Для них интернет сообщества являются основным местом времяпрепровождения. Заменяя реальное общение виртуальным, молодые люди предпочитают свободное от учебы время проводить именно в виртуальном мире, что вызывает определенного рода зависимость от интернета. При отключении интернета у многих начинается паника, истерика, номофобия, так как за время пребывания в сети выработалась потребность в постоянном пребывании в виртуальном мире.

Современная молодежь очень близко воспринимает всю информацию, которую предоставляют социальные сети, что глобально меняет у них проведение досуга, ценности и интересы. В общении предпочтение отдаётся использованию сленговых выражений, жаргонов, копируя своих интернет кумиров, тем самым теряя свою индивидуальность. При неверном выборе информации, музыки и фильмов нарушаются нравственные и моральные принципы, теряются границы в общении. Во взаимоотношениях проявляется агрессия, притупляются чувства переживания, сострадания и эмоции отходят на второй план. Неконтролируемый поток информации может служить причиной морального заблуждения, притупляет восприятие добра и зла. Общение в интернете очень обманчиво, невозможно понять на сколько честен собеседник и какие цели он преследует и к чему это приведет. Иногда это приводит к нарушению психики человека, и может даже к суициду. Таким образом актуальным становится вопрос о том, какие психологические особенности позволяют личности оставаться в рамках положительного использования интернета, а какие прогнозируют возникновение интернет-зависимости. Проблема не является проблемой пока виртуальная жизнь не начинает причинять ущерб реальной.

В современных научных работах имеются различные точки зрения на термины «зависимость» и «аддикция». Одни исследователи рассматривают «аддикцию как синоним зависимости, другие выделяют аддикцию как начальную стадию формирования зависимости, третьи относят аддикцию к одной из форм девиантного поведения, но без образования зависимости, есть и такие исследователи, которые разграничивают аддикцию и зависимость и определяют их как самостоятельные понятия, имеющие собственное смысловое содержание» [3, с. 233].

Т. Г. Светличная с коллегами отмечает, что «в широком значении «зависимость» характеризует состояние необходимости или потребности в чем-то или ком-то для поддержки либо для функционирования или выживания. Она сопровождается появлением настойчивого желания, проявляющегося в ощущении острой необходимости совершения какого-либо поступка или выполнения деятельности» [5, с. 4].

В работе Р. Ш. Файзуллина зависимость рассматривается как «состояние, в корне которого находится непреодолимое желание, физиологическая и эмоциональная потребность человека к определенному набору действий, которая обуславливает полную вовлеченность, доставляет быстрый эмоциональный комфорт, снимает негативные чувства и напряжение и выражается в негативном (деструктивном) поведении. Человек, находящийся под влиянием зависимости, утрачивает основное качество – свободу воли» [6, с. 220].

По мнению С. В. Березина, зависимость может рассматриваться как «самоподдерживающаяся форма активности, порождающая специфическое личностное образование» [1, с. 7].

В нашем мире каждый второй житель обладает смартфоном или другими гаджетами, имея возможность в любой момент воспользоваться интернетом, преследуя необходимые цели. Таким образом, получается, что абсолютно все являются интернет-пользователями, но не все из них являются интернет-зависимыми. Так как же тогда выделить среди них интернет-зависимых?

В нашей работе мы использовали тест К. Янг, адаптированный к российской выборке В. А. Лоскутовой [2]. В исследование принимало участие 32 студента первого курса факультета психологии и дефектологии педагогического университета им. М. Е. Евсевьева и 19 студентов третьего курса. Им предлагалось ответить на 20 вопросов в виде анкеты пятью вариантами ответов, которые оцениваются по пятибалльной шкале.

Для 19 % (6 человек) студентов-первокурсников характерным является «залипание» в интернете дольше запланированного времени и лишь один человек этого не допускает. 53 % испытуемых могут иногда забросить свои домашние обязанности в пользу интернета, при этом 9 % это делают постоянно. Иногда отдать предпочтение виртуальному миру взамен реального общения могут 34 %, регулярно это делают 3 %. Социальные сети и виртуальные знакомства часто помогают строить отношения 6 % студентов, но иногда воспользоваться их помощью могут и 47 % опрошенных, 3 % всегда выстраивают отношения с друзьями по сети. Иногда знакомые жалуются на количество проводимого времени в сети у 19 % студентов, часто у 3 %.

Количество проведенного времени влияет и на процесс обучения, у 56 % студентов это влияние, по их мнению, незначительное, но у 3 % респондентов оно идет в ущерб времени, отведенному для подготовки к учебным занятиям.

«Не могу ничем заняться, пока не проверю электронную почту или ответы на свои сообщения в мессенджерах» – такой ответ свойственен 34 % студентов регулярно, и лишь иногда это делают 41 %. У большинства респондентов (63 %) сложностей в учебе из-за пользования интернетом не возникают, но и есть и те, у которых эти проблемы иногда присутствуют, и таких 34 %. О своих действиях в сети иногда предпочитают скрывать 34 %, регулярно 3 %. Очень часто, чтобы не думать о неприятностях в жизни, заменяют приятными мыслями об интернете 3 % исследуемых, 6 % это делают регулярно, иногда 34 % и никогда не уходят мысленно от проблем 56 %. Часто ощущают приятные эмоции от предвкушения скорого погружения в сеть 3 %, регулярно 6 %, иногда 56 %, и не испытывают их никогда 34 %. Всегда присутствует боязнь пустоты и скуки жизни без интернета у 3 % опрошенных, у 6 % это происходит часто, иногда задумываются об этом и 50 % студентов и лишь 38% никогда об этом не думают. Раздражения от того, что что-то отрывает студентов от сети, в принципе не испытывает 81 % и лишь изредка раздражаются 19 %. А вот нарушить свой сон и не спать могут иногда 31 %, регулярно это делают 31 %, часто 9 % и всегда пренебрегают сном 3 %. Жизнь в сети полностью поглощает лишь 3 %, большинстве – 91 % этого не ощущают, иногда такие чувства возникают у 19 % исследуемых. Отсрочить свое время в сети всегда предпочитают 3 %, часто это делают 9 %, иногда 56 %, и не поступают так лишь 22 %. В большинстве не скрывают своего времени пребывания в сети, таких 83 %, и лишь иногда так делают 16 %. Как показало исследование реальное общение важно для наших студентов, 84 % предпочитают в реальной жизни встречаться с друзьями, только 12 % могут просидеть в интернете, и регулярно засиживаться там вместо встреч офлайн – 3 %. Из всех испытуемых только один человек может нервничать, испытывать грусть и плохое настроение находясь без интернета, иногда такие чувства исчезают при выходе в сеть у 22 %, и никогда их не испытывают 75 % студентов.

По данным нашего исследования было выявлено, что 94 % (30 человек) респондентов соответствуют уровню обычного пользователя Интернета, могут себя контролировать и используют сеть только при необходимости и в свободное время. И только два человека (6 % от общей выборки) дали ответы, свидетельствующие об определенной степени интернет-зависимости. Однако, как показывает опрос преподавателей факультета, осуществляющих образовательный процесс с данными студентами, процент интернет-зависимых студентов составляет, по их мнению, 90 %. Они отмечают, что студенты испытывают затруднения при ответах на многие вопросы, если они лишены возможности взаимодействовать со смартфонами; часто студенты отвлекаются на сообщения, поступающие в социальных сетях.

По результатам нашего исследования, у студентов третьего курса интернет-зависимость характерна для 12 человек, что составляет 63 % от общего числа выборки сту-

дентов третьего курса. Эти результаты во многом согласуются с результатами исследования Т. В. Савиновой и Т. Федосейкиной [4], проведенными на базе нашего педагогического вуза со студентами третьего курса, где авторы констатировали наличие интернет-зависимости у 26,7 % студентов, а у 62,2 % было отмечено чрезмерное увлечение сетью Интернет.

Используя критерий Манна-Уитни, позволяющего выявить достоверность различий в значениях двух выборок, мы выявили значимость различий в уровне интернет-зависимости студентов первого и третьего курсов при $p \leq 0,05$.

Таким образом, анализируя эмпирические данные двух выборок (студентов первого и третьего курсов) можно предположить, что: 1) с возрастом увеличивается интернет зависимость; 2) проявление зависимости обусловлено индивидуально-типологическими особенностями личности; 3) в ответах на вопросы анкеты многие респонденты среди первокурсников представили социально желаемые ответы, то есть ответы, которые бы демонстрировали бы их с лучшей стороны, чем это есть в действительности.

Одним из путей вторичной профилактики интернет зависимости мы видим в реализации проектной деятельности. Для решения проблемы интернет-зависимости студентов содержание проекта может быть представлено системой образовательных и воспитательных мероприятий различного формата. Так в нашем вузе успешно реализуются «Психологический клуб», проведение недели психологии в образовательных учреждениях, неделя науки, семинары-практикумы «Психотехнологии – учителю» и многие другие. Основная их направленность – это формирование психологической культуры и образовательной самостоятельности, которые приводят к успешности в профессиональной и личностной сферах, и является оптимальным средством профилактики интернет-зависимости.

Список литературы

1. Березин, С. В. Психология наркотической зависимости и созависимости. Текст: непосредственный. М.: МПА, 2001. 191 с.
2. Войскунский, А. Е. Диагностика зависимости от Интернета: сравнение методических средств / А. Е. Войскунский, О. В. Митина, А. А. Гусенова и др. Текст: электронный // Медицинская психология в России. 2015. № 4 (33). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/diagnostika-zavisimosti-ot-interneta-sravnienie-metodicheskikh-sredstv> (дата обращения: 21.11.2022).
3. Галяутдинова, С. И. К проблеме понимания аддикции и зависимости отечественными и зарубежными исследователями / С. И. Галяутдинова, Е. В. Ахмадеева. Текст: непосредственный // Вестник Башкирского университета. 2013. Т. 18. № 1. С. 232–235.
4. Савинова, Т. В. Снижение склонности студентов к интернет-зависимому поведению средствами социально-психологического тренинга / Т. В. Савинова, Т. В. Федосейкина. Текст: электронный // Мир науки. Педагогика и психология. 2020. № 2. Т. 8.
5. Светличная, Т. Г. Феномен зависимости: терминологический анализ / Т. Г. Светличная, Л. И. Меньшикова, Е. А. Смирнова. Текст: непосредственный // Социальные аспекты здоровья населения. 2018. Т. 59. № 1. С. 4–9.
6. Файзуллин, Р. Ш. Психологический портрет зависимой личности / Р. Ш. Файзуллин. Текст: непосредственный // Молодой ученый. 2018. № 45 (231). С. 219–222.

УДК 159.922.1
ББК 88.53

Рязанова Элина Максимовна
студент группы БкПс-400,
Научный руководитель: Терелянская Ирина Васильевна
кандидат психологических наук,
доцент кафедры социологии, общей и юридической психологии,
Волгоградский институт управления –
филиал РАНХиГС при Президенте РФ,
Волгоград, Россия

ВЗАИМОСВЯЗЬ САМООЦЕНКИ ЛИЧНОСТИ И ПЕРЕЖИТОГО В ПРОШЛОМ ОПЫТА НАСИЛИЯ В СЕМЬЕ

Аннотация. Развитие современного мира ставит перед людьми все новые и новые проблемы, обусловленные социальными, экономическими и культурными причинами. Одной из наиболее интересных и многоаспектных является проблема лидерства. Лидеры являются своеобразным двигателем развития общества и человечества в целом. Именно они являются трансляторами целей, ценностей и установок для членов социальных групп, и вследствие этого особенно актуальными становятся исследования, направленные на выявление причин и механизмов становления лидеров. Актуальность работы обусловлена тем, что современное общество предъявляет очень высокие требования к человеку. Необходимость быть конкурентоспособным диктуется не столько мотивацией к достижению высоких целей и не личной амбициозностью, а острой экономической необходимостью. Работодатели в числе прочих интересующих характеристик кандидата указывают также лидерские качества. Данная работа направлена на исследование феномена лидерства, его формирования и выявления, связанных с ним и детерминирующих его характеристик. Цель работы состоит в построении структурно-связанного портрета лидера, включающего такие характеристики, как уровень волевых качеств, агрессивности и гендера. Гипотеза работы состоит в том, что наличие или отсутствие лидерских качеств коррелирует с гендером, волевыми качествами и агрессивностью. Для проверки гипотезы работы было проведено исследование, в котором приняло участие 57 человек, из которых 31 женщина и 26 мужчин. Проведенное исследование позволило выявить корреляцию между уровнем лидерских качеств и способностей и гендером, а также между лидерскими качествами и силой воли. При этом связи между уровнем агрессивности и лидерскими способностями найдено не было.

Ключевые слова: гендер, лидерство, агрессивность, сила воли.

Ryazanova Elina Maksimovna
student of the BkPs-400 group,
Scientific supervisor: Terelyanskaya Irina Vasilyevna
of Psychological Sciences,
Associate Professor of the Department of Sociology,
General and Legal Psychology,
Volgograd Institute of Management –
branch of RANEPА under the President of the Russian Federation,
Volgograd, Russia

THE RELATIONSHIP BETWEEN THE SELF-ESTEEM OF THE INDIVIDUAL AND THE PAST EXPERIENCE OF DOMESTIC VIOLENCE

Abstract. The development of the modern world poses more and more new problems for people due to social, economic and cultural reasons. One of the most interesting and multidimensional is the problem of leadership. Leaders are a kind of engine for the development of society and humanity as a whole. They are the translators of goals, values and attitudes for members of social groups, and as a result, research aimed at identifying the causes and mechanisms of the formation of leaders becomes especially relevant. The relevance of the work is due to the fact that modern society places very high demands on a person. The need to be competitive is dictated not so much by motivation to achieve high goals and not by personal ambition, but by acute economic necessity. Employers, among other interesting characteristics of the candidate, also indicate leadership qualities. This work is aimed at studying the phenomenon of leadership, its formation and identification, its associated and determinative characteristics. The aim of the work is to build a structurally related portrait of a leader, including such characteristics as the level of strong-willed qualities, aggressiveness and gender. The hypothesis of the work is that the presence or absence of leadership qualities correlates with gender, strong-willed qualities and aggressiveness. To test the hypothesis of the work, a study was conducted in which 57 people took part, of which 31 were women and 26 were men. The study revealed a correlation between the level of leadership qualities and abilities and gender, as well as between leadership qualities and willpower. At the same time, no connection was found between the level of aggressiveness and leadership abilities.

Keywords: gender, leadership, aggressiveness, willpower.

Лидерство как проявление человеческой природы затрагивает практически все сферы общественной жизни. Лидерские способности некоторых выдающихся личностей, определенным образом, двигали и изменяли направление развития истории человечества. Какие внутренние механизмы заставляют людей брать на себя ответственность, стремиться к власти и позволяют вести за собой других? Этот и другие вопросы, связанные с лидерскими качествами, на протяжении многих лет развития психологии, остаются наиболее значимыми и интересными для ученых.

Лидерство – это процесс влияния на членов группы с целью управления и координации, для достижения определенных стоящих перед группой целей.

Лидерство детерминировано различными социально-психологическими характеристиками личности: особенностями мышления, результатом процесса социализации и т.д. В нашем исследовании мы решили рассмотреть взаимосвязь лидерства с такими социально-психологическими детерминантами как: гендер, агрессивность и сила воли.

Говоря о природе лидерства, стоит рассмотреть биологические предпосылки формирования лидерства у человечества как вида.

У стадных животных появляется, как называет этот феномен Л. Д. Столяренко, «про-толидерство», представляющее собой особую иерархию, во главе которой стоит вожак – наиболее сильная и приспособленная особь, принимающая на себя заботу о стаде, но и получающая определенные привилегии. Вожаком становится тот, кто имеет определенные биологические характеристики, обеспечивающие его преимущество перед остальными в стае [1, с. 18]. У наших ближайших родственников обезьян – это агрессивность и «социальные» навыки. Необходимость вожака обусловлена тем, что упорядоченная система отношений в стае – это залог выживаемости и развития стада. Разумеется, это, примитивный прообраз из животного мира, который только в общих чертах может помочь нам понять в каком направлении шла эволюция взаимоотношений индивидов у стадных млекопитающих, к которым относится и человек.

На данный момент человеческое сообщество представляет собой гораздо более сложные системы, однако механизмы борьбы за власть и желание показать себя лидером берут свое начало именно в тех примитивных взаимоотношениях, которые выстраивали наши предки.

Мортон Дойч связывал развитие внутригрупповых процессов, в том числе и лидерства с проявлением конкуренции, и агрессивности. По его мнению, чем более сильна для человека мотивация проявить лично себя лидером, стремление увеличить разрыв в силе между собой и другими членами группы, занять более выгодную социальную позицию, чем меньше у участников общих интересов, тем более конфликтным и агрессивным будет его поведение [2, с. 26].

Еще одним важным фактором, который оказывает существенное влияние на лидерское поведение является гендер. Традиционно лидерство мало изучалось с учетом этого фактора, однако, к концу XX века стала очевидна роль гендера и его влияние на многие социальные процессы, в том числе, и на такой феномен как лидерство, и количество исследований значительно возросло.

Гендер – это социальный конструкт, совокупность норм поведения присущих для того или иного биологического пола и обусловленного социализацией. Это одна из базовых характеристик личности, продукт социального развития человека.

На данный момент выделяют три гендера:

- маскулинный – совокупность поведенческих черт, характеризующаяся высокой развитостью черт характера, которые традиционно приписываются мужчинам, в силу особенностей их физиологии. Например: высокая агрессивность, в том числе, и сексуальная, высокий уровень самоуважения и самооценки;

- фемининный – совокупность черт, которые связывают с женщинами, таких как мягкость, уступчивость, способность к сопереживанию. Фемининные черты направлены на эмоциональную сферу, а не на успешность и самореализацию в отличие от маскулинных;

- андрогинный – отсутствие яркой выраженности маскулинных или фемининных черт. У андрогинов представлены и маскулинные, и фемининные черты, но при этом нет смещения ни к одному из полюсов, что делает их наиболее приспособленными и социально-адаптированными [3, с. 25].

Т. В. Бендас в своих работах говорит о том, что на лидерские качества значимое влияние оказывают такие факторы как: гендерный, культурный и ролевой. На основании этого Т. В. Бендас отмечала, что в науке стиль лидерства принято связывать с определенным гендером: коллаборативный стиль с фемининным набором качеств, а структурирующий с маскулинным, о чем говорил Гейл Т. Фейрхерст, а также А. Кэнни Д. Зигфрид. К. Бэртол говорила, что лидеры-мужчины ориентированы на задачу, тогда как лидеры-женщины ориентированы на межличностное взаимодействие [7, с. 21]. При этом по Т. В. Бендас «эффективное лидерство ассоциируется не с маскулинными, а с андрогинными характеристиками – сочетанием маскулинных и фемининных качеств», в этом, по ее мнению, проявляется отход от традиционных стереотипов о необходимости маскулинного поведения лидера. Исходя из вышеизложенного, становится очевидным наличие связи между стилем лидерства и гендером, что подтверждается многочисленными исследованиями. Но при этом остается открытым вопрос существует ли корреляция между наличием лидерских качеств, в целом, и гендером, и если, да, то какой гендер проявляет наиболее сильно лидерские качества.

Сила воли так же считается одной из наиболее важных качеств для лидера. Сила воли – это способность личности к произвольному регулированию своего поведения, деятельности и психических явлений. Воля является высшей психической функцией и, как и другие ВПФ она социальна по происхождению и осознанна по способу функционирования [4, с. 56].

Воля детерминирует различное поведение человека, как основные функции воли С. Ю. Головиным выделяются:

- 1) «выбор мотивов и целей;
- 2) регуляция побуждения к действиям при недостаточной или избыточной их мотивации;
- 3) организация психических процессов в адекватную выполняемой человеком деятельности систему;
- 4) мобилизация физических и психических возможностей при преодолении препятствий в достижении поставленной цели» [5, с. 15].

Воля является тем механизмом, который помогает личности отстаивать свои ценности, при необходимости заставляющая выступить против естественных биологических или социальных потребностей. Человек с сильной волей способен отказаться от социальных благ или собственных желаний в угоду деятельности, согласующейся с его нравственными идеалами. Именно это делает волю инструментом развитой личности. Прочность моральных ориентиров обеспечивает поведение человека, считающееся в обществе признаком силы воли.

Для проверки гипотезы о том, что гендер, агрессивность и волевые качества детерминируют развитие лидерских качеств, мы провели исследование, в котором приняли участие студенты ВИУ РАНХИГС, а также их друзья и родственники. Выборка составила 57 человек, из которых 26 мужчин и 31 женщина. Возраст испытуемых от 17 до 24 лет [6, с. 210].

Проведенное исследование позволило выявить корреляцию между уровнем лидерских качеств и способностей и гендером, а также между лидерскими качествами и силой воли. При этом связи между уровнем агрессивности и лидерскими способностями найдено не было.

Полученные результаты говорят о том, что люди с маскулинными качествами характера, больше склонны к лидерству, а люди с фемининными меньше, причем это детерминировано не их агрессией и желанием доминировать, а вероятно стремлением к власти. Также было замечено, что современные молодые люди в своем поведении мало придерживаются гендерных установок, которые предписаны их полом и предпочитают андрогинное поведение. Причина этому кроется в том, что сочетание и маскулинных, и фемининных качеств обеспечивает большую приспособляемость к внешним условиям. Также было выяснено, что существует зависимость между лидерскими качествами и оценкой испытуемых своей силы воли.

Список литературы

1. Бендас, Т. В. Гендерная психология. СПб.: Питер, 2006. 431 с.
2. Вавилкин, В. Н., Ануфриенко Л. В. История изучения лидерских качеств у зарубежных и отечественных авторов // Научно-аналитический журнал «Вестник Санкт-Петербургского университета Государственной противопожарной службы МЧС России». 2015. № 4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/istoriya-izucheniya-liderskih-kachestv-u-zarubezhnyh-i-otechestvennyh-avtorov> (дата обращения: 14.04.2022).
3. Клейнман, П. Психология. Люди, концепции, эксперименты. 2-е изд. Москва: Манн, Иванов и Фербер, 2019. 286 с.
4. Нежелченко, Е. В., Ясенюк С. Н., Здоровец Ю. И., Яковенко Н. Ю. Командообразование и лидерство. Белгород: «БелГТУ им. В. Я. Горина», 2017. 112 с.
5. Никитина, Ю. А. Гендерные детерминанты лидерства: дисс. ... канд. философ. наук. Волгоград, 2003. 116 с.
6. Cann, A., Siegfried, W. D. (1990) Gender stereotypes and dimensions of effective leadership behavior. *Sex Roles*, 23. 413–419.
7. Sandra Lipsitz, Bem. *The Lenses of Gender. Transforming the Debate on Sexual Inequality*. М.: РОССПЭН, 204. 329 с.

УДК 159.923
ББК 88.53

Савченко Светлана Николаевна
аспирант кафедры социологии, общей и юридической психологии,
Чернов Александр Юрьевич
доктор психологических наук, доцент,
профессор кафедры социологии, общей и юридической психологии,
Волгоградский институт управления –
филиал РАНХиГС при Президенте РФ,
Волгоград, Россия

РЕЛИГИОЗНАЯ КОНВЕРСИЯ КАК ПРИЧИНА ВОЗНИКНОВЕНИЯ ОНКОЛОГИЧЕСКИХ ЗАБОЛЕВАНИЙ: ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ПРОБЛЕМЫ

Аннотация. Религиозная конверсия – процесс, который в ограниченный срок может привести к кардинальным изменениям личности, что отразится на эмоциональном, когнитивном и поведенческом уровне личности, стать причиной ценностно-смыслового конфликта и сформировать иной взгляд на болезнь – на причины ее возникновения и процесс преодоления. Целью работы стало рассмотрение религиозной конверсии как возможной причины возникновения онкологических заболеваний. Гипотеза исследования: лица, прошедшие процесс религиозной конверсии под влиянием внешних социальных факторов, а не внутреннего побуждения, имеют глубокие внутренние конфликты, которые могут быть причиной возникновения психосоматических заболеваний. Методом исследования стал теоретический анализ литературы по теме религиозной конверсии, ценностно-смысловых конфликтов и психологических факторов возникновения психосоматических, в том числе онкологических заболеваний. Личностные изменения как результат религиозной конверсии можно проследить на уровне смыслов. Ценности и смыслы рассматриваются как интегрирующие образования, от которых зависит внутриличностная согласованность. Рассогласование ценностей и смыслов подрывает стабильность личности. Подобное рассогласование может быть следствием смены вероисповедания по матримониальным или другим причинам, когда решение принимается внешне, но отторгается на глубинных уровнях. Складывается ситуация конфликта мотивов, что подводит личность к отказу от совладающего поведения. В результате человек оказывается в состоянии психоэмоционального и психосоциальноно стресса, который в свою очередь подрывает здоровье человека и становится одним из канцерогенных факторов.

Таким образом, религиозная конверсия может приводить к конфликту ценностей и смыслов, что выражается в психологическом дискомфорте и сильном стрессе – одной из важнейших причин развития рака наряду с биологическими факторами. Эта проблема должна получить дальнейшее практическое изучение.

Ключевые слова: религиозная конверсия, ценностно-смысловая сфера, психосоматические заболевания, онкологические заболевания, рак.

Savchenko Svetlana Nikolaevna

Postgraduate student of the Department of Sociology,

General and Legal Psychology,

Chernov Alexander Yurievich

Doctor of Psychological Sciences, Associate Professor,

Professor of the Department of Sociology, General and Legal Psychology,

Volgograd Institute of Management –

branch of RANEPa under the President of the Russian Federation,

Volgograd, Russia

RELIGIOUS CONVERSION AS A CAUSE OF ONCOLOGICAL DISEASE: A THEORETICAL ANALYSIS OF THE PROBLEM

Abstract. Religious conversion is a process that within a limited period of time can lead to cardinal changes in the personality, which will affect the emotional, cognitive and behavioral levels of the individual, cause a value-semantic conflict and form a different view of the disease – the causes of its occurrence and the process of overcoming it. The aim of the work was to consider religious conversion as a possible cause of oncological diseases. Research hypothesis: persons who have gone through the process of religious conversion under the influence of external social factors, rather than internal motivation, have deep internal conflicts that may be the cause of psychosomatic illnesses. The research method was a theoretical analysis of the literature on the topic of religious conversion, value-semantic conflicts and psychological factors in the occurrence of psychosomatic diseases, including oncological diseases. Personal changes as a result of religious conversion can be traced at the level of meanings. Values and meanings are considered as integrating formations on which intrapersonal consistency depends. The mismatch of values and meanings undermines the stability of the individual. Such a disagreement may be the result of a change of religion for matrimonial or other reasons, when a decision is made externally, but rejected at deep levels. There is a situation of conflict of motives, which leads the individual to the rejection of coping behavior. As a result, a person finds himself in a state of psychoemotional and psychosocial stress, which in turn undermines human health and becomes one of the carcinogenic factors. Thus, religious conversion can lead to a conflict of values and meanings, which is expressed in psychological discomfort and severe stress – one of the most important causes of cancer along with biological factors. This problem should receive further practical study.

Keywords: *religious conversion, value-semantic sphere, psychosomatic diseases, oncological diseases, cancer.*

Актуальность. Религиозная конверсия – это процесс постепенного или быстрого изменения экзистенциальной ориентации человека, в результате чего он становится приверженцем какого-либо религиозного учения. Это процесс изменения религиозной идентичности, при котором происходит их отказ от старых систем верований и образцов поведения в пользу новых [5, с. 70]. Терминология, используемая для обозначения этого процесса в зарубежной и отечественной науке, достаточно разнообразна. В западных исследованиях первым был введен в научный оборот и активно использовался термин «religious conversion» (от латинского «conversio» – переход на другой путь), обозначающий прежде всего религиозное обращение и реже – переход из одной религии в другую (У. Джеймс, Д. Лофланд и Р. Старк, Л. Рамбо). Параллельно с этим существует иной подход, породивший еще один термин – «religious switching» (с английского – «религиозный переход/выход, переключение»). В дан-

ном случае это не обращение к вере, а переход из одной веры в другую (Р. Старк и С. Глок). В российских исследованиях также используются два термина: как религиозная конверсия, так и религиозное обращение (И. С. Буланова, Е. С. Гусева, В. Б. Исаева, А.И. Любимова, А. Ю. Чернов, В. Б. Яшин и другие) [7, с. 104].

Религиозная конверсия понимается как переход от неверия к вере, как переход в иную конфессию либо как реактуализация религиозности, привитой с детства. В данной работе мы будем рассматривать только вариант смены религиозной конфессии.

Фокус научного исследования психологических аспектов религиозности сосредоточен на статичных характеристиках, а вот динамика, то есть формирование, развитие и трансформация религиозности изучены мало. Религиозная конверсия относится к процессуальным характеристикам, и, оперируя этим термином, можно рассмотреть, как неверие сменяется верой и как ценности и ритуалы одной конфессии замещаются догматами другого вероисповедания.

Религиозная конверсия неизбежно приводит к глубоким, коренным изменениям личности, причем затрагивает даже те сферы психической жизни, которые, казалось бы, далеки от религии. Человек приобретает иной взгляд на важные события жизни (в том числе меняется отношение к болезни и ее причинам), иерархия ценностей претерпевает изменения, сменяются жизненные цели, происходят перемены в личностной идентичности [1, с. 112]. В результате человек, завершивший процесс религиозной конверсии, может иначе оценить свою личность и ее значимость, формировать иной взгляд на болезнь – на причины ее возникновения и процесс преодоления.

Целью работы стало рассмотрение религиозной конверсии как возможной причины возникновения онкологических заболеваний.

Гипотеза исследования: лица, прошедшие процесс религиозной конверсии под влиянием внешних социальных факторов, а не внутреннего побуждения, имеют глубокие внутренние конфликты, которые могут быть причиной возникновения психосоматических заболеваний.

Методом исследования стал теоретический анализ литературы по теме религиозной конверсии, ценностно-смысловых конфликтов и психологических факторов возникновения психосоматических, в том числе онкологических заболеваний.

Результаты. Религия входит в число тех механизмов, которые способны в короткий срок радикально изменить личность. Результатом будут глубокие изменения в сфере жизненных целей, ценностей, установок личности, самовосприятия и идентичности. Специфику личностных изменений можно проследить на уровне смыслов, который представляет собой некоторый интегрирующий принцип личности. Данный уровень характеризуется непрерывной работой с построением смысла для постоянного развития человека, поэтому изменения на уровне смыслов также постоянны. Сфера смыслов подразделяется на уровни. Высшие уровни смысловой сферы состоят из ценностных ориентаций личности и отвечают за целостное восприятие значимости своей жизни. Смысловая сфера отвечает за направленность и содержание социальной жизни человека, определяет общую стратегию отношения к окружающему миру и себе в нем [2, с. 435-437]. Таким образом, религиозная конверсия сопровождается изменением смысловой сферы личности.

Взаимообусловленность ценностей и смыслов личности создает условия для внутриличностной согласованности, вариативности и стабильности функционирования человека [6, с. 566]. Ценности личности выполняют интегративную функцию: помогают сформировать целостную картину мира и побуждают к поиску смысла. Проблема смыслов неразрывно связана с вопросом важнейших, высших ценностей человеческой жизни. Поэтому рассмотрение

проблемы смысла при данном подходе связано с прояснением иерархии ценностей и выработкой критериев значимости. Переживание осмысленности жизни в процессе самореализации и самоактуализации часто сопровождается состоянием счастья, гармонии, душевного здоровья, полноты жизни, что и определяет феномен качества жизни [4, с. 140–141]. Таким образом, рассогласование ценностей и смыслов подрывает стабильность личности.

Противоречивая работа различных ценностей и мотивов личности становится источником ценностно-смыслового конфликта, который отражается на различных уровнях. На поведенческом уровне он выражается в слабости приспособительной деятельности, невротических и фрустрационных реакциях, регрессии, поспешности, необдуманности и разрушительности действий. На эмоциональном – создает психологический дискомфорт, заставляет человека чувствовать неуверенность и беспомощность, тревогу и вину, досаду, озлобленность, агрессию. Когнитивный уровень страдает за счет нарушения целостности «Я», блокировки доступа к личному и социальному опыту, вытеснения обобщенных нравственных отношений частными мотивами и неустойчивыми ориентирами. Позитивные функции ценностно-смыслового конфликта изучены крайне мало, и рассматриваются косвенно через способность личности конструктивно разрешать внутриличностные конфликты. В связи с этим выделяют два противоположных типа личности: «активный» – конструктивно разрешающий ценностно-смысловой конфликт; «пассивный» – деструктивно разрешающий конфликт за счет использования защитных механизмов [11, с. 192].

Религиозная конверсия может приводить к ценностно-смысловым конфликтам, если это решение было принято под влиянием не внутреннего побуждения, а внешних факторов. Одна из наиболее значимых и распространенных причин смены религии, особенно если говорить о вступлении в ислам – матримониальная причина. Стремление устроить личную жизнь и создать семью подтолкнуло к решению сменить вероисповедание большое число женщин и мужчин. Так, среди причин принятия ислама у женщин матримониальные причины сыграли свою роль в 25 % случаев, у мужчин – в 14 % [9, с. 188]. Стремление устроить свою личную жизнь приводит к радикальному изменению личностных смыслов и трансформации личности на эмоциональном, когнитивном и поведенческом уровне, что становится причиной рассогласования в ценностно-смысловой сфере и провоцирует глубокие внутренние конфликты.

Причиной психосоматических заболеваний может выступать внутренний конфликт между одинаковыми по силе, но разнонаправленными мотивами. При психосоматических заболеваниях из сферы сознания вытесняется не только сам неприемлемый мотив, но и невротическая тревога, которая возникает по этому поводу, и все невротическое поведение в целом. Ситуация конфликта мотивов подводит личность к отказу от совладающего поведения. На какие конкретно органы и системы органов при этом придется удар – зависит от наследственной предрасположенности или от особенностей развития личности. Болезнь становится одной из возможных реакций, которые представлены человеку в безвыходном, на его взгляд, положении. Болезнь становится подавляющим и регрессивным объектом, позволяющим вывести скрытую борьбу наружу [8, с. 165].

Онкоэпидемиологические исследования дают важную информацию о связи стрессовых состояний с целым рядом генетических, иммунологических, гормональных и биохимических изменений в организме человека, которые способны развиваться в достаточно короткие сроки и, согласно опыту онкологов, имеют непосредственное отношение к развитию рака. Значительный интерес в этом отношении представляет сопоставление известных в настоящее время механизмов действия канцерогенов с биологическими эффектами от стрессорного воздействия на организм [3, с. 191]. Согласно К. П. Балицкому, стресс нарушает функцио-

нирование эндокринной системы организма, провоцирует стойкое повышение концентрации гормонального фона, что может стимулировать рост опухолевого процесса [10, с. 142]. Кроме того, психоэмоциональный и психосоциальный стресс оказывает серьезное негативное влияние на общее состояние человека. Стресс способен снизить порог устойчивости организма к действию негативных – токсичных, мутагенных, канцерогенных – влияний и спровоцировать ощутимые нейроэндокринные нарушения. Совокупность этих факторов позволяет говорить о возможной роли психоэмоционального состояния в формировании онкологического заболевания [3, с. 194].

Выводы. Религиозная конверсия приводит к радикальному изменению ценностных установок. Смена религии по матримониальным причинам – не внутреннее решение, а внешнее – из-за давления супруга или других значимых близких. Это приводит к конфликту ценностей и смыслов, что выражается в психологическом дискомфорте и стрессе для человека. В основе психосоматических заболеваний, в том числе онкологии, лежат внутренние конфликты, которые человек не всегда осознает. Доказано, что одной из важнейших причин развития рака наряду с наследственностью, негативными воздействиями окружающей среды и вредными привычками является переживание сильного стресса. В практике онкопсихолога встречаются случаи возникновения онкологического заболевания у людей, сменивших вероисповедание по причине вступления в брак. Эти случаи могут стать основой для дальнейшего практического исследования связи религиозной конверсии и возникновения онкологических заболеваний.

Список литературы

1. Буланова, И. С. Специфика религиозной конверсии как психологического феномена // Вестник ВятГУ. 2014. № 2. С. 112–114.
2. Буланова, И. С. Типология личностных изменений в контексте религиозной конверсии // В мире научных открытий. 2014. № 11.1 (59). С. 434–446.
3. Ильницкий, А. П. Психоэмоциональное/психосоциальное состояние общества – одна из возможных причин роста онкологической заболеваемости в современной России // Вопросы онкологии. 2019. Т. 65. № 2. С. 188–197.
4. Лысогорская, М. В. Внутриличностный ценностный конфликт как индикатор качества жизни личности // Проблемы социальной психологии личности. Сборник тезисов по проблемам психологии личности. Саратовский государственный университет им. Н. Г. Чернышевского. 2008. С. 137–144.
5. Любимова, А. И. Теории религиозной конверсии и новые религиозные движения в России // Вестник РХГА. 2009. С. 70–74.
6. Почтарева, Е. Ю. Ценностно-смысловая сфера личности: сущность, детерминанты, механизмы развития // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2017. Вып. 4. С. 563–575.
7. Романова, А. П., Черничкин, Д. А., Топчиев, М. С., Рогов, А. В. Причины и механизмы религиозной трансгрессии в среде студенческой молодежи Северного Прикаспия // Южно-российский журнал социальных наук. 2020. № 1. С. 104–120.
8. Русина, Н.А. Телесность психосоматического больного // Психология телесности: теоретические и практические исследования. 2009. № 2. С. 162–171.
9. Силантьев, Р. А. Причины принятия ислама российскими гражданами // Ислам и исламоведение в современной России. 2019. № 1. С. 184–192.
10. Симоненко, С. Н. Онкологические заболевания как глобальная проблема современности // Научно-практические исследования. 2018. № 3(12). С. 141–144.
11. Степнова, Л. А., Степнов, А. П. Ценностно-смысловые конфликты и их преодоление в деятельности государственных служащих // Социология власти. 2012. № 3. С. 191–197.

УДК 159.9.075
ББК 88.5

Салахиева Альбина Ринатовна
магистрант группы МПС-200,
Научный руководитель: Хрипунова Светлана Владимировна
кандидат философских наук, доцент,
доцент кафедры социологии, общей и юридической психологии,
Волгоградский институт управления –
филиал РАНХиГС при Президенте РФ,
Волгоград, Россия

ОБРАЗ БРАЧНОГО ПАРТНЕРА И ОСОБЕННОСТИ ДЕТСКО-РОДИТЕЛЬСКИХ ОТНОШЕНИЙ В ПОЗДНЕМ ЮНОШЕСКОМ ВОЗРАСТЕ

Аннотация. Статья посвящена изучению психологического содержания образа брачного партнера в позднем юношеском возрасте и детско-родительских отношений, а также описанию результатов проведенного эмпирического исследования взаимосвязи между отношениями в детско-родительской семье и образом брачного партнера.

Ключевые слова: образ брачного партнера, детско-родительские отношения, семья, юношеский возраст.

Salakhieva Albina Rinatovna
Master's student of the MPS-200 group,
Scientific supervisor: Khripunova Svetlana Vladimirovna
Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor,
Associate Professor of the Department of Sociology,
General and Legal Psychology,
Volgograd Institute of Management –
branch of RANEPА under the President of the Russian Federation,
Volgograd, Russia

THE IMAGE OF A MARRIAGE PARTNER AND THE PECULIARITIES OF PARENT-CHILD RELATIONSHIPS IN LATE ADOLESCENCE

Abstract. This article is devoted to the study of the psychological content of the image of a marriage partner in late adolescence and parent-child relations, as well as a description of the results of an empirical study of the relationship between relationships in a child-parent family and the image of a marriage partner.

Keywords: the image of a marriage partner, parent-child relationships, family, adolescence.

Семья – важнейшая часть жизни человека, ведь она является основой для продолжения жизни человечества, источником духовного развития.

Вступление в брак и создание собственной семьи является ответственным шагом в жизни молодых людей, который обуславливает с одной стороны личное семейное благополучие, с другой выступает фактором стабильности общества. В современном мире институт брака находится в состоянии кризиса, на что указывает на растущее число разводов, и эта

тенденция становится для страны все более типичной. Большинство разводов происходят из-за того, что молодожены довольно часто относятся к браку без серьезности, не видят смысла в подготовке к семейной жизни, не имеют представления о значении семьи. Особенно остро встает проблема распада семьи в первые годы совместной жизни супругов.

Большую роль в стабилизации и дестабилизации молодых семей играют не только факторы, складывающиеся в ходе процесса семейной жизни, но и возникающие в период взаимодействия невесты и жениха перед браком. Поэтому встает вопрос об адекватности и правильности выбора супруга. Очень важно подходить к этому выбору с большой ответственностью. Ключом к благополучию семьи и стабильности общества является осознанное решение относительно создания семьи.

Вступающие в брак часто обладают нереалистичными представлениями о будущей семье. Их представления слишком идеализированы. В то же время совместная жизнь требует от супругов способности реалистично оценивать семейные отношения, готовности к компромиссу, умения считаться с потребностями партнера, уступать друг другу. Именно поэтому молодежи так важно развивать в себе качества, которые позволяют принимать партнера таким, каким он является на самом деле, со всеми присущими ему личностными особенностями, как «достоинствами», так и «недостатками», а также реалистичный взгляд на семейные отношения.

Понятие образа подразумевает совокупность характеристик определённого субъекта, отраженных в сознании индивидов. Основой его построения является восприятие и представление, в процессе создания образа уточняются и выявляются свойства предметов. Образ является составляющей действий субъекта, которая ориентирует его в различных ситуациях.

Любые добрачные отношения начинаются с выбора партнера.

На брачный выбор влияют социальные, экономические, культурные, психологические и антропологические критерии, при этом значение каждого из них изменяется во времени [4]. Брачный отбор можно определить, как процесс, в итоге которого из совокупности возможных выборов партнера по браку, отбирается тот, в каждом определенном случае единственный человек, который становится постоянным партнером в отношениях или супругом.

Образ брачного партнера – это представления в сознании человека о том, как его супруг должен выглядеть и какими характеристиками обладать, у каждого человека эти представления индивидуальны. Созданный образ существенно влияет на выбор спутника жизни.

Существует множество исследований (Айгумова З. И., Шапарь В. Б. и др.), которые показывают, что субъективное представление родительской семьи вырабатывается с помощью образов родителей, их отношений между собой и отношений каждого из них к ребенку. По большей части родители влияют на определение семейных установок и установление ролей будущих жен и мужей, и далее отцов и матерей, Н. Н. Наричын предложил некоторые внутренние критерии, определяющие выбор будущего супруга, и первым и самым часто встречаемым критерием он считал родительский сценарий. Это означает, что человек выбирает себе партнера либо похожего на своего родителя, либо на тот идеальный образ, который ему внушили родители.

На основании социальных, теоретических и практических аспектов актуальности проблемы была определена тема исследования, целью которого является выявление соотношения особенностей детско-родительских отношений и образа брачного партнера в позднем юношеском возрасте.

Объектом исследования является психологическое содержание образа идеального партнёра в позднем юношеском возрасте.

Предмет исследования – образ брачного партнера и особенности детско-родительских отношений в позднем юношеском возрасте

Гипотеза исследования состоит в предположении о том, что между отношениями в родительской семье и образом брачного партнера существует некая связь.

В исследовании приняли участие 43 человека в возрасте от 19 до 23 лет, из них 25 молодых людей и 18 девушек.

Для получения данных были определены следующие методики:

1. Опросник «Измерение установок в семейной паре»
2. Тест «Анализ семейной тревоги»
3. Опросник «Рольевые ожидания и притязания в браке»
4. Тест ADOR «Подростки о родителях»

Для изучения образа брачного партнера у лиц позднего юношеского возраста был использован опросник «Рольевые ожидания и притязания в браке» (А. Н. Волковой). Из методики были взяты три шкалы, которые характеризуют образ брачного партнера: Шкала личностной идентификации с супругом (супруг должен иметь общие интересы и ценности); хозяйственно-бытовая шкала (супруг должен обладать хозяйственными навыками и принимать активное участие в бытовых проблемах); эмоционально-терапевтическая шкала (супруг должен быть эмоциональным лидером в семье, поддерживать в семье хорошую эмоциональную атмосферу).

Результаты представлены в таблице 1.

Анализ результатов позволяет обнаружить, что преобладающей тенденцией в образе брачного партнера и у девушек, и у юношей в позднем юношеском возрасте является то, что супруг должен являться эмоциональным лидером в семье: оказывать моральную и психологическую поддержку, корректировать психологический климат в семье. Самой наименее важной тенденцией для обоих полов является автономность супруга. Также выяснилось, что для большинства юношей данного возраста важно, чтобы будущая супруга имела схожие интересы, ценности и потребности.

Таблица 1

Процентное соотношение результатов опросника «Рольевые ожидания»

Образ брачного партнера	Количество испытуемых		Процентное соотношение	
	м	ж	м	ж
Общие интересы, потребности, ценности	22	11	88,00 %	65,00 %
Автономный супруг	3	7	13,00 %	35,00 %
Хозяйственный супруг	17	13	65,00 %	71,00 %
Эмоциональный лидер	25	18	100,00 %	100,00 %

Согласно опроснику Ю. Е. Алешиной «Измерение установок в семейной паре» у подавляющего большинства девушек и чуть больше половины юношей представления о роли супругов в семье традиционные. Это означает, что большинство молодых людей воспринимают роль мужа как «кормильца», а роль жены как «частичной домохозяйки». Также выяснилось, что у большинства юношей, и чуть больше половины девушек высокая ориентация на совместную деятельность супругов во всех сферах семейной жизни.

Результаты также представлены в таблице 2.

Результаты «Опросника семейной тревоги» показывают, что почти у половины опрошенных (55,81 %) уровень семейной тревоги низкий. У 25,58 % средний, 18,60 % высокий.

Нами были выделены на основании АСТ следующие типы семей: семьи с низким уровнем тревожности, семьи со средним уровнем тревожности, семьи с высоким уровнем тревожности.

На основании теста АДОР были выделены следующие типы семей: с родителями с высоким позитивным интересом; директивными родителями; враждебными; автономными; непоследовательными.

Таблица 2

Процентное соотношение результатов опросника «Семейные установки»

Установки супругов в семье	Количество испытуемых		Процентное соотношение	
	м	ж	м	ж
Традиционные представления о роли супругов в семье	16	16	64,00 %	89,00 %
Зависимость от супруга	20	11	71,00 %	61,00 %
Автономность супруга	5	7	21,00 %	39,00 %
Нетрадиционные представления о роли супруга в семье	9	2	36,00 %	11,00 %

По уровню семейной тревоги респондентов можно разделить на три группы: с низким уровнем тревожности, со средним уровнем тревожности и с высоким уровнем тревожности.

На основании теоретического исследования и проверки гипотез с помощью корреляционно-регрессионного анализа с коэффициентом ранговой корреляции Спирмена, нами были сделаны следующие выводы.

Были выявлены связи между уровнем враждебности отца и уровнем семейной тревожности; между семьями с автономной матерью и установкой на зависимость от партнера; связь уровня личностной идентификации с супругом с эмоционально-терапевтическими ролевыми ожиданиями.

Были получены значимые различия в установке на личностную идентификацию с супругом между лицами с разным уровнем семейной тревожности. По таким семейным установкам, как автономность\зависимость от супруга; эмоционально-терапевтическая ценность семьи, личностная идентификация с супругом, традиционные представления о семье по отношению к отцу и матери значимых различий нет.

В выборке преобладают люди с низким уровнем семейной тревожности. Уровень семейной тревожности зависит от враждебности отца. Чем выше уровень автономности матери, тем выше уровень установки на автономность партнера. Чем выше уровень личностной идентификации, тем выше развита установка на эмоционально-психотерапевтическую ценность семьи. Семейная тревожность связана с ролевыми ожиданиями и образом брачного партнера, в то время как семейная тревожность связана с отношением отца. Отношение матери влияет на ролевые семейные установки и образ брачного партнера.

Таким образом, гипотеза исследования получила подтверждение – между детско-родительскими отношениями в родительской семье и образом брачного партнера в позднем юношеском возрасте существует взаимосвязь.

Список литературы

1. Айгумова, З. И., Айгумова, В. Р. Мотивация выбора супруга / З. И. Айгумова, В. Р. Айгумова. М.: Прометей, 2010. 216 с.
2. Андреева, Т. В. Семейная психология: учебное пособие / Т. В. Андреева. СПб.: Речь, 2004. 244 с.
3. Докучаева, С. О. Влияние родительской семьи на построение супружеской семьи в следующем поколении // Психологическая наука и образование. 2005. № 3. С. 41–45.
4. Шнейдер, Л. Б. Психология семейных отношений / Л. Б. Шнейдер. М.: Эксмо, 2000. 529 с.
5. Шапарь, В. Б. Практическая психология. Психодиагностика отношений между родителями и детьми / В. Б. Шапарь. М.: Феникс, 2006. 432 с.
6. Эйдемиллер, Э. Г., Юстицкис, В. В. Психология и психотерапия семьи / Э. Г. Эйдемиллер, В. В. Юстицкис. СПб.: Прометей, 2009. 672 с.

УДК 159.99
ББК 88.7

Сальникова Татьяна Алексеевна
магистрант группы МПС-200,
Научный руководитель: Забродина Татьяна Игоревна
кандидат педагогических наук, доцент,
доцент кафедры социологии, общей и юридической психологии,
Волгоградский институт управления –
филиал РАНХиГС при Президенте РФ,
Волгоград, Россия

ЛИЧНОСТНЫЕ ОСОБЕННОСТИ И ДЕТЕРМИНАНТЫ РАССТРОЙСТВА ПИЩЕВОГО ПОВЕДЕНИЯ ЮНОШЕЙ И ДЕВУШЕК

Аннотация. Согласно современной официальной статистике, депрессия охватила около 280 миллионов человек во всём мире, но несмотря на такую масштабность и даже несмотря на то, что существуют действительно эффективные методы лечения, более 75 % людей остаются без какого-либо лечения, в частности в странах с низким и средним уровнем дохода. Вместо правильной «борьбы» с психическим расстройством, многие люди начинают, например, «заедать» своё состояние, что глобально перерастает в проблему распространения расстройства пищевого поведения. Цель исследования – проверить наличие взаимосвязи определенных личностных особенностей юношей и девушек с детерминантами расстройства пищевого поведения. Гипотеза исследования – для юношей и девушек, имеющих повышенный уровень склонности к расстройству пищевого поведения, характерны некоторые личностные особенности. Использовалась методика «Шкала оценки пищевого поведения» D. M. Garner, M. P. Olmstead, J. P. Polivy. По результатам исследования, высокий уровень возникновения расстройства пищевого поведения свойственен среди 70 % обследованных молодых людей, среди которых у 40 % испытуемых выявлены признаки анорексии и у 30 % – булимии. У обследованных студентов выявлены доминирующие личностные характеристики, которые могут являться фактором возникновения расстройства пищевого поведения.

Ключевые слова: пищевое поведение, расстройство пищевого поведения, анорексия, стресс, личностные особенности.

Salnikova Tatiana Alekseevna
Master's student of the MPS-200 group,
Scientific supervisor: Zabrodina Tatiana Igorevna
Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor,
Associate Professor of the Department of Sociology,
General and Legal Psychology,
Volgograd Institute of Management –
branch of RANEPA under the President of the Russian Federation,
Volgograd, Russia

PERSONALITY TRAITS AND DETERMINANTS EATING DISORDERS BOYS AND GIRLS

Abstract. according to modern official statistics, depression has affected about 280 million people worldwide, but despite such a scale and even despite the fact that there are really effective methods of treatment, more than 75 % of people remain without any treatment, in particular in low- and

middle-income countries. Instead of a proper «struggle» with a mental disorder, many people begin, for example, to «jam» their condition, which globally develops into a problem of the spread of an eating disorder. The purpose of the study is to check the relationship of certain personal characteristics of boys and girls with the determinants of eating disorders. The hypothesis of the study is that for boys and girls with an increased level of propensity to an eating disorder, certain personal characteristics are characteristic. The method «Eating behavior assessment Scale» was used by D. M. Garner, M. P. Olmstead, J. P. Polivy (Russian-language adaptation of the method Ilchik O. A., Sivukha S. V., Skugarevsky O. A., Suihi S.). According to the results of the study, eating disorders are characteristic of 70 % of the surveyed young people, among whom 40 % showed signs of anorexia and 30 % – bulimia. The surveyed students revealed dominant personality characteristics that cause eating disorders.

Keywords: eating behavior, eating disorder, anorexia, stress, personality traits.

В современном мире множество людей сталкиваются с состоянием стресса, порой не зная и не имея возможности узнать рациональных способов справиться с проблемами или же не замечая начало важных симптомов. По данным ВОЗ, во всем мире от депрессии страдает около 280 миллионов человек. Даже с учетом существования эффективных, проверенных, известных методов лечения психических расстройств, более 75 % людей в странах с низким и средним уровнем дохода вообще не получают никакого лечения. Игнорирование стрессового состояния и отказ от использования эффективных методов борьбы с дистрессом могут перерасти в регулярный процесс «заедания» проблем и стать одним из факторов формирования расстройства пищевого поведения. В 2019 г. расстройствами пищевого поведения страдало 14 млн человек, включая почти 3 млн детей и подростков.

Выявить своевременно начало формирования расстройства пищевого поведения может быть затруднительно в связи с тем, что начальные симптомы могут протекать и развиваться незаметно, а также в связи с возможным недостаточным уровнем знаний жителей о том, насколько важно прислушиваться и понимать сигналы своего тела, в связи с этим можно отметить важность предотвращения риска возникновения расстройств пищевого поведения.

Проблемы системы питания возникали у представителей различных слоев населения – от состоящих в малообеспеченной семье до всемирно популярных личностей. Эта болезнь, к сожалению, может коснуться каждого. Уровень успешности человека нередко ассоциируют с его внешним видом, в связи с чем участились создания разного вида интернет-блоги, наполненные советами о питании, которые или подходят лишь определенным людям, или вовсе необоснованны научно-подтвержденными фактами и несут за собой лишь вред и потенциальную опасность для организма. В последние годы возникло множество источников пропаганды, целью которых является идеализация расстройств пищевого поведения.

Известны случаи фатального развития расстройства, которые заканчивались трагично. Согласно одному из исследований, среди всех психических расстройств, РПП отличается самым высоким уровнем смертности среди населения. Расстройство пищевого поведения опасно, как и риском возникновения суицидального намерения, так и высоким уровнем вероятности формирования критичных болезненных состояний здоровья.

Если опираться на данные одного из множества исследовательских работ, основную группу риска составляют девушки и молодые женщины в возрасте от 15 до 25 лет. В этом периоде свойственно возникновение кризиса идентичности и роста уровня тревожности по поводу внешнего вида, а также есть вероятность определения кумира и желания ему соответствовать [9].

В Москве, в 2019 году, была открыта первая государственная клиника России для лечения расстройств пищевого поведения на базе ГБУЗ «Психиатрическая клиническая больница № 1 им. Н. А. Алексеева ДЗМ», что может свидетельствовать о том, что проблема важна на государственном уровне.

Перечисленные факты позволяют подтвердить распространенность расстройств пищевого поведения, что является определением актуальности выбранной темы для исследования.

Вследствие обозначенных актуальности и важности проблемы, исследованием личностных особенностей, сопутствующих риску развития расстройства пищевого поведения, издавна занимались и продолжают заниматься ученые психологической науки.

Ещё в 1689 году врач Мортон (R. Morton) описал случай нервной анорексии, названной в то время «нервная чахотка».

Проблемам расстройства пищевого поведения посвящены работы следующих отечественных психологов: Менделеевич В. Д., Савенков Ю. И. [10], Марилов В. В. [6], Келина М. Ю. [3], Дурнева М. Ю. [2] и другие.

В последние годы исследованиям расстройств пищевого поведения уделяла внимание И. Г. Малкина-Пых [5], написав множество статей и книг, совместную работу проделали Нардонэ Дж., Вербиц Т., Миланезе Р., В. П. Белинский изучал характер пищевой мотивации, М. А. Карева, Бобров А. Е., Вознесенская Т. Г. [1], Звенигородская Л. А., Николаева Н. О. [7] и Мешкова Т. А., Пономарева Л. Г. [8], также внесли вклад в изучение проблемы.

Цель исследования – выявить наличие взаимосвязи определенных личностных особенностей юношей и девушек с детерминантами расстройства пищевого поведения. Гипотеза исследования – для юношей и девушек, имеющих повышенный уровень склонности к расстройству пищевого поведения, характерны определенные личностные особенности. Объект – личностные особенности юношей и девушек и склонность к расстройству пищевого поведения. Предмет – личностные особенности и детерминанты расстройства пищевого поведения юношей и девушек.

Расстройство пищевого поведения – тяжелое состояние, которое входит в Международную Классификацию болезней (МКБ-10).

Пищевое поведение можно определить именно уже врожденными потребностями, поэтому можно отнести к проявлению инстинктивной деятельности. Можно выделить несколько видов нарушения пищевого поведения, однако особое историческое место занимает нервная анорексия. Несомненно, первые её описания значительно отличаются от современного понимания. С 1155 года, в трудах Авиценны, считавшегося в то время гениальным средневековым ученым, врачом, философом, можно найти упоминания отказа от еды у лиц юношеского возраста. Религиозная литература ранних периодов включает в себя описанные случаи “чудесной анорексии” женщин, считавшихся святыми. Поразила мир также история Сары Джейкоб 1870-го года. Девочка с десяти лет обходилась без еды, и, как описывают, без видимого влияния на ее здоровье. К моменту ее смерти утверждалось, что она находилась без еды около 113 недель. Однако, согласно медицинским показателям после смерти, девочка всё-таки питалась, хотя и очевидно, что неполноценно. В дальнейшем, в этот период, впервые обозначился переход определения худобы божественным знаком к научной проблеме.

Один из врачей Англии, Ричард Мортон, в 1689 создал влиятельный для того времени труд “Phthisiologia, seu Exercitationes de Phthisi”, на сегодняшний день, который считается как впервые в медицине описанный случай нервной анорексии. Состояние пациента им обозначалось как “нервное истощение организма”, которое могло быть вызвано “грустью, тревожной щепетильностью”. Согласно мнению Р. Мортана, в ситуации такого состояния человека,

могут быть предложены смена обстановки, занятие физической активностью и использование молочной диеты.

Значимый, по меркам того времени, вклад в описание клиники и лечения нервной анорексии был внесен выдающимся психиатром Луисом-Виктором Марс. Он опубликовал 8 книг и 17 манускриптов. В одной из статей он описал синдром, который через несколько лет назвали “нервная анорексия”. Было выявлено, что это именно психическое заболевание, а не соматическое, причем имеющее тяжелую психопатологию.

Затем, наконец, почти одновременно, в 1873 году, сразу два независимых друг от друга психиатра повлияли на то, как сейчас называется нервная анорексия – описав этот синдром, получивший как раз после этого современное название. Это были профессор Чарльз Ласег и врач Вильям Галл.

Ч. Ласег уделил много внимания именно попыткам глубоко проанализировать психопатологию заболевания. Он даже выделил три этапа болезни:

1. «Гастритический» – по мнению Ч. Ласега, характеризуется избеганием приёма пищи у человека, обосновывая это болевыми ощущениями.

2. «Борьба» – исчезает желудочно-кишечный дискомфорт, в связи с этим человек получает подкрепление в своей правоте касательно целенаправленного искажения стереотипа питания. Здесь же больной получает больше внимания от своего окружения, обретая также и вторичную выгоду.

3. «Кахексия» – проявление соматических симптомов (проблемы со стулом, слабость, истощение и т.д.), физическая немощность человека.

При этом Ч. Ласег лишь описал ряд предостережений для профилактики от появления этого состояния, не рекомендуя каких-либо лекарств и в целом лечения.

В. Галл, в свою очередь, описал в своей статье ситуации трёх подростков, можно сказать, голодающих. Он отмечал, что причиной этого поведения было «болезненное психическое состояние». Также им была составлена лечебная диета. В 1888 году им был описан случай болезни и выздоровления 14-летней девочки в журнале «Ланцет».

В последние годы XIX столетия значительно увеличилось количество описаний нервной анорексии, в частности во Франции и в Германии. Так, по советам Ч. Ласега, Ж.-М. Шарко рекомендовал изолировать пациентов от привычного окружения и в целом обстановки, а разрешать посещение близких лишь в случае прогресса в лечении.

В нашем исследовании использовалась методика «Шкала оценки пищевого поведения» D. M. Garner, M. P. Olmstead, J. P. Polivy (русскоязычная адаптация методики Ильчик О. А., Сивуха С. В., Скугаревский О. А., Суихи С.).

Выборку составили 70 человек (юноши и девушки) в возрасте от 18 до 23.

Нарушения пищевого поведения свойственны 70 % (49 чел.) обследованным молодым людям. Из них у 40 % (19 чел.) выявлены признаки анорексии и у 30 % (14 чел.) – булимии. При этом наблюдаются отдельные факты проявлений противоречивого поведения, выражаемого в наличии одновременно двух вышеназванных видов пищевых расстройств. У обследованных студентов доминируют такие личностные характеристики, вызывающие нарушения пищевого поведения, как ощущение общей неадекватности и субъективное переживание неспособности контролировать свою жизнь, а также отсутствие доверительных межличностных отношений и слабое развитие навыков самоконтроля поведения, в том числе пищевого.

Список литературы

1. Белинский, В. П. Клиническая характеристика пищевой мотивации у больных алиментарным ожирением // Вопросы питания. 1986. № 6. С. 24–27.

2. Бобров, А. Е. Психопатологические аспекты нервной анорексии // Альманах клинической медицины. 2015. № 51.
3. Вознесенская, Т. Г., Вахмистров, А. В. Клинико-психологический анализ нарушений пищевого поведения при ожирении // Невропат. и психиатр. 2001. Т. 12. С. 19–24.
4. Вознесенская, Т. Г. Ожирение // Глава 9. Типология нарушений ПП и эмоционально-личностные расстройства при первичном ожирении и их коррекция. М., 2010. С. 236–56.
5. Дурнева, М. Ю. Формирование пищевого поведения: путь от младенчества до подростка. Обзор зарубежных исследований / М. Ю. Дурнева // Клиническая и специальная психология. М., 2015. № 3. С. 1–19.
6. Звенигородская, Л. А. и др. Типы пищевого поведения и гормоны пищевого поведения у больных с метаболическим синдромом // Экспер. и клин. гастроэнтерология 2007; 1: 24. 2007. Т. 7.
7. Карева, М. А., Марилов, В. В. Психологический анализ случая нервной анорексии [Текст] / М. А. Карева, В. В. Марилов // Патопсихологические исследования в психиатрической клинике. М., 1994. С. 48–59.
8. Келина, М. Ю. Нарушения пищевого поведения и копинг-стратегии / М. Ю. Келина // Психология совладающего поведения: материалы II международной научно-практической конференции. 2012. № 1. С. 85–87.
9. Коркина, М. В., Цивилько М. А., Марилов В. В. Нервная анорексия. М., 1986.
10. Малкина-пых Ирина Германовна Психологическая коррекция нарушений пищевого поведения и алиментарного ожирения методами ритмо-двигательной оздоровительной физической культуры // Ученые записки университета Лесгафта. 2011. № 3.
11. Марилов, В. В. Роль психотерапии в комплексном лечении больных нервной анорексией / В. В. Марилов. М.: Академия, 2010. 220 с.
12. Менделевич, В. Д. Руководство по аддиктологии: монография / В. Д. Менделевич. СПб.: Речь, 2007. 768 с.
13. Нардонэ, Джорджио В плену у еды: анорексия, булимия : краткосрочная терапия нарушений пищевого поведения / Джорджио Нардонэ, Тициана Вербиц, Роберта Миланезе ; [пер. с итал. О. Е. Игошиной]. Москва : Генезис, 2016. 319 с.
14. Николаева, Н. О., Мешкова Т. А. Нарушения пищевого поведения: социальные, семейные и биологические предпосылки // Вопросы психического здоровья детей и подростков. 2011. № 1 (11). С. 39–49.
15. Пономарева, Л. Г. Современные представления о расстройствах пищевого поведения / Л. Г. Пономарева. Текст : непосредственный // Молодой ученый. 2010. № 10 (21). С. 274–276.
16. Попинако, Е. А. Проблема профессиональной адаптации в современных научных исследованиях: контент-анализ // Вестн. Твер. гос. ун-та. Сер.: Педагогика и психология. 2019. № 3 (48). С. 240–247.
17. Савенков, Ю. И. Избыточный вес – угроза здоровью / Ю. И. Савенков. Барнаул: Алт. кн. изд-во. 1985. 72 с.
18. Скугаревский, О. А. Нарушения пищевого поведения: монография / О. А. Скугаревский. Минск: БГМУ, 2007. 340 с.

УДК 159.9
ББК 88.4

Сафарян Гоар Камовна
магистрант группы МПС-100,
Научный руководитель: Забродина Татьяна Игоревна
кандидат педагогических наук, доцент,
доцент кафедры социологии, общей и юридической психологии,
Волгоградский институт управления –
филиал РАНХиГС при Президенте РФ,
Волгоград, Россия

ВЛИЯНИЕ ЭМОЦИОНАЛЬНОГО ИНТЕЛЛЕКТА НА УРОВЕНЬ ЛИЧНОСТНОЙ ТРЕВОЖНОСТИ У СТУДЕНТОВ

Аннотация. Актуальность исследуемой проблемы обусловлена недостаточной изученностью понятия эмоционального интеллекта в России. Неспособность современной молодежи понимать собственные эмоции и эмоции других людей, неточная оценка реакции окружающих, невозможность регуляции собственных эмоциональных реакций – все перечисленное может привести к неудачам в разных сферах жизни человека, в том числе к высокому уровню личностной тревожности. Целью данной статьи является изучение взаимосвязи личностной тревожности и особенностей эмоционального интеллекта у современной молодежи. В статье проанализированы работы таких ученых как И. Н. Андреева, Н. В. Федоренко, В. В. Гризодуб и других. Результаты исследований показали, что при высоком уровне эмоционального интеллекта уровень тревожности у людей низкий. Личности с развитым эмоциональным интеллектом без труда приспосабливаются к общественному порядку и эффективно справляются с тревожностью. В статье выявлено влияние высокого уровня эмоционального интеллекта на способность человека понимать и контролировать свои чувства и эмоции, причем как положительные, так и негативные, что в конечном итоге и определяет связь эмоционального интеллекта и тревожности.

Ключевые слова: традиционный интеллект, эмоциональный интеллект, эмоции, эмоциональные реакции, тревога, тревожность, личностная тревожность.

Safaryan Goar Kamovna
is a master's student of the MPS-100 group,
Scientific supervisor: Zabrodina Tatiana Igorevna
Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor,
Associate Professor of the Department of Sociology,
General and Legal Psychology,
Volgograd Institute of Management –
branch of RANEPA under the President of the Russian Federation,
Volgograd, Russia Volgograd, Russia

THE INFLUENCE OF EMOTIONAL INTELLIGENCE ON THE LEVEL OF PERSONAL ANXIETY IN STUDENTS

Abstract. The relevance of the problem under study is due to insufficient knowledge of the concept of emotional intelligence in Russia. The inability of modern youth to understand their own emotions

and the emotions of other people, an inaccurate assessment of the reactions of others, the inability to regulate their own emotional reactions - all of the above can lead to failures in various spheres of human life, including a high level of personal anxiety. The purpose of this article is to study the relationship between personal anxiety and the characteristics of emotional intelligence in modern youth. The article analyzes the works of such scientists as I. N. Andreeva, N. V. Fedorenko, V. V. Grizodub and others. Research results have shown that with a high level of emotional intelligence, the level of anxiety in people is low. Individuals with developed emotional intelligence easily adapt to the social order and effectively cope with anxiety. The article reveals the influence of a high level of emotional intelligence on a person's ability to understand and control their feelings and emotions, both positive and negative, which ultimately determines the relationship between emotional intelligence and anxiety.

Keywords: traditional intelligence, emotional intelligence, emotions, emotional reactions, anxiety, anxiety, personal anxiety.

Связь между эмоциональным интеллектом (ЭИ) и тревожностью студентов мало изучена и слабо разработана. Широкое распространение в современной психологии получила идея эмоционального интеллекта как противоположность традиционного интеллекта. Эмоциональный интеллект имеет важное значение в успехе каждого дня. Так, многие специалисты считают, что коэффициент эмоционального интеллекта более прогностичен, по сравнению с простым интеллектом [5, с. 308].

Актуальность проблемы обусловлена, прежде всего, недостаточной изученностью понятия эмоционального интеллекта в России. В настоящее время в отечественной психологии нет никаких эмпирических исследований эмоционального интеллекта, чего нельзя сказать о зарубежном опыте, который славится различными методиками определения уровня интеллекта. Однако этот опыт нельзя применить из-за отсутствия переводов на русский язык и адаптации под российскую модель.

Эмоциональный интеллект – это стабильная и устойчивая умственная способность, которая является частью более широкого спектра умственных возможностей [3, с. 8]. Другими словами, эмоциональный интеллект является подструктурой социального интеллекта. Структура эмоционального интеллекта состоит из способности:

- сознательно контролировать эмоции;
- понимать эмоции;
- уподоблять эмоции мыслям;
- различать и выражать эмоции.

Тревога – негативное эмоциональное переживание, которое вызвано ожиданием опасности или неприятности, не имеющей связи с каким-то определенным событием. Так же ее можно трактовать, как эмоциональное состояние, которое возникает в ситуации неопределенности и двусмысленности и появляется в предвкушении неблагоприятного развития события [2, с. 89].

Взаимосвязь ЭИ и отдельных компонентов личностной тревожности не является предметом большого исследования на сегодняшний день. Можно назвать много работ И. Н. Андреевой на эту тему, однако акцентируем внимание на одной из них: «Взаимосвязь эмоционального интеллекта и личностной тревожности в подростковом возрасте». Андреева сделала вывод о том, что высокий уровень эмоционального интеллекта влияет на снижение уровня подростковой тревожности. Помимо этого, низкие показатели личностной тревожности дают толчок для развития эмоциональной саморегуляции («управление эмоциями») [1, с. 12]. Так, данное исследование подтвердило тот факт, что для профилактики личностной тревожно-

сти у подростков следует обращать внимание на эмоциональную саморегуляцию и развитие эмоционального интеллекта в целом.

В работе В. В. Потаповой и М. В. Федоренко «Сравнительный анализ показателей агрессивности и тревожности студентов творческих специальностей» отражены результаты сравнения различий между показателями эмоционального интеллекта, агрессивностью, враждебностью, ситуативной и личностной тревожностью у юношей и девушек [4, с. 273]. По данным анализа можно сделать вывод, что в ситуациях, связанных с нервозностью, тревогой и беспокойством, увеличивается вероятность развития в них враждебности и агрессии, что способствует проявлению признаков личностной тревожности.

Большая часть испытуемых показали высокий уровень эмоционального интеллекта. Они понимают как свои эмоции, так и эмоции других людей. Такие личности способны управлять своей эмоциональной сферой, им не оставляет особого труда приспособиться к общественному порядку. Также эти студенты имеют низкую личностную тревожность. У студентов же со средним или низким уровнем ЭИ уровень субъективной тревожности значительно выше.

Под руководством В. В. Гризодуб было проведено исследование, посвященное изучению специфики эмоционального интеллекта у группы невротически больных, в том числе с тревожными расстройствами. Изучение отклонений развития личности способствует выявлению адекватно функционирующих механизмов эмоционального интеллекта.

Базой исследования стала схема сравнительного анализа, участниками которого были одна контрольная группа и две экспериментальные. В ходе исследования были определены взаимосвязи различных особенностей эмоционального интеллекта с уровнем тревожности и депрессии у здоровых людей.

В результате, было установлено, что общий уровень эмоционального интеллекта находится в прямой зависимости от выражения субъективной тревожности. У людей с выраженными эмоциональными рефлексиями и эмоциональной чувствительностью намного легче формируется такая черта личности, как тревожность. Эта особенность эмоционального интеллекта и различия в уровне развития отдельных способностей, входящих в его структуру, оказалась основным фактором риска в смысле невротизма.

Другими словами, люди, чья способность понимать свои эмоции превышает их способность контролировать свои эмоции, увеличивают тревожность [1, с. 13]. Есть также много инструментов, которые могут повлиять на эмоциональное состояние, но люди, не обладающие способностью к рефлексии, также подвержены более высокому риску развития неприятных личных свойств, таких как тревога.

Таким образом, в настоящее время существует необходимость дальнейшего исследования феномена эмоционального интеллекта, его структуры и путей развития. Изучение эмоционального интеллекта предоставляет настоящую возможность улучшению отношений благодаря более глубокому пониманию эмоциональных процессов и ситуаций, возникающих между индивидами [5, с. 310]. Развитие эмоционального интеллекта можно рассматривать как важный фактор повышения психологической культуры общества в целом.

Связь эмоционального интеллекта и тревожности определяется тем, что высокий уровень эмоционального интеллекта влияет на способность человека понимать и управлять своими чувствами и эмоциями, причем как положительными, так и отрицательными. Личность с высоким эмоциональным интеллектом разбирается в себе и в причинах своих переживаний, а также эффективно взаимодействует с окружающим миром.

Благодаря высокому уровню эмоционального интеллекта человек может осознавать причины своих негативных эмоций, адекватно оценивать ситуацию и рационально реагировать на нее.

Список литературы

1. Андреева, И. Н. Взаимосвязь эмоционального интеллекта и личностной тревожности в подростковом возрасте // Брест: УО «БрГУ им. А. С. Пушкина», 2017. С. 12–13.
2. Мэй, Р. Смысл тревоги / Перевод с английского М. И. Завалова и А. И. Сибуриной. Москва: Независимая фирма Класс, 2019. 384 с.
3. Мэйер, Дж. Эмоциональный интеллект / Дж. Мэйер, П. Сэловей, Д. Карузо. Москва: Институт психологии РАН, 2018. 146 с. URL: https://lib.ipran.ru/upload/papers/paper_20108889.pdf (дата обращения: 04.11.2022)
4. Потапова, В. В. Сравнительный анализ показателей агрессивности и тревожности у студентов творческой специальности / В. В. Потапова, М. В. Федоренко // Казанская наука. 2019. № 4. С. 273–275. URL: https://dspace.kpfu.ru/xmlui/bitstream/handle/net/32688/Ka.nauka_4.st.2.pdf?sequence=-1 (дата обращения: 04.11.2022)
5. Социальный и эмоциональный интеллект. От процессов к изменениям / Коллектив авторов. Москва: Когито-Центр, 2020. 587 с.

УДК 159.99
ББК 88.2

Свинина Екатерина Сергеевна
адъюнкт факультета подготовки научно-педагогических кадров,
Академия ФСИН России,
Рязань, Россия

АКТУАЛЬНЫЕ ПОДХОДЫ К ИССЛЕДОВАНИЮ ЭМОЦИОНАЛЬНОГО ИНТЕЛЛЕКТА

Аннотация. Статья посвящена вопросам формирования структурных компонентов эмоционального интеллекта в различные периоды возрастного развития человека. Затрагиваются вопросы развития эмоционального интеллекта курсантов образовательных организаций ФСИН России, учитывая специфику их учебной деятельности. Установлено, что развитие эмоционального интеллекта курсантов – будущих сотрудников исправительных учреждений может стать условием качественной кадровой обеспеченности уголовно-исполнительной системы (УИС). Анализ психолого-педагогической литературы показал, что большой пласт в исследовании эмоционального интеллекта юношеского возраста и периода ранней взрослости остается не изученным.

Ключевые слова: эмоциональный интеллект, курсанты, образовательные организации ФСИН России, профессионально-важные качества, юность и ранняя взрослость, психолого-педагогическое сопровождение.

Svinina Ekaterina Sergeevna,
the adjunct, Academy of Law and Administration
of the Federal Penitentiary Service,
Ryazan, Russian Federation

CURRENT APPROACHES TO EMOTIONAL INTELLIGENCE RESEARCH

Abstract. The article is devoted to the formation of structural components of emotional intelligence in various periods of human age development. The issues of the development of the emotional intelligence of cadets of educational organizations of the Federal Penitentiary Service of Russia are touched upon, taking into account the specifics of their educational activities. It has been established that the development of the emotional intelligence of cadets - future correctional officers can become a condition for the high-quality personnel provision of the penal system (UIS). An analysis of the psychological and pedagogical literature showed that a large layer in the study of the emotional intelligence of adolescence and the period of early adulthood remains unexplored.

Keywords: emotional intelligence, cadets, educational institutions of the Federal Penitentiary Service of Russia, professional and important qualities, youth and early adulthood, psychological and pedagogical support.

Интерес к исследованию эмоционального интеллекта, его компонентов в настоящее время весьма велик. Это может быть связано с полученными результатами исследований в этой области последних 30 лет. Например, Дж. Мейером, П. Сэловеем и Д. Карузо в конце XX века была разработана модель эмоционального интеллекта, в которой определились подходы к пониманию эмоционального интеллекта в том виде, в котором мы его видим сейчас.

Данная модель включает в себя такие составляющие эмоционального интеллекта как восприятие эмоций или умение их распознавать; использование эмоций для стимуляции мышления; понимание эмоций и управление ими. В своей книге «Эмоциональный интеллект» Г. Гоулман предложил модель эмоционального интеллекта, включающую пять структурных частей:

Самосоосознание (самопознание) – умение человека различать собственные эмоции;

Управление эмоциями (саморегуляция) – контроль своих эмоциональных проявлений;

Мотивация – стремление к цели ради ее достижения;

Распознавание эмоций других людей (эмпатия) – способность сопереживать другим людям, уважать их чувства;

Поддержание взаимоотношений (социальная компетентность) – умение выстраивать отношения с другими людьми на основе учета их эмоций. [5, с. 75].

Р. Бар-Он ввел обозначение EQ – коэффициент эмоциональности (англ. emotional-quotient). Модель Бар-Она определяет эмоциональный интеллект как все не когнитивные способности, знания и компетентность, благодаря которым человек способен успешно решить различные жизненные задачи. Р. Бар-Он определил пять сфер компетентности, положившие основу компонентам эмоционального интеллекта в модели Бар-Она:

- внутриличностная сфера (самоанализ, асертивность, независимость, самоуважение, самоактуализация);

- сфера межличностных отношений (эмпатия, социальная ответственность, межличностные отношения);

- сфера адаптивности (решение проблем, оценка действительности, гибкость);

- сфера управления стрессом (толерантность к стрессу, контроль импульсивности);

- сфера общего настроения (удовлетворенность жизнью, оптимизм) [11, с. 15–16].

В XXI веке продолжается исследование эмоционального интеллекта. По мнению Мейера, выделяют два вида эмоционального интеллекта. Один из них, «популярный» эмоциональный интеллект, является предиктором успеха человека в различных сферах, в то время как «другой» эмоциональный интеллект является научным феноменом [1, с. 29].

В отечественной психологии изучением эмоционального интеллекта занимался О. К. Тихомиров, который ввел термин «эмоциональное мышление», ставший аналогом западного термина «эмоциональный интеллект». О. К. Тихомиров отмечал, что мыслительная деятельность тесно связана с эмоциональными явлениями (аффектами, эмоциями и чувствами), которые выполняют в этом процессе регуляторную функцию. От эмоциональной составляющей, как считал О. К. Тихомиров, зависит продуктивность интеллектуальной деятельности.

Д. В. Люсин давал определение эмоционального интеллекта как “способность к пониманию своих и чужих эмоций и управление ими”. Также Д. В. Люсин выделил структуру эмоционального интеллекта, состоящую из двух компонентов: внутриличностного (умение осознавать и понимать свои эмоции, управлять ими) и межличностного (умение личности распознавать эмоции других и управлять ими) эмоционального интеллекта [с. 10, с. 33].

Структурные компоненты эмоционального интеллекта зависят от множества факторов внешнего мира, оказывающих влияние на становление личности в целом, выстраиваются в иерархию, уровни которой осваиваются в онтогенезе поочередно [9, с. 85]:

1. Распознавание эмоций (еще в довербальный период развития ребенка).
2. Эмоциональное содействие мышлению.
3. Понимание эмоций.
4. Регуляция эмоций.

В исследовании Т. Ю. Кудряшовой делается акцент на том, что от эмоционального состояния ребенка, а также опыта межличностных коммуникаций со старшими, будет зависеть его способность к восприятию, оценке и демонстрации эмоций. Также Т. Ю. Кудряшовой были сделаны выводы о том, что в дошкольном возрасте затруднения вызывает дифференциация таких эмоций как “презрение, интерес, стыд, обида” [7, с. 299].

В подростковом возрасте в структуре эмоционального интеллекта на первый план выходит общение с окружающими и его эмоциональное составляющая. В процессе коммуникации подросток постигает основы управления своими эмоциями, понимания себя и других, эмпатии.

Именно в этом возрасте происходит разделение внутриличностного и межличностного компонентов эмоционального интеллекта, проявляется его гендерная специфика. Девушки обладают более развитой способностью к сопереживанию, дифференциации своих и чужих эмоциональных проявлений. В этот возрастной период эмоциональный интеллект может выступать как фактор социально-психологической адаптированности [4, с. 3].

Своими особенностями эмоциональный интеллект обладает и на этапе юности и ранней взрослости. Так исследование Л. Н. Вахрушевой выявило относительно невысокий уровень развития эмоционального интеллекта и его параметров, сниженный, по сравнению с более поздними этапами онтогенеза, уровень его внутренней согласованности. На данном возрастном этапе профиля эмоциональный интеллект коррелирует с социометрическим статусом, стилем межличностного взаимодействия [2, с. 19].

Таким образом, развитие данного феномена протекает неоднородно на протяжении возрастного развития человека, включает стадии как роста, так и спада показателей.

Эмоциональный интеллект является важным аспектом психологической жизни человека в разные периоды его жизни. Также проведено большое количество исследований, свидетельствующих о важности развития эмоционального интеллекта человека в его профессиональной деятельности: проблемы эффективности операторской деятельности (Р. А. Кудрин), влияние степени выраженности эмоционального интеллекта на управленческую деятельность (А. С. Петровская); эмоциональный интеллект военных руководителей среднего звена при принятии ими решений (Е. В. Краснов); эмоциональный интеллект курсантов образовательных организаций МВД России (А. С. Осипова).

У специалистов, чья профессиональная деятельность связана с повышенным риском и нервно-психическим напряжением, показатель эмоционального интеллекта может стать предиктором успешности в выполнении служебных задач. Высокий уровень данного качества может способствовать успешной адаптации к условиям службы в уголовно-исполнительной системе, снизить количество нарушений служебной дисциплины, минимизировать риск эмоционального выгорания и связанных с ним последствий. Все это особенно важно уже в процессе становления будущего специалиста, так как обучение в образовательных организациях ФСИН России имеет свою специфику. К таким особенностям можно отнести несение службы одновременно с получением высшего образования; соблюдение служебной дисциплины и субординации; постоянный контроль со стороны офицеров как в рабочее время, так и вне его. Служба накладывает отпечаток на подготовку к учебным занятиям, планирование личного времени, поведение за стенами образовательной организации [3, с. 145; 6, с. 93; 8, с. 514]. Несмотря на это, в отечественной психологии очень мало эмпирических исследований эмоционального интеллекта курсантов.

В нашем исследовании мы планируем расширить возможности диагностики эмоционального интеллекта курсантов, разработать программу, направленную на развитие эмоционального интеллекта и его отдельных компонентов. Все это способно оказать благотворное

влияние на адаптацию курсантов к условиям учебно-профессиональной деятельности; профилактику негативных психологических явлений, возникающих в процессе несения службы; успешность освоения профессионально-важных качеств, что позволит сформировать личность высококвалифицированного специалиста. Специалиста, способного качественно выполнять свои обязанности, реализовывать основные задачи, поставленные обществом перед пенитенциарной системой, такие как исправление осужденных и предупреждение совершения новых преступлений.

Список литературы

1. Андреева, И. Н. Азбука эмоционального интеллекта. СПб.: БХВ-Петербург, 2012. 288 с.
2. Вахрушева, Л. Н. Выраженность структурных и качественных характеристик эмоционального интеллекта на этапе юности и ранней зрелости: дис. ... канд. псих. наук: 19.00.01 / Вахрушева Людмила Николаевна; науч. рук. Л. И. Авдеева; РГГУ. Москва, 2011. 134 с.
3. Винокурова, Н. Г. Взаимосвязь жизнестойкости, эмоционального интеллекта и индивидуально-типологических особенностей курсантов университета ГПС МЧС России / Н. Г. Винокурова, Е. А. Горская, И. В. Чернова // Научно-аналитический журнал «Вестник Санкт-Петербургского университета Государственной противопожарной службы МЧС России». 2012. № 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vzaimosvyaz-zhiznestoykosti-emotsionalnogo-intellekta-i-individualno-tipologicheskikh-osobennostey-kursantov-universiteta-gps-mchs> (дата обращения: 20.11.2022).
4. Гармаева, Т. В. Внутриличностный и межличностный аспекты эмоционального интеллекта подростков в его взаимосвязи с конфликтологической компетентностью / Т. В. Гармаева, Т. С. Ханхабаева // Мир науки. Педагогика и психология. 2021. № 2 URL: <https://mir-nauki.com/PDF/27PSMN221.pdf> (дата обращения: 15.11.2022).
5. Гоулман, Д. Эмоциональный интеллект / Дэниел Гоулман; пер. с англ. А. П. Исаевой. М.: АСТ: АСТ МОСКВА; Владимир: ВКТ, 2009. 478 с.
6. Губин, В. А. Психолого-педагогические особенности учебно-профессиональной подготовки юристов в ведомственных вузах Российской Федерации: теория и практика / В. А. Губин, Д. В. Шабаров // Вестник ЛГУ им. А. С. Пушкина. 2018. № 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/psihologo-pedagogicheskie-osobennosti-uchebno-professionalnoy-podgotovki-yuristov-v-vedomstvennyh-vuzah-rossiyskoy-federatsii> (дата обращения: 21.11.2022).
7. Кудряшова, Т. Ю. Особенности развития компонентов эмоционального интеллекта на этапе дошкольного детства // Проблемы современного педагогического образования. 2018. № 61-4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-razvitiya> (дата обращения: 16.11.2022).
8. Иванов, В. И. Эмоциональный интеллект как предиктор успешности деятельности в профессиях особого риска / В. С. Иванов, В. И. Шарагин, Ю. Б. Кашенков, А. В. Малышев // Ученые записки университета им. П. Ф. Лесгафта. 2020. № 5 (183). С. 514–521.
9. Сергиенко, Е. А., Лебедева, Е. И., Прусакова, О. А. Модель психического как основа становления понимания себя и другого в онтогенезе человека. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2009. 415 с.
10. Социальный интеллект: Теория, измерение, исследования / Под ред. Д. В. Люси-на, Д. В. Ушакова. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2004. 176 с.
11. Bar-On R. The Bar-On model of emotional-social intelligence (ESI) // Psicothema. 2006. V. 18 (1). P. 13–25.

УДК 159.9
ББК 88.52

Смирнова Алина Витальевна
студент группы ПСД-300,
Научный руководитель: Терелянская Ирина Васильевна
кандидат психологических наук,
доцент кафедры социологии, общей и юридической психологии,
Волгоградский институт управления –
филиал РАНХиГС при Президенте РФ,
Волгоград, Россия

СПЕЦИФИКА ВОСПРИЯТИЯ ЛЮДЕЙ НЕТРАДИЦИОННОЙ СЕКСУАЛЬНОЙ ОРИЕНТАЦИИ СОВРЕМЕННОЙ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖЬЮ

Аннотация. В современном мире проблема нетрадиционной ориентации людей только начинает развиваться и изучаться, хотя само явление существует уже довольно давно. Обращение к данной теме важно с точки зрения скачка в развитии общества, а именно ухода от устарелых взглядов и прогрессирующей толерантности. Цель работы состояла в выявлении и анализе факторов, влияющих на восприятие студентами лиц нетрадиционной сексуальной ориентации. Объект исследования: социально-перцептивный стиль личности студенческой молодёжи. Гипотезой нашего исследования выступило утверждение, что современные студенты имеют нейтральное отношение к людям с нетрадиционной сексуальной ориентацией. Методы исследования: Опросник для измерения толерантности В. С. Магун, М. С. Жамкочьян, М. М. Магура, Экспресс-опросник «Индекс толерантности» Г. У. Солдатова, О. А. Кравцова, О. Е. Хухлаев, Л. А. Шайгерова и Шкала самоидентификации гетеро/гомосексуализма А. Кинси и статистическую обработку полученных результатов. Результаты исследования показывают, что все респонденты имеют средний уровень толерантности, что говорит о том, что для них характерно сочетание как толерантных, так и интолерантных черт. Также, в ходе исследования с помощью шкалы Кинси мы обнаружили, что самоидентификация людей не влияет на уровень их толерантности. Из полученных данных мы можем сделать вывод о том, что студенты по субшкале «социальная толерантность» имеют средний и высокий уровень толерантности, что может говорить нам о том, что различные меньшинства, в том числе и людей нетрадиционной ориентации, люди юношеского возраста воспринимают нейтрально и некоторые даже положительно.

Ключевые слова: нетрадиционная ориентация, социально-перцептивный стиль, восприятие студенческой молодёжи, толерантность, специфичная модель сексуальности.

Smirnova Alina Vitalievna
student of the PSD-300 group,
Scientific Supervisor: Teleranskaya Irina Vasilyevna
Candidate of Psychological Sciences,
Associate Professor of the Department of Sociology,
General and Legal Psychology,
Volgograd Institute of Management –
branch of RANEPА under the President of the Russian Federation,
Volgograd, Russia

SPECIFICS OF MODERN STUDENTS' PERCEPTION OF PEOPLE WITH NON-TRADITIONAL SEXUAL ORIENTATION

Abstract. In the modern world, the problem of non-traditional orientation of people is just beginning to develop and be studied, although the phenomenon itself has existed for quite a long time. Addressing this topic is important from the point of view of a leap in the development of society, namely, moving away from outdated views and progressive tolerance. The purpose of the work was to identify and analyze the factors influencing students' perception of persons of non-traditional sexual orientation. The object of research: the socio-perceptual personality style of students. The hypothesis of our study was the statement that modern students have a neutral attitude towards people with non-traditional sexual orientation. Research methods: Questionnaire for measuring tolerance V. S. Magun, M. S. Zhamkochyan, M. M. Magura, Express questionnaire «Tolerance Index» G. U. Soldatov, O. A. Kravtsova, O. E. Khukhlaev, L. A. Shaigerova and the Scale of self-identification of hetero/homosexuality A. Kinsey and statistical processing of the results. The results of the study show that all respondents have an average level of tolerance, which suggests that they are characterized by a combination of both tolerant and intolerant traits. Also, during the study using the Kinsey scale, we found that people's self-identification does not affect their level of tolerance. From the data obtained, we can conclude that students in the «social tolerance» sub-school have an average and high level of tolerance, which may tell us that various minorities, including people of non-traditional orientation, young people perceive neutrally and some even positively.

Keywords: non-traditional orientation, socio-perceptual style, perception of student youth, tolerance, specific model of sexuality.

Сексуальность представляет собой некую совокупность биологических, психофизиологических, душевных и эмоциональных особенностей и характеристик личности, которые определяют проявление в поведении и удовлетворения полового влечения на протяжении жизни. Сексуальная ориентация считается устойчивым паттерном в романтическом и/или сексуальном контексте влечения к людям различного пола и/или гендера, причем данное явление также характеризует отклик человека на гендерно-окрашенные стимулы.

Проблема нетрадиционной сексуальной ориентации всё чаще всплывает в современном обществе, поскольку лишь с недавнего времени представители ЛГБТ сообществ начинают активно бороться за свои права, обязанности и желание быть с тем человеком, с которым им комфортно вступать в романтические или сексуальные отношения, проводить свободное время в местах искусства и культуры, и, банально, не бояться держаться за руку.

«В 1990-м году 48% молодых людей считали, что гомосексуалистов необходимо изолировать от общества, тогда как в 2005 году эту идею поддержал 31% молодых людей, а 49% считали, что гомосексуалистов необходимо представить самим себе. Можно говорить о том, что сегодня продолжается тенденция не столько к толерантности, сколько к индифферентности по отношению к сексуальным меньшинствам» [7, с. 3]. Тенденция к осознанию себя, своей ориентации всё больше востребовано в нашем обществе. Однако реакции людей на такую открытость различных направлений сексуальной ориентации довольно специфичны. Чаще всего они воспринимают это через призму консервативности, что чревато агрессией, буллингом и другими деструктивными явлениями в отношении этих людей. Такая модель сексуальности часто воспринимается в штыки традиционным обществом. Воспитание, принятые человеком установки и другие немаловажные. Почему стоит нормализовать данное явление? Ответ довольно прост – в это понятие не включены люди, с отклоняющимся, не соответствующим социальным нормам, девиантным поведением, а

также в эту категорию и не включены люди с психическими проблемами, пристрастии которых в обществе не нормальны. Например, зоофилы, педофилы, некрофилы и тому подобное. Важно отметить, что любой сексуальный контакт, будь то однополый или разнополый должен происходить по взаимному согласию, не нарушать права людей или других существ.

Несмотря на то, что уровень толерантности в современном мире значительно возрос, особенно среди молодёжи юношеского возраста, остаются и те люди, которые дискриминируют представителей ЛГБТ-сообщества, подвергают их буллингу и агрессии. На данный момент всё больше людей придерживаются того мнения, что люди должны жить так, как им хочется, и любить того, кого хочется, вне зависимости от пола. Особенно популярно такое мнение именно среди людей юношеского возраста. Это подтверждается в нашем исследовании. Исследование проводилось путём онлайн-анкетирования студенческой молодёжи в количестве 30 человек в возрасте от 18 до 22 лет. Среди испытуемых было 23 девушки и 7 юношей.

Цель эмпирического исследования – выявить особенности восприятия нетрадиционной сексуальной ориентации студенческой молодёжью и уровень их толерантности. В табл. 1 представлены результаты исследования по методике Экспресс-опросник «Индекс толерантности» (авт. Г. У. Солдатова, О. А. Кравцова, О. Е. Хухлаев, Л. А. Шайгерова).

Таблица 1

**Результаты исследования по методике
Экспресс-опросник «Индекс толерантности»**

Уровень толерантности	Возрастные границы	Количество человек	Общее процентное соотношение
Низкий	18-22	0	0 %
Средний	18-22	30	100 %
Высокий	18-22	0	0 %

Результат респондентов по шкале Кинси представлен в табл. 2:

Таблица 2

Результат респондентов по шкале Кинси

Самоидентификация гетеро/гомосексуализма	Количество человек	Количество человек, %
Строго гетеросексуальный	16	53,3
Гетеросексуальный, имеющий случайный гомосексуальный опыт	3	10,0
Преимущественно гетеросексуальный опыт	2	6,7
Преимущественно гомосексуальный опыт	0	0
Гомосексуальный, имеющий случайный гетеросексуальный опыт	0	0
Строго гомосексуальный опыт	1	3,3
Асексуальный	8	26,7
Итого	30	100 %

На первом этапе анализа и интерпретации результатов эмпирического исследования проводилась интерпретация описательных статистик обеих переменных. Результаты описательной статистики представлены в таблице 3.

Таблица 3

Результаты описательной статистики

	N	Среднее	Среднекв. отклонение	Стандартная ошибка	95 % доверительный интервал для среднего значения		Минимум	Максимум
					Нижняя граница	Верхняя граница		
Исключ гетеро	16	81,19	5,256	1,314	78,39	83,99	75	90
Преимущ гетеро	3	85,33	4,619	2,667	73,86	96,81	80	88
Преимущ гетеро, случ гомопроявл	2	87,50	3,536	2,500	55,73	119,27	85	90
Исключ гомо	1	90,00					90	90
Асексуальность	8	81,75	4,683	1,656	77,84	85,66	73	86
Всего	30	82,47	5,204	,950	80,52	84,41	73	90

Исходя из таблицы 3 мы видим, что уровень толерантности всех респондентов юношеского возраста средний.

К тому же мы выяснили, что средний показатель толерантности у мужчин и женщин практически не различается, и можно сделать вывод, что от пола не зависит уровень толерантности людей (табл. 4).

Таблица 4

Результаты стандартного отклонения по параметру «Толерантность»

Пол	Среднее	N	Стандартное отклонение	Максимум	Минимум
М	80,43	7	4,541	88	75
Ж	83,09	23	5,325	90	73
Всего	82,47	30	5,204	90	73

Исследование, проведенное с участием респондентов юношеского возраста, позволило определить, что у студентов не наблюдается склонности к негативному восприятию людей нетрадиционной сексуальной ориентации.

По результатам исследования выявлено, что у опрошенных респондентов преобладает средний уровень общей толерантности и средний и высокий уровень «социальной толерантности».

Онлайн-анкетирование проводилось нами для того чтобы выяснить отношение респондентов к сексуальным меньшинствам, изложенные ответы показывают, что юношеский возраст является толерантным к сексуальным меньшинствам.

Таким образом, с помощью нашего исследования было выявлено, что студенческая молодёжь является более толерантной к людям с нетрадиционной ориентацией и нейтрально или положительно воспринимает представителей сексуальных меньшинств, что подтверждает нашу гипотезу.

Список литературы

1. Кузьмин, М. Ю. Кризис идентичности у студентов и его связь с жизнестойкостью: дис. ... канд. психол. наук: 19.00.01 / М. Ю. Кузьмин. Иркутск, 2012. 190 с.
2. Зимняя, И. А. Педагогическая психология / И. А. Зимняя. Москва, 2010. 448 с.
3. Ананьев, Б. Г. Избранные психологические труды: в 2 т. / Акад. пед. наук СССР. М.: Педагогика, 1980. (Труды действительных членов и членов-корреспондентов Акад. пед. наук СССР) Т. 2 / под ред. А. А. Бодалева, Б. Ф. Ломова, Н. В. Кузьминой. 1980. С. 268–271.
4. Тарасова, Е. М. Некоторые психологические особенности студентов поколения Z // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Психологические науки. 2020. № 2.
5. Kinsey, A. C., Pomeroy W. P., Martin C. E. Sexual behavior in the human male / A. C. Kinsey, W. Pomeroy, C. Martin C. Bloomington: Indiana University Press. 1948 (1998 Reprint), 804 p.
6. Колесов, Д. В. Проблемы сексуальной ориентации. Мы – другие. Ну и что? Москва-Воронеж: «Библиотека психолога», 2010.

УДК 159.99
ББК 88.57

Терелянская Елизавета Викторовна
кандидат педагогических наук, доцент,
доцент кафедры социальной работы,
ФГБОУ ВО «Волгоградский социально-педагогический университет»,
Строева Елена Анатольевна
директор,
Центр социальной и трудовой реабилитации
молодых людей с особыми возможностями здоровья «Теплый дом»,
Яганова Маргарита Юрьевна
психолог,
Центр социальной и трудовой реабилитации
молодых людей с особыми возможностями здоровья «Теплый дом»,
Волгоград, Россия

**ИССЛЕДОВАНИЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ ПРЕДПОЧТЕНИЙ МОЛОДЕЖИ,
ИМЕЮЩЕЙ ИНВАЛИДНОСТЬ, В УСЛОВИЯХ ЦЕНТРА СОЦИАЛЬНОЙ И
ТРУДОВОЙ РЕАБИЛИТАЦИИ МОЛОДЫХ ЛЮДЕЙ
С ОСОБЫМИ ВОЗМОЖНОСТЯМИ ЗДОРОВЬЯ «ТЕПЛЫЙ ДОМ»**

Аннотация. Актуальность исследования обусловлена необходимостью поиска новых форм и методов социально-трудовой реабилитации молодежи, имеющей инвалидность. Представлены результаты диагностики профессиональных предпочтений клиентов Центра социальной и трудовой реабилитации молодых людей с особыми возможностями здоровья «Теплый дом». Гипотеза нашего исследования заключалась в том, что молодежь, имеющая инвалидность, имеет ограниченные, малодифференцированные представления о мире профессий. В работе использовались дифференциально-диагностический опросник Е. А. Климова, опросник Дж. Холланда в адаптации Г. В. Резапкиной и опросник «Готовность подростков к выбору профессий» В. Б. Успенского. Диагностировано наличие у большинства клиентов центра недостаточных представлений о разнообразии профессий и отсутствие соотношения своих желаний реальным возможностям, умениям и навыкам.

Ключевые слова: молодежь, инвалидность, психология инвалидности, социальная работа, профессиональные предпочтения, социально-трудовая реабилитация.

Terelanskaya Elizaveta Viktorovna
*Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor,
Associate Professor of the Department of Social Work,
Volgograd Socio-Pedagogical University,*
Stroeva Elena Anatolyevna
*Head of the Center for Social and Labor Rehabilitation of Young People with Special Health
Opportunities "Tyopliy Dom"*
Yaganova Margarita Yurievna
*psychologist,
The Center for Social and Labor Rehabilitation
of Young People with Special Health Opportunities "Tyopliy Dom"*
Volgograd, Russia

RESEARCH OF PROFESSIONAL PREFERENCES OF YOUNG PEOPLE WITH DISABILITIES IN THE CONDITIONS OF THE CENTER FOR SOCIAL AND LABOR REHABILITATION OF YOUNG PEOPLE WITH SPECIAL HEALTH OPPORTUNITIES «TYOPLYI DOM»

Abstract. The relevance of the study is due to the need to search for new forms and methods of social and labor rehabilitation of young people with disabilities. The results of diagnostics of professional preferences of clients of the Center for Social and Labor rehabilitation of young people with special health opportunities “Tyopliy Dom” are presented. The hypothesis of our study was that young people with disabilities have limited, undifferentiated ideas about the world of professions. The differential diagnostic questionnaire of E. A. Klimov, the questionnaire of G. Holland's adaptation by G. V. Rezapkina and the questionnaire «Readiness of teenagers to choose professions» by V. B. Uspensky were used in the work. It was diagnosed that most of the center's clients have insufficient ideas about the diversity of professions and lack of correlation of their desires to real opportunities, skills and abilities.

Keywords: youth, disability, psychology of disability, social work, professional preferences, social and labor rehabilitation.

Демографический прогноз Росстата до 2030 года показывает, что в ближайшие годы в России произойдет резкое сокращение численности молодежи с 35,2 млн. человек (2012 г.) до 25,6 млн. человек (2025 г.), или на 27,3 %. При этом речь идет как о трудовой деятельности молодежи после завершения образования, так и о воспроизводстве населения – резкое сокращение численности молодежи в детородном возрасте ставит вопрос о социальном и экономическом развитии Российской Федерации уже за пределами 2050 года [1].

В последние годы в России предприняты шаги по разработке и реализации достойной социальной политики в отношении молодежи, в том числе, имеющей инвалидность. Согласно данным Федеральной службы государственной статистики, на 1 января 2022, в России насчитывается 490 тысяч молодых людей 18-30 лет с инвалидностью [2].

Для социальной поддержки и помощи этой социально-демографической группы создается и функционирует сеть социальных учреждений системы социального обслуживания и социальной защиты, специализированных, образовательных и инклюзивных учреждений, общественных организаций.

Волгоградский областной общественный благотворительный фонд «Дети в беде» является одной из таких организаций. Фонд «Дети в беде» создан в 1994 году в целях оказания благотворительной помощи семьям с детьми-инвалидами, оказавшимся в трудной жизненной ситуации.

В 2015 году ВООБФ «Дети в беде» вошел в реестр НКО, оказывающих социальные услуги населению, а также в реестр социально значимых организаций. В апреле 2015 года в городе Волгограде фонд открыл центр социально-трудовой реабилитации молодых людей с ОВЗ «Теплый дом» (далее – ЦСТР «Теплый дом»). Центр создан для осуществления социально-бытовой, социально-психологической, социально-педагогической, социально-правовой, социально-трудовой коммуникативной и творческой реабилитации детей, подростков и молодежи до 35 лет, имеющих инвалидность. Одним из направлений деятельности центра является содействие в профессионально-трудовой реабилитации.

В рамках разработки программы профессионально-трудовой реабилитации нами, совместно со специалистами центра, было проведено исследование профессиональных предпочтений молодежи, имеющей инвалидность, являющихся посетителями ЦСТР.

Целью эмпирического исследования стало изучение профессиональных предпочтений молодежи, имеющей инвалидность. В исследовании принимали участие 40 человек 14–16 лет. Гипотеза нашего исследования заключалась в том, что молодежь, имеющая инвалидность, имеет ограниченные, малодифференцированные представления о мире профессий.

Изучение профессиональных предпочтений молодежи, имеющей инвалидность, проводилось с использованием следующих методик: дифференциально-диагностический опросник (ДДО) Е. А. Климова [2]; методика профессионального самоопределения Дж. Голланда [1] на определение профессионального типа личности; опросник «Готовность подростков к выбору профессий» В. Б. Успенского.

Результаты исследования по методике Е. А. Климова показали, что молодежь, имеющая инвалидность, предпочитает профессии с коллективами, группами или социальными процессами, 30 % или 12 человек. Работа со свойствами и элементами художественных образов, 27,5 % или 11 человек (табл. 1).

Менее популярной стала деятельность с живыми организмами, биологическими процессами. Работу с живыми организмами предпочитают 20 % испытуемых или 8 человек. Анализ выявленных профессиональных предпочтений у молодежи, имеющей инвалидность, показал, что работа с техническими системами предпочтительна у 15 % из числа выбора или 6 человек.

Таблица 1

Оценка выявленных профессиональных предпочтений

Анализ полученных результатов	Результаты оценки	
	Чел.	%
Работа со знаками и символами	3	7,5
Работа с техникой	6	15,0
Работа с живыми организмами	8	20,0
Работа с художественными образами	11	27,5
Работа с коллективами, группами	12	30,0
Итого	40	100

Наименьший интерес у молодежи, имеющей инвалидность, деятельность с искусственным интеллектом, знаковой системой. Эта деятельность отмечена у 7,5 % или 3 человека из числа опрошенной молодежи, имеющей инвалидность (рис. 1).

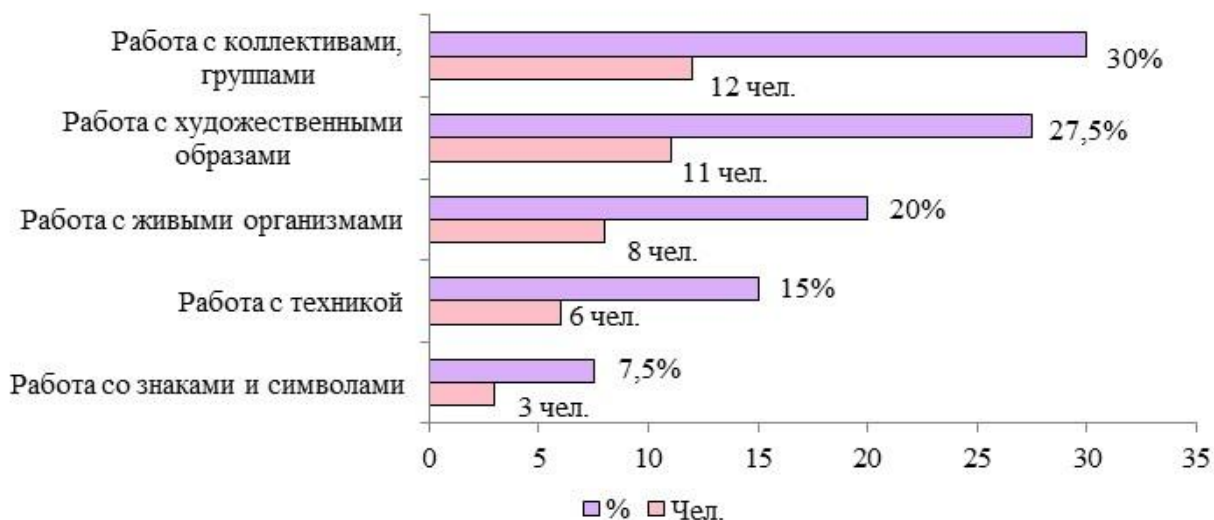

Рис. 1. Результаты оценки профессиональных предпочтений

Отметим, что работу с коллективами и группами предпочитают девушки. Молодые люди предпочитают деятельность в сфере работы с техническими системами. Деятельность в сфере природных явлений предпочитает молодежь, имеющая инвалидность женского пола или 6 человек и мужского пола 2 человека (рис. 2). Молодежь, имеющая инвалидность, мужского пола предпочитает профессии, связанные со знаковой системой в наименьшем количестве, как и работа с коллективами. Вместе с тем, это наиболее рекомендуемые для них профессии.

Методика Дж. Голланда показала, что молодежь, имеющая инвалидность ограничена в интерпретации своих возможностей. Наибольшее предпочтение в профессиональной сфере отдается предприимчивой и артистической деятельности (12 человек или 30 %, соответственно). Аналогичные предпочтения по 17,5 % выявлены по социальной и интеллектуальной деятельности у 7 человек.

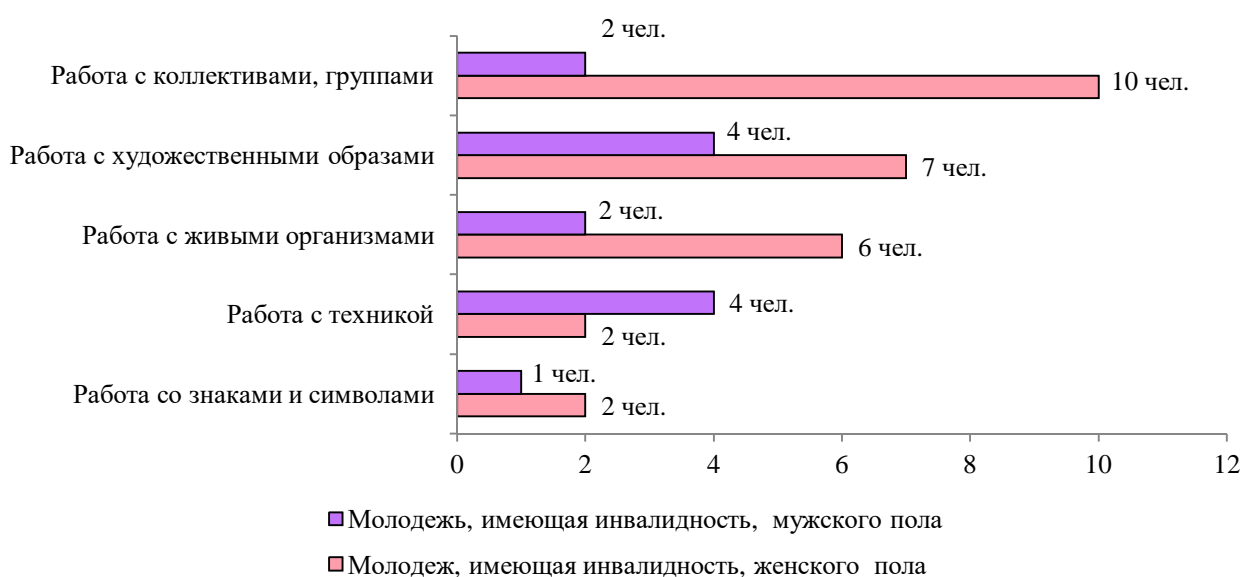

Рис. 2. Результаты оценки профессиональных предпочтений по полу

Консервативные предпочтения, у молодежи, имеющей инвалидность, выявлены у 2 человек. Для молодежи, имеющей инвалидность, предпочтение отдается знакомым для них профессиям. В большинстве случаев выбираемые ими профессии являются недоступными для них. Наибольшее предпочтение по полученным результатам анкетирования молодежь, имеющая инвалидность, отдает предприимчивому типу профессий (табл. 2).

Таким образом, согласно полученным результатам, у большинства молодых людей имеются недостаточные представления о разнообразии профессий.

Таблица 2

Оценка выявленного профессионального типа деятельности

Анализ полученных результатов	Результаты оценки	
	Чел.	%
Консервативная деятельность	2	5
Социальная деятельность	7	17,5
Интеллектуальная деятельность	7	17,5
Артистическая деятельность	12	30
Предприимчивая деятельность	12	30
Итого	40	100

Отсутствует соотношение своих желаний реальным возможностям, умениям и навыкам. Наибольшее количество ответов получено в сфере предпочтений испытуемых профессиям, связанных с напряженным умственным трудом. Получено несоответствие профессиональных предпочтений их интеллектуальным возможностям. В профессиональной сфере у молодежи, имеющей инвалидность, адекватность профессиональных предпочтений отсутствует.

С учетом результатов данного исследования и нашего опыта социальной работы с молодежью, имеющей инвалидность, в центре социально-трудовой реабилитации молодых людей с ОВЗ «Теплый дом», нами разрабатывается программа содействия профессиональной ориентации, направленная на знакомство с творческими профессиями, соответствующими физическим и интеллектуальным способностям молодых людей с инвалидностью г. Волгограда и области.

Список литературы

1. Диагностика профессионального самоопределения: учеб.-метод. пособие / сост. Я. С. Сунцова. Часть 2. Ижевск: Изд. «Удмуртский университет», 2011. 142 с.
2. Климов, Е. А. Психология профессионального самоопределения. М.: Издательский центр «Академия», 2010. 304 с.
3. Официальный сайт агентства Росмолодежь [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://fadm.gov.ru/> (дата обращения 06.07.2022).
4. Федеральная служба государственной статистики [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://rosstat.gov.ru/> (дата обращения: 06.09.2022).
5. Основы специальной психологии: учебное пособие / А. К. Акименко, Е. Д. Бурмистрова, Е. А. Георгица, Е. С. Гринина, А. Г. Колчина, О. В. Кухарчук, Т. Ф. Рудзинская, О. И. Суслова, А. В. Шипова, Л. В. Шипова; под ред. Л. В. Шиповой / Саратов: ИЦ «Наука», 2013. С. 335.

УДК 159.99
ББК 88.576

Терелянская Ирина Васильевна,
кандидат психологических наук,
доцент кафедры социологии, общей и юридической психологии,
Волгоградский институт управления –
филиал РАНХиГС при Президенте РФ,
Волгоград, Россия

ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ СОВМЕСТИМОСТЬ СУПРУГОВ КАК ФАКТОР УДОВЛЕТВОРЕННОСТИ БРАКОМ

Аннотация. Статистика разводов ведущих стран мира показывает, что на каждые 100 свадеб приходится от 28 до 67 пар, расторгающих брак. Растущее число разводов привлекает внимание исследователей к необходимости разработки психологических инструментов для измерения вероятности того, что заключенный брак будет долгим и счастливым. Одним из таких факторов является удовлетворенность супружеством. Нами было проведено исследование с целью выявления влияния психологической совместимости супругов на их удовлетворенность браком. Были применены следующие методы исследования: теоретический анализ российской и зарубежной научной литературы, тестовые методики – «Тест-опросник удовлетворенности браком» В. В. Столина, Т. Л. Романовой и Г. П. Бутенко, «Определение согласованности семейных ценностей и ролевых установок в супружеской паре» А. Н. Волковой и «Личностный опросник» Г. Айзенка, статистический анализ при помощи *t*-критерия Стьюдента. Гипотеза нашего исследования была подтверждена: образ счастливого брака у мужей формируется благодаря, в первую очередь, сексуальной, хозяйственной и эмоциональной составляющим супружества, у жен – бытовой, интимной, эмоциональной и личностно-идентификационной подструктурам семьи.

Ключевые слова: брак, супружество, семья, удовлетворенность браком, совместимость супругов.

Terelyanskaya Irina Vasilyevna,
Candidate of Sciences in Psychological, associate Professor of the Department of sociology,
general and legal psychology,
Volgograd Institute of Management –
branch of RANEPA under the President of the Russian Federation,
Volgograd, Russia

PSYCHOLOGICAL COMPATIBILITY OF SPOUSES AS A FACTOR OF SATISFACTION WITH MARRIAGE

Abstract. Divorce statistics from the leading countries of the world show that for every 100 weddings there are from 28 to 67 couples who dissolve their marriage. The growing number of divorces draws the attention of researchers to the need to develop psychological tools to measure the likelihood that a marriage will be long and happy. One of these factors is marital satisfaction. We conducted a study to identify the influence of psychological compatibility of spouses on their satisfaction with marriage. The following research methods were applied: theoretical analysis of Russian and foreign scientific literature, test methods - «Test questionnaire of satisfaction with marriage» by

V. V. Stolin, T. L. Romanova and G. P. Butenko, «Determination of consistency of family values and role attitudes in a married couple» by A. N. Volkova and «Personality questionnaire» by G. Aizenk, statistical analysis using the Student's t-test. The hypothesis of our study was confirmed: the image of a happy marriage in husbands is formed primarily due to the sexual, economic and emotional components of matrimony, in wives – household, intimate, emotional and personal identification substructures of the family.

Keywords: marriage, matrimony, family, satisfaction with marriage, compatibility of spouses.

Проблема удовлетворенности браком супругов стоит на одном из ведущих мест по актуальности в научном психологическом сообществе, как в России [1; 2; 4], так и за рубежом [7; 8; 9; 10; 11; 12]. В России по данным Росстата за 2021 год на 100 заключенных браков приходится 67 разводов [5]. Число распадающихся семей в нашей стране неуклонно растет: за январь – сентябрь 2022 года уже приходилось 68 разведенных пар на 100 свадеб [5]. Подобная тенденция наблюдается во многих странах мира. Свыше 56 % браков распадается в Испании [6], 53 % – в США [8], 46,4 % – в Италии [11], 43,7 % – в Бразилии [10], 36,8 % – в Японии [9], 33 % – в Иране [12]. Реже всего разводятся пары в Нидерландах (28 %) [7] и Мексике (15 %) [6], что связано не с крепостью семейных уз, а с жестким законодательством в части разводов и необходимостью преодоления множества бюрократических процедур. В этих странах люди предпочитают разъезжаться, но не оформлять официальное расторжение брака, т.е. «де юре» сохраняют семейные отношения, а «де факто» не живут вместе и не ведут совместного хозяйства.

Растущее число разводов и расставаний привлекает внимание исследователей к необходимости разработки психологических инструментов для измерения вероятности того, что заключенный брак будет долгим и счастливым.

Продолжительность сохранности брака относится к демографическим и статистическим характеристикам и описывается словосочетанием «стабильность брака». Такие данные не сложно собирать, достаточно знать, когда заключен и расторгнут брак, и легко обработать. Но у данного понятия существует огромный минус – стабильность брака не показывает, счастливы ли супруги, удовлетворены ли своими семейными отношениями. Так в традиционных патриархальных обществах стабильность брака изначально очень высока, но это не значит, что все мужья и жены высоко оценивают свой семейный союз и имеют желание продолжить его далее.

Субъективная оценка истинных межсупружеских отношений более наглядно описывается понятием «удовлетворенность браком». Российский социолог С. И. Голод дает такое определение этому термину: «Удовлетворенность браком, очевидно, складывается как результат адекватной реализации представления (образа) о семье, сложившегося в сознании человека под влиянием встреч с различными событиями, составляющими его опыт (действительный или символический) в данной сфере деятельности» [Цит. по 1].

Таким образом, высокостабильный брак, как уже описывалось выше, может существовать при взаимной неудовлетворенности супругов, но обратно это правило в современном мире не работает. Если муж и жена не удовлетворены своим браком, то с большой долей вероятности он распадается, даже при наличии общих детей и имущества.

Удовлетворенность браком – сложное и многомерное явление, которое активно исследуется в самых разных научных областях. Так ученые из США Р. А. Левис и Д. Б. Спэниер еще во второй половине XX века, изучив свыше 300 научных работ по вопросам семьи и брака, выделили три блока факторов, влияющих на удовлетворенность браком: добрачные, социально-экономические и личностные, в том числе внутрисупружеские

[1]. Исследователи «отмечают, что большинство выделенных ими параметров характеризуют степень сходства и согласия в межличностных отношениях супругов по разным параметрам» [1].

Российскими учеными было установлено, что удовлетворенность браком зависит от множества факторов:

- внешних: от продолжительности знакомства (Е. И. Артамонова, Е. В. Екжанова, Е. В. Зырянова), удовлетворенности работой (Н. Г. Юркевич), от финансового состояния пары (Г. Навайтис), модель родительских семей супругов (Т. И. Дымнова; Г. Навайтис), наличие у мужа и жены сиблингов и их старшенство (С. Кратохвил) и др. [1; 3];

- внутренних (внутрисемейных): от мотивов вступления в брак (М. С. Мацковский, А. Г. Харчев), от стажа семейной жизни (Ю. Е. Алешина), от разделения домашних обязанностей (Юркевич Н. Г.; Андреева Т. В., Кононова А. В.), от сексуальной удовлетворенности супругов (С. И. Голод), от количества детей в семье (Т. В. Андреева, А. В. Толстова); от наличия или отсутствия детей от предыдущих браков, а также наличия или отсутствия детей в текущем браке (К. Дженаро и др.) и др. [1; 3; 6; 12].

- личностных: от пола супруга, от возраста вступающих в брак (И. Р. Хох), от образования, возраста, от этнической принадлежности, от религиозных убеждений, от физической привлекательности, от коэффициента интеллекта (К. Сайехмири и др.), от локуса контроля супруга (Е. Б. Назарова), от уровня интроверсии-экстраверсии, от мотива вступления в брак, от уровня нейротизма (Т. В. Андреева, А. В. Толстова); от социального интеллекта (О. В. Бунина, Е. Е. Новосельцева) и др. [1; 3; 4].

Факторы, которые влияют на удовлетворенность браком или способствуют ему, могут различаться в разных культурах, и зависят от того, насколько хорошо он отвечает ожиданиям и обязанностям, налагаемым на супругов культурными и социальными нормами. Например, доход мужа является более важной переменной для удовлетворенности браком в Японии по сравнению с Соединенными Штатами [12]. Романтическая любовь исторически имела большее значение в качестве основы для брака, а идея психологической близости была более важна для супружеского удовлетворения и благополучия в европейско-американских странах (Канада и Соединенные Штаты) по сравнению с азиатскими странами (Япония, Китай и Индия) [8; 9].

В западных индивидуалистических культурах критерии удовлетворения браком связаны с целями самоудовлетворения или с идеалами счастья, установленными между супругами. С другой стороны, в странах с коллективистским фоном критерии удовлетворенности связаны с тем, как обращаются с родственниками супругов, как это происходит, например, в Китае и Японии [8; 9; 12].

Конечно, вес всех вышеперечисленных факторов удовлетворенности браком в каждой семье неравнозначен, но такая характеристика, как супружеская совместимость, по мнению российских и зарубежных ученых играет ведущую роль в ощущении благополучия супружества [1; 4; 7; 8; 9; 10; 11; 12].

Краткий психологический словарь трактует межличностную совместимость как «взаимное приятие партнеров по общению и совместной деятельности, основанное на оптимальном сочетании (сходстве или взаимодополнительности) ценностных ориентации, социальных установок, интересов, мотивов, потребностей, характеров, темпераментов, темпа и ритма психофизиологических реакций и других, значимых для межличностного взаимодействия индивидуально-психологических характеристик» [2].

Целью нашего исследования было выявление влияния психологической совместимости супругов на их удовлетворенность браком. Психологическая совместимость объединяет

в себе такие структурно-динамических особенностей супругов, как темперамент, особенности характера, общность интересов и способов времяпрепровождения, личностная идентификация, интимно-сексуальные отношения, принятие хозяйственно-бытовых, родительско-воспитательных и эмоционально-психотерапевтических функций.

Объект исследования – совместимость в супружеской паре. Предмет исследования: зависимость удовлетворенности браком супругов от их психологической совместимости. Работа была проведена на базе Муниципального дошкольного образовательного учреждения Детский сад № 30 Ворошиловского района г. Волгограда. В исследовании приняли участие 50 семейных пар, чьи дети посещали это учреждение. Возраст испытуемых – от 23 до 41 года, семейный стаж – от 5 до 18 лет, количество детей в паре – от 1 до 3 человек в возрасте от 3 до 7 лет.

Гипотеза нашей работы стоит в том, что одни и те же факторы психологической совместимости супругов по-разному влияют на удовлетворенность браком мужа и жены.

Уровень удовлетворенности браком определяли с помощью экспресс-диагностики «Тест-опросник удовлетворенности браком», разработанный отечественными семейными психологами В. В. Столиным, Т. Л. Романовой и Г. П. Бутенко.

Факторы психологической совместимости измеряли методиками: «Определение согласованности семейных ценностей и ролевых установок в супружеской паре», разработанной А. Н. Волковой и «Личностный опросник» Г. Айзенка.

Статистическую проверку гипотезы проводили с помощью t-критерия Стьюдента.

Проанализировав полученные данные, мы пришли к выводу, что удовлетворенность браком зависит от пола супругов $t_{\text{эмп}}=21,6 > t_{\text{кр}}=2,63$ при $p \leq 0,01$. Не смотря на то, что женщины более критичны в оценке брака, чем мужчины, 72 % опрошенных жен имеют высокий уровень удовлетворенности браком, против 56 % их мужей. Подобное исследование О. В. Шишкиной, проведенное в 1998 году на супругах, имеющий семейный стаж 16-17 лет, показывает обратную картину [По 1]. Вероятно, данные показатели у наших испытуемых получились из-за выбора женщинами социально одобряемых ответов. Т.к. опрошенные пары в большинстве своем были знакомы друг с другом, а внутрисемейный климат в нашей стране традиционно является зоной ответственности жены.

Изучением влияния типа темперамента на совместимость в парах занимались российские психологи Т. В. Андреева и А. В. Толстова. Они пришли к выводу, что семейные пары уживаются при любом темпераменте супругов, и речь идет только о преобладании тех или иных проблем в семьях с различным сочетанием типов темперамента у мужа и жены. В то же время выяснилось, что «наиболее высокая удовлетворенность браком и семейными отношениями наблюдается в тех парах, в которых супруги обладают противоположным темпераментом (сангвиник-меланхолик, флегматик-холерик)» [1]. Согласно нашему исследованию сам по себе тип темперамента каждого супруга не играет роли в удовлетворенности браком ($t_{\text{эмп}}=0,6 < t_{\text{кр}}=2,63$ при $p \leq 0,01$). В то же время, среди сангвиников 69 % (22 человека) считают, что их брак удачен, 67 % – среди холериков (16 человек), 64 % – среди меланхоликов (18 человек) и только половина флегматиков (8 человек).

Не смотря на то, что 56 % мужей и только 12 % жен в нашем исследовании, придают высокую значимость интимно-сексуальным отношениям при удовлетворенности брачными узами, сексуальная гармония для женщин почти в два раза важнее, чем для мужчин ($t_{\text{эмп}}=8$ и $t_{\text{эмп}}=3,6 > t_{\text{кр}}=2,63$ при $p \leq 0,01$ соответственно). Каждый пятый испытуемый мужчина не считал нужным в семейной жизни сексуальную удовлетворенность своей супруги. Серьезность данному показателю придавал только один из 10 мужей. Свыше половины женщин

(56 %) наоборот считали, что удовольствие в постели их мужей, напрямую связано с их удовлетворенностью браком.

В современном обществе бытует мнение, что красота лица и тела партнера наиболее важны для мужской части населения. Наше исследование показало, что существует положительная статистическая значимость между удовлетворенностью брачными узами и физической привлекательностью у обоих супругов. Но ориентация жены на современные образцы внешнего облика мужчины почти в два раза превосходит обратный показатель у мужей ($t_{\text{эмп}}=5,3$ и $t_{\text{эмп}}=2,8 > t_{\text{кр}}=2,63$ при $p \leq 0,01$ соответственно).

Примерно в таком же соотношении находится личностная идентификация у жен и мужей с брачным партнером ($t_{\text{эмп}}=7,5$ и $t_{\text{эмп}}=3,6 > t_{\text{кр}}=2,63$ при $p \leq 0,01$ соответственно). Т.е. для счастья в браке женщинам более чем в два раза, чем мужчинам, важнее, чтобы их супруг разделял с ними их интересы, потребности, ценностные ориентации и способы времяпрепровождения.

К хозяйственно-бытовой функции семьи принято относить удовлетворение материальных потребностей семьи – жилье, питание, одежда, отдых и т.п. Т.к. традиционно в нашем обществе обязанность материально обеспечивать семью возложена на мужчину, а вести быт – на женщину, то бытовой организации семьи в обеспечении удовлетворенности браком оба супруга придают большое значение ($t_{\text{эмп}}=9,1$ – женщины, $t_{\text{эмп}}=5,5$ – мужчины $> t_{\text{кр}}=2,63$ при $p \leq 0,01$). Преобладание значений этого фактора у женщин связано в первую очередь с зарплатным неравенством. Согласно данным Росстата мужчины в России зарабатывают на 28 % больше, чем женщины [4]. А во вторую, тем, что женщины в среднем тратят 4 часа 25 минут в день на работу по дому, а у мужчин данный показатель в 3 раза меньше – 1 час 23 минуты [5].

При этом для счастливого брака жене необходимо, чтобы у обоих супругов были вне-семейные интересы, мужья, же, считают, что в удовлетворенности браком этот пункт не важен ($t_{\text{эмп}}=3,5 > t_{\text{кр}}=2,63$ – у жен, $t_{\text{эмп}}=0,9 < t_{\text{кр}}=2,63$ – у мужей при $p \leq 0,01$).

Каждый четвертый (24%) мужчина и 36% женщин из опрошенных оценивали родительство как важную составляющую счастья в семейной жизни. Тем не менее родительско-воспитательная функция у мужей не находится в зоне значимости с фактором удовлетворенности браком ($t_{\text{эмп}}=2 < t_{\text{кр}}=2,63$ при $p \leq 0,01$). У женщин этот пункт коррелирует с ощущением счастья в браке ($t_{\text{эмп}}=3,5 > t_{\text{кр}}=2,63$ при $p \leq 0,01$).

Для получения удовлетворения от семейной жизни обоим супругам важна эмоционально-психотерапевтическая и моральная поддержка от второй половины, ощущение семьи как среды для психологической разрядки и стабилизации. Для мужчин этот фактор имеет значение $t_{\text{эмп}}=5,1$, а у женщин – $t_{\text{эмп}}=7,5 > t_{\text{кр}}=2,63$ при $p \leq 0,01$.

Таким образом, гипотеза нашего исследования о том, что одни и те же факторы психологической совместимости супругов по-разному влияют на их удовлетворенность браком, была полностью подтверждена: ощущение счастливого брака у мужей формируется благодаря, в первую очередь, сексуальной, хозяйственной и эмоциональной составляющим супружества, у жен – бытовой, интимной, эмоциональной и личностно-идентификационной подструктурам семьи.

Список литературы

1. Андреева, Т. В. Семейная психология: учеб. пособие / Т. В. Андреева. СПб.: Речь, 2004. 244 с.
2. Кострикова, М. В. Психологическая совместимость супругов / М. В. Кострикова // Научные исследования: от теории к практике. 2014. № 1 (1). С. 196–198.

3. Краткий психологический словарь / Сост. Л. А. Карпенко; Под общ. ред. А. В. Петровского, М. Г. Ярошевского. М.: Политиздат. 1985. 431 с.
4. Сопун, С. М., Лидерс, А. Г. Психологическая совместимость супружеской пары и удовлетворенность браком / С. М. Сопун, А. Г. Лидерс // СПЖ. 2007. № 25. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/psihologicheskaya-sovmestimost-supruzheskoy-pary-i-udovletvorennost-brakom> (дата обращения: 17.11.2022).
5. Федеральная служба государственной статистики: официальный сайт. 2022. URL: <https://rosstat.gov.ru/> (дата обращения: 17.11.2022).
6. Jenaro, C. Marital Satisfaction in Spanish and Dominican Couples / C. Jenaro, E. Domínguez, F. J. de Santiago, M. M. Garcia-Mateos // Psychological Research. 2019. № 9 (1). P. 48-58. URL: <https://doi.org/10.22201/pspsi.20074719e.2019.1.05> (дата обращения: 17.11.2022)
7. Keizer, R. Relationship satisfaction. / R. Keizer // Encyclopedia of Quality of Life and Well-being Studies. Dordrecht.: Springer, 2014. URL: https://doi.org/10.1007/978-94-007-0753-5_2455 (дата обращения: 17.11.2022).
8. Kelly, E. L., Conley, J. J. Personality and compatibility: A prospective analysis of marital stability and marital satisfaction / E. L. Kelly, J. J. Conley // Journal of Personality and Social Psychology. 2007. 52(1). P. 27-40. URL: <https://doi.org/10.1037/0022-3514.52.1.27> (дата обращения: 17.11.2022).
9. Kitamura, T., Aoki, M., Fujino M. et al. Sex differences in marital and social adjustment / T. Kitamura, M. Aoki, M. Fujino, C. Ura, M. Watanabe, K. Watanabe, S. Fujihara // J Soc Psychol. 1998. – Feb. № 138 (1). P. 26-32. URL: <https://doi.org/10.1080/00224549809600350> (дата обращения: 17.11.2022).
10. Rebello, K., Junior, M.D.S., Brito, R.C.S. Fundamental factors of marriage satisfaction: evaluation of Brazilian couples / K. Rebello, M.D.S. Junior, R.C.S. Brito // Scientific Research Psychology. 2014. Vol. 5 No 7. URL: <https://doi.org/10.4236/psych.2014.57088> (дата обращения: 17.11.2022).
11. Saggino, A., Mariavittoria, M., Balsamo, M., Carlucci, L. et al. Compatibility quotient, and its relationship with marital satisfaction and personality traits in Italian married couples / A. Saggino, M. Mariavittoria, M. Balsamo, L. Carlucci, S. Ebisch, M. Innamorati, L. Picconi, R. Romanelli, M. R. Sergi, M. Tommasi // Sexual and Relationship Therapy Publication details. 2015. URL: <http://www.tandfonline.com/loi/csmt20> (дата обращения: 17.11.2022).
12. Sayehmiri, K., Kareem, K. I., Abdi, K. et al. The relationship between personality traits and marital satisfaction: a systematic review and meta-analysis / K. Sayehmiri, K. I. Kareem, K. Abdi, S. Dalvand, R. G. Gheshlagh // BMS Psychology. 2020. № 8 (15). URL: <https://bmcpsychology.biomedcentral.com/articles/10.1186/s40359-020-0383-z#citeas> (дата обращения: 17.11.2022).

УДК 159.922
ББК 88.3

Ушакова Анастасия Андреевна
студент группы ПоЗо-181,
Овчарова Елена Владимировна
кандидат психологических наук,
доцент кафедры экономики и социально-гуманитарных дисциплин,
Волжский филиал Волгоградского государственного университета,
Волжский, Волгоградская область, Россия

ВЗАИМОСВЯЗЬ ОБРАЗА МАТЕРИ И ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ ГОТОВНОСТИ К МАТЕРИНСТВУ

Аннотация. Психологическая готовность к материнству является основополагающим личностным образованием женщины для формирования осознанного желания сохранить беременность, безопасно выносить и наиболее благоприятно воспитать ребенка. Актуальность темы обуславливается повышенным уровнем девиантного материнства в нашей стране. Несформированность психологической готовности к материнству, а равно и нарушения во взаимоотношениях в диаде «мать-дочь» влечет нарушение в интеграции образа матери и дочери, появлении стрессогенных воздействий во время беременности, родов и воспитания ребенка. В формировании психологической готовности к материнству значимую роль играют детско-родительские отношения в диаде «мать-дочь». Цель исследования: изучить взаимосвязь образа матери и психологической готовности к материнству у женщин репродуктивного возраста. Мы предполагаем, что у женщин, которые имеют более целостный осознанный образ матери и положительный опыт взаимодействия с матерью в детстве, выше уровень психологической готовности к материнству. В исследовании использовались следующие методики: анкета «Представления о родительстве» (авторы О. Н. Истратова, Е. Осипова); рисуночный тест «Я и мой ребенок» (автор Г. Г. Филиппова); Рисуночный тест «Я и моя мама в детстве» (автор Г. Г. Филиппова). В результате проведенного исследования была выявлена взаимосвязь между уровнем сформированности психологической готовности к материнству и положительным опытом взаимодействия с матерью в детстве.

Ключевые слова: материнство, психологическая готовность, образ матери, детско-родительские отношения, девиантное материнство, образ ребенка.

Ushakova Anastasia Andreevna
student of the PoZo-181 group,
Ovcharova Elena Vladimirovna
Candidate of Psychological Sciences,
Associate Professor of the Department of Economics and Social and Humanitarian Disciplines,
Volga Branch of Volgograd State University,
Volzhsky, Volgograd region, Russia

THE RELATIONSHIP BETWEEN THE IDEA OF THE MOTHER AND PSYCHOLOGICAL READINESS FOR MOTHERHOOD

Abstract. Psychological readiness for motherhood is a fundamental personal education of a woman for the formation of a conscious desire to preserve pregnancy, safely carry out and most favorably

raise a child. The relevance of the topic is due to the increased level of deviant motherhood in our country. The lack of psychological readiness for motherhood, as well as violations in the relationship in the «mother-daughter» dyad, entails a violation in the integration of the image of mother and daughter, the appearance of stressful influences during pregnancy, childbirth and child rearing. In the formation of psychological readiness for motherhood, a significant role is played by child-parent relations in the mother-daughter dyad. The purpose of the study: to study the relationship between the image of the mother and psychological readiness for motherhood in women of reproductive age. We assume that women who have a more holistic conscious image of their mother and a positive experience of interacting with their mother in childhood have a higher level of psychological readiness for motherhood. The following methods were used in the study: questionnaire «Ideas about parenthood» (authors O. N. Istratova, E. Osipova); drawing test «Me and my child» (author G. G. Filippova); Drawing test «Me and my mother in childhood» (author G. G. Filippova). As a result of the study, the relationship between the level of psychological readiness for motherhood and the positive experience of interaction with the mother in childhood was revealed.

Keywords: motherhood, psychological readiness, the image of a mother, child-parent relations, deviant motherhood, the image of a child.

В настоящее время семья и материнство переживают сложный период, характеризующийся снижением статуса матери, уменьшением потребности иметь детей, откладыванием рождения детей на более поздний возраст, сознательным отказом от материнства.

Теоретический анализ показал, что в психологической литературе психологическая готовность к материнству рассматривается как специфическое личностное образование, состоящее из трех компонентов: когнитивный (представление о родительстве), эмоциональный (эмоциональная оценка ребенка и себя как матери), поведенческий (материнские установки). Это отношение преобразуется после рождения ребенка в стиль воспитания и определяет его эффективность.

Так, Мещерякова С. Ю. считает, что показателями психологической готовности к материнству являются: особенности коммуникативного опыта, полученного в детстве; отношение к еще не родившемуся ребенку; ориентация на стратегию воспитания и ухода за младенцем [8]. Савенышева С. С. отмечает, что особенности отношения матери к ребенку обусловлены как культурно-социальным статусом женщины, так и ее собственной психической историей. Готовность к материнству рассматривается как процесс психологической адаптации женщины к материнской роли [6].

А. В. Котова исследуя взаимосвязь восприятия матерью еще не рожденного ребенка и ее взаимоотношений с собственной матерью, выявила, что восприятие женщиной своего материнства напрямую зависит от стиля отношений с матерью [4]. Автор считает, что образ матери – целостное образование, воспроизведенная в сознании проекция характеристик материнского поведения и мировосприятия, сложившихся в личном опыте взаимодействия в диаде «мать-дочь», и в процессе осмысления общекультурных значений и ценностно-символических категорий материнства.

В. И. Брутман вводит понятие девиантного материнства, под которым понимает нарушение формирования роли материнства, причиной которого предполагается опыт отвержения женщины в попытках коммуникации со своей матерью в детском возрасте, а также отказ от материнства при нежелательной беременности [1, с. 170].

Филиппова Г. Г. выделяет шесть этапов становления психологической готовности к материнству в онтогенезе: этап взаимодействия с собственной матерью в раннем детстве; иг-

ровой этап и взаимодействие со сверстниками; этап нянчания; этап дифференциации мотивационных основ материнской сферы поведения; этап конкретизации онтогенетического развития материнской сферы в реальном взаимодействии с ребенком; послеродовой этап.

Матвеева Е. В. выделяет три вида готовности к материнству: потребностно-мотивационную, потребностно-эмоциональную и ценностно-смысловую готовность. Потребностно-мотивационная готовность к материнству означает саму потребность в материнстве. Данный блок состоит из потребностно-эмоционального и ценностно-смыслового компонентов. Потребность в материнстве – это комплексная потребность. Она подразумевает рефлексию своих состояний в процессе взаимодействия с ребенком и не исчерпывается желанием иметь детей [5, с. 79]. Ценностно-смысловая готовность к материнству предполагает осознание матерью высокой степени ценности ребенка и материнства среди других ценностей, целостное представление о семье и детях.

В целях выявления взаимосвязи между образом матери и психологической готовности к материнству было проведено исследование, в котором принимало участие 30 женщин на разных сроках беременности от 19 до 40 лет. Из них 15 женщин замужем, 6 женщин беременны в первый раз, 5 женщин уже имеют ребенка.

Анкета «Представления о родительстве» позволила выявить когнитивный компонент психологической готовности к материнству и оценки сформированности знаний о материнстве.

Результаты позволили сделать вывод, что у 6,7 % женщин недостаточная сформированность представления о родительстве. Это означает, что у них не сформировано представление себя в образе родителя, не сформирован образ ребенка, не конструктивные родительские установки, отношение к беременности и предстоящим трудностям не осознано, и не достаточно знаний о уходе и воспитании за ребенком. Представления о родительстве сформированы не полноценно у 70 % женщин. Это означает, что у них положительное отношение к предстоящим трудностям, сформированы представления о уходе, обеспечении безопасности, физиологическом развитии ребенка, а также они принимают ответственность за решения, принимаемые в отношении ребенка. Целостное представление о родительстве сформировано у 23,3 % женщин. Это означает, что у них осознанное положительное отношение к беременности и предстоящим трудностям, конструктивные родительские установки, сформировано представление о уходе и воспитании за ребенком, а также они осознанно принимают на себя ответственность за ребенка.

Проективный рисуночный тест «Я и мой ребенок» был выбран с целью исследования восприятия себя и ребенка в ситуации материнства, отношения женщины к материнству. Результаты рисуночного теста показали, что у женщин с разным уровнем психологической готовности к материнству образ ребенка имеет различные содержательные признаки.

По параметру наличия на рисунке себя и ребенка: отсутствие себя на рисунке у 3,3 %, а также у 16,6 % женщин наблюдается замена образа ребенка и/или себя на растение, животное или символ. По содержательным признакам 26,6 % женщин были отнесены в группу с несформированностью психологической готовности к материнству. Отсутствие на рисунке фигур матери и ребенка характеризует несформированную готовность к материнству.

По признаку недостаточной прорисовки фигур и лиц себя и ребенка было выделено 13,3 % женщин. По содержательным признакам эти женщины отнесены в группу с высоким уровнем тревоги и средним уровнем психологической готовности к материнству.

По признаку наличия на рисунке нескольких детей у 13,3 % женщин на рисунке присутствует 2 и более детей. По содержательным признакам 16,6 % женщин отнесены в группу с незначительным уровнем тревоги и средним уровнем психологической готовности к материнству.

По наличию телесного контакта на рисунке у 26,6 % мать держит ребенка на руках/обнимает. Когда женщина хорошо представляет, чем она будет заниматься с ребенком, это свидетельствует о более четком образе себя в роли матери. По содержательным признакам 33,3 % женщин отнесены в группу с благоприятной ситуацией материнства.

Результаты позволили сделать вывод, что благоприятная ситуация материнства у 33,3 % женщин. Это означает, что у женщин с благоприятной ситуацией материнства образ ребенка и своей роли имеет более отчетливые, детализированные, конкретные характеристики. Образ более целостный, описание ребенка эмоционально положительно окрашено. Средний уровень психологической готовности был выявлен у 29,9 % женщин, среди них незначительные симптомы тревоги были выявлены у 16,6 % женщин, высокий уровень тревоги – 13,3 % женщин. Это означает, что образ ребенка и себя в роли матери не целостный, эти образы окрашены противоречивыми эмоциями с определенным уровнем тревоги в ситуации материнства. Низкий уровень сформированности психологической готовности к материнству и конфликт с ситуацией материнства был выявлен у 26,6 % женщин. Это означает, что образ ребенка и себя в роли матери не имеет четкости, размыт, детализация образа минимальна либо отсутствует совсем. Образ ребенка зачастую ассоциируется с отрицательными чертами.

Проективный рисуночный тест «Я-ребенок и моя мама» был выбран для выявления особенностей детско-родительских отношений, сформированности образа матери и обнаружения конфликта в собственной родительской сфере.

По критерию ценности себя для матери на рисунках у 26,6 % женщин наблюдается отсутствие взаимодействия и телесного контакта между матерью и ребенком, выраженность тревоги и сопутствующие рисованию негативные эмоции.

По критерию представления о матери и ее роли у 13,3 % женщин на рисунке мать не проявляет действий по отношению к ребенку, нет совместной деятельности. Также 16,6 % женщин нарисовали на рисунке себя взрослую между своей мамой и ребенком.

По критерию источника тревоги или конфликта у 10 % женщин на рисунках мать отвернута от ребенка.

По критерию идентификации с родительской ролью у 6,6 % женщин на рисунке отсутствуют признаки идентификации с матерью по параметрам позы одежды, дополнительных атрибутов.

Результаты проективной методики (рис. 1) позволили сделать вывод, что низкий уровень тревоги наблюдается у 43,3 % женщин. Это означает, что у женщины сформировано представление о роли матери, опыт взаимодействия с матерью в детстве имеет положительный характер, образ матери более целостный, имеет более отчетливые, детализированные, конкретные характеристики. Средний уровень тревоги выявлен у 33,3 % женщин. Это означает, что образ матери имеет некоторую схематичность, опыт общения с матерью в детстве оценивается удовлетворительно, недостаточно сформировано представление о родительской роли. Высокий уровень тревоги был выявлен у 23,3 % женщин. Это означает, что представление о материнской роли не сформировано, опыт общения с матерью в детстве оценивается негативно, не сформировано представление о ребенке, как о ценности, недостаточная идентификация с матерью.

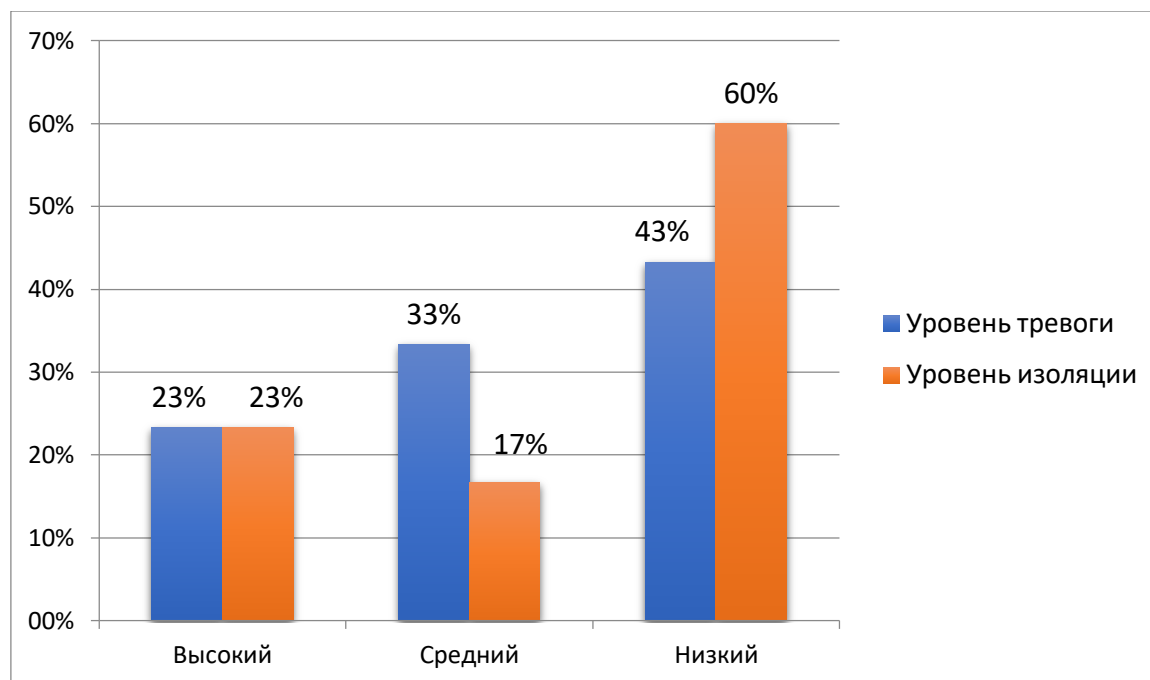

Рис. 1. Уровень сформированности поведенческого компонента психологической готовности к материнству по рисуночному тесту «Я-ребенок и моя мама»

Низкий уровень избегания выявлен у 60 % женщин. Это означает, что образ матери не ассоциируется с источником тревоги или конфликта. Средний уровень избегания выявлен у 16,6 % женщин. Это означает, что опыт общения с матерью в детстве связан с тревогой, но целостный образ матери не ассоциируется с ситуацией конфликта. Высокий уровень избегания выявлен у 23,3 % женщин. Это означает, что образ матери оценивается негативно и ассоциируется с источником тревоги и конфликта.

Для проверки гипотезы о том, что у женщин, которые имеют более целостный осознанный образ матери и положительный опыт взаимодействия с матерью в детстве, выше уровень психологической готовности к материнству, мы использовали корреляционный анализ полученных показателей с применением коэффициента ранговой корреляции r_s Спирмена.

Корреляционный анализ показал, что между шкалой результатов по анкете «Представления о родительстве» и шкалой результатов по методике «Я и мой ребенок» выявлена обратная слабая корреляционная связь $r_s = -0,19$. Также между шкалой результатов по анкете «Представления о родительстве» и шкалой результатов по методике «Я-ребенок и моя мама» выявлена обратная слабая корреляционная связь $r_s = -0,17$. Это означает, что показатели образа ребенка, образа матери и знаний о материнстве, об уходе и воспитании за ребенком имеют слабую взаимосвязь. Между шкалой результатов по методике «Я и мой ребенок» и шкалой результатов по методике «Я-ребенок и моя мама» выявлена прямая сильная корреляционная связь $r_s = 0,94$. Это означает, что чем положительнее опыт взаимодействия с мамой в детстве, чем целостнее образ матери, тем положительнее восприятие себя и ребенка.

Существующие статистически значимые связи между показателями психологической готовности к материнству и образа матери подтвердили нашу гипотезу. То есть, чем более целостный осознанный образ матери и положительный опыт взаимодействия с матерью в детстве, тем выше уровень сформированности у женщины психологической готовности к материнству.

Таким образом, проведенное исследование показывает, что существует взаимосвязь между особенностями отношения в диаде «мать – дочь» и формированием готовности молодой женщины к материнству. Несформированность компонентов психологической готовности к материнству у женщин может быть связана с конфликтом в материнской сфере. Зная о существовании данного механизма влияния, можно оказывать консультативную психологическую помощь женщинам, направленную на предупреждение проблем в детско-родительской сфере, еще до рождения ребенка.

Список литературы

1. Брутман, В. И., Ениколопов, С. Н., Панкратова, М. Г. Раннее социальное сиротство: учебно-методическое пособие. Изд-во: М., 1994. 209 с.
2. Брутман, В. И., Радионова М. С. Формирование привязанности матери к ребенку в период беременности // Вопросы психологии. 1997. № 6. С. 38–47.
3. Васягина, Н. Н. Образ матери: особенности репрезентации в сознании россиян // Педагогическое образование в России. 2015. № 6. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/obraz-materi-osobennosti-reprezentatsii-v-soznanii-rossiyan> (дата обращения: 17.11.2022).
4. Котова, А. В. Взаимосвязь восприятия беременной женщины движения плода с опытом отношений со своей матерью в раннем онтогенезе // Вестник университета. 2012. № 7. С. 263–269.
5. Матвеева, Е. В. Анализ материнства с позиции теории деятельности. Киров: Изд-во ВГГУ, 2004. 325 с.
6. Савенышева, С. С. Отношение к материнству у современных женщин // Вестник Санкт-петербургского университета. Серия 12. 2008. № 4. С. 45–54.
7. Филиппова, Г. Г. Психология материнства: учебное пособие. М.: Изд-во Института Психотерапии, 2002. 240 с.
8. Филиппова, Г. Г., Черткова, И. Н. Исследование психологических особенностей переживания беременности у женщин с патологией беременности // Журнал практической психологии. 2003. № 4–5. С. 64–82.

УДК 316.6
ББК 88.8

Фисенко Мария Дмитриевна
*ассистент кафедры социологии, общей и юридической психологии,
Волгоградский институт управления –
филиал РАНХиГС при Президенте РФ,
Волгоград, Россия*

ЭМОЦИОНАЛЬНЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ КАК КЛЮЧЕВАЯ КОМПЕТЕНЦИЯ РУКОВОДИТЕЛЯ

Аннотация. В статье рассматривается актуальность развития эмоционального интеллекта в рамках профессиональной деятельности руководителя. Основываясь на зарубежных концепциях эмоционального интеллекта и характеристиках работы современных организаций, автор доказывает значимость эмоционального интеллекта как компетенции руководителя. Конкурентная среда вынуждает искать новые способы взаимодействия с сотрудниками, повышения профессиональной эффективности и снятия эмоционального напряжения. Эти задачи помогает решить высокий эмоциональный интеллект руководителя.

Ключевые слова: эмоциональный интеллект, компетенции, руководители, эмоциональное лидерство, конкурентоспособность.

Fisenko Maria Dmitrievna
*Assistant of the Department of Sociology, General and Legal Psychology,
Volgograd Institute of Management –
branch of RANEPa under the President of the Russian Federation,
Volgograd, Russia*

EMOTIONAL INTELLIGENCE AS A KEY COMPETENCE OF A MANAGER

Abstract. The article discusses the relevance of the development of emotional intelligence in the professional activity of the head. Based on foreign concepts of emotional intelligence and the characteristics of the work of modern organizations, the author proves the importance of emotional intelligence as the competence of the head. The competitive environment forces us to look for new ways to interact with employees, improve professional efficiency and relieve emotional stress. The high emotional intelligence of the manager helps to solve these tasks.

Keywords: emotional intelligence, competencies, managers, emotional leadership, competitiveness.

Эмоциональный интеллект считается одним из важнейших элементов психологического благополучия и успешной жизни. В настоящее время организации вынуждены выживать в конкурентной среде, характеризующейся напряженным образом жизни, с постоянным стремлением к росту прибыльности, основанном на повышении конкурентоспособности. В последние годы произошла организационная реструктуризация, технологические революции, рост требований рынка, с повышением уровня безработицы, слияниями и перемещением сотрудников из одного учреждения в другое, что создает психическое напряжение и стресс на высоком уровне. Таким образом, организации должны применять различные стратегии для обеспечения надлежащего функционирования и конкурентоспособности [6, 7]. Проблемы и

изменения в организациях, такие как реструктуризация, отсутствие гарантий занятости и увеличение рабочей нагрузки, могут привести к усилению стресса [5].

В условиях современного мира, когда знания и информация имеют высокую ценность, меняются требования, предъявляемые к руководителю. Одним из таких требований можно выделить эмоциональное лидерство, т.е. способность эффективно управлять эмоциональными ситуациями, быстро укреплять доверие и взаимопонимание, слушать и мотивировать подчиненных. Лидеры, обладающие высоким эмоциональным интеллектом, развивают позитивную коммуникацию, которая позволяет создавать благоприятную среду для работы и достижения высоких результатов, создают творческую управленческую атмосферу и привлекают тех сотрудников, которые обладают развитым эмоциональным интеллектом [11]. Также они способны повышать уверенность и индивидуальность своих подчиненных, что, в свою очередь, развивает командный эмоциональный интеллект [4], а развитие социальной уникальности повышает решительность и работоспособность [2].

Д. Гоулман утверждает, что эмоциональный интеллект оказывает огромное влияние как на производительность труда и эффективность работы, так и на личную жизнь, указывая, что жизненный успех человека на 80 % зависит от развитости эмоционального интеллекта [22]. Руководитель с высоким эмоциональным интеллектом создает позитивную рабочую среду, за счет чего производительность труда и мотивация сотрудников повышается, что ведет к успеху проекта [19]. Т. Сай, С. Трам и Л.А. О'Хара в своем исследовании сделали вывод о том, что эмоциональный интеллект являясь социальным навыком оказывает влияние на работу сотрудников сферы государственного управления и обеспечивает развитие таких навыков как гибкость в общении и коммуникабельность [16].

Существуют исследования, в которых лидерство рассматривается как эмоциональный процесс. Важно выстраивать взаимоотношения, основанные на эмоциональном взаимодействии, доверии и целеустремленности [9]. Эмоциональный интеллект позволяет руководителям понимать настроения и эмоции своих подчиненных, что помогает в выстраивании наилучшей политики по выбору сотрудников [8]. Эффективность работы команды и организации улучшается благодаря методам лидерства, которые создают позитивный и оптимистичный настрой [14]. Существует взаимосвязь между индивидуальными свойствами руководителя проекта, одно из которых можно определить как эмоциональный интеллект, и эффективностью управления в сложных проектах. Способности и навыки руководителя используются для выявления и контроля собственных и чужих эмоций, что позволяет качественно улучшить результаты и создать эффективные и позитивные отношения [1].

Дж. Пеллиттери в своих исследованиях указал, что лидеры, которые не проявляют сочувствия к своим подчиненным и не обладают эмоциональным интеллектом могут способствовать возникновению проблем для организации и ее сотрудников, негативно влияя на общую производительность [15]. Дж. Томас и Т. Менгель провели исследование и выяснили, что руководители, не обладающие развитым эмоциональным интеллектом, создают депрессивные состояния, стресс и раздражение среди подчиненных [17].

Таким образом, эмоциональный интеллект рассматривается как доминирующая переменная, ответственная за высокую производительность и эффективность управленческой деятельности.

Наиболее активно исследования эмоционального интеллекта начались относительно недавно, примерно в 1990 году. Было три основных направления в определении эмоционального интеллекта, представленных: Дж. Д. Майером и П. Саловеем; Р. Бар-Он; Д. Гоулманом.

В 1988 году, физиолог Р. Бар-Он в своей докторской диссертации использовал понятие «коэффициент эмоциональности» и определяет эмоциональный интеллект как понимание

себя и других, отношения с людьми, адаптацию к непосредственному окружению и умение справиться с ним, чтобы более успешно справиться с требованиями окружающей среды [3]. В работах П. Саловея и Дж. Д. Майера эмоциональный интеллект – это способность точно воспринимать, оценивать и понимать эмоции, регулировать возникающие переживания [10]. Концепция эмоционального интеллекта получила широкую популярность после публикации книги Д. Гоулмана, которую он написал, вдохновившись работами П. Саловея и Дж. Д. Майера. В ней он постарался описать историю развития теорий эмоционального интеллекта, проанализировал современные ему представления о данном феномене и предложил свою собственную модель. Он определил эмоциональный интеллект как способность, которая включает в себя самоконтроль, усердие и настойчивость, а также способность мотивировать себя [5, 22].

Принято выделять четыре основных компонента эмоционального интеллекта: самосознание, самоконтроль, социальная чуткость и управление отношениями. Два первых из которых направлены на работу с собственными эмоциями, а последние на взаимодействие с другими людьми. Для руководителя важно не только сохранять уравновешенность в непростых ситуациях, но и уметь использовать эмоциональные проявления подчиненных с целью повышения результатов их работы [20].

Руководители, обладающие развитым эмоциональным интеллектом, высоко мотивированы, оказывают положительное влияние на членов своей команды, что ведет к успешной деятельности. Они способны творчески решать возникающие проблемы, которые влияют на результат работы [12]. В рабочей среде на поведение влияет распознавание эмоций и настроения, таких как гордость, энтузиазм, раздражение, смущение, вина, беспокойство и ревность. Эти типы чувств взаимосвязаны с действиями и событиями, которые в дальнейшем оказывают влияние на эмоциональное состояние коллектива и эффективность его работы [18]. Эмоциональный интеллект руководителя помогает ему справиться со стрессом и давлением, вдохновлять своих сотрудников, управлять личными взаимоотношениями и создавать условия труда для достижения результатов высокого уровня [13].

По результатам анализа литературы можно сформулировать следующую структуру эмоциональной компетентности руководителя, которая включает в себя два основных компонента:

1. Понимание собственных эмоций и эмоционального поведения подчиненных.
2. Умение управлять своими эмоциональными проявлениями и эмоциями других сотрудников организации [21].

Сформированные навыки эмоциональной компетентности дают возможность руководителю использовать эмоции и их проявления в поведении как управленческий ресурс и, в связи с этим повышать эффективность своей деятельности [24].

Также эмоциональная компетентность руководителя дает возможность эффективно разрешать конфликты, возникающие в процессе деятельности, регулировать свое поведение и предчувствовать поведение других людей в той или иной ситуации, у руководителя появляется возможность влиять на свое настроение, самомотивацию и желание работать, а также повышать мотивацию и эффективность, производительность работы других людей [23].

Список литературы

1. Ashkanasy, N. M., Daus, C. S. Rumors of the death of emotional intelligence in organizational behavior are vastly exaggerated // Journal of Organizational Behavior. 2005. № 26. P. 441–452.

2. Ashkanasy, N. M., Humphrey, R. H. Current emotion research in organizational behavior // *Emotion Review*. 2011. № 3. P. 214–224.
3. Bar-On, R. The Development of an Operational Concept of Psychological Wellbeing. Unpublished Doctoral Dissertation. Rhodes University, South African. 1988.
4. Druskat, V. U., Wolff, S. B. Building the emotional intelligence of groups // *Harvard business review*. 2001. № 79. P. 80–91.
5. Goleman, D., Boyatzis, R., McKee, A. The new leaders: Transforming the art of leadership into the science of results. London: Time Warner Paperbacks, 2002. 302 pp.
6. Higgs, M. How can we make sense of leadership in the 21st century? // *Leadership & Organisation Development Journal*. 2002. № 25. P. 273–284.
7. Langley, A. Emotional intelligence – a new evaluation for management development? // *Career Development International*. 2000. № 5. P. 177–183.
8. Leban, W., Zulauf, C. Linking emotional intelligence abilities and transformational leadership styles // *Leadership and Organization Development Journal*. 2004. № 25. P. 554– 640.
9. Madera, J. M., Smith, D. B. The effect of leader negative emotions on evaluations of leadership in a crisis situation: the role of anger and sadness // *Leadership*. 2009. № 20. P. 103–114.
10. Maier, J. D., Salovey, P., Caruso, D. R. Emotional intelligence: theory findings, and implications // *Psychological Inquiry*. 2004. № 15. P. 197–215.
11. Montenegro, A. Dobrota M., Todorovic Impact of Construction Project Managers' Emotional Intelligence on Project Success // *Sustainability*. 2021. № 19. P. 10–18.
12. Mount, G. The Role of Emotional Intelligence in Developing International Business Capability: EI Provides Traction // *Linking Emotional Intelligence and Performance at Work*. 2006. P. 97–124.
13. Naseer, Z., Chishti, S., Rahman, F., Jumani, N. B. Impact of Emotional Intelligence on Team Performance in Higher Education Institutes // *International Online Journal of Educational Sciences*. 2011. № 3. P. 30–46.
14. Ozcelik, H., Langton, N., Aldrich H. Doing well and doing good: The relationship between leadership practices that facilitate a positive emotional climate and organizational performance. // *Journal of Managerial Psychology*. 2008. № 23. P. 186–203.
15. Pellitteri, J. The relationship between emotional intelligence and ego mechanisms // *J. Psychol*. 2002. № 136. P. 182–194.
16. Sy, T., Tram, S., O'Hara, L. A. Relation of employee and manager emotional intelligence to job satisfaction and performance // *J. Vocat. Behav.* 2008. № 68. P. 461–473.
17. Thomas, J., Mengel T. Preparing project managers to deal with complexity-advanced project management education // *Int. J. Proj. Manag.* 2008. № 26. P. 304–315.
18. Weiss, H. M., Cropanzano R. Affective events theory: a theoretical discussion of the structure, causes and consequences of affective experiences at work // *Res. Organ. Behav.* 1996. № 18. P. 1–74.
19. Wong, C. S., Law, K. S. The effects of leader and follower emotional intelligence on performance and attitude: an exploratory study // *Leadersh.* 2002. № 13. P. 243–274.
20. Бобкова, Н. Г. Эмоциональный интеллект как ключевая компетенция современного менеджера // *Бизнес-образование в экономике знаний*. 2016. № 2 (4). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/emotsionalnyy-intellekt-kak-klyuchevaya-kompetentsiya-sovremennogo-menedzhera> (дата обращения: 15.05.2022).
21. Болдырева, Н. В. Эмоциональная компетентность современного руководителя в бизнесе // *Мировые цивилизации*, 2018 № 2. URL: <https://wcj.world/PDF/08PSMZ218.pdf> (дата обращения: 15.05.2022).

22. Гоулман, Д. Эмоциональный интеллект. Почему он может значить больше, чем IQ. М: Манн, Иванов и Фербер, 2017. 544 с.
23. Комеда-Лутц, М. Интеллектуальная эмоциональность. Как обращаться со своими чувствами / М. Комеда-Лутц; пер. с нем. Харьков: Гуманитарный центр, 2014. 214 с.
24. Шнайдер, М. И. Проблема развития эмоционального интеллекта в условиях новой коммуникативной реальности URL: http://library.isu.ru/ru/resources/e-library/conf_works_ISU/psy_soderzhanie/B-24.pdf (дата обращения: 15.05.2022).

УДК 159.9:37.015.3
ББК 88.8

Фисенко Мария Дмитриевна

*ассистент кафедры социологии, общей и юридической психологии,
Волгоградский институт управления –
филиал РАНХиГС при Президенте РФ,
Волгоград, Россия*

Черникова Тамара Васильевна

*доктор психологических наук, профессор,
профессор кафедры психологии образования и развития,
Волгоградский государственный социально-педагогический университет,
Волгоград, Россия*

ЭМОЦИОНАЛЬНЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ И СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СТУДЕНТОВ-ВЫПУСКНИКОВ УПРАВЛЕНЧЕСКИХ СПЕЦИАЛЬНОСТЕЙ

Аннотация. Представлен развернутый замысел исследования особенностей эмоционального интеллекта в его взаимосвязи с социально-психологическими характеристиками личности. Работа направлена на повышение профессионально-личностной компетентности студентов-выпускников института управления, которые на этапе завершения высшего образования и перехода к самостоятельной трудовой деятельности рассматриваются в качестве резерва руководящих кадров, нуждающихся в интенсивной образовательной поддержке в условиях должностной конкуренции. Одновременно с тестовой и ситуативной диагностикой проводится адресная развивающая работа с применением авторской модификации технологии ассесмент-центра.

Ключевые слова: ассесмент-центр, компетентность, профессионально-личностное развитие, резерв руководящих кадров, студенты-выпускники, эмоциональный интеллект.

Fisenko Maria Dmitrievna

*Assistant of the Department of Sociology, General and Legal Psychology,
Volgograd Institute of Management –
branch of RANEPa under the President of the Russian Federation,
Volgograd, Russia*

Chernikova Tamara Vasilyevna

*Doctor of Psychological Sciences, Professor,
Professor of the Department of Psychology of Education and Development,
Volgograd State Socio-Pedagogical University,
Volgograd, Russia*

EMOTIONAL INTELLIGENCE AND SOCIO-PSYCHOLOGICAL CHARACTERISTICS OF PROFESSIONAL ACTIVITY OF STUDENTS-GRADUATES OF MANAGERIAL SPECIALTIES

Abstract. A detailed idea of the study of the features of emotional intelligence in its relationship with the socio-psychological characteristics of the individual is presented. The work is aimed at improving the professional and personal competence of students-graduates of the Institute of Man-

agement, who at the stage of completion of higher education and transition to independent work are considered as a reserve of managerial personnel in need of intensive educational support in conditions of job competition. Simultaneously with the test and situational diagnostics, targeted development work is carried out using the author's modification of the assessment center technology.

Keywords: assessment center, competence, professional and personal development, reserve of senior personnel, graduate students, emotional intelligence.

Современному деловому сообществу, позитивно настроенному на социальные и экономические преобразования, требуются руководители с развитым эмоциональным интеллектом, которые рационально регулируют взаимоотношения, в конструктивных формах реализуют управленческие функции и проявляют социальное лидерство, опираясь на понимание, распознавание и интерпретацию своих и чужих аффективных состояний, а также мотивационных побуждений к действиям. Развитый эмоциональный интеллект дает возможность руководителю устанавливать и поддерживать деловые и межличностные контакты, обеспечивая единство в поиске продуктивных идей и выборе общих целей при реализации стратегических направлений совместной деятельности.

При этом в нашей стране наблюдается парадоксальное явление. С одной стороны, на уровне президентских инициатив успешно реализуются проекты по отбору активных молодых людей в резервный состав руководителей, проводится работа по развитию их управленческих функций и карьерному продвижению. С другой стороны, открытые в различных вузах специализации в сфере менеджмента, муниципального управления и управления образованием достаточно формально готовят студентов к руководящей работе. Более того, сами обучающиеся задолго до выпуска понимают иллюзорность своих притязаний на должность управленца любого уровня в силу низкой конкурентоспособности. К сожалению, очень редко вариативный, а также факультативный компонент образовательных программ на заключительных этапах обучения сфокусирован на усилении профессионально-личностного потенциала выпускников, поддержку их готовности к реализации предприимчивости и инициативной презентации своих оригинальных идей и исследовательских разработок.

Анализ теоретических концепций позволяет дать общее определение изучаемому явлению как совокупности эмоционально-когнитивных способностей к осуществлению социально-психологической адаптации личности, связанных с пониманием себя и других людей, осознанием своей социальной роли и позиции, на основании чего строится организация инициализированного делового и межличностного взаимодействия. Э. Ж. Базарсадаева, обращаясь к истории возникновения термина, отмечает, что постепенное изменение взглядов на соотношение эмоциональных и интеллектуальных процессов привело в 1990-е годы А. В. Брушлинского и А. А. Бодалева к общей идее о том, что «должен иметь место понятийный аппарат, позволяющий выявить единицы, которые мы не сможем отнести ни к мышлению, ни к эмоциям. Такие единицы могут быть описаны внутри психической деятельности с помощью “интерпроцессуальных” понятий, каким и является эмоциональный интеллект» [2, с. 31]. Современные исследователи активно идут по этому пути.

Содержание дисциплин психологического блока, включенного в образовательные программы высшей школы, следует ориентировать на развитие эмоционального интеллекта во взаимосвязи с личностными характеристиками и социально-психологическими установками, рассматривая все это как предпосылку эффективности профессиональной деятельности управления накануне перехода студентов в статус дипломированных специалистов. Подтверждение показателей самооценочной диагностики экспертной прогностической оценкой со стороны в ходе практики применения ассесмент-процедур со студентами-выпускниками

позволит усилить их профессиональный потенциал к работе в руководящих структурах. Задачи, стоящие перед молодым резервом руководящих кадров, поддерживаемых в России на самом высоком уровне, связаны с развитием управленческих компетенций, базирующихся на развитом эмоциональном интеллекте.

В структуре профессионально-личностных характеристик кадров управленческого звена эмоциональный интеллект занимает центральное положение, и его взаимосвязь с развитыми показателями креативности, коммуникативности, само-эффективности, а также с позитивными социально-психологическими установками и др. составляет интегрированный фактор обеспечения эффективности управленческой деятельности.

В данной статье представлен развернутый замысел социально-психологического исследования, *целью* которого является установление взаимосвязи между показателями эмоционального интеллекта и социально-психологическими характеристиками личности у студентов-выпускников института управления в контексте прогноза эффективности их будущей профессиональной деятельности. *Объектом исследования*, таким образом, становится эмоциональный интеллект студентов-выпускников института управления как социально-психологический показатель становления их профессионализма. *Предмет исследования* лежит в области нахождения взаимосвязи социально-психологических характеристик личности студентов-выпускников с уровнями развития их эмоционального интеллекта.

Успешности такой работы будет способствовать реализации *трех пар задач*. *Теоретико-методологические задачи исследования* состоят, прежде всего, в том, чтобы проанализировать научные основания, современное состояние и тенденции развития исследований в области изучения эмоционального интеллекта и социально-психологических характеристик личности.

Проведенная систематизация научно-психологических источников позволит расширить теоретическую базу изучения эмоционального интеллекта во взаимосвязи с различными социально-психологическими характеристиками применительно к личности руководителя и сфере управления в целом. По научным источникам необходимо проследить, как различные линии исследований когнитивной и эмоциональной сфер личности в зарубежной и отечественной психологии сложились в интегрированный объект для психологического изучения. Рассмотрение эмоционального интеллекта в сочетании с социально-психологическими характеристиками расширит знание о профессионально важных качествах личности руководителя и детерминации процесса управленческой деятельности.

Одновременно с этим предстоит систематизировать научные источники с целью конструирования единой теоретико-методологической базы исследования, которая может быть представлена в виде теоретической модели изучаемого явления.

Проведенный анализ теорий, подходов и концепций, связанных с изучением проблем эмоционального интеллекта, позволит в системном дифференцированном виде (предпочтительно, в теоретической модели изучаемого явления) представить достижения отечественных и зарубежных исследователей.

Методические задачи исследования заключаются, во-первых, в составлении программы эмпирического исследования по выявлению взаимосвязи эмоционального интеллекта и социально-психологических характеристик личности студентов-выпускников. Цели и организационные задачи эмпирического исследования будут соотнесены с методами и составом выборки респондентов.

Диапазон методов исследования достаточно широк и разнообразен. Традиционными для диагностических программ окажутся стандартизированные тестовые процедуры, направ-

ленные, прежде всего, на дифференцированное изучение эмоционального интеллекта по различным шкалам опросника Д. В. Люсина [5].

Методика изучения социально психологических установок личности даст возможность определить иерархию ориентаций на деньги и труд, его процесс и результат; эгоизм и альтруизм; власть и свободу [6, с. 79–86]. Применение методики измерения коммуникативной и социальной компетентности (КОСКОМ), разработанной В. Н. Куницыной с соавторами, позволит получить представление об особенностях студентов-выпускников.

Наиболее значимые результаты будут получены по шкалам социально-психологической компетентности (широта и требования репертуара ролевого поведения, знание механизмов человеческого взаимодействия, умение решать межличностные проблемы, умение ладить с людьми), коммуникативной и вербальной компетентности (степень речевой умелости и сформированности навыков взаимодействия); оперативной социальной компетентности (общая социальная ориентация и осведомленность) [4].

В общую диагностическую карту будут включены также отдельные шкалы, информативные в плане изучения личности руководителя. Среди них – шкала само-эффективности Р. Шварцера и М. Ерусалема, созданная на базе идей А. Бандуры и адаптированная В. Г. Ромеком [10], и шкала креативности самоактуализационного теста (САМОАЛ), основанного на работах А. Маслоу [1]. Современные исследователи успешно применяют эту методику для анализа адаптационного потенциала и копинг-ресурсов личности на этапе самореализации [3]. Анализ и интерпретация промежуточных результатов диагностики будут выполнены с привлечением методов математико-статистического анализа. В дополнение к имеющемуся инструментарию будут присовокуплены авторские диагностико-развивающие процедуры.

Проективное текстовое задание на выявление представлений о предпочитаемом типе профессиональной карьеры сконструировано Т. В. Черниковой на основе опубликованных материалов Е. Г. Молл и апробировано на студентах юридических и экономических специальностей, а также на руководителях образования [7; 8; 9].

Теоретическое обоснование диагностической программы и эмпирическая ее верификация позволят обнаружить положительную взаимосвязь между уровнем эмоционального интеллекта и социально-психологическими характеристиками студентов-выпускников в условиях прогностической оценки эффективности управленческой деятельности.

Далее следует разработать научно-практическую программу развития эмоционального интеллекта и социально-психологических характеристик у студентов-выпускников для решения локальных задач экспертизы предпосылок и прогностической оценки эффективности их профессиональной деятельности и повышения управленческих компетенций наряду с показателями само-эффективности. Для измерения уровня эмоционального интеллекта и его взаимосвязи с различными социально-психологическими характеристиками личности, помимо стандартизированных тестовых методов самоотчетного и самоописательного типа, планируется использовать авторские экспертно-прогностические процедуры, относящиеся к технологии ассессмент-центра (с пакетом стимульных материалов).

Эмпирические задачи исследования будут выполнены при условии, что с помощью методов математической статистики удастся установить взаимосвязь между уровнями эмоционального интеллекта и социально-психологическими характеристиками у студентов-выпускников института управления; выявить достоверные различия в перечне и содержании социально-психологических характеристик личности с высоким, средним и низким уровнями развития эмоционального интеллекта.

Полученные в исследовании данные о взаимосвязи эмоционального интеллекта с эффективностью деятельности могут быть учтены при разработке программ повышения квалификации руководителей в целях совершенствования их профессиональной подготовки.

Обзор социально-психологической литературы по вопросам организации и проведения интерактивных образовательных мероприятий для развития компетенций руководителей и резерва управленческих кадров будет предшествовать работе по определению теоретических оснований, организационных принципов и содержание практикоориентированной программы развития эмоционального интеллекта и социально-психологических характеристик личности в условиях проведения интерактивных занятий (клубных встреч, имитационных и деловых игр, проектировочных семинаров, тренингов).

На основе результатов эмпирического исследования и процедуры ассесмент-центра предстоит определить и научно обосновать детерминанты эффективности управленческой деятельности, чтобы внедрить полученные результаты работы в практику подготовки резерва руководящих кадров уже на этапе завершения образования и перехода к самостоятельному труду.

Ожидается, что итогами проведенного исследования станут **два вида результатов**. С одной стороны, предполагается, что высокий уровень эмоционального интеллекта выступит индикатором (предиктором) эффективной профессиональной деятельности во взаимосвязи с креативностью, коммуникативностью, само-эффективностью, предпочтением преобразующего типа карьеры, выбором социально-психологических установок на труд, альтруизм и свободу. С другой стороны, прогностическая самооценка профессиональной компетентности, подкрепленная экспертной прогностической оценкой, будет активизировать проявления эмоционального интеллекта и усилит показатели само-эффективности студентов на этапе завершения образования и перехода в категорию работающих специалистов – резерва управленческих кадров.

Научно-практическое значение проведенной исследовательской работы проявится в том, что:

во-первых, будет представлено теоретическое обоснование инновационного подхода к организации работы по экспертному прогнозированию эффективности управленческой деятельности для резерва руководящих кадров из числа студентов-выпускников профильных вузов; разработанная программа прогностической оценки эффективности управленческой деятельности может быть использована при анализе профессиональной готовности студентов на этапе завершения высшего образования, а также внедрена в реальную управленческую деятельность в качестве комплексной оценки руководителей при приеме на работу;

во-вторых, теоретические и эмпирические материалы исследования могут составить содержание тематических разделов, учебных занятий и заданий для студентов психологических, педагогических, социологических, управленческих и других факультетов вузов, а также при разработке конкретных рекомендаций практическим психологам и преподавателям, проводящим психологические интерактивные мероприятия, направленные на развитие эмоционального интеллекта взрослых;

в-третьих, развивающая социально-психологическая работа по прогностической оценке и повышению эффективности управленческой деятельности студентов-выпускников на этапе их перехода к самостоятельной трудовой деятельности может рассматриваться как нормативная единица в структуре стандартов высшего образования.

Основную базу исследования составят студенты выпускных курсов направлений «Управление персоналом» и «Государственное и муниципальное управление» Волгоградского института управления – филиала Российской академии народного хозяйства и государ-

ственной службы при Президенте РФ. Расширение эмпирической базы возможно за счет привлечения параллельной выборки студентов, обучающихся по программам «Менеджмент организации», «Управление образованием» и др. Дополнительные группы респондентов можно рассматривать как в рамках сравнительного исследования, так и в режиме соотношения экспериментальной и контрольной групп.

Список литературы

1. Алешина, Ю. Е., Гозман, Л. Я., Дубовская, Е. М., Кроз, М. В. Измерение уровня самоактуализации личности // Социально-психологические методы исследования супружеских отношений. М.: Изд-во МГУ. 1987. С. 91–114.
2. Базарсадаева, Э. Ж. К вопросу об истории изучения эмоционального интеллекта // Вестник Бурятского государственного университета. 2013. № 5. С. 24–31.
3. Дементий, Л. И., Маленов, А. А., Маленова, А. Ю. Уровень самоактуализации и адаптационный потенциал как копинг-ресурсы личности на этапе самореализации // Сибирский психологический журнал. 2020. № 78. С. 80–98.
4. Куницына, В. Н., Казаринова, Н. В., Погольша, В. М. Межличностное общение. СПб.: Питер, 2001. 544 с.
5. Люсин, Д. В. Новая методика для измерения эмоционального интеллекта: опросник ЭМИн // Психологическая диагностика. 2006. № 4. С. 3–22.
6. Методы психологической диагностики / Под ред. В. Н. Дружинина, Т. В. Галкиной. М.: Изд-во ИП РАН, 1993. 88 с.
7. Черникова, Т. В. Карьера: что предпочтительнее? (статья первая) // Народное образование. 2014. № 4. С. 131–135.
8. Черникова, Т. В. Карьера: что предпочтительнее? (статья вторая) // Народное образование. 2014. № 5. С. 250–255.
9. Черникова, Т. В., Чумаков И. В. «Ассесмент-центр»: инновационная технология аттестации педагогических кадров // Модернизация управления образовательным учреждением: метод. пособие / Под ред. В. В. Серикова, Т. В. Черниковой. М.: Изд-во АПК и ПРО, 2004. С. 125–150.
10. Шварцер, Р., Ерусалем М., Ромек В. Г. Русская версия шкалы общей самоэффективности Р. Шварцера и М. Ерусалема // Иностранная психология. 1996. № 7. С. 71–76.

УДК 159.9
ББК 88.4

Фролова Елена Сергеевна
студент группы ПСД-300,
Научный руководитель: Чернов Александр Юрьевич
доктор психологических наук, доцент,
профессор кафедры социологии, общей и юридической психологии,
Волгоградский институт управления –
филиал РАНХиГС при Президенте РФ,
Волгоград, Россия

ВЗАИМОСВЯЗЬ МОТИВАЦИИ ДОСТИЖЕНИЯ И СМЫСЛОВОЙ СФЕРЫ ЛИЧНОСТИ НА ЭТАПЕ РАННЕЙ ВЗРОСЛОСТИ

Аннотация. Целью исследования состоит в выявлении взаимосвязи мотивации достижения и смысловой сферы личности на этапе ранней взрослости. Выборку респондентов составили молодые люди на этапе ранней взрослости. Гипотезой эмпирического исследования является предположение о том, что существует позитивная взаимосвязь между мотивацией достижения и общим показателем осмысленности жизни. Общее количество лиц, принявших участие в эмпирическом исследовании – 35 человек. Возраст респондентов – 19-25 лет. Пол респондентов в исследовании не учитывался. В программу исследований включены методики «Тест смысложизненных ориентаций» Д. А. Леонтьева и «Мотивация к успеху» Т. Элерса. В эмпирическом исследовании установлено, что смысложизненные ориентации прочно и положительно связаны с мотивацией достижения. Мотивация достижения положительно коррелирует со всеми аспектами смысложизненных ориентаций. Выявлен средний уровень как осмысленности жизни в целом, так и отдельных её показателей у испытуемых на этапе ранней взрослости, а также средний уровень мотивации достижения.

Ключевые слова: смысловая сфера личности, мотивационная сфера личности, мотивация достижения, смысл жизни, ранняя взрослость.

Frolova Elena Sergeevna
student of the PSD-300 group,
Scientific supervisor: Chernov Alexander Yurievich
Doctor of Psychological Sciences, Associate Professor,
Professor of the Department of Sociology, General and Legal Psychology,
Volgograd Institute of Management –
branch of RANEPA under the President of the Russian Federation,
Volgograd, Russia

RELATIONSHIP OF MOTIVATION OF ACHIEVEMENT AND SENSITIVE SPHERE OF PERSONALITY AT THE STAGE OF EARLY ADULT

Abstract. The purpose of the study is to identify the relationship between achievement motivation and the semantic sphere of personality at the stage of early adulthood. The sample of respondents consisted of young people at the stage of early adulthood. The hypothesis of empirical research is the assumption that there is a positive relationship between achievement motivation and the overall

indicator of meaningful life. The total number of people who took part in the empirical study was 35 people. The age of the respondents is 19-25 years old. The gender of the respondents was not taken into account in the study. The research program includes the methods «Test of Life Meaningful Orientations» by D. A. Leontiev and «Motivation for Success» by T. Ehlers. An empirical study found that life-meaning orientations are strongly and positively associated with achievement motivation. Achievement motivation positively correlates with all aspects of meaningful life orientations. The average level of both the meaningfulness of life as a whole and its individual indicators in the subjects at the stage of early adulthood, as well as the average level of achievement motivation, was revealed.

Keywords: semantic sphere of personality, motivational sphere of personality, achievement motivation, meaning of life, early adulthood.

В современной психологии широко представлены проблемы мотивационной и смысловой сфер личности на всех этапах жизни человека. Смысловая сфера является ядром личности, она содержит в себе как ориентиры для развития, так и образ желаемого будущего. Также она даёт основу для нравственной оценки поведения человека.

Наличие смысложизненных ориентаций становится важным условием в профессиональном и жизненном самоопределении. В период взрослости смысловая сфера служит критерием зрелости личности, и кроме того мерой достигнутого при осмысливании своей жизни личностью.

Деятельность, связанная с достижениями в различных областях – неотъемлемая часть жизни современного человека. С этим связано выделение понятия мотивации достижения, означающее потребность добиваться успеха и избегать неудач, что отражается на учебной и профессиональной деятельности.

Большой вклад в исследование смысловой личности внесли А. Г. Асмолов, Д. А. Леонтьев, В. И. Слободчиков. В зарубежной психологии эту же сферу исследовали В. Франкл, Э. Фромм. Мотивацию достижения изучали Д. Маккеланд и Х. Хекхаузен, а также Д. В. Бердникова, О. С. Виндекер, Т. О. Гордеева. Однако связь между смысловой сферой личности и мотивацией достижения ещё не выявлена в существующих научных работах. Необходимость более подробного изучения определяет актуальность данного исследования.

Смысловая сфера – это определённая подструктура личности, включающая в себя совокупность психических образований, среди которых одно из главнейших – это смысл жизни. Данные образования являются образующими единицами сознания личности, составляющие ядро личности. Они определяют относительно постоянное отношение человека к миру, его ценности, которые влияют на деятельность, характер взаимодействия с миром и другими людьми и самоотношение.

Смысловые образования личности выполняют функцию регуляции деятельности. Они создают основу для определённой смысловой направленности деятельности и возможность её изменения. Особую роль играет понятие смысла жизни, так как оно служит основным двигателем развития и деятельности личности. Критерием выбора определённых жизненных целей является эффективность удовлетворения потребности личности в осмыслении жизни и самореализации.

Выбор жизненной цели и жизненного пути, способствующего успешной социальной адаптации и самосовершенствованию личности, является важной фундаментальной потребностью, как отмечено Э. Фроммом [3] – иметь систему ценностной ориентации вне зависимости от того, истинна она или ложна. Согласно такой точке зрения, осмысленность жизни, нахождение смысла жизни становится самоцелью.

Д. А. Леонтьев [2] предлагает следующее определение: «Смысл жизни – это психологическая реальность независимо от того, в чём конкретно человек видит этот смысл». Смысловая сфера изменяется и преломляется в деятельности и связывает субъекта с объективной реальностью. Эта сфера существует не изолированно от других сфер человеческой психики, в частности, значима связь с мотивационной сферой. Смыслжизненная концепция меняется в процессе онтогенеза, она может изменяться и у зрелого человека. Она более стабильная, чем у подростка, её изменение требует больших усилий, напряжения, значимости обстоятельств, подвигающих к изменению, но, несмотря на это, она может переоцениваться, трансформироваться, дополняться новыми смыслами. Влияние смысловой сферы усиливается к достижению периода взрослости и выступает критерием зрелости личности. Осмысливая в ретроспективе пройденный жизненный путь и достижения, личность использует смысловую сферу как меру достигнутого, а также как систему нравственной оценки.

Мотивация достижения понимается как стремление к достижению успеха в какой-либо значимой для субъекта деятельности, преодолению препятствий на пути к цели. Мотивация достижения представляет разновидность мотивации деятельности, связанную со стремлением личности достигать поставленных целей, добиваться успеха и избегать неудач. В основе этого психологического феномена лежат механизмы, связанные как со стремлением к самореализации, так и необходимостью социального одобрения.

Мотивация достижения всегда направлена на конечную цель – достижение успеха или избегание неудачи, также характерен постоянный пересмотр целей. Кроме этого, достиженческая деятельность должна удовлетворять определённым условиям: оставлять конкретный, измеряемый количественно или качественно результат, иметь какой-либо нормативный критерий, деятельность должна нравиться субъекту, и получит результат должен он лично. Если абсолютные значения обеих оценочных диспозиций (надежда на успех и страх перед неудачей) высоки, возникает так называемый «конфликт достижения». Это особенно характерно для лиц с высоким показателем перфекционизма. Мотивация достижения придаёт вектору развития личности целеустремлённый характер и связывает это развитие со смысложизненным определением.

О. С. Виндекер [1] в своей диссертационной работе «Структура и психологические корреляты мотивации достижения» выделяет два структурных компонента мотивации достижения: мотивацию трансцендентности и мотивацию адаптации.

Трансцендентная составляющая характеризуется стремлением человека выходить за рамки своих возможностей, постоянно самосовершенствоваться и реализовывать свой потенциал даже тогда, когда это не будет оценено другими людьми.

Адаптационная составляющая, наоборот, подразумевает то, что человек ориентирован на достижение социально значимых ценностей, признание окружающих, ориентацию на внешние стандарты. Преобладание трансцендентной или адаптивной составляющей мотивации достижения может быть связано «достиженческими» смысловыми конструктами и со смысловыми диспозициями личности, которые, как и мотивы достижения, свидетельствуют о преобладании определённой ценностной системы. Если преобладают ценности, связанные с адаптацией, проявляется адаптивная часть мотивации достижения. Если же преобладает трансцендентная составляющая, это свидетельствует о наличии ценностей, связанных с развитием личности и трансцендентией. В норме у человека присутствуют обе составляющие с некоторым преобладанием или равной представленностью в мотивационно-смысловой сфере, находясь в состоянии «динамического неустойчивого равновесия».

Обобщая рассмотренный материал, можно сделать следующие теоретические выводы:

1. Смысловая сфера, являясь одной из главных подструктур личности, связывает субъекта с объективной реальностью, определяет его отношение к миру, людям и себе. Особую роль играет понятие смысла жизни, так как оно служит основным двигателем развития и деятельности личности.

2. Мотивация достижения понимается как стремление к достижению успеха в какой-либо значимой для субъекта деятельности, преодолению препятствий на пути к цели. Данный вид мотивации деятельности сочетает в себе необходимость как социального одобрения, так и самоактуализации.

3. Допустимо говорить о связи смысловой сферы и мотивации достижения, так как личность может быть высоко мотивирована на достижение цели, связанной со смысложизненным определением.

Цель эмпирического исследования мы видим в подтверждении третьего предположения – выявлении взаимосвязи между мотивацией достижения и смысловой сферой личности.

Гипотезой эмпирического исследования является предположение о том, что существует позитивная взаимосвязь между мотивацией достижения и общим показателем осмысленности жизни. В качестве переменной, относящейся к характеристикам смысловой сферы личности, нами была выбрана осмысленность жизни. Этот выбор обусловлен результатами теоретического анализа смысловой сферы, проведённого в первой главе нашей работы.

В качестве **методов** измерения проявленности названных характеристик была использована следующая методика Тест смысложизненных ориентаций Д. А. Леонтьева (СЖО). Методика даёт возможность выявить «источник» смысла жизни человека, который может быть найден им либо в наличии целей (будущее), либо в насыщенности процесса жизни (настоящее), либо в удовлетворённости самореализацией (прошлое), либо одновременно во всех трёх составляющих.

В качестве переменной, позволяющей определить особенности мотивации достижения, рассматривалось стремление добиться успеха. Для измерения выбранной переменной использовалась методика «Мотивация к успеху» Т. Элерса. Методика измеряет мотивацию к достижению успеха в какой-либо деятельности. Создавая методику, Элерс опирался на положение о том, что высоко мотивированная к успеху личность избегает высокого уровня риска, предпочитая низкий уровень. При сильной мотивации человек меньше надеется на успех, однако больше работает для его достижения.

Выборку респондентов составили молодые люди на этапе ранней взрослости. Общее количество лиц, принявших участие в эмпирическом исследовании – 35 человек. Возраст респондентов – 19-25 лет. Пол респондентов в нашем исследовании не учитывался. Всего в исследовании приняло участие примерно одинаковое количество мужчин и женщин (16 и 19 человек, соответственно).

Статистическая обработка результатов проводилась на базе статистического пакета SPSS. Методом обработки результатов являлся корреляционный анализ с применением коэффициента Пирсона.

Выявилось, что на этапе ранней взрослости у испытуемых показатели, как мотивации достижения, так и осмысленности жизни имеют среднее значение. Это говорит о том, что ценностно-смысловая сфера находится в процессе формирования.

Были проанализированы и объяснены корреляции между данными переменными. Все показатели осмысленности жизни (цели, процесс, результат, локус контроля-Я, локус контроля-жизнь) положительно коррелируют с мотивацией достижения. Таким образом, гипотеза о наличии взаимосвязи полностью подтвердилась: смысложизненные ориентации прочно и положительно связаны с мотивацией достижения.

Результаты эмпирического исследования позволяют сделать следующие выводы:

1. В эмпирическом исследовании установлено, что смысловые ориентации прочно и положительно связаны с мотивацией достижения, тем самым, гипотеза полностью подтверждается.
2. Выявлен средний уровень как осмысленности жизни в целом, так и отдельных её показателей у испытуемых на этапе ранней взрослости. Это говорит о том, что на данном этапе смысловая сфера личности находится в процессе формирования.
3. Испытуемые на этапе ранней взрослости имеют средний уровень мотивации к успеху.
4. Мотивация достижения положительно коррелирует со всеми аспектами смысловых ориентаций – целями, процессом, результатом, а также локусом контроля-Я и локусом контроля-жизнь, при этом корреляция между мотивацией достижения и локусом контроля-Я самая значимая.

Список литературы

1. Виндекер, О. С. Структура и психологические корреляты мотивации достижения : автореф. дис. ... д-ра психол. наук : 19.00.01 / Виндекер Ольга Сергеевна ; УрГУ. Екатеринбург, 2010. 26 с.
2. Леонтьев, Д. А. Психология смысла: природа, строение и динамика смысловой реальности : методическое пособие / Д. А. Леонтьев. М. : Смысл. 1999. 487 с.
3. Фромм, Э. Здоровое общество / Э. Фромм. М. : АСТ, 2020. 528 с.

УДК 159.9.016
ББК 88.50

Харамецкая Лариса Дмитриевна
студент группы 202б,
Научный руководитель: Нефёдова Наталья Ивановна
кандидат психологических наук,
доцент кафедры общей и клинической психологии,
Волгоградский государственный медицинский университет,
Волгоград, Россия

ФЕНОМЕН ГАЗЛАЙТИНГА В ПСИХОЛОГИЧЕСКОМ КОНТЕКСТЕ

Аннотация. Феномен газлайтинга, встречаясь, как и в межличностных отношениях, так и в социальных, широко распространен в мире и является актуальной проблемой. Распространившись во многие сферы человеческой жизни, газлайтинг рассматривается как негативное явление, как форма насилия над человеком. Данная статья посвящена теоретическому исследованию того пути, который прошёл феномен газлайтинга от социального контекста до психологического. Предполагается, что газлайтинг оказывает влияние на человека не только на уровне знаний, но и опускается до бессознательного уровня, формируя в человеке установки, которые и делают его подверженным влиянию манипулятора. Именно такое свойство газлайтинга как бессознательность и выходит за рамки эпистемологии и становится потенциальным предметом исследования для психоанализа. В рамках теоретического исследования были использованы такие методики как: анализ, синтез, выдвижение гипотез. Результат. Были получены, проанализированы и синтезированы данные, которые подтверждают ранее выдвинутую гипотезу. Действительно, газлайтинг, влияя на человека ещё с самого детства, закладывает в нём бессознательные паттерны и установки, которые затем культивируются и обществом, заставляя человека сомневаться в адекватности собственного восприятия окружающей действительности. Таким образом, газлайтинг является одновременно с этим и культурным феноменом, обретшим немалую популярность, оказывает влияние на психический мир отдельно взятой личности.

Ключевые слова: газлайтинг, манипуляция, самооценка, бессознательное, психоанализ, насилие.

Kharametskaya Larisa Dmitrievna
student of group 202b,
Scientific supervisor: Nefedova Natalia Ivanovna
Candidate of Psychological Sciences,
Associate Professor of the Department of General and Clinical Psychology,
Volgograd State Medical University,
Volgograd, Russia

GASLIGHTING PHENOMENON IN A PSYCHOLOGICAL CONTEXT

Abstract. The phenomenon of gaslighting, occurring both in interpersonal and social relationships, is widespread in the world and is an urgent problem. Having spread to many spheres of human life, gaslighting is considered as a negative phenomenon, being one of the forms of violence against a person. This article is devoted to the theoretical study of the path that the phenomenon of gaslight-

ing has taken from the social context to the psychological one. It is assumed that gaslighting influences a person not only at the level of knowledge, but also descends to an unconscious level, forming attitudes in a person that make him susceptible to the influence of a manipulator. It is precisely this property of gaslighting as unconsciousness that goes beyond epistemology and becomes a potential subject of research for psychoanalysis. Within the framework of theoretical research, such methods as: analysis, synthesis, hypotheses were used. Data were obtained, analyzed and synthesized, which confirm the earlier hypothesis. Indeed, gaslighting, influencing a person since childhood, lays unconscious patterns and attitudes in him, which are then cultivated by society, forcing a person to doubt the adequacy of his own perception of the surrounding reality. Thus, gaslighting, being at the same time a cultural phenomenon that has gained considerable popularity, has an impact on the mental world of an individual.

Keywords: gaslighting, manipulation, self-image, unconscious, psychoanalysis, violence.

Проблема газлайтинга как одной из форм манипулирования человеком в условиях современного общества является актуальной и широко распространенной в мире. Данный феномен во многом исследовался с эпистемологической точки зрения, как одно из структурных явлений, являющихся следствием исторических и культурных закономерностей в обществе. Газлайтинг используется и в политике, и как один из инструментов дискриминации малых угнетаемых групп.

Цель данного исследования – обнаружить, как газлайтинг, будучи явлением социальным, возникшим в рамках культуры, интериоризируется, оказывая влияние на психический мир отдельно взятой личности.

Предполагается, что для осуществления газлайтинга необходим социальный контекст, который закладывается в человека ещё в детстве, вкладывая в него бессознательные установки, из-за которых человек легче подвергается влиянию подобного манипулирования в дальнейшем. Это негативно для психики человека, так как приводит к неадекватной самооценке, что, в свою очередь, может привести к разнообразным расстройствам невротического спектра вследствие внутриличностных конфликтов.

Вследствие исследования литературы, посвящённой теме газлайтинга, была замечена неотрефлексированность данного явления. Первый вопрос, с которым пришлось столкнуться в процессе исследования – действительно ли человек, подвергаясь влиянию газлайтера, может обрести психологические проблемы? Чем отличается процесс адаптации в виде сомнений и изменения собственного поведения в связи с информацией, поступающей от манипулятора от реального нарушения психических функций? Болен человек или просто доверился ложным выводам о самом себе? Для того, чтобы ответить на эти вопросы, необходимо понять, каким образом газлайтинг перемещается из социологического дискурса в дискурс психологии. Чтобы исследовать это, надо прежде всего идентифицировать газлайтинг, исследовать качественные характеристики данного явления.

Опираясь на источники, газлайтинг определяется как «особый вид эмоционального манипулирования, цель которого – убедить жертву в том, что она забыла, не понимает или неправильно трактует собственное поведение или побуждения» [5, с. 11]. Однако возникает вопрос – почему данная манипуляция рассматривается как насилие над человеком? Ведь существует позиция, поддерживаемая известными психологами (Г. Франке, Д. Карнеги), которая заключается в том, что «манипуляции необходимы и полезны, так как они заменяют грубые методы достижения цели» [4, с. 264]. Однако, если обратиться к гуманистическому подходу, то можно обнаружить одну из проблем данного психологического воздействия. Заключается она в том, что манипулирование используется для «скрытого внедрения в психику ад-

ресата целей, желаний, намерений, отношений или установок, не совпадающих с теми, которые имеются у адресата в данный момент» [3, с. 60]. Так как делается это скрытно, то исключается существование диалога между манипулятором и манипулируемым. Таким образом, воля жертвы подвергается игнорированию, повышается риск личностной эксплуатации.

Как подтверждает Амбрамсон, газлайтинг часто может происходить бессознательно. Причём как жертва может не замечать происходящего, так и газлайтер может не осознавать своих действий и своих мотивов. Всё потому, что газлайтинг основывается на социальных и институализированных факторах. «Для того, чтобы газлайтинг был успешным, цель должна усвоить мировоззрение, нормы и ценности манипулятора» [1, с. 119]. Усвоение норм, которые подрывают самоинтерпретацию человека как надежного интерпретатора окружающей реальности, имеет важное значение для функционирования газлайтинга.

Из чего следует вывод, что газлайтинг работает не только на уровне знаний. Данное явление работает и на бессознательном уровне. «А то, что является бессознательным, – то выходит за рамки эпистемологии» [1, с. 120]. Происходит это по той причине, что бессознательное исключает возможность познания этого человеком.

Об этом упоминает и Стерн Р. утверждая, что газлайтингу подвергается не каждый человек, а уже изначально расположенный к этому, исходя из своего опыта детско–родительских отношений. Связано с газлайтингом такое явление как «токсичная позитивность» в семьях. Проявляется оно в том, что «родители, когда у детей случаются какие–то проблемы, сразу же отрицают их наличие или же преуменьшают их значение, заставляя отвлечься на позитивные эмоции, не выказав эмпатии» [2, с. 319]. Токсичная позитивность и газлайтинг с позиции семейных отношений уже закладывают в ребёнка определённые установки, например, обесценивание ими своих проблем, взглядов, желаний. А это в дальнейшем закладывает необходимый фундамент в личности жертвы, из-за которой она легче склоняется к сомнению в верности своего восприятия.

Таким образом, газлайтинг в более лёгкой форме может привести к дискомфорту (тревогам, страхам), а иногда и к серьёзным последствиям (депрессии). Происходит это вследствие того, что жертва, находясь под воздействием газлайтера, теряет адекватность своей оценки, вследствие чего и возникают психологические нарушения, которые закладываются на бессознательном уровне. Именно поэтому газлайтинг так и опасен вследствие своей неосознаваемости.

Список литературы

1. Kelly, O. Gaslighting Pathologies of Recognition and the Colonisation of Psychic Space // *Epistemic injustice and the philosophy of recognition*. 2022. P. 114–137.
2. Андросова М. И., Тимофеева Я. А. Социализация личности в проекции токсичной позитивности и газлайтинга // *Проблемы современного педагогического образования*. 2021. № 72–2. С. 318–320.
3. Доценко, Е. Л. Психология манипуляции: феномены, механизмы и защита. М.: ЧеРо, 1997. 344 с.
4. Минков, А. О. Манипуляция в супружеских отношениях в контексте экзистенциально-гуманистического подхода // *Психологические проблемы смысла жизни и акме*. 2021. № 1. С. 263–265.
5. Стерн, Р. Скрытые манипуляции для управления твоей жизнью. STOP газлайтинг. СПб.: Питер, 2018. 280 с.

УДК 159.9
ББК 88.3

Цанава Анна Арчиловна
студент группы ПСД-300,
Научный руководитель: Терелянская Ирина Васильевна
кандидат психологических наук,
доцент кафедры социологии, общей и юридической психологии,
Волгоградский институт управления –
филиал РАНХиГС при Президенте РФ,
Волгоград, Россия

ГЕНДЕРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ИНТЕРНЕТ-АДДИКЦИИ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ

Аннотация. Психологическое исследование гендерных особенностей объясняется необходимостью изучения особенностей интернет-аддикции, так как на данный момент виртуальная жизнь приобретает большую значимость и может превратиться в настоящую зависимость. По состоянию на январь 2022 года в России насчитывается 129,8 миллионов интернет-пользователей, это 89 % населения Российской Федерации. Целью данного исследования является изучение гендерных особенностей интернет-аддикции студенческой молодежи. Гипотеза – формы и уровень интернет-аддикции молодежи не зависят от гендера. Применялись следующие методы: теоретические, организационные, описательные, экспериментальные, методы обработки данных и статистический метод. В исследовании нами были использованы следующие методики: Поло-ролевой опросник Сандры Бэм, тест интернет-зависимости Кимберли Янг и шкала интернет-зависимости Чена. Исследование проводилось с 30 студентами, 23 из которых – девушки, 7 – юноши. В обоих случаях была подтверждена гипотеза о том, что различий среди пола найдены не были. Заметных различий в интернет-зависимости между девушками и юношами, независимо от гендера, замечено не было.

Ключевые слова: гендер, пол, аддиктивное поведение, аддикт, студенческий возраст, интернет.

Tsanava Anna Archilovna
student of the PSD-300 group,
Scientific supervisor: Terelyanskaya Irina Vasilyevna
Candidate of Psychological Sciences,
Associate Professor of the Department of Sociology, General and Legal Psychology,
Volgograd Institute of Management –
branch of RANEPA under the President of the Russian Federation,
Volgograd, Russia

GENDER CHARACTERISTICS OF INTERNET ADDICTION OF STUDENTS

Abstract. The psychological study of gender characteristics is explained by the need to study the features of Internet addiction, since at the moment virtual life is becoming more important and can turn into a real addiction. As of January 2022, there are 129.8 million Internet users in Russia, which is 89 % of the population of the Russian Federation. The purpose of this study is to study the gender characteristics of Internet addiction among students. Hypothesis – the forms and level of In-

ternet addiction of young people do not depend on gender. The following methods were used: theoretical, organizational, descriptive, experimental, data processing methods and statistical method. In the study, we used the following methods: Sandra Bem's Polo-role questionnaire, Kimberly Yang's Internet addiction test and Chen's Internet addiction scale. The study was conducted with 30 students, 23 of whom were girls, 7 were boys. In both cases, the hypothesis was confirmed that no differences among the sexes were found. There were no noticeable differences in Internet addiction between girls and boys, regardless of gender.

Keywords: gender, gender, addictive behavior, addict, student age, internet.

Психологическое исследование гендерных особенностей объясняется необходимостью изучения особенностей интернет-аддикции, так как на данный момент виртуальная жизнь приобретает большую значимость и может превратиться в настоящую зависимость. По состоянию на январь 2022 года в России насчитывается 129,8 миллионов интернет-пользователей, это 89 % населения Российской Федерации. Интернет является основным видом коммуникации, деятельности и проведения свободного времени большей части нашей страны. Ежедневно, люди проводят в виртуальном пространстве в среднем 7 часов 50 минут. Только за 2021 год количество интернет-пользователей в России увеличилось на 5,8 миллионов [9]. Главная причина использования Всемирной паутины – поиск информации и общение.

Сейчас трудно представить свою жизнь без уже ставшего привычным интернета. На данный момент он решает большую часть наших задач: общение с друзьями и родственниками, поиск нужной информации, ведение бизнеса и даже работа онлайн. Технический прогресс остановить невозможно, компьютерная грамотность становится на одну ступень с общей грамотностью. Человек, не умеющий пользоваться интернетом, возможно даже не будет принят на работу.

Родоначальниками изучения феномена непосредственно психологической зависимости от интернета являются два американских специалиста: клинический психолог К. Янг и психиатр А. Голдберг. Они рассматривают понятия и виды аддикции, в частности интернет зависимости. Ими была приведена классификация видов интернет-аддикции [11]. Также большой вклад в развитие аддиктологии внес отечественный психотерапевт Г. В. Старшенбаум.

Цель нашей работы – изучение гендерных особенностей интернет-аддикции студенческой молодежи.

Задачи исследования:

1. Раскрыть основные понятия: гендер, аддикт, аддиктивное поведение.
2. Описать психологические особенности юношеского возраста
3. Охарактеризовать гендерные особенности интернет-зависимости людей в юношеском возрасте
4. Изучить гендерные особенности интернет-аддикции
5. Провести математико-статистический анализ полученных результатов

Объект исследования: интернет-аддикция

Объект эмпирического исследования: 30 респондентов (23 девушки и 7 юношей), в возрасте от 18 до 20.

Предмет исследования: гендерные особенности интернет-зависимости у студентов в возрасте от 18 до 20.

Гипотеза – формы и уровень интернет-аддикции молодежи не зависят от гендера.

В нашем исследовании были использованы следующие методы:

1. Теоретические методы: анализ, обобщение и систематизация литературных источников.
2. Организационные методы: сравнительный.
3. Описательные методы: методы психической диагностики, анализ продуктов, событий, процессов человеческой жизни.
4. Экспериментальные методы: тестирование.
5. Методы обработки данных: метод качественного анализа.
6. Статистические метод

Нами было проведено исследование гендерных особенностей интернет-аддикции у студенческой молодежи с использованием следующих методик:

1. Полоролевой опросник Сандры Бэм (BSRI).
2. Шкала интернет-зависимости Чена.
3. Тест интернет-зависимости Кимберли Янг.

Результаты исследования.

В результате Полоролевого опросника Сандры Бэм выяснилось, что 86% опрошенных имеют андрогинный тип личности. Это связано с тем, что в юношеском возрасте происходят последние изменения, перед переходом в зрелый возраст, осуществляется крайнее формирование устойчивых черт личности.

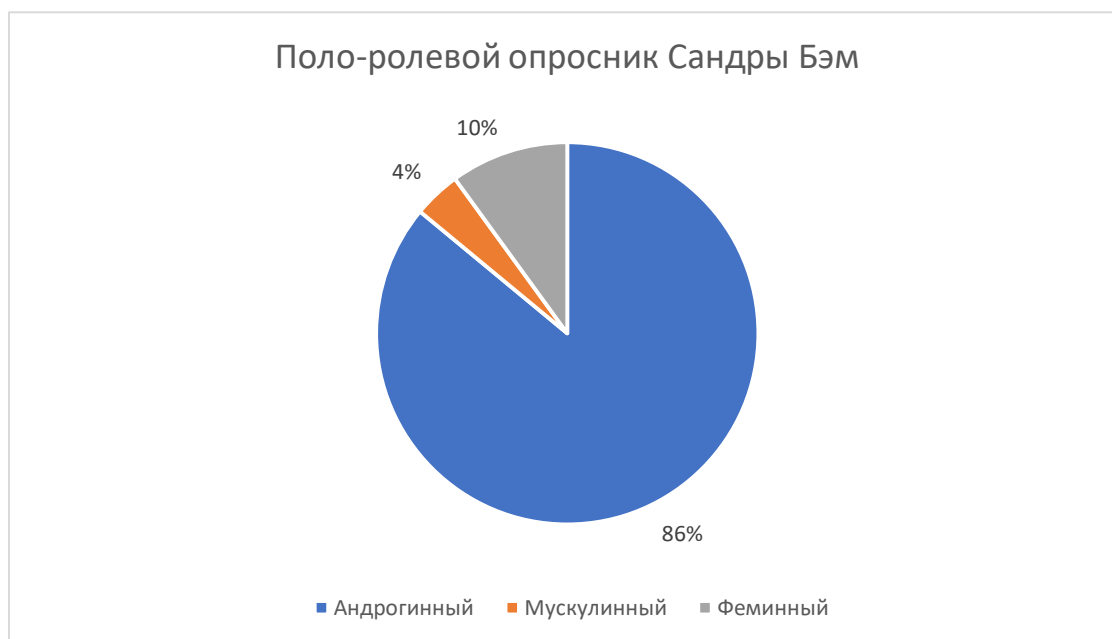

Рис. 1. «Полоролевой опросник Сандры Бэм»

В ходе описания результатов шкалы интернет-зависимости Чена по разделению на категорию выяснилось, что:

1. Минимальный риск формирования интернет-зависимости наблюдается у 20 %. Среди них девушки и юноши.
2. Склонность к формированию интернет-зависимости выявилась у двадцати участников исследования, что составляет 67 % опрошенных. Среди участников были как девушки, так и юноши.
3. Устойчивая интернет-зависимость была обнаружена у четырех опрошенных (13 %). Девушки и юноши одинаково расположены к зависимости.

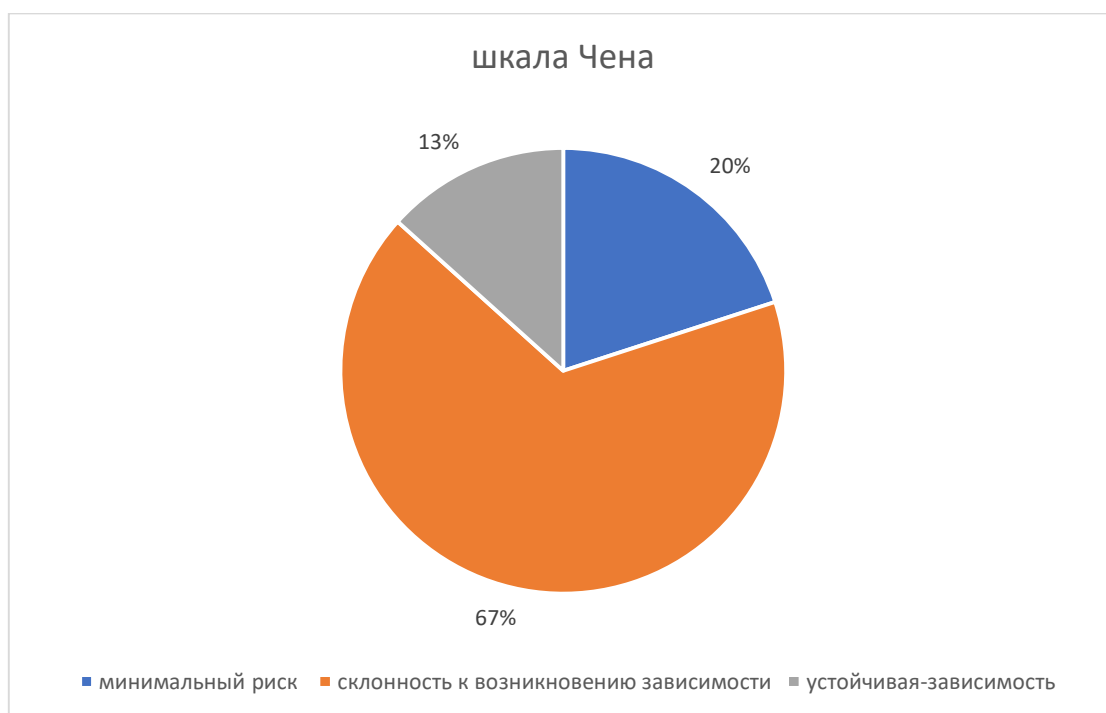

Рис. 2. «Проявление интернет-зависимости испытуемых на основе шкалы интернет-зависимости Чена»

Следовательно, гипотеза нашего исследования подтверждается. Так как значительной разницы в формировании интернет-зависимости по гендеру не была выявлена.

По результатам теста интернет-зависимости Кимберли Янг, нами также были выявлены три категории опрошенных. В ходе анализа у 67 % была выявлена интернет-аддикция, у 30 % имеются некоторые проблемы с интернетом, 3 % являются обычными пользователями.

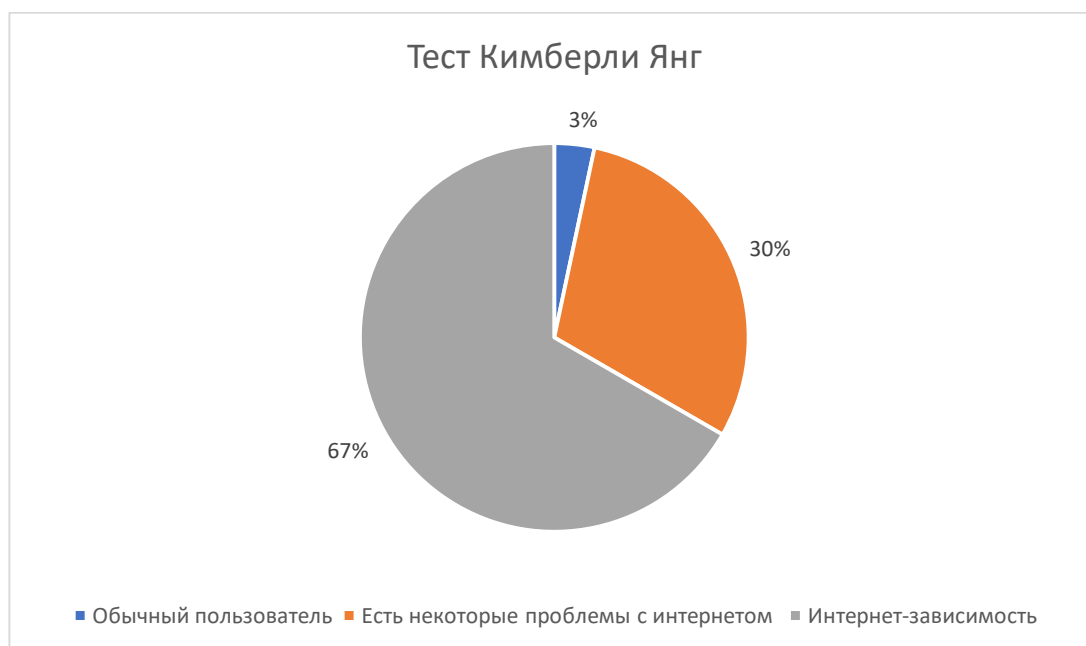

Рис. 3. «Проявление интернет-зависимости испытуемых на основе теста интернет-зависимости Кимберли Янг»

По результатам двух методик на интернет-аддикцию, которые были проведены нами, можно сделать вывод, что статистическая гипотеза подтверждается, а, следовательно, гендерных различий в формировании интернет-аддикции не существует. Это также, может быть связано с тем, что 86 % опрошенных имеют андрогинный тип личности.

Мы провели анализ в SPSS, были использованы параметрические критерии (критерий Манна-Уитни), в связи с выбором критерия были выявлены следующие гипотезы для шкалы Чена:

H₀ – уровень показателя интернет-аддикции у студентов женского пола не ниже уровня показателя интернет-аддикции студентов мужского пола.

H₁ – уровень показателя интернет-аддикции у студентов женского пола ниже уровня показателя интернет-аддикции студентов мужского пола.

И следующие гипотезы для теста Кимберли Янг:

H₀ – уровень показателя интернет-аддикции у студентов женского пола не ниже уровня показателя интернет-аддикции студентов мужского пола.

H₁ – уровень показателя интернет-аддикции у студентов женского пола ниже уровня показателя интернет-аддикции студентов мужского пола.

Таблица 1

Статистический анализ

Статистические критерии^a	Интерпретация Чена	Интерпретация Янг
U Манна-Уитни	62,500	67,500
W Вилкоксона	338,500	343,500
Z	-1,059	-,743
Асимптотическая значимость (2-сторонняя)	,289	,457
Точная знч. [2*(1-сторон. знач.)]	,386 ^b	,532 ^b

Интернет-зависимость является одной из разновидностей нехимической аддикции. Подобная аддикция характеризуется постоянным желанием быть «онлайн», из-за чего люди предпочитают проводить время в сети, нежели в повседневной жизни. На фоне этого количество времени, потраченного на социальные сети, значительно увеличивается. Со временем человек начинает терять интерес к своей повседневной жизни и саморазвитию.

Когда время, проводимое в интернете, превосходит допустимые нормы, могут возникать проблемы. Сюда можно отнести патологическое пристрастие и постоянное желание находиться на связи.

Тема интернет-зависимости затрагивает большое количество людей по всей России, независимо от пола, возраста и социального статуса. Главной причиной выбора жизни в интернете является уход от реальности, которая каким-либо образом может не устраивать индивида.

Но интернет также может нести огромную пользу для своих участников, при условии, что люди не злоупотребляют им. Социальные сети можно использовать, как площадку для приобретения новых знакомств, а сам интернет – для поиска большого количества новой информации.

Юношеский возраст – это период, в который индивиды все еще поддаются влиянию со стороны. В это время может развиться стойкая интернет-зависимость, поскольку студенты постоянно сталкиваются с социальными сетями в своей жизни.

Самой важной особенностью юношеского возраста является то, что в этот возрастной период осуществляется окончательный переход к зрелости личности, завершается формирование устойчивых черт личности.

Список литературы

1. Абдиева, Г. И. Некоторые психологические особенности юношеского возраста / Г. И. Абдиева. Текст : непосредственный // CHRONOS. 2021. № 6. С. 41–43.
2. Абубикирова, Н. И. Что такое «гендер»? [Текст] / Н. И. Абубикирова // *Общественные науки и современность*. 1996. № 6. С. 34–38.
3. Аддиктология. Теоретические и экспериментальные исследования формирования аддикции / Е. И. Николаева, В. Г. Каменская. М.: Форум, 2011. 208 с.
4. Антоненко, А. А. Интернет-зависимость подростков от компьютерных игр и онлайн-общения: клиничко-психологические особенности и профилактика : 19.00.04 : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата психологических наук / Антоненко Анна Анатольевна; Московский государственный медико-стоматологический университет имени А. И. Евдокимова. М., 2014. 20 с.
5. Донцов, Д. А. Психологические особенности юношеского (студенческого) возраста / Д. А. Донцов. Текст: электронный // *Теория образования и обучения*. С. 34–42.
6. Дровосеков, С. Э., Самбурова, И. А. Различия в выраженности интернет-зависимости у мужчин и женщин // *Научно-методический электронный журнал «Концепт»*. 2017. Т. 29. С. 304–307. URL: <http://e-koncept.ru/2017/770867.htm>.
7. Степанова, Л. Г. Введение в гендерную психологию: курс лекций: учебное пособие / Л. Г. Степанова; Российская акад. образования, Московский психолого-социальный ун-т. М.: МПСУ; Воронеж: НПО «МОДЭК», 2012. 535 с.
8. Титова, В. В., Катков, А. Л., Чугунов, Д. Н. Интернет-зависимость: причины и механизмы формирования, диагностика, подходы к лечению и профилактике / В. В. Титова, А. Л. Катков, Д. Н. Чугунов // *Педиатр*. 2014. № 4.
9. Чуранов, Е. Интернет в России в 2022 году: самые важные цифры и статистика / Е. Чуранов // *Электронный журнал WebCanare*.
10. Чурин, А. С., Сараева, Е. В. Связь аддиктивного поведения с гендерными стереотипами у студентов // *Научно-методический электронный журнал «Концепт»*. 2017. Т. 29. С. 338–344.
11. Kymberly, Y., Pistner, M., O'Mara, J., Buchanan, J. Cyber-Disorders: The Mental Health Concern for the New Millennium / Y. Kymberly, M. Pistner, J. O'Mara, J. Buchana. 107th APA convention, August 20, 1999. University of Pittsburgh.

УДК 159.9
ББК 88.3

Черемисова Ирина Валерьяновна
доктор психологических наук, доцент,
профессор кафедры общей и педагогической психологии
Академия права и управления ФСИН России
Рязань, Россия

РАЗВИТИЕ ТВОРЧЕСКИХ СПОСОБНОСТЕЙ КАК ОСНОВА ТЕХНОЛОГИИ ПСИХОПРОФИЛАКТИКИ ЭТНОПОЛИТИЧЕСКОГО ЭКСТРЕМИЗМА СОВРЕМЕННОЙ МОЛОДЕЖИ

Аннотация. В статье автор обращает внимание на острую актуальность проблемы психологического сопровождения молодежи, направленного на профилактику и противодействие этнополитическому молодежному экстремизму. Позиция автора состоит в том, что программа психологического сопровождения развития творческой личности молодого человека предоставит ему возможности самореализации в художественно-эстетической деятельности. Это может послужить основой профилактики проявлений этнополитического экстремизма в молодежной среде.

Ключевые слова: поликультурный регион, этнополитический экстремизм, развитие творческих способностей, молодежный экстремизм, эстетико-семиотический подход.

Cheremisova Irina Valeryanovna
Doctor of Psychological Sciences, Associate Professor,
Professor of the Department of General and Pedagogical Psychology
Academy of Law and Management of the Federal Penitentiary Service of Russia
Ryazan, Russia

THE DEVELOPMENT OF CREATIVE ABILITIES AS THE BASIS OF THE TECHNOLOGY OF PSYCHOPROPHYLAXIS OF ETHNOPOLITICAL EXTREMISM OF MODERN YOUTH

Abstract. In the article, the author draws attention to the acute urgency of the problem of psychological support of young people aimed at preventing and countering ethno-political youth extremism. The author's position is that the program of psychological support for the development of the creative personality of a young person will provide him with opportunities for self-realization in artistic and aesthetic activities. This can serve as a basis for the prevention of manifestations of ethno-political extremism among young people.

Keywords: multicultural region, ethno-political extremism, development of creative abilities, youth extremism, aesthetic-semiotic approach.

В настоящее время отчетливо просматривается тенденция к расширению масштабов этнополитического экстремизма, ухудшается общая ситуация в социуме и увеличивается число молодых людей, попадающих в зоны риска. Эта проблема менее всего изучена в современной отечественной психологии. Проблемное поле отличается сложностью, многоаспектностью и носит междисциплинарный характер,

Для Волгоградской области, исторически сложившейся как поликультурный регион, этнополитический экстремизм несет особую опасность, нарушая межнациональное согласие. Разработка эффективных комплексных психологических профилактических программ с молодежью имеет острую актуальность, обусловленную необходимостью изменения стратегии и тактики социальной профилактики, психологической работы с молодежью [3, 4].

В зарубежных научных кругах различные аспекты терроризма и экстремизма рассматриваются такими исследователями как Д. Б. Белл, Б. Дженкинс, Ч. Добсон и др. Огромный вклад в изучение проблемы экстремизма внесли российские ученые – Л. В. Баева, Ю. А. Зубок и В. И. Чупров, Е. О. Кубякин. Отдельно можно выделить работы Р. Н. Гетц, Л. Я. Гозмана, М. Е. Демаховской, Г. Г. Дилигенского, А. С. Киреева, Ю. П. Сентюрин, Е. Б. Шестопа и др., связанные с причинами возникновения экстремистского поведения. В рамках русской классической социально-политической мысли не потеряли актуальность идеи Н. А. Бердяева, И. А. Ильина, Н. А. Огарева и др.

Анализ научных работ позволил выделить личностные особенности типичные для людей, склонных к экстремизму. Они отличаются высокой агрессивностью, жестокостью и конфликтностью в сочетании с ригидностью, легко подвергаются фрустрации, имеют низкий уровень культуры и образования. Исследователи отмечают, что расширение возможностей самореализации личности, развитие творческих способностей, духовности личности может быть основой современной технологии психопрофилактики этнополитического экстремизма [1, 2].

Наше исследование будет направлено на изучение социально-психологических особенностей предрасположенности личности к этнополитическому экстремизму и на разработку методов его психопрофилактики в молодежной среде поликультурного региона.

Политические, экономические и социальные преобразования в современной России обусловили кризис духовности в обществе, нравственной и моральной деградации населения, что приводит порой к асоциальным и антисоциальным способам самоидентификации и самовыражения молодых людей.

Проблемы терроризма и экстремизма в молодежной среде осложняются развитием информационно-коммуникативных технологий и огромным влиянием массовой культуры, которая показывает обществу заведомо недостижимые жизненные цели и идеалы. Т.к. базовые потребности молодых людей не могут быть удовлетворены и реализованы, то в их среде проявляются агрессивные настроения с требованием социального реванша. В результате чего социум сталкивается с определенными негативными социальными последствиями, например с девиациями с различного рода у молодежи и экстремизмом [5].

Ряд объективных и субъективных факторов способствует зарождению и развитию экстремизма в молодежной среде. К ним относятся как особенности духовных и личностных характеристик молодых людей, так и условия их существования в современной России – социальные, экономические, культурные и др.

Л. В. Баева в своем исследовании отмечает, что «происходит усиление экстремистских проявлений активности молодежи. Наиболее ярко, по ее мнению проявились такие формы экстремизма как политический, националистический, религиозный, которые находят проявление в виде молодежного экстремизма (усиленного возрастными особенностями)» [1].

Несмотря на большое количество политических, юридических, философских, социологических и др. научных работ, исследующих экстремизм, внимание, которое уделяется социально-психологическим проблемам экстремизма в современной РФ, особенностям психологического сопровождения молодежи по профилактике и противодействию этнополитическому экстремизму, недостаточное.

На основе авторского эстетико-семиотического подхода будет разработана программа психопрофилактики проявлений этнополитического экстремизма средствами художественно-эстетической деятельности, с использованием методов арт-терапии.

Сознание молодежи в силу их возраста, психологической, социальной и культурной специфики обладает значительным потенциалом, который может при определенных социальных условиях преобразоваться в терроризм и экстремизм (Л. В. Баева, 2008; М. Е. Демаховская, 2003; Е. О. Кубякин, 2012, Ю. П. Сентюрин, 2007 и др.).

Информационная доступность, обеспеченная деятельностью СМИ и современными компьютерными технологиями, высокая активность по вовлечению молодежи в террористические и экстремистские группировки на фоне отсутствия общенациональной идеи воспитания, сформированного государственного заказа на воспитание определенных морально-нравственных качеств молодого поколения, множественных межэтнических конфликтов приводят к внедрению негативных ценностных ориентиров, росту социальных отклонений.

Значительный вклад в исследование психологии политического насилия, психологии геноцида и политического терроризма внесли Л. Я. Гозман и Е. Б. Шестопад (1996). Ксенофобия, стремление к борьбе с инакомыслием – это особенность людей, обладающих низким уровнем образования и культуры, без творческих способностей. Человеку, не способному к полноценной жизни, к созиданию, к любви и заботе о близких, свойственна повышенная агрессивность и приверженность к крайне радикальным взглядам (Л. В. Баева, 2008).

Поэтому, в нашем исследовании особое значение приобретает изучение и развитие творческого потенциала молодого человека, его креативности. Способность мыслить креативно помогает найти новые, нестандартные способы поведения, позволит быстрее адаптироваться к изменяющимся условиям окружающей действительности, наиболее оптимально использовать внутренние резервы личности. Творческий потенциал личности обнаруживается во всех сферах жизни индивида – в поведении, общении, в деятельности, в характере постановки проблем, в способах решений задач.

Т.к. научных работ, в которых исследователи рассматривают феномен креативности с позиций социальной и политической психологии, крайне мало [6, 8, 10], это обосновывает актуальность и новизну изучения социально-психологических аспектов креативности и творческого развития личности в отечественной психологии.

Кроме того, общепризнано, что музыка обладает специфическим способом воздействия: минуя преграды языка, логики, идеологические и культурные ограничения, она способна создавать эмоциональные состояния, определяющие характер активности человека. В этой связи мы считаем правомерным взять за основу программы психопрофилактики этнополитического экстремизма разработанную нами и апробированную в разных образовательных учреждениях, на разных возрастных этапах (в вузах в том числе) программу психологического сопровождения творческого развития личности «По ступенькам музыки к вершинам творчества» [7, 8]. Эта программа направлена на развитие творческого потенциала, духовности личности; формирование положительного эмоционального фона обучающихся средствами классического музыкального искусства, с использованием методов музыкотерапии.

В нашем исследовании мы предполагаем расширить возможности программы психологического сопровождения развития творческой личности молодого человека предоставив ему возможности самореализации и в музыкальной, и в других видах художественно-эстетической деятельности (изобразительной, танцевальной и т.п.), используя методы разных направлений арт-терапии (изотерапии, музыкотерапии, танцетерапии, сказкотерапии, кукло-

терапии, камнетерапии) для создания прочной основы работы по профилактике проявлений этнополитического экстремизма в молодежной среде.

Список литературы

1. Баева, Л. В. Экстремизм: природа и формы проявления / Л. В. Баева // Каспийский регион: политика, экономика, культура, 2008. № 3 (16). С. 25.
2. Гозман, Л. Я., Шестопал, Е. Б. Политическая психология. Ростов-на-Дону: Феникс, 1996. 450 с.
3. Демаховская, М. Е. Психологические факторы риска экстремистского поведения у подростков: дис. ... канд. психол. наук: 19.00.12 / Демаховская Марина Евгеньевна; науч. рук. Т. В. Анисимова; СПбГУ. СПб, 2003. 136 с.
4. Киреев, А. С. Политико-правовые основы профилактики этнополитического экстремизма в Российской Федерации: дис. ... канд. полит. наук: 23.00.02 / Киреев Алан Саидович; науч. рук. Р. Г. Абдулатипов; РАГС. М., 2003. 170 с.
5. Кубякин, Е. О. Молодежный экстремизм в условиях глобализации информационно-коммуникационной среды общественной жизни : дис. ... д-ра. соц. наук: 22.00.04 / Кубякин Евгений Олегович; науч. конс. М. Ю. Попов; Краснодарский университет МВД России. Краснодар, 2012. 351 с.
6. Кузьмина, Н. Е. Креативность личности как фактор межличностного общения в подростковом возрасте: дис. ... канд. психол. наук: 19.00.05 / Кузьмина Наталья Евгеньевна; науч. рук. Н. Ю. Хрящева; СПбГУ. СПб., 2008. 177 с.
7. Курышева, И. В. Психологическое сопровождение музыкально-творческого развития детей с проявлениями асоциального поведения: эстетико-семиотический подход // Ученые записки СПбГМУ им. акад. И. П. Павлова. 2011. Т. XVIII. № 4. С. 44–47.
8. Курышева, И. В. Психолого-педагогические основы развития творческой личности // Мир науки, культуры, образования. 2011. № 4-1. С. 243–246.
9. Сентюрин, Ю. П. Политический экстремизм и патриотическое воспитание молодежи на современном этапе развития гражданского общества в России: дис. ... канд. полит. наук: 23.00.02 / Сентюрин Юрий Петрович; науч. рук. О. А. Колобов; НГУ. Нижний Новгород., 2007. 257 с.
10. Черемисова, И. В. Творческая природа социального конфликта: спонтанность, динамика, преобразование / Институционализация конфликта как средство обеспечения юридической и социальной безопасности. The institutionalization of the conflict as a means of providing legal and social security. Die Institutionalisierung des Konflikts als ein Mittel, die rechtliche und soziale Sicherheit: коллективная монография / под ред. В. А. Летяева. Волгоград: Волгоградское научное издательство, 2011. С. 236–244.

УДК 159.9:37.015.3
ББК 88.5

Черникова Тамара Васильевна
доктор психологических наук, доцент,
профессор кафедры психологии образования и развития,
Волгоградский государственный социально-педагогический университет
Волгоград, Россия

НАУЧНО-ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ КОНТЕКСТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ПРОБЛЕМ СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ АДАПТАЦИИ ИНОСТРАННЫХ СТУДЕНТОВ

Аннотация. Целью исследования стал диапазон научно-теоретических подходов, в контексте которых анализируются проблемы социокультурной адаптации иностранных студентов. Рассматривалась гипотеза о продуктивности социально-психологического ракурса изучения социокультурной адаптации, включающего в себя коммуникативно-языковой, мотивационный и интерактивный аспекты содействия. Применение обзорно-аналитического метода в совокупности с аспектным анализом и ссылками на диагностические исследования, проведенные автором с группой коллег, позволило сделать выводы о ключевых направлениях преподавания студентам из дальнего и ближнего зарубежья.

Ключевые слова: Иностранные студенты. Социокультурная адаптация. Психологическая адаптивность. Экономический, политический, этнокультурно-дифференциальный, социально-идентификационный, социально-психологический контексты адаптации.

Chernikova Tamara Vasiljevna
Doctor of Psychological Sciences, Associate Professor,
Professor of the Department of Psychology of Education and Development,
Volgograd State Socio-Pedagogical University
Volgograd, Russia

SCIENTIFIC AND THEORETICAL CONTEXTS OF THE STUDY OF THE PROBLEMS OF SOCIO-CULTURAL ADAPTATION OF FOREIGN STUDENTS

Abstract. The aim of the study was a range of scientific and theoretical approaches, in the context of which the problems of socio-cultural adaptation of foreign students are analyzed. The hypothesis of the productivity of the socio-psychological perspective of the study of socio-cultural adaptation, which includes communicative-linguistic, motivational and interactive aspects of assistance, was considered. The use of the review-analytical method in combination with aspect analysis and references to diagnostic studies conducted by the author with a group of colleagues allowed us to draw conclusions about the key areas of teaching to students from far and near abroad.

Keywords: International students. Socio-cultural adaptation. Psychological adaptability. Economic, political, ethno-cultural-differential, socio-identification, socio-psychological contexts of adaptation.

Вопросы социокультурной адаптации и психологической адаптивности личности иностранных студентов, получающих образование в вузах нашей страны, рассматриваются в широком контекстуальном поле. Сосуществуют между собой различные контексты изучения

проблемы адаптации: экономический, политический, этнокультурно-дифференциальный, социально-идентификационный, социально-психологический. Заметна, однако, динамика приоритетов: все чаще факторы экономического и международного политического статуса совмещаются с вопросами обеспечения психологического благополучия лиц, прибывших на обучение из других стран.

Экономический контекст экспорта высшего образования и связанного с ним положения на мировом рынке образовательных услуг принимаются во внимание в первую очередь. Согласно государственной программе «Развитие экспортного потенциала российской системы образования», к 2025 г. ожидается увеличение числа иностранных студентов до 3,5 млн. человек, что не только увеличит доход отечественных вузов, но и позволит привлечь в национальную экономику талантливых образованных людей из других стран [14]. О наличии экономических позиций в организации студенческой жизни свидетельствует, в частности, исследование Т. Вилле по изучению влияния экономического развития на детерминанты любви [8]. Поиск ведущих социально-культурных истоков поведения студенческой молодежи, находящейся в возрасте поиска романтических отношений и настоящей любви ('the one and only', 'true love'), приводит к вопросу об образовательной эмиграции как способу расширения контингента для выбора партнера.

Политический контекст экспорта образования затрагивается в фундаментальной работе «Сила в мировой политике» (Power in World Politics) под ред. F. Berenskoetter & M. Williams [20]. При исследовании природы власти через различные «концептуальные линзы» в 15 главах книги внимание удерживается на феномене «мягкой» силы (soft power) в международной политике, где, с одной стороны, идет «битва за сердца и умы» (battle for hearts and minds), с другой – тратятся силы на укрепление отношений между народами (empowerment between nations). Полученные М. Мутхуришна & М. Шаллер [17] результаты исследования показали действенность влияния на популяции с большей социальной восприимчивостью, тенденцией к изменению культурных норм и нивелированию культурных различий в ближайшей временной перспективе.

Этнокультурно-дифференциальный контекст при исследовании адаптации студентов к обучению в другой стране неизменно находится в эпицентре научного интереса, особенно среди сторонников необихевиористского течения в психологии. Инициированные десять лет назад психологические исследования М. Гелфанда изначально были направлены на определение культурного контраста (типология повседневных ситуаций, толерантность к девиациям и др.) и его следствий [10]. Опираясь на кросскультурные исследования, М. Гелфанд и его соавторы проиллюстрировали многоуровневые социальные последствия, которые происходят при переходе в группы с другими социальными нормами [11]. Моделирование культурной динамики человеческого поведения выступило средством исследования для этого автора и его единомышленников, чтобы получить новое понимание процессов культурной адаптации [18]. М. Мутхуришна & М. Шаллер изучали межкультурные различия на предмет влияния разнородных выборок с целью прогнозирования долгосрочных последствий (стабильности либо изменений) [17]. Обнаруженные психологические результаты межличностного влияния позволили этим авторам приступить к моделированию содержания культурных сдвигов и скорости их осуществления [22]. Полученные результаты помогают объяснить статистически значимую разницу в показателях социально-культурной адаптации иностранных студентов из дальнего и ближнего зарубежья, полученную группой ученых под руководством автора статьи [5; 9].

Социально-идентификационный контекст в кросскультурных исследованиях среди студенчества, пожалуй, так же популярен, как и контекст этнокультурных различий. На механизм социальной идентичности возлагается функция регуляции взаимодействия при разли-

чиях между индивидуальностью и группой. При этом G. Shteynberg, J. Garthoff & A. Bentley утверждают, однако, что коллективные действия (в том числе учебные) объединяют лиц с различной социальной идентичностью, чем способствуют формированию групповой ответственности и служат поддержанию морали и достоинства [23]. На примере исследования адаптации китайских студентов Y. Hu & K. Dai доказали, что переформирование идентичности в условиях другой культуры происходит по типу расширенных образовательных действий обмена, что обеспечивает широкое признание межкультурных позиций, улучшает взаимопонимание между народами, поддерживает универсальные ценности [12]. M. Abdulai, T. Roosalu & B. Wagoner, изучавшие академическую мобильность студенчества, специально отмечали, что практически не изученными являются дополнительные ценности, которые иностранные студенты привносят в образовательную среду и в производственную культуру, если остаются в другой стране работать. Однако однозначно признается, что они придают разнообразие учебной обстановке и способствуют терпеливому принятию других культур [6].

Социально-психологический контекст анализа проблем успешной адаптации иностранных студентов в России рассматривается через возможности развития их адаптивности как универсальной личностной способности. Адаптационные нарушения иностранных студентов в условиях жизни иного культурного окружения проявляются в эмоциональной нестабильности, конфликтности, академической запущенности и сниженной учебной мотивации. Основу психологического состояния дезадаптированного студента составляет неудовлетворенность учебной ситуацией и общее недовольство характером жизнедеятельности, снижающее познавательные потребности и определяющее пассивное поведение в виде подчинения внешним обстоятельствам и стратегию избегания неприятностей как ведущую [24]. Напрямую связывая успешность обучения иностранных студентов в российских вузах со степенью их социокультурной адаптации к новой образовательной и жизненной ситуации, некоторые авторы даже предлагают включить в программу обучения специального образовательного модуля «Социальная адаптация» с целью смягчения остроты этого процесса [4]. Близкая данному положению позиция отражена в предложенной Peng R.-Zh. & Wu W.-P. модели межкультурной адаптации иностранных студентов в Китае [21]. С позиций социально-психологического контекста от иностранных студентов востребована готовность принять иной стиль жизни и другую культуру с ее ценностями. От принимающей стороны те, в свою очередь, ожидают эмпатическое участие, через преодоление языковых трудностей, в деле активизации и усиления адаптационных ресурсов [16]. Совершенно закономерным в этом плане становятся результаты проведенного на базе технического вуза в г. Казани наблюдения за характером социокультурной адаптации иностранных студентов. Было обнаружено, что студенты из дальнего зарубежья в большей степени тяготеют к сообществу-землячеству, чем к интеграции в российское студенчество [19]. В этой связи перед преподавателями, работающими с иностранным контингентом, актуализируются задачи усиления учебно-предметного влияния на развитие психологической адаптивности. В связи с выявленными особенностями легко определить позиционные доминанты высшей школы в работе с иностранным контингентом.

Во-первых, следует признать приоритет коммуникативно-языковой подготовки в обеспечении социально-психологической адаптации. Уровень знания русского языка, как отмечают I. V. Pavlova, A. A. Potarov, Ph. A. Sanger & A. A. Kaubiyaynen, во многом гарантирует безопасность и оберегает от дискриминации. Поэтому новые достижения в языковой педагогике и организации межкультурного взаимодействия выходят на ведущие позиции в вузовском преподавании [19]. Налаженное языковое взаимодействие с различными представителями других культур и групп населения в чужой стране формирует конструктивные стратегии выживания и выступает в качестве профилактической меры при угрозе психологических кризи-

сов [12]. Описанию наиболее эффективных технологий и практик языковой и социокультурной адаптации, апробированных на базе вузов в Санкт-Петербурге, Казани, Аркалыке (Казахстан) в работе с иностранными студентами, посвящено исследование авторов Л. А. Камаловой, М. Ж. Умбетовой, Н. С. Путулян. Авторами успешно решалась комплексная задача – через овладение русским языком в условиях толерантной развивающей среды вуза преодолеть барьеры в успеваемости и одновременно с этим повысить психологическую и социокультурную адаптацию в стране пребывания [13]. Рассматривая межкультурную компетентность в качестве фактора влияния на успешность адаптации, В. В. Гриценко, О. Е. Хухлаев и Р. И. Зинурова отмечают ее косвенное воздействие на эффективность коммуникации иностранных студентов с российскими [2]. Развитие информационных технологий и популяризация лингвистических онлайн-платформ оказывают дополнительной позитивное влияние на языковую и кросскультурную адаптацию иностранных студентов, в том числе посредством межкультурного общения в ходе онлайн-практики [25].

Во-вторых, предстоит активно задействовать учебную мотивацию в ее влиянии на социально-психологическую адаптацию иностранных студентов. В исследовании М. В. Апасовой обнаружено, что значимость адаптационных показателей, выразившихся в эмоциональном благополучии, обеспечена высоким познавательным интересом и ИТ-технологичностью в совокупности с содержанием социального взаимодействия в условиях непосредственного окружения [1]. С полученными выводами согласуются результаты исследователей из США S. Basov & T. Gaugler, обнаруживших взаимосвязь между индивидуальными, социальными, структурными факторами и психологической адаптацией американских студентов в Коста-Рике [7]. Незадолго перед этим М. Р. Масюк и Е. Г. Суворова обобщили методы, способствующие повышению роли мотивации в организации процессов социокультурной адаптации [3].

В-третьих, большие возможности открываются благодаря применению методов активного обучения в работе с иностранными студентами. Использование интерактивных средств позволяет не только усилить познавательную мотивацию в ходе занятия и повысить заинтересованность в получении опыта живого взаимодействия, но также формирует и развивает личностную готовность студентов к самостоятельному интенсивному освоению содержания дисциплин. В конечном итоге активизирующая работа способствует развитию креативности, интеллектуальной кооперации и универсальных компетенций – коммуникативных, исследовательских, проектных и др. [15]. В ряду интерактивных средств обучения исследовалось влияние физкультурно-спортивных факторов на характер протекания адаптации у иностранных студентов, обучающихся в московских вузах. Было доказано, что сочетание образовательного и спортивного видов деятельности выступает эффективным инструментом управления процессом социальной адаптации, т.к. подкрепляется воспитанием нравственно-волевых качеств [26].

Выводы. Задачи содействия процессам адаптации иностранных студентов становятся в один ряд с качеством их академической подготовки в высшей школе, государственными направлениями социально-экономической и международной политики. В связи с этим необходимо изучение особенностей социально-психологической адаптации студентов из-за рубежа, с тем чтобы осуществлять дифференцированный подход в преподавании, точно отвечая на запросы иностранного контингента в психолого-педагогической поддержке. Ограниченность психологических ресурсов адаптации на фоне ожидания высоких академических и социокультурных результатов ставит перед организаторами высшего образования задачи интенсификации учебного процесса за счет оформления учебно-деятельностного содержания в формы, мотивирующие расширение социального поля взаимодействия. В качестве одной из линий организации учебной работы может стать расширение культурно-языкового контекста

занятий при задействовании информационных тренировочных баз и Интернета с его онлайн-платформами в целях развития представлений о современной жизни людей в России.

К преподавателям высшей школы обращен запрос о развитии и поддержании высокой мотивации к изучению русского языка, например. Это расширит поле коммуникативной безопасности и обеспечит активность в освоении новой социальной реальности, благодаря чему откроются дополнительные возможности для построения кооперативных отношений с людьми в стране получения образования. Интерактивные формы обмена преподавателей своими наработками в ходе повышения квалификации будут сосредоточены на получении опыта участия студентов в культурной жизни России через различные формы обучения.

Список литературы

1. Апасова, М. В. Особенности учебной мотивации китайских и туркменских студентов-первокурсников, обучающихся в российских вузах / М. В. Апасова // Психолого-педагогические исследования. 2022. Том 4. № 1. С. 49–62.
2. Гриценко, В. В. Межкультурная компетентность как предиктор адаптации иностранных студентов / В. В. Гриценко, О. Е. Хухлаев, Р. И. Зинурова // Культурно-историческая психология. 2021. Т. 17. № 1. С. 102–112.
3. Масюк, М. Р. Социокультурная адаптации и учебная мотивация в процессе обучения русскому языку как иностранному / М. Р. Масюк, Е. Г. Суворова // Вестник Московского университета. Серия 22. Теория перевода. 2013. № 4. С. 127–137.
4. Федотова, В. А. Адаптация студентов из Индии и арабских стран к образовательному пространству российского вуза / В. А. Федотова, С. Ю. Жданова // Социальная психология и общество. 2020. Т. 11. № 2. С. 93–106.
5. Черникова, Т. В. Этнокультурные особенности академической адаптации студентов дальнего и ближнего зарубежья / Т. В. Черникова, Э. А. Сокальский, В. В. Болучевская, О. И. Шутова // Научно-педагогическое обозрение. Pedagogical Review. 2021. Вып. 6 (40). С. 178–189.
6. Abdulai, M. International students' mobility and value added through internationalization of higher education in Estonia and Denmark / M. Abdulai, T. Roosalu, B. Wagoner // Language and International Communication. 2021. Vol. 21, no. 5. Pp. 602–617.
7. Basow, S. Predicting adjustment of U.S. college students studying abroad: Beyond the multicultural personality / S. Basow, T. Gaugler // International Journal of Intercultural Relations. 2017. Vol. 56. Pp. 39–51.
8. Bille, T. Love and economic development / T. Bille // Nature Human Behaviour. 2022. Vol. 6, no. 4. Pp. 483–484.
9. Chernikova, T. Adaptation of Students from Far Abroad and Neighboring Countries at South-Russian Universities / T. Chernikova, E. Sokalskiy, V. Boluchevskaya, O. Shutova // European Journal of Contemporary Education. 2021. № 10(4). Pp. 879–887.
10. Gelfand, M. Culture's constraints: International differences in the strength of social norms / M. Gelfand // Current Directions in Psychological Science. 2012. Vol. 21, no. 6. Pp. 420–424.
11. Gelfand, M. The strength of social norms across human groups / M. Gelfand, J. Harrington, J. Jackson // Perspectives on Psychological Science. – 2017. Vol. 12, no. 5. Pp. 800–809.
12. Hu, Y. Foreign-born Chinese students learning in China: (Re)shaping intercultural identity in higher education institution / Y. Hu, K. Dai // International Journal of International Relations. 2021. Vol. 80. Pp. 89–98.

13. Kamalova, L. A. Technologies and practices of linguistic and sociocultural adaptation of foreign students during their studies at the University / L. A. Kamalova, M. Zh. Umbetova, N. S. Putulyan // *Contemporary Educational Technology*. 2021. Vol. 13, no. 1. Pp. 1–14.
14. Kamneva, K. Russian education to become more attractive to foreigners / K. Kamneva // <https://ruskiymir.ru/en/publications/250341/> (дата обращения 17.05.2022)
15. Kaybiyaynen, A. Activity-based methods in training foreign students / A. Kaybiyaynen, S. Matveeva, R. Shagieva, L. Dulalaeva, T. Nikitina // *Lecture Notes in Networks and Systems: 24th International Conference on Interactive Collaborative Learning, Dresden, 22–24 September, 2021*. 2022. Vol. 389, Pp. 706–716.
16. Latypov, Z. The problem of adaptation of foreign students studying in Russian universities / Z. Latypov, A. Ziyatdinov, L. Demidova, V. Gerasimov, M. Zaostrovitseva // *Revista ESPACIOS*. 2017. Vol. 38, no. 56. Pp. 27–34.
17. Muthukrishna, M. Are collectivistic cultures more prone to rapid transformation? Computational models of cross-cultural differences, social network structure, dynamic social influence, and cultural change / M. Muthukrishna, M. Schaller // *Personality and Social Review*. 2020. Vol. 24, no. 2. Pp. 103–120.
18. Pan, X. Integrating Evolutionary game theory and cross-cultural psychology to understand cultural dynamics / X. Pan, M. Gelfand, D. Nau // *American Psychologist*. 2021. Vol. 76, no. 6. Pp. 1054–1066.
19. Pavlova, I.V. Socio-cultural adaptation of foreign students at Kazan state power engineering university. *Advances in Intelligence and Computing* / I. V. Pavlova, A. A. Potapov, Ph. A. Sanger, A. A. Kaybiyaynen // *23rd International Conference on Interactive Collaborative Learning, ICL 2020 Virtual, Online, 23–25 September 2020*. 2021. Vol. 1329. Pp. 737–744.
20. *Power in world politics* / Ed by. F. Berenskoetter & M. Williams. London: Routledge, 2007. 328 p.
21. Peng, R.-Zh. Measuring communication patterns and intercultural transformation of international students in cross-cultural adaptation / R.-Zh. Peng, W.-P. Wu // *International Journal of Intercultural Relations*. 2019. Vol. 70. Pp. 78–88.
22. Schaller, M. Modeling cultural change: Computational models of interpersonal influence dynamics can yield new insights about how cultures change, which cultures change more rapidly than others, and why / M. Schaller, M. Muthukrishna // *American Psychologist*. 2021. Vol. 76, no. 6. Pp. 1027–1038.
23. Shteynberg, G. Agency and identity in the collective self / G. Shteynberg, J. Garthoff, A. Bentley // *Personality and Social Review*. 2022. Vol. 26, no. 1. Pp. 35–56.
24. Strelnikova, Y. Y. Mechanism of socio-psychological adaptation of students to the educational environment of a Russian university / Y. Y. Strelnikova, S. D. Gurieva, N. A. Goncharova // *Perspektivy Nauki i Obrazovania*. 2021. № 5. Pp. 192–207.
25. Sun, X. Cross-cultural adaptation of international students based on the use of online platforms in the context of the internet / X. Sun, A. Emeti // *Lecture Notes on Data Engineering and Communication Technologies*. 2022. № 102. Pp. 1231–1238.
26. Zuong, V. Z. Psychological adaptation of foreign students to university environment based on academic physical education and sports activities / V. Z. Zuong, G. A. Kuzmenko, T. K. Kim // *Teoriya i Praktika Fizicheskoy Kultury*. 2021. Vol. 2. Pp. 13–15.

УДК 159.9.072
ББК 88.7

Шалыгина Алёна Романовна
студент группы 602,
Научный руководитель: Болучевская Валентина Викторовна
кандидат психологических наук, доцент,
доцент кафедры общей и клинической психологии
Волгоградский государственный медицинский университет,
Волгоград, Россия

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ЛИЦ С АЛКОГОЛЬНОЙ ЗАВИСИМОСТЬЮ

Аннотация. Динамика роста численности лиц с алкогольной зависимостью предопределяет повышенное внимание общественности к данной проблеме. Целью исследования, положенного в основание данной статьи, стало выявление основных социально-психологических нарушений у лиц с алкогольной зависимостью. Гипотеза исследования: для лиц с алкогольной зависимостью характерны социально-психологические нарушения в виде низкого уровня социального интеллекта, высоких уровней невротической тревоги и депрессии, астении, агрессивного поведения, социальной тревоги и фрустрированности. При проведении исследования использовались теоретические (анализ литературных источников по теме исследования), эмпирические (тестирование с помощью методик: клинический опросник невротических состояний Яхина-Менделевича, опросник социальной тревоги и социофобии Сагалаковой-Труевцева, опросник социальной фрустрированности Вассермана, шкала враждебности Кука-Медлей, тест социального интеллекта Гилфорда), а также статистические (обработка полученных результатов с помощью программы IBMSPSSStatistics) методы. Опираясь на результаты исследования, можно говорить о том, что гипотеза, выдвинутая в начале, подтвердилась: для лиц с алкогольной зависимостью характерны социально-психологические нарушения в виде низкого уровня социального интеллекта (2,899 балла при статистической значимости 0,621), высоких уровней тревоги (1,412 балла при статистической значимости 0,081), невротической депрессии (1,146 балла при статистической значимости 0,083) астении (0,933 балла при статистической значимости 0,539), агрессивного поведения (33,658 балла при статистической значимости 0,551), социальной тревоги (58,622 балла при статистической значимости 0,145) и фрустрированности (2,921 балла при статистической значимости 0,094). Полученные результаты определяют необходимость разработки программ психологической коррекции для лиц с алкогольной зависимостью.

Ключевые слова: зависимость, алкоголь, нарушения, поведение, фрустрация.

Shalygina Alyona Romanovna
student of group 602,
Supervisor: Boluchevskaya Valentina Viktorovna
Candidate of Psychological Sciences, Associate Professor,
Associate Professor of the Department of General and Clinical Psychology
Volgograd State Medical University,
Volgograd, Russia

PSYCHOLOGICAL CHARACTERISTICS OF PERSONS WITH ALCOHOL DEPENDENCE

Abstract. The dynamics of the growth in the number of people with alcohol dependence determines the increased public attention to this problem. The purpose of the study underlying this article was to identify the main socio-psychological disorders in people with alcohol dependence. Research hypothesis: persons with alcohol dependence are characterized by socio-psychological disorders in the form of a low level of social intelligence, high levels of neurotic anxiety and depression, asthenia, aggressive behavior, social anxiety and frustration. During the study, theoretical (analysis of literary sources on the research topic), empirical (testing using methods: the Yakhin-Mendelevich clinical questionnaire of neurotic states, the Sagalakova-Truevtsev questionnaire of social anxiety and social phobia, the Wasserman social frustration questionnaire, the Cook-Medley hostility scale, the test Guilford social intelligence), as well as statistical (processing of the results obtained using the IBM SPSS Statistics program) methods. Based on the results of the study, we can say that the hypothesis put forward at the beginning was confirmed: people with alcohol addiction are characterized by socio-psychological disorders in the form of a low level of social intelligence (2.899 points with a statistical significance of 0.621), high levels of anxiety (1.412 points with a statistical significance of 0.081), neurotic depression (1.146 points with a statistical significance of 0.083), asthenia (0.933 points with a statistical significance of 0.539), aggressive behavior (33.658 points with a statistical significance of 0.551), social anxiety (58.622 points with a statistical significance of 0.145) and frustration (2.921 points with a statistical significance of 0.094). The results obtained determine the need to develop psychological correction programs for people with alcohol dependence.

Keywords: addiction, alcohol, disorders, behavior, frustration.

В современном обществе существующая тенденция к росту числа аддиктивных форм поведения определяет необходимость разработки новых подходов к лечению и профилактике алкогольной зависимости. Злоупотребление опасными веществами стало одной из важнейших мировых проблем совсем недавно – в XX веке. Однако истоки увлечения людьми запрещенными средствами, позволяющими изменить свое состояние, прослеживаются в глубь веков и находят свое подтверждение в мифах, исторических хрониках разных народов [5, с. 123].

В научной литературе разные авторы (Т. В. Агибалова и Д. И. Шустов, Б. С. Братусь, Ю. В. Валентик) сходятся во мнении, что зависимость от психоактивных веществ, в том числе алкоголя, является одной из самых часто встречающихся форм зависимостей, которые получили статус социальных эпидемий [1, с. 16; 3, с. 124; 4, с. 52]. Только официальная статистика указывает, что от 9 до 12 % населения нашей страны имеют алкогольную или наркотическую зависимость, тогда как около 10 % россиян состоят в так называемой «зоне повышенного риска» [2, с. 45]. Не сложно понять, что следствием такого набора факторов является повышение уровня смертности населения, а также сокращение численности трудоспособных граждан, утяжеление криминогенной ситуации, экономические потери государства.

Алкоголизмом называют заболевание, вызванное систематическим употреблением спиртных напитков и характеризующееся патологическим влечением к ним, а также развитием психической (непреодолимое влечение) и физической (абстинентный синдром при отмене) типов зависимости, что сопровождается стойкими психическими и соматическими расстройствами [6, с. 289].

Лица с алкогольной зависимостью демонстрируют выраженную социальную дезадаптацию и гетероагрессивное поведение. Ввиду изменения как структуры личности, так и своего социального положения, лица с алкогольной зависимостью испытывают сильнейшие за-

труднения во взаимодействии с окружающими людьми, особенно данные затруднения касаются контактов с ближайшим окружением – семьей, друзьями, соседями, а также контактов с рабочим коллективом и партнерами. Следствием этого является нарушение социальной адаптации зависимых, снижению всей социальной активности.

Ввиду актуальности данной проблематики проведено исследование на базе реабилитационного центра «ООО Социальные услуги Плюс» в городе Волгоград. Группу исследования составили 30 человек с алкогольной зависимостью, являющихся клиентами реабилитационного центра. Возраст участников исследования от 20 до 55 лет, из них – 18 мужчин и 12 женщин.

В ходе проведенного эмпирического исследования получены следующие результаты:

По клиническому опроснику невротических состояний Яхина-Менделевича:

1. Шкала тревоги: среднее значений 1,412 балла, что соответствует болезненному характеру выявляемых расстройств;
2. Шкала невротической депрессии в 1,146 балла, что соответствует болезненному характеру выявляемых расстройств;
3. Шкала астении в 0,933 балла, что соответствует болезненному характеру выявляемых расстройств;
4. Шкала истерического типа реагирования в 3,912 балла, что указывает на уровень здоровья;
5. Шкала обсессивно-фобических нарушений в 5,218 балла, что указывает на уровень здоровья;
6. Шкала вегетативных нарушений в 3,912 балла, что говорит о пограничном состоянии.

Исходя из этого, большинству участников исследования с алкогольной зависимостью свойственны тревожные, невротически депрессивные, астенические нарушения. Это заключается в существовании у них повышенной тревоги, которая может проявляться как в повседневной деятельности – работе, общении, социальном функционировании, так и при потере предмета зависимости, то есть возможности употреблять алкоголь.

По опроснику социальной тревоги и социофобии Сагалаковой-Труевцева:

1. Шкала социальной тревоги: среднее значений 58,622 балла, что соответствует высокой социальной тревоге;
2. Шкала социофобии: среднее значений 52,817 балла, что соответствует высокой социофобии.

Исходя из этого, большинство участников исследования с алкогольной зависимостью испытывает высокую социальную тревогу, для них характерна тенденция к избеганию стрессовых социальных ситуаций, а также сильное напряжение в значимых ситуациях критики, потенциально негативного оценивания.

По опроснику социальной фрустрированности Вассермана:

1. Шкала социальной фрустрированности: среднее значение в 2,921 балла, что соответствует умеренной социальной фрустрированности.

Исходя из этого, большинство участников исследования с алкогольной зависимостью подвержены социальной фрустрированности, что говорит о неудовлетворенности своим социальным статусом, своими достижениями, отношениями с окружающими людьми, низкой или неустойчивой самооценке.

По шкале враждебности Кука-Медлей:

1. Шкала враждебности: среднее значений 24,225 балла, что соответствует среднему показателю с тенденцией к высокому;

2. Шкала агрессивности: среднее значений 33,658 балла, что соответствует среднему показателю с тенденцией к высокому.

Исходя из этого, у большинства участников исследования с алкогольной зависимостью часто случаются приступы агрессивного и враждебного поведения, которые могут проявляться в виде аутоагрессивности и/или гетероагрессивности, идей самообвинения и обвинения окружающих, косвенно выражающихся в виде саморазрушения путем употребления алкоголя.

По тесту социального интеллекта Гилфорда:

1. Шкала социального интеллекта: среднее значений 2,899 балла, что говорит о том, что способности к познанию поведения ниже среднего, социальный интеллект ниже среднего.

Исходя из этого, большинство участников исследования с алкогольной зависимостью отличаются социальным интеллектом ниже среднего, который обуславливает трудности в понимании и прогнозировании поведения людей, снижение возможностей социальной адаптации.

Статистический анализ с помощью критерия Колмогорова-Смирнова показал, что распределение результатов по всей выборке соответствует нормальному. Результаты статистического анализа представлены в таблице 1.

Таблица 1

Критерий Колмогорова-Смирнова

		Шкала тревоги	Шкала невротической депрессии	Шкала астении	Шкала истерического типа реагирования	Шкала обсессивно-фобических нарушений	Шкала вегетативных нарушений	Шкала социальной тревоги	Шкала социофобии	Шкала социальной фрустрированности	Шкала враждебности	Шкала агрессивности	Шкала социального интеллекта
N		60	60	60	60	60	60	60	60	60	60	60	60
Нормальные параметры	Среднее	3,522	3,186	2,417	3,717	5,365	4,712	36,267	33,517	2,267	17,279	24,308	3,507
	Ср. отклонение	3,110	2,044	1,484	2,912	6,018	1,801	22,356	19,351	0,654	6,946	9,351	0,608
Разности экстремумов	Модуль	0,208	0,236	0,104	0,120	0,126	0,183	0,148	0,170	0,230	0,210	0,122	0,335
	Положительные	0,208	0,177	0,104	0,070	0,079	0,183	0,077	0,170	0,230	0,210	0,122	0,335
	Отрицательные	-0,111	-0,236	-0,075	-0,120	-0,126	-0,096	-0,148	-0,134	-0,145	-0,173	-0,146	-0,125
Статистика Z Колмогорова-Смирнова		0,608	0,825	0,803	0,929	0,975	0,415	1,145	1,318	1,781	1,626	0,885	0,774
Асимпт. знч. (двухсторонняя)		0,081	0,083	0,539	0,354	0,297	0,086	0,145	0,062	0,094	0,070	0,551	0,621

Одной из приоритетных задач лечения алкоголизма является достижение стойкой и качественной ремиссии, что возможно только в процессе реализации программы медико-социальной реабилитации, к основным задачам которой относят развитие у человека осознанных и стабильных мотивационных установок на отказ от употребления алкоголя, прове-

дение медикаментозного лечения, снижение проявлений поведенческих, эмоциональных, интеллектуальных и когнитивных расстройств, а также повышения уровня социального функционирования.

Список литературы

1. Агибалова, Т. В. Психотерапия в наркологии – обзор научно-доказательных моделей психотерапевтического вмешательства: зарубежный 92 опыт. Часть 2. Эмпирически-обоснованные методы психотерапии наркологических заболеваний / Т. В. Агибалова, Д. И. Шустов, О. Д. Тучина, П. В. Тучин // Вопросы наркологии. 2015. № 5. С. 46–65.
2. Анохина, И. П. Этиология и патогенез алкоголизма / И. П. Анохина // Алкоголизм: руководство для врачей / под ред. Н. Н. Иванца, М. А. Винниковой. М.: ЧеРоЮрайт, 2016. С. 65–77.
3. Братусь, Б. С. Аномалии личности / Б. С. Братусь. М.: ЭКСМО, 2014. 569 с.
4. Валентик, Ю. В. Континуальная психотерапия больных с зависимостью от психоактивных веществ / Под ред. Н. Н. Иванца. М.: Нолидж. 2015. С. 341–365.
5. Петров, В. И. Наркотики и яды: психоделики и токсические вещества, ядовитые животные и растения / В. И. Петров, Т. И. Ревяко. Минск: Литература, 1996. 592 с.
6. Жук, А. А. Клиника, патогенез и лечение алкоголизма / А. А. Жук, В. М. Михлин. Кишинев, 2017. 590 с.

УДК 159.9.072
ББК 88.7

Шапошникова Марина Алексеевна
студент 6 курса,
Научный руководитель: Болучевская Валентина Викторовна,
кандидат психологических наук, доцент,
доцент кафедры общей и клинической психологии,
Волгоградский государственный медицинский университет,
Волгоград, Россия

СПЕЦИФИКА ЭМОЦИОНАЛЬНОГО ВЫГОРАНИЯ У СОТРУДНИКОВ ПСИХОНЕВРОЛОГИЧЕСКОГО ДИСПАНСЕРА

Аннотация. Актуальность. В связи со стремительными переменами социально-экономических условий и усложнением информационных процессов все большую актуальность приобретают научные исследования, которые посвящены негативным последствиям процессов эмоционального выгорания в различных профессиях, но, прежде всего у работников медицинских учреждений. Медицинский работник подвергается постоянному давлению с разных сторон – со стороны пациентов, их родственников, коллег, администрации – что, вероятно, может подвести к эмоционального выгорания, но также особое значение занимают психосоциальные факторы, которые связаны с такими явлениями как безработица, удовлетворенность профессиональным трудом, перспектива карьерного роста.

Цель. Изучить особенности проявлений эмоционального выгорания сотрудников психоневрологического диспансера.

Гипотеза. Для медицинского персонала психоневрологического диспансера характерны признаки эмоционального выгорания, которые проявляются в высоких показателях тревожности и социальной фрустрированности.

Метод и методики. Для данного исследования были использованы следующие методики: опросник «Эмоциональное выгорание МВІ» К. Маслач, С. Джексон в адаптации Н. Е. Водопьяновой, диагностирующий общий уровень эмоционального выгорания, а также его проявления. Шкала тревоги Дж. Тейлора позволяет диагностировать уровень тревожности. Методика диагностики уровня социальной фрустрированности Л. И. Вассермана определяет уровень психического напряжения, которое обусловлено неудовлетворенностью достижениями и положением личности в социальной иерархии. Исследование проводилось на базе БУ РК «Республиканский психоневрологический диспансер» РК, с. Приютное. В исследовании принимали участие 78 человек, 58 женщин и 20 мужчин, возраст испытуемых от 22 до 68 лет.

Результат. В ходе исследования у сотрудников выявлен средний уровень тревожности, а также начальный уровень фрустрированности. Большинство сотрудников ПНД отмечают у себя на высоком уровне симптомы деперсонализации, симптомы эмоционального истощения и редуции личных достижений.

Выводы. Результаты полученного исследования можно учитывать при разработке психопрофилактических программ для предупреждения эмоционального выгорания у сотрудников психоневрологического диспансера и психокоррекционных программ с целью снижения уровня эмоционального выгорания работников психиатрического профиля.

Ключевые слова: эмоциональное выгорание, психоневрологический диспансер, сотрудники, тревожность, социальная фрустрированность.

Shaposhnikova Marina Alekseevna

6th year student,

Scientific supervisor: Boluchevskaya Valentina Viktorovna,

Candidate of Psychological Sciences, Associate Professor,

Associate Professor of the Department of General and Clinical Psychology,

Volgograd State Medical University,

Volgograd, Russia

THE SPECIFICITY OF EMOTIONAL BURNOUT IN EMPLOYEES OF PSYCHONEUROLOGICAL DISPENSARY

Abstract. Relevance. In connection with the rapid changes in socio-economic conditions and the complication of information processes, scientific studies are becoming increasingly relevant, which are devoted to the negative consequences of the processes of emotional burnout in various professions, but primarily among workers in medical institutions. The personality of a medical worker is subjected to constant pressure from various sides - from patients, their relatives, colleagues, administration – which can probably lead to a burnout syndrome, but psychosocial factors are also of particular importance, which are associated with such phenomena as unemployment, satisfaction with professional work, the prospect of career growth.

Target. To study the features of manifestations of emotional burnout of employees of a psychoneurological dispensary.

Hypothesis. The medical personnel of the neuropsychiatric dispensary are characterized by signs of emotional burnout, which manifest themselves in high levels of anxiety and social frustration.

Method and techniques. For this study, the following methods were used: the questionnaire «Burnout MBI» by K. Maslach, S. Jackson in the adaptation of N. E. Vodopyanova, diagnosing the general level of emotional burnout, as well as its manifestations. The J. Taylor anxiety scale allows you to diagnose the level of anxiety. Methodology for diagnosing the level of social frustration L. I. Wasserman determines the level of mental stress, which is due to dissatisfaction with the achievements and position of the individual in the social hierarchy. The study was conducted on the basis of the Republican Psychoneurological Dispensary of the Republic of Kalmykia, p. Shelter. The study involved 78 people, 58 women and 20 men, the age of the subjects was from 22 to 68 years.

Result. During the study, employees showed an average level of anxiety, as well as a low level of frustration. Most PND employees report high-level symptoms of depersonalization, symptoms of emotional exhaustion, and a reduction in personal achievement.

Conclusions. The results of the study obtained can be taken into account when developing psychoprophylactic programs to prevent emotional burnout among employees of a psychoneurological dispensary and psychocorrective programs in order to reduce the level of emotional burnout among psychiatric workers.

Keywords: emotional burnout, neuropsychiatric dispensary, employees, anxiety, social frustration.

Явление эмоционального выгорания довольно интенсивно изучается научным сообществом, накоплен значительный теоретико-методологический материал, который позволяет определить причины, факторы и последствия его развития. Однако, в современной зарубежной психологии синдром эмоционального выгорания как результат рабочего стресса изучается с середины прошлого века. В отечественных же исследованиях данный вопрос еще не получил достойного внимания в связи с тем, что научный интерес к этому явлению возник относительно недавно.

Первые работы по данной проблеме появились в США. Американский психиатр Х. Фрейденберг в 1974 г. предложил понятие burnout (англ.), или синдром выгорания для обозначения состояния деморализации, разочарования, истощения, которые наблюдались у психически здоровых работников, которые имели плотный контакт с пациентами в психологических клиниках и центрах [4].

Довольно долгое время популярной была теория выгорания, предложенная К. Маслач и С. Джексон. Согласно их теории, выгорание представляется как неспецифический ответ организма на любые продолжительные стрессы межличностного общения, которые связаны с необходимостью выполнять профессиональные обязанности и включающие в себя три составляющие [5]:

- Эмоциональное истощение или эмоциональное перенапряжение и состояние опустошенности, истощенность профессионалом своих собственных ресурсов эмоций;
- Деперсонализация или склонность сотрудника развивать отрицательное, циничное отношение к своим клиентам. Общение становится формальным и бездушным;
- Редуцирование личных достижений или снижение ощущения собственной компетентности и профессионализма в работе, появляется недовольство собой, происходит занижение ценности результатов деятельности и т.д.

Ананьев Б. Г. рассматривает эмоциональное выгорание, как негативное явление, которое возникает в профессиональной среде, связанные с межличностными отношениями у профессионалов. Работающих в профессиях типа «человек-человек».

Только в конце 90-х годов XX в. выгорание становится предметом самостоятельного изучения в отечественной психологии. В теоретическом аспекте данная проблема стала актуальной и развивающейся. Изучение выгорания получило определенный прогресс, который был выражен в едином взгляде по поводу структуры выгорания, а также в возникновении ряда методик по его выявлению.

Исходя из современных исследований, то можно подчеркнуть несколько определений эмоционального выгорания:

1. По К. Маслач, эмоциональное выгорание – это состояние как синдром физического и эмоционального истощения, включая развитие отрицательной самооценки, отрицательного отношения к работе, утрату понимания и сочувствия по отношению к пациентам/клиентам, отмечая, что выгорание – это не потеря творческого потенциала, не реакция на скуку, а прежде всего эмоциональное истощение, которое возникает на фоне стресса [3];

2. По Н. Е. Водопьяновой, эмоциональное выгорание – это долговременная стрессовая реакция, которая возникает из-за продолжительных профессиональных стрессов средней интенсивности, которую можно рассматривать в аспекте личностной деформации, происходящей под влиянием профессиональных стрессов [2];

3. По В. В. Бойко, эмоциональное выгорание – это выработанный личностью механизм психологической защиты в форме полного и частичного исключения эмоций в ответ на избранные психотравмирующие воздействия [1];

Проанализировав отечественные и зарубежные исследования в настоящее время не существует единой структуры синдрома эмоционального выгорания, но при этом существует множество подходов к данному вопросу. Но несмотря на множество подходов, эмоциональное выгорание является актуальной нерешенной задачей для исследователей.

Профессиональная деятельность медицинских работников в психоневрологическом диспансере предполагает высокую эмоциональную напряженность, психофизические усилия, высокий процент факторов, которые вызывают стрессовые ситуации. При этом одним из главных звеньев лечебного процесса является помощь пациенту, которая оказывается меди-

цинским персоналам, а в первую очередь младшим медицинским персоналом (медсестры, санитары), которым, в соответствии со своими профессиональными обязанностями приходится наиболее тесно взаимодействовать с больными.

Таким образом, исследовательские данные констатируют, что синдром эмоционального выгорания является актуальной и распространенной проблемой в среде психоневрологического профиля, которая оказывает негативное влияние на психический статус, социальную адаптацию и качество жизни в целом.

В результате обработки результатов опросника «Эмоциональное выгорание МВИ» К. Маслач, С. Джексон в адаптации Н. Е. Водопьяновой было выявлено, что 58 % сотрудников психоневрологического диспансера отмечают у себя высокие показатели деперсонализации. Это может свидетельствовать о нежелании взаимодействовать с окружающими людьми, проявляющееся в уменьшении взаимодействий с коллегами, в появлении чувства раздражительности и нетерпимости в общении с пациентами, повышении негативизма и скепсиса, использовании профессионального сленга, юмора, проявлениях циничности и раздражительности. Полученные результаты представлены в Таб. 1.

Таблица 1

**Показатели по опроснику «Эмоциональное выгорание МВИ»
К. Маслач, С. Джексон в адаптации Н. Е. Водопьяновой**

Шкалы эмоционального выгорания	Результаты		
	Низкий уровень	Средний уровень	Высокий уровень
<i>Эмоциональное истощение</i>	18 (23 %)	49 (63 %)	11 (14 %)
<i>Деперсонализация</i>	2 (2 %)	31 (40 %)	45 (58 %)
<i>Редукция личных достижений</i>	16 (21 %)	19 (24 %)	43 (55 %)

Симптомы эмоционального истощения отмечаются на среднем уровне у 63 % сотрудников, это говорит о том, что, может наблюдаться в тенденции высокого напряжения при проведении ежедневных манипуляций, исход которых трудно прогнозируем или даже летален, а также в эмоциональном напряжении при беседе с пациентами и их родственниками, нервозности при выполнении отчетной документации.

По шкале «Редукция личных достижений» высокий уровень диагностируется у 55% сотрудников, что свидетельствует об отсутствии у данных испытуемых интереса к работе, о снижении уровня профессиональной самооценки, то есть, сотрудники низко оценивают успехи своей собственной работы и степень профессиональной компетентности.

Результаты полученные при проведении методики «Уровень социальной фрустрированности Л. И. Вассермана» показали, что у большей части респондентов – 65 % прослеживается очень низкий уровень социальной фрустрированности, что указывает на их умение адаптировать свое поведение к изменениям в окружающей среде, но при этом имеется тенденция к повышению уровня фрустрированности. Наглядно результаты показаны на таб. 2.

Таблица 2

**Результаты по методике «Уровень социальной фрустрированности
Л. И. Вассермана»**

Отсутствие фрустрированности	Очень низкий УФ	Пониженный УФ
11 (14 %)	51 (65 %)	16 (21 %)

Далее нами был исследован уровень тревожности по методике, разработанной Дж. Тейлором. Результаты представлены в таб. 3.

Таблица 3

**Распределение результатов по методике
«Шкала проявлений тревоги Дж. Тейлора»**

Низкий уровень тревоги	Средний УТ с тенденцией к низкому	Средний УТ с тенденцией к высокому	Высокий уровень тревоги
13 (17 %)	36 (46 %)	24 (31 %)	5 (6 %)

Анализ результатов психодиагностики по шкале проявлений тревоги Дж. Тейлора демонстрирует, что уровень тревоги сотрудников психоневрологического диспансера является средним с тенденцией к низкому и средним с тенденцией к высокому. Среди респондентов средним показателем является 14 баллов, что, согласно Дж. Тейлору, является соответствием среднему уровню тревоги с тенденцией к низкому. При опросе работников было выявлено, что главными проявлениями тревожности отмечается расстройства сна, вялость, быстрая утомляемость, эмоциональный дискомфорт, а также тревожные мысли о будущем. Тенденция к повышению уровня тревоги, повышение фрустрированности и эмоциональное выгорание могут быть связаны между собой. В связи с чем был проведен корреляционный анализ.

Анализ коэффициента корреляции Спирмена показал следующие прямые корреляционные связи между шкала указанных методик: эмоциональное истощение и уровень тревожности по Тейлору ($p = 0,435$; $p < 0,01$); эмоциональное истощение и уровень социальной фрустрированности ($p = 0,373$; $p < 0,01$).

Это может означать, что при нарастании признаков эмоционального истощения (повышение раздражительности, усталость, завышенные требования к себе) усиливаются и такие признаки как повышенное беспокойство, которое не соответствует по степени выраженности стимула, ощущение отчаяния и беспомощности, чувство подавленности и беспокойства, а также трудности во взаимоотношениях с коллегами и пациентами.

Положительные корреляции также выявлены в следующих шкалах: деперсонализация и уровень тревожности по Тейлору ($p = 0,412$; $p < 0,05$); деперсонализация и уровень социальной фрустрированности ($p = 0,310$; $p < 0,01$).

Можно предположить, что подобная зависимость означает, что при усилении негативной, чрезмерной отстраненной реакции с другими людьми, могут проявляться чувство беспокойства, деформированные отношения с коллегами, пациентами.

Таким образом было установлено, что сотрудникам психоневрологического диспансера в целом характерны средний уровень тревоги, тенденция к повышению уровня социальной фрустрированности. Большинство сотрудников психоневрологического диспансера отмечают у себя на высоком уровне симптомы деперсонализации, эмоционального истощения и редукации личных достижений. В ходе корреляционного анализа были выявлены корреляции шкал опросника «Эмоционального выгорания МВІ» и показателей других методик. Практическая значимость работы заключается в том, что результаты исследования можно учитывать при разработке программ по психопрофилактике эмоционального выгорания у сотрудников медицинских учреждений психиатрического профиля и психокоррекционных мероприятий для снижения уровня эмоционального выгорания медицинских работников.

Список литературы

1. Бойко, В. В. Синдром «эмоционального выгорания» в профессиональном общении / В. В. Бойко. СПб.: Питер, 1999. 105 с.
2. Водопьянова, Н. Е. Синдром «выгорания» в профессиях системы «человек-человек» / Под ред. Г. С. Никифоровой, М. А. Дмитриевой, В. М. Снеткова // Практикум по психологии менеджмента и профессиональной деятельности. СПб.: Речь, 2003. С. 276–282.
3. Зарубина, Е. А. Изучение синдрома профессионального выгорания / Е. А. Зарубина, Е. К. Николаева // Интеллектуальный потенциал XXI века: ступени познания. 2011. № 6. С. 36–42.
4. Королева, Е. Г. Синдром эмоционального выгорания / Е. Г. Королева, Э. Е. Шустер // Журнал ГрГМУ. 2007. № 3 (19). С. 108–111.
5. Maslach, C. Psychological health and involvement in interpersonally demanding occupations: A longitudinal perspective / C. Maslach, S. R. Jenkins // Journal of Organizational Behavior, 15, 101–127.

УДК 159.99
ББК 88.41

Юферева Екатерина Сергеевна
магистрант группы МПС-100,
Научный руководитель: Забродина Татьяна Игоревна
кандидат педагогических наук, доцент,
доцент кафедры социологии, общей и юридической психологии,
Волгоградский институт управления –
филиал РАНХиГС при Президенте РФ,
Волгоград, Россия

ОБЪЕКТНЫЕ ОТНОШЕНИЯ И ТИПЫ ПРИВЯЗАННОСТИ К МАТЕРИ: ДИАГНОСТИКО-КОНСУЛЬТАЦИОННЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ

Аннотация. Актуальность исследования заключается в том, что одним из обязательных условий полноценного и гармоничного развития ребенка является его взаимодействие с родителями. От того, была ли между ребенком и родителем эмоциональная связь, какие были особенности их взаимодействия в детском возрасте, зависит вся последующая жизнь маленького человека, психологическая структура его личности. Стиль взаимоотношений с матерью в первые годы жизни формирует базовое доверие к миру и личностные характеристики человека, изменить которые в последующей жизни практически невозможно.

Ключевые слова: первые годы жизни ребенка, привязанность, объектные отношения, влияние матери, личностные характеристики.

Yufereva Ekaterina Sergeevna
Master's student of the MPS-100 group,
Scientific supervisor: Zabrodina Tatiana Igorevna
Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor,
Associate Professor of the Department of Sociology,
General and Legal Psychology,
Volgograd Institute of Management –
branch of RANEPA under the President of the Russian Federation,
Volgograd, Russia

OBJECT RELATIONSHIPS AND TYPES OF ATTACHMENT TO THE MOTHER: DIAGNOSTIC AND CONSULTATIONAL POSSIBILITIES

Abstract. The relevance of the study lies in the fact that one of the prerequisites for the full and harmonious development of the child is his interaction with his parents. From whether there was an emotional connection between the child and the parent, what were the features of their interaction in childhood, the whole subsequent life of a small person, the psychological structure of his personality, depends. The style of relationships with the mother in the first years of life forms the basic trust in the world and the personal characteristics of a person, which are almost impossible to change in later life.

Keywords: the first years of a child's life, attachment, object relations, mother's influence, personal characteristics.

Помимо удовлетворения базовых физиологических потребностей, одним из обязательных условий полноценного и гармоничного развития ребенка является обеспечение его эмоциональных потребностей близкими взрослыми людьми. Огромное значение имеют особенности взаимодействия ребенка с родителями, степень их отзывчивости, присутствие эмоциональной связи, степень привязанности [9, с. 317]. Эти факторы оказывают большое влияние не только на период детства человека, но и на всю его последующую жизнь.

Еще до своего рождения человек связан с другими людьми – с матерью, частью которой он является, и всей системой семейных отношений, существовавшей до него [2]. Сопровождая появление на свет, материнская фигура также сопровождает психологическое рождение человека. От того каким было слияние с матерью, последующее отделение от нее, какая забота и теплота были обеспечены ребенку – зависит психологическая структура его личности. По мнению Э. Эриксона, уровень взаимоотношений между матерью и ребенком выступает одним из самых важных факторов формирования чувства базового доверия к людям и миру, представлений о себе, способности к социальному взаимодействию, развитию эмоционального интеллекта и, в особенности, построения собственной семейной жизни в будущем [6, с. 24]. Именно ранний опыт взаимодействия, глубоко запечатленные отношения с матерью оказывают влияние на человека на протяжении всей жизни [1, с. 49].

Значение раннего опыта взаимоотношений между матерью и ребенком, а также эмоциональные переживания малыша, сопровождающие эти отношения, подробно рассматриваются в теории привязанности с позиции объектных отношений, в которых под «объектом, объектными отношениями» понимаются люди, а не физические объекты [7, с. 32]. Таким образом, диадные отношения между матерью и ребенком в прошлом детерминируют «Я» ребенка, определяя его отношения с людьми в настоящем и будущем, а также, выступают основой для формирования личностных особенностей человека.

В нашей работе под личностными качествами понимаются устойчивые способы поведения, свойственные конкретному человеку в различных жизненных ситуациях [5, с. 102]. В условиях изменяющегося мира молодой человек должен в полной мере проявлять такие личностные качества как самостоятельность, независимость, автономность, инициативность и креативность. Такие качества личности возможно развить последовательно разрешая вопросы психологической сепарации от родителей (в основном от матери).

Большое разнообразие идей и концепций в рассмотрении объектных отношений усложняет обобщение теоретических и эмпирических данных, но актуализирует вопрос изучения влияния матери в системе детско-родительских отношений на формирование личности человека.

Основные теоретические и практические аспекты воспитания ребенка в семье отражены в работах классиков педагогики и воспитания Я. А. Коменского, А. С. Макаренко, К. Д. Ушинского. Оптимизация и гуманизация отношений между детьми и родителями были рассмотрены в работах педагогов и психологов А. Бандуры, К. Х. Бриш, М. И. Лисиной, И. Кон, М. Е. Сандомирского. Значимость влияния матери на ребенка многократно подтверждена в работах З. Фрейда, А. Фрейд, Дж. Боулби, М. Кляйн, У. Крэйна, Р. Спитца, Р. Тайсона и Ф. Тайсона, О. Кенберга, М. Малера, в том числе и в исследованиях отечественных авторов Н. Н. Авдеевой, Т. О. Арчаковой, А. Я. Варга, Д. В. Винникота, С. Ю. Мещеряковой, Л. Первина, Л. В. Петрановской.

Таким образом, можно констатировать, что к настоящему времени сложилось определенные социальные, теоретические и практические предпосылки исследования проблемы особенностей формирования личности в зависимости от взаимоотношений матери и ребенка. Возникшее противоречие между объективными потребностями практики и недостаточной

разработанностью в психологической науке вопроса о формировании объектных отношений личности в зависимости от типа привязанности к матери определило тему исследования.

Теоретический анализ научной литературы позволяет нам утверждать, что первые годы жизни являются наиболее ценными для формирования личностных особенностей человека [3, с. 19]. В раннем возрасте стиль взаимодействия ребенка с матерью влияет на схему построения отношений в будущем, на способы коммуникации, а также на собственное Я. Ребенок может чувствовать себя защищенным, уверенным в себе, проявлять доверие, быть эмоционально открытым только тогда, когда мать проявляет достаточно чуткости и строит позитивные отношения. И, напротив, недостаток отзывчивости матери к потребностям ребенка формирует у него чувство тревоги, закрытость, дистанцирование, сомнение в собственной ценности. В результате этого, объектные отношения определяют субъективные характеристики личности ребенка и ее стиль поведения в будущем.

По мере взросления ребенка происходит процесс сепарации. Ребенок выстраивает свои личные границы, становится самостоятельным. Благодаря механизму обособления формируется целостная, гармоничная личность со своей внутренней позицией, ценностными ориентациями и мотивами [4, с. 219].

В процессе нашего исследования нам удалось установить, что доминирующими личностными характеристиками у студентов являются открытость, общительность, эмоциональная лабильность и невротичность. Различий между группами респондентов из полных и неполных семей не было.

Отношения с матерью студенты описывают как демократические. Они чувствуют поддержку и принятие, а также, что им будет оказана помощь в случае ее необходимости. При этом молодые люди принимают тот факт, что на них возлагается определенная ответственность за их поведение и поступки, что родители ожидают от них послушности и следования определенным правилам. Различий между выделенными группами респондентов выявлено не было.

Любые отношения строятся по определенной схеме. То, каким образом будут выстраиваться эти отношения, определяется типом привязанности между матерью и ребенком [8, с. 107]. В результате исследования у респондентов было выявлено два доминирующих типа привязанности: надежный и зависимый типы.

Большинство испытуемых настроены положительно по отношению к своим матерям, проявляют заботу по отношению к ним и чувствуют, что родители, на самом деле, в ней нуждаются. Проявляется желание студентов проводить свой досуг совместно с родителями, хотя бы небольшое по количеству время.

С помощью математико-статистического анализа были выявлены взаимосвязи между степенью близких отношений и личностными характеристиками студентов. Было выделено пять факторов, отражающих взаимоотношения с матерью и личностные особенности ребенка. Данные факторы демонстрируют, какие в зависимости от отношений с родителями формируются личностные особенности детей.

Результаты проведенного исследования показывают, что существует взаимосвязь между типом привязанности к матери и объектными отношениями личности, что подтверждает гипотезу исследования.

На основе анализа теоретических данных и данных, полученных в ходе эмпирического исследования можно сделать вывод о том, что проблема взаимоотношений в диаде мать-дети остается актуальной и на сегодняшний день. Исходя из результатов, полученных в ходе проведения эмпирического исследования, было принято решение разработать программу группового психологического консультирования в виде тренинга, целью которого было спо-

способствовать установлению и развитию отношений партнерства и сотрудничества между родителями и детьми юношеского возраста. Для тренинга было отобрано 7 молодых людей, у которых в ходе эмпирического исследования был выявлен ненадежный тип привязанности. Они были приглашены для участия в тренинговой работе в паре со своим родителем. Таким образом, общее количество участников тренинга составило 14 человек (7 пар ребенок – взрослый).

В задачи тренинговой работы входило: проинформировать участников консультирования с особенностями объектных отношений, проинформировать о привязанностях в диаде мать-дитя; улучшение способности родителей к пониманию внутреннего мира своего ребенка, через установление визуального контакта, физического контакта, наблюдение и совместную деятельность; улучшить эмоциональный контакт и взаимодействие родителя и ребенка; активизировать эффективные коммуникации внутри семьи; сформировать представление о возможностях позитивного взаимодействия между родителем и ребенком.

В результате группового консультирования нам удалось создать предпосылки на улучшение эмоционального контакта в диаде мать-ребенок, способствовали построению эффективной внутрисемейной коммуникации, а также, постарались сформировать представления о возможностях позитивного взаимодействия между родителем и ребенком. Полученные данные позволяют сделать вывод о том, что разработанная нами программа группового психологического консультирования является эффективной.

Список литературы

1. Авдеева, Н. Н., Хаймовская, Н. А. Развитие образа себя и привязанностей у детей от рождения до трех лет в семье и доме ребенка. М.: Смысл, 2013. 152 с.
2. Арчакова, Т. О. Современные теории привязанности [Электронный ресурс] // Электронный сборник статей портала психологических изданий PsyJournals.ru. 2009-1. Том 1. № 2009-1. URL: https://psyjournals.ru/serialpublications/pj/archive/2009_1/22259?ysclid=lc5ilt7lt13832390 (дата обращения 01.11.2022).
3. Василенко, М. А. Привязанность ребенка к матери как фактор ранней социализации // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. 2011. № 3. С. 18–22.
4. Волошкина, О. В. Привязанность и ее влияние на процессы сепарации [Текст] / О. В. Волошкина // Молодой ученый. 2018. № 49 (235). С. 219–221.
5. Киселева, О. В. Роль и значение отношений с матерью для становления и развития личности ребенка // Вестник КРСУ. 2009. Т. 9. № 12. С. 99–105.
6. Кляйн, М. Зависть и благодарность [Электронный ресурс] // Исследование бессознательных источников / Мелани Кляйн; перевод с английского А. Ф. Ускова. СПб.: Б.С.К, 1997. 96 с.
7. Лисина, М. И. Формирование личности ребенка в общении / М. И. Лисина. Санкт-Петербург [и др.] : Питер, 2009. 318 с.
8. Литвиненко, Н. Н. Привязанность к родителям – важнейший компонент эмоционального развития / Н. Н. Литвиненко, О. А. Тлишева // Научные исследования: от теории к практике. 2016. № 1. С. 107–109.
9. Скорик, Е. Д. Влияние раннего опыта отношений привязанности с матерью на формирование личности и особенности построения социальных взаимоотношений взрослого человека. Молодой ученый. 2018. № 47 (233). С. 317–320.

УДК 159.9
ББК 88.4

Яровая Дарья Геннадиевна
студент группы БкПс-400,
Научный руководитель: Хрипунова Светлана Владимировна,
кандидат философских наук, доцент,
доцент кафедры социологии, общей и юридической психологии,
Волгоградский институт управления –
филиал РАНХиГС при Президенте РФ,
Волгоград, Россия

СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ ПОДРОСТКОВ И ВЫБОР СТРАТЕГИЙ ПОВЕДЕНИЯ В КОНФЛИКТНОЙ СИТУАЦИИ

Аннотация. В статье рассматриваются социально-психологические характеристики подросткового возраста. Описываются физиологические, психологические особенности демонстрации стиля поведения при конфликтной ситуации. Анализируя проблему, которая встает перед обществом, автор подчеркивает актуальность исследования социально-психологических характеристик подросткового возраста и специфику поведения в конфликте. Целью изучения является социально-психологических характеристики подростков и выбор стратегии поведения в конфликтных ситуациях. Конфликт, как форма социального взаимодействия имеет большую значимость для развития общества и социальных групп, поэтому успешность его разрешения создает условия для дальнейшего роста личности. В статье отображается важность понимания личностных особенностей подросткового возраста и выявления причин, по которым ребёнок становится конфликтным.

Ключевые слова: подростковый возраст, социально-психологические характеристики, межличностные отношения, стиль поведения, конфликт, компромисс, приспособление, избегание, конкуренция, сотрудничество.

Yarovaya Darya Gennadijevna
student of the BkPs-400 group,
Scientific supervisor: Khripunova Svetlana Vladimirovna,
Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor,
Associate Professor of the Department of Sociology, General and Legal Psychology,
Volgograd Institute of Management –
branch of RANEPА under the President of the Russian Federation,
Volgograd, Russia

SOCIO-PSYCHOLOGICAL CHARACTERISTICS OF ADOLESCENTS AND THE CHOICE OF BEHAVIORAL STRATEGIES IN A CONFLICT SITUATION

Abstract. The article deals with the socio-psychological characteristics of adolescence. Physiological, psychological features of demonstrating the style of behavior in a conflict situation are described. Analyzing the problem that society faces, the author emphasizes the relevance of the study of socio-psychological characteristics of adolescence and the specifics of behavior in conflict. The

purpose of the study is the socio-psychological characteristics of adolescents and the choice of behavior strategies in conflict situations. Conflict as a form of social interaction is of great importance for the development of society and social groups, so the success of its resolution creates conditions for further growth of personality. The article displays the importance of understanding the personal characteristics of adolescence and identifying the reasons why a child becomes conflictive.

Keywords: Adolescence, socio-psychological characteristics, interpersonal relationships, style of behavior, conflict, compromise, adjustment, avoidance, competition, cooperation.

В настоящее время в современном обществе люди всё чаще сталкиваются с ситуациями, провоцирующими развитие и проявления агрессии, тревожности, напряженности, что приводит к возникновению конфликта. Чаще всего усиление данных состояний и невозможность обойти конфликтную ситуацию проявляются именно в подростковом возрасте.

На выбор той или иной стратегии поведения подростка в конфликтной ситуации может влиять множество факторов, среди которых стоит выделить такие личностные качества как темперамент, мотивация, акцентуация характера.

В подростковом возрасте ребята подвержены влиянию мнений со стороны, но как дать отпор и найти верное решение из ситуации они не всегда знают, из-за чего и происходит вступление подростков в неформальные группы, которые пагубно влияют на психическое состояние ребёнка, а именно, происходит рост молодежных преступлений, употребление запрещенных препаратов и многое другое. Анализируя проблему, которая встает перед обществом, актуальным и значимым является изучение влияния личностных качеств подростка на стратегии поведения в конфликтной ситуации.

Целью исследования является изучение личностных качеств подростков и выявление их влияния на выбор стратегии поведения в конфликтных ситуациях.

Как указано в общепринятой классификации, подростковым возрастом считается период жизни человека от детства до юности (примерно 11–15 лет). Этот довольно короткий временной период является одним из самых важных, но и ответственных и сложных этапов в жизни подрастающей личности, в течении которого человек проходит непростой путь в своем развитии [4, с. 9].

Влияние на поведение и выбор стратегии в конфликте оказывают личностные особенности подростка, которые нестабильные и претерпевают изменения в данный период времени.

Подростковый возраст характеризуется сильными изменениями в перестройке организма как в физиологическом, анатомическом, так и в психическом плане. Подросток совершает переход из детства в мир взрослости, где он начинает относиться к себе по-новому, смотреть на себя, родителей, друзей и на мир в целом с совершенно новой для него стороны [1, с. 27]. Особенности подросткового возраста определяют нестабильность и противоречивость позиции подростка, что обуславливает их высокий уровень конфликтности.

Под конфликтом понимается проявление некоего единоборства, столкновения участников конфликта ввиду несовместимости во взглядах, предпочтениях, мотивах, потребностей, целей, а также поведения в процессе взаимодействия и общения, связанное с отрицательным эмоциональным переживанием [3, с. 98] Главным элементом конфликтного столкновения является восприятие не только происходящей ситуации, но и восприятие самих участников конфликта друг друга [3, с. 99]. Личное представление о конфликте и средствах его разрешения оказывает значительное влияние на взаимодействие подростков.

Вопрос касательно возникновения причин и факторов, обуславливающих появление конфликтных ситуаций, является значимым аспектом в исследовании конфликтов. Однако,

выбор последовательных действий участников инцидента имеет решающее значение в его разрешении. А тот или иной стиль поведения определяется не только социальным контекстом, но и индивидуальными особенностями личности участника конфликта. [5, с. 387]

Согласно исследованиям американского психолога К. Томаса в конфликтной ситуации можно использоваться 5 стилей поведения. Применение каждого из них определяется в силу интересов и желания каждой из сторон достичь своей цели [2, с. 112].

Значительная часть подростков, предпочитающих стратегию соперничества, проявляют высокую активность в стремлении защитить свои принципы и игнорировать интересы других участников. Им свойственно повышенное выражение эмоциональности и агрессивности при коммуникации. Данная стратегия предполагает уважительное отношение подростка к себе, собственным взглядам и планам, а также самодовольство при оценке собственных действий. Для юношей и девушек, выбирающих данный способ поведения не свойственно искать пути для конструктивного решения ситуации и осознать причины, вызывающие противоречия.

Школьники, выбирающие способ поведения сотрудничество, в большей мере общительны и доброжелательны в отношениях, импульсивное поведение выражается редко. Они всегда готовы к взаимодействию для устранения конфликтной ситуации. Стараясь осуществить сотрудничество, подросткам свойственно предъявлять высокие требования как к себе, так и к другим участникам.

Ребята подросткового возраста, предпочитающие способ взаимодействия компромисс, в ситуациях конфликта проявляют готовность брать инициативу общения на себя, они нацелены на совместную деятельность, в которой главным стремлением является – удовлетворить интересы всех сторон. Зачастую при таком способе поведения школьники чувствуют себя очень напряженно, что мешает им верно делать прогноз событий, а неудачи приносят отрицательное влияние на самооценку личности.

Юноши и девушки, использующие стратегию избегание, в целях скорейшего устранения конфликта, отказываются от осуществления своих мотивов и личных интересов, принимают безынициативность в принятии решений. Страх быть непонятым и не услышанным вызывает у школьников данного возраста сомнения в понимании себя, происходит занижение своих возможностей, вследствие чего они уходят от принятия ответственности за решения.

Ребята, демонстрирующие стратегию приспособления, отличаются заниженной самооценкой, они уверены, что окружающие будут воспринимать их несерьезно, даже негативно, и в первую очередь будут делать акцент на недостатках. Выбирая такой способ поведения, школьники предпочитают действовать совместно с кем-то, не пытаясь отстаивать собственные взгляды на вещи, а причины конфликта, в первую очередь, ищут в себе и в своем поведении.

Таким образом, конфликт в подростковой среде является неотъемлемой частью взаимодействия и умения отстаивать и защищать свои взгляды, мнения. Главная проблема заключается в том, что подростки, в силу своих личностных особенностей, которые претерпевают изменения в связи с гормональной перестройкой, не имеют верного представления о способах разрешения конфликтной ситуации. Конфликт, как форма социального взаимодействия имеет большую значимость для развития общества и социальных групп, поэтому успешность его разрешения создает условия для дальнейшего роста личности.

Важно учитывать личностные особенности подросткового возраста и выявлять причины, по которым ребёнок становится конфликтным. В случае если ребята подросткового возраста не владеют позитивными формами поведения в конфликте, он может принимать деструктивный, разрушительный характер. Это опасно тем, что такой конфликт способен стать

источником развития подростковых невротических состояний, повышения тревожности и обострения отношений подростка с окружающими.

Список литературы

1. Авдулова, Т. П. Психология подросткового возраста : учебно-методическое пособие / Т. П. Авдулова. Москва : Издательство Юрайт, 2019. 394 с. URL: <https://urait.ru/bcode/432935> (дата обращения: 01.06.2022).
2. Охременко, И. В. Конфликтология : учебное пособие для вузов / И. В. Охременко. 2-е изд., перераб. и доп. Москва : Издательство Юрайт, 2022. 154 с. URL: <https://urait.ru/bcode/492907> (дата обращения: 17.11.2022).
3. Саврасова, С. В. Средства успешного разрешения межличностных конфликтов в подростковом возрасте // Вестник науки и образования. 2020. № 25. С. 98–101.
4. Толстых, Н. Н. Психология подросткового возраста : учебное пособие / Н. Н. Толстых, А. М. Прихожан. М. : Издательство Юрайт, 2022. 406 с. URL: <https://urait.ru/bcode/489243> (дата обращения: 17.11.2022).
5. Чикова, И. В. Психологические особенности конфликтности современных подростков // АНИ: педагогика и психология. 2019. № 4. С. 386–389.

Научное издание

**СОЦИАЛЬНЫЕ И ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ
В СОВРЕМЕННОМ ТРАНЗИТИВНОМ ОБЩЕСТВЕ:
ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ПРАКТИЧЕСКИЕ
ИССЛЕДОВАНИЯ**

Сборник научных статей по материалам Всероссийской
научно-практической конференции, посвященной 30-летию
образования факультета государственного
и муниципального управления в системе РАНХиГС

24 ноября 2022 г.

Электронное издание

Процессор Intel® или AMD с частотой не менее 1.5 ГГц
Операционная система семейства Microsoft Windows или macOS
Оперативная память 2 Гб оперативной памяти
Пространство на жестком диске 94,8 Мбайт

Дополнительные программные средства: Программа для просмотра PDF
Издательско-полиграфический центр ВИУ РАНХиГС
г. Волгоград, ул. Герцена, 10